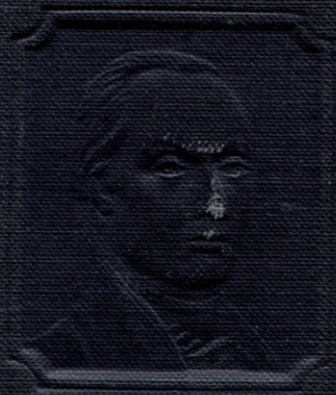

А.Н. РАДИЩЕВ

ИЗБРАННЫЕ
ФИЛОСОФСКИЕ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АН РАДИЩЕВ

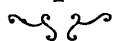
ИЗБРАННЫЕ
ФИЛОСОФСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К СТОПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
РАДИЩЕВА
(1802 — 1952)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Н. РАДИЩЕВ

ИЗБРАННЫЕ
ФИЛОСОФСКИЕ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Под общей редакцией
и со вступительной статьей
И. Я. ЩИПАНОВА*

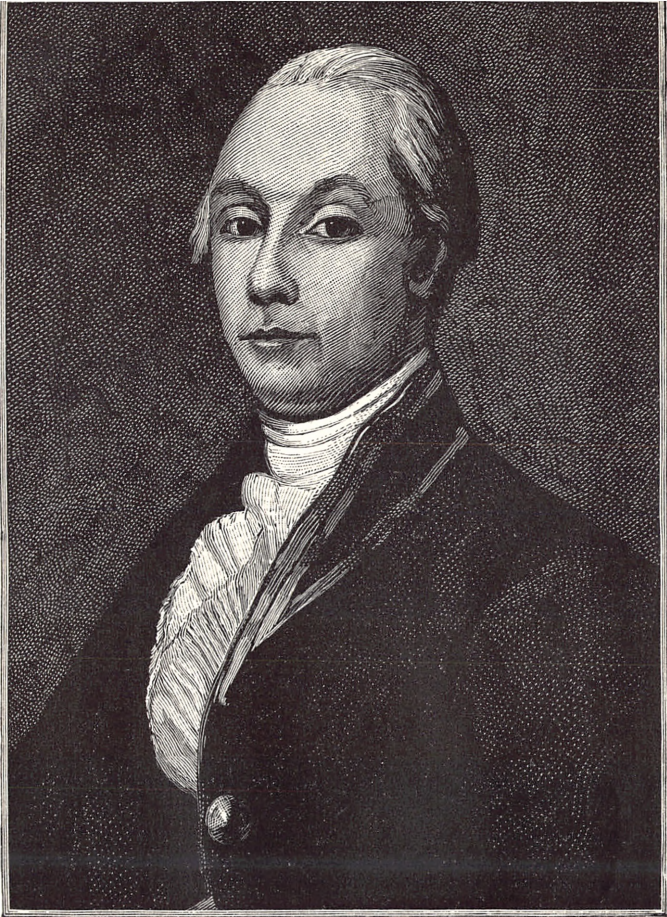
1 9 5 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Archd.
1792

А. Н. РАДИЩЕВ

(1749—1802)

В истории развития передовой русской общественной мысли второй половины XVIII в. Александру Николаевичу Радищеву принадлежит самое выдающееся место. Его ода «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву» были первыми революционными произведениями, направленными против царизма и крепостного права в России. В этих, а также и в других трудах Радищев выступил как пионер русской революционной мысли XVIII в., как страстный обличитель ненавистных ему крепостнических порядков, как решительный противник царской власти, сановничества, сословности, дворянства, аристократии. Его политическим идеалом была демократическая республика. Воспевая вольность, он объявил ее бесценнейшим даром, источником всех великих деяний человечества.

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О! вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя восмел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мыши твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смянутся
От гласа твоего цари*.

---

* Настоящее издание, стр. 476.

Хотя Радищев вышел из дворянской, помещичьей среды, но, став на сторону угнетенного крестьянства, он сумел ярко выразить интересы крепостных крестьян и противопоставить их классовым интересам помещиков-крепостников. В своих трудах он показал непримиримый характер противоречий между угнетенным народом и господствующим классом дворян-крепостников. Радищевым был поставлен вопрос о революционном уничтожении крепостного права. Вся революционная деятельность Радищева была направлена к уничтожению феодально-крепостнического базиса и его надстройки, его политических, правовых, философских, этических теорий и соответствующих им учреждений.

В вопросах философии Радищев является продолжателем славных материалистических традиций Ломоносова. Но в отличие от материализма Ломоносова материализм Радищева сливался с революционными идеями. Радищев критиковал оды, в которых Ломоносов прославлял царицу Елизавету. Материализм Радищева являлся теоретическим обоснованием революционной антикрепостнической программы. Крупнейшей исторической заслугой Радищева было то, что он явился родоначальником революционной антикрепостнической, антиабсолютистской идеологии, идейным предшественником декабристов и русских революционных демократов.

Товарищ Сталин, критикуя Демьяна Бедного за неверное освещение им прошлого России, традиций русского народа, в письме от 12 декабря 1930 г. указывает:

«Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, *русскому* рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство

революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса» *.

А. Н. Радищев был первым в плеяде героических русских революционных деятелей; с его именем связано начало революционного освободительного движения в России.

А. Н. Радищев родился 31 августа 1749 г. в дворянской семье, воспитывался в Пажеском корпусе. В 1766 г. с группой других молодых людей Радищев был послан за границу для изучения юридических наук. Вернувшись из-за границы в 1771 г., Радищев поступил на службу в сенат, а затем перешел в штаб петербургского главнокомандующего, откуда, получив чин секунд-майора, вышел в отставку. С 1775 по 1777 г. Радищев живет в своем имении и в Москве, а в 1777 г. поступает на службу в Коммерц-коллегию. В это время Радищев приобщается к литературной деятельности, участвует в сатирических журналах Новикова, в «Беседующем гражданине», издававшемся «Обществом друзей словесных наук». Радищев перевел на русский язык работу французского социалиста-утописта Мабли «Размышления о греческой истории», снабдив ее своими примечаниями, в которых решительно осуждал самодержавие как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние»; в вопросах государственного устройства он горячо высказывался за народовластие. Революционные идеи, высказанные впервые в России Радищевым в примечаниях к книге Мабли, в дальнейшем получили полное развитие в его гениальных антиабсолютистских и антикрепостнических произведениях: в оде «Вольность», в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в других.

Жизнь и деятельность Радищева протекали в период усиления дворянской империи и крепостного гнета, в период мощных крестьянских восстаний в России и революционных событий в Америке и Франции.

Народ находился под ярмом туенядцев-крепостников, одновременно подвергаясь эксплуатации со стороны купечества, духовенства и многочисленного «крапивного семени», т. е. чиновничества.

Во второй половине XVIII в. в России главной экономической основой эксплуатации многомиллионного

* И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 24—25.

крестьянства являлась крупная феодальная земельная собственность, но под покровительством правительства растет число мануфактурных предприятий; количество мануфактур с применением наемного труда из года в год увеличивается; растет внутренняя и внешняя торговля, помещичьи хозяйства все сильнее повлекаются в товарно-денежные отношения, в недрах крепостного хозяйства начинают все больше развиваться элементы капиталистического уклада. Все это приводило к усилению эксплуатации народа и прежде всего крепостных крестьян и «рабочих людей». «Крепостническая организация общественного труда, — писал Ленин, — держалась на дисциплине палки, при крайней темпоте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков» *.

Но угнетенный народ не оставался безропотным и спокойным. Он не мирился со своим тяжелым положением, он пытался изменить его в лучшую для себя сторону, пытался покончить с ненавистным ему крепостническим игом. В связи с этим в разных концах страны происходили крестьянские волнения, волнения «рабочих людей», направленные против крепостного права.

Если уже в 60-х годах происходили крупные крестьянские восстания в Белоруссии и Правобережной Украине (под руководством Максима Железняка и Ивана Гонты), в центральных областях России — в Московской, Курской, Новгородской, Тверской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, то 70-е годы (1773—1775) ознаменовались в России самым мощным восстанием XVIII в., восстанием народов Урала и Поволжья под руководством Емельяна Пугачева.

Но революционное крестьянское движение имело свои слабые стороны. Товарищ Сталин указывал:

«Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими «разбойными» и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 387.

Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг*. Тем не менее крестьянские восстания не были бесплодными и ненужными; в истории России они оставили неизгладимые следы: они подрывали крепостнические устои, активизировали силы народа на борьбу с крепостным правом; народ хранит о них благодарную память; они плодотворно воздействовали на формирование мировоззрения передовых людей и прежде всего мировоззрения А. Н. Радищева, что и отразилось во всем его творчестве. Радищев написал оду «Вольность» (1781—1783), в 80-х годах он приступил к работе над своим основным произведением — «Путешествие из Петербурга в Москву», которое было закончено в 1790 г. Оба эти произведения с их ярко выраженным антикрепостническим революционным характером представляют собой отклик мыслителя и борца на крестьянские волнения в стране.

Радищев горячо приветствовал и революционное движение в Америке и начавшуюся в 1789 г. революцию во Франции, хотя в оценке отдельных деятелей французской буржуазной революции, в частности в оценке Робеспьера («Песнь историческая»), он допускал не всегда правильные суждения.

Произведения Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», ода «Вольность» и выпущенные перед этим «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего» (1782), «Житие Федора Васильевича Упакова» (1789) и «Беседа о том, что есть сын Отечества» (1789) вызвали бешеную ярость Екатерины II, ее вельмож, масонов, крепостников вообще, которые и слышать не хотели об облегчении участи крепостных и тем более об их освобождении от крепостного права. Екатерина II объявила, что Радищев «бунтовщик хуже Пугачева...» ** За то, что он осмелился выступить против самодержавия и крепостного права, масоны требовали для него самого тяжелого наказания.

В 1790 г. Радищев был арестован и приговорен судом и сенатом к смертной казни, которая была заменена

---

* И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

** «Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793», Спб. 1874, стр. 340.

ссылкой на 10 лет в Илимск. Но и Сибирь не сломила Радищева. И там он, верный своим революционным идеям, продолжает заниматься научной деятельностью. В Илимске им были написаны «Письмо о Китайском торге» (1792), «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» (1791—1796), философский труд «О человеке, о его смертности и Бессмертии» (1792—1796), «Описание Тобольского наместничества» и др.

В этих произведениях Радищев продолжает выступать как обличитель феодально-крепостнических порядков, как борец против реакционной идеологии крепостников, против кушцов и церковников, в защиту угнетенного народа. Экономические, философские и исторические идеи, развитые Радищевым в период илимской ссылки, снова и снова показывают его как человека непреклонной воли, для которого счастье народа и его благоденствие, судьбы Родины превыше всего.

После смерти Екатерины II Радищеву было разрешено жить в своей деревне под Москвой.

В этот период им была написана работа «Описание моего владения», в которой он пытался обосновать экономическую невыгодность крепостного права и необходимость его уничтожения. Говоря о крепостных и их труде, Радищев с горечью восклицал: «Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминание! иву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увь!»* В этой же работе Радищев ставил вопрос об улучшении агротехнических мероприятий, о поднятии производительности сельского хозяйства. Работа осталась незаконченной.

При Александре I Радищеву разрешено было жить в столице. Здесь он был привлечен в комиссию графа П. Завадовского по составлению Свода законов. Радищев горел неугасимым желанием служить Родине, облегчить тяжелую участь народа.

Он составил записку «О законоположении», «Проект гражданского уложения» и другие проекты, в которых опять развивал свою заветную идею об уничтожении крепостного права, требовал запрета продажи крестьян в рекруты, отмены телесных наказаний и пыток, введения

---

* Настоящее издание, стр. 422.

суда присяжных, публичного судопроизводства, свободы слова и печати, уничтожения табели о рангах. Все эти требования были встречены в штыки реакционерами из комиссии и прежде всего графом Завадовским, который пригрозил Радищеву новой ссылкой в Сибирь.

Доведенный царизмом и его сатрапами до отчаяния, Радищев в ночь с 23 на 24 сентября 1802 г. покончил с собой.

Вся общественная деятельность Радищева была проникнута революционным пафосом, единым стремлением освободить народ от оков царизма и крепостного права, создать демократические общественные порядки в стране, демократизировать воспитание и просвещение, науки и искусства. Чем бы Радищев ни занимался, он везде преследовал одну цель — благо своего народа, развитие и приумножение материальных и духовных сил своей отчизны, которую он горячо и беззаветно любил, которой отдал свои знания, свою энергию и жизнь.

* *
*

А. Н. Радищев в своих трудах защищал интересы крепостного крестьянства, он выступил как революционер и демократ, как страстный изобличитель крепостного права и произвола царей. Он прямо высказался за уничтожение того и другого. Поэтому его социально-политические воззрения явились высшим достижением как русской, так и мировой культуры того периода.

Чтобы определить ту выдающуюся роль, которую сыграл Радищев в развитии общественной мысли в России, надо исходить из известного положения В. И. Ленина, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» *.

Вздорной и антинаучной является попытка буржуазных и некоторых советских историков представить Радищева в роли какого-то жалкого компилятора и эклектика, в роли разносчика чужих идей.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 166.

Глубоко оригинальный мыслитель, Радищев был всесторонне образованным человеком, он был знаком со всеми важнейшими достижениями общественно-политической и научной мысли своего времени.

Первой крупнейшей заслугой Радищева является то, что он положил в России начало новому, революционному направлению в развитии общественной мысли. Радищев является мыслителем, публицистом-обличителем, впервые в истории России обосновавшим антиабсолютистскую, антикрепостническую революционную идеологию и противопоставившим ее реакционной идеологии крепостничества и самодержавия.

Поэтому было бы неправильно отождествлять общественно-политические воззрения Радищева с воззрениями Ломоносова, Козельского, Десницкого, Новикова, Фонвизина и других прогрессивных русских просветителей и мыслителей XVIII в.: общественно-политические теории Радищева были ярко выраженным революционным эталом в сравнении со всем предшествующим развитием общественной мысли в России.

Давая высокую оценку научным работам и открытиям Ломоносова, Радищев упрекает его за славословие самодержавию. «Не завидую тебе,— обращался Радищев к Ломоносову,— что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, по ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете» *.

Высоко цenia Петра I, он критикует его за то, что тот не помышлял об уничтожении крепостного права в России.

Следует отметить, что и до Радищева передовые русские просветители и общественные деятели второй половины XVIII столетия Новиков, Фонвизин, Полевнов, Десницкий, Коробьин, Козельский, Крылов, Батуриин и др. выступали с резкой критикой отдельных сторон крепостного права, они бичевали зверское обращение помещиков с крепостными, осуждали торговлю «крепостной собственностью», но никто из них не поставил вопроса о немедленном, а тем более через крестьянскую революцию, уничтожении крепостного права и самодер-

---

* Настоящее издание, стр. 210.

жавия в России. Эти просветители стояли за ограничение крепостного права, за искоренение зверского произвола помещиков по отношению к крепостным, они были сторонниками просвещенного абсолютизма.

Вопрос о крепостном праве сильно и глубоко волновал умы передовых русских мыслителей и общественных деятелей второй половины XVIII в., потому что феодально-крепостническая система, разлагаясь, сковывала развитие материальных и духовных сил страны.

«...В ту пору, — указывал Ленин, — когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов (XIX в. — *И. Щ.*), все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»*.

Эти указания Ленина имеют неоценимое значение при анализе общественно-политических и философских воззрений передовых русских мыслителей XVIII в., декабристов и революционных демократов XIX в. Среди выдающихся мыслителей, обличителей крепостного права и царизма, поставивших вопрос об их уничтожении революционным путем, Радищев является пионером.

Когда мы говорим об оригинальности идей Радищева и глубоком историческом понимании им общественной жизни, не следует забывать, что в то время крепостное право господствовало в большинстве стран Европы: в Пруссии и других германских княжествах, в Венгрии, Дании, Румынии и других странах; остатки крепостного порядка наблюдались и во Франции вплоть до французской революции. Что же касается США, то там процветало в самых диких формах рабство. Поэтому идея Радищева об уничтожении крепостного права революционным путем была передовой не только для России, но и для всех стран Европы, где еще господствовал феодализм.

В своем труде «Путешествие из Петербурга в Москву» и в оде «Вольность» Радищев в XVIII в. дал не только для России, но и для всего мира яркий образец революционного протеста против крепостного права и абсолютизма и революционное решение этих вопросов. В этих произве-

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

дениях гениально, с революционной смелостью он поднял самые жгучие, самые наболевшие для России вопросы, дальнейшее материальное и духовное развитие которой упиралось в господствовавшие феодально-крепостнические порядки, без уничтожения которых нечего было и думать о развитии могущества России, об улучшении экономического и политического положения трудящихся.

Для Радищева, революционера и патриота, глубокого мыслителя и борца, было ясно, что главное социальное зло России — в крепостнических отношениях, в неограниченной власти крепостников и самодержавия, в господстве религиозной идеологии, призванной держать угнетенный народ в вечном страхе и беспрекословном политическом, экономическом и духовном подчинении царям и помещикам.

Называя крепостников «зверями алчными», «пиявками ненасытными», варварами, недостойными носить имя человеческое, характеризуя крепостное право как «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя», Радищев смело высказывался за разрушение помещичьей власти, за искоренение этого «варварского обыкновения».

«Я взглянул окрест меня, — писал Радищев, — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — вселение неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетствии себе подобных»*. Радищев, критикуя с революционных позиций

---

* Настоящее издание, стр. 51—52.

ненавистный ему крепостнический строй, смело бросал помещикам вызов:

«Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение»*.

Выдвинув положение, что производителем материальных благ являются трудящиеся, а не бездельники и тунеядцы-крепостники, он горячо защищает интересы первых и безоговорочно и смело осуждает вторых.

Радищев отрицает крепостничество и с точки зрения теории так называемого «естественного права» человека на свободную жизнь.

Теория «естественного права» человека и «общественного договора» — идеалистическая, ненаучная теория, так как она предполагала какую-то неизменную «естественную» сущность человека; но эта теория просветителей XVIII в. была в свое время их орудием борьбы против феодальных теорий о божественном происхождении власти государя, государства, феодалов, поэтому представляла известный шаг вперед. Но в зависимости от классовых позиций теоретика «естественное право» получало самое различное толкование.

Например, Гоббс в свое время, оперируя теорией «естественного права», доказывал, что лучшей формой государственного управления является абсолютизм.

Французские просветители XVIII в. — Дидро, Гельвеций, Ламетри, Гольбах, доказывая, что лучшей формой государственной власти является просвещенный абсолютизм, тоже ссылались на эту теорию.

И русские просветители второй половины XVIII в. — Десницкий, Козельский, Третьяков, Батулин, Новиков и др. также ссылались на теорию «естественного права», доказывая необходимость просвещенного абсолютизма и смягчения крепостного права.

Теорию «естественного права» использовали в России и реакционные писатели, например князь Щербатов и др., для обоснования абсолютной монархии в России, сословности строя, усиления власти помещиков, аристократических привилегий и т. п.

---

* Настоящее издание, стр. 58.

Радищев также отдал дань своему времени, но из теории «естественного права» сделал антиабсолютистские, антикрепостнические, демократические выводы, т. е. он влил в эту теорию более прогрессивное содержание и пошел дальше западноевропейских и предшествовавших ему русских просветителей XVIII в.

В «Путешествии из Петербурга в Москву», развивая мысль о свободе, Радищев доказывал, что «человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю... Следственно, тот, кто восхопит его лишить пользы гражданского звания, есть его враг»*.

Таковыми врагами трудящихся являются цари, короли, рабовладельцы, феодалы-крепостники, узурпировавшие власть у народа и угнетающие народ.

Радищев решительно возражал Аристотелю по вопросу о происхождении рабства и его якобы вечности. Точку зрения Аристотеля, утверждавшего, «что сама природа расположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии...»**, Радищев объявляет научно несостоятельной и вредной. По его мнению, рабство определяется не природой человека, не теми или иными физиологическими особенностями, а исключительно общественно-историческими условиями; рабство не вечно, а преходяще.

«Причиною тому (рабства.— *И. Щ.*) или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тяжчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного. Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О, ежели б вы проникли цепь всея природы, сколько вы можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе...»***

---

* Настоящее издание, стр. 101—102.

** Там же, стр. 282.

*** Там же.

А. Н. РАДИЩЕВ

С миниатюры XVIII века

Вскрывая реакционный характер точки зрения Аристотеля о вечности рабства, Радищев наносил удар по реакционерам-крепостникам, которые, ссылаясь на авторитет Аристотеля, в интересах своей классовой корысти пытались доказать неизбежность крепостного строя, где крестьянин низведен по существу до положения раба.

Радищев не исключал возможности освобождения крестьян при добровольном согласии помещиков на это важное мероприятие, но, хорошо зная повадки крепостников, Радищев пришел к твердому революционному выводу, что свободы должно ожидать не от помещиков и царей, а от крестьянского восстания.

Радищев считал, что угнетенные крестьяне имеют право на восстание против помещиков и царя. Он поучал крепостных:

«Прострите на сего общественного злодея ваше челолюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по пивам, на них же совершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения»*.

Освобождение народа от ига царей и других притеснителей Радищев рисует как акт революционный, который совершает сам народ.

Внезапу вихри воспумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителец, как сам есть бог!**

Радищев верил в неизбежность народной революции, верил, что царей и крепостников ожидает тяжкое возмездие. В оде «Вольность» он писал:

---

* Настоящее издание, стр. 148.

** Там же, стр. 483—484.

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя *.

Борясь против гнусного самодержавия, Радищев в оде «Вольность» вкладывает в уста возмущенного народа полные революционного гнева слова, обращенные к царю:

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превыде ало твою главу.
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едишо,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ! **

Екатерина II, прочитав оду «Вольность», пришла в ужас. «Ода,— писала она,— совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозитя плахою. Кромвелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские»***.

Вольность, или свободу, Радищев прославляет как святой и бесценный дар, он считает ее великим источником благородных деяний, неотъемлемым правом человека.

Уверенный в силе народа своей родины, он отвергает мысль о бегстве из России, он хочет, чтобы прах его покоился под сенью величия, которого достигнет народ, завоевав свободу.

---

* Настоящее издание, стр. 480.

** Там же, стр. 482—483.

*** А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II, 1907, стр. 307.

Да юноша, взалкавший славы,
Пришел на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувством вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенные,
Нам вольность первый прорипал» *.

Советский народ, освободивший свою Родину от царей, помещиков и капиталистов, высоко чтит память первого русского революционера А. Н. Радищева. В связи с 200-летием со дня его рождения «Правда» в передовой писала:

«Сегодня советский народ отмечает светлую память русского революционера, писателя и философа Александра Николаевича Радищева. Это один из тех сынов русского народа, имена которых всегда будут с величайшей признательностью и уважением произносить наши современники и потомки. Мы чтим память Радищева потому, что в нем выразилось величие духа нашего народа, выдвигавшего из своей среды борцов за правду, за свободу даже в самые мрачные времена полицейско-помещичьего деспотизма, когда бич помещика являлся олицетворением законности, когда миллионам крепостных крестьян было отказано в элементарных человеческих правах»**.

Несомненно, крупнейшей заслугой Радищева как мыслителя нужно признать то, что, обосновывая республиканско-демократическую форму правления в России, он подверг критике точку зрения Монтескье о «разделении правлений» по образцу древних республик и точку зрения Руссо, считавшего, что будто бы республиканская форма правления может быть осуществлена только в небольших государствах, а в больших должно сохраняться «насилие», т. е. монархическая форма правления. Обе указанные теории Радищев объявил в корне ошибочными, вредными и совершенно несостоятельными.

«Монтескию и Руссо с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»***.

---

* Настоящее издание, стр. 490.

** «Правда» от 31 августа 1949 г.

*** Настоящее издание, стр. 570.

Феодально-крепостнические и абсолютистские порядки в России Радищев мечтал заменить порядками республиканскими, демократическими, где не будет угнетения человека человеком, где будут господствовать «справедливость» и «правосудие», свобода вероисповедания, равноправие граждан и полов, где не будет сословного деления и приниженного состояния женщины, где не будет крупной земельной собственности, крупных банкиров, ростовщиков и купцов.

Основной будущего идеального общества, по мысли Радищева, должна быть мелкая собственность. Идеал Радищева был утопическим, иллюзорным. Радищев не знал, что мелкая частная собственность па орудия и средства производства неминуемо породит крупную частную собственность и эксплуатацию человека человеком, что из тех общественных отношений, за которые он боролся, рано или поздно должны были вырасти буржуазные отношения.

В. И. Ленин писал об идеологах того периода: «Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»*.

Еще в том далеком прошлом гениальный ум Радищева рассмотрел многие отрицательные стороны буржуазного общества. Так, ставя высоко республиканские идеи Франклина, он в то же время отказывался признать США «блаженною странюю, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова...»**

Это обвинение Радищевым современного ему буржуазного мира, Соединенных Штатов Америки не утратило своей свежести и остроты и в наше время.

Как революционер и защитник народных интересов Радищев обрушился на американских, английских и испанских работорговцев за их зверское обращение с неграми, за жестокость, которую проявили американцы к туземному

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

** Настоящее издание, стр. 139.

индейскому населению, на английских колонизаторов—за угнетение ими народов Индии.

«Заклав индейцев единовременно, — говорил Радищев, — злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким железом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся»*.

Как великий революционный гуманист, Радищев был непримиримым противником всякого рода реакционных, расовых теорий, рассадником которых были в его время, как и сейчас, правящие классы США и Англии, противником дискриминации негров в США. Радищев был поборником идеи равенства рас.

У Радищева мы находим элементы исторического подхода к явлениям общественной жизни. Об этом свидетельствуют его рассуждения о великих людях, его взгляд на роль народа в истории, его отношение к крепостному праву и абсолютизму. Эта очень важная и ценная сторона в его мировоззрении лишней раз свидетельствует о самостоятельности и оригинальности Радищева как мыслителя.

Радищев подчеркивал, что появление тех или других исторических личностей обусловлено определенными историческими обстоятельствами.

«История свидетельствует, что обстоятельства бывают случасм на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа»**.

---

* Настоящее издание, стр. 139.

** Там же, стр. 402.

Галилей, Кеплер, Ньютон, Ян Гус, Декарт, Лютер, Ермак, Петр I, Ломоносов — все они, доказывает Радищев, появились не случайно, а порождены историческими обстоятельствами. Радищев отказывается включить в число великих людей Александра Македонского, Чингисхана и им подобных завоевателей и поработителей народов.

В оде «Вольность» и в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев приходит к верному выводу, что народ — не пассивная и инертная масса, а активная созидательная сила, что он не объект, а субъект истории.

В отличие от выдающихся французских просветителей XVIII в., которых Радищев высоко ценил как философов и ученых, возглавивших в деле социальных преобразований все надежды только на великих людей, гениев и просвещенных королей и игнорировавших при этом роль народа в исторических судьбах человечества и даже боявшихся его активного участия в общественной жизни, Радищев свой взор направляет к народу и свои надежды в социальных преобразованиях возлагает главным образом на народ. Отсюда в таких кардинальнейших по тому времени вопросах, как уничтожение крепостного права, взоры Радищева обращены не к помещикам и царям, а к самому угнетенному народу, который восстанет, перебьет своих живодеров и кровопийцев — крепостников, возведет на плаху царя и тем самым освободит себя от их тирании. Радищев доказывал, что «свободы не от их (царей и помещиков. — И. Щ.) советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения»*.

Не пессимизмом, а бодростью и уверенностью звучат его слова, когда он выражает непоколебимое убеждение, что народ сам устроит свою жизнь на разумных и справедливых началах.

«О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей

---

* Настоящее издание, стр. 174.

наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!»*

Радищев убежден, что народу принадлежит активная созидательная роль в истории; на участие народа рассчитана революционная практическая программа преобразования общественной жизни в России.

Но Радищев сам практически не был связан с народом, следовательно, не мог руководить его борьбой.

Заветные мечты Радищева сбылись. После свержения власти царизма, помещиков и капиталистов советский народ, хозяин страны, выдвинул из своей среды многочисленные кадры для политической, государственной, хозяйственной, культурной, общественной жизни социалистического общества.

Как родоначальник революционной идеологии в России Радищев немаловажное место в развитии общества отводил труду. Он рассматривал труд как основной источник богатства, как главное условие общественного бытия, он клеймил бездельников и тунеядцев, бар-крепостников и царей, бесшабашно расточавших народный труд и достойные на удовлетворение своих аристократических прихотей и забав.

Ратуя за труд и изобличая тунеядство, лень и праздность, Радищев считал, что труд должен быть посильным, а не изнурительным, чтобы тот, кто трудится, имел возможность и время на отдых.

Хотя Радищев во взглядах на общество оставался идеалистом, но следует отметить, что в отличие от большинства мыслителей XVIII в. он большое место в развитии общества отводил «необходимой пужде». Если бы люди, говорил он, не стремились к удовлетворению нужды, не изыскивали средств к пропитанию, то не могло бы существовать и само общество. В работе «Опыт о законодательстве» Радищев писал:

«Человек, просясь на свет, есть равен во всем другому: немощен, наг, алчущ, жаждающ, — первое, откуда его стремление или естественная есть обязанность искать своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недо-

---

* Настоящее издание, стр. 191.

статков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде. Если забудем его на мгновение, то разрушение наше есть неизбежно. Се основание закона естественного»*.

Борьбу против крепостного права Радищев сочетал с борьбой и против помещичье-крепостнической морали. Заслуга Радищева в данном вопросе заключается в том, говорил М. И. Калинин, что он дал «первые ростки революционной морали...»** Он решительно отрицал мораль крепостников, как реакционную и непригодную для общественной жизни. Им были высказаны глубокие мысли о воспитании молодых поколений, о сочетании образования с навыками к физическому труду, о скромности, физической и духовной закалке, о взаимоотношении между родителями и детьми, о личном примере во всяком благородном деле, о служении народу, о служении Родине как первейших и важнейших обязанностях каждого честного человека и гражданина. Как революционер и патриот своей Родины он воспитывал в молодежи чувства неугаваемой ненависти к самодержавию и крепостному строю со всеми их гнусными и пошлыми порождениями.

«Мысли Радищева о воспитании, — говорил М. И. Калинин, — и по сей день могут считаться прогрессивными»***.

В работе «Что есть сын Отечества» Радищев дал всестороннее теоретическое обоснование патриотизму. Он считал, что патриотом является только тот, кто служит на благо народа, кто повседневно заботится о процветании Родины, кто ведет неустанную борьбу с ее угнетателями. Из числа патриотов он исключал крепостников, казнокрадов, взяточников и т. п. Защищая угнетенный народ, он воспевал его благородные черты, его героическое прошлое, его великое будущее. В «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» он писал о русском народе:

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский»****.

* Настоящее издание, стр. 553.

** М. И. Калинин, О моральном облике нашего народа, Госполитиздат, 1947, стр. 6.

*** Там же, стр. 7.

**** А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, 1941, стр. 146—147.

Как общественный деятель и мыслитель Радищев по праву считается родоначальником нового периода в истории развития русской общественной мысли, зачинателем революционной, антикрепостнической идеологии, сыгравшим выдающуюся роль в освободительном движении XVIII в. в нашей стране, оказавшим большое влияние на последующее развитие общественной мысли в России.

* *
*

А. Н. Радищев — выдающийся мыслитель-материалист XVIII в. Его материалистическая философия опиралась на достижения научной мысли того времени. Он знал новейшие открытия и теории XVIII в. в области механики, химии, минералогии, анатомии, физиологии, психологии, философии, педагогики, политической экономии, агрономии. Философская система Радищева опиралась на достижения современного ему естествознания, на научные открытия Ломоносова, на материализм XVII—XVIII вв. Как философ он, несомненно, является продолжателем материалистической традиции Ломоносова, о чем наглядно свидетельствуют как его прямые оценки научного творчества Ломоносова, так и непосредственное использование им научных открытий Ломоносова при построении материалистической системы. Как свидетельствует литературное наследие Радищева, он и сам много занимался вопросами естествознания, в особенности вопросами химии, почвоведения, агрономии, медицины.

Радищев был мыслителем-материалистом, но материализм Радищева носил в основе своей метафизический характер, что обуславливалось эпохой, уровнем науки XVIII в.

Проблемами философии Радищев начал интересоваться рано, с годами этот интерес не ослабевал, а увеличивался и завершился работами «Житие Федора Васильевича Ушакова», «О человеке, о его смертности и бессмертии».

Заслугой Радищева было четкое разграничение двух противоположных и борющихся между собою направлений в философии — материализма и идеализма.

По своему общему содержанию и аргументации философия Радищева была направлена против официальной,

феодално-церковной идеологии, против мистико-каббалистических «бредомыслований» масонов, против их идеалистических учений о природе, происхождении человека и его сознании, против распространения в обществе всякого рода суеверий и предрассудков; он ратовал за научное познание природы и ее явлений. Материализм Радищева являлся теоретическим обоснованием революционной, антикрепостнической борьбы в России.

Радищев горячо пропагандировал новейшие достижения в области естествознания, а это есть одна из форм пропаганды материалистической философии, ибо материализм немислим в отрыве от естествознания. Давая положительную оценку научным трудам Палласа, Лепехина и других естествоиспытателей, основоположником материалистического естествознания в России Радищев считал великого русского ученого Ломоносова. В «Путешествии из Петербурга в Москву» он отвел ему специальную главу, «Слово о Ломоносове», в которой в сжатой форме излагает основы его естественно-научных воззрений. В частности он высоко оценивает его эволюционную теорию, учение о происхождении слоев земных, его атомно-молекулярную теорию строения материи, работы по химии, физике, металлургии, минералогии, работы по логике, математике, теории русской словесности.

Излагая учение Ломоносова о слоях земных, Радищев писал: «Желал бы я последовать ему (Ломоносову. — *И. Щ.*) в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем порядком, какими они в разуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первый слой земли, источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других паче всего своею плодородною силою. Заключал, может быть, из того, что поверхность сия земная не из чего иного составлена, как из тления животных и прозябений, что плодородие ее, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не переменяя своего существа, переменяют вид только свой, из сложения случайного рождающийся. Проходя далее, подземный путешественник зрел землю, всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда

остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и заключать мог, что слонистое расположение земли начало свое имеет в наплавном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сне единовидное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смешение многих разнородных слоев. Заключал из того, что свирепая стихия огонь, проникнув в недра земные и встретив противоборствующую себе влагу, ярьась, мутила, трясла, валгла и метала все, что ей упорствовать тцилося своим противодействием. Смутьн и смешав разнородные, знойным своим дохновением возбудила в первобытностях металлов силу притяжательную и их соединила»*.

Включение в «Путешествие из Петербурга в Москву» в качестве заключительной главы «Слова о Ломоносове» знаменательно. Радищев этим подчеркивает, что если русский народ даже в крайне неблагоприятных для него условиях крепостного права выдвинул из своей среды такого корифея научной мысли, как Ломоносов, то в других условиях, когда будет уничтожено угнетение человека человеком, творческие и созидательные силы русского народа пышно расцветут во всех сферах общественной и духовной деятельности. В главе иногда встречаются и ошибочные суждения о Ломоносове, что следует объяснить известной данью своей эпохе; но общая оценка научного творчества Ломоносова дается высокая.

«Не столц, — писал Радищев о Ломоносове, — воздвигнутый над глением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия... доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь... Нет, не хладный камень сей повествует, что ты жил на славу имени российского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, жптие твое да скажет, почто ты славен»**.

Горячий поборник научного естествознания и научного истолкования явлений природы, зарождения и развития человека, человеческой психики, Радищев наталкивался

---

* Настоящее издание, стр. 206—207.

** Там же, стр. 202.

на препятствия, чинимые официальной феодально-церковной идеологией и религиозно-идеалистической философией. Он решительно осуждал мистику и каббалистику масонства, о чем наглядно свидетельствует глава «Подберезье» в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Ядовито высмеивая Сен-Мартена, Шведенборга, русских розенкрейцеров, «тайнства» и ритуалы, Радищев больше видит смысла в беззаботности семинариста, чем в масонском идейном гробопопательстве, когда, «зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цифры или египетские иероглифы», тщатся отделить дух от тела и рыскают в пространных полях бредоумствований, подобно древним и новым духовным витязям*. Обращаясь к друзьям, он увещевает их не вступать на гибельный для разума и науки путь масонства. «Разверни новейшие (масонские. — *И. III.*) таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл, когда задачу любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ**». В противовес масонам, пытавшимся разум подчинить религии, Радищев ставил перед учеными и писателями благородную задачу — показать историческое развитие человека и человеческого познания.

«Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезный бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет, ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель***».

---

* См. настоящее издание, стр. 84.

** Там же, стр. 85.

*** Там же.

Находясь в Петропавловской крепости, в руках известного по тому времени изверга Шешковского, Радищев на одном из допросов отвечал, что «мартинистом (масоном. — *И. Щ.*) не только пикогда не был, но и мнение их оуждает, что де и в самой книжке сей значится...»* (он имел в виду главу «Подберезье» в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой устами семинариста высмеивал масонство).

Цена Вольтера и других писателей, выступавших в свое время против суеверий, Радищев бичует папство как рассадник суеверий и ханжества; борется против схоластики в преподавании, против схоластического толкования Аристотеля в семинариях; он советует судьям вместо святцев почаще заглядывать в прогрессивные политические сочинения.

Большим достижением Радищева было то, что, выступая в защиту народа, он сумел понять истинную роль церкви как верной соратницы царизма в борьбе против народа, в стремлении духовно закабалить народ, держать его в духовном рабстве.

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое поля стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут **.

Он рассматривал церковников и богословов как помеху для развития человеческого разума, от них страдали передовые писатели, материалисты и атеисты. Своей острой критикой царей, богословов, монахов и прочих мракобесов и тунеядцев Радищев оказал сильное влияние на развитие передовой общественной мысли в России.

* *
*

Основной философский труд Радищева — трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии» — состоит из четырех глав.

---

* *А. Н. Радищев*, Полное собрание сочинений, т. II, 1907, стр. 310.

** Настоящее издание, стр. 479.

В первой книге этого трактата Радищев дает картину развития человека из зародыша. Радищев пишет: «...деяние пророждения, то-есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от пронизательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности и не токмо могли видеть, как постепенно животное растет по зачатию своему, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые, послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, который в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододояния; но для развержения, дляращения бесильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яйцо есть сие семя, и до плододояния содержит в себе те же, существенности его составляющие, части — белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единую степенью на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратню нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности и следствием, может быть, оной способности — чувствования, — то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно зерно, или семя, как для произведения малейшей травы, на дерне стелющейся, или по голом камени растущего мха...

Семя мужское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь»*.

Радищев отвергает реакционную, идеалистическую точку зрения преформизма Галлера и Бонне и высказывается за теорию эпигенеза. Он прослеживает процесс постепенного развития зародыша, определяет место человека в природе, его взаимоотношение с растительным и

---

* Настоящее издание, стр. 291—292.

животным царством. Подробно останавливается на интеллектуальных задатках и способностях человека, на источнике возникновения и развития познания из ощущений.

Заслугой Радищева как мыслителя-материалиста и ученого является то, что с присущей ему страстностью он боролся против идеализма в науке. Он подверг критике реакционно-идеалистическую теорию витализма. Опровергая витализм в биологии, Радищев писал: «Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществу, есть совсем излишнее и ненужное. Давать телу человеческому душу, существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишнее, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душою, то-есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные»*.

Радищев выступил против идеалистической теории преформизма, согласно которой в половой клетке будто бы имеются уже вполне готовые микроскопические организмы, со всеми присущими им органами и все развитие состоит якобы лишь в простом их увеличении. Радищев доказывал, что «все таковые системы суть плод стихотворческого более воображения, нежели остроумного размышления»**.

Изображая «лестницу развития» живых существ, Радищев включил в нее только реальных представителей живой природы, вопреки Бонне, который, как известно, пополнил ее и вымыслами религиозной фантазии: ангелами, архангелами и т. п.

Борясь против мистиков, схоластов и богословов, против гонителей науки и хулителей материалистической философии, Радищев высоко ценил выдающихся ученых России, Западной Европы и Америки, внимательно следил за развитием естествознания и философии.

Радищев дал высокие оценки выдающимся французским просветителям XVIII в., но он далек был от слепого подражания зарубежным мыслителям. Радищев был самостоятельным и смелым мыслителем, обогатившим политическую, философскую и социологическую теории.

* Настоящее издание, стр. 351.

** Там же, стр. 415.

Во второй книге своего философского трактата Радищев разбирает свойства, качества и движение материи, вопрос о времени и пространстве, о смертности человека и его души, отстаивая единство тела и души, первичность материи и вторичность сознания.

Первая и вторая книги философского трактата в той их части, где говорится о развитии человека из зародыша, об изменениях, совершающихся постоянно в природе, имеют некоторые элементы диалектики, характеризуют Радищева как сторонника эволюционной теории XVIII в., хотя в целом материализм Радищева остается метафизическим.

В третьей и четвертой книгах Радищев разбирает вопрос о возможности бессмертия души и, разобрав известные по этому вопросу доводы сторонников бессмертия души, в итоге приходит к выводу, что бессмертие души научно недоказуемо и может быть воспринято только на веру. Для него было совершенно бесспорно, что духовная жизнь человека — материального происхождения, а не божественного происхождения, что «душа, или то, что мысленным существом называем, есть свойство искусно сложенного тела, подобно как здравие или жизнь суть свойства тел органических»*.

Возражая идеалистам, Радищев доказывал, что «мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность»**.

Радищев высоко ставит научные достижения XVII—XVIII вв. в области естествознания и подчеркивает роль науки в развитии общества, в воспитании молодых поколений.

Отправным началом для Радищева в философии и естествознании являются природа и ее явления, человек и его деятельность. Все окружающие нас в природе неорганические и органические предметы и явления, в том числе и человек, — материального происхождения. «Устремляй мысль свою; воспаряй воображение, — с воодушевлением обращается к читателю Радищев; — ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков,

---

* Настоящее издание, стр. 370.

** Там же, стр. 351.

телесность явится пред тобою всецела, ибо ты — она, все прочее — догадка»*.

В своем философском трактате Радищев говорит о материальности мира.

Он доказывает, что в окружающем нас мире, кроме «телесности», все прочее только догадка, а не реальный факт.

Радищев сделал попытку дать теоретическое понятие материи, хотя по вполне понятным причинам с этой задачей он не мог справиться. Он писал, что окружающие нас в природе вещи «называют тела, а общее, или отвлеченное, о них понятие назвали вещество, материя»**.

Природа, по убеждениям Радищева, развивается по своим собственным закономерностям. Радищев считал, что «бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе»***.

Опираясь на научные открытия Ломоносова, Радищев горячо отстаивал его теорию строения материи и происхождения слов земных (см. главу «Слово о Ломоносове» в работе «Путешествие из Петербурга в Москву»), его принцип сохранения вещества и движения в природе, которому придавал особенно большое значение и вслед за Ломоносовым считал основополагающим в философии.

Вслед за Ломоносовым Радищев утверждал: «природа ...ничего не уничтожает, и небытие или уничтожение, есть напрасное слово и мысль пустая»****.

Вслед за Ломоносовым он также утверждает, что «никакая сила (т. е. движение. — *И. Щ.*) в природе не может пропасть, исчезнуть»*****, что «после бытия небытие существовать не может, и природа равно сама по себе не может ни дать бытия, ни в небытие обратить вещь, или ее уничтожить»*****.

Эти материалистические положения горячо отстаивал Радищев в то время, когда масоны, мистифицируя числа, предвещали «исчезновение» материального мира.

---

* Настоящее издание, стр. 294.

** Там же, стр. 332.

*** Там же, стр. 315.

**** Там же, стр. 368.

***** Там же, стр. 381.

***** Там же, стр. 368.

Крупнейшей заслугой Радищева были его воззрения на время и пространство, ибо именно тогда в Германии Кант выступил с субъективно-идеалистической теорией времени и пространства, отрицая их объективный характер и сводя их к идеалистическим априорным формам человеческого разума. В противовес субъективно-идеалистическому учению Канта Радищев отстаивает материалистическую точку зрения, признает за временем и пространством объективный характер существования. Время и пространство, доказывает он, не есть вещество, но «от бытия оно», т. е. отвлечения от материи, бытия; они формы самого бытия.

Радищев отстаивал то положение, что пространство, время и вещество, или бытие, — неразрывны, что они всегда находятся в единстве и их нельзя представить себе в отрыве и изолированно друг от друга.

«...Общее всех представлений есть *пространство*, общее всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то, что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль; *второе*, что ему нужно, есть *время*, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или *единовременны*, или в *последовании* одна за другою; *третье*, что ему нужно, есть *пространство*, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве...»*

Радищев считал, что время, являющееся формой бытия материи, как и сама материя, не имеет ни начала ни конца, что оно беспредельно и течет непрерывно, что оно не подчиняется субъективной воле людей и не может быть по произволу замедлено, остановлено или ускорено. Время невозвратно.

Для него, как материалиста, время и пространство неотделимы от материи. Радищев несогласен с точкой зрения Ньютона, допускавшего пустое пространство.

Свои философские рассуждения о времени Радищев облекает в художественно-поэтическую форму; в стихотворении «Осмнадцатое столетие» он пишет:

---

* Настоящее издание, стр. 337.

Урна времен часы изливает, каплям подобно:

Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли,
И на дальнейшем берегу изливают пенные волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след *.

В «Оде к другу моему», касаясь времени, Радищев заявляет:

Летит, мой друг, крылатый век,
В бездонну вечность всё валится,
Уж день сей, час и миг протек,
И вспять ничто не возвратится
Никогда **.

Все эти рассуждения свидетельствуют, что время Радищев понимал и толковал как объективную и неотъемлемую форму бытия. У него не было и тени сомнения в правильности материалистической трактовки времени и пространства, которую он противопоставлял субъективно-идеалистической точке зрения.

Заслугой Радищева является разработка материалистической философии. Рассматривая вопрос о строении материи, он последовательно отстаивал атомно-молекулярную теорию Ломоносова, механическую теорию теплоты, кинетическую теорию газов.

Вслед за Ломоносовым к особым формам проявления материи он относил свет, электричество, магнетизм. По примеру ученых XVIII в. Радищев считал, что мировое пространство заполнено тончайшей, так называемой «эфирной», материей.

Касаясь свойств или качеств материи, или «вещества», Радищев к «сосущественным», т. е. главным, свойствам материи относил движение, протяженность, форму, тяжесть, делимость, притяжение и отталкивание. При этом он решительно возражал тем мыслителям, которые приписывали материи «бездействие» (покой), неделимость.

Решительный противник идеалистов, отрывавших движение от материи и рассматривавших движение как нечто независимое от материи, Радищев вслед за Ломоносовым

---

* Настоящее издание, стр. 545.

** Там же, стр. 540.

доказывал, что все движется, что «движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно»*. Противоположную точку зрения он считал научно несостоятельной.

Говоря о природе в целом, Радищев отмечал, что в ней наблюдается постепенное, эволюционное развитие от низших форм жизни к более сложным. Он указывал, далее, что вершиной развития живой природы является человек.

«Мы видели и для нас по крайней мере доказанным почитаем, что в природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы находим, что одно другого совершеннее или, сказать точнее, одно другого искусственнее в своем сложении; что в сем веществе порядке человек превышает всех других равно искусственнейшим своим сложением, совершеннейшею своею организациею, в которой толико явственно соединены многие силы воедино, а паче всего умственную свою способность; тщательное наблюдение человеческого воспитания показывает нам, сколь способности в нем углубляются, ширятся, совершенствуют; история учит, колико народы могут в общем разуме своем совершенствоваться»**.

В своей «лестнице развития» Радищев пишет, что развитие идет по восходящей линии от неорганической материи к органической, от самых примитивных органических форм к более сложным, от растительных форм к формам животным и далее к человеку и его сознанию. Человек и его сознание не божественного, а естественного, природного происхождения.

«От камня до человека,— пишет Радищев,— явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия лестница веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется, различествуют, что единого другому обратным почесть можно с уверением; лестница, на коей гранит, рубин и адамант, железо, ртуть и золото суть однородны алою, тюльпану, кедру, дубу; где по чреде сии суть братья мотыльку, змие, орлу, жаворонку, овце, слону, человеку; лестница, на коей кристаллизация и минерализация заимствуют уже силы растительной, на коей коралл, губа, мох

---

* Настоящее издание, стр. 342.

** Там же, стр. 403—404.

различествуют токмо утробю, в ней же зарождаются; лествица, на коей сила растительная, расширяя в другом сложении свою энергию, переходит помалу в раздраженность, а из сея в чувствительность, где чувственница и полип содействуют; лествица, где чувствительность, распложаяся в чувственности, совокупляется с умственной силою; где орангутанг и пещери кажутся быть единоутробны; потом все силы сии, тесняся воедино и расширив свою энергию, отверзают уста в человеке на глаголение и, влеча его насильственно в общественное сожитие, делают его способным постигать даже вселенная зиждителя»*.

Но было бы неверно думать, что Радищев, подчеркивая родство человека с остальной живой природой, не видел качественных особенностей человека. Цена материалистические идеи такого выдающегося мыслителя XVIII в., каким был Ламетри, Радищев тем не менее решительно возражал против отождествления им человека с растением.

Отличие человека от животного Радищев видел прежде всего в том, что он существо общественное, что в общественной жизни заключается сила человека, его превосходство над всеми остальными животными. Только в обществе человек становится подлинным человеком, гражданином, патриотом. «Силу сию нашли в самих себе,— писал Радищев.— Неможны, дебелы, расслабленны во единице, едва не всеильны стали в сообщении, творяй чудеса, яко боги. Подернутые мглою бездействия, объятые мраком самоневедения или неощущения, силы человеческие, дремавшие, уснувшие паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии, укрепилися взаимно, распространилися, возвысилися и, объяв вся не токмо существующая, но и вся возможная, возмечтали и то, что им несоразмерно, касаяся пределов даже божественности. И сие есть не последнее свойство человека, отличающее его от всех других животных,—свойство мечтать о несущественном. Познав силы своея, общество сделало первое оныя употребление, поставив правило для последования единственного. *Сие правило названо законом*»**.

---

* Настоящее издание, стр. 379.

** Настоящее издание, стр. 562—563.

В общественной жизни силы человека возросли, его власть над природой увеличилась. Поэтому, полагал Радищев, было бы нелепо, как это делал Руссо, идеализировать дикое, доисторическое состояние человека. Золотой век человечества, о котором так любили говорить просветители XVIII в., — не в прошлом, а в будущем. Распад современного общества и его возврат к дикому состоянию был бы катастрофой для человека.

Другой признак, отличающий человека от животных, Радищев вслед за Гельвецием, которого он как мыслителя ставил очень высоко, видел в том, что человек имеет руки.

«Гельвеций не без вероятности утверждал, — писал Радищев, — что руки были человеку путеводительницы к разуму. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возможет человек, лишенный сих нужных для него членов»*. Радищев также указывал на речь, как на один из важных признаков отличия человека от животных: «Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием»**.

Эти идеи Радищева были глубоким проникновением в исторические явления; но он не пришел еще к четкому выводу, что главное отличие человека заключается в производственной деятельности, в умении производить орудия труда. Подобно всем мыслителям домарковского периода Радищев видел главное отличие человека от животных в превосходстве его умственных сил.

Самодвижение материи Радищеву, как и всем материалистам XVIII в., было неизвестно. В философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» вопрос об источнике движения Радищев оставляет открытым.

«На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было?» — спрашивает Радищев и тут

---

* Постоящее издание, стр. 304.

** Там же, стр. 306.

же отвечает: «Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень»*.

Таким образом, если в решении вопросов о свойствах материи Радищев не вышел за пределы метафизического материализма XVIII в., то в воззрениях на природу, на растительный и животный мир он горячо и последовательно отстаивал точку зрения постепенного изменения, эволюционного развития. Отсюда понятно его резко отрицательное отношение к естественникам и философам типа Линнея, отрицавшим возможность каких-либо изменений и какого-либо развития в природе; их точка зрения в этом вопросе квалифицируется им как ненаучная.

«Безрассудный! когда зришь в превыспренности и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысячи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромнейшее подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымеешь вон? Если ты ничего не знаешь бездействующего, если все видишь в движении, то не суемудрие ли говорить о том, что не существует, и полагать не быть тому, что есть?»**

Рассматривая эволюционное развитие организма, Радищев пришел к гениальной догадке о зависимости организма от той среды, в которой он живет, о возможности наследования организмом приобретенных в его индивидуальной жизни свойств.

«Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате. Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от чело-

---

* Настоящее издание, стр. 342.

** Там же, стр. 341—342.

века зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельности и все нас окружающее»*.

Радищев — выдающийся сторонник эволюционной теории XVIII в., один из предшественников дарвинизма.

В вопросе о делимости материи до бесконечности у Радищева было некоторое колебание, хотя в итоге он был более склонен признать бесконечность делимости материи.

С материалистических позиций рассматривал Радищев вопрос о соотношении материи и формы — «вещества» и «образа», по терминологии Радищева.

Для него совершенно была неприемлема точка зрения идеалистов, отрывавших форму от материи и отдававших примат форме над материей. Радищев последовательно проводил положение, что «образ (форма. — *И. Ш.*) без нее (без материи. — *И. Ш.*) быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другой вообразить не можно или не должно»**.

В теории познания Радищев стоял на позиции материалистического сенсуализма. Для него источником наших знаний являются прежде всего ощущения, «разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе»***. Отвергая, как Ломоносов и другие выдающиеся материалисты XVIII в., врожденные идеи Декарта, Радищев опирается на материалистическое положение, что «все наши понятия, суждения и заключения и самые отвлеченнейшие идеи корень влекут от предметов чувственных...»****

Радищев отвергал точку зрения гилозонистов, наделявших чувствительностью всю материю. Он был убежден, что чувствительностью обладает только живая материя на высокой стадии ее развития.

Теория познания Радищева проникнута глубокой верой в силы человеческого разума, в его способность давать правильное представление о природе. Путь к истинному знанию лежит через чувственные восприятия, опыт и человеческий разум.

---

* Настоящее издание, стр. 324.

** Там же, стр. 340.

*** *А. Н. Радищев*, Полное собрание сочинений, т. I, АН СССР, 1938, стр. 140.

**** Настоящее издание, стр. 385

Вслед за Ломоносовым Радищев, подвергая уничтожающей критике идеалистов, презиравших естествознание, доказывал, что естествознание должно опираться на опыт, эксперимент, как на основание теоретических обобщений и научных выводов.

«Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания»*.

Подчеркивая, что источником познания является объективно вне нас и до нас существующая природа со всеми ее многообразными предметами и явлениями, что «бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе»**, Радищев изобразил стройную картину процесса человеческого познания, картину взаимоотношения вещей, человека, его чувств и разума.

«Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем *опыт*, второе — *рассуждение*. Опыт бывает двоякий: 1-е, послыку сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходимая, — чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытывая от них перемены в силе понятия нашего. Сие называли мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

---

* Настоящее издание, стр. 303.

** Там же, стр. 315.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима»*.

Заблуждения человеческого разума не колебали его веры в силу и способность познания тайн природы, познания ее закономерностей. Как материалист, несокрушимо верящий в силу человеческого разума, в безграничные возможности развития науки, он говорил: «Итак, воздохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того высшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности»**.

Отвергая мистический вздор идеалистов о «божественном откровении», Радищев на первое место выдвигает природу, чувства, опыт, на которые опирается человеческий разум.

«Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности... Но сколь шестивие в испытании природы ни препинаемо препятствиями разнородными, разыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует, или, как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, разыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неясственные сопряжения их с другими вещами; деяниями или действиями; сблизит факты единородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и, раздробляя паки проистекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие»***.

Но было бы неправильно думать, что в толковании опыта Радищев преодолел ограниченность метафизического материализма XVIII в.

Несмотря на отдельные диалектические догадки в этом вопросе, в целом опыт им трактовался только как чувственное восприятие и эксперимент. Само собой понятно, что

---

* Настоящее издание, стр. 315—316.

** Там же, стр. 318.

*** Там же, стр. 290—291.

Радищев, живший в XVIII в., не мог еще дойти до понимания роли общественно-исторической и производственной деятельности людей в познании мира. Вместе с тем он не мог еще объяснить диалектики перехода от неорганической материи к органической, от чувственных восприятий к понятиям, что тоже было обусловлено уровнем развития тогдашнего естествознания.

Для Радищева неприемлема была точка зрения вульгарных материалистов, отождествлявших мышление с материей, доказывавших, будто мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь:

«Мы не скажем,— писал он,— да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все они могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего и мыслящего, то не вправе ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических, что суть силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеянна и разнovidна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, досягает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности...»*

Высоко ценя роль сенсуализма в развитии теории познания, Радищев вместе с тем отверг субъективно-идеалистическую теорию Локка о так называемых «вторичных качествах» и «внутренний опыт». Для Радищева, как и для Ломоносова, одинаково объективно существуют как первичные, так и вторичные качества и одинаково неприемлем пресловутый «внутренний опыт».

* Настоящее издание, стр. 344.

Материализм Радищева был детищем своей эпохи, детищем XVIII в., следовательно, в основе своей он был метафизическим, механическим. В воззрениях Радищева встречались еще элементы деизма, которые служили для него удобной формой отделаться от религии, формой прикрытия от преследований со стороны духовной цензуры.

Поставив в своем философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» вопрос о бессмертии человеческой души, Радищев дал на него отрицательный ответ. Человек — смертен, а вместе с разрушением и смертью человеческого тела разрушается и его духовная способность, умирает и душа.

«Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет», — писал Радищев.

Он цитирует стихи Сенеки:

По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья *.

Радищев приходит к выводу, что сторонники бессмертия души основывают свое представление не на науке, а на догадках, не на опыте, а на мечте, не на реальных фактах, а на сновидениях и фантазиях. Он раскрывает истинный смысл своих воззрений по данному вопросу, когда утверждает, что человек может обессмертить свое имя только великими делами на благо народа, только высоким гражданским служением своей Родине.

«Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет сосемжна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если проживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, *верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию*, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устранишься или нарушить невозможно; *зло, тобою*

---

* Настоящее издание, стр. 359.

соделанное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим»*.

Отсюда видно, что религиозно-мистическое учение о бессмертии души Радищев отрицал, заменив его требованием высокого гражданского служения своей Родине. Мистико-религиозное учение Пифагора о бессмертии души и ее переселении он называет «нашему веку посмеялищем».

Радищев с возмущением пишет о проповедниках бессмертия души Шведенборге и Сен-Жермене: «Вот для чего Шведенборг почитается вралем, а Сен-Жермень, утверждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик»**.

Один из первых исследователей творчества Радищева, А. С. Пушкин, считавший себя продолжателем его антикрепостнических, свободолюбивых идей, писал о Радищеве: «Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»***.

Хотя материализм Радищева был метафизическим, но в условиях феодально-крепостнической России XVIII в., когда господствующие классы придерживались религиозно-идеалистических воззрений, когда среди высших кругов дворянства широко распространилось мистическое учение масонов, выступление Радищева с пропагандой достижений естествознания и материалистических идей имело огромное историческое значение.

Нанося серьезные удары по господствовавшим в стране идеалистическим и религиозно-мистическим теориям, Радищев расчищал почву, на которой должны были развиваться материалистические теории первой половины XIX в. в России.

* * *

*

Радищев до конца дней остался верен своим антикрепостническим, революционным идеалам. Находясь в ссылке, на вопрос любопытствующего — кто он? — Радищев ответил:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,

---

* Настоящее издание, стр. 418. Курсив мой.—И. Щ.

** Там же, стр. 401—402.

*** А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, 1949, стр. 358.

Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду*.

Как революционный общественный деятель, мыслитель-материалист и писатель Радищев оставил неизгладимый след в развитии русского освободительного движения, в развитии русской демократической культуры.

В. И. Ленин высоко оценил А. Н. Радищева. «Нам больше всего видеть и чувствовать,— писал Ленин в 1914 г.,— каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...»**

А. Н. Радищев является гордостью русского народа, его имя золотыми буквами вписано в историю нашей Родины. Радищев дорог нам как борец с крепостным правом и царизмом, как основоположник антикрепостнической идеологии, как революционер и мыслитель-материалист.

В связи с двухсотлетием со дня рождения Радищева «Правда» в специальной передовой статье «Подвиг служения народу»*** писала:

«Александр Николаевич Радищев был первым среди образованной части тогдашнего русского общества, кто возвысил свой гневный голос против царского самовластья и помещичьего произвола. Радищев принадлежал к славной плеяде решительных и смелых русских людей, которые, борясь с мраком невежества казенной псевдонауки своего времени, искали правду и находили ее. По своим философским воззрениям Радищев был материалистом. И хотя взгляды Радищева ограничены рамками эпохи, в которую он жил и действовал,— нам близок его дух свободолюбия, его темперамент борца, его гордое убеждение, что человек в борьбе должен завоевать свободу... Призыв Радищева был подхвачен передовыми русскими писателями, пришедшими ему на смену. Великий Пушкин видел в Ради-

---

* Настоящее издание, стр. 542.

** В. И. Ленин, Соч., т. 21, изд. 4, стр. 85.

*** «Правда» от 31 августа 1949 г.

щеве своего учителя и наставника, зачинателя свободной литературы русского народа. Он с восторгом говорил о Радищеве, как о человеке, который «восславил свободу», он считал своей честью быть в числе учеников Радищева. Вслед за Радищевым появились в России декабристы. В свою очередь они, как говорил Ленин, «разбудили Герцена», а Герцен помог «пробуждению разночинцев». Нити от Радищева тянутся к славной когорте революционных демократов — к Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, которые являются честью и гордостью великой русской нации».

И. Я. ЩИПАНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ
ПЕТЕРБУРГА
В
МОСКВУ

«Чудище обло, озорно, огромно,
стозовно и лайй». *Тилемахида*, том II,
кн. XVIII, стих. 514¹.

А. М. К.²

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственный мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я

почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных.— Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли, кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей, кто в шестивии моем меня подкрепит,— не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отуживав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал по всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно, хотя на малое время, с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расставаться может, не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося «прости»; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надеяйся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия мпожатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения.— Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал, наконец, благодетельного Морфея. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохлаждение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един, оставлен среди природы пустынный! Вострепетал.— Несчастный,— возопил я,— где ты? где девалося все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я

голову. Вижу, на пустом месте стоит дом в три жилья.— Что такое?— спрашивал у повозчика моего.— Почтовый двор.— Да где мы?— В Софии,— и между тем выпрыгал лошадей.

СОФИЯ³

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости:— Барин-батюшка, на водку!— Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу.— Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная⁴ есть оберегательное письмо, без которого всякого кошелек,— генеральский, может быть, исключая,— будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо.— Кого чорт давит? Что за манер выезжать из города ночью? Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю, или усни.— Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? потряс я комиссара опять за плечо.— Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей,— и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился.— Если лошади все в разгоне,— размышлял я,— то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне...— Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо крепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал: — Кто приехал? не...— но опомнившись, увидя меня, сказал мне: — видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. — Со гневом г. комиссар лег спать в постелью. Мне его так же хотелось попотчивать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в

самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пре-был добрый гражданин. Итак, двадцать медных копеек из-бавили миролюбивого человека от следствия; детей моих — от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рас-судок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заушывную. Кто знает голоса русских народ-ных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак⁵, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренный кровию от оплеух, многое может решить, доселе гадательное в исто-рии российской.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. О, природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул, и все скончалось. Несносно пробужде-ние несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби? Отче всеблагий, неужели отворишь взоры свои от скончевающего бедственное житие свое му-жественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, вызывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна.

ТОСНА⁶

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действи-тельно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге,

сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую...⁷ Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, который, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой — кто он был? — узнал я, что то был старого покрою стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедленно вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа: — Милостливый государь! Я, нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве⁸, имел случай употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение. Милостливый государь! — продолжал он, указывая на свои бума[г]и, — все великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженныя памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество⁹. Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством¹⁰. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах¹¹. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением¹², которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ, и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титуло маркиза или другое знатное, и они пред

другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь, труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вместо благоприяствия попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения.— Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька... и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам для обертки, ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла — хвастовства древняя породы.

ЛЮБАНИ ¹³

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками, поедут на санях, а возвращаются на телегах.— Летом.— Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку¹⁴ с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.— Бог в помощь,— сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду.— Бог в помощь,— повторил я.— Спасибо, барин,— говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.— Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?— Нет, барин, я прямым кре-

стом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар? — В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, — крестясь, — чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господина молят. — У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первенькому-то десятый годок. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро. — Так ли ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит¹⁵; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господина берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это: отдавать головой. Голый наемник¹⁶ дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают. — Мучить? Правда, но небось, барин, не захочешь в мою кожу. — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьян-

нами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила. Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение. Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распространяться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. Ты во гневе твоём, говорил я сам себе, устремляешься на гордого господина, изиуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному — сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем (о, умеренный человек!), — и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарём, и тем ты только хвастаешь, что не часто подссекаешь его в его вертении. Ведась ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. — Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный... — Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

ЧУДОВО¹⁷

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч...¹⁸ Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро.

Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал.

— Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько в шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштадт и на Систербек¹⁹, где, сказывали мне, в последнее время сделаны великие перемены. В Кронштадте прожил я два дни с великим удовольствием, насыщаясь зрением множества пнострашных кораблей, каменной одежды крепости Кронштадтской и строений, стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть нового Кронштадту плана и с удовольствием предусматривал красоту намереваемого строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благоарстворенный вливал в чувства особую нежность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить благодать природы и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водяном горизонте мне еще видеть не удавалось. Я нанял морскую 12-ти-весельную шлюпку и отправился на С...

Версты с четыреплыли мы благополучно. Шум веселоединозвучности своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта²⁰. Внезапу острый свист возникающего вдаль ветра разгнал мой сон, и отягченными взорами моими представлялися сгущенные облака, конх черная тяжесть, казалось, стремилась их нам на главу и падением устрашала. Зерцаловидная поверхность вод начинала рябеть, и тишина уступала место начинающемуся плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу, что других устрашать начинало, то меня веселило. Восклидал изредка, как Вернет²¹: ах, как хорошо! Но ветер, усиливаясь постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то пизвергая в утесистые

рытвины водяных зыбей, отнимал у гребущих силу шественного движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико нам возможно было, ободряли друг друга.

Носимые валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все наши силы, совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветр между тем почти совсем утих. Небо помалу очистилось от затмевавших синею его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюпка наша не на мели находилася, но погрязла между двух больших камней и что не было никаких сил для ее избавления оттуда невредимо. Вообрази, мой друг, наше положение; все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если б я мог достаточные дать черты каждому души моея движению, то слабы еще были бы они для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до С... простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между веков воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем, отливая воду, как кому споручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялося. К крайнему сердец наших сокрушению ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна. Да и то, которое бы подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы

отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равных с нами участи. Наконец, судна нашего правитель, более, нежели все другие, к опасностям морских происшествий привыкший, взиравший поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях в прошедшую Турецкую войну²² в Архипелаге, решился или нас спасти, спасаясь сам, или погибнуть в сем благом намерении: ибо, стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он, вышед из судна и перебираясь с камня на камень, направил шествие свое к берегу, сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами. С начала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень, переходя воду, где она была мелка, переплывая ее, где она глубже становилась. Мы с глаз его не спускали. Наконец, увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливаясь почасту и садясь на камень для отдохновения. Казалось нам, что он находился иногда в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающа в достижении берега; или достигнуть оного, если первому в том будет неудача. Взоры наши стремились вослед то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелицемерна. Наконец, последний из сих подражателей Моисея в прохождении без чуда морския пучины своими стопами остановился на камне недвижим, а первого совсем мы потеряли из виду.

Сокровенные доселе внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезании надежды. Вода между тем в судне умножалась, и труд наш, возрастая в отливании оной, утомлял силы наши приметно. Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствовавший долго, может быть, тягость удручительных неволи, рыдал, орошая слезами своими скамью, на которой ниц распростерт лежал. Иной, вспоминая дом свой, детей и жену, сидел, яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Каково было моей души положение, мой друг, сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебе то, что я прилежно молился богу. Наконец, начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно

паше более половины водою натекло и мы стояли все в воде по колено. Нередко помышляли мы выйти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших сопутников на камне уже несколько часов и сккрытие другого из виду представляло нам опасность перехода более, может быть, нежели она была в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположенного берега, в расстоянии от нас, каком то было, точно определить не могу, два пятна черные на воде, которые, казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; наконец, приближаясь, представило ясно взорам нашим два малые судна, прямо идущие к тому месту, где мы находились среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной храмине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь, и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростираясь по всей храмине до дальнейших ее пределов, — тако, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души. Отчаяние превратилось в восторг, горесть в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития, возвращаясь в сердца, возбудила таки мысли о различии состояний, в опасности уснувшие. Сие послужило на сей раз к общей пользе. Я укротил излишнее радование, во вред обратиться могущее. По несколькоком времени увидели мы две большне рыбацьи лодки, к нам приближающиеся, и при настижении их до нас увидели в одной из них нашего спасителя, который, прошед каменную грядю до берега, сыскал сии лодки для нашего извлечения из явной гибели. Мы, не мешкав нимало, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, который на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развалилось совсем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел, — так звали спасшего нас сопутника, — рассказал нам следующее.

— Я, оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто до берега силы мои стали

ослабевать, и я начал отчаиваться в вашем спасении и моей жизни. Но, полсжав с полчаса на камени, вспрянув с новою бодростию и не отдыхая более, дополз, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С... что имел мочи. И хотя с немалым истощением сил, но, вспоминая о вас, добежал до места. Казалось, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я не нашел ни вдоль берега, ни в самом С... никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде не можно мне лучше искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побежал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко зачем я пришел и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил Г... который тогда еще почивал. Г. сержант мне сказал: — Друг мой, я не смею. — Как, ты не смеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь, я сам пойду... — Г. сержант, взяв меня за плечо не очешь учтиво, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лопнул. Но, помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома, из которого меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых, ездя по заливу, собирали булыжник на продажу для мостовых; я и не ошибся в моей надежде. Нашел спи две небольшие лодки, и радость теперь моя несказанна: вы все спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами в воду. — Говоря сие, Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна, я пал на колени, возвел руки на небо. — Отче всеспильный, — возопил я: тебе угодно, да живем; ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. — Се слабое мое, друг, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность. Теперь чувствую; час бьет; я мертв; движение, жизнь, чувство, мысли — все исчезнет мгновенно. Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущий мраз, лилющийся в твоих жилах и завременно жизнь

пресекающий. О, мой друг! — Но я удалился от моего повествования.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалось такое бесчеловечие! Я вспомнил о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба*²³.

Воздохнул я во глубине души. — Между тем дошли мы до С... Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим на воде даст хотя успокоение. С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступком его подчиненного столь был раздражен, что я не мог умерить моих слов. Увидев его, сказал: — Государь мой! Известили ли вас, что за несколько часов пред сим двадцать человек находились в опасности потерять живот свой на воде и требовали вашей помощи? — Он мне отвечал с наивеличайшею холодною, куря табак: — Мне о том сказали недавно, а тогда я спал. — Тут я задрожал в ярости человечества. — Ты бы велел себя будить молотком по г[о]лове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи. — Отгадай, мой друг, какой его был ответ. Я думал, что мне сделается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: — не моя то должность. — Я вышел из терпения. — Должность ли твоя людей убивать,

---

* Агличане приняли в свое покровительство ушедшего к ним в Калкуту чиновника бенгальского, подвергшего себя казни своим мздоимством. Справедливо раздраженный субаб, собрав войско, приступил к городу и оный взял. Аглинских военнопленных велел ввергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Осталось от них только двадцать три человека. Несчастные сии сулили страже великие деньги, да возвестит владельцу о их положении. Вопль их и стенание возвещало о том народу, о них соборезующему; но никто не хотел возвестить о том властителю. *Почивает он* — ответствовано умирающим агличанам; и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни ста пятидесяти несчастных должно отъяти сон мучителя на мгновение.

Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обыкший к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу во время ночи или в часы дневные. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание соделателей его бедствий, чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба²³ или подлости не смеющего его разбудить? — *Реналь*²⁴, История о Индиях. Том II.

скарденный человек; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над другими!.. — Окончать не мог моя речу, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драу с досады. Сто делал расположений, как отместить сему зверскому начальнику не за себя, но за человечество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым человеком; смирился.

Между тем люди мои сходили к священнику, который нас принял с великою радостью, согрел нас, накормил, дал отдохновение. Мы пробыли у него целые сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день, нашед большую шлюпку, доехали мы до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал тому и другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, никто не захотел ему о сем напомнить. Если бы мы потонули, то бы он был нашим убийцею. — Но в должности ему не предписано вас спасти, — сказал некто. — Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие — грызть друг друга; отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе! Нет, мой друг, — говорил мой повествователь, вскочив со стула, — заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости. — сел в кибитку и поскакал.

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ ²⁵

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неустройства в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез: — Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. — И, с видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку, как вдруг дождь пошел. — Беда невелика, — размышлял я; закроюсь ценовкою и буду сух. —

Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром. — С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь — дале будешь, — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше, положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шопот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали. — Ну, муж, Расскажи-тка, — говорил женский голос. — Слушай, жена.

— Жил-был... — И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить? — сказала жена вполголоса, зевая ото сна; поверю ли я, что были Полкан, Бова²⁶ или Соловей Разбойник. — Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье Разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. — Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник²⁷. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великий охотник. Пока деньженок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, сдал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам, как брюхатая баба. Спит и видит, что бы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет. — В правление²⁸ посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денежки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился пред его высокопревосходительство. — Поспешай, мой друг, — вещает ему унизанный орденами, — поспешай, возьми сей пакет, отдай

его в Большой Морской. — Кому прикажете? — Прочти адрес. — Его... его... — Не так читаешь. — Государю моему гос... — Врешь... господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С.-Петербурге в Большой Морской. — Знаю, ваше высокопревосходительство. — Ступай же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно.

И ну-ну-ну, ну-ну-ну; по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор. — Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин добрый. Рад ему служить. Вот устерсы, теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку звалили в кибитку, поворотя оглобли, курьер уже опять скачет, успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульный офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шась курьер в двери. — Привез, ваше высокопревосходительство. — Очень кстати; (оборотясь к предстоящим) право, человек достойный, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомнить не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшие оных исправление удастаиваю его к повышению чином.

В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С.-П. с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы... Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет.

По представлению господина генерала и проч. *приказали*: быть сержанту Н. Н. прапорщиком. — Вот жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению

меня отсылают в уголовную палату ²⁹. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица. — И... полно, Клементыч, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься. — Потише, Кузьминична, потише; неравно кто подслушает. — Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал приятный с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанный в большую япанчу, и шляпа с распушенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лицо. Он требовал лошадей без дорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: — запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту. — Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти саженьях. Он, подошед ко мне и, не снимая шляпы, сказал: — милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного. — Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтобы ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое. — Я вижу, — сказал он мне, — что в жизнь вашу поперечного вам ничего не встречалось. — Столь твердый ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынув из кошелька... — не осудите, — сказал, — более теперь вам служить не могу; но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше. — Намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным; я и не ошибся. — Я вижу, — сказал он мне, — что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ее в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей. — Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание — и мы едем.

— Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в

удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим, или так казалось; ибо дом мой всякий день был полон людьми, заслужившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как великолепное некое торжество. Но если тицеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих, сперва бесплодных, стараниях, предприятиях и неудачах, наконец, получил я в жену ту, которую желал. Взаимная паша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство определила судьба, да рухнет одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздный свой голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было. — Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено. —

— Вам покажется мудрено, — говорил сопутник мой, обращая ко мне свое слово, — чтобы человек неслужащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, который, лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен и по свидетельству будто его книг сделался, повидимому, на нем большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки, сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы не было, или бы был очень малый, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время, как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но по обыкновению послано было запрещение на имение мое в

гражданскую палату. Странная вещь — запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я нашел случай продать дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление; ибо были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел³⁰ сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором пахотился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении, тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сей продажей, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому упищожена, меня осудили за ложный мой поступок лишити чинов, — и требуют теперь, — говорил повествователь, — хозяина здешнего в суд, дабы посадить под стражу до окончания дела.

Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. — Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: — нет, мой друг, и я с тобою. Более выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончился.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающие. Но, сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражей, столь ее тревожило, что она только и твердила: «и я пойду с тобою». Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не токмо с рождением младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сделали ей горячку. — Почто распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдания, можете поверить, что

я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной незрелый плод нашей горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика. Вообрази, вообрази,— говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы,— вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною расставалась навсегда.— Навсегда! — вскричал он диким голосом.— Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни.— О, варвары, тигры, змеи лютые, грызите сне сердце, пускайте в него томный ваш яд.— Извините мое преступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все позабываю, и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне: — Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь, и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу.— Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне сказать, чтобы я счал. Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице, — куда глаза глядят.

Повесть спутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховная власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном

правления она одна в отношении других может быть беспристрастна. — Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего. — Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верующего письма. — Какое имею право? Страждущее человечество. Человек, лишенный имени, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право, вот верующее письмо. — О, богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущая казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили. Таковые размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просышался долго.

Возмущенные соки мысляю стремились, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан, или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседения было из чистого золота и хитро искладенными драгоценными разного цвета камнями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим,

Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого золота и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы³¹: в единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия*, в другой — книга же с надписью *Закон совести*. Держава³², из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венц мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполнина, воскраие же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилось бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озиране являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящая беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стечание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало

отчаяние и смертные содрогания, самая кончина мучительнее. Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегаясь, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницаемый свой покров, улетает на крылах мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, — тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: «да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки!» Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листьям дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил: он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. Другой восклицал: он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и искусства, поощряет земледелие и рукоделие. Женщины с нежностью вещали: он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины. Иной с важным видом возглашал: он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло: он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности

наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась над обыкновенным зрением кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я итти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной. — Государь, — отвечал он мне, — слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращаясь, приносяй дань царей сильных. — Учредителю плавания я рек: — да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе. — Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные. — Возвести до дальнейших пределов моя область, — рек я хранителю законов, — се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути. — Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их. — Да воздвигнутся, — рек я первому зодчию, — великолепнейшие здания для убежища Мусс, да украсятся подражаниями природы разнообразными; и да будут они ненарушима, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются. — О, премудрый, — отвечал он мне, — егда велениям твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшие в древности; колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют. — Да отверзется ныне, — рек я, — рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику. — О, всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля. — При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало

мысль. Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. — Кто сия? — вопрошал я близстоящего меня. — Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазами врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем священныя твоя главы. — Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в пошении тяжкого бремени правления, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние. — Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово: — Пойдем, столпы моя державы, опоры моя власть, пойдем усладиться по труде. Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно царю вкусити веселия, он же изливает многочисленныя всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, — рек я к учредителю веселий. — Мы тебе последуем. — Постой, — вещала мне странница от своего места, — постой и подойди ко мне. Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какие бельма! — сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила нудила меня итти пред нее; хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

— На обоих глазах бельма, — сказала странница, — а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулася обоим моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что ты был слеп и слеп совершенно. — Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляя днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутрен-

ность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзья. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрещающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досязатъ будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лесть отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Вострепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главой твоей, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдишь и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет.

Угости его, вещаю, почти его, да возвратившись возможет он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва один в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем, ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледельца лишатся жизни у тощего без здравья пища соща матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таковом, то отыду от тебя, и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

Изрекшия странницы лице казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Воззрение на нее вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлись того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялася на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умиралк от небрежения начальников или ненужных и безвременных строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства

не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видал неприятеля. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные, да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих велений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плавания уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израздалися из кисти новых сих путешественников. Уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые дски уготовлялися на одежду столь важного сочинения³³. О, Кук!³⁴ Почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве) толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращаясь не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оною толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. Удержи свое милосердие, вещали

тысящи гласов, не возвещай нам его великолепным словом, если не хочешь его исполнить. Не соплощай с обидою насмешку, с тяжестию ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон; мы бдеть не желали, ибо не над чем.— В созидании городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку Готфов и Вандалов³⁵. В жилище, для Мусс уготованном, не зрел я ликущихся благотворно струев Касталии и Ипокрены³⁶, едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежем здания, не о красоте оного помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои.— Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одяние нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жону, кичащуюся своим бесстыдством. Едва-едва досязали слабые источники моего щедроты застенчивого достоинства и стыдливые заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня толь бедственные представления безрассудной моей щедроты.— Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снискание почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские суть пепл и

дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалась на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, — возревел я яростию гнева. — Недостойные преступники, злодеи! вещайте, пошто во зло употребили доверенность господа вашего³⁷? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепечите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. Прииди, — вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моя области кроющегося под заросшею мхом хижиною, — прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму. — Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоился служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. — Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

ПОДБЕРЕЗЬЕ³⁸

Насилу очнуться я мог от богатырского сна, в котором я столько сгрезил. — Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был продолжать пути и трястися на деревянных дрогах (пружин у кибитки моей не было). Я вынул домашний лечебник; искал, нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву. Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице — на всякого мудреца довольно простоты, — против бреда я себя не предостерег, и от того голова моя, приехав на почтовый стан, была хуже болвана.

Вспомнил я, что некогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли.— Как чашек пять выпью,— говаривала она,— так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув пить вдруг по пяти чашек, попотчивал излишне для меня сваренным молодого человека, который сидел на одной со мной лавке, но в другом углу у окна.— Благодарю усердно,— сказал он, взяв чашку с кофеем.— Приветливый вид, взгляд неробкий, вежливая осанка, казалось, не кстати были к длинному полукафтанью и к примазаным квасом волосам. Извини меня, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и если кто не кудряв и и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь ³⁹, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я с новым моим знакомцом поладил. Узнал, что он был из Новгородской семинарии и шел пешком в Петербург повидаться с дядею, который был секретарем в губернском штате ⁴⁰. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки.— Сколь великий недостаток еще у нас в пособиях просвещения, — говорил он мне.— Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. *Виргилия, Горация, Тита Ливия*, даже *Тацита* почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай по счастью моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. *Классические авторы* ⁴¹ нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их до днесь делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословие, но, по словам *Кутейника* ⁴² в «Недоросле», дойдем до конца философского учения и возвратимся вспять. Чему дивиться: *Аристотель* и *схоластика* донныне царствуют в семинар[и]ях. Я, по счастью моему, знаком стал в доме одного из губернских членов ⁴³ в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвеще-

нии времен, когда один латинский язык был в училищах употребителен, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинский язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном! — Но для чего, — прервав он свою речь, продолжал, — для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение. — Боже мой! — продолжал он с восклицанием, — если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон ⁴⁴! — Ты читал Блекстона? — Читал первые две части, на российский язык переведенные. Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить, — повторил он, — что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых университетов ⁴⁵, где науки будут преподаваться по его желанию. — Пора, государь мой, пора...

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличи меня, любезный читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал, — так писано в законе русском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похуже на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. — Читай, что мой семинарист говорит.

Кто мир нравственный уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сделал, как взглянул на круглый образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел.

Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и коловращающихся... На мартиниста ⁴⁶ похоже; на ученика Шведенборга ⁴⁷... Нет, мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет; невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал ⁴⁸ против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих ⁴⁹ неуголимый его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, родится, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их не видно; даже имена их погибнут. Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в исступлении шло стезею, народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей. Лутер ⁵⁰ начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие, истина нашла любителей, попрала

огромный оплот предрассуждений, но недолго пребыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения ⁵¹, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о реченях заботился разум человеческого, не мысля о том, были ли в речении смысл, когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольной острине может уместиться душ.

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезный бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет, ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель.

Счастливыми назваться мы можем: ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумных твари. Ближние наши потомки счастливее нас еще быть могут. Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета ⁵²; час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый на истину или на прельщение, — тогда последует премена царств, тогда премена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий нисходить долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся.

Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал Акиба: вошел по стезе равви Иозуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1-е: не на восток и не на запад, но на север и юг обращаться довлеет. Познал 2-е: не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться. Познал 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстудил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и их познаю.

Смотри Белев словарь, статью Акиба ⁵³.

НОВГОРОД ⁵⁴

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите камень на камень до самых облаков; иссекайте изображения ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания правления законом непрременным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы ⁵⁵, вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их пребывания пасутся рабы железом самовластия. — Где пышная Троя, где Карфага? ⁵⁶ — Едва ли видно место, где гордо они стояли. — Курится ли таинственно единому существу нетленная жертва во славных храмах древнего Египта? Великолепные оных остатки служат убежищем блеющему скоту во время среденного зноя. Не радостными слезами благодарения всевышнему отцу они орошаемы, но смрадными извержениями скотского тела — О! гордость, о! надменность человеческая, возри на сие и познай, колико ты ползуща!

В таковых размышлениях подъезжал я к Новгороду, смотря на множество монастырей, вокруг одного лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнадцать верст расстоянием от города находящиеся, заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и

тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь. Область новгородская простиралась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе ⁵⁷. Старинная речь: кто может стать против бога и великого Новагорода, — служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение.

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода. Узвленный сопротивлением сей республики ⁵⁸, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея Руси? Или что новгородцы были славенского племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было писано о праве народов, нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия. Когда возникают между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляет их друг на друга, судия их есть меч. Кто пал мертв или обезоружен, тот и виновен, повинуется непрекословно сему решению, и апелляции на оное нет. — Вот почему Новгород принадлежал царю Ивану Васильевичу. Вот для чего он его разорил и дымящиеся его остатки себе присвоил. — Нужда, желание безопасности и сохранности созидают царства; разрушают их несогласие, ухищрение и сила. — Что ж есть право народное? — Народы, говорят законоучители, находятся один в рассуждении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого в естественном состоянии. — Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препят-

ствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, — кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного! — Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. — Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить.

ИЗ ЛЕТОПИСИ НОВОГОРОДСКОЙ

Новгородцы с великим князем Ярославом Ярославичем вели войну и заключили письменное примирение. —

Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями. —

Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной татарами в обращение. —

Новгород в 1420 году начал бить свою монету. —

Новгород стоял в Ганзейском союзе. —

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных. —

Царь Иван письмо и колокол у новгородцев отнял. —

Потом — в 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — Новгород стоял на прежнем месте.

Но не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. Если беспрестанно буду глядеть на небо, не смотря на то, что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь... — размышлял я. Как ни тужи, а Новгорода попрежнему не населишь. Что бог даст вперед. — Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьичу.

— Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда бог принес? — говорил мне приятель мой, Карп Дементьич, прежде его купец третьей гильдии, а ныне именитый гражданин.⁵⁹ — По пословице, счастливый к обеду. Милости просим садиться. — Да что за пир у тебя? — Благодетель мой, я женил вчера парня своего. — Благодетель твой, — подумал я, — не без причины он меня так величает. Я ему, как и другие, пособил записаться в именитые граждане. Дед мой будто должен был по векселю 1000 рублей, кому, того не

знаю, с 1737 году. Карп Дементыч в 1780 вексель где-то купил и какой-то приладил к нему протест. Явился он ко мне с искусным стряпчим, и в то время взяли они с меня милостиво одни только проценты за 50 лет, а занятой капитал мне весь подарили. — Карп Дементыч — человек признательный. — Невестка, водки нечаянному гостю! — Я водки не пью. — Да хотя прикушай. Здоровья молодых... — и сели ужинать.

По одну сторону меня сел сын хозяйский, а по другую посадил Карп Дементыч свою молодую невестку... Прерывем речь, читатель. Дай мне карандаш и листочек бумажки. Я тебе во удовольствие нарисую всю честную компанию и тем тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил. Если точных не спишу портретов, то доволен буду их силуэтами. Лаватер ⁶⁰ и по ним учит узнавать, кто умен и кто глуп.

Карп Дементыч — седая борода в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза ввалились, брови — как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой. — Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. В шестьдесят лет бела, как снег, и красна, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом, ренского не пьет, перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки. Приказчик мужнин хозяину на счете показывает: по приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса 3 пуда белил ржевских и 30 фунтов румян листовых... Приказчики мужнины — Аксиньины камердинеры. — Алексей Карпович, сосед мой застольный. Ни уса, ни бороды, а нос уже багровый, бровями моргает, в кружок острижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы. В Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок; за то его отец любит, как сам себя; на пятнадцатом году матери дал оплеуху. — Парасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы — как уголь ⁶¹. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. Глаз один подбит. Подарок ее любезного муженька для первого дни; а у кого догадка есть, тот знает, за что.

Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуэты. Твоя правда; другого не будет, как

нос да нос, губы да губы. Я и того не понимаю, как ты на силуэте белилы и румяна распознаешь.

— Карп Дементьич, чем ты ныне торгуешь? В Петербург не ездешь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красок не покупаешь. Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток. — От него-то было я и разорился. Но на силу бог спас. Получив одним годом изрядный барышок, я жене построил здесь дом. На следующий год был льну неурожай, и я не мог поставить, что законтраковал. Вот отчего я торговать перестал. — Помню, Карп Дементьич, что за тридцать тысяч рублей, забранных вперед, ты тысячу пуд льну прислал должникам на раздел. — Ей, больше не можно было, поверь моей совести. — Конечно, и на заморские товары был в том году неурожай. Ты забрал тысячу на двадцать... Да, помню; на них пришла головная боль⁶². — Подлинно, благодетель, у меня голова так болела, что чуть не треснула. Да чем могут заимодавцы мои на меня жаловаться? Я им отдал все мое имение. — По три копейки на рубль. — Никак нет-ста, по пятнадцати. — А женин дом? — Как мне до него коснуться; он не мой. — Скажи же, чем ты торгуешь? — Ничем, ей, ничем. С тех пор, как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч. — На будущее, конечно, законтракует на пятьдесят, возьмет половину денег вперед и молодой жене построит дом... — Алексей Карпович только что улыбается. — Старинный шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело. — Я не пью, ты знаешь. — Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай, — я почувствовал, что у меня щеки начали рдеть, и под конец пира я бы, как и другие, напился пьян. Но, по счастью, век за столом сидеть нельзя, так как всегда быть умным невозможно. И по той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементьича, я впал в размышление. Введенное повсюду вексельное право, то-есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но отчего же, буде нет честности в дающем вексельное обязательство, отчего оно тщет-

ная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пешился долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того что не знал кому доверил, или должник в оковах и в темнице? С одной стороны — легковёрность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей... А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковёрнику, не было бы, может быть, плутовства в вексельных делах... Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустою головою.

БРОННИЦЫ ⁶³

Между тем как в кибитке моей лошадей переменяли, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград ⁶⁴. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемяет мои члены, грудь моя начинает воздыматься, взоры мои тупеют и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещаяй: «Безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о, дерзновенный! познати жаждешь то, что едина мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна брэнности твоего сложения. Ведай, что предзнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душестоль приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности.

Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отравляет утехи, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал. Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья ⁶⁵. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой востревоженные мысли, вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание». — И треск сильного удара, гремящего во власти Перуна ⁶⁶, раздался в долинах далеко. Я опомнился. Достиг вершины горы и, узрев церковь, возвел я руки на небо. Господи, — возопил я, — се храм твой, се храм, вещают, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но не могу поверить, о всеильный! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе. Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самого отрицателя всемогущия воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованиями, почитание его, однакоже, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама, бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия ⁶⁷, бог христиан, о, бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтили единого, но боготворили они твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела. Могущество твое, везде и во всем ощущаемое, было везде и во всем поклоняемо. Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непременный, тебе же приносит тем хвалу, хваля тебя паче нашего песнопения. Ибо, проникнутый до глубины своя изящностию твоего творения, ему предстоит трепетен. — Ты ищешь, отец всецелый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сиди, господи, и воцарися в них. — И пребыл я несколько мгновений отринув окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. Возвед потом очи мои, обратив взоры на близстоящие селения; се хижины уничижения, вещал я, — на месте, где некогда град великий гордые возносил свои стены. Ни малейшего даже признака оных

не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов. — И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто вовеки живо.

С течением времен все звезды помрачатся,
померкнет солнца блеск; природа, обветшав
лет дряхлостью, падет.

Но ты во юности бессмертной процветешь,
незыблемый среди сражения стихиев,
развалин вещества, миров всех разрушенья *.

ЗАЙЦОВО ⁸⁹

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнышнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однакоже, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избегнул того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне: мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моея души! какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплошлявая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О, мой друг! исполнением моея должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо. Но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает, пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая

---

* Смерть Катанова, трагедия Еддесонова⁸⁸. Действ. V. Явл. 1.

заклучения или обвинения прощением или разрешением от уз.

С такими мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

— Я думал, мой друг, — говорил мне г. Крестьянкин, — что улаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моей должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непозволительною поворовкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имени, чести, жизни, начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или на обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезающими, яко дым в пространстве воздуха. Они же во мзду своего гнусного послушания получили почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, повудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощную судьбы рукою в преступление вовлечен-

ных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмощи облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камерлакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в герольдию ⁷⁰, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора ⁷¹, с которым он приехал в то место, где родился, то-есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертые своея пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард ⁷², то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою пронизательностью, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставляю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования.

Г: асессор, произошед из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню ⁷³, отнял у них всю землю, скотину всю у них

купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости мясцо 74. Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожем или кошками, смотря по мере лености; за действительные преступления, как то: кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакседемона 75 или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявляя правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу 76 за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, того он сек, как за леность или за дерзкий, или остроумный ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его мудрых распоряжений; но сего довольно для познания моего проя. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было 77 один мальчик, купленный им в Москве, парикмахер дочернин да повариха старуха. Кучера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетью или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечали. Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я заметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с асессором. Случай к тому подал неистовый и беспутный или, лучше сказать, зверский поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, педурша собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну асессора, который употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введеному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господский двор и понес повенечные ⁷⁸ два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собою обоих своих братьев и, вызвав невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скверное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел к клетке. Какое зрелище представилося ему. При его приближении затворилась клетка; но совокупные силы двух братьев немогши были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клетку, ударил вдоль спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил. Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что увидя, жених ее начал их бить, будучи вспомогает своим отцем. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев, — так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им пред него первый вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие. «Как ты дерзнул, — говорил старший асессор, — поднять руку на твоего госпо-

дина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоя свадьба, то ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны». — По такому решению, жениха велел он сечь кошками немилосердно, отдав его в волю своих сыновей. Побой вытерпел он мужественно: неробким духом смотрел, как начали над отцем его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настигать начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соблезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце, озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, асессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после призналися. В самое то время случилось ехать тут исправнику той округи с командою. Он был частью очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавалися, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Такому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни ⁷⁹ и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оного сам убитый асессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует непрекословно, то и в сем проис-

шествию следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, — убийцею ли я почтуса, если я предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь, привлекший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или, по крайней мере, да уязвит меня, — виновен ли я буду, если, извлекиши мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенною откровенностию сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопило против меня единым гласом. Мягкосердце и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцев. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть веления его исполняемы? Если послушники воли господина своего, а паче его убийцы, невинными признаваемы будут, то повинование прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелец умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разыдутся. Города почувствуют властодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скарденной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества виждутся, обветшает и сокрушится; тогда

владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойную адския кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил. «Председателю нашему, — вещали они, — сродно защищать убийство крестьян. Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы ⁸⁰, дабы тем уравнять с нами свое происхождение». — Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удовольствовались. Говорили, что я приял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия то истинная была причина странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от одного меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое основали они на том, что асессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имени, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне. На прощение за убийство ее мужа я с ней был согласен, но разстворовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет, а я уверял ее, что, оправдывая убийцев ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро *наместник* известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях; к чему, однакоже, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги асессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начи-

нали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претяжением неповинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвильным, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию, лесть — нужными, а мудрец — мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественный, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему прониканию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответствовал я равнодушием и спокойствием, власти — непоколебимостию, доводам — доводами и долго говорил хладнокровно. Но, наконец, содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я, наконец, сие: человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следовательно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином ⁸¹. Какия же

ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, — скажет рассудок; для своей пользы, — скажет внутреннее чувство; для своей пользы, — скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенный крестьянами асессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилью своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, — тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдает, опираясь на доводах рассудка, и смерть асессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убийцев в злобе дух испутившего асессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имея довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную. — Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня

поникшие взоры, где господствовала ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смешения гордыни с нижней подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и улаживать мою скуку обхождением с друзьями. — Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону.

Сей день путешествие мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконец, спускаясь с небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далее ехать не мог. — Пешком ходить мне в привычку. Взяв посошок, отправился я вперед к почтовому стану. Но прогулка по большой дороге не очень приятна для петербургского жителя, непохожа на гулянье в Летнем саду или в Баба ⁸², скоро она меня утомила, и я принужден был сесть.

Между тем как я, сидя на камне, чертил на песке фигуры кой-какие, нередко кривобокие и кривоугольные, думал я и то и се, скачет мимо меня коляска. Сидящий в ней, увидев меня, велел остановиться, — и я в нем узнал моего знакомого. — Что ты делаешь? — сказал он мне. — Думаю думаю. Времени довольно мне на размышление; ось переломилась. Что нового? — Старая дрянь. Погода по ветру, то слякость, то вёдро. А!.. Вот новенькое. Дурындин женился. — Неправда. Ему уже лет с восемьдесят. — Точно так. Да вот к тебе письмо... Читай на досуге; а мне нужно поспешать. Прости, — и расстались.

Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными и сдержал слово. Между тем к кибитке моей подделали новую ось, которая, по счастью, была в запасе. Едучи, я читал;

Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78-летним молодым и 62-летней молодкою. Причину толь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой друг, и услышишь. — Госпожа Ш... — витязь в своем роде не последний, 62 лет, вдова с 25-летнего своего возраста. Была замужем за купцом, неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою и ведая о жестокосердии собратий своего мужа, не захотела прибегнуть к прощению надменной милостыни, но за благо рассудила кормиться своими трудами. Доколе красота юности водилась на ее лице, во всегдашней была работе и щедрою получала от охотников плату. Но сколь скоро заметила, что красота ее начинала увядать и любовные заботы уступили место скучливому одиночеству, то взялась она за ум и, не находя больше покупателей на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые, если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новости. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честью изъяслась из презрительного общества сводень и начала в рост отдавать деньги, своим и чужим бесстыдством нажитые. По времени забыто прежнее ее ремесло, и бывшая сводня стала нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62 лет, нелегкое надоумило ее собраться замуж. Все ее знакомые тому дивятся. Приятельница ее ближняя Н... приехала к ней. — Слух носится, душа моя, — говорит она поседолой невесте, — что ты собралась замуж. Мне кажется солгано. Какой-нибудь насмешник выдумал сию басню.

Ш. Правда совершенная. Завтра стовор, приезжай пировать с нами.

Н. Ты с ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокосос подбил к тебе под крылышко?

Ш. Ах, матка моя! не к стати ты меня наравне с молодыми считаешь ветреницами. Я мужа беру по себе...

Н. Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и не для чего, разве для денег.

Ш. Я такого не возьму, который бы мне мог изменить. Жених мой меня старше 16 годами.

Н. Ты шутишь!

Ш. По чести правда: барон Дурындин.

Н. Нельзя этому статься.

Ш. Приезжай завтра ввечеру: ты увидишь, что лгать не люблю.

Н. А хотя и так, ведь он не на тебе женится, но на твоих деньгах.

Ш. А кто ему их даст? Я в первую ночь так не обезумею, чтобы ему отдать все мое имение; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряные и другая дрянь, оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя сбыть. Вот весь барыш любезного моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгоню с постели.

Н. Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе в нем что проку?

Ш. Как, matka? Сверх того, что в нынешние времена не худо пметь хороший чин, что меня называть будут ваше высокородие, а кто поглупее — ваше превосходительство, но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно хоть поиграть в бирюльки. А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй. А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравствуй, мой свет, здравствуй, моя душенька...

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговор, а через неделю свадьба.

Н. (Уходит).

Ш. (Чхаает). Небось не воротится. То ли дело, как муж свой будет!

Не дивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупее в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другим чем-либо. А без дурындиных свет не простоял бы трех дней».

КРЕСТЬЦЫ ⁸³

В Крестьцах был я свидетелем расставания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми расставаться буду.

Несчастный предрассудок дворянского звания велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя пестарые, лета становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение и проч. Смотри иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу, или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы, но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу.— Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею?— Кто? Пример общий. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск ⁸⁴. И какому отцу не захочется, чтобы дети его хотя в малолетстве были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум. — Смотри на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не мысля, таскаться по девушкам или врать чепуху барыням. Каким-то образом фортуна, вертясь на курей ножке, приголубила его; и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал он о себе, что умнее всех на свете. Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника? — Скажи поистине, отец чадолюбивый, скажи, о, истинный гражданин! не захочется ли тебе сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатный боярин, презирает заслуги и достоинства, для того что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезный с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев.

Крестичкий дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкие седины едва пробивались сквозь светлорусые власы главы его. Правильные черты лица его знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная

улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождасмого, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернуты легкой пленюю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равного, единым годом во времени рождения, но не в шествии разума и сердца они разнствовали между собою, ибо горячность родителя ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братня умеряла успех в науках во старшем. Понятия о вещах были в них равные, правила жизни знали они равно, но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих.— На отца своего взирали они с несвойственною им робостию, от горести предстоящей разлуки происходящую, а не от чувствования над собою власти или начальства.— Редкие капли слез точились из их очей.— Друзья мои,— сказал отец,— сегодня мы расстанемся,— и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей.— Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне: — Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне пред светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая детей моих от бдящего родительского ока, единственное к тому имею побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний и, наскучив гремянием мирского жития, да оставят его с радостию; но да имут отишие в гонении и хлеб насущный в скудости. А для сего-то остаюся я на ниве мосей. Не даждь, владыко всещедрый, не даждь им скитатися за милостынею вельмож и обретати в них утешителя! Да будет соболезнуай о них их сердце; да будет им творяй благостыню их рассудок. Воссядите и внимлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует.— Еще повторю вам, сегодня мы разлучимся. — С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, оршающие ланиты вашего лица. Да отнесет сие души

вашей зыбленне совет мой во святая ее, да восколеблется она при моем воспоминовении и да буду отсутствен оградю вам от зол и печалей.

Прияв вас даже от чрева матерня в объятии мои, не восхотел николи, чтобы кто-либо был рачителем в исполнениях, до вас касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася телеси вашего и никогда наемный наставник не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности бдело над вами денно-ночно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас до разлучения со мною. Но не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть из уст ваших благодарность за мое о вас попечение или же признание, хотя слабое, ради вас мною соделанного. Вождаем собственныя корысти побуждением, предприемлемое на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение. Итак, изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хочу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце. Горе вам, если его в забвении оставите! Образ мой, преследуя нарушителю союза наша дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам, вы мне ничем не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мне ощутит некую нежную склонность, то поживем в дружбе, в сем наивеличайшем на земли благоденствии. Если же оно без ощущения пребудет — да забвени будем друг друга, яко же нам не родитися. Дажь, всещедрый, сего да не узрю, отошед в недра твоя сие предваряяй! Не должны вы мне ни за воскормление, ни за наставление, а меньше всего за рождение. — За рождение? — Участники были ли вы в нем? Вопросаемы были ли, да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имели или во вред? Известен ли отец и мать, рождая сына своего, блажен будет в житии или злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потомках; а если имел сие намерение, то блаженства ли их ради произвести их желал или же на сохранение своего имени? Как желать добра тому, кого не знаю, и что сие? Добром назваться может ли желание неопределенное, помаваемое неизвестностию? — Побуждение к супруеству покажет и вину рождения. Прельщенный ду-

шевною паче добротою матерп вашей, нежели лепотою лица, я употребил способ верный на взаимную горячность, любовь искреннюю. Я получил мать вашу себе в супруги. Но какое было побуждение нашей любви? Взаимное услаждение; услаждение плоти и духа. Вкусная веселие, природой повеленное, о вас мы не мыслили. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило тщеславию; рождение ваше было новый и чувственный, так сказать, союз, союз сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением свося власти, отражением похвал сыновних к отцу.— Мать ваша равного со мною была мнения о ничтожности должностей ваших, от рождения проистекающих. Не гордилася она пред вами, что носила вас во чреве своем, не требовала признательности, питая вас своею кровию; не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку вскармливания сосцами своими. Она тщилася благую вам дать душу, яко же и сама имела, и в пей хотела насадить дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил ее рок зрети плодов ее насаждений. Она нас оставила с твердостью хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсем ее не потеряем. Она поживет с нами, доколе к ней не отыдем. Ведаете, что любезнейшая моя с вами беседа есть беседовать о родшей вас. Тогда, мнится, душа ее беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива.— И отирал вещающий капли задержанных в душе слез.

Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармливание. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу,— их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармливание детей. Родившись в свет, вы стали граждане общества, в коем живете. Мой был долг вас вскормить, ибо, если бы допустил до вас кончину безвременную, был бы убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бывают многие, то следовал чувствованию моего сердца. Власть моя, да пекуся о вскармлении вашем или небрегу о нем;

да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставлю вас живых или дам умереть завременно, — есть ясное доказательство, что вы мне не обязаны в том, что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение закона меня бы не преследовало. — Но, скажут, обязаны вы мне за учение и наставление. — Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я, если бы вы вдалились пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея? Не только сострадатель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О, друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многие имел я должности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу на памяти вашей.

Но, если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однакоже, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаты и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повинования малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, нетерпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонялися от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда останавливал я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свой берега.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил об охранении вас от неприязненности сти-

хий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебелы пребудете в возрасте совершенном! И для того почаству ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали, на отдохновение, на скамьи или на камни. Не меньше старался я удалить вас от убивственной пищи и питья. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенский!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имете казистого востшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит, что одеваетея не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваете не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косяю и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтеся, что вы скакать не умеете как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оною, то любострастие будет тому корень, все же другое оному постороннее. — Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. — Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. — Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранный того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми; ибо вы твердый имете дух и обиду не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. — Не бойтеся сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как со-рока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о все-вышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчию, и с радостью видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я озна-комить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сле было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Аглинский язык, а потом латинский ⁸⁵, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но, если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдетельнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание, или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших берега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Эгид⁸⁶, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты, но, яко свет, отдаляясь от предмета, менее его освещает, тако и вы, отриновенны моего присутствия, слабое ощутите согрение моея дружбы. И для того преподам вам правила единокития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единокития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их, не истощеая, и послужит ко здравию вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных. Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприятное счастье отымет у вас все, что оно вам дало, — богаты пребудете во умеренности желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо изнураяй тело невоздержностию изнуряет и крепость духа.

Употребление же сил укрепит тело, а с ним и дух. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспрями тогда от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержки себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не сможешь возобновить сил разумных и телесных, — беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоём и почишь во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко здравью, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упавшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздание, ибо чаша рассудка без опытности на весах воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. Итак, к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом; страсти ваши не столь сильное будут иметь волнение; трудитесь сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соболезновании, щедроте, отпущении, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитесь разумом, упражняясь в чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум управлять будет вашею волею и страстями. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благую в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, невозможная ни бла-

того, ни злого. Не достоинство есть воздержатися от худых помыслов, не могли их сотворить. Безрукый не может уязвить никого; но не может подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающего в пучину моря. — Итак, умеренность во страсти есть благо; шествие во стезе средю⁸⁷ есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрашие есть нравственная смерть. Яко же шественник, отдаляясь среды стези, вдается опасности ввергнуться в тот или другой ров, таково бывает шествие во нравственности. Но буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но, если я вас побуждаю не быть бесстрастными, паче всего потребна в юности вашей умеренность любовныя страсти. Она природою насаждена в сердце нашем ко блаженству нашему. Итак, в возрождении своем никогда ошибиться не может, но в своем предмете и неумеренности. Итак, блюдитесь, да не ошибетесь в предмете любви вашей и да не почтете взаимною горячностью оныя образ. С благим же предметом любви неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытывшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днес довольны будьте оною ощущением.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы, колико возможно, менее ошибаться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в

юности, не ошибетесь, если сердце имеете благое. Последовати возмнвивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И от того трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святыя в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую уверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный Афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу ⁸⁸, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И, если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение одного повелевает; тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

Но, если бы закон или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим ⁸⁹. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, по немощных валов. Ярость мучителей твоих

раздробится о твердь твою; и, если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважения ради какового, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоём и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит останавливаться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции⁹⁰ отечество свое от пагубоносных язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнью, но ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Уражняйте всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. — Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать в праздничные дни по утрам знатных особ; обычай скарредный, ничего не значащий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабый рассудок. У римлян было похужее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то-есть снискание, или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицио, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научались, то сомневаюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочно сохранилась. В наши же времена,

посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя, хотя с негодованием, по от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка, — то не отчаивайтесь, сogleдая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во молодых годах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимаясь более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатый рассудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь, но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наилучшими деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверство, — то, хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зеркало истины, не мните, однакоже, затмить взоры прозорливости. — Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, но мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесъ при сопутном ветре отчальте от берега чуждыя опытности ладью вашу; стремитесь по валам жития чело-

веческого, да научитесь управлять сами собою. Блажен, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем. Се искренное мое желание. Естественные силы мои, истощав движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставлю вас навеки; но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда вспомни, что ты человек, вспомни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри. — В наследие вам оставляю слово умирающего Катона⁹¹. — Но, если во добродетели умрети возможешь, умеи умереть и в пороке и будь, так сказать, добродетелен в самом зле. — Если, забыв мои наставления, поспешать будешь на злые дела, обыкшая душа добродетели вострвожится; явлюся тебе в мечте. — Восприими от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. — Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки; пробудись на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, вспоминая обо мне, душа твоя не зыбнется и око пребудет сухо... Се сталь, се отравя. — Избавь меня скорби; избавь землю поносныя тяжести. — Будь мой еще сын. — Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. — Он облобызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; он руки свои простирал вслед за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветер доносил жалостный их стон до слуха нашего. Они простирали также руки к отцу своему; и казалось, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришел в себя, старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо. «Господи, — возопил он, — молю тебя, да укрепишь их

в стезях добродетели, молю, блажени да будут. Веси, николи не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас есть добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва... Отлучил я ныне от себя сынов моих... Господи, да будет на них воля твоя». Смущен, но тверд в надеянии своем, отъехал он в свое жилище.

Слово крестичского дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев, и неопытность — совершенство, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, не тверд; и будет не тверд вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой... Отец обязан сына воскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовать от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, вспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин. — В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

Сей день определен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею нежное сердце к моим детям. Для того-то слово крестницкого дворянина меня столь тронуло. Но, потрясши меня до внутренности, излило некое усладительное чувство надежды, что блаженство наше в отношении детей наших зависит много от нас самих. Но в Яжелбицах определено мне было быть зрителем позорища, которое глубокий корень печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О, юность! услыши мою повесть; познай свое заблуждение; удержишься от произвольных гибели и пресеки путь к будущему раскаянию.

Я проезжал мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающего на себе власы человека понудил меня остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось погребение. Надлежало уже гроб опускать в могилу, но тот, которого я издали зрел терзающего на себе власы, повергся на гроб и, ухватясь за оный весьма крепко, не позволял оный опускать в землю. С великим трудом отвлекли его от гроба и, опустя оный в могилу, зарыли ее поспешно. Тут страждущий вещал к предстоящим: «Почто вы меня его лишили, почто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаяния. Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного моего сына, его же мертва предали земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечем, ни отравою. Нет, я более сего сделал. Я смерть его уготовал до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший других. Убийца сына моего до рождения его. Я, я един прекратил дни его, изливав томный яд в начало его. Он воспретил укрепиться силам тела его. Во все время жития своего не наслаждался он здравием ни дня единого; и томящегося в силах своих разверстие яда пресекло течение жизни. Никто, никто меня не накажет за мое злодеяние!» — Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна почти отнесли его с сего места. —

Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Воспомнул дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя

утехи истинным предметом горячности. Воспомянул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. О, если бы не далее она корень свой испускала! О, если бы она с утолнением любострастия прерывалася! Прияв отраву сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших, но даем ее в наследие нашему потомству. О, друзья мои возлюбленные, о, чада души моей! Не ведаете вы, колико согрешил пред вами. Бледное ваше чело есть мое осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, может быть, меня и в ненависти вашей будете справедливы. Кто уверит вас и меня, что вы не носите в крови вашей сокровенного жала, определенного, да скончает дни ваши безвременно. Прияв сей смрадный яд в тело мое в совершенном возрасте, затверделость моих членов противилася его распространению и борется с его смертоносностию. Но вы, прияв его от рождения вашего, нося его в себе, как нужную часть сложения, — как воспротивитесь разрушительному его сожжению? Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О, возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство и, если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очам моим все пространство сего любострастного злодеяния. Согрешил предо мною, навлекши себе безвременную старость и дряхлость в юношеских еще летах. Согрешил пред вами, отравив жизненные ваши соки до рождения вашего, и тем уготовил вам томное здравие и безвременную, может быть, смерть. Согрешил, и сие да будет мне в казнь, согрешил в горячности моей, взяв в супружество мать вашу. Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Смертоносный яд, источаясь в веселии, преселился в чистое ее тело и отравил непорочны ее члены. Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне ее в том предостеречь; она же не остерегалася отравителя своего в горячности своей к нему. Воспаление, ей приключившееся, есть плод, может быть, уделенной ей мною отравы... О, возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидеть!

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, доз-

воля распутство мздоимное, отвергает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников, и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовных страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийство нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите, скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Боятся оно даже посторонняя тревоги. Желало бы, чтоб везде одинако с ним мыслили, дабы надежно лелеяться в величестве и утопать в любострастии... Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье-либо тягчит их разум и дух.

ВАЛДАИ ⁹³

Новый сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских развратных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей сея в города произведенных деревни со нравами других российских городов, подумашь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Но как немного более ста лет, как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пробывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожаемой Ладе ⁹⁴. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник

раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлеки с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость валдайских девок сократилася. И хотя они не откажутся и ныне удовлетворить желаниям путешественника, но прежней наглости в них не видно.

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованиях жертвовавшего монаха жизнью своею ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове находится Иверский монастырь, славным Никоном патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдаи, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ее. Единожды насладившись ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но состояние их полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любострастного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные. Сей новый Леандр⁹⁵, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывал озеро до противустоящего берега, где восприемлем был в объятия своей любезной. Баня и в ней утехы любовные для него были готовы, и он забывал в них опасность и трудность преплывания и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до рассвета возвращался он в свою келью. Тако препроводил он долгое время в сих опасных преплываниях, награждая веселием ночным скуку дневного заключения. Но судьба положила конец его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился чрез валы на зренье своей любезной, внезапно

восстал ветер, ему противный, будущу ему на среде пути его. Все силы его немощны были на преодоление разъяренных вод. Тщетно он утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас свой, да услышан будет в опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутный ветер, тем легче одного достигнуть. Но едва обратил он шествие свое, как валы, осилив его утомленные мышцы, затопили его в пучине. На утрие тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал поэму на сие, то бы читателю моему представил любовницу его в отчаянии. Но сие было бы здесь излишнее. Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине любезного. Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро или же в следующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице.

Нравы валдайские переселились и в близлежащий почтовый стан Зимногорье⁹⁶. Тут для путешественника такая же бывает встреча, как и в Валдаях. Прежде всего представлятся взорам разрумяненные девки с баранками. Но как молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с мазаными валдайскими и зимногорскими сиренами.

ЕДРОВО⁹⁷

Досхав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шею голые, ноги босые, локти наруже, платье, заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье, на щеках начертанное. Приятности, загрубевшие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечный; а от него виден становился ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача

у них нет. Не сдирают они каждый день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте с которою из них вы хотите рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало... болезни... боюсь сказать какой: хотя не покраснеетесь, но рассердитесь. Разве я говорю неправду? Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась.— А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твоей батюшка из докторских рук не выхаживал, а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому. А за стариком то жить не худо, своя воля; только бы быть замужем, дети все его. Ревнив он будет, тем лучше; более удовольствия в украденных утехах; с первой ночи приучить его можно не следовать глупой старой моде с женою спать вместе.

И не заметил, как вы, мои любезные городские сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа. Все равно, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть между ими на вас похожие, но есть такие, какковых в городах слыхом не слыхано и видом не видано... Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой твоею ножкою, стань с ними рядом и бегите взапуски; кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? А... а... Это не твое дело... А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным своим станом⁹⁸ в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голу-

бушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уж десятый месяц замужем, и уж трехчетвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнуруванья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повиытаскал, но уже поздно. Сросшихся твоих накриво составов тем не спрямит. — Плачь, мой любезный зять, плачь. Мать наша, следуя плачевной и смертию разрешающихся от бремени жен ознаменованной моде, уготовала за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и, если оно не коснется дней твоя супруга, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилось, то благодари и его, коли хочешь. — Но я еще с городскими боярыньками. — Вот что привычка делает; отвязаться от них не хочется. И, право, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я намерялся итти за нею вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а, конечно, не более семнадцати, положила мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мною дорогою. Поравнявшись с ней, начал я с нею разговор. — Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать не знаю? — Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить. — К чему такая суровость, Аннушка, душа моя? я тебе худого не желаю. — Спасибо, спасибо; часто мы видим таких шелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою. — Анютушка, я, право, не таков, как я тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но я хотя бы тебя поцеловал, то, конечно бы, так, как сестру мою родную. — Не подъезжай, пожалуй; рассказы таковые я слыхала; а коли ты худого не мыслишь, чего же ты от меня хочешь? — Душа моя, Аннушка, я хотел знать, ес[ть] ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато ли или убого, весело ли, ес[ть] ли у тебя жених? — А на что это тебе, барин? От роду в первый раз такие слышу речи. — Из сего судить можешь, Анюта, что я не негодай,

не хочу тебя обругать или обесчестить. Я люблю женщин для того, что они ответственное имеют сложение мсей нежности; а более люблю сельских женщин или крестьянок для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворной любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно...— Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, и скакие крестьяне (повесть сия нежлива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин добрый и человеколюбивый, но муж не был безопасен в своей жене, отец — в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкий взор смерти образ мыслей его переменил и дал жизненным его сокам другое течение.— Но крестьянин в законе мертв⁹⁹, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...

— Если, барин, ты не шутишь,— сказала мне Анюта,— то вот что я тебе скажу: у меня отца нет, он умер уже года с два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. Есть и мелкого скота и птиц довольно; но нет в дому работника. Меня было сватали в богатый дом за парня десятилетнего¹⁰⁰, но я не захотела. Что мне в таком ребенке? Я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось итти к нему в семью. Я хочу себе

ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять с молодцами не люблю, а замуж, барин, хочется. Да знаешь ли для чего? — говорила Анюта, потупя глаза. — Скажи, душа моя Анютушка, не стыдись; все слова в устах невинности непорочны. — Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья родила ему сына. Всякий вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и паренекто матушку свою уж любит. Как она скажет ему: агу, агу, он и засмеется. Мне то до слез всякий день; мне бы уж хотелось самой иметь такого же паренька... — Я не мог тут вытерпеть и, обняв Анюту, поцеловал ее от всего моего сердца. — Смотри, барин, какой ты обманщик, ты уже играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня, оставь бедную сироту, — сказала Анюта, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это видел, то бы, даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею. — Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся, поцелуй мой не осквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронутая души. Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой тебя оскорбит, то клянусь тебе богом, что бы не дерзнул на него. — Рассуди сам, барин, как не осердиться за поцелуй, когда все они уж посулены другому. Они заранее все уж отданы, и я в них не властна. — Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умеешь. Ты нашла сердцу своему другое, ему соответствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом, на нарушение его к тебе верности призывающим. Но почто же, моя любезная Анюта, ты лишена удовольствия наслаждаться счастьем в объятиях твоего милого друга? — Ах, барин, для того, что его не отдают к нам в дом. Просят ста рублей. А матушка меня не отдает; я у ней одна работница. — Да любит ли он тебя? — Как же не так. Он приходит по

вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька моей подружки... Ему хочется такого же паренька. Грустно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет итти на барках в Питер в работу и не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа.— Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его: он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и тебя любить перестанет.— Ах, барин, не страшай меня,— сказала Анюта, почти заплакав.— А тем скорее, Анюта, если ему случится служить в дворянском доме. Господский пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и делает.— Да как же быть? Так мне и век за ним не бывать замужем. Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет, меня не отдают к нему в дом; то высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя...— Сие говорила она, проливая горькие слезы.— Нет, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за ним. Поведи меня к своей матери.— Да вот наш двор,— сказала она, остановясь.— Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но одно ее слово мне тяжелее всяких побоев.— Нет, моя Анюта, я пойду с тобою...— и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Анюта мне кричала вслед: — Постой, барин, постой.— Но я ей не внимал. В избе нашел я Анютину мать, которая квашню месила; подле нее на лавке сидел будущий ее зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле.— Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь, пришед, сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба.— Пускай же посуленное от меня будет Анюте в приданое.— И на том спасибо. Приданого бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство; а денег я не возьму. Если же ты добрый человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают.— Я не мог надивиться, нашел толико благородства в образе мыслей у сельских жи-

тслей. Анюта между тем вошла в избу и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал: — У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. — Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Едущу мне из Едрова Анюта из мысли моей не выходила. Невинная ее откровенность мне правилась безмерно. Благородный поступок ее матери меня пленил. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашинею или с подойником подле коровы сравнивал с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных ста рублей, которые в соразмерности состояний должны быть для полковницы, советницы, майорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысяч или более; если же госпоже полковнице, майорше, советнице или генеральше... (в соразмерности моего посула едровской ямщицихе), у которой дочка лицом недурна, или только что непорочна, и того уже довольно, знатный боярин седмидесятой, или, чего боже сохрани, седмьдесят второй пробы, посулит пять, десять, пятнадцать тысяч или глухо знатное приданое, или сыщет чиновного жениха, или выпросит в почтенье девицы ¹⁰¹, то я вас вопрошаю, городские матушки, не екнет ли у вас сердечко? не захочется ли видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущею цугом, вместо двух заморенных кляч, которые ее таскают? Я согласен в том с вами, что бы вы обряд и благочиние сохранили и не так легко сдались, как фсатральные девки. Нет, мои голубушки, я вам даю срок на месяц или на два, но не более. А если доле заставите воздыхать первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшего времени, которое он лучше употребить может на пользу общественную. — Тысяча голосов на меня поднимаются; ругают меня всякими мерзкими названиями: мошенник, плут, кан... бес... ¹⁰² и пр. и пр. Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу. Ужели все таковы? Поглядите в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякого милосердия. Жалобницы и на ту я не подам, суда по форме говорить с ней не стану.

Апюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад! Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первый мой в жизни поцелуй не был тот, который я на щеке твоей прилепил в душевном восхищении. Отражение твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших. Я бы удалился от смрадных каемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею плотскою несытостью; девственность была бы для меня святая святых, и ее коснуться не дерзнул бы. О, моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностию. Уверен, что обратишь на путь добродетели начинающего с оного совращатися и укрепишь в нем к совращению наклонного. Не встревожься, если закоренелый в развратности, поседевший в объятиях бесстыдства мимо тебя пройдет и тебя презрит; не тщися воспретить его шествию услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинных добродетели положить на нем глубокие черты. Конец ее скользнет по поверхности гладко затверделого порока. Блюди, да о нее острие твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченного; улови его в твои сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ кажется. Но сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие твоего благотворного примера.— Анюта, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатый столп ¹⁰³ от тебя.

Но что такое за обыкновение, о котором мне Анюта сказывала? Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка. Кто мог такой союз дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском—соглашение или договор. Какой священнослужитель может неравный брак благословить, или какой судия может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь бесполезную для человека; сие запрещать долженствовал бы закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе суть два гражда-

нина, делающие договор, в законе утвержденный, которым обещаются прежде всего на взаимное чувств услаждение (да не дерзнет здесь никто оспорить первейшего закона сожития и основания брачного союза, начало любви непорочнейшая и твердый камень основания супружнего согласия), обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своя горячности и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять. При неравенстве лет можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто во крестьянстве, или если муж пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает во дворянстве, — может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огонь любовный, не в состоянии его утушить.

Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительный закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? скажем яснее: он и не существует. — Возвращать плоды взаимной горячности. — Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельного дождя и питающая росы? А если плод когда и будет, но будет он тош, невзрачен и скорому подвержен гнию. — Не уязвлять друг друга. — Се правило предвечное, верное; буде счастливою в супругах симпатиею чувства их равномерно услаждаются, то союз брачный будет благополучен; малые домашние волнения скоро утихают при нашествии веселия. И, когда мраз старости подернет чувственное веселие непроницаемою корою, тогда напоминение прежних утех успокоит брюзгливую древность лет. — Одно условие брачного договора может и в неравенстве быть исполняемо: жить вместе. — Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданнык и раб совершенный, веление господя своего исполнять только могущий. — Вот, Анята, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анятушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих наследят в них.

Хотилковский ям был уже в виду, а я еще размышлял о едровской девке и в восторге души моей воскликнул громко:

о, Анюта! Анюта! — Дорога была негладка, лошади шли шагом; повозчик мой вслушался в мою речь, оглянувшись на меня. — Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну... брат Ванька счастлив. — Иван брат тебе? — Брат двоюродный. Да ведь и парень! Трое вдруг молодых стали около Анютки свататься; но Иван всех отбойрил. Они и тем, и сем, но не тут-та. А Ванюха тотчас и подцепил... (Мы уже въезжали в околицу)... То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох. — И к почтовому двору подъехал.

Всяк пляшет, да не как скоморох, — твердил я, вылезая из кибитки... Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и подняв развертывая...

ХОТИЛОВ¹⁰⁴

ПРОЕКТ В БУДУЩЕМ

Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшего совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распростирая свое крылье, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений, — под державным его покровом свободно и сердце наше, в молитвах, ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказать может, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществвах отъемлют

корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховных власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не позволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан, нам равных, братий, возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверский обычай поработать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцев ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвижаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утешились известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впадшим, дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданского неволи. Не токмо они не могли исполнить своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу пра-

вила. Отцы наши зрели губителей сих со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и отягчающих оковы наиболее полезных в обществе сочленов. Земледельцы и до днесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан, нам равных, забыли в них человека. О, возлюбленные наши сограждане! о, истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечного, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека единомыслием с нами, изъясняли вам в поучениях своих во имя всецедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах живого бога вопиет громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые; разрушите оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всецедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взорам нашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред одного* в обществе и неправильность одного в отношении гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любознательности изыскивать или поновлять доводы о существенном человеков, а потому и граждан, равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства, а не предрассуждениями доказательств о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. Но се несчастье смертного на земли: заблуждати среди света и не зрети того, что прямо взором его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человеков, мысленно вне общества, приравнявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человеков, променявших беспре-

* В издании 1790 г. напечатано «оной». — *Ред.*

дельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева матерня в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон, ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступати в общество и полагати произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запамятовали мы начальное оноя положение. Но воззрите на все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим еще вершины блаженства общественного далеко. Все сказанное нами вам есть обычно, и правила таковые иссодали вы со млеком матерним. Един предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвитесь нашими изречениями), единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте бесующим нас уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытител нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распорядити ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель се? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят поросшую лаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто ее вспахать возможет? Не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому удел будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветр класов на ней не взвеет. Если она бесполезна делателю се, то бесполезна и обществу, ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следственно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального обществен-

ного положения относительно владения. У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого! Просвещенным вашим разумам истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовьию человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце услаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, назваться блаженными? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градах гордые воздымаются зданию. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точностию воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движения воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Соккупны возмогут вся, но разделенны и наедине пасутся, яко скоты, амо же пастырь пожелает. Устройство на счет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. — Сто невольников, пригвож-

денных ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину; но и ту им оспорируют. Конец страдания их есть блаженство; а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. Итак, да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку ¹⁰⁵, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Запустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выраставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былье свое, острием косы подсекаемо. Валятся на горах гордые деревья, издревле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горные* дебри претворяются в нивы плодоносные и покрываются стовидными произраращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала ¹⁰⁶, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произраращениями разнovidными? Назовем блаженною странкою, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза

* В издании 1790 г. «горькие». — *Ред.*

укрова? О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы тернии и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Вострепещите, о, возлюбленные мои, да не скажут о вас: «премени имя, повесть о тебе вещает».

Мы дивимся и ныне еще огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов. Кичливые сии властители, жаждая бессмертия, и по кончине хотели отличествовать внешностью своею от народа своего. Итак, огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было я, а не мы, находим остатки великолепных царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор наш не будет затруднителен.

Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремящее, надутость и истощение. Я таковую славу применю к шарам¹⁰⁷, в 18-м столетии изобретенным: из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горячим воздухом и возлетают с быстротою звука до высших пределов эфира. Но то, что их составляло силу, истекает из среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горé вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

Но вопроси, чего жаждет завоеватель? Чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного, но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях¹⁰⁸. «О, афиняне!—вещал он,—колико стоит мне быть хвалиму вами». Несмысленный! воззри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертление свое жителей ее и, влача силу государства во своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о, ярый вепрь, что, опусто-

шая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрываться будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селитьбы, если другие населения тем сделал пустыми? Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности твоей возненавидевшие; не мни убо, что любить можно, его же бояться нудятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго восприяти готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завосаания будет, — не лъсти себе, — убийство и ненависть. Мучитель прбудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои и от тебя кончины твоя просят.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледелателей понятиям, колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении произрастений и народа, вредно примером своим и опасно в беспокойствии своем. Человек, в начинаниях своих двигаемый корыстию, предприимлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвигаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледелателей в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и не радуют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателю. Не жалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение определенные, проводит в трудах; во дни, на веселие определенные, оного чуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледелателей мертвеют или паче не возрождаются,

они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своей цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда со ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что не дает тому родиться, что победа посекает. Но от нее вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно и всегда; одна, когда пройдет полет ее, скончается свое свирепство; другая там только начнется, где сия кончится, и прмениться не может, разве опасным всегда потрясением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой — робость. Тут никакой не можно быть связи, разве насилие. И сие, собираясь в малую среду, властодержавное свое действие простирает всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и острие в руках имеющие, сами ключимые во узах, наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягосно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любить свою цагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. — Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища, иссосакшего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы пополнилися, может быть, на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезностью своею оправдаться не может.

Итак, ныне молим вас отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы возвращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувство. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут слуха и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования ¹⁰⁹. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщениа, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горè постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь ¹¹⁰.

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в поправлении нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? Ведаая сердца ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а менее еще в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашу участию, соболезнуя о подобных нам, дознав ваше

равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои. Время летит; дни наши преходят в недействии. Да не скончаем жизни нашей, возымев только мысль благую и не возмогли ее исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего, и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочел в замаранной грязью бумаге, которую поднял я перед почтовою избою, вылезая из кибитки моей.

Вошед в избу, я спрашивал, кто были проезжие незадолго передо мною. — Последний из проезжающих, — говорил мне почталион, — был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю. — Я попросил почталиона, чтобы он дал мне сии бумаги посмотреть, и, развернув, их, узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Рассматривая их, узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому не почел я их приобретение кражею. Он их от меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. Множество нашел я подобных той, которую читал. Везде я обретал расположения человеколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что друг мой поражен был несоразмерностию гражданских чиновосостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. Я здесь покажу шествие его

мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги ¹¹¹. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то-есть в расправах ¹¹², в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то-есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров! — вещает наш законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была некстати нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном, — нежели заниматься тем, что не существует.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК ¹¹³

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Первый, которому на мысль пришло уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешние державы от естественных

и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут ужи, змеи и жабы, — любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле. Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки не скоро заровняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем вышневолоцкий канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными и приуготовляющимися к прохождению сквозь слюз для дальнейшего плаванья до Петербурга. Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледельца; тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие. Но если при первом взгляде разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование, ибо вспомню, что в России многие земледельцы не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое переменилось в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани ¹¹⁴, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произражения, — как то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании.

Вообрази себе, говорил мне некогда мой друг, что кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распущенный в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою. — Вид прещения, сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах или на дружеском пиру или насдине, когда рука ваша вознесет первый кусок хлеба, определенный на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вам

могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки? Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оный возрос? Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, ротившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере на ниве, оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской. На нем почили скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышнего, егда во гневе своем рек: проклята земля в делах своих. Блюдитесь, да не отравлены будете вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжко на ней возлегает. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему и что за примером жестокосердия не имеем нужды ходить в дальные страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очью совершаются.

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья, или не желая одного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например, во сто или в двести душ, определил себя искать прибьтка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего не значащим. Для достижения своей цели он отнял у них малый удел пашни и санных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян¹¹⁵ пиروвали вместе на господском дворе, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустые шти, а в

посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам ¹¹⁶ производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то-есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда брал себе, плата за них цену по своей воле.

При таком заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам четверть, когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с сими равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стнящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волком, определенным тяжкую вздирати борозду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? чтобы один благословлял правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к такому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развеите пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером.

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попало начертание положения о уничтожении придворных чинов.

ПРОЕКТ В БУДУЩЕМ

Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постыпно паки, предки наши не последним способом почли к тому умаление прав дворянства. Полезно государству в начале своем личными своими заслугами, ослабело оно в подвигах своих наследственностью, и сладкий принасаждение его корень произнес наконец плод горький. На месте мужества водворилася надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедроты посеялися раболепие и самонедоверение, истинные скряги на великое. Жительствова среди столь тесных душ и подвизаемые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили, что они суть боги и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Тако и быть долженствует в деяниях наших, но токмо на пользу общую. В таковой дремоте величания власти возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности; что блеск царский, преломляясь, так сказать, в сих новых отсветках, многочисленнее является и с сильнейшим отражением. На таковой блуждения мысли воздвигли цари придворных истуканов, кои, истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещетке. Пройдем степени придворных чинов и с улыбкою сожаления отвратим взоры наши от кичащихся служением своим; но возрыдаем, видя их предпочитаемых заслуге. Дворецкий мой, конюший и даже конюх и кучер, повар, крайчий, птицелов с подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тот, кто меня бреет, тот, кто чешет волосы главы моея, тот, кто пыль и грязь отирает с обуви моея, о многих других не упоминая, равняются или председают служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя ради отечества ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства. Какая вам в том польза, что в доме моем господствуют чистота и опрятность? Сытсе ли вы накормитесь, буде кушанье мое

лучше вашего приготовлено и в сосудах моих лиется вино изо всех концов вселенная? Укростеся ли в шествии вашем от неприязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучший ли даст нива вам плод, луга ваши больше ли позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но нередкий в справедливом негодовании своем скажет нам: тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетает с хладною вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса; тот, кто воспекает в сосуде твоём сладкий сок африканского винограда; тот, кто умащает окружие твоей колесницы, кормит и напоет коней твоих; тот, кто во имя твое кровавую битву ведет со зверями дубравными и птицами небесными; все сии тунеядцы, все сии лелеятели, как и многие другие, твоя надменности, высаятся надо мною; над источившим потоки кровей на ратном поле, над потерявшим нужнейшие члены тела моего, защищая грады твои и чертоги, в них же сокрытая твоя робость завесою величавости мужеством казалася; над провождающим дни веселий, юности и утех во сбережении малейшия полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налогов; над нерачившим о имени своем, трудяся денно-ночно в снискании средств к достижению блаженств общественных; над попирающим родство, приязнь, союз сердца и крови, вещая правду на суде во имя твое, да возлюблен будещи. Власы белеют в подвигах наших, силы истощеваются в подъемлемых нами трудах, и при воскраии гроба едва возмогаем удостоиться твоего благоволения; а сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем.

Тако и более еще по справедливости возглаголют от вас многие. Что дадим мы, владыки сил, в ответ? Прикроем бесчувствием уничтожение наше, и видится воспаленна ярость в очах наших на вещающих сице. Таковы бывають нередко ответы наши вещаниям истины. И никто да не дивится сему, когда наилучший между нами дерзает таковая; он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести. И лесть, и ласкательство соделают его глуха, слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. С младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей к вам и преданности явен да будет. Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским. Истребися на памяти обыкновение, во стыд наш толико лет существовавшее. Истинные заслуги и достоинства, раченне о пользе общей да получают награду в трудах своих и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долговременно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения на уничтожение толь оскорбительных для заслуги и достоинства чинов.— Вещают вам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, отличествовати долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненарушимо. Оттуда пышная внешность властителей народов, оттуда стадо рабов, их окружающих. Согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может. Но чем народ просвещеннее, то-есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может. Нума мог грубых еще римлян уверить, что нимфа Егерия ¹¹⁸ наставляла его в его законоположениях. Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку ¹¹⁹, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся аравитян своими бреднями. Все они употребляли внешность, даже Моисей принял скрыжали заповедей на горе среди блеску молнии. Но ныне, буде кто прельстити восхощет, не блистательная нужна ему внешность, но внешность доводов, если так сказать можно, внешность убеждений. Кто бы восхотел ныне послание свое утвердить свыше, тот употребит более наружность полезности, и тою все тронутся. Мы же, устремляя все силы наши на пользу всех и каждого, почто нам блеск внешности? не полезностию ли наших постановлений, ко благу государства текущую, облистает наше лице? Всяк, взирающий на нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу и того ради нам поклонится, не яко во ужасе шествующему, но сидящему во благости. Если бы древние персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману ¹²⁰, или ненавистному началу зла.

Но если пышная внешность нам бесполезна, колико вредны в государстве быть могут ее оберегатели. Единственной должностию во служении своем имея угождение нам, колико изыскательны будут они во всем том, что нам нравиться может. Желание наше будет предупреждено; но не токмо желанию не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетворение. Воззрите со ужасом на действие таковых угождений. Наитвердейшая душа во правилах своих позыбнется, приклонит ухо ласкательному сладкопению, уснет. И се сладостные чары обыдут разум и сердце. Горесть и обида чуждые едва покажутся нам переходящими недугами; скорбети о них почтем или неприличным, или же противным и воспретим даже жаловатися о них. Язвительнейшие скорби и раны и самая смерть покажутся нам необходимыми действиями течения вещей и, являя нам позади непрозрачныя завесы, едва возмогут ли в нас произвести то мгновенное движение, какое производят в нас феатральные представления. Зане стрела болезни и жало зла не в нас дрожит вонзенное.

Се слабая картина всех пагубных следствий пышного царей действия. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться от возмущения благонамерений наших? Не блаженны ли, если и заразе примера положили преграду? Надежны в благосердии нашем, надежны не в развроте со лне, надежны во умеренности ваших желаний, возблагоденствуем снова и будем примером позднешему потомству, како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу.

ТОРЖОК¹²¹

Здесь, на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения¹²². Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре, и вот его о том размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено¹²³, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложные могут печатаны быть пропуски, удерживались от общего добра и полезного установления. Теперь свободно

иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера ¹²⁴.

«Наилучший способ поощрять доброе есть непрепятствие, дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но подделка святой инквизиции; часто изуродованный, сеченный батожем, с кляпом во рту узник, а раб всегда... В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна; не может того правительство, менее еще его ценсор, в клубуке ли он или с темляком. В царстве истины он не судья, но ответчик, как и сочинитель. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука ни нога... Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и страстися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний, а от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явный муж, творяй правду и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны... Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти мнения всех и оные в государстве своем дозволять, просвещать и наклонять к общему добру; оттого-то истинно великие государи столь редки».

Правительство ¹²⁵, дознав полезность книгопечатания, оное дозволило всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщетит благое намерение вольности книгопечатания, поручило цензуру или присмотр за изданиями управе благочиния ¹²⁶. Долг же ее в отношении сего может быть только тот, чтобы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума; запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее лукавым богом. Мундирный цензор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: «неприлично божество называть лукавым». Кто чего не понимает, тот в то да не мешается. Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от себя копильню; если хочешь света, удали затмение; если хочешь, чтобы дитя не было стенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры и того еще хуже *.

Пускай печатают все, кому что на ум ни взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступления. Се правила наказа о новом уложении ¹²⁷. Но брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза; польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать,

---

* Такого же роду цензор не позволял, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалось о боге, говоря, я с ним дела никакого не имею. Если в каком-либо сочинении порочили народные нравы того или другого государства, он недозволенным сие почитал, говоря, Россия имеет тракт дружбы с ним. Если упоминалось где о князе или графе, того не позволял он печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть князья и графы между знатыми особами.

марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонаравию, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем не токмо в сердце, но громким гласом речет: «несть бога», в устах всех безумных раздается громкое и поспешное эхо: «несть бога, несть бога». Но что ж из того? Эхо — звук; ударит в воздух, позыбнет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или бьющему в набат доверия не даст. Возгнущается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнущается колеблющий сердца из-за пределов вселенныя дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником. — Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто, мнит, возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним.

Отступники откровенной религии ¹²⁸ более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых у нас мало, ибо мало у нас еще думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы всех россиян, отступающих в чем-либо от общего учения греческия церкви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего не позволять всякому заблужденню быть явному? Явнее оно будет, скорее сокрушится. Гонения делали мучеников; жестокость была подпорою самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедаются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евнины дети.

Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порцателей. Кто в часы безумия не щадит бога, тот в часы памяти и рассудка не попадет незаконной власти. Не

бояйся громов всеильного смеется виселице. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров и обнажит ее состав. Всяк узрит бранные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не на тумане мнений восседает, если престол ее на искренности и истинной любви общего блага возник,— не утвердится ли паче, когда основание его будет явно, не возлюбится ли любящий искренно? Взаимность есть чувствование природы, и стремление сие почило в естестве. Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания; в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыбнется оно от ветхости, тогда только побочные тверди ему нужны. Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны; тогда все плевелы, тогда все изблевании смрадность свою возвратят на извергателя их; а истина пребудет всегда чиста и беловидна. Кто возмущает словом (да назовем так в угодность власти все твердые размышления, на истине основанные, власти противные), есть такой же безумец, как и хулу глаголяй на бога. Бude власть шествует стезею, ей назначенной, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадности своей ломит правду. Тогда и единая мысль твердости ее тревожит, глагол истины ее сокрушит, деяние мужества ее развеет.

Личность¹²⁹, но язвительная личность, есть обида. Личность в истине столь же позволительна, как и самая истина. Если ослепленный судия судит в неправду и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволенная; если он его назовет судиею насмшым, ложным, глупым — есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет именованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть личность, но язвительная и недозволенная. Но не правительства дело вступаться за судию, хотя бы он попоисился и в правом деле. Не судия да будет в том истец, но оскорбленное лице. Судия же пред светом и пред поставившим его судиею да оправ-

дится едиными делами*. Тако долженствует судить о личности. Она наказания достойна, но в печатании более пользы устроит, а вреда мало. Когда все будет в порядке, когда решения всегда будут в законе, когда закон основан будет на истине и заклеплется удручение, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благонаравии и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышащие развратом, коего все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств. Распламеняя воспаленное воображение, тревожа спящие чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость. Таковые сочинения могут быть вредны; но не они разврату корень. Если, читая их, юноши пристрастятся к крайнему услаждению любовной страсти, то не могли бы того произвести в действие, не бы были торгующие своею красотою. В России таковых сочинений в печати еще нет, а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слово, и пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торга наддателю, тысячу юношей заразят язвою и все будущее потомство тысячи сея; но книга не давала еще болезни. Итак, цензура да останется на торговых девок, до произведений же развратного хотя разума ей дела нет.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не директор феатра, так и выпускаемому в мир сочинению цензор ни славы не даст, ни бесславия.

---

* Г. Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемени и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании ¹³⁰ президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Изданы были против него наижесточайшие листы. Первейший градоначальник области нисшел в ристалище, издал в печать свое защищение; оправдался, опроверг доводы своих противников и их устыдил... Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатанное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано.

Завеса поднялась, взоры всех устремились к действованию; нравится — плещут, не нравится — стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общего; оно тысячу найдет цензоров. Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им воньмут, потом умрут они и не воскреснут вовеки. Но если мы признали бесполезность ценсуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрения обнажатся. Вострепещет судия, подписывая несправедный приговор и его раздерет. Устыдится власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство—убийством. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель ценсуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо.

КРАТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНСУРЫ

Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что ценсура с инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители инквизиции изобрели ценсуру, то-есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака протекших времен извлечем, вдобавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылие, да не обратит полет свой к величию и свободе.

Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину, иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагорovy ¹³¹ запретил, велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли, в безумии своем, предал смерти, на неизгладимое вовеки себе поношение, вочеловеченную истину — Сократа? В Риме ¹³² находим мы больше примеров такового свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случилось, что книги гадательные велено было относить к претору ¹³³. Светоний повествует, что Кесарь Август таких книг велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несообразности человеческого разума! Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гаданию, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущей скорби, оставляли явные и государственные гадания авгуров и аруспициев ¹³⁴. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедающие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть наижесточайший бич на заблуждение?

Но Кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения: он велел сжечь книги Тита Лабиеия. «Злодей его, — говорит Сенека ритор, — изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное — казнь извлекать из учения. Но, по счастью государства, сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы троеначальники ¹³⁵ за благо положили осудить разум Цицерона?» Но мучитель скоро отмстил за Лабиеия тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню*. «Не злому какому примеру тут следовано, — говорит Сенека, — его собствен-

---

* Сочинения Ария Монтана¹³⁶, издавшего в Нидерландах первый реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

ному»*. Дажь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие.

Во времена народного правления в Риме гонение такого рода обращалось только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово на Лабиевны сочинения, последним римлянином¹³⁸. Римский сенат, ползая пред Тиверием, велел во угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. «Тем паче,— говорит Тацит,— смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им славу».

Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Епифане, царе Сирском. Равной с ними подвержены были участи сочинения христиан. Император Диоклитриан книги священного писания велел предать сожжению. Но христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей и ныне остается во свидетельство неложное, что гонения на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укоренят их и распространят. Арнобий справедливо восстает противу такого гонения и мучительства. «Иные вешают,— говорит он,— полезно для государства, чтобы сенат истребить велел писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые важность опровергают древния религии. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования». Но по распространении христианского исповедания священнослужители оного толико же стали злобны против писаний, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно по-

---

* Кассий Север¹³⁷, друг Лабиевны, видя писания его в огне, сказал: «теперь меня сжечь надлежит, ибо я их наизусть знаю». Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое по природному человеку обезьянству принято в Англии и в других государствах.

читали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. Греческие императоры, занимаясь более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно. Такое гонение распростерлося и на произведение рассудка и разума. Уже мучитель Константин ¹³⁹, Великим названный, следуя решению Никейского собора, предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение, а того, кто оные книги иметь будет, — на смерть. Император Феодосий II проклятые книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкидонском соборе то же положено о писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых ¹⁴⁰ сохранены некоторые таковые решения. Несмысленные! Не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они останавливали его шествие; у истины отнимали сильную опору: различие мнений, прения и невозбранное мыслей своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенские соборы не были созваны ¹⁴¹, что бы Декарт ¹⁴² родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския империи монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт, монах бенедиктинский, посылая толкование свое на Апокалипсис ¹⁴³ к папе Стефану III и прося дозволения о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит, что он первый из писателей просит такового дозволения. «Но да не исчезнет, — продолжает он, — свобода в писании для того, что уничтожение поклонилось непринужденно». Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абелардовы ¹⁴⁴, а папа сочинения его велел сжечь.

Но ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: у меня просите дозволения, если уста ваши отверзать хотите на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение, и все, что без нашего клейма явится в свет,

объявляем заранее глухим, мерзким, негодным. Таковое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству, и ценсура была современна инквизиции.

Нередко, проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наименее полезные современниками грубейшему невежеству. В то время, как боязливое недоверие к вещи утверждаемой побудило монахов учредить ценсуру и мысль истреблять в ее рождении, в то самое время держал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предугадывал бытие притяжательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился начертывавший в пространстве путь небесных телесам— Коперник. Но к ваящему сожалению о жребию человеческого умышления скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило ценсуру, разум философский в XVIII столетии произвел иллюминатов¹⁴⁵.

В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозволение на печатание книги. На конце книги под заглавием: «Знай сам себя», печатанной в 1480 году, присоединено следующее: «мы, Морфей Жирандо, божиим милосердием, патриарх Венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышесказанных господ, свидетельствующих о вышесказанном творении, и по таковому же одного заключению и присоединенному доверению также свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива». Древнейший монумент ценсуры, но не древнейший безумия!

Древнейшее о ценсуре узаконение, доселе известное, находим в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание. Предугадывали монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка, и могущество, на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без предварительного ученых удостоения 1486 года *.

---

* Кодекс дипломатический, изданный Гуденом. Том IV.

«Бертольд, божиею милостию, святая Маинцкия епархии архиепископ, в Германии архиканцлер и курфюрст. Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатание искусство возможно с избытком и свободнее получать книги, до разных наук касающиеся, но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, побуждаемые суетными славы или богатства желанием, искусство сие употребляют во зло и данное для научения в житии человеческом обращают на пагубу и злоречие.

Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкий язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обращающиеся; что ж сказать, наконец, о предписаниях святых правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе только затруднительна, что красноречивейшего и ученнейшего человека едва на оную достаточна целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды попускаются переводить на общий язык таковые книги. Многие ученые люди, читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребления слов они непонятнее подлинников. Что же скажем о сочинениях, до других наук касающихся, в которые часто вмешивают ложное, надписывают ложными названиями и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы, чем более находится покупателей.

Да вешают таковые переводчики, если возлюбляют истину, с каким бы намерением то ни делали, с добрым или худым, до того нет нужды, да вешают, немецкий язык удобен ли к предложению на оный того, что греческие и латинские изящные писатели о вышних размышлениях христианского исповедания и о науках писали точнее и разумнейше? Признаться надлежит, скудости ради своей, язык наш на сказанное недостаточен весьма, и нужно для того, чтобы они неизвестные имена вещам в мозгу своем сооружали; или, если употребят древние, то испортят истинный смысл, чего наипаче опасаемся в писаниях священных в рассуждении их важности. Ибо грубым и неученым людям и женскому полу, в руки которых попадутся книги священные, кто покажет истинный смысл?

Рассмотри святого евангелля строки или послания апостола Павла, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писателях кафолическия церкви находится зависящее от строжайшего рассмотрения? Многое в пример поставить можем, но для сего намерения довольно уже нами сказанного.

Понеже начало сего искусства в славном нашем граде Майнце, скажем истинным словом, божественно явилося и ныне в оном исправленно и обогашенно пребывает, то справедливо, чтобы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранять святые писания в нерастленной непорочности. Сказав таким образом о заблуждениях и о продерзостях людей наглых и злодеев, желая, елико нам возможно, пособием господним, о котором дело здесь, предупредить и наложить узду всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным и вне пределов оныя торгующим, какого бы они звания и состояния ни были, сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение в какой бы науке, художестве или знании ни было, с греческого, латинского или другого языка переводимо не было на немецкий язык или уже переведенное, с переменою токмо заглавия или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет не будет иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных нам светлейших и благородных докторов и магистров университетских, а именно: во граде нашем Майнце, от Иоганна Бертрама де Наумбурха в касающемся до богословии, от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя во врачебной науке, от Андрея Елера во словесности, избранных для сего в городе нашем Эрфурте докторов и магистров. В городе же Франкфурте, если таковые, на продажу издаваемые, книги не будутсмотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами лиценциатами ¹⁴⁶, которые от думы оного города на годовом жалованье содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постащование презрит или против такового нашего указа подаст совет, по-

мощь или благоприятство своим лицом или посторонним, — тем самым подвергает себя осуждению на проклятие, да сверх того лишен быть имеет тех книг и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения никто без особого повеления да нарушить не дерзает. Дапо в замке С. Мартына, во граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца Януария, в четвертый день 1486 года».

Его же о предыдущем, каким образом отправлять цензуру. «Лета 1486 Бертольд и пр. Почтеннейшим, ученнейшим и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешедe, врачевания доктора и А. Елеру словесности магистру, здравие и к нижеписанному прилежание.

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников происшедших, и желая оным предварить и заградить путь по возможности, повелеваем, да никто в епархии и области нашей не дерзает переводить книги на немецкий язык, печатать или печатные раздавать, доколе таковые сочинения или книги в городе нашем Майнце не будут рассмотрены вами и касательно до самой вещи, доколе не будут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с вышеобъявленным указом.

Надеяся твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначаемые к переводу, печатанию или продаже сочинения или книги к вам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание, и если нелегко можно дать им истинный смысл, или могут возродить заблуждения и соблазны или оскорбить целомудрие, то оные отвергните; те, которые вы отпустите свободными, имете вы подписать своеручно и именно на конце двое от вас, дабы тем виднее было, что те книги вами смотрены и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Дан в замке С. Мартына, 10 Януария 1486 года».

Рассматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения, на латинском языке писанные, цензура, кажется, не распространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке латинском, казалось, были

уже ограждены от заблуждения, ему неприступны и что читали, понимали ясно и некриво *. Итак, священники хотели, чтобы одни причастники их власти были просвещенны, чтобы народ науку почитал божественного происхождения, превыше его понятия и не смел бы оныя коснуться. Итак, изобретенное на заключение истины и просвещения в теснейшие пределы, изобретенное недоверяющею властью ко своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему пути суеверия, когда истина блистает стolicно паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений и на отверствие беспреткновенных путей рассудку к истине, постыдное монашеское изобретение трепещущей власти принято ныне повсеместно, укоренено и благою приемлется преградою блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностию дать истине опору, вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вам польза, что властвовать будете над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению невежды пребыли в невежестве природы или паче в естественной простоте, но, сделав уже шаг к просвещению, остановлены в шествии и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая в том вам польза бороться самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, — если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного.

По счастью, однакоже, общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание. Яко древо, во всегдашней весне насажденное, не теряет своая зелени, тако орудия книгопечатания остановлены могут быть в действии, но не разрушены.

Папы, уразумев опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, не укоснили законоположить о ценсуре, и сие положение прияло силу общего закона на

---

* Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном.

бывшем вскоре потом соборе в Риме. Священный Тиверий, папа Александр VI первый из пап законоположил о цензуре в 1507 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, не устыдился пещися о непорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела! Буллу¹⁴⁷ свою начинает он жалобу на диавола, который куколь сеет во пшенице, и говорит: «Узнав, что посредством сказанного искусства многие книги и сочинения, в разных частях света, наипаче в Кельне, Майнце, Триере, Магдебурге напечатанные, содержат в себе разные заблуждения, учения пагубные, христианскому закону враждебные, и ныне еще в некоторых местах печатаются, желая без отлагательства предварить сей ненавистной язве, всем и каждому сказанного искусства печатникам и к ним принадлежащим и всем, кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежныя пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнским, Майнцким, Триерским и Магдебургским архиепископами или их наместниками в областях их, в пользу апостольской камеры, апостольскую властью наистрожайше запрещаем, чтобы не дерзали книг, сочинений или писаний печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным архиепископам или наместникам и без их особенного и точного безденежно испрошенного дозволения; их же совесть обременяем, да прежде, нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят или чрез ученых и православных велят рассмотреть и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противного вере православной, безбожное и соблазн производящего». А дабы прежние книги не соделали более несчастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противное кафолическому исповеданию, те сжечь.

О! вы, цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь.

В 1515 году Латеранский собор о цензуре положил, чтобы никакая книга не была печатана без утверждения священства.

Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю

изданных о ней законоположений. Но опровержение Лютером власти папской, отделение разных исповеданий от римския церкви, прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде, однакож, духовенство присвоило себе право производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословский факультет Парижского университета новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом.

Скоро по введении * книгопечатания в Англии учреждена цензура. Звездная палата ¹⁴⁸, не меньше ужасная в свое время в Англии, как в Испании инквизиция или в России Тайная канцелярия, определила число печатников и печатных станов; учредила освобождателя ¹⁴⁹, без дозволения которого ничего печатать не смели. Жестокости ее против писавших о правительстве несчетны, и история ее оными наполнена. Итак, если в Англии суеверие духовное не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклися, да власть будет всецела, да очи просвещения покрыты всегда пребудут туманом обаяния и да насилие царствует на счет рассудка.

Со смертью графа Страфорда ¹⁵⁰ рушилась Звездная палата: но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгий парламент ¹⁵¹ возобновил прежние положения, против ее сделанные. При Карле II и при Якове I они паки возобновлены. Даже по совершении премены ¹⁵² в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись в 1694 году, вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, издохла **.

---

* Виллиам Какстон, лондонский купец, завел в Англии книгопечатницу при Эдуарде IV в 1474 году. Первая книга, печатанная на аглинском языке, была: «Рассуждение о шашечной игре», переведенное с французского языка. Вторая — «Собрание речений и слов философов», переведенное лордом Риверсом.

** В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалою даже мудрому законоположению спешить не надлежит.

Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область, в основательном своем законоположении, в главе I, в предложительном объявлении прав жителей пенсильванских, в 12 статье говорит: «народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема». В главе 2 о образе правления, в отделении 35: «Печатание да будет свободно для всех, кто хочет исследовать положения законодательного собрания или другой отрасли правления». В проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оно могли сообщать свои примечания, в 1776 году в июле, отделение 35: «Свобода печатания отверзта да будет всем, желающим исследовать законодательное правительство, и общее собрание да не коснется оныя никаким положением. Никакой книгопечатник да не потребует к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общего собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей». Делаварское государство в объявлении изъяснительном прав, в 23 статье, говорит: «Свобода печатания да сохраняема будет ненарушимо». Мариландское государство в 38 статье теми же словами объясняется. Виргинское в 14 статье говорит теми же словами: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатание до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве. Стоглазый Арг, сторучный Бриарей¹⁵³, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Бастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство. Если бы язык французский не был толико употребителен в Европе, не был бы всеобщим, то Франция, стняя под бичем цензуры, не достигла бы до того величия в мыслях, какое явили многие ее писатели. Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Тако сила,

кичась своими мышцами, осмеяна была и не ужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздны оставались, и слово твердое ускользало от них непоглощено.

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и беспачалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, — да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! — мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяла печатную книгу и сочинителя оной отдала под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О, Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей ¹⁵⁴.

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против рассудка и просвещения. Малые немецкие правления хотя вольности книгопечатания стараются положить преграду, но безуспешно. Векерлин хотя мстящую властью посажен был под стражу, но Седое Чудовище ¹⁵⁵ осталось у всех в руках. Покойный Фридрих II, король прусский, в землях своих печатание сделал почти свободным не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему дивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха. — Он узнал, что указы, им изданные, некто намерен был, собрав, напечатать. Он и к оным приставил двух ценсоров, или, правильнее сказать, браковщиков. О, властвование! о, всесилие! ты мышцам своим не доверяешь. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не заушила! — Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущей власть оставить стыдилось, которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти, да не дерзает на уродливое. Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в австрийских наследных владениях, в царствование

Марии Терезии, тяготила рассудок; но не мог он страсти с себя бремени предрассуждений и предлинное издал о цензуре наставление¹⁵⁸. Если должно его хвалить за то, что не возбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и таковые порицания издавать в печати; но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!.. * Чему дивиться? скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?

В России... Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. А теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь.

МЕДНОЕ¹⁵⁷

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок; пляшут; подойдем поближе, — говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитрого веселия до сердца моего не проник. О, мой друг!¹⁵⁸ где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза¹⁵⁹ вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н., или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. Публикуется: «Сего... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №... и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

---

* В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить цензурную комиссию, предместником его уничтоженную.

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где она производится, стоят неподвижны на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцем господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе¹⁶⁰; в Франкфуртскую баталию¹⁶¹ он раненого своего господина унес на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером. — Старуха 80 лет, жена его, была кормилицю матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своя ничего у господ своих не утратила, ничем не покрывалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием. — Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И до днесь чувствует она еще к нему некоторую печальность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были его воспитанницы¹⁶². Они с ним расстаются, как с сыном. — Молодича 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни утратить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвинив ее за спутника твоих мерзостей и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчаный с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоея утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ее и ноги... но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцево зверство, и сердце начало чув-

ствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного.— Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателям слова божия сочтование их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаньями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растленной совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей при его свидетелях, недостойных своего сана.— Детина лет в 25, венчаный ее муж, спутник и наперстник своего господина. Зверство и мщенье в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь, все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию.— Правосудие! — где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться.— Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот ¹⁶³ испустил тупой свой звук, и четверо несчастных узнали свою участь, — слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Навитвердевшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соблезнование? О, квакеры! ¹⁶⁴ если бы мы имели вашу душу, мы бы сложилися и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу.— Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль, лучше сказать, обычай варварский, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденный. Закон его освобождает. Пойдите, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О, счастье! почто

ты так обидело меня в твоём разделе? Днесь жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству. — Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — «Что тебе сделалось? ты плачешь!» — Возвратись, — сказал я ему: — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах. — «Не могу я верить, — сказал мне мой друг; — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение». — Не дивись, — сказал я ему: — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, — все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

ТВЕРЬ ¹⁶⁵

Стихотворство у нас, — говорил товарищ мой трактирного обеда, — в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень ¹⁶⁶.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии ¹⁶⁷ наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменный стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах

оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или псалмопевца¹⁶⁸ дактилями, или если бы Сумароков «Семиру» или «Дмитрия»¹⁶⁹ написал хореем, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами oprичь ямбов, и более бы славы в осмплетнем своем приобрел труде¹⁷⁰, описав взятие Казани свойственным эпопеи стихосложением. Не дивлюсь, что древний трюх на Virгилия¹⁷¹ надет ломоносовским покровом; но желал бы я, чтобы Омир¹⁷² между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, — ексаметрах, — и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неумолимый возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Телемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядькою¹⁷³, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредиаковского выруют из поросшей мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении прештствовать будет привыкшее ухо ко красловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Virгилий, Мильтон, Расин, Волтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады»¹⁷⁴ не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Все выше сказанное изрек пирный мой товарищ одним духом и с толикою поворотливостию языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой-чего имел на защищение ямбов и всех тех, которые ими писали.

— Я и сам, — продолжал он, — заразительному последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшуюся та же ожидает участь, как и сосестр ее постигшая. В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании ее в свет, ласкаясь, яко нежный отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно воззрят на первую. Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы, — сказал он мне подавая бумагу. — Я ее развернул и читал следующее: Вольность...¹⁷⁵ Ода... — За одно название отказали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе¹⁷⁶ о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместе.

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О! вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся ¹⁷⁷,
Седей во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

Сию строфу обвинили для двух причин: за стих «во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв, «бства тьму претв.», — на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на италянском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия... Но вот другой: «да смятутся ст гласа твоего цари». Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно... Но я не хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы. Позвольте, чтобы я вашим был чтецом.

2

Я в свет ишел и ты со мною...
Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержанье:
Человек во всем от рождения свободен...

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единокорно,
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачных долины,
 Среди тягченных жатвой нив,
 Где нежны процветают крины,
 Среди мирных под сеньми олив
 Пароска¹⁷⁸ мрамора белее,
 Яснейша дня лучей светлее,
 Стоит прозрачный всюду храм.
 Там жертва лжива не курится,
 Там надпись пламенная зрится:
 «Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию¹⁷⁹ венчанно,
 На твердом камени седий,
 Безжалостно и хладноравно
 Глухое божество.....

и пр. — изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие.

6

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вокруг себя,
 Равно на все взирает лица,
 Ни ненавидя, ни любя.
 Он лести чужд, лицеприятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенныя тли;
 Родства не знает, ни приязни,
 Равно делит и мзду и казни;
 Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав,
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав.
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,

«Его отчизна там», — гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд...

Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее:

Бояться истины велел...

Власть называет оное изветом божества, рассудок — обманом.

9

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства...

В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

10

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.

И все злые следствия рабства, как то: беспечность, лень, коварство, голод и пр.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,

В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея,
Я властною могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

12

И мы внимаем хладнокровно...

как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но, хотя вокруг твоего престола все стоят, преклонше колена, трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность...

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14

И ноци се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?»

15

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцем ей быть чадолюбивым,
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;
 Заслуги честью награждати,
 Устройством зло предупредати,
 Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями...

Дал способ к приобретению богатств и благоденствия.
 Желал я, чтобы земледelec не был пленник на своей ниве и
 тебя бы благословлял...

17

Своих кровей я без пощады
 Гремящую воздвигнул рать;
 Я медны изваял громады ¹⁸⁰,
 Злодеев внешних чтоб карать.
 Тебе велел повиноваться,
 С тобою к славе устремляться.
 Для пользы всех мне можно все.
 Земные недра раздираю,
 Металл блестящий извлекаю
 На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
 Забыв, что я избрал тебя,
 Себе в утеху быть венчанну
 Возмнил, что ты господь, не я.
 Мечем мои расторг уставы,
 Безгласными поверг все правы,
 Стыдиться истине велел.
 Расчистил мерзостям дорогу,

Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не шадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль золото богом ты признал?

20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный,
Ты стал невинности сулить;
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах,
Ирой! — зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший...

Ты все совокупил злодеяния и жало свое в меня устремил...

Умри! умри же ты стократ!» —
Народ вещал...

22

Великий муж, коварства полный,
Ханжа и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.

Я чту, Кромвель ¹⁸¹, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил.
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

23

И се глас вольности раздается во все концы...

На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает,
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

24

В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее, то-есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...

34

Но страсти, изощряя злобу...

превращают спокойствие граждан в пагубу...

Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,

и все следствия безмерного желанья властвовать...

35, 36, 37

Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобий.
Гражданская брань. Марий, Сулла ¹⁸², Август...

Тревожну вольность усыпил.
Чугунный скипетр обвил цветами...

следствие того — порабощение...

Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...

40

На что сему дивиться? и человек рождается на то, чтобы умереть...

Следующие 8 строф содержат пророчества о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...

49

Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О, день, избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулася, и вольность воссияла. Вот и конец, сказал мне повомодный стихотворец.— Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса¹⁸³, когда он с норовом.

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: — Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травкою, мохом — наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придет вспомнать меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза, не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она так же вопила: — Прости, мой друг сердечный, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подружки мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.

Парень им говорил: — Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей¹⁸⁵. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали из экономического селения¹⁸⁶.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати,

посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

— Услышал господь молитву мою,— вещал он.— Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господский был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он отвечал: — Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякий другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой берег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батожем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян?

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурый кафтан со бритым лбом ¹⁸⁷. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи толь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

— Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве: сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованим, ни позыва не сделают свистом. Старый мой барин, человек добросердечный, разумный и добродетельный, нередко рыдавший над участию своих рабов, хотел за долговременные заслуги

отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потоне. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставления нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше успел своего молодого господина.

— Ванюша, — говорил мне старый барин, — счастье твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений, нежели мой сын. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею познакомился. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения. — На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие края с надзирателем, коему предписано было меня почитать сопутником, а не слугою. Отправляя меня, старый мой барин сказал мне: надеюсь, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, рождением твоим на тебя наложенных, ты не обрящешь. — Мы отсутствовали были пять лет и возвращались в Россию; молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отечества. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я — приведен в отчаяние. Ибо все мои старания приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина всегда были тщетны. Он не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смертью своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают.

Чрез неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотою телесною соединяла скреднейшую душу

и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличию почитала только внешность, знатность, богатство. Через два месяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего, как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал его иногда желания, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тяжесть моего жребия. Первый вечер по свадьбе и следующий день, в который я ей представлен был супругом ее, как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многочисленном собрании пришли все к столу и сели за первый ужин у новобрачных и я, по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оный не сажал. Он, взглянув на меня и движим уже ею, прислал ко мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колико чувствительно мне было сие унижение. Я, скрыв, однакоже, иступающие из глаз моих слезы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не наведываясь обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Через неделю после свадьбы, в один день, после обеда, новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Они для меня уготованы были старым моим барином. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказали ее приказ, что мне отведен угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постеля, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть, повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела на меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сего должности влекло

за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мне не родиться! Колико крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек, всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом души уязвлении.

Племянник моей барыни, молодец осмнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горнишную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностью, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился. Ибо тетушка его, узнав о сем, запретила вход к себе своей горнишной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все они были уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашла. И о сем госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания.— Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю: но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть не может.— Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потом к супругу ее:— Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; но не доводи до отчаяния души твоя благороднейшей, страшись!— Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день едва я мог встать от побоев с постели; и пакки приведен был пред госпожу мою.— Я тебе прощу,— говорила она,— твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит, и я, любя ее в самом ее преступлении, хочу это для нее сделать.— Мой ответ,—

сказал я ей, — вы слышали вчера, другого не имею. При-
совоюплю только то, что просить на вас буду начальство
в принуждении меня к тому, к чему не имеете права. —
Ну, так пора в солдаты, — вскричала яростно моя госпо-
жа... — Потерявший путешественник в страшной пустыне
свою стезю меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели
обрадован был я, услышав сии слова: — в солдаты, —
повторила она, и на другой день то было исполнено. —
Несмысленная! она думала, что так, как и поселянам,
поступление в солдаты есть наказание. Мне было то от-
рада, и как скоро мне выбрили лоб, то я почувствовал, что
я переродился. Силы мои обновились. Разум и дух паки
начали действовать. О! надежда, сладостное несчастному
чувствие, пребуди во мне! — Слеза тяжкая, но не слеза
горести и отчаяния истушила из очей его. — Я прижал его
к сердцу моему. Лице его новым озарилось веселием. —
Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою, — вещал
он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бед-
ствие мое не бесконечно...

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой
увидел трех скованных человек крепчайшими железамы.
Удивления достойно, сказал я сам себе, взирая на сих
узников: — теперь унылы, томны, робки, не токмо не
желают быть воинами, но нужна даже величайшая жесто-
кость, дабы вместить их в сие состояние; но, обыкнув в сем
тяжком во исполнении звании, становятся бодры, пред-
приимчивы, гнушаяся даже прежнего своего состояния.
Я спросил у одного близстоящего, который по одежде
своей приказным служителем быть казался. — Конечно,
бояся их побегу, заключили их в толь тяжкие оковы? —
Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, ко-
торому зандобилися деньги на новую карету, и для полу-
чения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным
крестьянам.

Я. Мой друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне поку-
пать не могут своей братии.

Он. Не продажею оно и делается. Господин сих несча-
стных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю;
они, будто по желанию, приписываются в государственные
крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а
волость по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут
теперь с отпускными для приписания в нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются, как скоты! О, законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!— С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщили бы удручительные помыслы своих тиранов... Возвратимся...— Друзья мои,— сказал я пленникам в отечестве своем,— ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может?— Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетними сестрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей.— Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпускная и что вас покупщики ваши хотят приписать в свою волость, будто по вашей воле.— О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру¹⁸⁸, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди.— Прибавьте к тому, что вас продал ваш господин не в указанное время и что отдают вас насильным образом*.— Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрынув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты: отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили:

---

* Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчие.

барин не в свое мешается дело, отойди пока сух, и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностью принужден был удалиться от сея толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающих человека в разодранном сертуке, несколько, казалось, пьяного, кривляющегося на предстоящих, которые, глядя на него, хохотали до слез.—Что тут за чудо? — спросил я у одного мальчишка, — чему вы смеетесь? — А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть.— Из редких слов, им изреченных, узнал я, что он был француз. Любопытство мое паче возбудилось; и желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? Я спросил его на сродном ему языке:— Мой друг, какими судьбами ты здесь находишься?

Ф р а н ц у з. Судьбе так захотелось, где хорошо, тут и жить должно.

Я. Да как ты попался в рекруты?

Ф р а н [ц у з]. Я люблю воинскую жизнь, мне она уже известна, я сам захотел.

Я. Но как то случилось, что тебя отдают из деревни в рекруты? Из деревень берут в солдаты обыкновенно одних крестьян, и русских, а ты, я вижу, не мужик и не русский.

Ф р а н [ц у з]. А вот как. Я в Париже с ребячества учился перукумахерству. Выехал в Россию с одним господином. Чесал ему волосы в Петербурге целый год. Ему мне заплатить было нечем. Я, оставив его, не нашед места, чуть не умер с голоду. По счастью, мог попасть в матрозы на корабль, идущий под российским флагом. Прежде отправления в море приведен я к присяге, как российский подданный, и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня линьком за то, что был ленив. По неосторожности моей упал с вантов на палубу и выломил себе три пальца, что меня навсегда сделало неспособным управлять гребнем. Приехав в Любек, попался прусским наборщикам¹⁸⁹ и служил в разных полках. Нередко за леность и пьянство бит был палками. Заколов, будучи пьяный, своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнил, что я обязан в России присягою; и, яко верный сын отечества, отправился в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался милостынею. В Риге счастье и искусство

мое мне послужили; выиграл в шинке рублей с двадцать и, купив себе за десять изрядный кафтан, отправился лакеем с казанским купцом в Казань. Но, проезжая Москву, встретился на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина и искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они мне отвечали: — ты говоришь по-французски, то и того довольно. — Хозяин мой не видал, как я на улице от него удалился; он продолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахару, пуд кофе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целый год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват того господина, у которого я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Не нашед другого подобного сему дурака, не могли отправлять мое ремесло с изломанными пальцами и боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в крестьяне и отдают в рекруты. Надеюсь,— говорил он важным видом,— что сколь скоро будет война, то дослужуся до генеральского чина; а не будет войны, то набью карман (коли можно) и, увенчан лаврами, отъеду на покой в мое отечество.

Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь.

ЗАВИДОВО ¹⁹⁰

Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготовлялся к отъезду, как вдруг сделался на улице великий шум. Люди начали бегать из краю в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шапке, гордо расхаживающего и, держа поднятую плеть, кричащего: «Лошадей скорее; где староста? его превосходительство будет здесь чрез минуту; подай мне старосту...» — Сняв шляпу за сто шагов, староста бежал во всю прыть на сделанный ему позыв.— «Лошадей скорее!»— «Тотчас, батюшка; пожалуйте подорожную».— «На. Да скорее же, а то я тебя...»— говорил он, подняв плеть над головою дрожащего старосты. Недоконченная сия речь столь же была выражения исполнена, как у Виргилия в «Энеиде» речь Эола к ветрам ¹⁹¹: «Я вас!..» и, сокращенный видом плети властновелитель-

ного гранодера, староста столь же живо ощущал мощь десницы грозящего воина, как бунтующие ветры ощущали над собою власть сильной Эоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорил: «Его превосходительству с честною его фамилией потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать налицо, другие в разгоне». — «Роди, старый чорт. А не будет лошадей, то тебя изуродую». — «Да где же их взять, коли взять негде?» — «Разговорился еще... А вот лошади у меня будут»... и, схватя старика за бороду, начал его бить по плечам плетью нещадно. — «Полно ли с тебя? Да вот три свежие, — говорил строгий судья ямского стана, указывая на впряженных в мою повозку. — Выпряги их для нас». — «Коли барин-та их отдаст». — «Как бы он не отдал! У меня и ему то же достанется. Да кто он таков? — Невесть какой-то...» — как он меня величал, того не знаю.

Между тем, я, вышед на улицу, воспретил храброму предтече его превосходительства исполнить его намерение и, выпрягая из повозки моей лошадей, меня заставить почевать в почтовой избе.

Спор мой с гвардейским Полканом прерван был приездом его превосходительства. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес поднимающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, аки громовой тучи, ямщиков. Дон Кишот ¹⁹², конечно, нечто чудесное бы тут увидел, ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезда моего на почтовый стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целый час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как в четверть часа... и поскакали они на крылех ветра. А мои клячи, хотя лучше казались тех, кои удостоились вести превосходительную особу, но, не бояся гранодерского кнута, бежали посредственною рысью.

Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа

им повинуются. Даже бессмысленные скоты угрожают их желаниям, и, дабы им в путешествии зевая не наскучилось, скачут они, не жалея ни ног, ни легкого, и нередко от натуги околевают. Блаженны, повторяю я, имеющие внешность, к благоговению всех влекущую. Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется; что ему ни А... ни О... во всю жизнь свою сказать не удалось *, что он одолжен, и сказать стыдно кому, своим возвышением; что в душе своей он скареднейшее есть существо; что обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство, грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного истощника и раб едва-едва при дворе нечто значащего. Но властелин и презирающий не ведающих его низкости и ползущества. Знатность без истинного достоинства подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезвычайные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А сколь скоро в толпу, их боготворящую, завернется мало кто, грубейшего невежества отчуждившийся, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцев они не терпят в том месте, где они творят чудеса. Равно берегись и тот, кто посмеет обнаружить колдовство вельмож.

Но где мне гнаться за его превосходительством! Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла, и я, приехав в Клин, нашел даже память его, погибшую с шумом.

КЛИН ¹⁹⁴

— «Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь...» — Поющий сию народную песнь, называемую «Алексеем божьим человеком» ¹⁹⁵, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою, по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения

---

* См. рукописную Придворную Грамматику ¹⁹³ Фон-Визина.

сопровожаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди¹⁹⁶. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнились иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролились по ланитам воспевающего! О, природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явились робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа,— возопил я паки...

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оною чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером...¹⁹⁷ О, мой друг¹⁹⁸, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождав благодарностью свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: — «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошел к нему, я в дрожащую его руку толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему,— вещал я сам себе,— подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соблезнование человечества,

в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! koliko мал я сам себе тогда казался, koliko завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу!— Не пятак ли?— сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово.— Нет, дедушка, рублевик,— сказал близстоящий его мальчик.— Почто такая милостыня?— сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалось, мысленно вообразити себе то, что в горсти его лежало.— Почто она не могущему ею пользоваться? Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолок бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению. Полушку немного прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора.— О, истина! koliko ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну.— Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин, на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не падал никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего, безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество.— Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

— Прими свой праздничный пирог, дедушка,— говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти.— С каким восторгом он принял его обеими руками!— Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младен-

честве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждый день и каждый праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок,— сказал я ему,— и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца.— Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию,— говорил старец;— не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согрет шею, горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нищего.— Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращаясь чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой,— сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам,— надел, заболев перед смертью, на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие.

ПЕШКИ 198

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод — не свой брат, принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу,

фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальних походах ²⁰⁰, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофею и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подослала ко мне маленького мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья.— Почему боярское?— сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара; — неужели и ты его употреблять не можешь?— Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы.— Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?— Не все; но все господа — дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?— Говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несаяной муки.— Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж, вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть! Потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит.— И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обзрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило.— Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружкй, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по

праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на укус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода.— Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояниие.— Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем,— воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет.— Закон запрещает отъяти у него жизнь.— Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны— почти всесилие, с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...

Жестокосердый помещик! посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести обложил сверх всех полевых работ оброком? Не ты ли несотканное еще полотно определяешь себе в пользу? На что тебе смрадное рубище, которое к тебе привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужит оно на отирание служащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда,— но пред судиею, не ведающим лицепрятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратный твой рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпный сей деяний твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебе и подвластным тебе на пользу... О! если бы человек, входя по часту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претво-

ренный в столп неподвижный громopodobным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительствы, опустошения... и пр. и пр. и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ ²⁰¹

Здесь я видел также изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претворится определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь, к олтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий, зиждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!.. Почто удивляться сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для хранения закона определенный,— дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управлять себе подобным самовластно.— О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и вночат моих...

Я тебе, читатель, позабыл сказать, что парнасский судья ²⁰², с которым я в Твери обедал в трактире, мне сделал подарок. Голова его над многим чем испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди сам, а мне скажи на ушко, каково тебе покажется. Если, читая, тебе захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для бессонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВЕ ²⁰³

Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невский монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей *. Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва-едва ли на синем своде была чувствительна **. Возвра-

* Озерки.

** Июнь.

щаяся домой, я шел мимо Невского кладбища. Ворота были отверсты. Я вошел... На сем месте вечного молчания, где наитвердейшее чело поморщится, несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов, на месте незыблемого спокойствия и равнодушия непоколебимого, могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность? Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни, но знаки желанья его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек толико жаждущ?.. Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранил память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и во вски в творениях твоих, слово Российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных, за неособримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолесны[й] сей град, откуда громкое твое пение раздавалося во все концы обширныя России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества; но доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умерети. Но если кто умеет исчислить меру сего продолжения, если перст гадания назначит предел твоему имени, то не се ли вечность?.. Сие изрек я в восторге, остановясь пред столпом, над тлением Ломоносова ²⁰⁴ воздвигнутым.— Нет, не хладный камень сей повествует, что ты жил на славу имени российского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, житие твое да скажет, почто ты славен ²⁰⁵.

Где ты, о! возлюбленный мой! ²⁰⁶ где ты? Прииди беседовати со мною о великом муже. Прииди, да соплетем венец насадителю российского слова. Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах... Рожденный от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством одного понятие его изострилося и украсилося полезными и приятными знаниями, определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленная

области не далее их ремесла простирается, сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел, трудясь в испытании природы, ни глас его той сладости, которую он имел от обхождения чистых Мусс. От воспитания в родительском доме он приял маловажное, но ключ учения, знание читать и писать, а от природы — любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою в души наши, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славолюбим не может терпеть пут, его стесняющих. Ревет оно, клокочет, стонет и, махом прерывая узы, летит стремглав (нет преткновения) к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышим, им живем.

Не выпуская из очей своих вожделенного предмета, юноша собирает познание вещей, в слабейших ручьях протекшего наук источника до нижайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего, память, острит и украшает тем, что бы рассудок его острить долженствовало. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа, но паче возжгла в юноше непреодолимое к учению стремление. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас впервые из нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей.

Подстрекаем науки алчною, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град ²⁰⁷, приходит в обитель иноческих Мусс ²⁰⁸ и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божью.

Преддверие учености есть познание языков; но представляется яко поле, тернием насажденное, и яко гора, строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника — покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющего убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием исходящего из нее воздуха утомляется, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, рассудок без

действия ослабевают, воображение теряет свое крылье; единая память бдит и острится, и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков и усвоив чуждые произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуповательно, восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но, превзошедши трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, беседуем с жившими за многие тысячи веков, усвояем их понятия; и всех народов, и всех веков изобретения и мысли сочetoваем и приводим в единую связь.

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима ²⁰⁹. И се наградилося его постоянство. Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною глазоврачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разнообразности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живее обыкших всегда во зрении очей чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъявлять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг ²¹⁰ он основание положил к изящности своего слога, какое чте-

ние он предлагает всем желающим приобрести искусство русского слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик стал славного Вольфа ²¹¹. Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика верные делать заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть, ради изящности силы воображения прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ее таинства; металлургия и минералогия, яко последовательницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила, в оных науках руководствующие.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на таковые, в коих был недостаток. Сие произвело торговлю. Великие в меновном торгу затруднения побудили мыслить о знаках, всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Злато и серебро, яко драгоценнейшие по совершенству своему металлы и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие. И тогда только поистине, тогда возгорелась в сердце человеческом ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень, вся пожирающий, усиливается, получая пищу. Тогда, оставив первобытную свою простоту и природное свое упражнение, земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам или, презрев глад и зной пустынный, претекал чрез оные в неведомые страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда, презрив свет солнечный, живой нисходил в могилу и, расторгнув недра земные, прорывал себе нору, подобен земному гаду, ищущему в нощи свою пищу. Тако человек, сокрываясь в пропастях земных, искал блестящих металлов и сокращал пределы своей жизни на половину, питаясь ядовитым дыханием паров, из земли исходящих. Но как и самая отравы, став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металлов, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своей смертоносности; а паче изысканы

способы добывать легчайшим образом большее число металлов по возможности.

Сего-то хотел познать Ломоносов деятельно и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберх. Мне мнится, зрю его пришедшего к отверстию, чрез которое истекает исторгнутый из недр земных металл. Приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязать не могут николи. Исполнил первый шаг, — что делаешь? — вопиет ему рассудок. — Неужели отличила тебя природа своими дарованиями для того только, чтобы ты употреблял их на пагубу своей собратии. Что мыслишь, нисходя в сию пропасть? Желает ли снискать вящее искусство извлекати серебро и золото? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки?.. Но нет, нисходи, познай подземные ухищрения человека и, возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущие погребаются.

Трепещущ нисходит в отверстие и скоро теряет из виду живоносное светило. Желал бы я последовать ему в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем порядком, какими они вразуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первый слой земли²¹², источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других паче всего своею плодоносною силою. Заключал, может быть, из того, что поверхность сия земная не из чего иного составлена, как из тления животных и прозябений, что плодородие ее, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не перемня своего существа, перемняют вид только свой, из сложения случайного рождающийся. Проходя далее, подземный путешественник зрел землю, всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и заключать мог, что слоистое расположение земли начало свое имеет в наплавном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сие едино-

видное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смешение многих разнородных слоев. Заключал из того, что свирепая стихия огонь, проникнув в недра земли и встретив противоборствующую себе влагу, ярьась, мутила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тщилось своим противодействием. Смутив и смешав разнородные, знойным своим дохновением возбудила в первобытностях металлов силу притяжательную и их соединила. Там узрел Ломоносов сии мертвые по себе сокровища в природном их виде, вспомнил алчбу и бедствие человеков и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь в познании природы, он не оставил любименного своего учения стихотворства. Еще в отечестве своем случай показал ему, что природа назначила его к величию; что в обыкновенной стезе шествия человеческого он скитаться не будет. Псалтирь, Симеоном Полоцким ²¹³ в стихи преложенная, ему открыла о нем таинство природы, показала, что и он стихотворец. Беседа с Горацием, Вергилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их. И так он вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он, написав оду на победу ²¹⁴, одержанную российскими войсками над турками и татарами, и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышащие, изумили читающих сие новое произведение. И сие перво родное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что, когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.

Сила воображения и живое чувство не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого

слова, не забывая, однакоже, что обычай первый всегда подает в сочетании слов пример, и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила русского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; итак, слово есть изображение наших мыслей посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательного различия голоса различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь, или ее деяние. Изображение словесное вещи называется *имя*; изображенное деяние — *глагол*. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи служат другие части слова. Но первые суть необходимы и называться могут главными частями слова, а прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени; оттуда и глаголы расположены по временам, для изображения деяния, в какое время оно происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предслав такое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила русского слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Не гнушайся, великий муж, сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя

одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о российском слове суть многообразны; и ты считаешься в малопритязательном сем своем труде яко первым основателем истинных правил языка нашего и яко разыскателем естественного расположения всяческого слова. Твоя грамматика²¹⁵ есть преддверие чтения твоея риторики²¹⁶, а та и другая — руководительницы для осязания красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Гелликона²¹⁷, показав им путь к красноречию, начертавая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни допустила его из поднятого труда совершить одну только половину.

Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах, сила доводов — в их остроумии. Удивляясь толико отменным в слове мужам²¹⁸ и раздробляя их речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями. Сие есть начало риторики. Ломоносов, следуя, не замечая того, своему воображению, исправившемуся беседою с древними писателями, думал также, что может сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший. И хотя он тщетный в сем предпринял труд, но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут, несомненно, руководствовать пускающемуся вслед славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить, — Ломоносов надежнейшие любящим российское слово оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слого, почто не могу сказать при каждой

букве, слышен стройный и согласный звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Приняв от природы право неопценное действовать на своих современников, приняв от нее силу творения, поверженный в среду народных толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, действительность свою присну везде соделовают, — тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразными утверждал общему уму стези на познании. Повлекши его за собою во след, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при тощем без мыслей источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. И се паки гремевшая на Олимпийских играх Пиндарова труба возгласила хвалу всевышнего во след Псальмопевца ²¹⁹. На ней возвестил Ломоносов величие предвечного, восседающего на крыле ветренней, предшествуемого громом и молниею и в солнце являя смертным свою существенность, жизнь. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспел бренность человека и близкий предел его понятий. В бездне миров ²²⁰ беспредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем николи, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человеческий? Се ты, о Ломоносов, одежда моя тебя не сокроет.

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете. И если бы можно было без уязвления истины и потомства, простил бы я то тебе ради признательных твоя души ко благодеяниям. Но позавидует не могущий во след тебе итти писатель оды, позаидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов ²²¹ и сел, царств и царей утешения, позавидует бесчисленным красотам твоего слова, и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но доселе не удался еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопе-

нием, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, избыточен в сущности твоих стихов!.. Но воззри: в пространном ристалище, коего конца око не достягает, среди толпящейся многочисленности, на возглавии, впереди всех, се врата отверзающ к ристалищу, се ты. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому всеильному нельзя отъять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы, доселе бесплодно трудившиеся над познанием сущности души и как сия действует на телесность нашу, се трудная вам предлежит задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова.

Но если действие стихов Ломоносова могло размашистый сделать шаг в образовании стихотворческого понятия его современником, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы, собранные им в Афинах ²²² и в Риме и столь удачно в словах его пресажденные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаяся в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться. Но если мы непосредственного от витийства Ломоносова не находим отродия, действие его благогласия и звонкого препинания бесстопной речи было, однакоже, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

Но не заблуждаем ли мы в нашем заключении? Задолго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей

церкви, которые, возвещая слово божие пастве своей, ее учили и сами словом своим славились. Правда, они были; но слог их не был слог российский. Они писали, как можно было писать до нашествия татар, до сообщения россиян с народами европейскими. Они писали языком славенским. Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаясь, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Когда российское воинство, поражая гордых оттоманов, превысило чаяние всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты, призванный на торжественное благодарение богу браней, богу сил, о! ты, в восторге души твоей к Петру взывавший над гробницею его, да придет зрети плода своего насаждения: «*Востани, Петр, востани!*» когда очарованное тобою ухо очаровало по чреде око, когда казалось всем, что, приспевый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышею одаренный; тогда бы и я вещал к Ломоносову: зри, зри, и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона ²²³ и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце.

Чуждый раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним быти ему богом всезидущим, не посвятим его истуканом на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и, если бы всеильный восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лице наше будет от него отвращено.

Следуя истине, не будем в Ломоносове искать великого деписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Маркграфа или Ридигера ²²⁴, зане упражнялся в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя. Он скитался путями проложенными ²²⁵, и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейшия былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего

зреть может? Надпись, начертанная не ласкательством, но истиною, дерзающею на силу: «*Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей*»²²⁶. За то ли Ломоносова близ его поставим, что преследовал электрической силе в ее действиях; что не отвращен был от исследования о ней, видя силою ее учителя своего пораженного смертно²²⁷. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел.

Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятным. И хотя мы не находим в творениях его, до естественных науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однакоже, учителя в слове и всегда достойный пример на последование.

Итак, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал; или только, распложая неистовое слово, вождаемся иступлением и пристрастием? Цель наша не сия. Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский²²⁸ не достоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеислие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопеи²²⁹, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и вся терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и телеса, крутящиеся горé образовались. Первый мах в творении всеислен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю

я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

Но, любезный читатель, я с тобою закалялся... Вот уже Всесвятское... Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути ²³⁰. Теперь прости.— Ямщик, погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!! ....

ПИСЬМО К ДРУГУ,
ЖИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ В ТОБОЛЬСКЕ,
ПО ДОЛГУ ЗВАНИЯ СВОЕГО

Санктпетербург, 8 августа 1782-го года

Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента, Петру Первому в честь воздвигнутого, то-есть открытие его статуи, работы Г. Фальконета ¹. Любезный друг, побеседуем о сем в отсутствии. Пребывая в отдаленном *отечества* нашего краю, отлученный от твоих ближних, среди людей, неизвестных тебе ни со стороны качеств разума и сердца; не нашед еще, может быть, в краткое время твоего пребывания не токмо друга, но ниже приятеля, с коим бы ты мог сетовать во дни печали и скорби и радоваться в часы веселия и утех, ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселие часами, утех же мгновением, ты охотно, думаю, употребишь час хотя единый отдохновения твоего на беседование с делившим некогда с тобою горесть и радовавшимся о твоей радости, с кем ты юношеские провел дни свои.

Вокруг места, где сооружался сокровенно чрез 15 лет образ изваянный императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотне заслона, а хоромина, бывшая над ним, неприметно сломана, и место вокруг все очищено.

В день, назначенный для торжества, во втором уже часу пополудни, толпы народа стекались к тому месту,

где зреть желалли лице обновителя своего и просветителя. Полки гвардии Преображенский и Семеновский, бывшие некогда сотоварищи опасностей Петровых и его побед, также и другие полки гвардии, тут бывшие, под предводительством начальников своих окружили места позорища, артиллерия, кирасирский Новотроицкий полк и Киевский пехотный заняли места на близлежащих улицах. Все было готово; тысячи зрителей на сделанных для того возвышениях и толпа народа, рассеянного по всем близлежащим местам и кровлям, ожидали с нетерпением зрети образ того, которого предки их в живых ненавидели, а по смерти оплакивали. Истинно бо есть и непреложно: достоинство, заслуги и добродетель привлекают ненависть нередко и самих тех, кои причины не имеют их ненавидеть; когда же вина и предлог ненависти исчезает, то и она не отрицает им должного, и слава великого мужа утверждается по смерти. Сооружившая монумент славы Петра императрица Екатерина, сев на суда у летнего своего дома, прибыла к пристани, вышед на берег, шествовала на уготованное при сенате ей место между строя воев своих. Едва вступить она успела на оное, как бывшая вокруг статуи заслона помалу и неприметно как опустилася. И се явился паки взорам нашим сидяц на коне борзом, в древней отцов своих одежде, муж, основание града сего положивший и первый, который на невских и финских водах воздвиг Российский флаг ², доселе не существовавший. Явился он взорам любезных чад своих сто лет спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему сущу, прияла скипетр обширныя России, пределы коея он расширил столь славно.

Благословенно да будет явление твое, речет преemiца престола его и дел и преклоняет главу. Все следуют ее примеру. И се слезы радости орошают ланиты. О, Петр! Когда громкие дела твои возбуждали удивление и почтение к тебе, из тысячи удивлившихся великости твоего духа и разума был ли хотя один, кто от чистоты сердца тебя возносил. Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидели и дела твои порицали; другие, объемлемые ужасом беспредельно самодержавныя власти, раболепно пред блеском твоея славы опускали зеницы своих очей. Тогда был ты жив, царь, всемогущ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты

бездыханен, когда ты меньше силен, нежели последний из твоих воинов, шестьдесят лет по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность неместна. Но колико крат более признание наше было живее и тебя достойнее, когда бы оно не следовало примеру твоея преемницы, достойному хотя примеру, но примеру того, кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет. Признание наше было бы свободнее, и чин открытия изваянного твоего образа превратился бы в чин благодарственного молобствования, каковое в радости своей народ воссылает к предвечному отцу.

Из тысящей бывших тут зрителей известных было три человека, кои Петра I видели. Но неприметно было, ощутили ли они при явлении *его* образа то благоговение, которое ощущаем, увидев мужа славна, нам известного.— Действие продолжалось. Пушечная пальба со стоящих на реке судов, с крепости и адмиралтейства и троекратный беглый огонь возвещали отсутственным явлением образа, приведшего силы пространная России в действие. Стоявшие в строю полки ударили поход, отдавая честь и с преклонными знаменами шли мимо подавшего им первый пример слепого повиновения воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудов, при продолжающейся военных судов пальбе, которые Сардамскому плотнику в честь украсились многочисленными флагами. Сей день ознаменован ³ прощением разных преступников и медалию, сделанною в честь обновителя России.

Статуя представляет мощного всадника, на коне борзом стремящемся на гору крутую, коея вершины он уже достиг, раздавив змею, в пути лежащую и жалом своим быстрое ристание коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звериная кожа вместо седла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадник без стремян, в полукафтаны, кушаком препоясан, облеченный багряницею, имеющ главу, лаврами венчанную, и десницу простертую. Из сего довольно можешь усмотреть мысли изваятеля. Еслиб ты здесь был, любезный друг, если бы ты сам видел сей образ, ты, зная и правила искусства, ты, упражняясь сам в искусстве, сему обратном, ты лучше бы мог судить о нем. Но позволь отгадать мне мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действие свои

намерения; змея, в пути лежащая, коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвещение, кои Петр нашел в народе, который он преобразовать вознамерился; глава, лаврами венчанная,— победитель бо был прежде, нежели законодатель; вид мужественный и мощный и крепость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, как ее называет Дидеро, и взор веселый суть внутреннее уверение достигшия цели, и рука простертая являет, что крепкий муж, преодолев все стремлению его противившиеся пороки, покров свой дает всем, чадами его называемымся. Вот, любезный друг, слабое изображение того, что, взирая на образ Петров, я чувствую. Прости, буде я ошибаюсь в моих суждениях о искусстве, коего правила мне малоизвестны. Надпись сделана на камне самая простая: Петру Первому, Екатерина Вторая, Лета 1782-го.

Петр по общему признанию наречен Великим, а сенатом — отцем отечества. Но за что он может великим назваться. Александр, разоритель полусвета, назван великим; Константин, омытый в крови сыновней, назван великим; Карл первый, возобновитель Римския империи, назван великим; Лев, папа римский, покровитель наук и художеств, назван великим; Козма Медицис, герцог тосканский, назван великим; Генрих, добрый Генрих IV, король французский, назван великим; Людвиг XIV, тщеславый и кичливый Людвиг, король французский, назван великим; Фридрих II, король прусский, еще при жизни своей назван великим. Все сии владетели, о множестве других не упоминая, коих ласкательство великими называет, получили сие название для того, что исступили из числа людей обыкновенных услугами к отечеству, хотя великие имели пороки. Частный человек гораздо скорее может получить название великого, отличаяся како[й]-либо добродетелию или качеством, но правителю народов мало для приобретения сего лестного названия иметь добродетели или качества частных людей. Предметы, над коими разум и дух его обращается, суть многочисленны. Посредственный царь исполнением одной из должностей своего сана был бы, может быть, великий муж в частном положении; но он будет худой государь, если для одной пренебрежет многие

добродетели. Итак, вопреки женевскому гражданину ⁴, познаем в Петре мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно.

И хотя бы Петр не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться, что дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия. Да не уничижуся в мысли твоей, любезный друг, превознося хвалами столь властного самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстить невозможно! И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что ли[бо] из своей власти, сядя на престоле *.

---

* Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Людвига XVI дал бы сочинителю другие мысли.

ЖИТИЕ
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА,
С ПРИОБЩЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ
ЕГО СОЧИНЕНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА

Алексею Михайловичу Кутузову

Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, вспоминаешь иногда о днях юности своея; о времени, когда все страсти, пробуждаясь в первый раз, производили в новой душе нестройное хотя волнение, но дни блаженнейшие всея жизни соделовали. Беззаботный дух и разум неопытною не претили в веселии распространяться чувствам, чуждым скорбного еще нервов содрогания. Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проникая начальную его твердость, когда нередко наиплачевнейший день скончался веселия исступлением. Отвлечения мысленно невинную часто порочность из деяний юности, найдешь, что после первых восторгов веселия подобных в жизни своей не чувствовал. Первое веселие назвать можно вершиною блаженства, и потому только, что оно первое; последующее уже есть повторение, и нечаянности приятность его не живет. Не с удовольствием ли, мой друг, повторю я, вспоманешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение во дни скорби и надеяние мое для дней успокоения. Не возрадуешься ли,

если узришь паки подавшего некогда нам пример мужества, узришь учителя моего по крайней мере в твердости. Воспомяни, о мой друг! Федора Васильевича, сгораема внутренним огнем, кончину свою слышавшего из уст нелестивого своего врача и к тебе, мой друг, к тебе прибегающего на скончание своего мучения... Воспомяни сию картину, и скажи, что делалось тогда в душе твоей. Пиющий Сократ отраву пред друзьями своими наилучшее преподавал им учение, какого во всем житии своем не возмог.

Таковые размышления побудили меня описать житие сотоварища нашего Федора Васильевича Ушакова. Я ищущу в том собственного моего удовольствия; а тебе, любезнейшему моему другу, хочу отверзти последние излучины моего сердца. Ибо нередко в изображениях умершего найдешь черты в живых еще сущего.

Первые годы жизни Федора Васильевича мало мне известны; и хотя бы охотно и с удовольствием их я начертал, находя в первейших детских и отроческих деяниях начальное образование души его, находя в пятилетнем Ушакове семена твердости, душу его возвышавшей в возмужалых летах: но лучше признаюсь в неведении моем, нежели поставлю что-либо гадательное вместо истины, и единственного да не отыму побуждения ко чтению сего повествования во истине.

Но не гадательным предположением назвать можно, если скажу, что воспитанием своим в Сухопутном кадетском корпусе¹ положил он основательное образование прекрасная своей души. Ибо в душе своей более предусмотреть мог, нежели в разуме, скончав жизнь свою тогда, когда юношескою крепостию мозга представления, воображения и мысли, проницая друг друга, первые полагают украшения верховного нашего члена главы; когда разум, хотя собрав посредством чувств много понятий, не имел еще довольного времени устроить их в порядок, дабы и последнее возбуждало первое, переходя все между стоящее.

Успехи Федора Васильевича в науках побудили тогда тайного советника Теплова² взять его к себе в должность секретаря, с чином титулярного советника. По издании Рижского торгового устава, при составлении которого он много трудился, получил он чин коллежского ассессора. Люди, ослепляющиеся внешностию и чтущие в человеке чин, а не человека, завидуя ему и прудуказуя его возвыше-

ние, обучались уже его почитать заранее: но сколь не равных с ними он сам о себе был мыслей, доказал то самым делом.

Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу государства, восхотела, чтобы между людьми, в делах судебных, или судопроизводных обращающимися, было некоторое число судей, имеющих понятие, каким образом отличившиеся законоположением своим народы оное сообразовали с деяниями граждан на суде. На сей конец определила послать в Лейпцигский университет двенадцать юношей³ для обучения юриспруденции и другим к оной относящимся наукам. Будучи извещен о сем благом намерении императрицы, Федор Васильевич прибегнул просьбою к начальнику своему, да участвует в приобретении знаний, сотовариществуя юношам, избранным для отправления в Лейпцигский университет.

Узнав о его предприятии, многие из его друзей увещевали его, да останется при своем месте и да не предпочтет неверную стезю к почестям, ученость, покровительству своего начальника и да не подроет тем основания своего возвышения. В делах житейских, говорили они ему, все зависит от расчета и уловки. Кто в них следует единому рассудку и добродетели, тот не брежет о себе. Благоразумие, а иногда один расторопный поступок далее возводят стяжающего почестей, нежели все добродетели и дарования совокупно. Положим, что государь истинное достоинство только награждает и пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему хотя одному быть беспристрастному в своем государстве, все другие начальствующие в его образе таковы не будут; ибо если он может чужд быть родству, приязни, дружбе, любви, хотя потому, что равного себе не имеет, то кого найдешь ему подобного. Сверх же того, он малого токмо числа отечеству или ему служащих сам по себе знает истинные заслуги, о всех других судит по слуху, награждает того, кого назначают вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится. Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (источая кровавые слезы, признаться в том должно), все другие служат вельможам. Доказательства для сего не пужны. Скажу только одно: посмотри на поступающих в чишы; кто чин, или место, иль награждение какого бы рода ни было получит, обязан-

ным себя, да и справедливо, почитает благодарить за то вельможей. Одного благодарит за то, что его рекомендовал государю, другого за то, что не был ему противен, третьего, чтобы вперед не говорил о нем худо. Государь нередко бывает в сем случае не что иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других перевозогаает. Итак, оставь пустую мысль и тщетное намерение быть известным государю в низком состоянии, следуй начатому пути и предуспеешь.

Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшие, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; неужели думаешь, что тебя государь поставит на первую по себе степень? Тщетная мечта юного воображения! По возвращении твоём имя твоё будет забыто. Вместо того, что ты известен ныне чрез твоего начальника, о тебе тогда и не вспомнят, ибо не удостоит тебя государь, может быть, воззрения, отвлеченный от того или правления заботою, или надменностию сана своего, или завистию вельможей, которые, осаждая непрестанно престол царский, претят проникнуть до него достоинству. А если истекает на него награждение, то уделяют его всегда в виде милости, а не должным за заслуги воздаянием. Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почестья могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души и самую мерзость. Возненавиден будешь ими; поженут тебя, да оставишь ристание им свободно. А если тогда начальник твой будет таковых же качеств, как и раболепствующие ему, берегись, гибель твоя неизбежна.

Таковыми ужасными представлениями друга Федора Васильевича старались отвратить его от его предприятия. Начальник его, хотя другими доводами, то же имел намерение: но все старания их были тщетны. Полагаясь твердо на правосудие своего государя и алкая науки, Федор Васильевич пребыл непоколебим в своем намерении и учения ради сложил с себя мужественный возраст, что степень почестей ему уже дано в обществе, стал неопытный юноша, или паче дитя, преклоняясь в управление настав-

нику, управляя уже собою несколько лет в разных жизни обращениях.

Описывая житие столь близкого сердцу моему человека, как то был Федор Васильевич, я не скрою, однакоже, и того, чего разум его не мог еще в нем исправить и к чему обращение в большом свете приучило юные его чувства. Сие-то предвременное познание большого общества, где с дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болезнь в летах крепости и смерть безвременную.

Вышед из Кадетского корпуса, Федор Васильевич стал управлять сам собою. Семнадцатилетний юноша, наперсник вельможи, коего тогдашний доступ до Государя всем был известен, не мог он обойтись без искушения, и сии были различного рода. Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна * приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если у него оный есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят. Таковые же ласкательства, угождения и бог весть что употреблено было от просителей на снисkanie благоволения Федора Васильевича. Богач сулил злато, но не успевал и долженствовал возвращаться с негодованием. Но если благорасположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметить всегда вида приязни. Трудившись во весь день, охотно ездил он по вечерам в собрании малые и большие, на балы, маскарады, ужины, где нередко просиживал за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращаясь домой, нередко вместо возобновления сил благотворным сном принужден бывал приниматься паки за работу, и светило дневное, восходя на освещение блаженства и несчастья, заставало его согбенного над трудом, невкушавшего еще сладости успокоения.

В числе множественных просителей бывали иногда женщины, женщины молодые, которые в жару доводов о справедливой или неправильной их просьбе забывали иногда, чем были должны целомудрию, а иные, помня леты

* В издании 1789г. «нужда». — *Ред.*

того, к кому шли на прошение, умышленно употребляли чары красоты своея на приобретение благосклонности Федора Васильевича. Такого рода приключение он сам рассказывал. Се повесть его:

Пробыв гораздо за полночь в веселой беседе с людьми, обыкновенно друзьями называющимися, приехав домой, работал он до пятого часа утра и, утомившись веселием и работою, заснул крепко. Беззаботливая юность не беспокоилась еще колючим тернием опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселия, как и бдение. Ему снилось, что лежал в объятиях прекрасная жены, упоенный сладострастием, столь державно над юными чувствами властвующим, и среди прелестных сея мечты отлетел сон от очей его. Но что же представилось просиявшему его взору? Сто крат любезнее виденной им во сне зрел он отроковицу почти, сидящую подле одра его, тщательно отгоняющую крылатых насекомых с лица его и распростертым опахалом умеряющую зной солнца, проникшего уже лучем своим в его спальню. Лето было, и час уже десятый. Не вдруг поверил он, что проснулся. Зря его пробудившегося и устремляя взоры пламенного желания, с улыбкою страсти и гласом Сирены, «извините меня, государь мой,— сказала просительница,— что я прервала ваш сон и лишила вас, может быть, приятных мечты возлюбленной». И пронизала вещающая жарким своим взором всю его внутренность. Если бы я писал любовную повесть, колико обильная предлежала бы начертанию жатва. Чувственность была в Федоре Васильевиче при начале своего возникновения, просительница жила в разводе со старым мужем, имела нужду в предстательстве Федора Васильевича, увидела его горячее телодвижение, пришла на уловление его и успела.

О если бы и мое пробуждение могло быть иногда таково же, если бы я паки имел не более двадцати лет! Мой друг, жалей, если хочешь, о моей слабости, но се истина.

Сими и сим подобными случаями подсек Федор Васильевич корень своего здравия и, не отъезжая еще в Лейпциг, почувствовал в теле своем болезнь, неизбежное следствие неумеренности и злоупотребления телесных наслаждений.

Как со времени начатия нашего путешествия повествование о Федоре Васильевиче сопряжено с повествованием об общем нашем пребывании в Лейпциге, то не удивляйся,

мой друг, если оно коснется вообще положения, в котором мы находились, и если найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в тогдашнее время, ибо забыть того нельзя, колико единомыслие между нами царствовало.

В продолжение нашего пути Федор Васильевич навлек на себя ненависть путеводаителя нашего ⁴, и самое то качество, которое ему приобрело нашу приверженность, самое то было причиною, что Бокум его возненавидел. Твердость мыслей и вольное оных изречение были в нем противны, и с первого раза, когда они в нем явны стали, начал путеводаитель наш помышлять, как бы погубить его. Но дивиться не должно, что противоречие в подчиненном, справедливое хотя противоречие, или, лучше сказать, единое напоминание справедливости, произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно. Пример самовластия государя, не имеющего закона на последование, ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника * есть оскорбление верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящих отечество граждан заключающая в темницу и предающая их смерти, теснящая дух и разум и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство под личиною устройства и покоя! Да сие иначе и быть не может по сродному человеку стремлению к самовластию, и Гельвециево о сем мнение⁵ ежедневно подтверждается.

Привлекши на себя ненависть путеводаителя нашего, Федор Васильевич не возмущился сею мыслию, ибо что вещал ему, то была истина. Бокум рачил более о своей прибыли, нежели о вверенных ему. Федор Васильевич

---

* С вероятностию корень сего правила о непрекословном повиновении найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании пачали обращение свое в службе отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным своим приказы, на которые возражения не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу с приобретенными в военной мыслию. Им кажется везде строй; кричит в суде «на караул» и определение нередко подписывает палкою.

имел более опытности, нежели другие его сотоварищи; довольные причины для приведения корыстолюбца на злобу.

Первый случай к несогласию нашему с нашим путеводителем и первая причина его злобствования против Федора Васильевича было само в себе малозначащее происшествие, но великое имело действие на расположение наше к начальнику нашему. Мы все воспитаны были по русскому обряду и в привычке хотя не сладко есть, но до насыщения. Обыкли мы обедать и ужинать. После великолепного обеда в день нашего выезда ужин наш был гораздо тощ и состоял в хлебе с маслом и старом мясе, ломтями резанном. Таковое кушанье, для немецких желудков весьма обыкновенное, встревожило русские, привыкшие более ко штям и пирогам. И если захочешь без предубеждения внять вине нашего неудовольствия, к несчастию нашему потом обратившегося, то найдешь корень оного в первом нашем ужине. Покажется иному смешно, иному низко, иному нелепо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидеть за таковую малость; но самого умереннейшего человека заставь поговеть неделю, то нетерпение в нем скоро будет заметно. Если сладость наскучить может, колыми паче голод. Худая по большей части пища и великая неопрятность в приуготовлении оной произвели в нас справедливое негодование. Федор Васильевич взялся изъяснить оное пред нашим начальником. Умеренное его представление принято почти с презрением, а особливо женою Бокума, которую можно было почитать истинным нашим гофмейстером. Сие произвело словопрение, и кончилось тем, что Федор Васильевич возненавижен стал обоими супругами.

Но не знал наш путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненных требование и что высшая власть сокрушалась иногда от безвременной упругости и безрассудной строгости.

Мы стали отважнее в наших поступках, дерзновеннее в требованиях и от повторяемых оскорблений стали, наконец, презирать его власть. Если бы желание учения не останавливало нас в поступках наших и не умеряло нашего негодования, то Бокум на дороге бы испытал, колико безрассудно даже детей доводить до крайности. Во всех сих

зыблених боязни и отваги младшие предводительствуемы были старшими. Из сих первый был Федор Васильевич. Но если его кто почтет или сварливым, или злобным, или пронырливым, или коварным, или вспыльчивым, тот, конечно, ошибется. Единое негодование на неправду бунтовало в его душе и зыбь свою сообщало нашим, немощным еще тогда самим собою воздыматься на опровержение неправды. Таковыми происшествиями уготовлялися мы к одной из знаменитейших; по моему мнению, эпох нашей жизни. Я говорю о содержании нашем в Лейпциге под стражею.

Ничто, сказывают, толико не сопрягает людей, как несчастье. Сия истина подкрепляется и нашим примером. Худые с нами поступки нашего гофмейстера толико нас сделали единомысленными, что, исключая некоторых из нас, могли бы мы поистине один за другого жертвовать всем на свете. Да сие иначе быть не может, ибо дружба в юном сердце есть, как и все оною чувствования, стремительна. Краткое пребывание наше в Митаве, воззрение неизвестных нам доселе нравов, обрядов, языка загладило в душе Федора Васильевича угрызение печали. Ежедневные оскорбления начинали было производить в нем раскаяние о предприятном путешествии, но новые предметы отвлекли душу его от горестных мыслей и соделали ее на некоторое время к оскорблениям бесчувственною. Но если новые предметы удобны были загладить в душе Федора Васильевича изрытие печали, то не имел он, однакоже, довольно опытности, так сказать, в учении, дабы из путешествия своего извлечь всю возможную пользу. Примечания достойно: человек, достигнув возмужалых лет, когда начинает испытывать силы разума, устремляемый бодростию душевных сил, обращает проницательность свою всегда на вещи, вне зримой округи лежащие, возносится на крыльях воображения за пределы естественности и нередко теряется в неосязаемом, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Все почти юноши, мыслить начинающие, любят метафизику; с другой же стороны, все чувствовать начинающие придерживаются правил, народным правлениям приличных. Итак, Федор Васильевич мысли свои обращал более к умственным предметам и не знал еще, какую полезность извлечь можно из путешествия.

Между людьми, получившими воспитание разного рода, понятия о священных вещах должны были быть и были разные. Если бы возможно было определить, какое каждый из нас имел тогда понятие о боге и о должном ему почитании, то бы описание сие показалось взятым из какого-либо путешествия, в коем описывается исповедание веры неизвестных народов. Иной почитал бога не иначе, как палача, орудием кары вооруженного, и боялся думать о нем, столь застрашен был силою его прещения. Другому казался он вскруженным толпою младенцев, азбучный учитель, которого дразнить ни во что вменяется, ибо уловкою какою-нибудь можно избегнуть его розги и скоро с ним опять поладить. Иной думал, что не токмо дразнить его можно, но делать все ему насмех и вопреки его велениям. Все мы, однакоже, воспитаны были в греческом исповедании, и для сохранения нас в православии отправлен с нами был монах, которому в должность предписано было наставлять нас в христианском законе, отправлять для нас службу церковную и быть нашим духовником.

Отец Павел был в своем роде человек полуученый, знал по-латыне, по-гречески и несколько по-еврейски. В семинарии прошел все нижние и вышние философские и богословские классы и был учителем риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними авторами преподаанного, если знал он, что есть метафора, антитезис и прочие риторические фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел. Добродушие было первое в нем качество, другими же он не отличался и более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к свяственным вещам, нежели удобен был дать наставление в священном законе. Судить можно из следующего.

Исправление наше (ибо при первом нашем свидании он почел нас богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни один из нас в то время ниже повести не читывал о афеистах), исправление наше начал он тем, что заставил нас при утренних и вечерних на молитве собраниях петь. Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройный, несогласный и шумный у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянул очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чресчур кудряво, и наконец

устроенное на приучение ко благоговению превратилось постепенно в шутку и посмеялице.

Отец Павел, если припомнишь, гораздо был смешлив, и если случалось ему во время богослужения видеть что-либо смешное, то, забыв важность своего действия, начинал смеяться, как то случилось ему в Лейпциге, увидев одного из нас, а именно к[н]язя Т[рубецкого], поющего на крылосе, искривив лице для высокого напева. Для сей-то причины он отправлял богослужение, большею частью зажмурившись.

В Риге на молитве случилось весьма смешное происшествие. Отец Павел, опасаясь увидеть что-либо пред глазами, могущее подвигнуть его на смех, зажмурился, начиная пение. Сим М[ихаил] У[шаков], человек шутливый и проказливый, захотел воспользоваться, дабы расшевелить нашего отца Павла.

Икона, пред коей совершался наш молитвенный напев, стояла вверху довольно просторного стола, на котором раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Пред столом стоял отец Павел, зажмурившись. М. У[шаков], взяв легонько одну из перчаток, на столе лежавших, и согнув персты ее образом смешного кукиша, положил оную возвышенно прямо пред поющего нашего духовника. При делании поясных поклонов растворил зажмурившийся глаза свои, и первое представилась ему сложенная перчатка. Не мог он воздержаться, захохотал громко, и мы все за ним.

Отец Павел, не привыкнув еще к нашим проказам, обрел в них более, нежели простые и юношеские шутки. Оборотясь, наименовал он нас богоотступниками, негодными и другими в приложении юношества смешными названиями; сделавшего же вину смеха называл, неграмматикально может быть, мошенником, да и того хуже. При первых уже словах М. У[шаков], будучи весьма вспыльчив, восколебался и столь же смешным деянием, как сей неприличными словами, представили нам позорище, какого ни на каком феатре за рубль купить не можно. М. У[шаков], схватив висящую на стене шпагу и привесив ее к бедре своей, бодро приступил к чернецу; показывая ему эфес с темляком, говорил ему, немного заикаясь от природы: «Забыл разве, батюшка, что я кирасирский офицер»⁶. В таком вкусе было продолжение сего

действия, которое для нас кончилось смехом, для М. У[шакова] мнимою победою, а для отца Павла отытием с негодованием в свою комнату.

Сие и подобные сему происшествия умалили в нас почтение к духовной над нами власти так, как шутки над нашим гофмейстером некоторого проезжавшего российского гвардии офицера, о чем я скажу после, возбудили к нему в нас совершенное пренебрежение.

Еще о красноречии отца Павла: следуя, не ведаю, данному предписанию или по собственному своему побуждению, он каждое воскресение по совершении литургии становился пред царскими дверьми за налоем и преподавал нам толкование о чтенном того дня евангелии. Вследствие сего обряда в некакой праздник, во благовещение, если хорошо помню, он объяснить нам старался, что в священном писании разумеется под ангелом божиим. «Ангел есть слуга господень, которого он посылал для посылок; он то же, что у государя курьер, как то г. Гуляев». Тогда был в Лейпциге приехавший из Петербурга с некоторыми приказаниями курьер кабинета и был с нами присутствен на литургии. При изречении сего забыли мы должное к церкви благоговение, забыли ангела, видели действительного курьера и все захохотали громко. Отец Павел засмеялся за нами вслед, зажмурил глаза, потом заплакал и сказал: аминь.

Приехав в Лейпциг, забыл Федор Васильевич все обиды и притеснения своего начальника и вдался учению с наивеличайшим рвением, но как не окоренел еще в трудолюбии сего рода, то на время от оногo отвлечен был случившимся с нами неприятным происшествием, которое для всех нас было деятельною наукою нравственности во многих отношениях.

Если иные в повествовании сем найдут что-либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая, что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истину.

Имея власть в руке своей и деньги, забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил, что он не для нас с нами; что власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотел он употребить на приведение нас к молчанию о его поступках. Человек много может сносить

неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности. Но сего-то притеснители частные и общие, по счастью человечества, не разумеют и, простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека мглою. Не ведают мучители, и даждь господи, да в неведении своем пребудут ослепленны навсегда, не ведают, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняет ниже единого скорбного мгновения, да и в оборот, то, что в одном сердце ни малейшего не произведет содрогания, во сте других родит отчаяние и иступление. Пребуди благое неведение всецело, пребуди нерушимо до скончания века, в тебе почил сохранность страждущего общества. Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем и умрет в семени до рождения своего.

Первос, чем Бокум по приезде в Лейпциг начал правление свое, было сокращение издержек относительно нас, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что он отчислял от нашего содержания, то удвоял во своем и принужден был лишать нас даже нужнейших вещей на содержание наше. О сем те, кои из нас были постарее, и в числе оных первый был Федор Васильевич, делали ему весьма кроткие представления, гораздо кротче, нежели когда-либо парижский парламент дельвал фрайцузскому королю. Но как таковые представления были частные, как то бывают и парламентские, а не от всех, то Бокум отвергал их толико же самовластно, как и король французский, говоря своему народу: «в том состоит наше удовольствие».

Наскучив представлениями, Бокум захотел их пресечь вдруг, показав пространство своей власти. Придравшись к маловажному проступку к[н.] Т[рубецкого], он посадил его под стражу, отлучив его от обхождения с нами, и приставил у дверей комнаты, в которую он был посажен, часового с полным оружием, выпросив нарочно для того трех человек солдат. Не довольствуясь таковым наглым поступком, он грозил посаженному под стражу и нам за ним, если не уйдемся, то, по данной ему власти,

он будет нас наказывать фуктелем, как то называют, или ударами обнаженного тесака по спине. Сие произвело в нас противное действие тому, которое он ожидал. Ведали мы, что власти таковой ему дано не было⁷, и всякому известно было, что мягкосердие начинало в России писать законы, оставя все изветы лютои прежных, хотя поистине душесильных времен. Негодование в нас возросло до иступления; но мы не забыли еще умеренности и, хотя скопом и заговором, но для ребят довольно правильно и благопристойно, пришли все просить его об отпущении вины к[н.] Т[рубепкому] и об освобождении его из-под стражи. Вместо того чтобы воспользоваться кротким расположением душ наших и привлечь к себе нашу признательность отпущением вины сотоварища нашего в уважение нашей просьбы, он ее нагло отвергнул и выслал нас с презрением. Сие уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашем учении, как о способах освободиться от толико несносного ига.

Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования, предприятия и все, что при заговорах бывает: взаимные о вспомоществовании обещания, неумеренность в изречениях; тут отважность была похваляема, а робость молчала; но скоро единомыслие протекло всех души, и отчаяние ждало на воспаление случая.

Бокум оного не удалял. Причина нашего неудовольствия была недостаток иногда в нужных для нашего содержания вещах, то-есть в пище, одежде и прочем. Вторая зима по приезде нашем в Лейпциг была жесточее обыкновенных, и с худыми предосторожностями холод чувствительнее для нас был, нежели в самой России при тридцати градусах стужи.

Домостроительство Бокума простиралось и на дрова, и мы более в сем случае терпели недостатка, нежели в чем другом. Хотя запрещено было, как то нам сказывали, присылать к нам деньги из домов наших, но мы, неизвестны будучи о сем запрещении и охотны, особливо на случай нужды, преступить сие повеление, имели при отъезде нашем из России по несколько собственных денег. Кто их имел, не только удовлетворял необходимым своим нуж-

дам, но снабжал и товарищей своих. Словом, во все продолжение нашего пребывания, кто имел свои деньги, тот употреблял их не только на необходимые нужды, как то на дрова, одежду, пищу, но даже и на учение, на покупку книг; не утаю и того, что деньги, нами из домов получаемые, послужили к нашему в любострастии невоздержанию, но не они к возрождению оного в нас были причиною или случаем. Нерадение о нас нашего начальника и малое за юношами в развратном обществе смотрение были оного корень, как то оно есть и везде, в чем всякий человек без предубеждения признается.

Один из нашего общества, Н[асакин], не получал из дому своего ни копейки и для того претерпевал более других нужду. В помянутую зиму, не в силах более терпеть холода ради болезненного расположения тела, решился сделать гофмейстеру представление. Бокума он нашел играющего на биллиарде с неким из его единосемцев и главным подстрекателем * его надменности. Н[асакин] объявил ему о своем недостатке, прося дать приказание истопить его горницу. За день сего Бокум посадил под стражу к[н.] Т[рубецкого], который был комнатный товарищ Н[асакина]. На отказ, сделанный Бокумом, Н[асакин] сделал возражение, а Бокум, не хотя оного слушать, а особливо при напоминателе о его власти, оставив свою игру, начал пришедшего толкать неучтиво; а как сей тому противился и, к нему обернувшись, говорил, что требование его о сем справедливо, то Бокум, и паче того раздраженный, ударил Н[асакина] по щеке. Сей мнимый отчасти знак бесчестия столь сильно обезоружил Н[асакина], что он, не сказав более начальнику нашему ни слова, поклонился и вышел вон.

Отрада несчастному есть убежище на лоне дружбы, беседование о скорби своей. И возвестил нам обиженный о происшедшем с ним. Презрение к начальнику нашему было первое душ наших движение; но скоро к тому присо-

---

* Сказывали, что сей молодец, за деньги достав себе звание министра при каком-то дворе, должность свою отправлял с похвалою. Сие оправдает мнение тех, кои думают, чтоб быть употреблену с похвалою в делах министерских, надобен ум, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствам могут сделать отличного министра, но доброго гражданина николи.

вокупилось и негодование. Всяк боялся такой же участи; иной мечтал уже следствие своего отчаяния в таком случае, другой, изумленный предварительно таковою мыслию, находился в нерешимости, что должно будет ему сделать, если на него падет жребий, равный с Н[асакиным]. Но все единогласно положили, что Бокум, сделав поступок, противный не только добрым нравам, но и благопристойности, долженствовал сделать Н[асакину] удовлетворение за обиду. В общежитии, говорил нам Федор Васильевич, если таковой случай произойдет, то оный не иначе заглажен быть может, как кровию. Сие говорил он из опытов и подкреплял примерами, но ни он, ни мы не понимали еще всей гнусности поединков в благоустроенном обществе и, вождаемые примерами, судили, что настоял бы и теперь к оному случай, если бы дело должно было иметь с посторонним человеком, а не с начальником нашим.

Мы в то время начали только слушать преподавания права естественного и, не объяв еще всю оного связь, остановились при первых движениях, производимых в человеке оскорблением. Не имея в шествии своем ни малейшая преграды, человек в естественном положении при совершении оскорбления, влекомый чувством сохранности своей, пробуждается на отражение оскорбления. От сего рождается мщение, или древний закон, *око за око*, закон, ощущаемый человеком всечасно, но загражденный и умеряемый законом гражданским. Несовершенное еще расположение мыслей представило уму нашему в естественном нас положении в отношении нашего начальника, и мы заключили, что Н[асакин] долженствовал возвратить Бокуму полученную им пощечину.

Заключительный и общий наш приговор был таков, что Н[асакин] должен итти к Бокуму и в присутствии нашем требовать от него в обиде своей удовлетворения. Если же он не восхочет того исполнить, то надлежит ему пощечину Бокуму возвратить. Долго Н[асакин] размышлял, колебался, не мог решиться на сей поступок; но мы приговор наш подкрепили тем, что если он сего не исполнит, то лишен будет нашей приязни и обхождения с нами. Ничто столь сильного и столь скорого не могло произвести действия в душе оскорбленной Н[асакина], как наша угроза. Если бы приговор наш был в противную

сторону, то он да и всякий из нас и кто бы то ни было, в равном токмо с нами положении, терпеливо бы принял еще десять пощечин, нежели бы захотел притти в презренье у своих сотоварищей.

Собравшись и условившись, каким образом долженствовал Н[асакин] требовать от Бокума удовольствия в обиде, ему сделанной, мы пошли к нему, исключая к[н.] Трубецкого, который сидел под стражею.

В комнате, где бывала обыкновенная наша трапеза, ожидались мы его, послав его известить, что мы желаем его видеть. Едва он вошел в комнату, как началось действие, которое при первом шаге нашего жития могло бы превратным жребием ввергнуть нас в совершенную гибель. Столь юность без советов дружества сама себе губительна! Но провидение бдело над нами, ибо превратности в сердце нашем не зрело; и для того щит его носится всегда над неопытною и блюдет ее в самой пропасти.

Вследствие сделанного между нами положения Н[асакин], подступив к Бокуму, просил от него удовлетворения в обиде. Приятнее, может быть, будет читателю, приятнее тебе, мой любезный друг, если я употреблю здесь самые почти те слова, которые в то время были изречены; они были кратки, как и действие было мгновенно.

Н[асакин]. Вы меня обидели, и теперь пришел я требовать от вас удовольствия.

Б[окум]. За какую обиду и какое удовольствие?

Н. Вы мне дали пощечину.

Б. Неправда, извольте итти вон.

Н. А если не так, то вот она, и другая.

Сие говоря, ударил Н[асакин] Бокума и повторил удар.

Опасаясь дальнейшего следствия, Бокум вышел из горницы. Писарь Бокумов, бывший тогда с ним, вообразив себе, что Н[асакин] хочет господина его заколоть, ибо имел при себе шпагу, оторвал у него ее с бедра, за что он был наказан только тем, что М. У[шаков] снял с него парик. Но причина, для коей Н[асакин] имел при себе шпагу, была иная: он был в гостях и, пришед, не имел времени раздеться и на сражение пришел со шляпою и шпагою; но Бокум в обвинении своем не пропустил сего обстоятельства и сказал, что мы, а паче Н[асакин], покушались на его жизнь и сей вынул уже шпагу из

ножен до половины, но он нас, как ребят, разогнал и раскидал. Итак, в самой клевете не забывал он хвастовства и никогда не признался, что Н[асакин] ему возвратил пощечину с лихвою.

Но если бы вздумали располагать великость вины по оружию, которое кто имел, то никого не надлежало обвинить более других, как меня. Ибо у меня были в то время карманные пистолеты, заряженные с дробью, которые я, купив за день пред сим происшествием, зарядил и хотел итти испытать оных действие в определенном к тому месте, но, по счастью, меня тогда не обыскали. Из сего глупых юности происшествия могло бы произойти, признаюся охотно, что-либо слезное и несмешное, если бы Бокум имел кого-либо при себе опричь старого своего писаря и если бы, вождаем мыслию, что мы умышляли убить его, стал бы на нас наступать. В жару исступления чего не могло бы случиться, но, к счастью, М. У[шаков] двери запер, и на крик старого писаря никто войти не мог.

По совершении нашего приступа мы, почитая его правильным поступком, заявили о нем университетскому ректору. Возвратясь от него, души наши покойны не были. Мы чувствовали наш проступок, но чувствовали и тягость нашего положения, и на весах правосудия мы осуждены бы быть не могли. Но всякий судия есть человек, нередко вождается внешностию.

Я ныне еще трепещу, вспоминая о намерении нашем при сем происшествии. Мы рассуждали, что наш поступок, конечно, не одобряют, что Бокум расцветит его тусклыми красками клеветы, что, если посадил под стражу за мало-важный проступок, может сделать над нами еще более, и мы возвращены будем в Россию для наказания, а более того — на посмеяние; и для того многие из нас намерение положили оставить тайно Лейпциг, пробраться в Голландию или Англию, а оттуда, сыскав случай, ехать в Ост-Индию или Америку. Таковы могли быть следствия безрассудной строгости начальника и неопытной юности. Но Бокум предварил умышляемому нами побегу, и не прошло получаса, как он, испросив от тамошнего военного начальника солдат вооруженных ⁸, посадил нас под стражу, каждого в своей комнате.

В сем тягчительном для нас положении мы прибегнули к российскому в Дрездене министру ⁹, описав ему случив-

шееся во всей подробности; но письмо наше до него не дошло, как то мы после того узнали, ибо Бокум тамошнему правительству сказал ложно, что ему велено было все наши письма останавливать и не прежде отправлять в Россию, как он уведомлен будет о их содержании. Таким образом, ни министр нашего двора в Дрездене, ни в Петербурге не могли быть известны о истинном нашем положении, сколько мы о том ни писали. Когда же нашелся человек, нас довольно любящий, из сожаления единственно и на своем иждивении отправившийся в Россию для извещения, кого должно, о происшедшем с нами, то о всем было от министра нашего по представлениям Бокума предварено и жалобе нашей не внято.

Но я могу тебе наскучить, мой любезный друг, рассказывая о том, что тебе столь же известно, как мне; и для того заключу повествование о сем неприятном тогда для нас происшествии, но по истине сказать, преподавшем нам много нравочения деятельно. Намерение мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники в употреблении своей власти и коликий вред причиняют безвременною и безрассудною строгостию. Если бы мы исполнили наше намерение и ушли бы из Лейпцига, вообрази, колико горести навлекли бы мы нашим родителям, друзьям, да и всем сердцам, юность возлюбляющим. Если бы государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего, казалось, не потеряло, но отечество потеряло бы, конечно, искренно любящих его сынов. Буде кто захочет на сие доказательства, то не дам никакого; но тебе только, мой друг, воспомяну о возвращении нашем в Россию. Воспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, воспомни о восторге нашем, когда мы узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую. Если кто бесстрастный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть преступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем ¹⁰ жар сей в нас гораздо умерило. О, вы, управляющие умами и волею народов властители, колико вы бываете

часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквас, воздымающий сердце юности. Единожды смирив его, нередко навеки соделаете калекою.

Под стражею содержимы были мы, как государственные преступники или отчаянные убийцы. Не токмо отобранны были у нас шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички; и когда приносили нам кушанье, то оно было нарезано кусками, ибо не было при оном ни ножей, ни вилок. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверстие на возобновление воздуха, часовой сидел у нас в передспальной комнате и мог видеть нас лежащих на постеле, ибо дверь в спальную нашу была вынута.

Невзирая на все предосторожности, чтобы воспретить нам между собою сообщение и чтобы мы не могли известить министра нашего о нашем положении, ибо сие и была причина строгого нашего содержания под стражею, мы написали письмо и подписали его все своеручно. Никого к нам не допускали, сидели мы по двое вместе, и потому странно покажется, что все могли подписать письмо. Способ мы к тому употребили особый, и да знают удручители, что нередко строгость их бывает осмеяна в самом том, в чем они усугубляют оную.

Дом, в котором мы жительствоваали, был в два жилья и имел четыре отделения вверху и четыре внизу, в каждом отделении было по две комнаты, и мы жили по двое вместе. Шестеро из нас жили вверху и четверо внизу, прочие комнаты занимали учителя наши. Письмо написано было Федором Васильевичем. Привязав его на длинную нитку, выпускали его за окно; способный ветер приносил его к отверстию другого окна, в которое оно было приемлемо, и по подписании тем же способом доставляли его в другую комнату; таким образом, мы умели на пользу нашу употребить самые силы естества. На почту относимы письма наши были одним из наших учителей¹¹, который из единого человеколюбия жертвовал всем своим тогдашним счастьем и отправился в Россию для нашего защищения, взяв от нас на дорогу одни карманные часы, в чем состояло все тогдашнее наше богатство; но в предприятии своем не успел, как то я сказал уже прежде. Великодушный муж! никто из нас не мог тебе за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда в наших сердцах.

Не довольствуясь тем, что посадил нас под стражу, Бокум испросил от совета университетского, чтобы над нами произвели суд. К допросам возили нас скрытным образом, и судопроизводство было похоже на то, какое бывало в инквизициях, или в Тайной канцелярии, исключая телесные наказания. Решение сего суда было, что ты и я, Я[нов] и Р[убановский] были освобождены, а прочие, между которыми был Федор Васильевич, остались еще под стражею, но скоро были освобождены по повелению нашего министра. Конец сему полусмешному и полуплачевному делу был тот, что министр, приехав в Лейпциг, нас с Бокумом помирил, и с того времени жили мы с ним почти как ему неподвластные: он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два.

Случилось во время нашего пребывания в Лейпциге проезжать чрез оный генерал-поручику и бывшему потом сенатором Н. Е. М[урьеву] с супругою своею. Сотовариществовал ему в путешествии шурин его, гвардии офицер ¹², человек молодой, любящий шутку безвредную, и охотно смеялся насчет глупцов. Совершенно такового нашел он в нашем гофмейстере. Он, пользуясь пристрастием его к хвастовству, вывел его, по пословице, на свежую воду. До того времени не ведали мы, что гофмейстер наш за похвалу себе вменял прослыть богатырем, и если ему не было случая на подвиги, с Бовою равные, то были удачества другого рода, достойные помещения в Дон Кишотовых странствованиях.

Помянутый гвардии офицер, подстрекая самолюбие Бокума, довел его до того, что он для доказательства своих телесных сил выпивал по его приказаниям одним разом по несколько бутылок воды или пива, давал себя толкать многим лакеям вдруг, упираясь против их усилия совлещи его с места, а сим приказано было не жалеть своих толчков, дивясь о своем против его малосилии; но сего не довольно было. Он его заставил ворочать всякие тяжести, подымать стулья, столы, платя ему за то, не умеряя и не скрывая своего смеха: «Ну, Бокум!»

Примечания достойно, до коликой степени слабость сия в человеке возрасти может, и нередко она в общечитии бывает разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. Бокум доведен был до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильного электрического

орудия. Сперва удары электрической силы были умеренны, и, дабы его убедить самого в превосходстве его сил, удары производимы были над многими вдруг. Все по предварительному условию будто от жестокости удара падали на землю, он один оставался непоколебим, торжествуя въявь над падающими. Уверив таким образом его самого в превосходстве его сил, удары электрического орудия становились сильнее; он выдерживал их, не показывая, сколь они для него были болезненны; сила ударов столь, наконец, была велика, что едва его с ног не сшибала.

Таковые подвиги производились ежедневно во все время пребывания сказанных путешественников в Лейпциге. Мы были непрестанные оных зрители, и презрение наше к Бокуму с того времени стало совершенное.

Отправление российских морских сил в Архипелаг в последнюю войну между Россиею и Турциею доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию и оттуда в Россию. Некто (имя его утаю, дабы не произвести в лице его краски стыда или бледности раскаяния), некто в проезд свой чрез Лейпциг оказывал отличное уважение Федору Васильевичу и снискать хотел его дружбу. Последствие показало, сколь мало она была искренна и продолжалась не более, как пребывание в Лейпциге сего мечтанного покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу охотно, ни одного почти часа во дни, чтоб Федор Васильевич не был с Ф...¹³, вместе упражняясь с ним в рассуждениях, большею частию метафизических. Он делал ему уверения, что извлечет его из руки отягощения, обещая ему мощное свое покровительство. Вняв лестному гласу дружбы, Федор Васильевич отверз ему свое сердце. Луч надежды, казалось, обновился в нем; но скоро сбылася с ним французская пословица: отсутствующие всегда виноваты. Едва сказанный покровитель уехал из Лейпцига, как забыл Федора Васильевича и деланные ему обещания, да и столь совершенно, что на все письма его не отвечивал ему ни слова. Или ему низко было вступить в переписку с неравным ему состоянием; или благодарить надлежит за то наукам, что среди обиталища их различие состояний нечувствительно и взоров природного равенства не тягчит, и для того в Лейпциге Ф... обходился с Федором Васильевичем, как с равным себе. И

поистине равен он был тебе, мразная душа, силами разума, но далеко превышал тебя добротою сердца.

Сие происшествие оставило на душе Федора Васильевича некую мрачность, которая пребыла с ним до кончины его; посеяло в душе его справедливую недоверчивость к обещаниям, наипаче знатных, и понудило его вдатся еще более учению, от коего единственныя ожидал он себе отрады, в чем он и не ошибался, ибо желание науки хотя не навсегда, но паки развеяло темноту грусти, и истина светом своим награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежит, что Ф... присутствием своим в Лейпциге и обхождением с нами возбудил как в Федоре Васильевиче, так и во всех нас великое желание к чтению, дав нам случай узнать книгу Гельвецеву *О разуме*. Ф... тоlikое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других, да других, может быть, и не знал. По его совету Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научались. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невежды, но Гельвеций, конечно, равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить * училися. В сем отношении сочинение его немалую может всегда приносить пользу.

Предоставленный сам себе и полагая единственное упование на правосудие государя своего, восчувствовал Федор Васильевич к предстателям мерзение. Он устремил все силы свои и помышления на снисkanie науки, и в том было единственное его почти упражнение. Сие упорное прилежание к учению ускорило, может быть, его кончину. За год пред смертию приключилась ему болезнь, которая была, можно сказать, преддверием другой, введшей его во гроб. Употребляя действительные и мощные лекарства, он не покидал, вопреки совету своего врача, упражняться денно-ночно в чтении и в сие время начал писать о книге Гельвецевой письма, коих найдены после него только касающиеся до начала первой книги сочинения *О разуме*. Упорным своим к учению прилежанием он остановил в крови своей смертоносной болезни жало, которое следую-

---

* Г. Грим¹⁴ в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи, с каким прилежанием мы читали Гельвецеву книгу *О разуме*, по возвращении своем в Париж сказывал о сем Гельвецию.

щею весною, воссвирепствовав снова, отверзло ему врата смерти.

Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего, не нашед в повествовании моем ни одного происшествия, достойного памятника и ради мерзости своея или изящности ради равно блистающего. Ибо равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин; все славны, все живут на памяти потомства и не возмущаются тем, что о них мыслят. Не тревожился бы и всяк любящий человечество, если бы добрая или худая слава по смерти во что-либо вменялась; но, по несчастию всех, имея власть в руках мало рачит о том, что о нем скажут, живу ему сушу, и не помышляет нимало о том, что скажут о нем по смерти. Он ищет токмо ободрения своего самолюбия и стяжания своей пользы. Не тревожился Юлий Кесарь о том, что прослывет государственным татем, когда похищал общественную казну ¹⁵; не тревожился Ла, что прослывет общественным злодеем, вводя во Францию мнимое богатство, которое, существовав одно мгновение, повергло часть государства в нищету ¹⁶; не тревожился Лудвиг XIV в величании своем, оставит ли потомство ему титул великого, которое в живых ему прилагало ласкательство ¹⁷; не боятся правители народов прослыть грабителями, налагая на сограждан своих отяготительные подати, ни прослыть убийцами своей собратии и разбойниками в отношении тех, которых неприятелями именуют, вчиная войну и предавая смерти тысячи воинов.

Сказав сие, может быть, некстати, я возвращусь к умершему нашему другу и постараюсь отыскать в его деяниях то, что привлекательно быть может не для пщущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта ¹⁸, но для тех, коих души открыты на любление юности.

Нам предписано было учиться всем частям философии и правам, присовокупя к оным учение нужных языков, но Федор Васильевич думал, что не излишнее для него будет иметь понятие и о других частях учености, и для того имел он в разных частях учителей, платя им за преподавание их собственные свои деньги. При сих способах для

приобретения разных знаний он надежнейшим всегда почитал прилежное чтение книг.

Сие располагал он всегда соответственно тому, что преподаваемо нам было в коллегиях*. Итак, когда по общему школьному обыкновению начали нас учить прежде всего логике, то Федор Васильевич читал Арново¹⁹ искусство мыслить и основания философии С'Гравезанда²⁰ и, соображая их мнения со мнениями своего учителя, старался отыскать истину в среде различия оных.

Между разными упражнениями, к приобретению знаний относящимися, Федор Васильевич отменно прилежал к латинскому языку²¹. Сверх обыкновенных лекций имел он особые. Солнце, восходя на освещение трудов земнородных, нередко заставляло его беседующего с римлянами. Наиболее всего привлекала его в латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности, сии властители царей упругость своя души изъявили в своем речении. Не льстец Августов и не лизоруки Меценатов прельщали его, но Цицерон, гремевший против Катилины, и колкий сатирик, не щадящий Нерона²². Если бы смерть тебя не восхитила из среды друзей твоих, ты, конечно, о, бодрственная душа, прилепился бы к языку сих гордых островян, кои некогда, прельщенные наихитрейшим из властителей, царю своему жизнь отъяти покусились судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественного изгнали наследного своего царя, избрав на управление постороннего; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеряя вся на весах корысти, и ныне нередко за величайшую честь себе вменяют противоборствовать державной власти и оную побеждать законно.

Между разными науками, коих основания алчная Федора Васильевича душа пожрать, так сказать, хотела вдруг, отменно прилепился он к математике. Сходствуя с расположением его разума, точность сей науки услаждала его рассудок. С какою жадностию он проходил все части сей, в началах своих столь отвратительных, так сказать, науки, но столь общепольной в ее употреблении! Свойственно душе Федора Васильевича было мыслить, что огромнейшие в мире тела, наиотдаленнейшие от

---

* * В немецких университетах коллегиею называют собрание слушателей при преподавании какой-либо науки.

нашего обиталища, коих единое наше зрелище, сие наивластительнейшее и великолепнейшее из чувств наших, может постигать при вспоможениях, человеком изобретенных, что сии малейшие точки во зрении, необъятные в действительности громады, повинуются в течении своем исчислению. И как не возгордиться человеку во брешности своей, подчиняя власти своей звук, свет, гром, молнию, лучи солнечных пределов вселенных, постигая и предузнавая будущее. Таковые размышления побудили некогда сказать Архимеда: если бы возможно было иметь вне земли опору неподвижную, то бы он землю превратил в ее течении. Дай мне вещество и движение, и мир созижду, вещал Декарт ²³. Таковые размышления составили все системы о мире, все правдоподобия о нем и все нелепости.

За счастье почесть можно, если удостоишься в течение жития своего беседовати с мужем, в мире прославившимся; удо[во]льствием почитаем, если видим и отличившегося злодея, но отличным счастьем почесть должно, если сопричастен будешь беседе добродетелию славимого. Таковым счастьем пользовались мы, хотя недолгое время, в Лейпциге, наслаждаяся преподаваниями в словесных науках известного Геллерта ²⁴. Ты не позабыл, мой друг, что Федор Васильевич из всех нас был любезнейший Геллертов ученик и что удостоился в сочинениях своих поправляем быть сим славным мужем. Малое знание тогда немецкого языка лишило нас пользоваться его наставлениями самым действием, ибо хотя мы слушателями были его преподаваний, но недостаток в знании немецкого языка препятствовал нам равняться с Федором Васильевичем.

Вращаяся всечасно между разными предметами разума человеческого, невозможно было, чтобы в учении разум Федора Васильевича пребыл всегда, так сказать, страдательным, упражняясь только в исследовании мнений чуждых. Но в сем-то и состоит различие обыкновенных умов от изящных. Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них-то сродное человеку беспокойствие становится явно — беспокойствие, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое,

касающееся обоюдно до пределов даже невозможного и непонятного, возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не падающее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихии, родившее мечтание и истину, ад, рай, сатану, бога.

Федор Васильевич, упражняясь в размышлениях о вещах, видел возрождающиеся в разуме его мысли, отличные новостию своею от обретаемых им на пути учености, и для того не мог оставаться в бездействии. Скоро подав был ему случай испытать свои силы в изображении связи своих мыслей. Ежегодно бывал нам экзамен, или испытание о приобретениях наших в учении. Сколь много все таковые испытания имеют смешного и цели, для коей они уставлены, недосызающего, всяк, ведающий о них допряма, признается. Нередко тот, кто более всех знает, почитается невеждою и ленивым, хотя трудится наиприлежнейше и с успехом. Но тем экзамены полезны, что возбуждают тщеславие и устремляют учащегося отличиться пред сотоварищами своими; но дабы и в сем случае не возбуждать тщеславия безуспешно, то нужно, чтобы таковые испытания не были редки, дабы возникшая страсть в обыкновенных душах не угасала. Для назначенных же перстом всевечным к бессмертию в посторонних подстреканиях любочестия нужды нет. Они сами в себе довольно имеют ко стяжанию славы побуждения, и хотя оные не бескорыстны, но умовенны всегда в благом источнике.

По прошествии трех лет обязаны мы были к наступившему для нас времени на испытание показать наши успехи в учении, представя письменно связь мыслей о какой-либо материи. Федор Васильевич избрал для сего наиважнейшие предметы, до человека касающиеся в гражданском его отношении.

Человек, живущий в обществе под сению законов для своего спокойствия, зрит мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшую, возникающую на его погубление. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные становятся его враги, преследуют ему, и рука сильного подавляет слабого, томит его в оковах и темнице, отдает его на поругание и на смерть. Что может оправдать таковое свирепство? Сие-то намерен показать Федор Васильевич в сочинении своем, разыскав следующие задачи:

1. На чем основано право наказания?
2. Кому оно принадлежит?
3. Смертная казнь нужна и полезна ли в государстве?

Цель, для коей он писал сие, не позволяла ему распространиться; но все, что можно сказать в оправдание несчастного права казни, и все, что может ее представить вероятно справедливою, того Федор Васильевич не пропустил. Связь его мыслей есть следующая.

Показав, что человек, ощущая себя слабым на удовлетворение своих недостатков в единственном положении, следуя чувствительному своему сложению, для сохранности своей вступает в общество. Дабы общество направляемо было всегда ко благому концу, условием изъяснительным или предполагаемым поставляется власть, могущая сие производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лице, власть сию имеющее, именуют государем в единственном и соборном лице. Следственно, тот, кто долг имеет пещися о благе общества, имеет право не дозволять и препятствовать вредить ему; следственно, что тот, кто поставляет власть для своего блага, согласуется повиноваться и ее прещению, когда деяния его от благой цели устраняются. Показав, что при определении наказаний иной цели иметь не можно, как исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления, Федор Васильевич доказывает ясными доводами, что смертная казнь в обществе не токмо не нужна, но и бесполезна. Сие ныне почти общеприемлемое правило утверждает он примером России. Я не намерен преследовать Федору Васильевичу в рассуждениях его. Изображая их здесь, могу или стязать силу его доводов, или только оные распространить без нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочинение, которое ясностию мыслей, краткостию слога и твердостью доводов заставит всякого потужить о безвременной кончине сочинителя на двадцати третьем году его возраста.

Опричь малого сочинения о любви и писем о Гельвециевой книге *О разуме* ничего более не найдено в бумагах Федора Васильевича. Выписки из многих книг, хотя без связи, доказывают, что он располагал свое чтение со вниманием. Кто может определить, что с ним потеряло общество? Определить могу я, что потерял друга; но если

судьба позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня с избытком, дав мне, мой друг, тебя.

Последнее время жития своего, среди терзания болезни и грусти, от нее рождающейся, Федор Васильевич не забыл учения, и разве истощение сил отвлекало его от упражнения в науке. Наконец, наступило время, когда почувствовал он совершенное сил своих изнеможение. За неделю еще пред кончиною своею ходил он с нами на гулянье и наслаждался еще беседою любящих его, но силы его, ослабев, принудили лечь в постелью. Надежда, сие утешительное чувство в человеке, не покидала его; но за три дни до кончины своею почувствовал он во внутренности своей болезнь несказанную, конечное разрушение тела его предвещающую. Не хотел он пребыть в неведении; призвав своего врача, на искусство коего он справедливо во всем полагался, просил его прилежно, да объявит ему истину, есть ли еще возможность дать ему облегчение, и да не льстит ему напрасною надеждою исцеления, буде само естество положило уже тому преграду. «Не мни, — вещал зрящий кончину своего шествия томным хотя гласом, но мужественно, — не мни, что, возвещая мне смерть, востревожишь меня безвременно или дух мой приведешь в трепет. Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностию!»

Долго человеколюбивый врач колебался в мыслях своих, откроет ли ему грозную тайну, ведая, что утешение страждущего есть надежда и что она не покидает человека до последнего издыхания. Но, видя упорное желание в больном ведать истину о своей болезни и понимая его нетрепетность, возвестил ему, что силы его не более одних суток противиться возмугут свирепости болезни, что завтра он жизни не будет уже причастен.

Случается, и много имеем примеров в повествованиях, что человек, коему возвещают, что умереть ему должно, с презрением и нетрепетно взирает на шествующую к нему смерть во сретение. Много видали и видим людей, отъемлющих самих у себя жизнь мужественно. И поистине нужна неробость и крепость душевных сил, дабы взирати твердым оком на разрушение свое. Но страсть, действовавшая в умирающем без болезни, пред кончиною его живет в нем до последняя минуты и крепит дух. Нередко таковой зрит и за предел гроба и част возродится. Когда же в

человеке истощением сил телесных истощаются и душевные, сколь трудно укрепить дух противу страха кончины, а тем паче тому, кто, нисходя во гроб, за оным ничего не видит. Сравни умирающего на лобном месте или отъемлющего у себя жизнь насильственно с умирающим нетрепетно по долговременной болезни на одре своем и скажи, кто мужественнее был, испуская дух бодрственно?

Услыша приговор свой из уст врача, Федор Васильевич не востревожился нимало, но, взяв руку его, — «нелицемерный твой ответ, — сказал он ему, — почитаю истинным знаком твоея дружбы. Прости в последний раз и оставь меня».

Удостоверенный в близкой кончине своей, Федор Васильевич велел нас всех позвать к себе, да последнюю совершит с нами беседу. «Друзья мои, — вещал он нам, стоящим около его постели, — час приспел, да расстанемся; простите, но простите навеки». Рыдающих облобызал и, не хотев более о сем грустить, выслал всех вон.

Оснадцать лет уже совершилось, как мы лишились Федора Васильевича, но, мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что чувствовал тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбью, что впоследствии ни иступление радости и утех, ни величайшая печаль потеряннем возлюбленной супруги²⁵ не истребило чувствование прежния печали.

Спустя несколько времени он призвал меня к себе и вручил мне все свои бумаги. «Употреби их, — говорил он мне, — как тебе захочется. Прости теперь в последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть твердо в мыслях, дабы умирать бестрепетно». Слезы и рыдание были ему в ответ, но слова его громко раздались в моей душе и незагладимую чертою ознаменовались на памяти. Поживут они всецелы, доколе дыхание в груди моей не исчезнет и не охладает в жилах кровь. Дажь небо, да мысль присутственна мне будет в преддверии гроба и да возмогу важным сынам моим оставить наследие, последнее завещание умирающего вождя моея юности, и живого да оставлю им в вожди друга любезнейшего, друга моего сердца, тебя.

Что после сего последовало, тебе, мой друг, более известно, нежели кому другому. Ты последние часы был при нем безотлучен, ты был свидетелем последнего вздымания его груди. Скажи, мой друг, почто и я тут не был! Или слабость моего здоровья, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня от умирающего и воспретила мне видеть последние черты его жизни и прехождение ее во смерть. Но ко всем сим причинам совокупно было и недозволение на то умирающего. Или столь мал был жар дружбы в сердце моем, что я не преступил его веления. О мой друг! в минуты благоденствия, когда разум ничем не упрекает сердцу, мысль сия тягчит меня, и я мал становлюся перед собою.

Предвещание врача начало совершаться. Доселе нечувствительным покатом состав жизни спускался ко смерти, но вдруг она повлекла его весильною рукою. За несколько часов пред кончиною Федор Васильевич почувствовал во внутренности своей болезнь несносную, возвещающую ему отшествие жизни. Доселе уста его не испускали жалобного стона, но, скорбь одолев сопротивлением, страждущий вскричал содрогающимся гласом. Знаки антонова огня, внутренность его объяввшего, начинали казаться на поверхности тела; в окрестностях желудка видны были черные пятна. Терзаемый паче всякого истязания, суеверием или мучительством на казнь невинности изобретаемого, прибегнул Федор Васильевич к тебе, мой друг, да скончаешь его болезнь, болезнь, а не жизнь скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверсты. Тебя, мой друг, просил он, да будешь его при издыхании благодетель и дашь ему яду, да скоро пресечется его терзание. Ты сего не исполнил, и я был в приговоре, да не исполнится требование умирающего. Но почто толика в нас была робость? Или боялися мы почестья убийцами? Напрасно: не есть убийца, избавляя страждущего от конечного бедствия или скорби. Друг наш долженствовал умереть, и час врачом был ему назначен по нелживым признакам, то не все ли равно было для нас, что болящий скончает жизнь свою мгновенно или продлится она в нем на час еще един; но то не равно, что продолжится в терзании несносном. Мы потерять его были уже осуждены. Скажет некто, что врач мог ошибиться. Согласен; но болящий не ошибался в мучении своем и прав был, же-

лая скончания оногo, а мы не правы, дав оному продолжиться.

Мой друг, ты укоснил дать помощь Федору Васильевичу, но не избавился вперед ²⁶, может быть, от требования такого же рода. Если еще услышишь глас стнящего твоего друга, если гибель ему предстоять будет необходимая и воззову к тебе на спасение мое, не медли, о, любезнейший мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнию гнуша[ющ]емуся и ее возненавидевшему.

Наконец, естественным склонением к разрушению пресеклась жизнь Федора Васильевича. Он был, и его не стало. Из миллионов единый исторгнутый неприметен в обращении миров. Хотя не можно о нем сказать во всем пространстве, как некогда Тацит говорил о Агриколе и Даламбер о Монтескью: «Конец жизни его для нас был скорбен, для отечества печален, чуждым и даже неизвестным не без прискорбия». Но то скажу справедливо, что всяк, кто знал Федора Васильевича, жалел о безвременной его кончине; тот кто провидит в темноту будущего и уразумет, что бы он мог быть в обществе, тот чрез многие веки потужит о нем; друзья его о нем восплакали; а ты, если можешь днесь внимать гласу стнящего, приинки, о, возлюбленный, к душе моей, ты в ней увидишь себя живого.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. О ПРАВЕ НАКАЗАНИЯ И О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

2. О ЛЮБВИ

3. ПИСЬМА О ПЕРВОЙ КНИГЕ ГЕЛЬВЕЦИИВА СОЧИНЕНИЯ О РАЗУМЕ

Разыскание следующих вопросов

1. На чем основывается право наказания?
2. Кому оно право принадлежит?
3. Смертная казнь нужна ли и полезна ли в государстве, то-есть в обществе людей, законами управляемом?

Прежде разыскания сих вопросов надлежит определить смысл понятия о *наказании*. Я под оным разумею *зло, соде-
ляемое начальником преступнику закона*. Дав таковое
изъяснение, мне надлежит, кажется, рассмотреть чело-
века, каков он произведен природою, не коснувшись об-
щества, дабы яснее определить, на чем основывается право
наказания. Сие-то я и намерен разыскать столь кратко,
сколько то возможно по существу самой вещи и по намере-
нию сего сочинения.

Если мы вообразим первенственное состояние человека,
состояние равенства и независимости, то узрим его само-
властным судиею своих определений. Если мы рассмотрим
его существо, то найдем его одаренного понятием (то-есть
свойством составлять идеи и оные сравнивать) и физиче-
скою, или телесною, чувствительностию. Понятие делает
его удобным ко блаженству, то-есть определять хотение
свое сходственно со своим благосостоянием; телесная чув-
ствительность повещает ему о его надобностях и показывает
ему способы, удобнейшие к удовлетворению оным. Лю-
бовь самого себя или своего благосостояния есть основа-
ние всех человеческих деяний. Сие чувство, природою в
нас впечатленное, есть всеобщее и для того не требовало
бы доводов, но случается, что наипростейшие и яснейшие
истины подвергаются иногда сомнениям. Для того я дам
оному доказательство, на самом существе нашего понятия
основанное.

Всякое понятием одаренное существо имеет чувство о своем существовании, ибо, кто чувствует, тот не может быть бесчувствен. Следственно, он может предпочесть состояние пребывания другому состоянию пребывания, то есть почитать одно счастливее другого; но предпочитать одно состояние другому есть то же, что определять свое хотение и избирать состояние пребывания, счастливейшим почитаемое, — суть одинаковые вещи. Из сего следует, что все права и должности человека из сего проистекают начала и все оному без изъятия суть подчинены. Оттуда право защищать себя, или отвращая обиду, или награждая ущерб, или предупреждая своего злодея, если случится быть в грозной опасности или уверенному о злодейском намерении своего противника. Ибо имеющий право к цели имеет неотменно право к способам позволительным; итак, старание о своей сохранности, будучи средством, необходимым для пребывания во благосостоянии, есть право, нераздельное от человека. Доселе понятие о наказании исчезло для того, что оно предполагает начальника, истребляет понятия естественных свободы, а потому и равенства. Но сие состояние независимости и равенства, столь прекрасное в воображении, не могло продлиться вследствие несовершенства человека. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человека к самовластию, непрестанная боязнь, да не подвергнется насилиям могущественнейших, словом, препятствия, сохранности каждого в естественном состоянии вредящие, превзошед своим сопротивлением силы, употребляемые каждым для пребывания в сем состоянии, люди принуждены стали применить внешнее состояние их жития. Но как они не могли произвести новых сил, а совокупить и соединить токмо имевшие, то надлежало установить общество, где каждый подвергался верховному вождению государя и менял свою природную свободу, силами каждого ограниченную, на свободу гражданскую, в житии по законам состоящую. Рассмотрим теперь человека в сем новом положении и начнем объяснением существа государств.

Народ есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своей сохранности соединенными силами, подчиненное власти, в нем находящейся; но как все люди от природы суть свободны и никто не имеет

права у них отнять сея свободы, следовательно, учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмолвное согласие. О сем иные сомневаются, почитая народ собранием единственников. Но оно представляет нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную и для того права и обязанности иметь могущую; следовательно, можно ей сделать обиду.

Общество, так сложенное, долженствовало помышлять о таком средстве, которое бы положило всем оною членам необходимость направлять все их деяния сходственно с общим благом; для того-то люди, пременяя образ своего бытия, не пременяют своей природы, и злодеяния, принудившие их составить общество, не истребились бы, беспорядок остался бы и разрушение государства последовало бы непременно. Но как скорбь и отвращение от зла и притяжательность веселия суть равно всеобщие, то ясно следует, что наидействительнейшее средство подчинить частное хотение хотению всеобщему и принудить граждан поступать только сходственно с намерениями законоположника есть учреждение награждений и наказаний. Я пред сим доказал, что общество не может быть разве действительным или безмолвным согласием всех единственников. А как установление наказаний есть средство, необходимое для содержания порядка и для направления деяний каждого сходственно с общим благом, то ясно, что начало права наказаний основывается на их согласии, ибо кто желает цели, тот желает и средства.

Некто возразить может: определяя волю свою к цели блаженства, возможно ли, чтоб человек условился на предосудительное своему благосостоянию? Ответствую: 1) Вступая в общество, никто не мнит о себе, что будет нарушитель закона, а тем общественный злодей; но каждый, обязуясь жить по законам, никто из оных не исключен, и сие никому не предосудительно. 2) Всяк властен вдать опасности не токмо несколько своих прав, но и самую жизнь для сохранения оной. В таковом деянии человека выбор стремится к цели своей выгоды, ибо меняет он зло действительное и настоящее на зло будущее, от коего он легко уклониться может. Сии рассуждения влекут заключения, что человек, обязуясь терпеть зло, начальником ему соделываемое за преступление закона, ничего не терпит, но паче выигрывает; следственно, действие сие, стре-

мящееся единственно к его сохранности, есть законно и твердо.

Положив основание праву наказания, я могу приступить к решению второго моего вопроса, то-есть кому принадлежит право наказания. А понеже сия задача есть дальнше токмо следствие первой, то довольно будет, если утвержу оную одним простым доводом, не входя в дальнейшее рассмотрение.

Состав каждого правления требует государя, или вождя, который бывает нераздельно или соборною особою, одаренною верховною властью для направления всех единственных воль и сил к общественному благу. А как сохранность народа и содержание доброго порядка суть первые предметы его попечения, чего без учреждения наказаний и награждений приобрести не можно, то ясно следует, что право наказания принадлежит единому токмо государю, право, которое он может вручить нижним властям. Но они суть токмо исполнители вышния воли государя, законами определенной и пересуду не подверженной.

Я приступлю теперь к последней задаче. Вопросається: смертное наказание полезно ли и нужно ли в обществе? Для решения сего надлежит рассмотреть цель наказания вообще.

Цель законодателя при учреждении наказаний есть сохранность граждан, утверждение законного владения их имений, предварение природныя склонности человека присвоить все, что может взять невозмездно, наконец, приведение к должностям уклонившихся от оных. Отсюда истекает примерное наказание, стремящееся к отвращению от беззаконных и злых дел всех ведающих о болезнях, злодеями претерпеваемых. Иные отмечают исправление, которое не что иное есть, как средство к приведению преступника в самого себя истязанием, средство к произведению в душе истинного раскаяния и отвращения от злых дел. Другие мнят быти возмездию, состоящему в соделании зла за зло. Сомневаюсь, чтоб те были правы, а докажу, что сии, конечно, ошибаются.

Представим себе государство нравственною особою, а граждан оного — ее членами. То можно ли подумать, что человек, раздробивши себе ногу, восхотел бы воздать зло за зло, и преломить себе другую. Положение государства есть сему подобно. Все действия государства должны

стремиться к благосостоянию оного; а награждать злом за зло есть то же, что невозвратное зло себе соделать. Желать себе зла противно существу общества, и таковое действие предполагает безумие, но безумие права не составляет. Следовательно, таковое действие ни есть законно, ни полезно, а потому и невозможно; да и полагающие возмездие, кажется, похожи на последователей системы *беспристрастной свободы*, которые, утверждая, что *хотение есть хотение* и что *хочу, для того что хочу*, приемлют, очевидно, действие без причины.

Отметающие исправление основываются на невозможности судить об оном и определить время, когда преступник придет в себя. Суд, говорят они, объемлет внешние токмо действия; никто не судит о намерении, и законодатель не может пещися о исправлении.

Дабы ответствовать с точностию на сие заключение, надлежит сперва разыскать, может ли человек исправиться? Для сего рассмотрим его в себе самом и спросим природу. Человек рождается ни добр, ни зол. Утверждая противное того и другого, надлежит утверждать врожденные понятия, небытие коих доказано с очевидностию. Следственно, злодеяния не суть природны человеку; следственно, люди зависят от обстоятельств ²⁷, в коих они находятся, а опыты нас удостоверяют, что многие люди повиновались несчастному соитию странных приключений. Если же человек случайно бывает преступником, то всяк может исправиться. Если он повинуется предметам, его окружающим, и если соитие внешних причин приводит его в заблуждение, то ясно, что, отъемля причину, другие воспоследуют действия. Сверх же того, дабы доказать, что исправление невозможно, надлежало бы определить силу злобы, потребной в преступнике для соделания действия, запрещенного законами. А как может оное быть? Творец действия иногда не ведает сам побуждений, его влекущих, то-есть что он не ясно видит соитие обстоятельств, побудивших его к действию. Если же невозможно положить явного предела исправлению, если же, напротив того, очевидно, что человек может исправиться и что люди разнятся токмо в количестве, то не справедливо ли будет в сем случае клониться к большей вероятности. Сие-то я и намерен рассмотреть, восходя от действия ко причинам.

Представим себе человека, на несколько степеней страсть имеющего и совсем к добродетели равнодушного; добродетелию я называю навык действий, полезных общественному благу. Таковой человек столь же непременно впадает в злодеяние, как брошенный камень падает на землю. Решить должно, можно ли сего человека исправить? Злодеяние в человеке рождается от притяжания веселия и от глупых надежды безвозмездия, от чего должно воздерживать его болезнию. Злодей, уличенный в своем злодеянии, осуждается на потеряние своєю свободы — уграта невозвратимая, все превосходящая, а паче для человека просвещенного. Вринутый в глубокую темницу и в снесь скуке, отчаяние объемяет его душу; за оным следует ярость на свое непроворство. Ибо трудно неистовцу признаться виновным, но немощь соделати зло превращает, так сказать, естество его хотения, равно как невозможность удовлетворить желанию оное истребляет. Дошед до сего степени, он себя рассматривает; а рассуждение человека о известных обстоятельствах всегда бывает справедливо, если разум его не ослеплен страстию. Здесь все его страсти утихли или настоящим страданием, или воображением отсутствия всех неселий. Он познает свое злодеяние. И можно ли, чтоб он его не познал? Если человек накрепчайший колеблется, если Катон, если Брут, сии строгие стоики, возмогли подвигнуться и пременяли намерение, то какой смертный не пременится? К тому ж мы охотно последуем в рассуждениях другим людям, дабы избавиться трудности исследования, угождая природному человека недействию, или повинуюся общественному рассуждению. Тако преступник, зря себя покрыта бесчестием и срамотою, у всех в презрении, един среди всех и преданный себе самому, прибегает к раскаянию, яко к единой несчастных отраде, которая поистине сильнее, нежели думают.

Но преступник, скажут мне, может затвердеть во злодеянии, он может даже нечувствителен быть к болезни, которую ощущает. Сие невразумительно; но раскаяние, кое неизбежно, производит непременно отвращение к действиям, приведшим в раскаяние, а телесная болезнь делает оные ужасными. Несчастный, чрез долгое время навывкший с ужасом взирать на прошедшие свои дела, отвращается от злодейства, а впечатление сие, всегда и непрерывно пребывающее, столь привычно ему станет,

что от единых мысли злодеяния вострепещет. Если все люди имеют свойство соединять с одинаковыми предметами одинаковые мысли и воображать нераздельными идеи, кои они в одно имели время, так что одна не может возбудиться без другой; если привычка другая есть природа, коли не первая, как то думает Гельвсий, и если чувствование скорби сильнее по себе оставляет впечатление, нежели чувствование, мысленным воображением познаваемое, то я могу утверждать, что в человеке степени порока пременяются в десять лет во столько же степеней добродетели. Дабы смертная казнь производила свое действие, нужно, чтобы преступления были всечасны, ибо каждое примерное наказание предполагает вновь сделанное преступление; желать сего есть то же, что хотеть, чтоб самая та же вещь была сама по себе купно и другая вещь в одно время, следовательно, желать противоречия.

Но скажет некто, если телесные болезни, смерти предшествующие, сильнее всего в человеке действуют, то надлежит прибегнуть к изысканным казням? Признаюсь, что они весьма чувствительно и сильно действуют; но и то известно, что они преходящие токмо доставляют выгоды, и сие-то, думаю, доказывает их бесполезность. Какое зверство, какой ужасный вымысел в казнях при Калигуле, Нероне, Диоклитиане! какое, напротив того, наблюдение в сохранении жизни граждан во время республики. Различие в сии времена во нравах относится всегда к похвале народного правления. Сие и доказывает, что не жестокость казни удерживает преступника или предвзывает преступление, но мудрое законоположение и соединение общей корысти с частными корыстями, поелику то возможно. Свирепость наказаний показывает всегда народное повреждение и причиняет избежание казни, а надежда укрыться от оных умалает ее действие и воспрещает жертвовать злодейским, но настоящим веселием. Владычество привычки есть всеобщее над человеком, и яко веселие исчезает продолжением, тако поражение теряет свою силу частым повторением. Избраннейшая казнь теряет свое действие и становится, наконец, бесплодною; как же соразмерить наказание преступлению? В телесном и нравственном мире все имеет свои пределы, естество человеческое имеет также свой предел во зле и благе; то ясно, что, полагая изысканные казни, надлежит на чем-нибудь оста-

новиться. Тут будет несоразмерность наказания с преступлением; будет сие неправосудно, а потому сумасбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговременного не производит впечатления и, поражая сильно и мгновенно души, бывает тем недействительною; понеже жестокость казни становится вредною непременно ради следствия своя бесполезности, то я могу заключить, что смертное наказание не может быть ни полезно, ни нужно в государстве.

Положив сие начальное правило и устремляя внимательное око на сложение государств и на обряд уголовных дел, я покажу два опасных следствия смертных казни. Образ всякого правления влечет за собою неравенство имений. Монархическое тем и существует, аристократическое оного отвергнуть не может, в демократическом хотя бы надлежало быть равенству имений, но, судя с точностию, не может быть истинной демократии, и сие правление, приличествуя токмо весьма малым и бедным государствам, не может, и по мнению г. Руссо²⁸, сделать народа счастливым по склонности своей к возмущениям. Опыты всех веков и настоящее государств состояние доказывают невозможность равенства имений. А неравенство оных производит, с одной стороны, нищету, а с другой — роскошь; сего ради могу я сделать положенне, что в двадцати миллионах жителей найдется по самой крайней мере двести в крайнее убожество поверженных: едва возмогут они добыти дневную пищу, и жизнь непременно будет им в отягощение. Они восхотят оной лишиться; закон им доставит сие благодеяние, которого удостоятся они злодействами; и се уже двести преступников, укрепленных мгновением казни и надеждою нескольких годов услаждения.

Второе следствие, ужаснее первого, истекает из обряда уголовных дел. Люди определяют наиважнейшие действия своя жизни по нравственной ясности; следственно, и знаки, преступление утверждающие, на оной же должны основываться; но и по мнению самого творца книги *О преступлениях и наказаниях*²⁹, нравственная ясность не что иное есть, как наивеличайшая вероятность; а как нет вероятности, коея бы противоположность не была возможна, то заключаю, что со всеми осторожностями в осуждении преступления можно ошибиться и осудить

невинного и что бывают случаи, коих истина едва чрез долгое течение времени отверзается. Ибо какой человек почитается преступити не могущим? Невежество судии введет его в погрешность, сребролюбие повредит его правоту, отеческая нежность, любовь сыновняя, предстательство вельмож, долговременное дружество и многие малые сим подобные причины не возмогут ли его обольстить, и не преступит ли он власти своей на судилище?

Рассмотрим свидетельство. Хотя и говорят, что вера ко свидетелю возрастает по мере умаления его корысти, но можно ли назначить предел, где корысть исчезает; может ли кто проникнуть в тайные излучины сердца человеческого? Или нет уже более душ низких и подлых, всегда личиною прикрытых и тем наименование честных людей приобретших, прельщенных или обоязненных и того ради на ложное свидетельство готовых? Из сего заключаю, что приговор, на свидетельстве основанный, подвержен заблуждению. Признаюсь, что таковые случаи суть редки, но единая их возможность приведет в ужас сердце праведное и от вопля невинного в бедствии содрогатися обыкшее; а если бывают случаи, в коих можно предположить, что невинность разве чрез долгое течение времени открывается, и если опыты доказывают, что часто невинные сопреступниками вменялися и казнены смертию, то благоразумно и праведно иметь готовое всегда средство скончавати мучение невинных жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сии причины, царствование императрицы Елисаветы Петровны³⁰ и опыты всех времен доказующие, како смертное наказание не послужило к удобрению человека, побуждают меня заключить, что установление сей казни совсем в государстве бесполезно, да и казнить смертию для примера надлежит только того, кого без опасности сохранить невозможно. Я тем более подвигаюся на сие рассуждение, что известно, что люди располагают свои деяния по повторяемому действию зол, им известных, а не по действию зол, им неведомых.

Сим образом исправленный и высшим правосудием освобожденный чувствует преисполненна себя благодарностию; но живо чувствующий благодейние старается явить признание о нем; всяк хочет быть почитаем и скорбит, зря себя в презрении. Итак, желание почтения и скорбь

презрения произведут в преступнике стремление ознамениться, да будет общественного почтения достоин, да воздаст, так сказать, за худые свои дела, и да погрузятся они в вечное забвение. Тако во Греции воины, избавившиеся смерти бегством, храброму мужу всегда постыдным, но срамом и стыдом покрытые, бывали всегда в последующее время наизнаменительные; следственно, бывает предел довольно известный, где виновный почестся может обратившимся к должности своей, то не достойно ли о сем настрожайше исследовать? Сердце мудрого законодателя не источит ли кровь, наказуя невинного? Ибо наказание исправившегося преступника есть заклятие невинных жертвы.

Я не намерен распространять силу сего заключения на убийцев. Жребий нарушителю договора и общественному злодею есть смерть гражданская. Ибо несть свято, несть ненаруσιμο паче жизни гражданина. Я думаю, однакоже, что по оному заключению могу судить о воровствах и о других меньших преступлениях, назначая токмо некоторые пределы, да не войду в скучные подробности. Если бедность, столь всегда близко преступления, ввела человека в заблуждение; если стремление страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой, вринуло его в преступление, то не побудит ли сие мыслить благосклонно о преступнике? Следовательно, кажется, не можно с основанием исключить исправление из намерений законодателя.

Мы видели, что предметы установления наказаний суть или средства воспретить преступнику впредь вредить обществу, или пример для других, да отвратятся от содеяния подобных злодеяний, или, наконец, исправление. Дабы решить теперь, полезно ли и нужно ли в государстве учреждение смертных казней, рассмотрим каждый из сих предметов особо.

1. Я уже показал, что исправление неотменно входит в расположение законодателя, понеже совершенное разрушение вещи истребляет понятие о исправлении, ибо отъемляй жизнь у преступника разрушает его бытие, его истребляет, то заключаю, что в сем случае смертная казнь предосудительна.

2. Предварить, чтобы преступник впредь не вредил обществу, для сего надлежит сделать его только немощным,

Темница для сего избыточна. Следует, что в сем случае смертная казнь не нужна.

3. Наказание для примера отвратить от подобных преступлений согражданина виновного; для сего надлежит изыскать наказание, которое бы сильнее, действительнее и продолжительнее душу поражало. Обыкновенно думают, что законная смерть оставляет по себе впечатление наисильнейшее, или действительнейшее, или долговременнее пребывающее. О сем я сомневаюсь, и вот тому вина.

Смерти всегда предшествует болезнь, жизни сопутствуют всегда какие-нибудь веселия. К жизни мы, следовательно, прилепляемся ради страха болезни и возжелания веселий. Чем жизнь блаженнее, тем страшнее оную оставить. Оттуда ужас в смертный час в довольствии живущих. Напротив того, чем жизнь несчастнее, тем меньше жалеют лишиться оной. Оттуда нечувствительность нищего в ожидании последнего часа. А если любление бытия основано на страхе болезни и возжелании веселия, то следует, что желание быть счастливым сильнее в нас, нежели желание быть. Следует, что пренебрежение жизни есть заключение исчисления, доказующего нам самим, что лучше не быть, нежели быть несчастным. Сей довод не есть воображение умозрительства, но токмо существование происшествий, на опытах людей мудрых и людей мало просвещенных основанное, что и доказывает оно общественность. Не с охотою ли Катон отъял у себя жизнь из любви к отечеству? Сцевола³¹, влекомый корыстию общего блага, не подвергался ли не токмо смерти, но и острейшей муке? Не терпел ли Регул³² наихудших мучений, да исполнит свое обязательство? Я не могу сравнить с сими великими людьми сих злодеев, сих извергов природы, суеверием упоенных и обагривших руки свои в крови царей своих, и толико же безумных убийцев. Сие доказательство довольно, кажется, заключительное утверждает, что смертная казнь не с наибольшею действительностию поражает разумы и что впечатления ее не наисильнейшие суть; по крайней мере они не во всех равны бывают, а потому, не будучи наисильнейшие, да и всегда мгновенные, не могут, конечно, быть действительными.

Но положим, что оные впечатления суть наисильнейшие, как то они суть в самом деле во всех не имеющих ве-

ликих страстей ни к добру, ни ко злу, коих число, конечно, в каждом государстве велико, то утверждаю, что тем самым они и вредны, ибо чем поражение сильнее, тем кратче оно бывает. Правда, что оно объемлет все наши душевные силы, но они подобны изящной музыке; ее действие мгновенно нас восхищает, мгновенно и исчезает. Тогда престаёт соображение, и человек в совершенное погружается забвение. Смертная казнь удивляет, но не исправляет; она укрепляет, но не трогает; но впечатление медленное и продолжительное оставляет человеку полную власть над собою. Он соображает, сравнивает; следовательно, сие впечатление по существу своему есть действительнее и тем полезнее. А если продолжительное впечатление глубокие в сердце человеческого оставляет черты, то долженствует следовать, что оно действует на человека сильнее. В таковых обстоятельствах был Александр Великий в рассуждении Филота ³³, единого из первейших своих полководцев, ближайшего своего друга и сына Парменинова, великим войском тогда предводительствовавшего; таков же был случай Генриха IV в рассуждении Бирона ³⁴. Обличенные оба в оскорблении величества (то-есть в наивеличайшем преступлении, ибо великость оного измеряется всегда вредом, государству от того происходящим), но оба могущественны, не можно было, по мнению моему, их сохранить без опасности. Сие, может быть, единое изъятие, а изъятие правила точность оного доказует. Присовокупим к сему: дабы наказание было справедливо, надлежит оному иметь токмо достаточную силу для отвращения людей от злодеяний. Но какой человек восхощет променять потеряние совершенное и невозвратное своя свободы на злодеяние, какие бы он ни ожидал от него выгоды. Из сего следует, что действие наказания вечныя неволи достаточно для отвращения от преступления наикротчайшую душу.

Я не войду в раздробление преимущества такого положения, ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому что нет злодея, кой бы к чему-либо не был пригоден, что самой природе совместно. Если соделаешь зло обществу, возмездится за оное злом, то-есть принужденною работою; сверх же того ясно, что вечная неволя тем и предпочтительна, что действия ее, в глазах народа всегда обретающиеся, суть поразительнее и

долговременнее. Теперь рассмотрим, вечная неволя не жесточее ли самая смерти? Конечно, жесточее в глазах общества, но не для терпящегося. Общество судит по своей чувствительности о сердце, привычкою закоренелом, а несчастный утешается отсутствием болезней злее тех, кои он ощущает; раскаяние приходит к нему на помощь, и труды его облегчаются упражнением. А как чувствительность в человеке возрастает по мере крепости его рассудка, нежности телосложения или перемены его состояния, то я заключаю, чем человек будет просвещеннее, тем положение сие будет для него несноснее; чем более он мог жить в довольствии, тем более сие состояние его скорбеть будет. Тем более заслуживает он облегчения, ибо хотя злодей он, но человек. Сего требует правосудие, ибо наказание должно всегда быть соразмерно преступлению. А как весьма редко, чтобы одинаковые предметы одинаковые на разных людей имели действия, к тому же ясно, что человек с разумом или человек, сладострастное житие имевший, гораздо наказание живее восчувствует, нежели невежда или телосильный и крепкий к нужде и нищете привыкший, то заключаю: если таковые люди за одинаковые преступления одинаково накажутся, один наказан будет жесточее другого, и казнь вине не будет соразмерна.

О ЛЮБВИ

Любовь есть чувство, природою в нас впечатленное, которое один пол имеет к другому. Все одушевленные твари чувствуют приятность, горячность, силу и ярость оныя. Но различное сложение тела, следовательно, больше или меньше раздражительности в нервах, различное соитие обстоятельств, воображение воспламеняющих, словом, различное соитие внешних предметов, на нас действующих, должно неотменно производить различное чувствование. Рассматривая любовь при ее источнике, увидим, что сие чувствование равно сродно ленивому ослу и разъяренному льву; португальцу крепкими напитками и пряным зелием воспаленному, и лопарю, утомленному холодом и трудами. Сие чувствование, следовательно, есть необходимое, для того что оно в нашем природном сложении имеет свое начало. Любовь все употреб-

ляет средства, к удовлетворению ее служащие, преобразует еленей в тигров, умножается от предстоящих препятствий, удовлетворению ее претящих, умалется, превзошед препоны. Федер справедливо примечает, что любовь в естественном состоянии человека ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по восстановлении обществ она долженствовала сделаться ужасною, как то она и есть. Самолюбие, со всем себя в сравнение ставящее и себе всегда преимущество дающее, долженствовало неотменно озлоблять самолюбие другого. Оно рождало зависть, а зависть — ненависть, и так умножались все наши страсти. Они столь много произвели божественных дел и столько зла сотворили, что их вообще ни хвалить, ни оуждать не надлежит. Нравоучители, противу страстей восстающие, рассуждают о человеках вообще по человеку, в их воображении сотворенному, или, углубясь в отдаленнейшую метафизику, доказывают весьма велегласными словами, что все несходствующее с совершеннейшею совершенностью (которую не объясняют) и с существенным порядком вещей, которого не знают, есть противудобродетель, порок и зло; итак, мы постараемся отступить от понятия отделенного и будем наблюдать действительные отношения. Назовем добродетелию то, что удовольствие и благосостояние всех (а как сие невозможно), по крайней мере многих людей соделывает, и рассмотрим, полезна ли любовь или вредна?

Человек есть хамелеон, принимающий на себя цвет предметов, его окружающих: живущий с мусульманами — мусульманин, с куклами — кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает. Мы усвоаем помалу страсти, в обществе господствующие; наипаче мы склонны к восприятию того, что нас прельщает, а все, что нам веселие доставляет или обещает, прельщает нас столь действительно, что объемлет все наши душевные силы. Всяк довольно, хотя и не весьма ясно, понимает, что мы благосклонность других людей приобретаем сходствием наших мыслей и деяний с их мыслями и действием, а сие подтверждается опытами. Из того очевидно следует, что двое влюбленных единого составляют человека, единую имеют волю и одинаковые поступки, ибо привычка преобразует природу. Случай, имеющий в об-

щежитии свое начало, восхотел, чтобы мужчины были, что женщины суть, на коих они свои взоры обращают, а не женщины — то, что суть мужчины.

Итак, любовь в обществе, не на телесных токмо и чувственных основывающаяся чувствованиях, но тысячу чувствованиями производимая, любовь сия, зависящая от предрассуждений, от обыкновений и от состояния, не имеет в себе ничего непозволительного и ничего наказания достойного. Она становится добродетелию или пороком, располагая по воспитанию женщин, тот или другой вид приемлющему. У греков, у коих мать слезы проливала, когда сын ее без лавр возвращался, где дева прославившемся сердце свое дарила, и везде, где благоразумный законоположник женщин определил вперять в сердца юношей ревность к добродетельным и отвращение от порочных поступков, заслуживают они уважение, почтение и любовь. Но в нашем веке, где красота, *которая ужаснее стихии, ее родившей*, воспитывается в играх и забавах, где вся разума ее округа внешним ограничивается блеском, где свобода в убранстве, где прелесть поступи и несколько наизусть выученных модных слов заступают место мыслей и изгоняют природное чувствование, где она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннейшие склонности, где она злословна для того, что неведуща, честолюбива для того, что не имеет должного к себе почтения, и коварна для того, что живет всегда в принуждении и беспрестанно безделицами упражняется, где она неограниченно обожателями своими управлять желает — достойна ли она, чтобы быть ее жертвою, в угождение ей наполнять голову свою замысловатыми безделицами, оставить любовь истины, дабы ей понравиться? посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна? В наблюдении бесчисленного множества вещей, кои по рассмотрении найдем безделицами, но трудными безделицами, может ли кто без внутреннего отвращения видеть старого, впрочем заслуженного и испытанного министра, который от чрезмерной нежности невинного осудил на смерть, дабы пощадить злодея, отца своея обладательницы. Кто не возропщет на него? кто столь сильно объят любовью, что разум его никогда не в состоянии покойно наблюдать вещи, а сердце всегда в движении и кто своими приобретенными знаниями мог бы свету быть полезен?

Но кто может противиться сим голубым глазам, сему томящемуся и восхитительному взору, сему пронизательному и привлекающему гласу? Кто может облобызать белую сию и нежную руку, на коей поцелуй впечатлевается, и не потерять своего сердца? Кто может видеть сию непринужденную походку, сию величественную осанку, воровские глазки, и, что всего больше, слышать и видеть добродетельные предупреждения — и не восхититься и не воспалиться? Тот, кто в младости к тому приуготовлен, кто старается познать истинное определение человека, кто украшает разум свой полезными и приятными знаниями, кто питается противными сим страстями, кто величайшее услаждение находит в том, чтоб быть отечеству полезным и быть известным свету.

ПИСЬМА ³⁵, КАСАЮЩИЕСЯ ДО ПЕРВОЙ КНИГИ
ГЕЛЬВЕЦИЕВА СОЧИНЕНИЯ О РАЗУМЕ

Письмо I

Милостивый мой государь!

Я намерен с вами беседовать о вещи весьма важной и многим трудностям подверженной; ласкаю себя, что вы мне на сие дадите дозволение, ведая довольно, что глубочайшие размышления не токмо вам не наскучат, но возбуждают разве ваше любопытство. Вещь сия есть важная, ибо непосредственно касается до человека; трудная, ибо познание сердца человеческого и побуждений к действию и недействию весьма запутанно. Сие превзойдет, может быть, мои силы; но самое сие побуждает меня прибегнуть к вашему просвещению, которое, по счастью моему, я узнал и почитаю. Я ищу наставления, следовательно, я сомневаюсь. Но как нерешительность для разума, истину возлюбляющего, есть несноснейшее состояние, то и прошу я вашей помощи. Но не отважно ли сие? И поистине сей мой поступок, от чрезмерного желанья познаний происходящий, был бы непростигтелен, если бы я менее уверен был в милости вашей ко мне, если бы вы во время пребывания вашего в Лейпциге не удостоили меня дружеского обхождения и если бы вы мне не дали полезного для меня дозволения прибегать к вам во всем, что до меня касается

может. Я осмеливаюсь почитать себя воспитанником вашим, ибо все, нас наставляющие или дающие нам способы к наставлению, по справедливости истинными родителями почитаться могут. Но сие есть паималейшее из одолжений ваших. Вы извлекли душу мою из бездействия и уныния, в конх она погрязла, и, по несчастью, не без причины. Вы возвратили ей всю ее деятельность, отъемля причину, ее угнетавшую. Вы вселили в меня неутомимое рвение к исследованию всех полезных истин и отвращение непероборимое ко всем системам, имеющим основание в необузданном воображении их творцов, и мерзепие к путанице высокопарных и звонких слов, коими прежде сего я отягощал память мою. Но сколь велика долженствует быть, наконец, моя признательность за то, что от вас познал я удивления достойного сочинителя, коего книгу вы благоволили прочесть со мною! После того я три раза читал ее со всевозможным вниманием, и для того только воздерживаюсь хвалить его, что я уверен совершенно, что хвалить такого мужа, как есть сей, должен только тот, кто сам заслужил уже похвалу.

Скажу только то, что, удивляясь его пронизательности, ясности и изящности его слога, нередко сожалею о его краткости. Из него-то почерпну содержание сих писем, которые заключать будут сокращение сочинения *О разуме* или по крайней мере оногo первыя и третия книги. Но исполнение сего предприятия весьма трудное, требует напряжения разума и довольногo времени; да и тем паче, что не всегда я с автором одного мнения, по крайней мере в помянутых двух книгах. Для объяснения моих сомнений в великие нужно войти подробности; и я за нужное почел прежде всего предложить вам со всевозможною краткостию стезю, которою он шествовал во утверждени своих основательных мнений и во извлечении следствий. Цель моя была двояка при сем маловажном труде. Первая, чтобы тот, кто читал сию книгу и о ней уже размышлял, мог бы себе посредством сея выписки мгновенно представить всю цепь мыслей сочинителя, вторая, чтобы начинающий, имея сию выписку пред собою, не был бы от главного предмета отвлекаем окольностями и прекрасными побочными разглагольствованиями сочинителя и не проронил нить умствования его, запутавшись во множестве деяний, им приводимых, где по действию заключается о причине.

Вы можете судить, достигнул ли я моего предмета; мне же должно ожидать вашего суждения с почтением пребывания чрез всю жизнь мою с наилучшею благодарностию

есмы и проч.

Письмо 2

Сочинитель рассматривает разум яко способность мыслить, которая по сему и долженствует быть качеством какого-либо существа, духовного или вещественного, ибо другие роды нам неизвестны. Сия задача, нерешенная до сего времени, не может иметь о себе доказательства, тем паче что сочинитель, полагая все действия нашего разума в чувствовании, сие равно с тем и с другим предположением согласуется. Но сие-то и требует, мне кажется, доказательства. Почитая душу вещественною, рассмотрим, может ли она чувствовать. Я прежде всего замечу, что *вещество* и *тело* суть два слова равного значения, ибо сказать можно, что всякое вещество есть тело и всякое тело есть вещество. А понеже пространство, заключающее в себе понятие неразделимости, непроницаемость, производящая, что два тела не могут в одно время занимать одного места, бездеятельность, качество тел, посредством которого они тщатся пребывать в настоящем положении, и следствие непремное самой их непроницаемости суть три свойства тел необходимые; понеже тело заключает в себе понятие общее и поелику то, что прилагаем роду, прилагаем всем единственностям, к нему принадлежащим, то следует, что все единственности, поелику суть тела, заключают в себе вышесказанные три качества. Следует, если бы начало чувствующее было телесно, то было бы протяженно и делимо. Следует, чтобы понимать можно было треть и четверть чувствования, что противоречит опытам.

В теле примечаем мы только движение, что не иное есть, как перемена места, быстротечность и направление. Но равное ли видим в нашей душе? И для того-то в каждом ударе чувств две вещи различать надлежит: телесную, или ударение в мозге; духовную, или понятие, в душе от того рождающееся. Кто захочет о сем сделать на самом себе примечание, познает оное непременно. Когда разум напряженно рассматривает некоторые предметы и рассуждает о понятиях, оными производимых, то он не замечает

нимало о ударении некоторых предметов на орудие слуха, хотя равное бывает их действие с теми, кои производят звук, и хотя орудие здраво. Причина же тому есть; что душа оному не внимает. Но сочинитель думает, что откровение таковой силы, какова, например, сила притяжения, не долженствует ли побуждать мыслить, что тела имеют еще некоторые свойства неизвестные, как то свойство чувствовать. В первом моем письме я намерен разяснить сие выражение.

Есмь и проч.

Письмо 3

Все согласуются, что есть во всех телах небесных всеобщая тяжественность; что качество сие, очевидное в магните притяжением железа и стали и, по мнению утвердителей тяжественности, свойственное всякому телу, осязательно становится только в весьма больших телах, в малых же совсем неощутительно. Истинная же причина, оную производящая, нам неизвестна, и философы доселе в оном несогласны. Одни утверждают с вероятностию, что некое тонкое и невидимое вещество действует на тела и их одного к другому устремляет, и они называются *устремителями*. Другие говорят, что есть в телах сила скрытая и сокровенная, между ими притяжательность производящая. Оные присносущность утверждают на всемогуществе божием и называются *притяжателями*. Но если бы притяжательность была действие всемогущества божия непосредственное, в существе тел неутвержденное, то можно бы сказать столь же справедливо, что бог тела движет непосредственно, что и было бы непрестанное чудо.

Если мы вообразим два тела без движения и среди их совершенную пустоту, то нелепо будет утверждать, что они могут сблизиться, или притянуть одно другое, ибо тела вследствие своей существенности тщатся пребывать в настоящем положении. Не можно приступить к противоположному мнению для того, что понимать неудобно причины, для чего тело недвижимое будет двигаться в ту, а не в другую сторону; еще же неудобопонятнее, что движущееся тело престаёт двигаться или пременяет направление или скорость. Итак, если достоверно, что всякое тело по существу своему сохраняет свое положение и что перемена в оном происходит токмо вследствие его непрони-

пательности, то ясно, что тяжественность, то-есть сила, тело к центру направляющая, хотя нам неизвестная, не есть свойство в телах присносущное. Да и по мнению тех, которые притяжательность почитают силою, в веществе вкорененною, сила сия не в теле, над коим действует. Следует, поелику известны нам силы только двух родов, силы телесные, из непроницательности тел притекающие, и силы духовные, существующие токмо в животных, то притяжательность долженствовала бы принадлежать к третьему роду сил, но ни к телесным, ни к духовным. Но дабы утверждать сие, то надлежит непрекословно доказать бытие сих сил и что сила притяжения не происходит из тонкого вещества, тело окружающего. Если бы единожды возможно было, чтобы два тела притягивать могли друг друга и расстояние между ними не было бы наполнено тончайшим веществом, то существенность притяжательности была бы неоспорима. Но как сие невозможно, то можно в том сомневаться или совсем отрицать.

Если же довольную имеем причину отметить силу притяжательную, то с лучшим основанием отрицать можем в вещественности свойство чувствовать. Но если верно, что вещественность чувствовать может, где найдем мы чувствующую соединенность или неразделимость? Присвоим ли оную каждой вещества частице или соборным телам? Или присвоим сию соединенность жидкостям и твердостям в сложных и в началах? Говорят: в природе нет опричь единственностей; но каковы они? Единственностию ли назовем камень или сложеннем единственностей? Чувствительное ли он вещество или содержит столько оных, сколько в нем песчинок? Если каждая начальная порошок (атом) есть вещество чувственное, то как вообразить сие тесное сообщение, от которого один чувствует себя в другом и столь совершенно, что оба суть один? Части чувствующие суть протяженны, но существо чувственное неразделимо, одно, всецело, или же ничто. Сии непреоборимые трудности с предыдущими причинами совокупно утверждают меня во мнении, что, познав вещественность протяженною и делимою, надлежит удостовериться, что она чувствовать не может, ибо, утверждая противное, станешь присвоить одному существу свойства, одно другое исключают.

Есмь и проч.

Сочинитель полагает быть в человеке двум сплам страдательным, которых он признает производящими наш разум причинами: первая — свойство принимать ударения внешних предметов, и сия есть телесная чувствительность; другая — свойство хранить сделанное на чувства ударение — называется память. Память, по мнению сочинителя, есть не что иное, как единое от орудий телесной чувствительности и чувствование продолженное, но ослабшее. То, что в нас чувствует, говорит он, то непременно и воспоминает. Се доказательство его.

Когда я воспоминаю образ дуба, тогда внутренние мои органы находятся почти точно в таком же положении, в каком они были, когда дуб сей представлялся моему зрению. Таковое положение органов производит чувствование. Следовательно, вспоминать есть чувствовать. Сие заключение для меня не кажется убедительным, и здесь доказательство основано на том, что в задаче. Положим, что, вспоминая образ дуба, внутренние мои органы в равном положении находятся с тем, в каком они были, видя сей дуб; однакоже сим вопросом не удовлетворится, для чего и как, и довод недостаточен, ибо ясно, что здесь не заключает сочинитель от одинаковых действий на одинаковые причины, ибо действия суть разны. Когда дуб находился пред моими глазами, тогда внутренние мои органы, позыбнутые лучами, исходящими от дуба, образ его начертавали в глубине моего глаза на первенной сети, совокупляющейся с зрящим (оптическим) нервом, который есть продолжение мозга, и чрез него зыбление доходило до мозга, где душа извлекала понятие. Но удаленный внешнего предмета, что действует на мои органы? И если бы при воспоминании внутренние мои органы были в таковом же положении, как при ударении предметов на чувства, то, не имея ничего пред глазами, я видел бы солнце. Следственно, понятие напоминовенное совершенно разнствует от понятия, возбуждаемого предстоящим предметом. Изъяснение памяти, что она есть чувствование продолженное, но ослабшее, для меня неудовлетворительно. Ибо или чувствование продолжается безостановочно, или когда-либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало первое, то бы понятия нам были присутственны не-

престанно, чего, однакоже, нет, ибо тщетно иногда стараемся возобновить иные понятия, которые мы имели прежде; иногда же совсем их позабываем, но обыкновенно забываем их наполовину. Если бы ударение терялось совсем, как то случается, как бы вещественность могла вспоминать, что было на нее ударение в то время, когда оно на нее бывает вновь? Говоря, что память не что иное есть, как чувствование продолженное, но ослабшее, все присвоим чувствительности; но чувствительность производится движением нервов. Сие движение может умножиться и уменьшиться по мере удараения сильного или слабого всех частей предмета; следовало бы, что, когда воспоминаю о солнце, то же бы было, что я вижу луну, коея свет 200 000 раз слабее света солнечного. Но видеть луну теперь и вспоминать только о солнце суть две совсем разные вещи. А потому ясно, что понятия чувственные представляются нам посредством чувств; воспоминаемые же производим мы сами по образу понятий чувственных, поелику мы об оных воспоминаем. Понимаю я довольно ясно, что понятия, памятью произведенные, суть таковы же, как и настоящие: но сие относится к душе. Что же касается до тела, то всякое настоящее памятью сопряжено с некоторым движением в мозгу, чего не бывает с произведенным памятью.

Признаться надлежит, что истинный источник памяти от нас скрыт совершенно. Ведаем мы, что и тело в оном участвует; но и то верно, что возобновление понятий есть собственное действие души.

Письмо сие окончу я различием, сделанным в воспоминании. Оно двояко: 1) сила сохранять на несколько времени понятие настоящее. Локк сие называет *рассмотрение*; 2) сила возобновлять и оживлять в разуме понятия, которые, родясь в оном, исчезли и из оного совсем удалились. Сие собственно назвать можно памятью.

Есмь и проч.

Письмо 5

Сочинитель, разыскивая прилежно действия разума человеческого, ограничивает их на способность замечать сходствия и различия, приличность и разнообразность предметов между собою. Слова всех языков, которые

почесть можно собранием всех мыслей человеческих, подтверждают сию истину, для того что они представляют нам одни токмо образы внешних предметов, отношений их одного к другому и отношение их к нам. Разум человеческий превыше познания сих отношений не возносится и черты сея не преступает. Но и суждение не что иное есть, как самое сие усмотрение или изъявление оногo: то и следует, что все действия разума суть токмо суждения. Но и судить есть не что иное, как усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность наших чувствований и понятий. Следственно, поелику сила сия не что иное есть, как телесная чувствительность, то и судить есть чувствовать; следственно, все действия разума суть чувствовании.

Рассуждение сие нахожу я весьма заключительным. Все предложения в оном ясны и основаны на истине и опытах, одно исключая, то-есть, что способность сравнивать понятия наши и чувствовании есть телесная чувствительность. Сие требует рассмотрения, и поелику оно есть главное его предложение, то позвольте мне оное раздробить.

Я за доказанное приемлю, что все действия нашего разума состоят в способности усматривать сходствия и несходствия, принадлежности и разнообразия в предметах. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только телесная чувствительность.

Нет ни малого в том сомнения относительно познания различий между предметами. Получив два чувствования или два понятия, не могу не чувствовать, что то, что чувствую в одном, в другом того не чувствую; или, сказать яснее, что одно ударение иначе душу возбуждает, нежели другое. Чувствуя сие, чувствую их различие. Следует, что для усмотрения различия между предметами нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о их сходствии? Определим, что значит сие слово. Что назовем сходствие одного предмета с другим? Сходствие существенное или случайное бывает, когда части, один предмет составляющие, равнородны или равнообразны другому, или когда части одного предмета суть во всем одинаковы с частями другого предмета. Если сие верно, то для познания сего нужна одна чувствительность телесная. Ибо, имея два чувствования, разуму присутственные, усматриваю непременно, как они ударяют на мои чувства, одина-

ким ли образом или разнообразно; следует, оное усмотреть есть чувствовать.

Принадлежностью называем, когда один предмет к другому пристоеен, приятен, полезен, или нужен, или когда таковым нам кажется (в дальнейшее изъяснение сих названий я не вхожу, дабы вместо объяснения их не затмить). Но опыты доказывают, что разные чувствования разнообразно на душу действуют. Иные рассматривает она с удовольствием, на другие взирает с отвращением; и посредством того же опыта мы можем определить принадлежность или разность между предметами. Я из того заключаю, что судить есть то же, что чувствовать.

Для изъяснения сего рассуждения я постараюсь отдалить все возражения, которые против него сделать можно.

1) Если душа есть существо страдательное, то или каждый предмет она чувствовать будет раздельно, или будет чувствовать целый предмет, хотя сложный. Но, не имея силы их сблизить, она сравнения между ими сделать не может, не может о них судить. Что значит весь сей вздор? Каждый предмет будет она чувствовать особенно, то-есть что одно чувствование не будет другое, или что одно чувствование не существует в другом, равно как одно тело не может занимать одного места с другим в одно время. Весь предмет будет чувствуем, то-есть оба чувствования присутственны будут разуму. Следует, что душа не будет иметь силы их сравнить и что не может судить о их смежности. Но из сказанного мною можно заключить совсем противное и сказать: следовательно, не будет ей нужды их сблизять, следовательно, она будет судить об отношениях двух чувствований или иметь их присутственными разуму, то-есть будет их чувствовать; но то и другое равно, как то доказано прежде. Но говоря, что душа не имеет силы сблизять чувствования одного с другим, если разумеем, что душа не властна устремлять или отвращать своего внимания, продолжать или окончать своего размышления, тогда задача становится важнее и касается до следующей: свободны ли мы или нет? О сем я с вами в особом письме беседовать буду.

2) Понятия уравниательные — больший, меньший; понятия числительные — один, два; понятия отвлеченные — добродетель, красота, конечно, не суть чувствования, хотя разум производит их тогда, когда я чувствую. Дабы

удостовериться о слабости сего рассуждения, войдем в некоторые подробности. Что может быть проще понятия, что отношение не что иное есть, как чувствование или выражение чувствования, произведенного во мне рассмотрением двух предметов. Я сооружаю понятие великого; но оно не само по себе, а уравнительное; следственно, кто имеет понятие великого, тот неминуемо имеет понятие малого. Следует, если имеем понятие о большой палке и о малой вдруг, то такое нужно сравнение, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но как получил я понятие о большем и малом? Получив два разные удара и примечая или чувствуя, что один предмет имеет больше частей, нежели другой, я назвал один большим, а другой малым; хотя бы назвал их иначе, вещь в самом деле не переменилась бы. Но как составляем мы численные понятия? Замечая различия чувствований. Например, цветок ударяет на орудие моего обоняния, я чувствуя сие ударение и сохраняю его посредством памяти. Другой цветок производит равное ударение, я и онсе чувствую. Но, сохранив прежнее ударение, теперь чувствую не токмо ударение настоящее, но чувствую также, что чувствовал подобное. Чувствовать, что было во мне подобное чувствование, есть то же, что иметь понятие о двух чувствованиях, и так далее. Разум следует той же стезе при составлении общих понятий. Ибо очевидно, если ударение разных предметов на мои чувства одинаково, то невозможно мне не чувствовать, что чувствование мое при воззрении какого-либо предмета есть подобное тому, которое имел, видя другой предмет. Но выражение сего чувствования есть составление понятия общего, или отвлеченного, которое существовать будет токмо в моей голове и которое, однакоже, чувствовал я в самом деле.

3) Если бы в употреблении наших чувств мы были токмо страдательны, то не было бы между нами никакого сообщения, не можно было мне знать, что тело, которое я осязаю, и тело, которое вижу, есть то же. Или мы ничего вне себя чувствовать не будем, или будем чувствовать всегда пять существ отделенно, коих единственности нам приметить невозможно. Возражение сие весьма сильно, в том признаюсь. Но приняв, что в употреблении наших чувств мы действующие (хотя сие мне кажется нелепым, ибо не быть в употреблении чувств страдательным есть

то же, что бы быть властну не чувствовать того, что чувствую), легче ли можем понять сообщение между чувств и как душа замечает единственность понятия. Представь себе слепого, узнавшего опытами, каким образом шар и угольник ударяют на его осязание. Слепой сей, получив зрение, не возможет, конечно, посредством одного различать шара от угольника; ибо если чувства его ударяемы, например, шаром известным образом, не следует из того, чтобы и глаза его ударяемы были равномерно. Следственно, опыты нас тому учат, следственно, рассуждение, следственно, и сие есть чувствовать. Хотя совершенного уверения о единственности вещи в нас нет, но для чего тому удивляться, если доводам идеалистов мы опричь брани ничего противопоставить не можем.

4) Наконец, последнее возражение есть сие: если бы суждение об отношениях было простое чувствование и происходило бы единственно от предмета, то суждения мои никогда не были бы ложны, ибо то не ложно, что когда чувствую, то чувствую. Но на сие буду ответствовать в следующем письме, следуя стезям сочинителя, который доказывает, что все наши заблуждения от наших страстей и от неведения происходят. И если сие последнее возражение достаточно будет опровергнуто, то излишнее будет, да и нелепо утверждать, что сила суждений не есть свойство чувствовать.

Есмь и проч.

Примечание. Сочинения Федора Васильевича суть токмо в переводе. Первое и последнее из оных писал он на французском языке, прочее же на немецком.

БЕСЕДА
О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игм рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем. Поудержись, чувствительное сердце, не произноси суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при праге. Вступи и виждь! Кому неизвестно, что имя сына отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту, или другому бессловесному животному? Известно, что человек — существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. Все сие обретае он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым, и извлеченным от божественных и естественных гражданским или общежительным. Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына отечества? Он не человек, но что? он ниже скота, ибо и скот следует своим

законам, и не примечено еще в нем удаления от оных. Но здесь не касается рассуждение о тех злозастнейших, кои коварство или насилie лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тягломu скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны, кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого, работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни, оставили? какое добро, какую пользу принесло государству сие великое число рук? — Не о сих здесь слово; они не суть члены государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества! Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? Не в объятиях ли неги и любострастия? Не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилia? Не зарытый ли в скверно-прибыточестве, зависти, зловождедении, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствуют и к одному и тому же устремляются? Или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства? Вертопрах, облетающий с полудня (ибо он тогда начинает

день свой) весь город, все улицы, все дома для бессмысленнейшего пустоглаголения, для оболщения целомудрия, для заражения благовравия, для уловления простоты и чистосердечия, соделавший голову свою мучным магазином, брови — вместилищем сажи, щеки — коробками белил и сурика, или лучше сказать, живописною палитрою, кожу тела своего — вытянутою барабанною кожею, похож больше на чудовище в своем убранстве, нежели на человека, и его распутная жизнь, знаменуемая смрадом, из уст и всего тела его происходящим, задушастся целою аптекою благовонных опрыскиваний, словом, он модный человек, совершенно исполняющий все правила щегольской большого света науки; он ест, спит, валяется в пьянстве и любострастии, несмотря на истощенные силы свои; передевается, мелет всякий вздор, кричит, перебегает с места на место, кратко, он — щеголь. Не сей ли есть сын отечества? — или тот, поднимающий величавым образом на твердь небесную свой взор, попирающий ногами своими всех, кои находятся пред ним, терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности, мучением, прельщением, обманом и самым убийством, словом, всеми, одному ему известными средствами раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность и другие сим подобные? — потоки слез, реки крови не токмо не трогают, но услаждают его душу. Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! Сей ли есть сын отечества? или тот, простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого отечества своего, а ежели бы можно было, и целого света, и который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостью, ежели открывается ему случай к новому приобретению, пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков, пусть они умирают с голоду, стужи, зноя, пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячи смертей — все сие не поколеблет его сердца;

все сие для него не значит ничего: он умножает свое имение, а сего и довольно. Итак, не сему ли принадлежит имя сына отечества? Или не тот ли, сидящий за исполненными произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстями своими? Итак, конечно, сей, или же который-нибудь из вышесказанных четырех? (ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем). Смесь сих четырех везде видна, но еще не виден сын отечества, ежели он не в числе сих! Глас разума, глас законов, начертанных в природе и сердце человек, несогласен наименовать вычисленных людей сынами отечества! Самые те, кои подлинно таковы суть, произнесут суд не на себя (ибо они себя не находят такими), но на подобных себе и приговорят исключить таковых из числа сынов отечества, поелику нет человека, сколько бы он ни был порочен и ослеплен собою, чтобы сколько-нибудь не чувствовал правоты и красоты вещей и дел.

. Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия, видя себя уничижаема, поносима, поработчаема насильем, лишаема всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием и не обретая нигде утешения своего. Не доказывает ли сие, что он любит *честь*, без которой он, как без души. Не нужно здесь изъяснять, что сия есть истинная честь, ибо ложная вместо избавления покоряет всему вышесказанному и никогда не успокоит сердца человеческого. Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предубеждений к тихому ее, чести то-есть, свсту. Нет ни одного из смертных, толико отверженного от природы, который бы не имел той вложенной в сердце каждого человека пружины, устремляющей его к люблению *чести*. Всяк желает лучше быть уважаем, нежели поносим; всяк устремляется к дальнейшему своему совершенствованию, знаменитости и славе: как бы ни силился ласкатель Александра Македонского, Аристотель, доказывать сему противное,

утверждая, что сама природа расположила уже род смертных так, что одна и притом гораздо большая часть оных должна непременно быть в рабском состоянии и, следовательно, не чувствовать, что есть *честь*, а другая — в господственном, потому что немногие имеют благородные и величественные чувствования. — Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства; но сие нимало не доказывает, что человек не рожден с чувствованием, устремляющим его к великому и к совершенствованию себя и, следовательно, к люблению истинной славы и *чести*. Причину тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены, или малоопытность, или насилие врагов праведного и законного возвышения природы человеческой, подвергающих оную силою и коварством слепоте и рабству, которое разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного. Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности. О, ежели б вы проникли цепь всея природы, сколько вы можете, а можете много! то другие бы мысли вы ощутили в себе; нашли бы, что любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания и при которых истинный друг человечества содрогается. Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? Поистине она лишилась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя. Везде и со всяким человеком рождается оная пламенная любовь к снисканию *чести* и похвалы у других. Сие происходит из врожденного человеку чувствования своей ограниченности и зависимости. Сие чувствование толь сильно, что всегда побуждает людей к приобретению для себя тех способностей и преимуществ, посредством которых заслуживается любовь как от людей, так и от высочайшего существа, свидетельствуемая услаждением совести; а заслужив других благосклонность и уважение, человек учиняется благонадежным в средствах сохранения и совершенствования самого себя. И если сие так, то кто

сомневается, что сильная оная любовь к *чести* и желание приобрести услаждение совести своей с благосклонностию и похвалою от других есть величайшее и надежнейшее средство, без которого человеческое благосостояние и совершенствование быть не может? Ибо какое тогда останется для человека средство преодолеть те трудности, кои неизбежны на пути, ведущем к достижению блаженного покоя, и опровергнуть то малодушное чувствование, кое наводит трепет при воззрении на недостатки свои? Какое есть средство к избавлению от страха пасть навеки под ужаснейшим бременем оных, ежели отъять, во-первых, исполненное сладкой надежды прибежище к высочайшему существу, не яко мстителю, но яко источнику и началу всех благ; а потом к подобным себе, с которыми соединила нас природа ради взаимной помощи и которые внутренно преклоняются к готовности оказывать оную и, при всем заглушении сего внутреннего гласа, чувствуют, что они не должны быть теми святотатцами, кои препятствуют праведному человеческому стремлению к совершенствованию себя? Кто посеял в человеке чувствование сие искать прибежища? — Врожденное чувствование зависимости, ясно показывающее нам оное двойственное к спасению и удовольствию нашему средство. И что, наконец, побуждает его ко вступлению на сии пути? что устремляет его к соединению с сими двумя человеческого блаженства средствами и к заботе нравиться им? — Поистине не что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства. Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений! И се начало того побуждения к люблению *чести*, которое посеяно в человеке при начале сотворения его! се причина чувствования того услаждения, которое обыкновенно сопряжено всегда с сердцем человека, как скоро изливается на оное благоволение божие, которое состоит в сладкой тишине и услаждении совести, и как скоро приобретает он любовь подобных себе, которая обыкновенно изображается радостью при воззрении его, похвалами, восклицаниями. Се предмет, к коему стремятся истинные человеки и где

обретают истинное свое удовольствие! Доказано уже, что истинный человек и сын отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *честолюбив*.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына отечества, монархии. Он для сего должен почитать свою совесть, возлюбити ближних, ибо единою любовью приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии, почести, превозношении и славе, которая есть сопутница, или паче тень, всегда следующая за добродетелию, освещаемою не вечерним солнцем правды; ибо те, которые гоняются за славою и похвалою, не только не приобретают для себя оных от других, но паче лишаются.

Истинный человек есть истинный исполнитель всех предуставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным. Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования, слова и деяния его. С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют; для него нет низкого состояния в служении отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравосному обращению, так сказать, крови государственного тела. Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример небагонравия и тем отнять у отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою оною; он страшится заразить соки благосостояния своих сограждан; он пламенеет нежнейшею любовью к целости и спокойствию своих соотчичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью; если же она нужна для отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могу-

щее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства, и совершенствование соотечественников своих. Словом, он *благонравен!* Вот другой верный знак сына отечества! Третий же и, как кажется, последний отличительнейший знак сына отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбивыми качествами и поступками своими; кто сияет в обществе разумом и добродетелию и, будучи воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинаясь законам и блюстителям оных, предержавшим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим отечеству, употреблять оное так, как иверенный ему залог благоволения соотчичей и государя своего, который есть отец народа, ничего не щадя для блага отечества. Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при едином имени отечества и который не иначе чувствует при том воспоминании (которое в нем непрестанно), как бы то говорено было о драгоценнейшей всего на свете его части. Он не жертвует благом отечества предрассудкам, кои мечутся, яко блистательные, в глаза его; всем жертвует для блага оногo: верховная его награда состоит в добродетели, то-есть в той внутренней стройности всех склонностей и хотений, которую премудрый творец вливает в непорочное сердце и которой в ее тишине и удовольствии ничто в свете уподобиться не может. Ибо истинное *благородство* есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества и народоправления. Украшенные сими единственно качествами как в просвещенной древности, так и ныне почтены истинными хвалами. И вот третий отличительный знак сына отечества!

Но сколь ни блистательны, сколь ни славны, ни восхитительны для всякого благомыслящего сердца сии качества сына отечества, и хотя всяк сроден иметь оные, но не могут, однакож, не быть не чисты, смешаны, темны, запутаны без надлежащего воспитания и просвещения

науками и знаниями, без коих наилучшая сия способность человека удобно, как всегда то было и есть, превращается в самые вреднейшие побуждения и стремления и наводит целые государства злочестиями, беспокойствами, раздорами и неустойством, ибо тогда понятия человеческие бывают темны, сбивчивы и совсем химерические. Почему, прежде нежели пожелает кто иметь помянутые качества истинного человека, нужно, чтобы прежде приучил дух свой к трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви отечества, к желанию подражать великим в том примерам також к любви к наукам и художествам, сколько позволяет отправляемое в общежитии звание; применился бы к упражнению в истории и философии, или любомудрии, не школьном, для словопрения единственно обращенном, но в истинном, научающем человека истинным его обязанностям; а для очищения вкуса возлюбил бы рассматривание живописи великих художников, музыки, изящия, архитектуры или зодчества.

Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания и на сих правилах основанного, введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оногo, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!

О ЧЕЛОВЕКѢ,
О ЕГО
СМѢРТНОСТИ
И
БѢССМЕРТІИ

Друзьям моим

Le temps présent est gros de l'avenir.
Leibnitz ¹.

КНИГА ПЕРВАЯ

НАЧАТО 1792 ГОДА ГЕНВАРЯ 15.
ИЛИМСК.

Нечаянное мое преселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъемля почти надежду видеться когда-либо с вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувство, словом, на то состояние, в котором человек находится будет или может находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу в страну неведомую и устремляюся в область гаданий, предположений, систем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, облобызаю паки друзей моих и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас попрежнему!* А если бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обитаемую вами храмину, я бы прижал вас к

моему сердцу; тогда все будущее и самая вечность исчезли бы, как сон.

Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое я, продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! — Будем?.. Помедлим заключением, любезные мои! сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

Прежде нежели (как будто новый некий провидец) я прорече человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения. Изведши его на свет, я провлеку его полегоньку чрез терние житейское и, дыхание потом исторгнув, ввергну в вечность. Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилию и всеведению сопричастное в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне вещества? — Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащие моему слову.

Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности. Не во внутренность ее проникнуть настоит нам возможность, но разве уловить малую нить для руководства в постижении постепенного ее шествия, оставляя существам, человека превышающим, созерцать ее внутренность и понимать всю связь ее деяний. Но сколь шествие в испытании природы ни преспинаемо препятствиями разнообразными, разыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует или, как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, разыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неясственные сопряжения их с другими вещами,

деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и, раздробляя паки проистекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие.

Поищем таковых в природе фактов, до предрождественного существования человека касающихся, и обратим внимание наше на них.

Человек зачинается во чреве жены. Сие есть естественное происшествие. Он зачинается во чреве жены, в нем растет и, дозрев по девятимесячном в утробе матерней пребывании, исходит на свет, снабженный всеми органами чувств, глагола и разума, которые усовершенствования достигать могут постепенно; сие всем известно. Но деяние пророждения, то-есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от пронизательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности и не токмо могли видеть, как постепенно животное растет по зачатию своем, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые, послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей² от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, который в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододояния; но для развержения, для рращения бес-сильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яйцо есть сие семя, и до плододояния содержит в себе те же, существенность его составляющие, части — белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единою степенью на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратию нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности и следствием, может быть, оной способности — чувствования, — то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно

зерно, или семя, как для произведения малейших травы, на дерне стелющейся, или по голом камени растущего мха.

Итак, о растениях и о птицах можно не токмо сказать с вероятностию, но почти с убедительною ясностию, что семя существует не токмо до зачатия, но и до плододения. Сие, однакоже, для тех и для других необходимо, и самка без самца* семя дает бесплодное. Заключение вывода по правилу сходственности, сказать можно то же о всех животных и о самом человеке. Итак, заключим, что человек преджил до зачатия своего, или, сказать правильное, семя, содержащее будущего человека, существовало; но жизни, то-есть способности расти и образоваться, лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному, ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смерти.

Восходя таким образом от факта известного до вероятного, можно почти безошибочно сказать, что человек существует в жене до зачатия своего, но в полуничтожном своем виде; и нужна необходимо плододетельная влажность мужеская, чтобы воззвать семя от бездеятельности к деянию, от полуничтожества к жизни.

Семя мужеское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь. И если нужно, чтобы бездейственная вещественность для получения движения имела начальное ударение, то для дания жизни нужно также ударение плододетельного сока. Если мы рассмотрим сопутствующие деянию зарождения обстоятельства в животных (даже в растениях сие приметно, хотя не столь явственно), а паче в человеке, то ударение, которое мужеский плододетельный сок впечатлевает семени, не может почестся простым или единственно механическим. Сверх того, что сок сей имеет свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность семени женского, что он его пронизает, кормит и образует, но воззри, до коликой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время

---

* Славный естествоиспытатель Линней³ привел в ясность различие полов в растениях и плододение их посредством цветочной пыли, без коей цвет в плод превратиться не может.

плотского соития; воззри, колико живоносным веселием оно сопутствуемо; измерь, если можешь, на весах естественности и сие веселие и притяжание плотское и любовь. Или сия так же естественна и в естественности имеет свое начало; но как пища, поглощенная желудком, превратится в питательное млеко, или хил, умножа груду крови в животном, протекает неисчислимыми и неудобозримыми ходами и, очищаяся в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет его состав и, протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда не зренную. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоея мысли. Тако любовь, прияв начало в телесности, в действии своем столь же далеко отстоит от начала своего, как кусок, снедаемый от действия мозга в мысленной силе. О, ты, вкушавший в объятиях возлюбленных супруги кратчайшее, но величайшее веселие на земли, на тебя ссылаюся; вещай, не казалось ли тебе, что се конец бывает твоея жизни! Я не сладострастную здесь картину начертать намерен, но действие. Раздраженность всех частей тела, ею одаренных, чувствительность тех, коим она свойственна *, возвышаются в сию минуту до такой степени, что кажется, тут предел бывает жизни. И действительно, были примеры, что люди в соитии жизни лишались **. Иначе быть тому нельзя; се настает прехождение от ничтожества к бытию, се жизнь сообщается. Не удивительно, что после соития слабость приметна в животном: он уделил жизни своея, коея нужное количество для своего состава он паки приобретет пищу, извлекая жизнь из того, чем питается, ибо все, его питающее, есть живо.

Но в сем безжизненном состоянии человека, когда он не есть еще зародыш, но семя, или зерно, может ли он почтяться человеком, может ли причтен быть к тварям разумным? Вопрос самый пустой и не стоящий ответа, если бы за ним не следовал другой, более казистый и вид сомнения имеющий. Что есть человек, и где он есть до произве-

---

* Славный Галлер ⁴ доказал, что иные части чувственны, другие только раздражительны.

** Не говоря о других, можно в пример привести павестного живописца Рафаэля.

дения семени, из коего родиться имеет? Ибо, если можем понять, что семя предсуществует зачатию, то оно предсуществует в самке известной; но где оно было, доколе в ней не образовалось в виде семени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды достигающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими, — что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. И узришь хотя часть органа, мысль тебе дающего; но какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела, ибо ты — она, все прочее — догадка.

Но дадим ответ на предыдущие вопросы, сколь нелепы они бы ни были. Если не достоверно, но хотя вероятно, что человек предсуществовал зачатию в семени, то суть две возможности, где существовало сие семя, опричь той вероятности, что оно в жене начиналось; а сие есть вероятнейшее других предположение. Но скажем хотя слово о них. Или семя содержалось одно в другом, из разверзшихся прежде его в бытие, и содержит в себе все семена, сколько их быть может, одно в другом до бесконечности. Или семя сие есть часть прежнего, которое было часть другого, прежде его к жизни возванного, и может делиться паки на столько частей или новых семян, сколько то быть должно и может; равномерно и отделенные от него части паки делимы быть имеют до бесконечности. Бесконечность... о, безумные мы! все, чего измерить не можем, для нас есть бесконечно; все, чему в продолжении не умеем назначить предела, вечно. Но для чего не утверждать, как то сказали мы выше, что семя образуется в жене? Ибо, если чувствительность, мысль и все свойства человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и

совершенствуют, то для чего не сказать, что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет*, доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем. Когда всесильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце: вот чувственный его орган! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Прейдем к другому вопросу. Семя до зачатия, или человек в предрождественном своем состоянии, мог ли почтеться тварью разумною, или, другими словами, сопряжена ли была душа с семенем, доколе не прешло семя в зародыш? Какое слабое удовлетворение твоему высокомерию, если и согласимся дать семени душу! Но что сия душа? свойство ее жизни, или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы толико тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем, не обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что-либо иное. Бесчувствен, нем, не ощущай, как может быть разумною тварию? И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков, но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не воспоминает, что она когда-либо была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, я настоящее, я, отличающееся от всех других обратных мне существ, не есть то я, что было; а хотя бы я нынешнее то же я было, которое было в предрождественном состоянии, но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то-есть в нынеш-

---

* Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному⁵? Когда огонь руду проникнет, металл отделяется и явится в своем блеске: так и огонь жизни, проникнув семя, являет душу.

нем и предрождественном *; не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

Но нет ли какой-либо возможности, что душа может существовать с семенем сопряженна до зачатия зародыша? Вы видели, мои возлюбленные, что все предыдущие умствования суть предположительные или паче гадательные, то и сие мнение о предрождественном существовании души, поелику противоречия в себе не заключает, есть возможно. А если к тому присовокупим, что поелику всякая сила действует свойственным ей органом и семя есть орган, для действия души определенный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живет в органе и душа в семени; ибо если орган или семя не разверженно и неустроено, то из того не следует, чтобы оно было мертво, ибо смерть есть разрушение, или паче, как то увидим далее, смерть не существует в природе, но существует разрушение, а, следствие, одно токмо преобразование. Присовокупим к сему предварительно, что как из опытов знаем, что по разрушении каждая частица отходит к своей стихии, или началу, да паки в сложение перейдет, то сила жизни не отойдет ли к своему началу или стихии; и поелику стихия каждая одинакова, то частица оной может пребывать семени совокупна.

Вот что возможно сказать о предрождественном состоянии человека; но и тут, как видите, друзья мои, много предположений, систем, догадок. Таково есть положение наше, что мы едва ли можем удостоверены быть о том токмо, что предлежит нашим чувствам. Сведение о вещах внутрезрительное несть свойство нашего разума. Если чего не ощущаем, то заключаем по сходствию. И дабы вам сие изъяснить примером, мы по сходствию токмо заключаем, что рождены и смертны есмы. Итак, о прошедшем и будущем своем состоянии человек судит по сходствию. Блажен, если жребий его не есть блуждение!

---

* Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти, ибо душа есть сила, действующая органом, а орган разрушится. Душа, лишенная воспоминания воплощенного ее состояния, будет особенна, будет высшее существо, потому что напоминания лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет я. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особенна, но будет высшее существо?

Се настал час бытия и жизни! О, всесильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тщуся, доколе не воззван к жизни! Но я живу и тебя чувствую. О, всесильный! в том нет дерзновения!

Представим себе мужа и жену в цветущих силою летах, горящих взаимною любовью; представим себе невинные их лобзания, преддверие веселия. Представим их на непорочном ложе вкушающих его приятности, ужели думаешь, что восторг, иступление, забвение самого себя (во время соития) суть напрасны и должны существовать без намерения? Когда есть цель малейшему микроскопическому зверку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселие не имеет одной? И можно ли в ней ошибиться! Намерение есть чувствование, цель — жизнь.

Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив. Сердце, сей источник крови и вземлище ее, в нем биет даже с первого дня соития. Началось кормление *, ращение. Уже мало-помалу члены его образуются. Каждое волокно ищет своих подруг, с коими согрудится **, и составляются мышцы. Но паче всего образуется голова, растет больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил! — Пребыв во чреве жены предопределенные девять месяцев, зародыш стал дитя ***. Орудия движения, чувства, голоса и жизни получили свое дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов, как гладкая таблица готова на восприятие впечатлений. Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда произведут страсти, притяжение и отвращение. И се рождается дитя — человек да будет.

Итак исшел на свет совершеннейший из тварей, венец сложений вещественных, царь земли, но единоутробный

---

* Человек во чреве образуется подобно растению: он кормится пуповиною, как растение корнем.

** Peut-être les affinités suivent les loix de la force magnétique ou électrique; ne pourrait on pas dire que l'affinité est universelle par les intermédiaires. S'il y a des affinités doubles, n'y peut il y avoir des triples etc ⁶.

*** Легкое его еще не дышит, а большая грудная железа сосет; кажется, и у человека нет еще правых сердечных камеры, и вместо крови белый сок протекает его жилы. Сердце потом образуется, кровь краснеет, и хотя легкого не касается, но обращение ее жище. Все в нем пульс; и как скоро выходит на свет, воздух и млеко составляют его пищу; самая боль и всякая потребность дают ему случай всосать теплоту тысячью стезями.

сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу, мху, плесне, металлу, стеклу, камню, земле. Ибо, сколь ни искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуется вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу. Если он зарождается и растет во чреве матернем, прилежное разыскание покажет (хотя еще внимания на то не обращено), что для образования чего-либо и в царстве ископаемом нужна матка; и если в животных то издревле известно, что матка без му[же]ского сообщения бесплодна, то ныне явно уже о растениях и о подземных вероятно *. Но если кристаллизация, если руденение далеко отстоят от зачатия, питания и рождения, не образование ли есть цель того и другого? Образование есть видимое действие, — но причина? не сомневайся! то же начало, которое жизнь тебе дает, действует и в законе смежности.

Мы не унижаем человека, находя сходственности в его сложении с другими тварями, показуя, что он в сущности следует одинаковым с ними законам. И как иначе то быть может? не веществен ли он? Но намерение наше, показав его в вещественности и единообразности, показать его отличие; и тогда не узрим ли мы сопричастность его высшему порядку существ, которых можно токмо угадать бытие, но ни ощущать чувствами, ни понимать существенного сложения невозможно.

Человек, сходствуя с подземными, наипаче сходствует с растениями. Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение ⁷, ибо, хотя в обоих находятся великие сходства, но разность между ими неизмерима. В растении находим мы жилы, питательный сок, в оных обращающийся; находим различие полов, матку, плододояние мужское, семя, зачатие, ращение, детство, мужественные лета, произведение, старость, смерть; следовательно, растение есть существо живое, а может быть — и чувствительное, (да не остановимся при словах!), но чувствен-

---

* Что есть металлическая жила, что земля купоросная, если-тренная, если не матки? что пары металлические, купоросныи и селитренный газ, если не мужеский сок?

ность сия есть другого рода, может быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положение растений сходственно единому человеку. Хотя в растениях чувствительность не явна (и самая чувственница из сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращение соков действовало в них по простым гидростатическим правилам. В них существует истинная жизнь. Они на земли не для обновления токмо родов своих, но служат в пищу высшей степени существам. Сие есть одна простая догадка, но поелику органическое тело сохраниться может токмо пищею, то каждый род органических веществ питается веществами органическими же в разных их видах и сложениях; а питаясь сходствующими с органами его веществами, не жизнь ли он принимает в пищу, которая, почерпаясь из нижнего рода веществ, протекши и процежаясь, так сказать, сквозь бесчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движет.

Паче всего сходственность человека примечательна с животными. Равно как и они, он отличествует от растений тем, что имеет уста. Растение, стоя в нижней степени существ земных, есть вся уста, по изречению одного известного писателя⁸. Сок из земли корнями, росу же небесную сосет оно листвием. Человек уже отличествует, как и другие животные, от насекомых, ибо и сии, как гниды, суть токмо рот, желудок и его продолжение. Все органы, коими одарен человек, имеют и животные, разумея в назначенной их постепенности. Слух, обоняние, вкус, осязание, взор все они имеют. Побуждение к пище равно терзательно и усладительно для всех живущих на лице земли, не исключая и растений. Исторгни его из недра земного, или замкни токмо источники небесные, цвет увянет, иссохнет корень, отпадет листвие, и вместо красящегося зеленостию листов и всеми цветами раздробленного луча солнечного в цвету своем, узришь его поросшее мхом и плеснию подернутое, преходящее в разрушение. Равномерно, отыми яства от животного и человека, возбуди алчбу и жажду в недрах его, лиша его всего того, что обновляет в нем кровь, дыхание и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрест его летающая. Шествие будет токмо доколе не изнеможет. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, помалу иступает, глаза вьямившиеся, тело все обвисло морщинами; но вскоре

остатки жизни превращаются в болезни лютые, в нестерпимые корчи и судороги, и будто жизнь, сие неведомое нами существо, в каждой фибре, в каждой нерве заключенное и растворенное, так сказать, во всех соках и твердых частях телес животных, жизнь начнет отделяться сперва с великим возбуждением чувственности, раздражительность вникает при конечном расслаблении, чувствительность живет при исчезании, и жизнь, сей безвещественный огонь, дав животному вздохнуть в последние, излетает. Труп хладеет, кровь, лимфа и водяность приходят в согнательное воскипение, все члены распадаются, каждое начало отходит к своей стихии, каменородная часть животного, кости, противятся несколько времени проникшему в него тлению; но скоро могущественность воздуха, разрушив известное их сложение, разделит их на составляющие их части и, иссосав в воздухообразном виде содержащуюся в них кислоту, остатки предаст земле.

Человек, сходствуя в побуждении к питанию с животными, равно сходствует он с ними и растениями в плодородии. С большими и многими малыми животными он даже сходственные имеет уды детородные. Они все отстоят от главы в отдаленности, а вследствие возникшего положения человека они лежат в нижней его половине. Напротив того, они суть глава растений и их краса. Цветок! — О, ты, возмогший пронизательностию твоею узреть сие таинство природы, бессмертный Линней, не возгнушайся жертвоприношением желающего тебя постигнуть! — цветок есть одр любовный, ложе брачное, на коем совершается таинство порождения. — Хотя многие животные, как то все птицы, разиствуют от человека в порождении, но сходствуют с ним все живорождающие. Многие самки носят девять месяцев; родят обыкновенно одного, и дитя свое воскармливают сосцами своими.

Внутренность человека равномерно сходствует со внутренностию животных: кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения; нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий се жир, наконец, мозг и зависящие от него дея-

ния: понятие, память, рассудок. Не унижит то человека, если скажем, что звери имеют способность размышлять. Тот, кто их одарил чувствительностью, дал им мысль, склонности и страсти; и нет в человеке, может быть, ни единыя склонности, ни единыя добродетели, коих бы сходственности в животных не находилось.

Нашед многочисленныя сходственности между животными и человеком, нужно нам видеть и то, чем он отличается от всех других животных, живущих на земле. Возниченный его образ отличает его внешности приметным образом и есть ему одному на земле свойствен. Хотя медведь становится на задние лапы, а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сие хождение есть следствие искусственнейшего учения, хотя были примеры, что человек имел четвероножное шествие *, но из того не следует, что оно ему свойственно вследствие его сложения. Широкая его ступня, большой у ноги палец и положение других с движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы. Но сие-то и есть паче всего человека отличающее качество, что совершенствовать он может, равно и развращаться; пределы тому и другому еще неизвестны. Но какое животное толико успевать может в добром и худом, как человек? Речь его и все оныя следствия, зверство его неограниченное, убивая братию свою хладнокровно, повинуюся власти, которую сам создал; и какой зверь снедает себе подобного из лакомства, разве не он? Напротив, какое великодушие, отриновение самого себя! Но о сем говорить еще не место.

Оставя теперь все следствия возниченного положения человека, мы находим, что сложение его паче всех животных беззащитнейшее; а хотя нежнейший имеет состав, но твердешнее имеет здравие. Все звери, или паче животные живут в свойственном для них климате. Слон живет под жарким поясом, медведь белый — на льдинах Северного океана; но человек рассеян во всех климатах. Гладкая и бесшерстная, но твердая его кожа противостоит всем непогодам и водворяется во всех странах света. Но самая беззащитность родила вымысел, и человек облекся в

---

* Пример младенца и диких.

одежду. Но не от единыя нагости восприял он свой покров. Если она была к тому побуждением в холодном климате, живучи под равноденственным кругом не токмо казалася не нужна одежда, но тягостен и малейший на теле покров. Однакож мы противное тому видим. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго носят опоясье. Сколь чувствования пародов сих ни притупленны, но стыдливость есть корень сего обыкновения. Сие суждение не есть произвольное или догадка; когда самки некоторых зверей дубравных чувствуют сие движение, когда многих родов самки ждут прислуги самца и обуздывают, так сказать, свою похотливость, то ужели самке человеческой стыд будет чужд? Возниченное положение, открывая детородные части в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие—опояску.

Паче всего кажется человек к силам умственным образован *. Горизонтальное положение всех зверей, обращая зрение их, обоняние и вкус книзу, кажется наипаче определяет их блаженствовать в насыщении желудка, ибо и другое чувственное блаженство, соитие, всем зверям есть временно **. Самую обезьяну, и совершеннейшую из них и наиболее на человека похожую, орангутанга, из сего исключать не должно. Руки ее и ноги не сходствуют с человеческими, так, как и вся почти внешность. Сколь некоторые роды людей, например эскимы и другие, внешнестью ни уродливы (если можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны. Бюффон называет род обезьян животным четвероруким; но, не взирая на слабое сходствие очертаний у них с человеком, причтем и их к четвероногим, ибо по их сложению не имеют они той точки равновесия, которая, воздымая человека от земли, шествие его делает возниченным и вид приятным. Череп его круглеет, лоб воздымается, нос становится острее, две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка.

Казалось бы, что понеже человек, наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал от—

---

* Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей. Детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других.

** Одному человеку не поставлено в нем меры.

менное во всем образование головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает мысль; и хотя найдутся некоторые в нем отмены против мозга других животных, но доселе сие различие столь найдено, повидимому, маловажно, что нельзя сказать, в чем точно состоит преимущественная отмена в сложении мозга человеческого против мозга больших животных. Сверх же того, анатомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, воображение, рассудок и другие умственные силы. Сколь на сей конец опыты Галлеровы ни были многочисленны, но света действия умственные человеческия главы не распростерли. Доселе оно кажется трудно, а может быть, совсем невозможно, если рассудишь, что действие разума есть неразделимо. И хотя толкователи сих действий решат оные неким (ими вымышленным) движением малейших фибр мозговых, но, где находится среда, в которую все сии движения стекаются, никто не видал, ибо пинеальная железа⁹, мозольное тело суть ли истинное пребывание души, о том только прежде сего гадали, а ныне молчат. Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания. Итак, может быть, одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так, как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании.

Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем углу, от пресечения сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер¹⁰ в углу, также мысленно начертанном, не токмо находил различие разумов между людей, но оное выдавал за непреложное правило. Но оставим правила вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной его физиогномии; скажем нечто о других. Кампер¹¹ проводит линию чрез утлость уха до основания носа и другую линию с верхнего края лобных кости до наиболее иссунувшей части бороды. В углу, где пресекаются сии линии, он находит различие животных от человека, а наипаче различие народов и определение их красоты. Птицы начертает, говорит Кампер, самый малейший угол. Чем более угол сей расширяется, тем животное сходственнее становится

в образе своем человеку. Обезьяны имеют в образе своем сей угол от 42 до 50 степеней; сия последняя степень уже человекообразна. Европейцы 80, а греческая вообразимая красота от 90 степеней восходит до 100. Гердер ¹², стараясь показать естественную сему причину, говорит, что она состоит в отношении животного к его горизонтальному или перпендикулярному строению и таковому положению его главы, от которого зависит счастливое положение головного мозга и красота и соразмерность всех личных частей. Протяни, говорит он, линии от последних шейных кости, первую до точки, где кончится затылок, другую до высоты темя, третью до самого переда лба и линию до окончания бороды, то явно будет не токмо различие в образовании головы, но и самая причина оная, то-есть, что все зависит от строения и направления сих частей к горизонтальному или перпендикулярному шествию.

Вот как человек пресмыкается в стезе, когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам; воображает себе движение, тяжественность, притяжение, когда истолковать хочет ее силы; делит время годами, днями, часами, когда хочет изразить ее шествие, или свой шаг ставит мерою ее всеобъемлющему пространству. Но мера ее не шаг есть и не миллионы миллионов шагов, а беспредельность; время есть не ее, но человеческое; силы же ее и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвеций не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возможен человек, лишенный сих нужных для него членов. Если чувство его осязания не столь изощренно, как осязание паука, то нет ему в том нужды; оно бы было ему бесполезно, ибо несоразмерно бы было другим его чувствам и самому понятию его. Равным образом, отделяясь от лица земли вследствие своего строения, чувство обоняния и вкуса в нем притупели, ибо прокормление не стало быть его первейшею целию. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусством, заменяет стократно недостаток его в изящности помянутых двух чувств.

Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных. Если он не равняется обонянием со псом, следы зверя оным угадывающего, то сколь изыскателен он в благовонии следов. Сравни сладострастного сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных и скажи, где будет перевес.

Человек равно преимуществоует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовольствительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностью. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствованию благогласия *. Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен ощущать при размерном сложении звуков? О, вы, душу в иступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайден, о, вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара, неужели вы не разнствуете с чижом или соловьем? Не птицы благопевчие были учителя человека в музыке; то было его собственное ухо, коего вглубленное перед другими животными в голове положение ** всякий звук, с мыслию сопряженный, несет прямо в душу.

Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего взлета кроющуюся под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувство зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. С одного конца досязает туда, куда прежде единою мыслию достигать мог; с другого — превышает почти и самое воображение. Кто может сравниться с Левенгуком ¹³, с Гершелем ¹⁴?

Но изящность зрения человеческого наипаче состоит в созерцании соразмерностей в образах естественных. Не изящность ли зрения, изощренного искусством, произ-

* Могли ли бы они петь благогласно, не чувствуя благогласия?

** Уши зверей заостренные и все лежащие. Рассмотрение уха певчих птиц будет когда-либо сему ясным доказательством.

вела Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, картину Преображения¹⁵, Пантеон и церковь Св. Петра в Риме и все памятники живописи и ваяния?

Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностию, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немы. Он един имеет нужные для речи органы. Хотя многие животные звуки гортанию производят, хотя птицы паче других в органах голоса сходятствуют с человеком и некоторые изучиться могут произносить слова человеческия речи; но сорока, скворец или попугай не что иное суть в сем случае, как обезьяны, человеку подражающие в его телодвижениях. Но если попугай может подражать в произношении некоторых слов человеку, если снегирь или канарейка подражают своим пением пению человеческому, то человек в подражании всех звуков пения превышает всех животных; и справедливо его один английский писатель¹⁶ назвал *насмешником* между всеми земными тварями.

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей во едино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучныя речи было томно и пресмыкающеся! О, ты *, возмогший речию одарить немого, ты, соделавший чудо, многие превышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изощрила! Если немой, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, невероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речию одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще разум лишенного речи более изощряться будет подражанием, нежели собственною своею силою; не имеющий слуха коликих внутренних чувствований будет лишен, и,

---

* Аббе де Л'епе¹⁷.

кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны. — Итак, речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всеислия.

Осмотрев таким образом человека во внешности его и внутренности, посмотрим, каковы суть действия его сложения, и не найдем ли, наконец, чего-либо в них, что может дать вероятность бессмертия, или что, обнаружив какое-либо противоречие, идею второя жизни покажет нелепостию. Если заблуждение предлежит нам в стезе нашей, источник истины, всеотче! прости луч на разумение наше! Желание наше в познании нелицемерно и не тщеславием вождается, но любовию.

Из внешнего сложения человека видели мы, что менее всех других животных он способен к хищности. Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздирания своя снеди, как у тигра; нет у него серпообразных клыков на отъятие жизни; напротив того, зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнее его сложению, нежели мясная; да когда он и сию вкушает, то прежде изменит ее существенность варением. Итак, человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своя цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снесь себе, но на увеселение, не гладом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! на то ли тебе даны нервы?

Уже в некоторых животных примечается опрятность и благопристойность. Птица опципывает носом своим перья, зверь лижет шерсть свою языком, а более всех других человек любит соблюдение своего благообразия. Хотя нередко страсти и неумеренность его обезображают, но примеры единственные не отвергают правила общего. Я преиду здесь охоту, примеченную во всех диких пародах, к украшению своего тела; умолчу о той степени, на которой она находится в ученейших пародах; не скажу ничего,

сколь все украшения уродуют тело вместо усугубления его красоты; но что человеку благолепие сродно, то, с одной стороны, вообразим, что, когда он изящнейшие черты изобразить хочет, он изображает нагость. Облеки в одежду Медицейскую Венеру, она не что иное будет, как развратная жеманка европейских столиц; левая рука ее целомудреннее всех вообразимых одежд. С другой стороны, представь себе вид безобразный: волосы растерзанные, лице испещренное жжением, колонию и краскою, уши или нос дырявые, губы разрезанные и зубы непокровенны, шея и чрево задавленные, ноги и персты сжатые. Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с некоторою отменною почитаем безобразностию. Итак, свойственная человеку опрятность и благопристойность учили бы его сохранению своего образа в природном его виде, если бы превратность не учила другому. А ты, о, превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о, законодатель тигр ^{18!} почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек. Внихни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал. Ты уничижаешь его паче всякия твари, отъемля у него образование. И какая в том польза?

Следствием нежности в нервном сложении и раздражительности в сложении фибров человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучаствование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех одарен им человек. Жаль видеть обезображение даже неодушевленного. Вздохнешь, видя великолепные развалины; вздохнешь, видя следы опустошения, когда огонь и сталь распространяют смерть по лугам и нивам. Преселись на место, где позыбнулись земли до основания. Хотя бы животные избегли бедствий естественных и гнева стихий, но глубокопроницающая печаль обойдет твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче таковое чувствование возбуждается в нас, взирая на скорбь и терзание животного. Стрела болезни пройдет душу, и она содрогнется. Обыкнув себя применить ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует. Все чувство таковое, проникающее нас посредством органов глазных, производит в нас страх и ужас. Но томя-

щееся журчание, но воздыхание, но стон, крик, визг, хрипение выводит нас из нас самих, возбуждает иступление. Чувствование предваряет рассудку, или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страждет естественность. Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. Войди во храмину, где веселие распростерло жизнедательную масть свою в сердца, где около торжествующих все блещет радостью, где руки плещут и ноги сопутствуют восторгу, а паче грудь, исполненная утечи, образует глас в радование, вздыхает от нежности или испускает крик веселостей; когда сердце и душа, исполняясь блаженства, явить хочет свое наслаждение и гортань поет; скажи, если ты не Альцест или не Тимон ¹⁹, не воспоешь ли с поющими, не умножишь ли хоровода пляшущих? Когда разве дряхлость отъяла силу движения в ногах и лишила голос твой приятности, то не будешь участвовать в веселии общем. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь с безумными обезуметь, то там, где фирс ²⁰ Ваххов вооружен блистает, как не быть тебе вакхантом?

Сие соучаствование человеку толико сосущественно, что на нем основал он свое увеселение, к немалой чести изобретению разума человеческого служащее. Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона? Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия ²¹, занесшего ногу во гроб? Скажи, что чувствуешь, видя произведение Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауфман? Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорище видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова? — Не тебе ли Меропа ²², вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал? Не ты ли Зофир, когда иступленный Сеид ²³, вооруженный сталию, на злодеяние несетя? Не трепещет ли дух в тебе, когда востревоженный сновидением Ричард ²⁴ требует лошади? «Нет у него детей!» — размышляет во мрачных мщени Макбет ²⁵; что мыслишь, когда он сие произносит? О, чувствительность, о, сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!

Я не намерен здесь распространяться примерами о том, что каждому известно; но представьте себе и очарованное

око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненным исполненное; представьте все сие себе, и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих ²⁶! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да прилепятся они к тебе более других утех! Будь им истинным упражнением, а не тратою драгоценного времени!

Мы сказали, что человек есть существо подражательное, и сие его свойство есть не что иное, как последование предыдущего или, лучше сказать, есть отрасль соучаствования. Я не разыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует механизм в подражании и соучаствовании, как образ, вне нас лежащий, как звук, посторонним существом произнесенный, образуют внутренность нашу? Происходит ли то в первом случае какими-либо лучами, отражающимися от внешних тел, как будто электрическое вещество, исходящее заострениями, и несущими образ на сеть глазную посредством светильного вещества; производит ли, в другом случае, звук, раздающийся в ухе нашем и тимпан оного ударяющий, производит ли в нервах дрожание, струнному орудию подобное (что вероятно); или нервный сок, прияв в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает? Я уже сказал, — в познаниях сих многие суть догадки; и мы, прешед причины, ибо нам они неизвестны, не скажем, как то происходит, ибо того не ведаем, но скажем: *оно есть*. Давно всем известно, что человек, живучи с другими, приемлет их привычки, походки и проч., даже самые склонности. В семейственной жизни сие наиболее приметно бывает. Не токмо дети имеют иногда привычки своих родителей или наставников, но имеют нередко их страсти. Примеры сему не токмо из истории почерпнуть бы можно было, но можно иметь их из ежедневного общежития. И неудивительно уже, что частое долговременное повторение одинакового действия всегда имея пред собою, может в привычку преобразиться; но подражательность столь свойственна человеку, что единое мгновение оную приводит в действительность. На сем свойстве человека основ-

вали многие управление толпы многочисленныя. Первый Сципион ²⁷, обвиняемый пред народом в злоупотреблении своея власти во время предводительствования римскими войсками: «Народ! — воскликнул он, — сей день вождием моим вы победили неприятеля, воздадим благодарение богам!» и, не ждав нимало, пошел в Капитолию, народ ему последовал, и обвинитель его посрамлен остался. Уже ли думаете, что убежденный благорассуждением народ римский шествовал за Сципионом? Нимало! ни десятой доле бывшим в собрании не было слышно его изречение. Он пошел, друзья его за ним, и все машинально ему следовали. В магнетизме Месмеровом видели самое явное доказательство подражательности непреборимой. Сидящие около его чана едва одного из среды своей зрели в содрогании, все приходили в таковое же. Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервной системе потрясение, то истинно. И сей нового рода врач, основав искусство свое на сем естественном подражании, приводил сим простым способом в движение, казалось, силу неизвестную. Но если бы помыслили, что буде в собрании, где наипаче объемлет скука, один зевнет, то все зевают, то бы Месмерово чудо таковым не казалось.

Различие полов, как то мы прежде уже видели, есть постановление природы повсеместное, на котором она основала сохранение родов не токмо животных, но растений, а может быть, и ископаемых. Постановив различие полов *, она, может быть, столь же общим законом возродила в них одного к другому побуждение; и можем ли ведать, что сила притяжения, действующая в химических смежностях, не действует и в телах органических? Животное иначе живет, нежели растение; но кто отвергнет, что растение не живо? Чем более вникают в деяния природы, тем видима наиболее становится простота законов, коим следует она в своих деяниях. Итак, на различии полов основала она в человеке склонность к общежитию, из коея паки проистекают различные человеческие склонности и страсти. Но последуем ее постепенности.

Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреборимая, столь сладостная в

---

* В издании 1809 г. ошибочно напечатано «родов».—Ред.

сердце добродетельном, столь зверская в развратном. То-лико могущественно, толико глубоко положила природа корень сея склонности, что единое произвольно кажущееся движение в растениях относится к ней. Я говорю здесь о так называемом сне растений.

В животных склонность сия временное имсет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его управлению, выбору, произволу и умеренности. В человеке склонность сия хотя в младости разверзается, но позже, нежели во всех других животных, а потому самому может быть она в нем и продолжительнее. Она в человеке отличается тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть едина, мы душа единая! — О, сладостный союз природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродован?

От любви супружней проистекает любовь матерняя. Зачав во чреве своем, родив в болезни, питая своими сосцами *, дитя есть, поистине, отпрыск матери, отрасль совершенная, не по уподоблению токмо, но в самой существенности. Союз их есть почти механический. Да не унизим его таковым изречением; он есть органический и будет нравственный и духовный, когда вскармление разверзет все новорожденного силы и образует его внутренность и внешность. О, чувствования преизящные! в вас лежит корень всякие добродетели. Наилютейшее чудовище смягчится семейственною любовью. Преторгла ею природа скитание зверообразного человека, обуздала его нежностью, и первое общество возникло в доме отеческом. Продолжительное младенчество, продолжительная в неопытности юность приучает его к общежитию неприметно. Сопутник неотлучный матери, лежа у сосцев ее и пресмыкаяся на земле, он, воспрянув на ноги отвесно, бежит во след отцу, естественному своему учителю. Малолетство его подчиняет его родителям в рассуждении его слабости; юность то же производит неопытностью. Привычка, благодарность, уважение, почтение делают сей союз наитвердейшим. Вот первое общество, вот первое начальство и царство первое. Человек

* Примечания достойно, что из видимых членов в человеке зубы совершаются после всех других.

рожден для общежития ²⁸. Поздое его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная *?

Человеку и, может быть, животному вообще, кажется быть свойственно, вследствие его чувственного состава, внутреннее ощущение правого и неправого. Не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось, если не есть правило, из сложения чувствительного человека проистекающее, то разве начертанное в нас перстом всевечного. Все превратности, все лжи, все неправды, злобы, убийства не в силах опровергнуть сего чувствования. Возникшая страсть запирает глас чувствительности, но ужели нет ее, когда лежит погранный?

Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует всеотец, всему начало, источник всех сил. Я здесь не буду говорить, что он доходит до сего познания силою разума, возносяся от действий к причинам, и, наконец, к высшей из всех причин; не разыщу, что познание бога проистекло от ужаса или радости и благодарности; понятие о всевышнем существе в нем есть; сам он его себе сложил или получил откуда, того мы не рассматриваем. Но то истинно, что когда разум, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, все кости ощущают над собою власть, их превышающую. Называй сие кто как хочет; но Гоббес, но Спиноза ее ощущали; и если ты не изверг, о, человек! то отца своего ты чувствовать должен, ибо он повсюду; он в тебе живет, и, что ты чувствуешь, есть дар вселюбящего.

Итак, познание бога может проистекать из единыя нашея чувствительности, и познание сие есть ее упражнение, упражнение, ведущее к вершине земного блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели.

О, смертный, познавай бога! утешься, если страждешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Он жив, и ты дышишь; он жив будет вовеки, в тебе живет надежда, что и ты причастен будешь бессмертию. О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь всеотца во свете **.

---

* См. «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes».

** <В сем месте сочинитель начертал только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они.— О различии людей в их чувствованиях и страстях и о степени оных в каждом человеке. От чего зависят темпераменты? Откуда различия в представлениях

Обозрев человека в его чувствованиях и действиях, отсюда проистекаемых, порядок требовал бы, чтобы мы показали его во всей его славе возносящегося превыше всего творения, постигающего начертание создания и сим возвышающим его дарованием, разумом, божеству уподобляющегося. Но для постижения, колико человек велик, нужно токмо воззреть на все его изобретения, на все вымыслы и творения. Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земли поставлен. Но, рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникая * незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что, прежде нежели истины достигнуть может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о, гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все, однакоже, заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа и что мысль есть наисвойственнейшее качество его.

Второе, что при рассмотрении умственных сил человека явно становится, есть то, что многие его умственные силы следуют законам естественности, что сила воображения, например, зависит от климата и что люди совсем бы иначе нам предъявлялися, если бы естественное житие, правление, законы, нравы и обычаи не делали его совсем от того, как рожден, отменным. Одна теплая хранина климат преображает, и какие из того последствия? Не из того ли проистекают и несообразности, которые видны часто в людских нравах и законоположениях?

Третье, что при рассмотрении умственных сил человека явственно становится, есть различие, в оных примечаемое не токмо у одного народа с другим, но у человека с человеком. Но сколь один народ от другого ни отличествует, однако, вообразя возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому, что индийцы, древние греки, европейцы суть по-

---

божества? Что оно часто похоже на человека, то неудивительно: человек его изображает, и поелику он человек, за человека зреть не может. Различие нравов, правлений и проч.)²⁹.

* В издании 1809 г. «проникал». — *Ред.*

среде [по чреде?] на стезе совершенствования, из чего заключить можно, что развержение народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств. Но совсем иначе судить должно о различии разумов между единственными человеками, и сколь Гельвеций ни остроумен ³⁰, доказательства его о единосиии разумов суть слабы.

Четвертое, что замечается при рассмотрении разумных сил человека, есть то, что силы сии, ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных и что тесное есть сопряжение между плододетельного сока и человеческих умственных сил. Свидетельствуют тому брада или безумие, следствие несчастного самораствления. Но прежде всего скажем нечто о умственных силах человека, о действовании оных и о чудесности их.

Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет *силу познания*, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем *опыт*, второе — *рассуждение*. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходящая, — чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытывая от них перемены в силе понятия нашего. Сие называли мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима.

Однакож, раздробляя, так сказать, силу познания или паче прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенных, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил неприступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслью самого творца. Часто человек ниспадал во глубину блуждения и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и богу подражающ. О, смертный! воспряни от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра божества!

Сколько есть способов познавать вещи, толико же путей и к заблуждению. Мы видели, что познание человеческое есть двояко: 1-е — *опыт*, 2-е — *рассуждение*. Если в первом случае, — мы ложно познаем перемены, происходящие в чувственности нашей, ибо заблуждение сего рода всегда происходит не от вещи и не от действия ее над нашими чувствами (поелику внешние вещи всегда действуют на нас соразмерно отношению, в котором они с нами находятся), но от расположения нашей чувственности. Например: болящему желтухою все предметы представляются желтее; что белое для него было прежде, то ныне желтое; что было желтое, то кирпичного цвета, и так далее. Правда, что раздробление луча солнечного есть седмиично, как и прежде, и болящему желтухою от рождения различие цветов будет равное со всяким другим; но тот, кто видел предметы в другом виде, тот может судить о сем. — Например: колокол бьет; глухой, не чувствуя перемены в ухе своем, понятия иметь не будет о звуке, но другой скажет: слышу звон! И если звон колокола есть знак какого-либо сборища, то слышащий пойдет, а глухой скажет: мне не повешали, — и чувства его обманут. Постепенность в таковых заблуждениях и все следствия оных, бывающие новыми заблуждениями

по чреде своей, суть неудобоопределяемы и многочисленны.

Если знаем ложно отношение вещей между собою, то опять заблуждаем. Отношение вещей между собою есть непременно, но ложность существует в познании нашем. Например: два предмета предстоит глазам моим, но не в равном расстоянии. Естественно, вследствие законов перспективы, что ближайший предмет должен казаться больше, а отдаленнейший меньше; но необычным очам они покажутся равны, и сравнение их будет ложно, ибо величина не есть сама по себе, но понятие относительное и от сравнения проистекающее. Число сих заблуждений, из познания отношения вещей проистекающих, происходит от рассуждения, и, нередко заключая в себе оба рода предыдущих, тем сильнее бывает их действие, тем оно продолжительнее, и преодоление их тем труднее, чем они далее отстоят от своего начала.

К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1) союз, вследствие коего мы судим, и 2) вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежащие опыту. Сии предположения называются посылки, а познание, из оных проистекающее, — заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то *заключения* из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следовательно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократно могут быть заблуждения человеческие, и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещаая в среду рассуждения посторонние предметы, столь часто рождают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим они следуют, то кажется, ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему

рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толикое множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

Сверх прямо извлекаемого рассуждения из предпосылаемых посылок, на опытах основанных, человек имеет два рода рассуждения, которые, возводя его к светлейшим и предвечным истинам, паки к неисчисленным и смешнейшим заблуждениям бывают случаем. Сии суть: уравниение и сходственность. Они основаны на двух непреложных (сами в себе) правилах, а именно: 1-е, равные и одинаковые вещи состоят в равном или одинаковом союзе или отношении; 2-е, сходственные вещи имеют сходственное отношение или в сходственном состоят союзе. Сколь правила сии изобильны истинами, сколь много все науки им одолжены своим распространением, столь обильны они были заблуждениями. Кто не знает, что мы наипаче убеждаемся сходственностью, что наши обыкновеннейшие суждения ее имеют основанием; что мы о важнейших вещах иначе судить не можем, как вследствие сходственности, и если надобен вам пример, то войдем во внутренность нашу на одно мгновение. Кто может, чувствуя токмо себя, рассматривая токмо себя, сказать: состав мой разрушиться имеет, я буду мертв! Напротив того, продолжению чувствования или жизни мы меры в себе не имеем и могли бы заключить, что сложение наше бессмертно есть. Но, видя окрест нас разрушение всеобщее, видя смерть нам подобных, мы заключаем, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итак, заблуждение стоит воскрай истине, и как возможно, чтобы человек не заблуждал! Если бы познание его было нутрозрительное, то и рассуждение наше имело бы не *достоверность*, но *ясность*, ибо противоположность была бы во всяком рассуждении невозможна. В таком положении человек не заблуждал бы никогда, был бы бог. Итак, вздохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того высшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности.

Мы видели, что заблуждения наши основание свое нередко имеют в чувственности нашей; но если мы покажем,

что разумные наши силы определяются внешностью, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соболезнование и человеколюбие.

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могут лучи солнечные или их отсутствие, тому доказательством служат негры и эскимы. Что может луна, то явствует из периодического женского истечения и видно над многими умалишенными. Хижина, поставленная над блатом и топью, дебрию или на горе вознесенная, различие производят в нас, и местоположение жилища нашего хотя не есть образователь единственный человека, по к образованию его много способствует. Все, что взоры наши ударяет, что колеблет слух, что колет язык или что ему льстит, все приятное и отвратительное обонянию, все образует чувства. Наконец, образователи осязания столь многочисленны, сколь различно бывает положение человека.

Из сего можно судить, сколь с чувственностью нашею и мысленность превращением подвержена. Она следует в иных местах и случаях телесности приметным образом. Одним примером сие объяснить возможно. В Каире, даже в Марселе, когда подует известный ветер, то нападает на человека некая леность и изнеможение: силы телесные худо движутся, и душа расслабевает, тогда и мыслить тягостно. Вот пример действия внешней причины. Дадим примеры внутренних. Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять. Живя многие годы с немцами, я приметил, что многие из ученых людей не могли вдаваться упражнениям без трубки табаку; отними ее у них из рта, разум их стоит, как часы, от коих маятник отъят. Кто не знает, что Ломоносов наш не мог писать стихов, не напиваясь почти вполъяна водкою виноградною? Кто не имел над собою опытов, что в один день разум

его действует живее, в другой слабее! А от чего зависит сие? Нередко от худого варения желудка. Если бы мы действие сего прилежнее отыскивали в истории, то с ужасом усмотрели бы, что бедствия целых земель и народов часто зависели от худого действия внутренности и желудка.

Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одни действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, как то из предыдущих примеров очевидно. Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялся над славным Монтескье ³¹, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телящем языке, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия, а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пресаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что оно человека погубляет, так сказать, неприметно и без явного принуждения. Возьми в пример европейцев, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и *habeas corpus*; он паче всякого индийского набоба ³².

Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из *Гюлистаны* ³³ Саадиева, из европейских и арабских мне известных стихотворцев, что-либо из Омира и Оссиана. Различие областей, где они живали, всякому явно бы стало; увидели бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащую природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветущем саду, Оссианово несется на утлом древе, поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится. Индийские боги купаются в водах млечных и сахарных; *Один* ³⁴ пьет пиво из черепа низложенного врага.

Но если климат и вообще естественность наумствѣнность человека столь сильно действуют, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно; пускай была то Церера или Триптолем ³⁵, или согнанный с пажити своея скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу и, облекши его багряницею, поставил на олтарѣ превыше всех, воскурил ему фимиами; но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого ³⁶. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка ограничивается токмо на два сказанные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своея потребности. Животное исполняет сие, направляемо к тому непреборимым стремлением. Но возникший образованием своим человек, слабый в своем сложении, имея многочисленные недостатки, нудяся к изобретению способов на свое сохранение, свободен в своем действии; стремление его и все склонности подчинены рассудку. И хотя сей для определения своего имеет побуждения, но оные возвесить может всегда и избирать. Таким образом, он есть единое существо

на земле, ведающее худое и злое, могущее избирать и способное к добродетели и пороку, к бедствию и блаженству. Свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом с женою, а с семейственною жизнью перешел он в общественную, подчинил себя закону, власти, ибо способен принять награду и наказание; и став на пути просвещения помощью общественного жития, сцепляя действия с причинами за пределы зримого и незримого мира, то, что прежде мог токмо чувствовать, тут познал силой умствования, что есть бог.

Различие, примечаемое в разумных силах человека, тем явственнее становится, чем долее одно поколение отстоит от другого. Общественный разум единственно зависит от воспитания, а хотя розница в силах умственных велика между человека и человека и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнствует от Гельвецевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностию.

Изящнейший учитель о воспитании, Ж. Ж. Руссо ³⁷, разделяет его на три рода. «Первое, воспитание природы, то-есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе, воспитание человека, то-есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третье, воспитание вещей, то-есть приобретение наша собственныя опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третье зависит от нас в некоторых только отношениях; второе состоит в нашей воле, но и то токмо предположительно, ибо как можно надеяться направить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?»

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однакоже для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику вследствие нерав-

ного сложения в нервах и фибрах человек разнствует от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма ограничены; сделай один токмо вопрос, и убедись в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда мачехою завистливою. Но нет; да отдалимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы. — Что различия между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степенями отстоит от своего товарища в учении вследствие шествия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него же рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно. Но и то нередко бывает, что начнешься развержение останавливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и преселен на острова Южного Океана, возмог ли бы он быть то, что был? Конечно, нет. Ты скажешь: он лучшую бы изобрел ладню на преплытие ярящихся валов, и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с понявшим и начертавшим путь телесам небесным и доказавшим их взаимное притяжение, и вещай!

Сие наипаче явственно, когда поставишь в сравнение один народ с другим, или пройдеши историю умообразия одного народа чрез несколько веков. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человека основанные. Но здесь тому не место и далеко

отвело бы нас от предмета нашего. Случалось, и сей опыт повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчестве дикому европеяцы старались дать сходственное со своим воспитание; но оно не бывало удачно. Я здесь многих видал тунгузов, воспитанных в русских домах; но на возрасте тунгуз в силах умственных всегда почти далеко отстоял от русского. Кажется, из сего заключить можно, что надобно природе несколько поколений, чтобы уравнивать в человеках силы умственные. Органы оных будут нежнее и тончее; кровь, лимфа, а особливо нервная, лучше преработанные, прейдут от отца в зародыш; и поелику есть в природе всеобщая постепенность, то и в сем случае она вероятна.

Как в постепенности таковой отстоит народ от народа, равно может отстоять человек от человека. Первый имел воспитание естественное и нравственное лучше своего отца; сыну своему мог дать лучшее своего; третий того же семейства, вероятно, изощреннее и понятнее будет первых двух.

Таким-то образом воспитание в поколениях может остановиться. Один произойдет постепенно и непрерывно, пользуясь всеми воспитания выгодами, другой, которого воспитание не было окончано, остановится на пути. Могут ли они быть равны? Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате. Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

Приступим теперь к постепенности, которая примечается в природе, и обозрим ее в развержении сил умственных в человеке, которые, сказали мы, следуют во всем силам телесным. Будем восприемниками новорожденному, не оставим его ни на единое мгновение чрез все течение его жизни, и когда дойдем с ним до меты его, пребудем ему неотступны до последнего его вздыхания.

Четыре или пять месяцев после зачатия зародыш движется; сердце и глава образовались уже прежде и исполняли свое назначение. До девяти месяцев и до самого того мгновения, когда дитя исходит на свет, члены его и органы разверзаются и совершенствуют и, достигнув степени, превыше коей дальнейшее развержение и совершенствование невозможно в матерней утробе, он лучшая требует пищи, свободнейшего движения, лучшей жизни. Легкое проникается воздухом атмосферы, уста приемлют пищу, глаза приучаются к блеску и уши к звуку; но дитя едва ли в сии минуты может равняться с растением. Чувства его ударяемы внешними предметами, все жизненные соки обращаются, он уже чувствует. Нельзя, чтобы мозг был без действительности; но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный. — Итак, дитя не мыслит; болезнь учит его, что он существует, но сие чувство едва может сравниться с движением чувственницы. Болезнь, а потом голод нудят его изъяслять их криком. — Помалу члены его укрепляются, движения его становятся сильнее, потребности величают; тогда делаются приметными в младенце побуждения. Он кричит сильнее и тем старается изъяслять свое желание. Если не удовольствован, то приходит в ярость, и сия страсть первее всех поселяется в сердце. Все внешние предметы действуют на органы чувственные младенца неотступно, и приметно становится в нем начальное образование умственных сил. Он начинает познавать различие между вещей; знает, что вкусу его льстит и что ему противно; глаза его учатся размеру, слух привыкает ко звукам; он начинает распознавать вещи единими наименованиями; знает уже свое имя, следовательно, орган памяти также разверзся. Но хотя во всех сих случаях видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звериного стремления. Иначе быть нельзя; он еще пресмыкается, ползает, четвероножен есть. Но уже восстает он от земли. Он зрит на выпренность; измерение ему становится свойственнее, слух тончает, прилепление к дающей ему пищу становится сильнее. Он уже изучился изъяслять свою радость; изъясление скорби было первое его движение. Улыбка его переходит в смех, ярость становится нетерпелива, все побуждения стремительнее. Память его расширяется, приметно становится суждение,

но весьма недостаточно. И язык его, произносивший доселе неясственные токмо звуки, начинает произносить слова. С того времени, как младенец научается говорить, развержение его умственных сил становится приметнее; ибо он может изъявлять все, что чувствует, и все, чего желает, словом, все, что доселе мог обнаруживать токмо криком и слезами; самые слезы проливает он реже, и помалу младенец становится дитя. Силы телесные его укрепились, а с ними и умственные; он [у]же превышает оными других животных во многом, но точности в суждениях его нет. Понятия его становятся отвлеченны, хотя следует наипаче чувственности и примеру: сей его образует более всего. Страсти в нем развращаются; рассудок начинает свискивать опору или в слышанном, или в испытанном, и дитя становится отрок. Силы телесные укрепились; отрок обык уже употреблению своих членов, чувств и органов; умственные его силы острятся; он испытал уже свободу, уже дерзает рассуждать, но опытность его мала, и рассуждения превратны и косвенны. Блажен, как то вещает Руссо, если отрок ничего еще не мыслил, не знал ничего, был чужд рассудку. Он удален ложных понятий, предрассуждений, превратности мнений и склонностей! И все члены его достигли уже своего совершенства, все сосуды исполнены влажностей, начинают уже избыточествовать. В юноше возникает новое некое чувствование. Грудь его вздымается чаще и сильнее, весь состав его ощущает необычайное движение, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумевает; тихая грусть обходит его; разум, начинавший действовать, затмевается; нижняя половина лица его покрывается влагами; у женщин же является временное истечение; человек уже готов для пророждения. О, любовь! о чувствование, паче всех сладчайшее! Кто возможет стремлению твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивление? Природа влияла тебя во всю нашу чувственность на наше услаждение и на соблюдение рода человеческого.

Едва познал он вину необычайного движения своей чувственности, как старается прилепить ее к достойному предмету и не успокоится, доколе его не сыщет. Тогда самая сия чувственность, тогда родившаяся страсть начинают напрягать силы умственные. Они получают новую от страсти упругость и, как лучи света, изливаются от среды

своя во все точки круга, в котором действуют. Вот возмужалость, вот время страстей, укрепление сил умственных и возвышение их до степени, для них возможной. Вот время достижения величайших истин и заблуждений; время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже низжайшей степени животных.

Как трение стончевает пружины, так и силы телесные притупляются употреблением. Человек начинает расслабевать в силах своих телесных; душевные следуют за ними. Страсти исчезают, а с ними и рвение к познаниям. И хотя рассудок еще не ослабел, но вновь не делает приобретений. Новое его не движет, ибо чувства его притупели; память ослабла, и воображение потеряло крылья. И так рассудок вращается над постигнутыми истинами, но оные уже стоят все на высшем круге и не для него. Настает старость. Сия истинная зима человеческого тела и разума, сия безнадёжная зима обвеснования, простирая мраз свой во весь состав человека, полагает предел всем силам его. Гибкие доселе члены начинают цепенеть; око померкло, ухо уже не слышит, не обоняет нос, и вкус остается на пряные и колющие язык яства; осязательность почти уже увяла; раздражительность фибров онемела и ярость свою потеряла; чувствительность притупела и ослабела; жизненные соки иссякли в источнике их, сердце бьет слабее, мозг твердеет; силы умственные угасают, понятие померкло, память совсем исчезла, рассудок пресмыкается и, наконец, истлевет совершенно. Телу для движения нужна оборона, разум нисшел до степени младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестает дышать, сердце не бьет более, и светильник умственный потух.

Безумные! Почто слышу вопль ваш, почто стенания? Или вы хотите превратить предвечный закон природы и шествие его остановить на мгновение едино? Рыдания ваши и молитвы суть хуление. Вы мните, что всеотец вам подобен — вы скорбите, о, несмысленные! — Жизнь погасшая не есть уничтожение. Смерть есть разрушение, превращение, возрождение. Ликуйте, о, други! болезнь исчезла, терзание миновалось; злосчастию, гонению нет уже места; тягостная старость увяла, состав рушился, но возобновился. — В восторге алчные души вас видеть, едва не впал в погрешность и заключение извлек, не дав ничего в доказательство.

Блажен, о, человек! если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина; если силы твои телесные и умственные токмо изнемогли, и умереть мог от единых старости. Житие твое было мудрственно и кончина легкий сон! Но таковая кончина редко бывает жребием человека. Восхищенный страстями, он носится по остриям; неумеренность раздирает его тело, неумеренность лишает его рассудка; состаревшись в бодрствующие свои лета, не ветхость дней замыкает ему очи; болезни, внедрившиеся в его тело, преторгают его дыхание безвременно и раскаивающегося на одре смертном подавляют отчаянна. Во младости неумеренность любовных страсти, в различных ее видах, расслабляет силы телесные и умственные. О, юноша! читай Тиссо об онанизме и ужаснися. О, юноша! войди в бедственное жилище скорбящих от неумеренности любострастия; возри на черты лиц страждущих: — се смерть летает окрест их. — Где разум, где рассудок, когда терзается чувственность? Они возникают, но мгновенно и едва блещут в простершемся мраке. Или думаешь, что орган умственный цел пребудет, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сия болезнь неумеренности сдает человека в силах его телесных и умственных! Посмотри на болящего огневицею, возри на того, у коего повредился орган умственный. — Где ты, о, дар божественный? О, рассудок! где ты?..

1

Конец первой книги.

КНИГА ВТОРАЯ

Итак, достигли мы, странствуя чрез житие человеческое, до того часа, когда прерывается мера шествию, когда время и продолжение прекращаются* для него, и настает вечность. Но остановим на мгновение отходящего к ней, заградим врата ее надеждою и воззрим на нее оком беспристрастным. Да не улыбнется кто-либо при сем изречении! Сколько возможно иметь пристрастия к вещественности, равно возможно и к единой мысленности, хотя бы она не что иное была, как мечта. Воззри на описание рая, или жилища душ, во всех известных религиях; разыщи побуждение страдавших за исповедание; устрями взор твой на веселящегося Катона, когда не оставалось ему ни вольности, ни убежища от победоносного Юлиева оружия: увидишь, что и желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями.

Надежда, бывшая неотступною сопутницею намерений в человеке, не оставляет занесшего уже ногу во гроб. Надежда путеводительствует его рассудку, и вот его заключение: «я жив, не можно мне умереть! я жив и вечно жить буду!» Се глас чувствования внутреннего и надежды

---

* В издании 1809 г. «превращаются». — *Ред.*

вопреки всех других доводов. Кто может убедиться, если убеждение свое захочет основать единственно на внутреннем чувствовании, что он мертв быть может? Чувствовать и бесчувственну быть, жизнь и смерть суть противоречия, и если бы, как то мы видели, не имели мы основанием к рассуждению правила сходственности, то сего заключения нам сделать бы было невозможно; ибо познания не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрест меня существующее, изменяется; цвет блекнет и валится, трава иссыхает, животные теряют движение, дыхание, телесность их разрушается; то же вижу и в подобных мне существах. Я зрю везде смерть, то-есть разрушение; из того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было от мысленности нашей понятие о смерти, то живый ее бы не понимал; но смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия.

Представим себе теперь человека удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему накрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мятется, стонет, когда, приближившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение. Ты есть!.. Час бьет, нить дней твоих прервется, ты будешь мертв, бездыханен, бесчувствен, ты будешь ничто! — Ужасное превращение! чувства содрогаются, колеблется разум! трепещуща от страха и неизвестности мысль истлевающая носится во всех концах возможного, ловит тень, ловит подобие, и, если удалось ей ухватить какое-либо волокно, где она уцепиться может, не размышляя, вещественность ли то или воображение, прицепляется и виснет. И возможно ли человеку быть жития своего ненавистником? Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять. «Постой, помедли на одну минуту! О, ты, составлявший блаженство дней моих, куда идешь?..» О, глас разительнее грома! Се глас любви, дружбы! мой друг, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, детей! — Свершайся, жестокое решение, я лишаюсь друга! Не малодушие, возлюбленнейший мой, заставит меня вздохнуть при скончании течения дней моих. Если я равнодушно не терплю отсутствия твоего, каково будет мое лишение, если то будет в вечность.

Имея толикие побуждения к продолжению жития

своего, но не находя способа к продолжению оногo, гонимый с лица земли печалию, грустию, прещением, болезнию, скорбию, человек взоры свои отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибсгает к своему внутреннему чувствованию и его вопрошает, и луч таинственный проникает его рассудок. Водимый чувствованием и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть, и в воображении, он прелетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность. Едва ощутил он, или лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрствесно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердую и бессмертия коснувшешюся его душею; неволя, заточение, пытки³⁸, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность.

Таковые были, вероятно, побуждения человека, да возникнет в разуме и сердце его понятие будущия жизни. Многие ее чают быть; иные следуют в том единственно иступлению; другие, и сии суть многочисленны, уверению своему имеют основанием единое предубеждение и наследованное мнение; многие же мнение свое и уверение основывают на доводах. Но каково бы ни было основание сего мнения, все вообразительные возможности будущего человеческого бытия не ускользнули от ловственного его проникания. Но были и суть многие, которые, отменяя свое чувственное уверение и надежду и оспоривая у человека будущее его бытие, старались находить доводы, что смерть в человеке есть его последняя и совершенная кончина; что он, совершивши течение дней своих, умрет навсегда и не возможет восстать, существовать, быть ни в какой вообразительной возможности. Доводы их суть блестящи и, может быть, убедительны. Возвеса, по силе нашей, обе противоположности, я вам оставляю избирать, любезные мои, те, кои наиболее имеют правдоподобия или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный вас, о, друзья мои, последую мнению, утешение вливающему в душу скорбящую.

Доселе почитали быть в природе два рода возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее, или отвлеченное, о них понятие назвали вещество, материя. Вещество есть само в себе неизвестно человеку; но некоторые его качества подлежат его чувствам, и на познании оных лежит все его о веществе мудрование. К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода, коих качества казались быть качествами вещественности противоречащими. Таковые существа назвали духи. При первом шаге в область неосязательную находим мы суждение произвольное; ибо, если дух чувствам нашим не подлежит, если познания наши не суть нутрозрительные, то заключение наше о бытии духов не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное. Кто вникал в деяния природы, тот знает, что она действует всегда одновременно или вдруг, и в сложениях, ею производимых, мы не находим черты, отличающей составляющую часть от другой, но всегда совокупность. Например, человек назвал противоречащими качествами тепло и стужу³⁹, находя действия их противоречащими; но природа и то, что тепло производит, и то, что производит стужу, вместила в единое смешение и, положив закон действованию их непременяющийся, явление оных таковым же учинила. Поистине, в природе меньше существует противоположных действий, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существует нередко токмо в нашем воображении.

Различие духа и вещественности произошло, может быть, от того, что мысль свойственна одной главе, а не ноге или руке. Различие таковое есть самоизвольно; ибо, не ведая, ни что есть дух, ни что вещественность, должныствовали ль бы их поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложение человека не убеждало очевидно, что качества, приписанные духу и вещественности, в нем находятся совокупны, то бы сказали, что дух не может там быть, где тело, и наоборот. Но как сопряжение таковое очевидно, то вместо того, чтобы сказать: существо человеческое имеет следующие качества, напр., мыслить, перемещать место, чувствовать, пророждать и проч., вместо того сказали: человек состоит

из двух существ, и каждому из них назначена своя область для действия; вместо того, чтобы сказать, что то, из чего сложен мир (а кто исчислил все существа, оные составляющие?), имеет те и те свойства, сказали, что в нем находятся существа разнородные. О, умствователи! неужели не видите, что вы малейшую токмо частицу разнородности их ощутили, но что они все в един гнездятся состав. Ведаешь издревле, сколь луч солнечный далеко отстоит от простыя глины или песка; ведал, что луч солнечный тебя греет и освещает, что глина дает тебе сосуд на пищу; а ныне ведаешь, что они находиться могут в одном составе существонно. Ты ведаешь, что мысль находится в твоей главе; но ведаешь ли, с чем она еще может быть сопряжена? Тот, кто силою своего слова мог вселить ее в мозг твой, ужели бессилен был вместить ее в другое что-либо опричь тебя? О, надменность!

Но обозрим быстротечно свойства, присвоенные вещественности, и свойства мысленности и что в них может быть противоречное; или, нет ли следа, что они одинакородному существу свойственны быть могут?

Свойствами вещественности вообще почитаются следующие: непроницательность, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Свойствами духовных существ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сии свойства, духовным существам присвоаемые, поелику являются нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями или феноменами, происходящими от духовного существа, которое может само по себе иметь сии свойства и чувствам не подлежать. Итак, вопрос настоять будет: может ли вещественность иметь жизнь, чувствовать и мыслить, или духовное существо иметь пространство, образ, делимость, твердость, бездействие? В обоих случаях произведение будет одинаково. Если сие доказать возможно, то разделение существ на вещественные и духовные исчезнет; если же доводы будут недостаточны и найдутся доводы, противное сему доказывающие, то нужно, и нужно необходимо, поставлять бытие двух существ разнородных — духа* и вещественности.

---

* Говоря о духах, я разумею токмо одну, так называемую душу человеческую.

Вещественностию называют то существо, которое есть предмет наших чувств, разумея, есть или быть может предметом наших чувств. Ибо, если оно им не подлежит теперь, то происходит оно от малости или тонкости своей, а не вследствие своего естества. Поступим теперь к изъяснению свойств вещественности.

Непроницательностию разумеем то, что две частицы вещественности, или два тела, не могут существовать в одном месте в одно время. — Сие есть аксиома, ибо противное предложение есть противоречие. — Или, что неразделимая частица вещественности, или атом, встретившаяся на пути другой такой же частицы, сия последняя не может продолжать своего пути, доколе первая не уступит ей места. *Протяженностию* есть то свойство вещественности, вследствие коего она занимает место в пространстве; а поелику протяженность имеет предел, то *всякую ограниченную протяженность называют образом*. В отношении определенности говорят, что протяженность имеет образ. Итак, непроницательность, протяженность и образ суть свойства нераздельные всякого существа, чувствам нашим подлежащего. Образ дает вещественности определенность, протяженность — место, а непроницательность — отделенность.

Химические опыты доказывают чрезмерную *разделимость* вещественности⁴⁰. Но естествослови разумеют, что есть возможность, чтоб малейшая частица вещественности разделена была до бесконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оная мала ни была, разум себе представить может частицы еще того меньше до бесконечности, разумея, что будет достаточная сила на их разделение.

Но как сие разделение существует токмо в возможности, и что нет естественных силы на разделение начал вещественности, то в рассуждении сего приписуют ей свойство *твердости*.

Бездействие в отношении вещественности есть двояко. 1-е, вещественность в состоянии покоя пребывает в нем или может пребыть вечно, доколе какая-либо причина не даст ей действия. Заметим заранее, что сие свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишенною движения. 2-е, понятие о вещественности есть частица вещественности,

в движение приведенная, которая продолжит движение свое с одинакою скоростью и в одинаковом направлении вечно, доколе что-либо не воспретит сему продолжению, или оное не преобразит.

Движение есть свойство прменять место. Иные говорят, что свойство сие вещественности существенно и от нее неотделимо. Другие почитают, что причина движения в вещественности не существует; а некоторые утверждают, что причина движения, для продолжения оного, должна быть присносущна и происходит от существ, отличных от существа, имеющего непроницательность, протяжение, образ, делимость и твердость; словом, что причина движения в вещественности не существует и быть в ней не может.

Тяжесть есть свойство, вследствие которого тело падает к середине земли и частицы вещественности стремятся к их средоточию. Последствиями оныя почитают пртяжение и отражение.

Пртяжение есть свойство, вследствие которого тела или частицы вещественности сближаются одна с другою. *Отражение* есть свойство, сему противоположное и вследствие которого тела или частицы одна от другой отдаляются.

Те, которые делают движение вещественности сосущественным, те оной не отрицают ни тяжести, ни пртяжения, ни отражения. Но другие почитают сии свойства не свойствами, но явлениями и действиями причин, вне вещественности находящихся и ей несосущественных.

Рассмотрим поодиночке сии, вещественности приписываемые свойства; побудим себя умствовать над сими остатками древнего учения⁴¹, которое распространившиеся опыты и с ними лучшее познание естественности опровергнут неминуемо. Свойства веществ столь разнообразны, начала оных столь разнородны, смежность же их, посредственная по крайней мере, столь размножена и может быть всеобщая, что рассуждения об общих свойствах, вещественности приписуемых, основанных на отвлеченных понятиях, вероятно, порастут мхом забвения и презрения, как ныне Аристотелевы категории и сокровенные качества алхимистов⁴². Ибо вопросы каждого беспристрастного: что есть вещественность? Ответ будет: не ведаю! А если к сему присовокупим, что химия доказует,

что начала первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения стихий, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности. Стихийной земли никто еще не видал, и надежда некоторых видеть ее в алмазе исчезла с того времени, как опыты доказали, что он сгорает и возлетается. Кто возжигал огонь стихийный? Луч солнечный, раздробленный призмою, не есть одинакороден *. Самая электрическая искра, пременяя цвет подсолнечной окраски, серный ее запах, не суть ли доказательства ее сложности, и нет ли вероятности, что удачные опыты отделят когда-либо свет от теплоты? Опыты одного доктора Пристля⁴⁴, не говоря о последующих, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно, и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляет воздуха атмосферического. Кто скажет ныне с прежним убеждением, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразного? Не говоря о водяных частицах, в воздухе содержащихся, не говоря о веществах обонятельных и всех других, из тел истлеваемых испаряющихся, а наипаче алкалических, ныне ведают, что так называемая кислоть или твердый воздух, кислоть селитренная, воздух горячий **, разделенны плавают в воздухе атмосферическом, ибо их можно из него извлечь; и что они суть его части существенные, ибо отдели их от него, воздух уже изменился. Что такое есть вода, ныне стало известно. Отсутствие из нее огня делает ее твердою, так нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тело твердое? Отрешив давящие ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, воспарится и сама представится в виде воздуха. Вообрази себе пустоту вместо атмосферы окрест земного шара, водимый опытами, ты землю узришь безводну и исякшую, все, на ней живущее, исчезнет, растущее увянет и сгорит, распадется самая кристаллизация,

---

* Лучи солнечные имеют два свойства: теплоту и свет. Но свет от теплоты доселе отличить можно было тем, что вещество света есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистон⁴³ есть основание цветов, то и луч солнечный его содержит в летучем состоянии.

** Зарождение селитры ясно доказывает ее в воздухе присутствии.

и все явления, вслед действиям воды идущие, минуют. О, ты, основание земли, гранит, громада необъятная! Ты рассядешься, и шар земный воспылится.

Но обратимся к свойствам вещественности и прежде всего посмотрим, столь ли приписуемые ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекают из понятия о вещественности. Если в понятии непроницательности заключается только то, что два тела, или атома, или две частицы того, что составляет вещественность, не могут находиться в одно время на одном месте, то сие можно разуместь не токмо о вещественности, но и о всяком существе, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностию имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то-есть познания их отношений; и поелику *общее* всех представлений есть *пространство*, *общее* всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то, что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль; *второе*, что ему нужно, есть *время*, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или *единовременны*, или в *последовании* одна за другую; *третье*, что ему нужно, есть *пространство*, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве и непроницательности, и все, что ни действует на нашу чувственность, имеет место и производит в нас представление о протяжении посредством своего образа, равномерно производит в нас представление о *непроницательности*, поелику одна вещь, действуя на нас из места, дает нам чувствовать, что не есть другая, что заключает в себе понятие *непроницательности*; общее же понятие *непроницательности* и *протяжения* есть *пространство*. Итак, все, что имеет *бытие* во *времени* и *пространстве*, заключает в себе понятие *непроницательности*, ибо и познания наши состоят токмо в сведении бытия вещей в пространстве и времени.

Одна первая причина всех вещей изъята из сего быть долженствует. Ибо, поелику определенные и конечные существа сами в себе не имеют достаточной причины своего бытия, то должно быть существу неопределенному и бесконечному; поелику существенность являющихся существ

состоит в том, что они, действуя на нас, производят понятие о пространстве и, существуя в нем, суть самым тем определенны и конечны, то существо бесконечное чувственности понято быть не может и долженствует отличаться от существ, которые мы познаваем в пространстве и времени. А поелику познание первых причин основано на рассуждении отвлечением от испытанного и доказывается правилом достаточности, поелику воспящено и невозможно конечным существам иметь удостоверение о безусловной необходимости высшего существа, ибо конечное от бесконечного отделенно и не одно есть, то понятие и сведение о необходимости бытия божия может иметь бог един. — Увы! Мы должны ходить ошунью, как скоро вознесемя превыше чувственности.

Но понятие непроницательности заключает в себе и то свойство, которым означается, что одна вещь чрез другую проходить не может. Приложив сие к телам, едва ли сие свойство какому-либо приписать возможно, ибо опыты доказывают, что наитвердейшие проникаются воздухом и водою, а огню нет ничего непроницаемого. Если бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические⁴⁵, то можно бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение. Сверх того известно, что во всяком теле гораздо более находится пустоты, нежели согрудения. Сие особливо явствует из жидких тел, кои удивительно растягиваться и сжиматься могут, что и было поводом утверждать многим, что все твердое вещество, в системе солнечной содержащееся, можно вместить в одну ореховую шелуху; столь велика пустота в наигустейших телах в сравнении их твердых частей. Если же к сему рассудим, сколь, посредством химических смежностей, разные вещества смешаться могут и из таковых смешений происходят совсем новые вещества, то едва ли не вероятно, что непроницательность в последнем смысле есть токмо вымышленное, а не действительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, как могущем быть свойстве всякого вещества, то же можем сказать о *протяженности* и о *образе*, который есть определенность протяжения. Ибо, сколь скоро какое-либо вещество занимает место в пространстве, то занимать его долженствует определенно; сколь скоро имеет место в пространстве опре-

деленное, то имеет уже образ, то-есть протяженно, ибо образ есть определение протяжения. Сие понятие протяженности и образа столь свойственно нашему разуму, наиотвлеченнейшие свои понятия почерпаящему из вещей, чувствам подлежащих, что понятие, им противолежащее, он представляет себе токмо отрицательно.

Вследствие данного изъяснения бесконечная делимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее, в чем признаются сами те, кои ей оное приписывают, говоря, что оно ей существенно, поелику возможно, и если бы достаточная была сила на произведение сего разделения, то бы оно произошло действительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее есть токмо мечта и опровержения не заслуживает. Если бы кто захотел сию делимость распространить на самого бога, то стоил ли бы он единого на опровержение слова? — Улыбнемся безумию и замолчим.

Впрочем, можно сию делимость распространить и на умственное вещество; ибо, поелику оно в протяженном заключено, а протяженность не токмо мыслию, но и действительно разделить можно, то для чего же неразделимым почитать вещество мыслящее, хотя действие оно неразделимо есть? Прейдем замысловатые бредни, ибо сколь ни замысловаты они, но все бред.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствует ее бесконечной делимости. Нет силы в мире вещественном, говорят естествослывы, которая бы возмогла разделить стихийные начала. Согласимся на сие охотно, ибо опыты благоприятствуют сему мнению и делают его аксиомою. Кто не видит теперь, что твердость есть свойство, делимости противоречащее, и что они в одном существе не могут быть совокупны. Ибо, с одной стороны, делимость представляет разрушение малейших частиц до бесконечности, то-есть доколе разум себе ее вообразить может (возможно ли так заблуждать и воображение пустое делать бытием?), с другой стороны, твердость препятствует разделению и, держа стихийные начала плотными, представляет разрушению оплоту непреоборимую (действие воображения и здесь явно). Скажите, о, вы, у коих рассудок не затмился предубеждениями учебными и предрассудками школы, скажите ваше о сем решение!

Оставляя теперь воображенное свойство, скажем нечто о действительном и посмотрим, твердость тел столь ли им свойственна и необходима, как то уверяют учителя.

Непрекословно, надеюсь, согласятся, что тело, занимающее место в пространстве, имея протяженность и непроницательность, имеет также образ, ибо образ есть не что иное, как определение протяженности. Но сей образ не может иначе существовать, как вследствие сцепления или притяжения взаимного частей, как то скажут физики; или вследствие законов смежности, как то назовут химики. Следовательно, сила, содержащая части в тесном или в отдаленном сцеплении, нужна для того, чтобы части были вместе, и нужна необходимо, потому что, если бы она не существовала, то не было бы и самая твердости; если сцепление уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести может таковое предположение, всяк понять может, и не довольно того, что разрушатся тела и перейдут в хаос; но в сем разрушении, где никакая сила не действует, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображение!

Итак, нужна сила, чтобы какие-либо части вместе находились во взаимной проницательности, или хотя просто одна близ другой. Все равно, где бы сила сия ни находилась, в самом ли веществе, или действует снаружи, она действует, она содержит в сцеплении, она дает образ; следовательно, образ без нее быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другой вообразить не можно или не должно. Итак, твердость есть следствие какия-либо силы; следует, что сила сия есть причина, а существо — действие, от нее происходящее.

Сколь притяжение свойственно вещественности, столь свойственно ей и отражение. Опыты доказывают, сколь трудно, а может быть, и совсем невозможно привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть нечто, от твердого вещества совсем отменное, действующее даже в отдаленности от тела, к которому оно принадлежать имеет. Что делает, что наиплотнейшие тела и сильнейшим сцеплением стверженные столь проницательны? Что производит упругость, сжатие и растяжение? До какой удивительной степени некоторые вещества растяжены суть или быть могут, кто не убежден опытом, тому

не легко поверить может. Отчего одно вещество в стеснении становится упружее? Отчего другое в растяжении? Отражение существует везде, как и притяжение, и вещества, в соразмерности действия одной силы, ощущают действие и другой. Итак, некоторые справедливо заключают, что в самом деле в вещественности существуют токмо притяжения и отражения без всякой твердости. Ибо, для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могут никогда? Заключим, что есть место в пространстве, где каждая сила существует и откуда действительность ее простирается, составляя действованию ее округу, могуществу ее соразмерную. Локк, или его истолкователь ⁴⁶, желая изъяснить создание, говорит: вообразим себе пустое пространство, и всемогущество, вращающееся над ним, рекло: да разделится оно и отвердеет! и се явилась непроницаемость, протяженность, образ. Дополним сию стихотворную и метафизическую картину и, вместо слова, явим мысль всемогущую. О, дерзновение! изрекать словом, звуком, зыблением воздуха мысль предвечную! — Да будет сила в каждой точке пространства! и се действие началось. Притяжение и отражение простерлись из среды своей действием, явился образ и протяженность, вещественность прияла существо. Удел ли был в силах сих силы всемогущия, или новые созданы, тот знает, кто их явил; а мы, во тьме непроницаемой хождая, ловя мечту или блужденне, речем, как некогда Аякс Омиров: отреши мрак ⁴⁷ от очей моих, и узрю! — Удивительно, говорит Пристлей, путеводительствующий нам ⁴⁸ в сих суждениях, что поелику твердость столь мало, кажется, имеет места в системе сей, удивительно, что мудрствовавшие давно не рассудили, что она и совсем некстати! —

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнет она совсем и да не будем сами тень и мечта.

Бездействие, вследствие данного нами изъяснения, есть то состояние существа, из коего оно иступить не может, доколе что-либо его из одного не извлечет. После всего нами сказанного утверждать, что бездействие есть свойство природы, кажется нелепо. Безрассудный! когда зришь в превыспренняя и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь

сказать, что бездействие вещественности свойственно и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромнейшее подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымаешь вон? Если ты ничего не знаешь бездействующего, если все видишь в движении, то не суемудрие ли говорить о том, что не существует, и полагать не быть тому, что есть? На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было? Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга, есть мгла и тень. Сияет солнце, а ты хочешь, чтоб свойство его была тьма; огонь жжет, а ты велишь ему быть мразом. Отступи со своим всеилием, оно смех токмо возбуждает.

Итак, показав несомнительность мнения о бездействии вещественности, мы самым тем показали, что движение от нее неотделимо. И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно.

Неужели после всего, что мы сказали о движении, притяжении и отражении, нужно еще говорить о *тяжести*, дабы показать, что свойство сие есть сосущественно вещественности? Сию всеобщую силу в природе (притяжение и отражение в ее понятии заключаются), предузнанную Кеплером и доказанную Ньютоном, ужели не свойством почтем естественности потому только, что причина ее сокрывается от проникания нашего, являя очам токмо свое действие? Но сила сия, действуя соразмерно плотности или сгуждению тел и отстоянию их, увеличиваясь по мере плотности и уменьшаяся по квадратам отстояния, да будет действие некоего упругого вещества, которое эфиром назвал Ньютон, или что другое, мы скажем, что она есть и действует с вещественностию нераздельно, следовательно, она ей сосущественна. Да и самый эфир⁴⁹, сколь жидок, сколь тонок, сколь проникателен он бы ни был, не вещественность ли он сам? Но Ньютон, делая его причиною, кажется, его к веществу не причел; ибо, будучи причиною, он не может иметь свойств того, что производит;

ибо, кажется, нелепо сказать, что причина тяжести или притяжения сама имеет тяжесть и притяжательна. Но бытие эфира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобретенное для объяснения гипотезы, хотя и блестящая, но ничего другого, как предположения без опытности. Если к сему прибавим, что есть тела (ибо и жидкости суть тела), осязанию подверженные, коих свойство есть не тяжесть, а сила средодалающаяся, как то огонь, воздухообразные вещества или газы, и самая вода; и кажется, что если они следуют иногда закону тяжести, то токмо в совокуплении своем и отвердении. Их свойство не есть тяжесть, ни сцепление, но растяжение и возлетание или, лучше сказать, они суть и то и другое вследствие законов смежности. Я с трепетом возражаю что-либо изобретению остроумия и, дерзая противоречить Нютону, покажусь несмысленным; но как сказать можно, что огонь имеет тяжесть, и где притяжение воспаряющейся воды, лишенной воздуха и без давления атмосферы?

Сии то суть общие свойства вещественности, предлог общего естествословия, или онога метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны суждения человеческие, сколь противоречимы, сколь оспариваемы; ибо все в оных зависит от первого изъяснения. Часто спорящиеся друг друга не понимают оттого, что разные о вещи имеют понятия; а чаще того желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в область воображения, а потому и блуждения. Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один факт новый, или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему; а послыку сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя теории, или умозрения. О, умствователи! держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, к чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что? Нютон, сопрягая изобретенную им тяжесть с измерением и исчислением, дал ей блестящее правдоподобие, и никто не смеет ему противоречить, ибо почтение к его изобретению иссосаем почти со млеко матерним. Тяжесть существует в природе, или, паче, притяжение неоспоримо; но тяжесть небесных системы и притяжение тел небесных, движущихся в направлении прямой линии, едва ли не рушится, когда столь же

замысловатый, столь же дерзновенный разум сопряжет новые откровения воедино и тяжесть оспорить захочет. Если можно истину предчувствовать, то сие предчувствование вероятно.

Но обратимся к нашему предлогу и разыщем: свойства вещественности могут ли быть свойства разумного вещества, или человеческая души? Мы не скажем, да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все они могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего и мыслящего, то не в праве ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических, что суть силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеяна и разнovidна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, достигает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности, то заключим, что в видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы в нем всегда существуют, следственно, ему искони присвоены. Но как союз сей произведен, то нам неизвестно, ибо понятие наше вознестися может токмо до познания первых причины, но тут и наш предел. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномерно и мысленности. Уже я зрю заранее толпы, на нас восстающие; улыбки презрения, осмеяние, — о, если бы было одно опровержение доводов! — Пребудем в стезе нашей, и да молва не отвратит нас от нашей цели. — Непроницательность, видели мы, есть то свойство какого-либо вещества, вследствие коего оно с другим не может находиться

на одном месте в одно время. Если сие свойство приписано вещественности, вот как оно разумеется, или как можно разуметь о умственности. Хотя здесь повторим прежние доводы, но из порядка, нами принятого, их исключить нельзя.

Все, что существует, не может иначе иметь бытие, как находясь где-либо, ибо хотя пространство есть понятие отвлеченное, но в самом деле существующее не яко вещество, но как отбытие оного. А дабы убедиться в сем, то, если неоспоримо, что нужна пустота (как может без нее быть движение?), то место, или точка, где она есть, дать может понятие о пространстве, то-есть о вместилище бытия. Следует, что мысленное вещество должно где-либо находиться. А поелику каждое из них есть вещество особенное, особым бытием снабженное, то два таковых вещества не могут быть на одном месте в одно время. Смейся, если лучше разумеешь, но воззри на себя и убедися. Где мысль твоя живет? Где ее источник? В главе твоей, в мозгу: сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий. Но разум, но мысль стоящего близ тебя неужели в тебе, в мозгу твоём, для опровержения моих доводов? Всяк имеет свою главу, свою мысль, и мысль единого не есть мысль другого, и наоборот. Вы оба, или мысленности ваши, существуют не в одном месте, следовательно, непроницательны суть. Не возражай мне, что мозги ваши суть различны, или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно, мысленность ваша такова. И если скажешь, мысленность наша отвлекает нас от телесности, и две особые мысленности могут быть совокупны относительно мыслению! — согласен; но осмотрим. Твое воображение клокочет и кипит, и где бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легчае звука и быстрее света, о, тварь, се точка, и ты на ней!

Ступим шаг еще в изъяснении площадных наших доводов. Я скажу, мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имеет образ. Вижу, вижу, смеешься, хохочешь, влечешь за собой меру и вопрошаешь: которой геометрической фигуре она подобна? Помедли и суди сам.

Протяженность есть то свойство вещества, вследствие коего оно занимает место в пространстве. Дадим еще оружие против себя. Протяженность есть то, что измерению подлежит. А поелику все, что измерению подлежит, имеет

предел, то определенная протяженность или измеримость есть образ. Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюсь, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует, и то, кажется, уступишь мне без прекословия; но во всем ли она мозгу или в некоторой его части, того сказать не можем. По вскрытии черепа головного нигде знаков пребывания ее не оказывалось. Но она в мозгу, и сие для нас довольно. Положим теперь, что кубическое содержание мозга есть сто дюймов, то мысленность твоя, в которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто; ибо мозг измерить, свесить можно *. Если целое велико кажется, ставь дроби, ставь $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$, $\frac{1}{100000}$ до возможного; все будет известная для нее дробь и измеримая.

Дав протяженность мысленности твоей, дадим ей образ, сколь ни нелепо тебе то кажется; ибо, поелику образ есть определение протяженности, мозг есть протяжен, а потому и все, содержащееся в нем. Сверх того, мозг имеет сам по себе определенный образ, следует, что и содержащееся в нем образованно. *Вагтель делает сперва глиняную форму, да образует своего Аполлона.* Но каков может быть образ твоей мысленности, до того мне нужды нет, да и определить того не могу. Или изведем, что воздух и подобное ему вещество, да и всякое жидкое тело образуется по сосуду, в коем содержится. Если воздуха никто на сажень не мерил, то, кажется, для того, что содержащееся его количество в кубической сажени может содержаться равно в кубическом дюйме и растянуться на сто кубических сажень. Но если воздух неудобоизмерим, то возвесить его можно. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмен не положу. Сила электрическая, собранная в Лейденской склянице, взвешена. Кто знает протяжение и образ силы магнитной, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?

О других свойствах вещественности, поелику они могут почтаться свойствами мысленности, нужды говорить не имеем; ибо 1-е, делимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство

---

* Кто знает, что не от тяжести ли или легости происходит различие умов?

не столь ясно утвержденное, как то кажется при первом взгляде; 3-е, бездействие есть мечта; 4-е, движение, — мысленность один из его источников разнородных; 5-е, тяжесть, или паче притяжение и отражение. Имеет ли мысленность стремление к центру земли, того не ведаю; но питание, пророждение, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сие доказательство, то не нужна ли сила притяжения на какое бы то сложение ни было? А если сила сия имеет точку, откуда действует, то что, паче мысленности, может быть действия средою? Оно таково в самом деле. . . . .

Если мы оком размышляющим проникнем действия природы и, собрав опыты, вознамеримся отыскать в веществе различия, то не будет нужды напрягать воображение, дабы иметь какое-либо понятие о том, что едва ли мысль постигать может. Не будем творители новых веществ, а, паче, восстановив все на единой лестнице, мы явим неисчисленное вещественности разнообразие и могущество всеотца бесконечное.

Свойства вещественности, доселе предлогом нашего слова бывшие, суть токмо, так сказать, метафизические, заключались в отвлеченнейших понятиях. Но есть свойства вещественности, или паче веществ, поелику они нам известны, кои, проистекая от их коренного сложения, заимствуют свойства состоятельных или начальных частей веществ. Для познания такового нужно говорить о началах веществ, или стихиях, и о некоторых явлениях, первое место в природе занимающих.

Показав, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажем, поколику вероятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего спросим, какие суть свойства вещества мыслящего, не поколику мы оное предполагаем гадательно, но поколику мы оное познаем самым делом.

Свойства мысленного вещества, или явления, кои к действию его относиться могут, суть: жизнь, чувствование, мышление. Сии свойства суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя сии силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно. Но поелику почитают, что движение и проч. не суть свойства веществ, чувствам нашим подлежащих, то да позво-

лят мне удалиться от моего предмета и войти в некоторое рассмотрение о составлении тел вообще.

Начальные части всех тел называем мы стихии. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь. Но в стихийном их состоянии мы их не знаем; мы видим их всегда в сопряжении одна с другою; да и все стихии, опричь земли, ускользали бы, может быть, от чувств наших, если бы земляных частиц в себе не содержали. Сколь стихии в чувственном их положении ни сложны, однако свойства имеют, отличающие их одни от других совсем; и если не дерзновенно будет оные определить, то скажем, что огонь, а может быть, воздух и вода суть начала движущие, а земля, или твердейшая из стихий, разумея все ее роды, есть движимое. Я не утверждаю, что вода, воздух и огонь, в самом их стихийном состоянии, суть вещества, движение производящие сами по себе, или суть токмо, так сказать, орудие другого вещества, деятельность им сообщающего; но они суть то самое, что в телах движение производит, что всякое сложение и разрушение без них существовать не могут и что они гораздо более места занимают, нежели твердая стихия — земля; что в стихийном их состоянии, сколько то из опытов понимать можно, они чувствам нашим подлежать не могут и что земляная стихия есть единая, которой, поистине, и мы вещественности принадлежать можем.

Но опыты являют нам, что есть вещества, движение производящие, или входящие в состав тел органических и других, кои, кажется, к веществам, стихиями называемым, не принадлежат. Например: свет, хотя он есть огню совокупен; сила электрическая, хотя и имеет свойство огня; сила магнитная; *стихия соли*, которая, кажется, есть всеобщий разделитель, а особливо соединяясь с воздухом и водою; и, может быть, многие другие. Наблюдая их прилежно, найдешь, что они истинную имеют силу или *энергию*; но что она есть? То может быть ей одной известно, или давшему ее стихиям.

Дабы показать, сколь разделение веществам, нами сделанное, на движущие и движимые есть истинно и на опытах основано, войдем в некоторые подробности о стихиях и о их сложениях . . . . .

Говоря о стихиях и о некоторых явлениях, в природе примеченных, которые, кажется, принадлежат к действо-

ванию веществ, от четырех признанных стихий отличающихся, мы видели, что они, совокупляясь одна с другою, столь естество свое изменяют, что почти кажутся быть совсем другими веществами. Вода становится земле подобна, огонь твердеет, становится осязателен, не жжет и не светит, а присутствие воздуха явно единою тяжестью. В других сложениях, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживают отчасти свои свойства, отчасти, изменяясь, паки представляют совсем новые явления.

Средства, употребляемые природою на сложение стихий, кажутся быть многочисленны и различны, но часто в разнообразии своем, как нам известно, следуют одинаковым законам. Естествослывы, не входя в дальние рассмотрения, уобщая понятия и восходя от одной отвлеченности к другой, а паче сделав себе систему и вознеждая в нее все известные факты, сказали, что общий закон, вследствие коего делаются все сложения, есть притяжение. Но хотя Бюфон и говорит, что образ производит великую разность, но кристаллизация или стеклование суть ли одно? То и другое производит сцепление, но сколь оно разнообразно, сколь разнообразно в действии! Говорят, что все тела находятся в сложении своем токмо вследствие сцепления, и для доказательства сего употребляют известный всем опыт двух весьма гладких поверхностей; но сие сцепление есть одно из слабейших, и если не была другая сила, что удержало бы золото под молотом, что дало бы ему столь ужасное растяжение? Ужели сцепление в стекле сильнее золота?

Одно из главных средств, природою на сложение стихий и изменение их употребляемое, есть организация. В ней действуют все стихии совокупно; в ней и другие силы явственны. Анализис частей животного дает все стихии. Но тело органическое почать можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложения, разделении и проч. и производят почти новые вещества. Не говоря ни о чем другом, воззрим на сложение мозга и на продолжение его нервов. А если и то истинно, что в них существует так названная нервная влажность, сколь отменное я существо от всего другого! Одно, что в ней сходственное примечается, есть то, что она похожа на силу электрическую и магнитную. Может быть и то, что сии оба вещества, всосанные в тело, в нем

амальгамируются и передвоятся и с другими стихиями составляют нервную жидкость.

Что сия существует в организации животных, вероятно, и разные на то отыскаться могут убедительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленного вещества суть: жизнь, чувствование, мышление. Жизнь есть то действительное явление, чрез которое семя разверзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и приближаться к разрушению. Сия сила есть ли единственно простое произведение, из сложения стихий происходящее, то можно будет утверждать тогда, когда искусством можно будет производить тела органические. Жизнь свойственна не одним животным, но и растениям, а вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях. А поелику явное присутствие огня с действием жизни совокупно *, то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно из необходимых начал жизни, если он не есть самая она.

Раздраженность примечается в телах в их разделении, воскипании. Квас и все, что ферментациею называем, не есть начало раздраженности. Раздраженность примечательна уже в растениях, а паче в чувственнице. Есть ли она произведение силы электрической и какой другой, то неизвестно, но вероятно. Посмотри, как чувственница увядает от малейшего прикосновения.

Чувственность есть свойство ощущать. Опыты доказывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностию совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание. Без жизни же и они бы нам не были известны. Итак, возможно, что жизнь, чувствование и мысль суть действие единого вещества, разнообразного в разнообразных сложениях, или же чувственность и мысль суть действие вещества отличного, в сложение которого, однакоже, входит если не что другое, то сила электрическая или ей подоб-

---

* По отдалении солнца вся природа мертвеет. Не умирают животные, ибо в себе заключают больше огня, нежели растения.

ная. Итак, если мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность, если чувственность неразлучна с жизнью⁵⁰, то не вправе ли мы сказать, что сии три явления тел суть действия единого вещества? Ибо, хотя жизнь находим мы без чувственности, а чувственность без мысли, однако кажется быть жизни сопутницею раздраженности, что есть низжайшая токмо, может быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не сопутницы всегдашние жизни, то по той токмо причине, что нет всегда свойственных им органов, нервов; ибо есть и таковые вещества, стоящие, так сказать, на смежности единыя жизни и чувственности, которые для того кажутся быть мысли лишены, что не имеют ее органа, мозга.

Прибавим еще и то: понеже в существо жизни входит частью составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже в чувственности примечать можно явления, электрической силе подобные, что она действует на наши нервы, как то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолжением токмо мысленности, ибо и понятия и мысли все происходят от чувственности и органы сся суть продолжение органа мысленного, — то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательного, протяженного, образованного, твердого и проч.; ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества, или оное само.

Присовокупим к сим общим рассуждениям о вещественности некоторые подробности, которые объясняют и дополняют все, что о сей материи сказать можно.

«Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществу, есть совсем излишнее и ненужное. Давать телу человеческому душу; существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишнее, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душею, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальныя и составительныя части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные. Если стихии толико могут изменяться в сложении своем, что совсем непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать им действие того, где они части составительныя? Успехи наук, а паче химии и физики, доказывают, что по

невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы, от всех известных нам отличные, то как быть столь скорым в решениях наших и отрицать, что не вещественности они суть свойства и сей никак припадлежать не могут, ибо ей суть будто противоречащи?»

«Не удивительно, что те, которым природа, так сказать, чужда, кои никогда на нее не обращают ока внимательного не удивительно, что возмечтали быть себя бессмертными. Не удивительно, что бедствием гонимые⁵¹, преследуемые скорбью, болезнию, мучением, ищут прибежища превыше жизни. Но то казаться будет всегда странным, что те, кои природа есть упражнение всегдашнее, те, кои наипаче проникли в ее сокровенности, те, кои в разыскании ее таинств находят свое увеселение, что и те, когда дойдет до решения между конечныя смерти и возрождения, всегда к нему прилепляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбяет человек бытие свое, столь боится разрушения! Сему и быть так должно, ибо во младенчестве, в детстве, в юности, во младости мы окружены всегда предметами, к жизни нас прилепляющими, окружены предубеждениями, о будущей жизни твердящими. И когда настают возмужалые лета, то совершенство жизни затмевает разрушение и его или представляет почти невероятным, или отвлекает мысли от сих предметов. Да и те, которые убедятся в противном, приспев ко гробу и чувствуя нечто необычайное, вдруг обращаются к мыслям, приобретенным в лета безрассудительные. Тот, кто совершенно и беспрестанно был блажен, тому жаль расстаться с утешительною и веселия исполненною жизнью, и для того мнит продолжать ее бессмертием. Тот, который изнемогает под тяжестью превратного счастья, тот в кончине своей зрит оным конец и, вкушав утехы когда-либо, мнит, что и оные возродятся, и сердце, надеждою упоенное, отлетает в вечность».

«Но повторю: как отыскатели деяний природы могут ошибаться в ее действиях! Пройди всю жизнь человеческую от рождения его до кончины: чувственность и мысль следуют телесности в развержении ее, укреплении, совершенствовании, расслаблении, изнеможении, и когда рушится одна, престает действие и другия».

«Что мыслит родившийся, что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Оно укрепляется, и купно с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорбь мозжит его и сверлит, силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившего течение жизни: какая степень осталась в нем чувственности и мысли? Одеа изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдасшь? Се одр твой, се покой тела твоего! все начала состава его притупилися, и рүшиться им должно. Почто же плачешь о неизбежном, почто убегаешь пеминуемого? когда жизнь прервется, увянет и чувственность, иссякнет мысль, и всякое напоминовение прелетит, яко легкий дым. Жалеешь о блаженстве своем, то ужели жалеешь и о бедствии и скорбях? Возвесь все минуты печали, болезни и превратностей, и противуположи им минуты радости, здравие и благоденствие; увидишь, что чаша злосчастия всегда претянет чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключение верно. О чем же сетуешь? Воскликни: се час мой! скажи: прости! и отыди».

«Но прежде, нежели преступим к другим предметам, радования и надежды исполненным и отгоняющим отчаяние из сердца и разума, истощим все доводы и притупим, так сказать, тем самым стрелы, душу умерщвляющие».

«Защитники души безвещественныя, несложныя и потому бессмертныя говорят: человек имеет два уха, два глаза; осязательность его рассыана по всей поверхности его тела; но чувствование внутреннее, от разных чувств происходящее, но мысль, от чувств рождающаяся, есть неразделима, но сведение самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, неразделимо; а сие побуждает заключать, что вещество, к коему оно принадлежит, также есть простое и неразделимое. А поелику неразделимое разрушиться не может, то заключить должно, что душа по разрушении тела пребудет неразделима, следовательно, она есть безвещественна, а потому и бессмертна».

«Скажи, возражатель, неразделимость и вечность мечтающий, скажи и истолкуй мне: как вещество простое

может действовать на сложное; как действует непротяженное на протяженность? И еще того непонятнее: как непротяженное заключается в протяженности; ибо ведаем, что понятие протяженности есть неразделимому противоречащее? Как безвещественная и непротяженная твоя душа заключена в протяженное твое влагалище, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь и быти ей утверждаешь. Желая сделать душу, от тела твоего совсем отличную, простую, неразделимую, ты ее делаешь веществом совсем мысленным. Она уже не вещество, единственно отвлечение, точка математическая, следовательно, воображение, сон, мечта. Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя, есть ничтожество, бессущественность, небытие; ибо кто видал, кто ощущал, если не в мечтаниях, что-либо несложное, простое, неразделимое? Да и как нам себе его представить? Когда хотим изобразить точку, то говорим, что она есть конец линии. Чему же душа твоя есть окончание? Мне кажется, о, ты, бессущественность утверждающий! что житие, что услаждение телесные и мысленные тебе наскучили: оставь же нас и отыди в своя превыспренняя и веселися».

«Скажи, о, отрицатель вещественныя души! скажи, отчего находишь столь невозможным согласное действие всех чувств твоих и всех органов? Все, что существует, имеет свою цель, и все его части, способности и силы суть к оной обращены. Не в мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нее суть, и она не от них? Или скажешь, что мусикийское благогласие невозможно, ибо звук единственный, нота мусикийская неблагогласна суть? Из того, что пальцы твои на струнах скрипичных не умеют двигаться искусственно, ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не может производить звука, что он не есть произведение воздуха? или, что синяя или красная отделенность луча неудобна на произведение света, что все семь отделенностей, составя луч, свет производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь в человеке есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрел! не завидую тебе, поистине, ни твоей мысленности. Кто рыщет в мечтаниях, недостоин, чтобы он того был отлучен. Чувственность местию не за-

медлит; воцаные твои крылья растают от ее жаркости и, новый Икар, залетевший, куда сам не ведаешь, падешь».

«Скажи, вопрошу паки, как могли в мозг твой войти сия чрезвычайная душа твоей простота и неразделимость? Возьми столь художественно изобретенное орудие на показание и деление времени, ударь его о камень, где будет сей почти разумный времени указатель? Или в каждой части? Металл, из коего он сложен, не возможет того без соразмерности в частях его, колесах и пружинах. Но ты паки говоришь, что душа твоя неразделима! Но звук, но благогласие разделимы ли суть? Орудия, оные производящие, суть разделимы, суть сложны; но не действие их, не произведение. Не от чувств ли ты мысль свою получаешь? мысль твоя неразделима; но неужели неразделимы твое ухо, око, нос? Итак, произведение твоих чувств неразделимо, и скажем твоими словами: душа твоя неразделима. Согласен, что из одной души нельзя сделать двух душ; но следует ли из того, что с разрушением твоих органов и душа разрушиться не может? Разрежь, говорит Пристлей ⁵², один шар на двое, выдут ли из того два шара? Выдут две половины, но шара не будет».

«Ужели так трудно тебе вообразить единственность чувствования и мысли и того, что ты душою называешь, не саму по себе единственную, простую и неразделимую, но единственную и неразделимую яко действие твоих органов и твоего сложения? Вообрази себе сие нравственное, сие соборное вещество, которое мы называем общество; представь себе сенат римский или афинскую площадь. Колико частей! колико пружин! колико действий! но все идет к единой цели, все общественного жития стяжают, все мыслят одно, одного желают. Я пример тебе даю, уподобление представляю, а не сравнение. Но все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны».

«Не с телом ли растет душа, не с ним ли мужает и крепится, не с ним ли вянет и тупеет? Не от чувств ли ты получаешь все свои понятия и мысли? Если ты мне не веришь, прочти Локка. Он удивит тебя, что все мысли твои, и самые отвлеченнейшие, в чувствах твоих имеют свое начало*.

---

* Здесь противоречия нет против сказанного выше, где говорится, что *отвлечение* есть действие рассудка. Мы здесь говорим, где корень понятий отвлеченных.

Как же душа твоя без них может приобретать понятия, как мыслить? Почто бесплодно делать ее особым от чувственности веществом? Ты похож в сем случае на того, кто бы захотел дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а в осязательности твоей было бы столько душ, сколько точек есть на поверхности твоего тела. Неужели на всякое деяние тела дадим ему душу? Гортань моя возгласит песнь, и я скажу, что есть во мне вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мне вещество говорящее, и только для того, чтобы от телесности отбыть. Странник! ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувством мысленности происхождение. Все познания твои приходят к тебе от чувств твоих, и ты хочешь, чтоб мысленность моя была им чужда, имела существо, им совсем противоречащее».

«Но откуда возмечтал ты, что душа твоя не есть действие твоих органов, что она бестелесна? Види в себя и воньми, колико телесностей на нее действуют. Все чувственные предметы, все страсти, болезнь, жар, стужа, пища, питье, — все душу твою изменяет. Все телесно есть; она страждет, а не тело. Может ли знать душа твоя, сие высшая степени вещество, какая мысль в ней возродится чрез одно мгновение, чего она возжелает? Может ли она, если она тела твоего управитель, может ли знать, какое будет его движение чрез час един и какой язык его произнесет слово? Окруженная со всех сторон предметами, она есть то, что они ей быть определяют. Если бы они не пзвещали чувства твою, что ты существуешь, если бы ты чувств лишен был (но того ли ты и желаешь, желая бессмертия?), не известен бы ты был, что ты есть, что существуешь; ибо никакая мысль в тебе не могла бы возродиться».

«Не токмо внешность, но вся внутренность царствует над твоею душою. Когда страсти возжгут огонь в крови твоей, когда неведомое какое беспокойствие обьет всего тебя и ты, презирая все на свете и самую жизнь, течешь во след предмету, страстию возжеленному, где тогда душа твоя? Где сей устроитель твоея телесности, сей судия твоих деяний, сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас, и мечта всемогущества думает страсть усмирить мановением единым, как Эол ⁵³ усмирал бунтующие ветры. Но сии непокорливые его подданныки, восстав с новою на него

свирепостию, влекут его и, как новая Армида ⁵⁴, заключают в цветящиеся и неощущаемые оковы».

«Но не токмо страсти умерщвляют твою душу; все потребности твои, все недостатки властвуют над нею произвольно. Ощущал ли ты когда-либо терзание глаза? Ведаешь ли всю власть желудка твоего над твоею мысленностью? Когда он тощ, тело твое изнеможет, и душа расслабевает. Но ты скорее знаешь действие пресыщения. Когда избыточные соками питательными яства обильный хил влиют в твои жилы и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя. Но вижу то, пресытился питием: обезображено лице, искажены взоры, язык коснеет, или и душа твоя причастовала в чаше Вакха? О, вещество бестелесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя действуют. Когда ты, о, любитель духовных веществ! усумнишься в своей вещественности, то войди в сонм пьяных. Верь мне, скоро, скоро убедишься, что с телом и душа пьянеет».

«Мне скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращаю взор твой на тебя самого. Если ты не убедился о своей вещественности тем, что видел душевные силы возрастаемы с телесными; что они расширены стали удобренным воспитанием; что воображение есть плод страны, где жительствоуешь; что память твоя единственно зависит от твоего мозга, и когда он старится и твердеет, тогда и память теряет свою способность; что суть способы телесные на ее расширение и что внимание твое утомляется напряжением: если все сие не есть тебе доказательством, войдем со мною во храмину, уготовленную человеколюбием для страждущего человечества, в хранилище болезней. Не содрогается ли, не немеет ли вождь твой духовный от сего зрелища? Если ты нетрепетно восходил на стены градские и презирал тысячи смертей, окрест тебя летавших, то здесь весь состав твой потрясется! Ты зришь твое разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленном огневицею, не жалей о лишенном ума: они варяют в мечтаниях. Верь, они нередко нас блаженнее. Болезни своей они не ведают, и душа веселящихся полна мечтаний. Но содрогнись на беснующегося, вострепещи, взирая на имеющего в мозгу чирей! О, душа, существо

безвещественное! что ты и где ты? Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедиться в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом избытии».

«Если и сего тебе мало, то соглядай вседневное свое положение, когда утомленное твое тело ищет покоя. Воззри на сон. Если хочешь вообразить, что душа твоя есть раб твоего тела, и каково будет состояние ее по смерти, то рассмотри, что есть сон, и познаешь. Первое, когда мечты исполняют главу твою, скажи, властен ли ты на их произведение? Сновидения твои столь же мало от тебя зависят, как и от твоего понятия. А если можно тому верить, что сновидение есть начало пробуждения и производится внешним чем-либо, то предварено твое возражение, когда хотел сновидение отнести к действию твоей души. Но рассмотри себя, когда пары, подьемлющиеся от желудка твоего, не тревожат мозга, когда сон твой покоен и крепок, ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя не действительна. А если и то тебя не убеждает, посмотри на тех, коим болезни дают сон долговременный; спроси у них, мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что в решении задач математических упражнялися? Впоследние скажу, воззри на объятую обмороком и чувств лишенного. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя в таковое положение, то знаешь ты, что смерть есть, и что душа твоя от жала ее не ускользнет. И как хочешь ты, чтоб я почел душу твою существом, от тела твоего отделенною, веществом особым и самим по себе, когда сон и обморок лишают ее того, что существо ее составляет».

«Скажи, о, ты, желающий жить по смерти, скажи, размышлял ли ты, что оно не токмо невероятно, но и невозможно? Вообрази себе на одно мгновение, что ты уже мертв, что тело твое разрушилося. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувств, следственно лишена орудий мысли, следственно она не то, что была в живом твоем состоянии. И если состояние ее изменилося, то вероятно ли, что она ощущать и мыслить может, чувств лишена? А если душа будет в другом положении, то следует, что ты в душе своей будешь не тот человек, который был до смерти. Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлим немного

при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоём; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, чтобы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение. Если по смерти твоей память твоя не будет души твоя свойство, то можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? Все деяния твои будут новы и к прежним не будут относиться, то что успешь, жил ли прежде или жив будешь по смерти? Жизни сии не суть единое продолжение; они прерываются. Жить вновь и не знать о том, что был, есть то же, что и не быть. Забвенное для нас не существовало. Что не можно душе твоей сохранить памяти, о том читай многочисленные и убедительные примеры в книгах врачебных. Памяти престоя есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где будет прежний *ты*, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет».

«По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья».

Снека, в трагедии «Троада»⁵⁵.

«Итак, если мозг и глава нужны для мышления, нервы для чувствования, то как столь безрассудно мечтать, что без них душа действовать может? Как может она быть, когда она их произведение, а они к разрушению осуждены? Не токмо не можно вообразить себе, что есть такое вещество простое, неразделимое, дух; но и того вообразить нельзя, чтобы они были по разрушении, хотя бы и существовали».

«Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно предопределяется его предшедшим

состоянием. Без того последующее состояние не имело бы причины к своему бытию. Итак, предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние определяет, что он будет по смерти. До зачатия своего человек был семя, коего определение было развержение. Состояние жизни приготавливало распложение и разрушение. Когда же жизнь пройдет, почто мечтать, что она может продлиться? Человек вышел из семени, и состав его рассеменится по сложению стихий, его составлявших. И если по справедливости заключить можем из состояния человека до начатия его жизни о состоянии по скончании ее, то поелику он не имеет воспоминания, что существовал в семени, то не может иметь воспоминания по смерти о том, что был в жизни».

«Итак, о, смертный! оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужное для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась, скончалось для тебя время и настала вечность!» ———

О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию своею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреоборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный излетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов утщется, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчно терзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропротекающего радования, не веселия брессного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести змные, свинец и золото и чугун. Жестокосердый! ты лишаешь даже надежды претертую злосчастием душою, и луч сей единственный, освещающий

ее во тьме печалей, ты погашаешь. Лишенного на земле утех, не ожидающего веселия ни на мгновение уже едино, ты ограбляешь его надеяния возродиться на радость и на воздаяние добродетели; ты лишаешь его будущия жизни. Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных? — Но откуда твое дерзновение, откуда власть твоя, откуда веселие, разрушающее покой мой и надеяние? Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишённого семейства, друзей и всякия утехы? Не скроют тебя от карающих руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! мщение тебя преследует, настигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя даже средства к утехе, радованию и упокоению, исторгнет из сердца твоего более самую жизнь. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — но что успею я? О, тигр, ты ее не чаешь!

Конец второй [книги.]

КНИГА ТРЕТЯЯ

Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгnezдилось. Обтекши всю мысленность и телесность человека и проникнув даже до незримых начал вещей, мы видели только то, что нужно было видеть, дабы снискать доказательство предложенной задачи. Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей он[о] кажется быть создан[о]. О, истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждание, и тебя да узрю!

Желающему вникать в размышления о смертности и бессмертии человека я бы нелicenseмный подал совет стараться быть часто при одре умирающих своею или насиль-

ственной смертию. А тому, кто сам находился в преддверии вечности, имея полный и ненарушенный рассудок, тому в совет бы я дал в суждениях своих о смертности и бессмертии человека быть гораздо осторожным. Первый научиться бы мог познавать, что есть смерть; другой, бывши ее близок, мог бы рассуждения свои сопровождать внутренним своим чувствованием; ибо, верьте, в касающемся до жизни и смерти, чувствование наше может быть безобманчивее разума. А тот, кто ее не предчувствовал николи, хотя и может иногда угадать то, что другой всею внутренностью ощущает, но чаще, основав убеждение свое на слышанном и изученном, он ему токмо изыскивать будет доказательства для убеждения других в том, в чем сам убежден был не чувствованием, не рассудком, а токмо, так сказать, наслышкою.

Я всегда с величайшим удовольствием читал размышления стоящих на воскраии гроба, на праге вечности, и, соображая причину их кончины и побуждения, ими же вождаемы были, почерпал многое, что мне в другом месте находить не удавалось. Не разумею я здесь воображенные таковые положения, плод стихотворческого изобретения, но истинные таковые положения, в коих, по несчастию, человек случается нередко. Вы знаете единословие или монолог Гамлета Шекеспирова и единословие Катона Утиксского у Аддисона ⁵⁶. Они прекрасны, но один в них порок — суть вымышленны.

Посторонний, а не вы, может меня спросить вследствие моего собственного положения: какое право имею я говорить о смерти человека? ⁵⁷ — Вопрос не лишней! и я ему скажу... Но, друзья мои, вы дадите за меня ответ вопрошающему, а я возвращусь к моему слову.

Вопросим паки, что есть смерть? — Смерть есть не что иное, как естественная перемена человеческого состояния. Перемене таковой не токмо причастны люди, но все животные, растения и другие вещества. Смерть на земле объемлет всю жизненную и нежизненную естественность. Знамение ее есть разрушение. Итак, куда бы мы очей своих ни обратили, везде обретаем смерть. Но вид ее угрюмый теряется пред видом жизни; стыдящаяся кроется под сень живущего, и жизнь зрится распростерта повсюду.

Но дабы в незыблемом паки утешении устремить взоры наши к неиссякаемому источнику жизни и к непрестанно

обновляющемуся ее началу, отвратим око наше от жизни и прилепим его к тому, что свойство смертности составляет. В изъяснении, данном нами смерти, мы назвали ее переменою; и понеже смертная перемена есть общая в природе, то рассмотрим, что есть перемена вообще.

Вещь, говорим, перемещается, когда из двух противоположных определений, которые в ней произойти могут, одно перестает, другое же начинает быть действительным; например: темно и светло, легко и тяжело, порок и добродетель. Итак, перемена вообще есть прехождение от одного противоположного определения вещи к другому. Но из шестивия природы явствует, что во всех переменах, в одной случающихся, находится между противоположностями всегда посредство, так что если в ней преходит что из одного состояния в другое, первому противоположное, то между сими двумя состояниями находится всегда третье, или состояние среды, которое не иное что быть кажется, как продолжение первого состояния и изменение вещи постепенное, доколе не дойдет она до состояния противоположного. Но и сие состояние, поелику есть токмо последствие из предыдущего, можно назвать продолжением. Итак, утвердительно сказать можем, что будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые. Если мы хотим сие представить себе чувственно, то вообразим что-либо начинающее свое движение колообразно, которое, двигаясь в одинаковом всегда от центра отдалении, движется до тех пор, пока, дошед до того места, откуда началось его движение, останавливается. Следственно, между первою точкою, где началось движение, которую назовем настоящим состоянием вещи, до той точки, где движение ее скончалось, которую назовем состоянием противоположным, существуют столько состояний, чрез которые вещь проходить имеет, сколько суть в окружности точек. Следовательно, когда движение вещи началось от одной точки и быть долженствует колообразно, то без препятствия особой силы движение вещи колообразное продолжится до точки последней, следовательно, последняя точка есть произведение первой. Или желаете другой пример. Возьмите яйцо; вы знаете, что оно посредством насижения может оживотвориться и быть птицею. Но видел ли в яйце цыпленок, хотя не сомнева-

емя, что он в нем содержится? А если захотим преследовать прехождение яйца в цыпленка и ежедневно будем наблюдать его, то увидим постепенное его приращение. Сперва окажется начало жизни — сердце, потом глава, потом стан и другие части тела постепенно до того часа, как чрез 21 день, созрев на исшествие, он проклянет скорлупу яичную и, явися пред создавшим свет живым уже существом, воскликнет аки бы: се аз на прославление твое! Из сего примера усматриваете, сколько состояний пройти имеет яйцо, дабы быть цыпленком. Из сего же видите, что все сии состоянья суть непрерывны и выходят одно из другого естественно. Следственно, состояние яйца и цыпленка суть проистекающие одно от другого; следственно, насижением из яйца цыпленок выйдет, если в том что не воспрепятствует. Таково есть шествие сил естественных, что они, прияв единожды свое начало, действуют непрестанно и производят перемены постепенные, которые нам по времени токмо видимы становятся. Ничто не происходит скоком ⁵⁸, говорит Лейбниц, все в ней постепенно.

Из всего предыдущего следует, что все переменяющееся не может быть непременно ни на единое мгновение. Ибо все переменяющееся (буде оно таково в самой вещи) иметь долженствует силу действовать или способность страдать; но, действуя или страдая, становится оно не то, что было. Итак, что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. Вообрази себе напряжение всего, вообрази глубоко насажденную в естественности действительность и вещей, что может ей противостать. Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее во след претекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно.

О, мера течения, шествия премен и жизни! о, время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! — Се безрассуднос желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и прихотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не внемля глаголу безумия, течет в порядке непрерывном. Нет ни единого в нем мгновения, которое бы возможно было себе представить отделенно, и нет двух мгновений, коих бы предела ознаменовывать возможно было. Не вслед текут они одно другому, но одно из другого рождается, и все имеют предел един и

общий. Наималейшее мгновение разделить можно на части, которые все свойству времени причастны будут; и нет двух мгновений, где бы третье вогнездить было невозможно. А поелику время есть мера деянию и шествию, то нет двух состояний вещи, между коими бы не можно было вообразить третье, или, паче сказать, нет двух состояний, между которыми бы назначить можно было предел; ибо едва одно скончалось, другое уже существует. И сие шествие столь стесненно, столь неразрывно, что мысль наша за ним итти может токмо вослед, а не одинаковою высотой; ибо вообразит себе мгновение и состояние вещи в псм, как оно уже претекло, и ты мыслишь уже в другом мгновении, и вещь находится уже не в том, в коем о ней ты мыслить стал, и мгновение уже позади тебя.

Приложим сие понятие о перемене к смертности человека. Жизнь и смерть суть состояния противоположные, а умирание — средовое, или то состояние, чрез которое скончается жизнь и бывает смерть. Мы видели, что во времени нет и быть не может отделений; мы видели, что и в состояниях вещи разделения существенного нет, и когда движение началось, то непрерывно есть, доколе не скончается. И поелику перемена есть прехожждение из одного состояния в противоположное ему чрез состояния средние, одно из другого рождающиеся, то жизнь и смерть, поелику суть состояния противоположные, суть следствия одно другого, и можно сказать, когда природа человека производит, она ему готовит уже смерть. Сия есть следствие той, и следствие неминуемое. И если бы мы имели о вещах познания нутрозрительные, то бы сия великая перемена в одушевленном, как то: прешествие от жизни к смерти, нам менее отделяющеюся казалася, нежели отделения дня от ночи *, ибо и сии существуют для того, что не можем им преследовать. Но представь себя, текущего по поверхности земли к западу ее, то-есть в противную страну ее обращения; представь шествие свое шествию земли равно скорое, то, начавши течение свое во время, например, полуденное, пребудешь в полудни чрез целые сутки и, пришед паки на то место, откуда началось твое шествие, найдешь паки время полуденное. Из сего при-

---

* Примеры чувств. Увеличь взоры микроскопом, увидишь на руках дыры; в чистой воде суть чудовища живые.

мера видим, что перемены суть токмо для нас столь отделенны в прехождениях своих, а не суть таковы по существу вещи.

Итак, не безрассудны ли наши стенания и вопль при умираии человека, если мы знаем и если уверены, что, родившись единожды, умереть ему должно? Сколь справедливее было некогда обыкновение рыдать при рождении младенца, по смерти же радоватися и расстание с умершими препровождать в пиршествах и веселиях. Когда неумолная смерть прострет на чело мое мразное свое покрывало и узрите меня бездыханна, не плачьте, о, возлюбленные мои, не плачьте! Помыслите, что смерть уготована была при рождестве, что она неизбежна, что яко бдение уготовляет сон, а сон уготовляет бдение, то почто не мыслить, что смерть, уготованная жизнию, уготовляет паки жизнь? — Столь в мире все непрерывно. О, возлюбленные мои! восторжествуйте над кончиною моею: она будет конец скорби и терзанию. Исторгнуты от ига предрассудков, помните, что бедствие не есть уже жребий умершего.

Поелику душа и тело находятся в теснейшем союзе, как то явствует из всех их взаимных деяний, то вероятно, что смерть или скончание жизни равно касается того и другого; и если смертию изменяется тело, что видим из простого наблюдения, то должно думать, что изменяется и душа; а поелику телесности отторженная душа чувствам нашим подлежать не будет, то, что ей последует по отделении ее от тела, надлежит постигать единым рассудком.

Опыты нам показывают, что во всех органических телах суть три состояния, или время в их бытии. Первое, когда органическое тело начинает подлежать чувствам нашим, то-есть рождение его и жизнь; второе, когда чувства наши не ощущают в теле органическом жизненных движений, то-есть смерть; и третье, когда вид и образ органического тела изменяются и от понятия чувств исчезают: сие называем разрушение, согнтие. Но сии состояния суть для чувств наших токмо отделенны, в естественности же каждая из них есть токмо звено непрерывной цепи перемен, то-есть постепенные развержения и облечения одной и той же вещи в несчетные виды и явления. Итак, повторим, что жизнь и смерть и даже разрушение в своей естественности не столь разделенны, как то кажется нашим чувствам; они суть токмо суждения наших чувств о переменах

вещественных, а не состояния сами по себе. Се первый луч надежды, о, возлюбленные! да торжествуют несчастные! се смерть им предстоит, се конец терзанию, се жизнь новая!

За смертью тела следует его разрушение. По разрушении же тела человеческого части, его составлявшие, отходя к своим началам, как то мы сказали прежде, действовать и страдать не престанут, ибо не исчезнут. Между бытия и небытия есть посредство вследствие того, что сказали выше; следовательно, одно не есть следствие другого непосредственное; следовательно, после бытия небытие существовать не может, и природа равно сама по себе не может ни дать бытия, ни в небытие обратить вещь, или ее уничтожить.

Душа, находясь в теснейшем союзе с телом, следует всем переменам, с телом случающимся, и, участвовавши в веселиях его и печалях, в здравии его и болезни, достигнет постепенно до того мгновения, когда тело умрет. Но умрет ли и душа с телом, и есть ли на сие возможность? Бude умереть она долженствует, то или все силы ее и могущества, все действия ее и страдания перестанут вдруг и она исчезнет в одно мгновение; или, яко тело, подверженное тысяче перемен, испытает она разные образования; и в сем последствии перемен будет эпоха, когда душа, изменяясь совсем, не будет душа более и, яко тело, разделяясь на части, перейдет в другие сложения. Третье кажется быть невозможным, ибо природа, как то мы видели, ничего не уничтожает ⁵⁹, и небытие или уничтожение есть напрасное слово и мысль пустая.

Обеспокоенные в невозможности небытия, мы рассмотрим вероятность разрушения души.

Если бы душа подвержена была всем переменам, котрым подвержено тело, то бы, как то мы сказали, можно было назначить мгновение, когда она совсем изменится и, яко тело, разрушаяся, не будет тело, тако и душа, теряя все свои силы помалу, распадется и не будет более душа. Но когда имеет быть сие мгновение? Разве тогда, когда не нужна она более телу, в коем испорченные органы, неспособные на содержание жизни, отчудятся и души, тогда разве душа исчезнет. Но мы видели, что тело не исчезает, что нельзя почти сказать теперь: умирает животное; ибо видели, что рождение его смерть уже ему уготовляло и разрушение. Итак, разве душа, теряя помалу свои

силы, с телом будет подвержена единому жребию. Когда тело здорово и в крепости, равно и душа; тело изнемогло и заболело, равно и душа; тело умирает и распадается на части, что же будет с душою? Орудия ее чувствования и мысли разрушились, ей уже не принадлежат, весь состав уже разрушился; но ужели в ней все опустеет, все пропадут в ней мысли, воображения, все желания, склонности, все страсти, — все, и ни малейшего следа не останется? Не можно сего думать; ибо не иное сие бы было, как совершенное ее уничтожение. Но поелику силы природные, как то мы видели, на уничтожение не возмoгают, то душа пребудет навсегда неразрушима, вовеки не исчезнет. И поистине, как себе вообразить, как себе представить части души и неминуемое их прехождение, преобразование (полагая, что они суть)? Части тела разрушаются, разделяются на стихии, из коих составлены были, которые паки преходят в другие составы. Части тела могут по чреде быть земля, растение в снeдь животному, которое будет в снeдь человеку; следовательно, человек, умерший за несколько лет прежде, будет частию существовать в другом последующем человеке. Но что будет из частей души? Какие суть стихии ее сложения, если бы она сложена быть могла? Куда прейдут сии стихии? — Не время еще ответствовать на сии вопросы; но можете видеть, сколь ответы гадательны быть должны.

Следствие всего предыдущего есть, что душа вовеки не разрушится, не исчезнет, что существовать будет вовеки; ибо, как бы далеко небытие от бытия ее ни отстояло, но таковое прехождение не может основываться ни в существе единых вещей, ни в существе сложных. Но если душа вовеки жива пребудет, то будет ли она страдать и действовать? Страдать и действовать для души есть мыслить, желать и чувствовать; ибо сии суть действия и страдания мыслящего вещества. Но как возможно душе, от тела отделенной, чувствовать и мыслить; ибо орудий чувствования и мысли будет она лишена? Сие так кажется. Но понеже душа уничтожению не может быть причастна, то мысль свойственна ей пребудет, как и бытие; ибо, какое вещество то бы ни было, всякое действует вследствие своих сил и способностей, то неужели одна душа будет сил лишена и, яко первобытная вещественность, недвижима и недействующая?

В дополнение вышесказанного присоедините и следующее размышление. Что научает нас, что мы без чувственности не могли иметь понятий, что сип суть единственно произведения ее и что самые отвлеченнейшие понятия первое начало свое имеют в чувственности? Ответ на сие самый легкий и простой: учит тому нас опыт. Но какие же имеем мы опыты, чтобы заключать, что душа в отделенности от тела будет лишена чувствования и мысли? Никаких, поистине, не имеем и иметь не можем; то и заключение наше о сем неправильно будет, и мы отрицать станем силу в природе потому только, что она нам неизвестна. Точно бы так сие было, если бы житель Египта, видя всегда зыбкую поверхность Нила, заключал, что невозможно вообще, чтобы поверхность воды твердела. Сколь сие суждение нелепо, участвующим жаркого и мразного небесного пояса внятно. Но оно основано на существе вещей и понятий наших, от опытов происходящих. Так и мы, заключая о безмыслии души в отделении ее от телесности, заключим сходственно понятий наших, в опытности почерпнутых; но истинность заключения сего может равняться заключению жителя Египта о невозможности замерзания вод.

Из всего вышеписанного если не можно нам заключить с увереннем, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности, то могло бы, может быть, для любящих добродетель найтиса что-либо убедительное, дающее доводам перевес победоносный. Но из самых доводов рождаются возражения, которые, оставшись без ответа, могут почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся. Если бы одна была возможность, что душа есть вещество само по себе, то убеждение из того последовало бы очевидное. Но доколе не опровергнутся, столь же вероятностию почтется и то, что душа, или то, что мысленным существом называем, есть свойство искусно сложенного тела, подобно как здравие или жизнь суть свойства тел органических. И сие возражение тем сильнее кажется, что оно осязательно быть зрится, а потому требует прилежнейшего рассмотрения и опровержения яснейшего и ни малейшего по себе сомнения не оставляющего.

Что обретаем мы в сложенном? Не то ли, что вещи, которые в некотором находились отдалении, сблизятся?

Не то ли, что вещи, которые находились в разделении, сообщаются, вступают в союз и составляют целое, сами становятся составительными его частями? Из сего сопряжения рождается: 1, некоторый порядок в образе сложения составительных частей; 2, силы и действительных частей чрез то изменяются, ибо в действии нового сложения то прерываемы, то споспешествуемы или переменяемы в направлении своем. Но может ли в целости сложенного явиться новая сила, которая начало не находилась бы в действительности составляющих его частей? Невозможно, поистине невозможно. Если бы все части, все начала, все стихии вещественности были бездействующи и в покое бы находились смертно, то сколь бы сложение их искусственно ни было, сколь бы ни изящно, погрязши в недействии и неподвижности, пребыли бы навсегда мертвы, не возмогаяй на произведение движения, отражения или какия-либо силы. И сие положение хуже было бы хаоса древнего, если было быть ему возможно; ночь вечная была бы ее сопутница, и смерть — свойство первое.

Однакоже примечаем мы в сложении целого благогласие или согласие, соразмерность, хотя в частях его нет ни того, ни другого. Например, звук одинаковый благогласия не имеет, но сложение многих нередко производит наивелелеснейшее. Стекланный колокол, на котором мокрый перст движется, едва ли, кажется, производит скрип; но кто слышал гармонику, тот ведает, колико внутренность вся от игры ее потрясается. Кирпич, камень, кусок мрамора и меди какую имеют правильность, какую соразмерность? Но взгляни на храм св. Петра в Риме, взгляни на Пантеон, и не почувствуешь ли, что и мысль твоя изящною соразмерностию сих зданий благоустроится? Но причина сего чувствования явствует из того, что уже сказали. Благогласие, соразмерность, порядок и все тому подобное не могут без различия быть понимаемы, ибо они не что иное значат, как отношение разных чувствований между собою в том порядке, как они нам предлагали. Итак, к сим понятиям принадлежит сравнение разных чувствований, которые вообще составляют целое, частям особенно не принадлежат. Могло ли бы родиться благогласие, если бы каждый звук не оставлял по себе впечатления? Могла ли бы быть соразмерность, если бы каждая оная часть не действовала на орган глазной?

Не можно сего и вообразить, ибо действительность в целом не может возродиться, если начало ее не в частях находится. Итак, во всяком сложном замечать нужно: 1, последование и порядок частей составительных в пространстве или времени; 2, сопряжение начальных сил и порядок, в котором они являются в их сложении. И хотя в сопряжении своем силы ограничиваются взаимно, изменяются, уничтожаются или паче препинаются, никогда из сложения, какое бы оно ни было, сила возродиться не может. Равно как бы кто, смешивая синюю краску с желтою, ожидал бы явления не зеленой, но красной. Частицы синие и желтые изменились, но в зеленом они суть присносущны; а красное явиться бы не могло, ибо красные частицы суть другого совсем существования.

Итак, заключение извлекая из предыдущего, сказать можно: если душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себе, но свойственность сложения, то она происходит, подобно благогласию и соразмерности, из особого положения и порядка частей, или же как сила сложеного, которая начало свое имеет в действительности частей, целое составляющих. Третьего, кажется, мыслить нельзя.

Благогласие, как то мы видели, проистекает из сравнения простых звуков, а соразмерность — из сравнения разных неправильных частей; ибо не имеют ни одинаковые звуки благогласия, ни отделенные части — соразмерности; следовательно, благогласие и соразмерность основание свое имеют в сравнении. Но где в природе существует оно, где может существовать, разве не в душе? Что есть оно, разве не действие мысленных сил, и может ли оно быть действие чего другого? Нигде всемерно; ибо звуки сами по себе следуют токмо один за другим; в строении камни лежат токмо один возле другого, существуя каждый в своей особенности, имея бытие отделенное; а благогласие и соразмерность суть принадлежности мысли, понятия отвлеченные и без мысли бытия не были бы причастны *. Но не токмо благогласие и соразмерность, но красота, изящность всякая и самая добродетель не иначе, как в сравнении, почерпают вещество свое и живут в мысли.

---

* Пантеон равен бы был Ивану Великому, если бы не было разумного вещества.

Скажите, можно ли из действия какой-либо вещи истолковать ее происхождение, и может ли причина, вещь производшая, понимаема быть из действия вещи или в нем существовать? Видя тень протяженную непрозрачного тела, можем ли что-либо заключить о причине, тело производшей, или сказать, что она есть вина существованию тела? Так и все, что есть действие сравнения, не может почтяться причиною, оное производящею. Если сказать можем, что насвист снегиря или песня канарейки родили канарейку и снегиря, то и соразмерность, порядок, красота суть сами по себе, а не произведения сравнения. Заключим, возлюбленные мои, не обинуясь, что поелику все вышесказанные свойства суть произведения сравнения, а сравнение предполагает суждение, а сие — рассудок и мысль, то все, что есть произведение сравнения, не может иначе быть, как в силе мыслящей и в ней токмо одной; итак, все сложенное, поелику к сравнению относится, начало свое имеет в мысленной силе. Засим возможно ли, чтобы мысленная сила, причина, вина и источник всяческого сравнения, возможно ли, чтобы она была действие самой себя, чтобы была как соразмерность или благогласие, чтобы ее целость состояла из частей, лежащих одна вне другой? ибо все сие действие мысли предполагает и не иначе может приять действительность, как чрез нее. Итак, поелику всякое целое, состоящее из частей, одна вне другой находящихся, предполагает сих частей сравнение, поелику сравнение есть действие силы мысленной, то не можно силу сию приписывать целому, из частей состоящему; ибо сказать сие то же будет, если скажем, что вещь происходит от своего собственного действия. Нелепость сия столь велика, что дальнейшее о сем распложение не иное что, как скуку навлечь может.

Вторая и последняя возможность, что душа, или мыслящее существо, проистекает от сложения телесных органов, состоит, как то видели, в том, что она есть сила или действительность сложенного. Дадим себе сие в задачу и рассмотрим оныя существенность, а потому и истинность.

Действительность, или сила сложенного, основание свое имеет в силах составляющих частей его. Например: шар Монгольфьеров имеет силу вознести человека превыше облаков, превыше области грома и молнии; но если бы

онный не был наполнен веществом легче воздуха, нижнюю атмосферу наполняющего; если бы не был сделан из ткани, для вещества сего непроницаемой; если бы количество его не было соразмерно подъемлемой им тяжести, то не мог бы он возвестись, не мог бы сделать то действительным, что до того времени едва ли возможным почитали. Следовательно, сила целого, или сложенного, происходит из действительности частей его. Силы же частей, целое составляющих, или сходятся с силою целого, или с оною суть несходственны. Что такое силы частей, сходящиеся с силою целого, довольно ясно. Например: возьми светильник, сплетенный из десяти свещей, из коих каждая имеет светильную отделенную. В сложении своем светильник дает свет, но свет сей происходит от того, что каждая светильня горит. Раздели свещи; они дадут каждая свет; сложи их, дадут все свет совокупно, но он будет сильнее. Но здесь не рассуждается о усугублении великости сил, а о их сходственности. Взгляни на Кулибинский ревербер ⁶⁰. Горит пред ним одна лампада, а вдавленная за ним поверхность отражает ее свет. Но сие отражение составлено из отражения всех зеркальных стекол, ревербер составляющих. Возьми одно из сих стекол: оно свет отразит; составь все вместе, они также свет отразят, но многочисленно: все будет свет, но ярче. Но мы рассуждаем, повторяю, о сходственности сил, а не о великости их. Итак, силы частей могут с силою целого быть сходственны или же силы частей не сходятся с силою целого и суть от нее отличны. Пример благогласия, происходящего от единственных и по себе особых звуков и в особенности своей ничего опричь простого звука не производящих, может здесь быть в объяснение. Слышали ли вы, любезные мои, роговую егерскую музыку ⁶¹, которая изобретатель у нас был обер-егермейстер Нарышкин и которая в действии своем с церковными органами столь может быть сходственна? Вам известно, что она исполняется посредством охотничьих рогов. Каждый рог производит один звук, и нередко звук весьма грубый; но искусством доведено, что хор роговой может играть разные музыкальные сочинения. И столь ясно действие, от общих роговых звуков происходящее, что буде находишься очень близко того места, где на них играют, то вместо благогласия слышны почти нестройные звуки. Удались от них,— зыб-

ление воздуха, стаповаяся плавнее в отдалении, отъемяет грубость роговых звуков, и благогласие явно. Сие может служить примером, поколику сила целого не сходствовать может с силами частей. Сие правило может иметь сотичные приложениа, и примеры оному могут быть многочисленны.

Вследствие сего скажем: силы частей, из коих происходит сила мыслящая, суть с нею сходственные, то-есть так же, как и она, суть силы мысленные; или же они с нею не сходствуют, то-есть, что силы частей, коих сила мысленная есть произведение, суть другого существа и не мысленны. Третье посредство кажется быть невозможно. Но мы видели прежде, что всякое целое происходит от сравнения, от соображения мыслящего существа и существовать может только в нем; ибо части суть сами по себе, силы частей суть сами по себе, существуя в своей особенности, действуя каждая сама по себе, но в сложении изменяясь токмо и ограничиваяся взаимным действием, сохраняя, однакоже, начальную свою свойственность. Упражняющимся в химии довольно известно, что соль кислая с солью алкалическою есть качества совсем отменного; произведи из них смешение, то выйдет из них совсем соль новая или соль средняя; и хотя действие соли средней не есть действие соли кислой, ни соли алкалической, однако она сохраняет в смешении своем пачальное свое происхождение, заимствуя свойства обеих солей. Итак, невозможно, чтобы сила новая в целом произошла единственно от действия взаимного сил частных. Но если таковая сила новая и от частных сил отличная должна понимаема быть в целом, то нужно, чтоб было мыслящее существо, которое оную составило из сравнения или соображения частных сил. Пример, выше приведенный, о смешении краски синей с желтою сие объяснит. Увеличительное стекло показывает их особенными и в самом их смешении; но глаз в смешении сем зрит зеленость. Таковых примеров можно из чувственности нашей почерпнуть несчетное количество. Итак, поелику происхождение силы целого, не сходствующей с силами частей, предполагает сравнение или соображение, а сии предполагают существо мыслящее, то следует, что сила мысленная не может проистекать из частей, таковой же силы не имеющих; следует, что сила, мыслящая в целом или сложеном, должна проистекать из

частей, силами равными одаренных, то-есть из сил мыслящих. Сие будет предлог нашего разыскания.

Сие мнение, что мысленная сила, а потому и чувственная, есть произведение частей, с нею сходствующих, при первом взгляде покажется вероятным; ибо 1, пребывания чувств наших суть различны: очи видят, уши слышат, язык вкушает, нос обоняет, осязание распростерто по всей поверхности тела; 2, когда враждебное орудие уязвит руку, боль чувствую в руке; когда огонь приблизится ноге моей, в ней сжение чувствую; когда яства вкушаю, приятность оных чувствуема в моей гортани; воздух благорастворенный, растягивая легкое без раздиранья, дает чувствование приятное; любовное услаждение чувствуемо наипаче в органах, на даяние жизни устроенных; 3, мы чувствуем, что мысль наша пребывание имеет в голове, и опытами знаем, что расстроенный мозг рождает расстроенный рассудок; но мозг есть тело сложное, имеющее части, следовательно, и мысли могут находиться в нем частно. Вследствие сего опыт учит, что чувствие распростерто по всем членам, а умствование скажет, что и мысль также распростерта. Но рука, от туловища отделенная, нос, от главы отъятый, что чувствуют? Но были примеры, что и без руки рука была чувствуема. Не обоняем ли часто то, что от носа отдаленно? Воззри на предстоящий тебе предлог, зажмурь потом глаза, — не зришь ли его пред собою? Отделенный от вас, о, возлюбленные мои, на целую четверть окружности земного шара, когда захочу вас видеть, воззову из внутренности мысленного хранилища образы ваши; я зрю вас пред собою, беседую с вами. Правда, се мечта, но глубоко она во мне насажденна, и, отдаленный, я живу с вами.

Рассудим еще и сис. В душе нашей находится несчетное количество понятий, познаний, склонностей, страстей, которых беспрестанная деятельность упражняет нас беспрестанно. Где находятся они? В коих частях тела лежат рассеяны? Или находятся разделенны иные там, иные инде, воспрянув единожды и никогда не повторяемы; или же все они в единую часть собираются, сопрягаются и составляют связь? Одно из двух: или каждая часть тела имеет силу мыслящую, следственно столько в человеке мыслящих сил, сколько в нем членов или паче стихийных начал; или же она есть едина. Если силы сии многочислен-

ны, пускай каждая из них душа есть совершенная, то нужно, чтобы все сии рассеянные души свои понятия и чувствования относили в единую среду, дабы составлялось целое; а без того, рассеянные везде, одна к другой не будет принадлежать, мысль не будет следовать мысли, ни заключение из посылок; не возможем мы ни вспоминать, ни сравнивать, ни рассуждать; одни могут быть понятия, но и то всякое по себе, отделенно, особенно, не входя ни в какую связь; и человек сего мгновения не будет ведать, тот ли он, что был за одно мгновение. Он не будет ныне то, что был вчера. Итак, нужно, чтобы для составления нашей единственности, нужно, чтобы была в нас единая мысленная сила и притом неразделимая, непротяженная, частей не имеющая; ибо если в ней подозреваемы хотя будут части, то паки выйдет разногласие частей, единую среду требующих; нужно паки прибегнуть к тому, нечто соображающему, соединяющему в едино, что частями производимо, действуемо, чувствуемо, мыслимо. Следовательно, стремясь в противную стезю, мы обрящем себя там, где были прежде. И что претит нам да назовем сие существо, особенность нашу составляющее, сию силу нашей мысленности, сие могущество, соединяющее воедино наши понятия, склонности, желания, стремления, сие существо простое, несложное, непротяженное, сие существо, известное нам токмо жизнью, чувствованием, мыслию, что претит, да существо сие назовем душею?

Не можно, друзья мои, не можно после всего сказанного усумниться более, чтобы душа в человеке не была существо само по себе, от телесности отличное, дающее ему движение, жизнь, чувствование, мысль. Она такова и есть в самом деле: проста, непротяженна, неразделима, среда всех чувствований и мыслей, словом, есть истинно душа, то-есть существо, от вещественности отменное, и хотя между сими двумя и есть сходствия (действие их взаимное то доказывает), но силы известные нам одной суть от сил другой отличны. А хотя бы кто еще и хотел назвать душу вещественною, то сие будет напрасное слово: вещь сама в себе, и то, что составляет мысль, что особенность каждого из нас составляет, наше внутреннее я пребудет ни сила магнитная, ни сила электрическая, ни сила притяжения, но нечто другое. А хотя бы она была в источнике своем с ними одинакова, то, проходя в теле органи-

ческим, в теле человека, проходя столь искусственные его органы, столь к усовершенствованию способна, что в соединении с телом она является силою лучше всех других известных сил, паче всех, лучше всех; а какова может быть, усовершенствовавшись в телесности нашей, то едва нам понимать возможно. И как бы то ни было, всегда нужно мыслящее существо, чтобы было понимаемо протяженное и образованное; понимающее предшествует всегда понимаемому, мысленное идет вослед мыслящему; нужно мыслящее существо для составления целого; без мыслящего существа не было бы ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего; не было бы ни постепенности, ни продолжения; исчезло бы время, пресеклось бы движение, хаос возродился бы ветхий, и паки бы настала вечность.

Для ищущего истину нелицемерно доказательства о бессмертии души могут распложаться по мере желания его познать сие таинство, ибо они рассеяны везде, и можно сказать, что вся природа свидетельствует о бессмертии человека. Но паче всего он в себе носит не токмо доводы и доказательства, что в смерти не есть его кончина; но он о истине сей имеет убеждение, убеждение столь сильное, что за слабостию умственных доказательств оно одно становится для него уверением. А хотя и не имеет он о бессмертии своем математическая ясности, но глас внутреннего его чувствования, но столь явная его личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее, едва ли о ссм, столь многим распрям подверженном предложении, едва ли не рождает в нем очевидность.

Доселе доводы мои были просто метафизические, единственно умозрительные, основанные на общем рассмотрении веществ; и хотя для кого-либо из вас убедительными быть могут, для других они покажутся слабы. Я сам знаю, чувствую, что для убеждения в истине о бессмертии человека нужно нечто более, нежели доводы умственные; и поистине, касающиеся до чувствования чувствованием должно быть подкрепляемо. Когда человек действует, то ближайшая причина к деянию его никогда есть умозрительна, но в чувствовании имеет свое начало, ибо убеждение наше о чем-либо редко существует в голове нашей, но всегда в сердце. Итак, для произведения убеждения о бессмертии человека нужны чувственные и, так ска-

зять, сердечные доводы, и тогда, уверив в истине сей разум и сердце, уверение наше о ней тем будет сильнее, тем будет тверже. Но прежде нежели мы обратим взоры наши на самих себя для отыскания доводов о бессмертии нашем, обозрим оком любопытным всю окрест нас лежащую природу; соберем рассеянные ее виды, о бессмертии человека уверяющие; потом, сошед во внутренность нашу, положим венец нашему рассуждению.

Воззри на все, окрест тебя живущее; простри любопытство твое и на то, что мы почитаем неодушевленным: от камня, где, кажется, явственна единая сила сцепления, где части, прилепленные одна к другой, существуют, как будто одна близ другой токмо положены, от камня до человека, коего состав столь искусствен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действители, в природе известные, суть сложенные воедино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего; в коем явны кажутся быть силы, вещественность превышающие и деятельностью своею, скромностию и энергиею участвующие силе всезидущей; от камня до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственна сия лествица веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется, различествуют, что единого другому обратным почесть можно с уверением; лествица, на коей гранит, рубин и адамант, железо, ртуть и злато суть однородны алою, тюльпану, кедру, дубу; где по чреде сии суть братья мотыльку, змие, орлу, жаворонку, овце, слону, человеку; лествица, на коей кристаллизация и минерализация заимствуют уже силы растительной, на коей коралл, губа, мох различествуют токмо утробною, в ней же зарождаются; лествица, на коей сила растительная, расширяя в другом сложении свою энергию, преходит помалу в раздраженность, а из сея в чувствительность, где чувственница и полип содействуют; лествица, где чувствительность, распложаяся в чувственности, совокупляется с умственною силою; где orang-утанг и пещери ⁶² кажутся быть единоутробны; потом все силы сии, тесняясь воедино и расширив свою энергию, отверзают уста в человеке на глаголанье и, влеча его насильственно в общественное сожитие, делают его способным постигать даже вселенная зидителя. О, смертный!

воззри на свою телесность! ты еси земля, прах, сложение стихий, коего дивность толика же в камени, как и в тебе! труп твой, столь благолепный в жизни, жизненные искры лишенный, есть снедь червию и участок согнания и разрушения. Но воззри на разум свой всеобъемлющий,— олттарь тебе готовлю: ты бог еси! Итак, двух конечных свойств заимствуя, вознесися превыше всея твари, над нею же поставлен, но не мечтай на земли быти более, нежели еси. Но ты человек, есть в тебе надежда, и степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай!

Если сия постепенность, если сия лестница восхождения в веществах не есть пустой вымысел и напрасное воображение, то неминуемо надлежит предполагать вещества превыше человека и силы невидимые. От самого неодушевленного даже до человека образы организации возрастают, и по мере искусственнейшего образа многообразнее становятся в нем действующие силы; но далее человека, изящнее и искусственнее его сложения мы не знаем. Он кажется быть венец сложений на земли. Но сии сложения, сколь они ни кажутся быть различны, имеют сходственность удивительную. Во всех трех царствах растение и соблюдение твари есть усвоение, да и самое питание в животных не что есть иное, как усвоение; во всех трех царствах различие полов кажется быть для расплодения необходимым, и что сие различие в царстве ископаемых нужно, кажется зарождение селитры и металлов суть тому доказательства. Но сии сходственности вообще возрастают, так сказать, постепенно к совершенствованию от неодушевленного даже до человека; и если захочешь преследовать единую из начинающихся сил и обрабатывание ее в различных организациях, то, взяв в пример единое усвоение, увидишь, что в ископаемых производит она охрустание, не говоря о других ее действиях, в растениях — цветы и плод, в животных — органы чувственные, орган мысли, мозг. Вообрази же расстояние кристалла от органа разума, и помысли, что может единая из сил естества.

Восхождение сие явно во всех сложениях. Чем сложнее искусственнее, тем части, его составляющие, многообразнее, различнее и более заимствующие от нижних

сложений. Все возможные силы, сколь нам они известны, соединены в человеке и действуют совокупно: в камени примечается простое усвоение; в растениях — сила растущая и плодящаяся; в животных — и то и другое, но паче чувствительность, мысль; а человек познает уже первую всему причину. Но неужели человек есть конец творению? Ужели сия удивления достойная постепенность, дошед до него, прерывается, останавливается, ничтожествует? Невозможно! и если бы других не было причин, то и для того только сие было бы невозможно, что человек телесностью своею столь много различествует от умственности своей, что, находя одной его половине сходственность с веществами нисходящую, нельзя не утверждать бытие восходящей сходственности с другою его половиною.

Уверение наше, что человек в настоящем своем виде не есть организации окончание, что он есть существо двустественное, уверение сие, почерпнутое из постепенности видов организации, почерпнутое также из постепенности в сложении естественных сил, получит немалое подкрепление, если мы рассудим, вождаясь в том прилежным природы наблюдением, что 1, никакая в природе сила не действует без органа, без свойственного ей орудия; 2, что никакая сила в природе не может пропасть ⁶³, исчезнуть; а если в том и в другом последовать может убеждение, то явственно будет, 1, что в человеке есть сила, которой тело его есть токмо орудие; 2, что сила сия и по разрушении тела не уничтожается, что может всегда существовать, может жить от тела отделенна, следовательно, что она есть бессмертна.

Что сила не есть орган и, наоборот, что сила не есть действие органа, что сила без орудия, ей свойственного, нам не может быть известна, что сила существует без органа, все сие доказывает опыт. Например: сила магнитная отлична от куска стали, чрез который явны нам ее действия; ибо соверши известные с оною силою опыты, выставь заостренное железо перпендикулярно, оно будет магнит; ударь по острию, магнитную силу имеющему, она в нем исчезает; три его паки в одинаковое направление, и паки приобщится к нему прежняя сила. Из сих опытов явствует, 1, что сила магнитная существует нам невидимо, и в железе; 2, что она нам явна бывает токмо тогда, когда приходит в железо; следует 3, что железо есть орган силы

магнитная, а не действие ее; следует 4, что сила магнитная есть сама по себе. То же можно сказать и о силе электрической и проч. И кажется, 1, что все силы естественные невидимы суть и нам явственны бывают токмо, действуя чрез свое орудие; 2, что они, нашед оное, к нему прилепляются.

Если же мы обратим взоры наши на силы, явственные в организациях, то более еще убедимся, что свойственный им орган нужен, да явственны будут, что они к органу своему прилепляются и что они оный устроят, да сами паки явятся во всем совершенстве. Когда зерно, разверженное теплотою, начнет расти, когда яйцо начнет образоваться в птицу насижением матки, когда животное зачнется во утробе самки, не можно ли сказать, что им сообщается теплота жизненная, как то железу сила магнитная? Но се и различие силы подчиненной, единственной, какова есть магнитная, от силы жизненной. Едва сия нашла свойственный ей орган, то, прилепяся к нему, усвоит себе все стихии, все силы подчиненные; разверзает или паче творит орган свой посредством усвоения совершеннее. Орган се совершенствует, и она с ним могуществует и достигает той вершины совершенства, которое орган се дать ей может. Что есть сила сия, жизнь дающая? Едва ли угадать можем, если скажем, что она есть свет, эфир или что-либо им подобное. Она ли есть средство между души и тела? Она ли есть ее вожатый на образование тела? Что бы то ни было, силе нужен орган, да действует, да явится в деяниях своих; следует, что тело наше есть орган нашей души, в коем действия ее разнообразно являются. И положим, что душа наша есть вещественна; положим, что она не иначе действует, как и другие силы; положим и то (и сие вероятно), что они в теле посредством нервов чувствовать изучились, что посредством мозга изучились мыслить; положим и то, что она есть та же сила, которая является нам в других образах, например в движении, в притяжении, в раздражительности; но может ли сила какая-либо пропасть, уничтожиться? Ибо, что такое назовем силы уничтожение? Мы видели, что сложенное может токмо разрушиться, но остаются части; но как вообразить разрушение силы? Даже понятие о сем есть противоречие само в себе, более противоречие, нежели сказать, что печто в ничто обратится. Что всеоживляющий, говорит Гердер, к жизни

воззвал, живет; что действует единожды, действует вечно.

И понеже вообразить себе не можем, как сила какая-либо уничтожится, кольми паче нелепо есть воображать, что начало, в человеке действующее, что мыслящее его существо, что душа его уничтожиться долженствует, когда она есть сила, когда сила от органа отлична и не может быть его действие, то как вообразим ее уничтожение, уничтожение силы из всех на земли благолепнейших, себя самою познающих, собою управляющих, в деяниях своих уподобляющихся силе творчей? Она ли может уничтожиться, когда ни единая пылинка, атом единый, не могут изыти из пределов творения! ибо что есть уничтожение? Изъятие из вселенной, претворение в ничто. То и другое суть пустые слова, и опровергать их будет токмо времени потеря бесплодная и невозвратная. Нет! не токмо сила, в человеке чувствующая и мыслящая, не исчезнет; но вследствие непрерывного шествия, в природе явного, она перейдет в другой вещей порядок. Ибо, если в природе явно, что нижняя организация служит для высшей; если грубые земные части в растениях претворяются в тончайшие; если сии суть съедь животным, а все служат человеку, по изречению одного автора ⁶⁴, наивеличайшему убийце на земли; если в животных низшие и простые силы претворяются в сложнейшие и тончайшие; если сия элаборация столь приметна в нижней естественности, ужели она остановится при человеке? Если растения и самые животные служат человеку в съедь, к чему же нужен его мозг и нервная влажность и то, что раздраженность мышц делает? Все силы стремятся выше, да в человеке соединены будут; ужели силы, в нем усовершенствованные, ни к чему не послужат? Ужели наилучшая организация определена разрушиться, не оставляя по себе ни малейшего следа? или же все силы, теснившиеся в сложении человека, будут напрасны и токмо разойтись определены? Нет; столь безрассудно божество не определяло! тут не было бы цели, ни намерения, и мысль всесовершенная, всемогущая, предвечная была бы пенацеленна! Се хуление!

Нашед для нас самих, по крайней мере, в общем шествии естественности некоторое уверение, что душа наша, яко единая из сил естественных, исчезнуть не может по

разрушении тела, к нему же здесь живет прилепленна, мы постараясь отыскать в нас самих чувственных доводов, которые бы водворять могли в душе нашей ближайшее убеждение о ее нетленности; дабы из того усмотреть, угадать, или же предощутить токмо, хотя несовершенно, каково будет ее состояние по отделении ее от тела.

1. Сколь ни искусственны суть доводы Гельвециевы ⁶⁵, что все деяния разума суть не что иное, как простое чувствование; что способность понимать, судить и заключать не что иное есть, как чувствовать способность; но хотя бы то так и было, из того следовать только может, что чувственность есть токмо орудие разумных сил, но не действует; что чувствовать (то-есть получать на чувства наши ударения предметов) есть самая сила, чувствованиям и мысли действительность дающая. Но паче наблюдения чувствований наших учат нас, что мысль от чувств совсем есть нечто отделенное; ибо когда предмет какой-либо предстоит очам моим, каждое око видит его особенно; ибо зажмурь одно, видишь другим весь предмет неразделимо; открой другое и зажмурь первое, видишь тот же предмет и так же неразделим. Следует, что каждое око получает особое впечатление от одного предмета. Но когда я на предмет взираю обеими, то хотя чувствования моих очей суть два, чувствование в душе есть одно; следовательно, чувствование очей не есть чувствование души: ибо в глазах два, в душе одно. Или же, я вижу колокол, я слышу его звон; я получаю два понятия: образа и звука; я его осязаю, осязаю, что колокол есть тело твердое и протяженное. Итак, я три чувствования имею вдруг, совсем разные, ибо получены мною разными чувствами, но вдруг, в одно мгновение; но я себе из трех чувствований составляю единое понятие, и изрекши: «колокол», все три чувствования заключаю в нем. Итак, хотя все три чувствования различны, я вдруг их понимаю; и хотя понятия об образе, звуке, твердости и протяженности суть различные, но существуют в душе совокупно. Итак, чувствование или ударение предметов на чувства наши суть от понятий нашей мысленных сил отличны.

Если же отличны суть понятия от чувствования и деяния силы от органов чувственных отличны, то наипаче отличаются от чувственных впечатлений наши суждения, а паче того еще заключения. Суждение есть сравнение двух

понятий, или познание отношений, существующих между вещей. Но вещи существуют сами по себе, каждая в своей особенности; познание же отношений их, сравнение оных предполагает сравнителя. А как вещи производят на чувства наши простые токмо ударения, то суждения от чувствований суть отличны. Не имею нужды расплывать слова о заключениях и рассуждениях, которые суть извлечения из суждений. И хотя все наши понятия, суждения и заключения и самые отвлеченнейшие идеи корень влекут от предметов чувственных, но можно ли сказать, что отвлеченная идея есть чувственна? Они суть истинные произведения мысленных силы; и если бы она в нас не существовала, если бы она быть могла токмо следствие нашей чувственности, то не токмо наука числ и измерения не могли бы возродиться, но исчезла бы вся нравственность; великодушные, честность, добродетель были бы слова без мысли и — о, всемогущий! погубилося бы твое всемогущество. Да не возразят нам примером отроковицы, обретенной в лесах Шампани ⁶⁶, что я покоюся и сплю, из того следует ли, что уже руки мои не осязают и ноги ходить перестали? Когда бы сила умственная не была сила по себе, Ньютон ⁶⁷ был бы не лучше самоеда, и падшее на него яблоко расшибло бы ему токмо нос, и притяжение небесных тел осталось бы неугаданным.

2. Душа в человеке не токмо имеет могущество творить понятия, как то мы видели, но она есть истинный оных повелитель. Когда чувства отнесли ей собранные образы предметов, на них ударявших, когда память соблюла их в своем хранилище, кто может сам у себя отрицать силу воздавать соблюденную мысль в действительность? От сна аки бы воспрянув, велением моего души мысль облекается паки во образ свой и выходит на зрелище пред воззавшую ее. Но сего еще мало. Протекая все исполненные образами вещей хранилища памяти, сила умственная не токмо может их по желанию своему воззывать на действительность, но, аки новая Медея ⁶⁸, рассекая на части все образы соблюденные, творит из смешения их образ совсем новый, прекраснейший. Энеида, Генриада — суть ли простые изречения чувствований? Законоположение Ликургово ⁶⁹, паче всех земных законоположений согласнейшее во всех частях своих, есть ли произведение чувств? Иль ухо, или глаз, или нос были их тво-

рители? Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены во Эдеме ⁷⁰, когда ты воззришь на изображение последнего суда ⁷¹ и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела, то и я на то согласен, отрицаю во главе твоей быть силе; ты кукла Вокансонова ⁷².

3. Ничто, по мнению моему, толико не утверждает, что душа есть сила, и сила сама по себе, как могущество ее прилепляться по произволению своему к одной идее. Сие называем вниманием. И, поистине, когда возникнет в душе воля и велением ее воззовется от покоя идея на действительность, воззри, как душа ее обозревает, как она ее раздробляет, как все ее виды, стороны, отношения, следствия она обтекает. Все другие мысли воззываются только для того, чтобы та, на которую устремлено внимание, становилась яснее, блистательнее, лучезарнее. Сравни устремляющего на идею все свое внимание с тем, коего внимание в разные расторжено стороны. Один из них — Эйлер ⁷³, другой — большого света стрекоза, расчесанный в кудри и ароматами умащенный щеголь. Что душа мыслями повелевать может, доказательство тому имеем в состоянии сна и болезней, не исключая и самого безумия.

4. Сон есть то, худо еще познанное, ежедневно возобновляющееся состояние животного, в котором действие внешних предметов на все или некоторые его чувства ему бывает неизвестно. В сем положении мысленность его на приобретение новых понятий неспособна, ибо чувства внешние покоятся; но творительная ее сила не коснеет. Проходя хранилище своих мыслей, она отвлекает от сохраненных понятий свойства по произволению своему и, сопрягая их, вследствие совсем новых правил, производит образы, коих единая возможность для бдящего есть неистощимая загадка. Нет для нее невозможного; свойства, которые противоречащими быть кажутся, для силы умственной, отвлеченной от чувств, суть сходственны; из неправильного она в сновидении творит правильное, из уродливого благолепос; то, что во бдении она едва ли подозревать быти возможет, во сновидении воззывает в действительность. Происшествия целых столетий вмещает она в единую минуту; пределы пространства почти уничтожает своею быстротечностию; беспредельное она

измеряет единым шагом и, преторгнув течение времени, объедает вечность. О, сон! брат смерти и смежность вечности! прости мрачный покров твой на томящееся сердце! да возникнут образы возлюбленных моих предо мною! Да лобжу их и блаженствую!

5. Если мысли сновидящего кажутся быть расстроены по той единственной, может быть, причине, что чрез меру живы суть, то с удивлением взирать должно на лунатиков, или ночных бродяг. Все известные о них примеры доказывают, что они в сонном своем хождении не токмо следуют правильному расположению мыслей, но что в сем положении власть мысленности над телесностью не исчезает; ибо лунатики имеют употребление своих членов подобно бдящим. Что они в сем состоянии предприемлют, поистине удивления достойно. Чужды всякого устрашения восходят на высоты, на которые во бдении с ужасом взирают. Сказать, как некоторый немецкий писатель, что они для того отважны, что не знают опасности, в которую вдаются, есть не иное что, как мнить, что можем всему назначить ясную причину. Конечно, лунатик, идущий по кровле высокого строения, не знает опасности; но опасность существует ли для него, или кто его от нее блюдет? Если тот, кто по веревке ходить изучен, опасности в том не знает, то следует ли, что и другой оный отчужден? Опытность, искусство дают сему лучшее шествие. Лунатик, коего чувства внешние в бездействии, вождается источником чувствования и мысли — душею.

6. В состоянии сна, когда душа чувств лишена, тогда простая идея толико же жива, толико же явственна, как наивживейшее чувствование. То же самое происходит и в некоторых болезнях. Отторженная насильственно, так сказать, от союза своего с телом болезнию его, она с вящею действительностию вращается сама в себе. Наудивительнейшие тогда бывают явления, коими врачебные летописи изобилуют. А чтобы не искать дальнейшего примера, будучи я болен жестокою лихорадкою, бывали мгновения, в которые я со врачом, предприявшим тогда мое пользование от сея болезни, говорил латинским языком столько плавно и правильно, что когда по прошествии моей болезни о том мне сказывали, я дивился тому немало; ибо хотя я разумел язык древнего Рима, но весьма посредственно, дабы не сказать худо, и никогда не изъяс-

нял на оном моих мыслей, и всегда мне стоило великого труда сложить период единый. Итак, посредством хотя мозга, но внутреннею своею силою, душа, в каком бы ни была состоянии, не может отчудиться своей деятельности в творении мысли; и если не может творить что-либо правильное, творит хотя уroda, но творит, созидает, жидет.

7. Воззри на лишенного рассудка, воззри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее, что орган мысли расстроенный равняет их скоту, зверю. Но наблюдаи шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как они ему представлялися, последование его мысли не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам; се вышняя токмо степень внимания; и для того, различныя ради хотя причины, по просторечию речем: юроде! ты еси человек божий!

8. Наблюдали ли вы когда-либо, какому направлению следует сочетание наших идей? Приметили ли вы, как с детства душа ваша училася сравнивать, измерять, училася совершенно и посредством чувств? Но как можно сказать, что чувства наши чувствовать училися? Не они, но душа; ибо образ, в глазу начертанный, был с первого дня таковой же, как днесь. Но ведало ли дитя, что есть сей образ? Взирая на Ивана Великого, чувствует ли оно уродливую его соразмерность? Или: рассматривая Баженовы ⁷⁴ образцы зданий, понимает ли, что в зодчем сем присутствен дух Браманта ⁷⁵? Когда бы я не имел убеждения ниоткуда, что сила душевная, что разум есть особое что-либо от телесности, то вообразил бы я себе Фридрика II в его детстве, взирающего на устройство войск принцом Ангальтским, и потом стоило бы мне токмо взглянуть на его размерение долины при Молвице ⁷⁶. Там взор веселящегося куклами; здесь око орлиное, одушевленное славы алчною. Там есть токмо простое чувствование; здесь мысль ироя, преходящая в действительность. О, если бы, великий муж! слава твоя не стоила толиких слез человечеству, толиких стенаний! —

9. Мне кажется, одно из сильнейших доказательств о бестелесности души можем мы почерпнуть из нашей речи. Она есть наилучший и, может быть, единственный

устроитель наша мысленности; без нее мы бы ничем от других животных не отличались, и сие доказывают жившие нечаянно от людей в отдалении совершенном. Кто сказать может, что речь есть нечто телесное? Тот разве, кто звук и слово почтет за одно. Но поелику различествуют сии, тако различествует и душа от тела. Звук ознаменует слово, слово возбуждает идею; звук есть движение воздуха, ударяющего в тимпан органа слышания, но слово есть нечто живое, до тела нашего не касающееся; слово идет в душу; звук в ухе исчезает.

10. Чувственное расположение тела всякого животного уведомяет, что оно существует, что оно живет. Равно чувства напоминают человеку о его чувственности; но сие познание своего бытия в животном столь тупо, столь мрачно, так сказать, что с самопознанием человека ни в какое сравнение войти не может. Он один столь живо, столь ясно ощущает, и что он существует, и что он мыслит, и что мысль его принадлежит ему. Когда душа его возносится к познанию истины и он ее уловляет в ее святилище, тогда-то наипаче возрождается в нем яснейшее познание бытия своего, и сия ясность его особенности, столь живая, столь единственная, столь неразделимая, знаменует внутреннее его могущество, силу в нем живую.

Возражают утверждающим души бестелесность, а потому и бессмертие, что тело действует на нее всемогущественно; но внимали ли вы когда, колико власть души над телом оное превышает? Мы видели, что мыслями она повелевает, что рождает она их; но она толико властвует или может властвовать над нашими желаниями; но не токмо над желаниями, но над самую болезнь телесною она владычествовать может, и не токмо владычествует над нею, но, яко сон, производит то невольным образом, человек может сложить с себя чувствительность самопроизвольно и жить бестелесен в самом теле. Рассмотрим все сие порознь и перейдем потом к способности совершенствования в человеке, в которой мы обрящем корень будущия наша жизни.

1. Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностию столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука твоя? скажи, что движет твои ноги?

в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? Конечно, и то и другое или тому подобное. Но как бывает, что мысль, и всегда почти неясная, движет член? Ты скажешь: не ведаю; и я скажу то же. Но в том согласиться должен, что сколь бы махина ни была искусственна, какая бы из вещественных сил, oprичь мысли, ей ни была дана, то никогда не произведет действия, подобного твоему; ей будет нужен источник движения, который живет в тебе: она себе велеть не может. Толки ее, она движется, а без того стоит; но движение твое принадлежит тебе: ты еси единый от источников оного. И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, — и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действование; всеспильный рек: да будет свет, — и бысть. И ты речешь себе: иди, — и шествуешь. О, человек! В округе своей ты всесилен; ты еси сын мысли! ты сын божий!

2. Колико человек властен над своими мыслями, толико же он властен и над своими желаниями и страстями. Хотя мы видим, что большая часть людей предаются стремлению оных, но суть и были примеры, что люди страсти свои совсем погнали; и хотя оно безумием кажется и казаться может и нередко то быть может, но тут видима власть души над телом, и власть сия есть самодержавна. Протеки житие древних пустынножителей и скажи, что тело их было душе не подвластно. Если удивляешься воздержанию Сципиона, не хотевшего зреть своя прекрасная пленницы, то для чего же не дивишься воздержанию пустынножителей? Умерщвление страстей совершенное есть уродливо, ибо противоречит цели естественной, но есть явное и сильное доказательство власти души над телесностию. Если бы и душа была телесности действие и произведение организации, то примеры толикого безумия не могли быть никогда. И се видишь, что и в самом отчуждении рассудка душа действует, вследствие особых правил, и не телесно.

3. Но самые страсти, самые желания наши суть действия нашея души, а не телесности. Хотя корень их веществен есть, хотя и цель оных нередко такова же; но что дает страсти в человеке толикую энергию и силу?

Что силы дает ему на преодоление препятствий? Все, что делает тело, все вяло, все тяжело. Душа действию дает жизнь, и все легко. Воззри на влюбленного, воззри на сребролюбца, воззри на алчущего славы. Или думаешь, что одна телесность их вождает? И дабы менее усомниться, что не токмо душа дает страстям ту удивительную действительность, которая в них примечается, то возьмем в пример наителеснейшую из страстей, любовь. Кто не знает, что любовь платоническая на земле есть бред, что источник и цель любви суть телесны? Но вообрази себе все, что человек любви ради подымлет; пройди примеры многочисленные, где любовь, отделяясь своего начала, где цель свою теряя из виду, дает душе влюбленной (ей! душа влюбленна есть) столь силу превосходную, энергию толико божественную и плоти отчужденную, что любовь тогда становится мысленна. А дабы убедиться, что страсть есть действие, и действие ее единственное, то сколь скоро тело становится части причастно, то страсть исчезает. Из сего судить можем, чем предмет страсти менее веществен есть, тем она живее быть может и продолжительнее; чем удовлетворение страсти бестелеснее, тем страсть продолжительнее. О, дружба! о, страсть души уладительная! если ты на земле бываешь надежнейшая отрада сердца, то что будешь ты, когда душа, отрешенная от чувств внешних, сосреждаяся сама в себе, вознесет действительность свою на превыспреннейшую возможность? Какое будет наше чувство, когда усретимся за пределами мира сего? Где взять ему имя, когда едва ли мысль может его постигнуть? Пускай я брежу; но бред мой мое блаженство есть; и разве зависть, разве мучительство захочет прервать мое сновидение! не бойтесь; мгновение сие изъято из пределов мира, и кто за них возможет?

4. Что душа или мысленность властвует над болезнями тела, то может быть и бывает двойко. Болезнь возможет она дать телу и болезнь отъяти. Я не утверждаю, что все болезни в мысленности имеют свое начало; сие было бы нелепо и опытам противоречает. Но если во множестве неисчисленном оных суть несколько, которые суть мысленности действие непосредственное, то утверждаемое мною уже более нежели вероятно; равно не утверждаю, что на все болезни лекарство существует в мысленности или душе. Но если имеем примеры явные, что многие един-

ственным и простым действием души были исцеляемы, то кажется, что бы и сии духовные лекарства достойны равное в диспейсториях заслуживать место, как то: хина, меркурий и весь прочий аптекарский припас. Если кто спросит у меня: каким образом душа дает болезнь телу, и как она его лечит? Лечит она его, не щупая пульса и не смотря на язык; болезнь же дает, не отравляя. Более не скажу, ибо не знаю; но то, что всем известно быть может, на том основан будет мой довод.

О! вы ⁷⁷, на коих печаль простирала свое жало, свидетельствуюся вами. Вас видел я в изнеможении телесном, вас бесчувственными я зрел, когда разящая весть блаженства вас лишенных объявляла. Или единое слово столь могущественно быть может, что угрожает жизни? Но что оно? Зыбление воздуха. Ужели он толико мгновенно может исполняться ядом и отравою, что шлет смерть и болезни? Какая зараза рассеет в нем мгновенно; какое вещество, какое химическое действие воздух жизненный может минутно претворить в воздух горючий и смертоносный? — Но на что печали посредство зыблющегося воздуха, — да произведет в тебе болезнь, обморок, бесчувствие? Се лист, се хартия дается тебе в руку; черты изображения на ней произвольные. И се чело твое бледнеет, мутятся взоры, нем стал язык, мраз обтекает всю твою внутренность, и труп твой валится долу. Или паче ядовитого взора баснословного василиска хартия сия и черты отраву носят? Или же зелием паче мышьяка и сулемы они упитаны? Не манкательное ли се древо ⁷⁸, мертвящее всех, под листовием его покоящихся? Но почто же один ты страдаешь? Почто электризуем ты один? — Возлюбленные мои! нет нужды нам искать решшия задачи сей инде: она имеет корень в мысли. Слово, изреченное или начертанное, возбуждает волнение мысленности. Расстроенность произведет болезнь. Душа болит, душа страдает: оттого болит и страдает тело. Когда источник отравлен, возможен ли истечение его быть здорово? Я прохожу здесь многочисленные и неисчетные примеры действия души над телом, коего конец была болезнь. Но дабы временно хотя улыбаться, говоря о страданиях человечества, мне помнится, где-то я читал, что женатый муж ощущал всегда страдание, когда жене его время приспевало разрешаться от беременности. Находят в сем

примере иные отменно сходственное сложение нервов; но я, признаюсь, сего истолкования не понимаю; другие же, разрешая узел, говорят: се вымышленное!

Придем на мгновение к увеселительнейшим предметам и ощутим души над телом действия благотворного. На всех сослаться в том можно, да и кому того испытать не случилось или быть свидетелем самому, или же слышать от свидетелей достоверных, сколь существительные иногда бывают действия души над телом. Кому не случилось быть больным и получить или же чувствовать хотя мгновенное облегчение при посещении возлюбленных нами? Древность сохранила нам пример (жаль, что история часто не что иное есть, как рассказы), сколь душа возможет дать болезнь телу и сколь могущественно она его исцелить может.

Юноша ⁷⁹ в бодрственных и цветущих летах начал изнемогать во здравии своем; увяла лица его живость, твердость мышц его онемела, смертная бледность простерлась по челу его, и, лишенный сил, на одр возлег. Все врачебные средства, все лекарства были напрасны, и болезнь его ускользала от проницания врачующих; восседая при одре болящего, единый от них, совокупляя с искусством своим дух любомудрственный, столь редкий в сем соединении, приметил в юноше движение необычайное, когда приходила младая Стратоника, жена отца его, а его мачеха, к нему на посещение; кровь текла быстрее, взоры яснее становилися, и юноша воззывался к жизни; когда же она отходила во свои чертоги, то паки истощивались его силы, и смертвещательная слабость обымала его паки, и каждый раз с вящим стремлением влекла его ко гробу. Удостоверясь в истине сей, он глас утешительного дружества простер во уши болящего и, возывая надежду в отчаявшееся блаженства сердце, извлек из стнящего сердца таинство, которое добродетель сама от себя скрывать тщилася под густейшим мраком. Краснеть, стыдиться уже немощен, вещает юноша ко утешающему врачу: кровь мерзнет, чувствую, и отлетает жизнь; се вожделенная смерть!.. Прииди, о, жизни моей жизнь! услышь последнее прощание! твой взор остановит отлетающую душу; произнесу имя твое и умолкну навеки!— Подав надежду умирающему, врач уведомляет немедленно отца о испытанном таинстве. Любя жену, но любя

сына, любовь отца в хладном уже от старости теле превозмогла слабую, может быть, страсть и тем паче, что он зрел, сколь любовь сына его была целомудренна и, сокровенна в едином его сердце, довела его до преддверия гроба. — Почто скрывал ты скорбь свою от отца своего? — вещает старец. Живи, если жить можешь, с Стратоникою: она твоя! — О, любовь! богов и человеков услаждение! ты к смерти юношу приблизила, ты паки ему жить повелеваешь. — Он стал здоров и верный супруг возлюбленной Стратоники, был блажен. Если пример сей есть не что иное, как изобретение стихотворческое, то и тогда он истинен: ибо в пределах лежит естественности, есть не чрезмерный и не токмо возможный, но вероятный.

Множество есть примеров исцеления болезней без всякого врачевательного посредства. Те, кои рассудить не хотят или не умеют, находят в них всегда чудесность, и чем менее просвещения, тем чудес больше. Многие повести о таковых чудесах суть лживы, но многие могут быть вероятны; если то истинно, как то увидим, что мысль может человека лишать чувствительности, то для чего дивиться, что надежда излечения излечить может? Примеры таковы бывали и бывают и, отложив все баснословное из происшествия излечившейся девки в Москве после сновидения, что она выздоровела без лекаря, то правда. Приписывают то непосредственному содействию божества, то есть противоестественному действию его могущества. О, всевышний! уста мои заграждены на таковое существа твоего уничтожение! Действие то божественныя силы, то истинно; оно есть непосредственно или является чрез посредство какое-либо, того не ведаю; оно чудесно, ибо необыкновенно. Но как быть ему чрезестественну? Всеотче! Ты еси повсюду! Почто ищу тебя, скитаяся? Ты во мне живешь; и если мы помыслим, то чудеса твои ежечасно возобновляются, но не исходя за пределы естественности; в ней нам ты явен, явен впоследствии непреложных и непременных ее законов, тобою положенных. Естественность твоя есть чувственность; что ты без нее, как ведать нам?

5. Что мысленность и телесность в тесном находятся сопряжении, то всяк ощущает; что действия их суть взаимные, то всякому известно; но что человек забывать может свою телесность и жить почти в своей душе или мысленности, тому не все верят; да и не всяк толико вла-

ствуя над собою, чтобы таковую в себе отделенность производить мог. Возьмите все примеры древние и новейшие, в коих мысленность столь является блестяща и пренебрежена телесность; вспомните Курция ⁸⁰, во хлябь разверстую низвергающегося; вспомните Опдама, Сакена ⁸¹, с кораблями своими возлетающих; приведите на память многочисленные примеры отторгнувшихся жизни и возлюбивших смерть; соберите все примеры отъявших у себя жизнь из единого оныя пресыщения, примеры, в Англии столь частые; болезнь *спли* почитается тому причиною. Но что бы то ни было, везде явна власть души над телом. И поистине, нужно великое, так сказать, сосредижение себя самого, чтобы решиться отъять у себя жизнь, не имея иногда причины оную возненавидеть. Ужели скажут, что и тут действует единая телесность? Как может сгущение соков или другая какая-либо погрешность в жизненном строителстве произвести решимость к самоубийству, того, думаю, никто не понимает. Но когда душа вещает телу: ты узы мои! ты моя темница! ты мое терзание! я действовать хочу, ты мне воспящася! да рушится союз наш, прости во-веки! то сколько бы жало смерти болезненно ни было, притуплено единою мыслию, сладостнее, увеселительнее становится паче всех утех земных. Если покажется кому-либо, что лишить себя жизни не столь много требуется твердости духа, как кажется, ибо прехождение сие есть мгновенно, миг един, — то сомневающимся еще во власти души приведем в пример тех, которые не токмо смерть пренебрегли и равнодушно на нее взирали, но толико мысленностию отделялися от тела, что всякое мучение для них было легко и терзание нечувствителью. Воспомяните Амвросия ⁸², умирающего под повторяемыми ударами разъяренной и суеверием подстрекаемой московской черни. «Господи! отпусти им! — был глагол праведного: — не ведают бо, что творят!» — Воспомяните Корнелия де Вита ⁸³, поющего Горациеву песнь среди бунтующей амстердамской черни, оранпанскими общниками прельщенной. Примеры мучеников, примеры диких, смеющихся среди терзаний, вам известны; и если не власть души тут явна, то где ж она быть может? А если и сие не убедительно еще, то кто не знает, что Руссо многие из своих бессмертных сочинений написал среди болезни непрестанной. Мендельсон ⁸⁴, страдавший от

несказанные слабости нервов многие лета, мог терпением, напряжением мысли еще в старости своей вознестись паки на высоту своея юности. Гарве⁸⁵ чрез долгое время не мог ни читать, ни писать, даже мышление его было ему тягостно, превозмог оное и написал потом изящные примечания свои на Цицерона; но се его слова: благословенна буди, — вещает он, — и самая немощь болезнующего тела, толико часто меня научавшая, сколь дух над телом возмогает! Верьте, то ведаю от опыта моего, что напряжение духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему жизнь новую. Также ведаю, когда душа покоится, то и волнующаяся кровь тихое приемлет обращение, и востревоженные соки жизни смиряются; самая болезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающагося отпорствующа ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю; но то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несетя в страну мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна.

Конец третьей книги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Вот, мои возлюбленные, все, что вероятным образом в защищение бессмертия души сказать можно. Доводы наши, как то вы видели, были тройкие: первые почерпнуты были из существа вещей и единственно метафизические. Они нам непрерывным последствием посылок, одной из другой рождающихся, показали, что существо, в нас мыслящее, есть простое и несложное, а потому неразрушимое, следовательно, бессмертное, и что оно не может быть действие сложения нашего тела, сколь искусственно оно ни есть; вторые, основываясь на явственной восходящей постепенности всех известных нам существ, но возглавляя сея постепенности, сея лестницы, в творении зримой, явили нам человека совершеннее всех земных сложений и организаций; в нем явны виделись нам все силы естественные, теснящиеся воедино, но видели в нем силу, от всех сил естественных отличную. Из того вероятным образом заключали, что человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать, ибо если невозможно и само в себе противоречащее, что какая-либо сила в

природе исчезала, то мысленность его, будучи всех сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может. Третьего рода доводы, заимствованные из чувственности нашей, из нас самих извлеченные, показали нам, что мысленная в нас сила от чувственности отлична, что она хотя все свои понятия от чувств получит, но возмoгает творить новые, сложные, отвлеченные; что она властвует над понятиями нашими, воззывая их на действительность или устремляясь к единой; что в отвлечении случайном от тела мысленность не забывает творительную свою силу, как то бывает во сне или в некоторых болезнях; что сочетание наших идей с детства, что речь наша, а паче всего, что явственное наше о нас самих познание суть убедительные доказательства, что мысленность наша не есть явление нашей телесности на действие нашего сложения. Наконец, показали мы, дабы отразить зыблющееся хотя, но казистое доказательство о всевластвовании тела нашего над душою, показали мы, повторю, что власть души над телом оную гораздо превышает; и для сего привели примеры из опытов ежедневных, утвердив неоспоримо, что вина и корень всех движений телесных есть мысленность, ибо в ней есть источник движения, а потому не можно ли сказать, что в ней есть и источник жизни; привели мы примеры, колико человек мысленностию своею властвуя над своими желаниями и страстями, что она возмoгает дать телу болезнь и здравие, и присоветуем, и самую смерть; что напряжение мысленности отвлекает ее от телесности и делает человека способным на преодоление трудов, болезней и всего, под чем тело изнемогает без содействия души. Утвердив таким образом души неразрушимость, дерзнем подъяти на самую малейшую дробь тяжелую завесу будущего; постараемся предугнать, предчувствовать хотя, что можем быть за пределами жизни. Пускай рассуждение наше воображению будет смежно, но поспешим уловить его, потечем ему вослед в радовании: мечта ли то будет или истинность, соблизиться с вами когда-либо мне есть рай. Лети, душа, жаждущая видети друзей моих, лети во сретение и самому сновидению; в нем блаженство твое, в нем жизнь.

Три суть возможности человеческого бытия по смерти: или я буду существо таковое же, какое я есмь, то-есть что душа моя по отделении ее от тела паки преидет и оживит

тело другое; или же состояние души моея по отделении ее от тела будет хуже, то-есть что она прейдет и оживит нижнего рода существо, например зверя, птицу, насекомое или же растение; или душа моя, отделенная смертию от тела, прейдет в состояние лучшее, совершеннейшее. Одно из сих трех быть долженствует, ибо хотя и суть воображимые возможности иного бытия (чего не настроит воображение!), но на поверку всегда выходить будет или то же, или хуже, или лучше, четвертого вообразить не можно; но одному из трех быть должно, буде удостоверилися, что сила мыслящая в нас и чувствующая, что душа не исчезнет. Все сии возможности имели и имеют последователей; все подкрепляемы доводами. Рассмотрим основательность и вероятность оных и прилепимся к той, где вероятность родить может если не очевидность, то хотя убеждение. Блаженны, если вступим в путь истинный; сожаления будем достойны, но не наказания, если заблудим, ибо мы вослед течем истине, мы ищем ее со рвением и неллицимерно.

Для удостоверения, что человек или кто-либо от чело-веков бывал уже человек, но под образом другим, или же что кто-либо из чело-веков бывал зверем или чем другим, но не чело-веком, нужно, кажется, ясное о том воспомина-ние; нужно, чтобы оное часто было повторяемо, что-бы было, так сказать, ощутительно, ибо пример единст-венный не может быть доводом, или, лучше сказать, сви-детельство того или другого доказательством не почтено, да хотя бы сто таковых было свидетельств, для того что могут быть причины таковому свидетельству, основанные на предубеждениях или выгодах.

Хотя мнения сии не заслуживают почти опровержения, но взглянем на них любопытства ради и возвесим на весах беспристрастия. Древние гимнософисты⁸⁶ и бракмань и нынешние брамины говорят, что чело-веческая душа в на-граждение за добрые дела, на земле соделанные, по отделении ее от тела смертию преселяется в овцу, в корову или слона белого; в возмездия же за дела злые преселяется в свинью, тигра или другого хищного зверя. Древние египтяне также думали, что души их преходили в живот-ных и растения и для того столь тщательно избегали убиения животных, дабы не убить отца своего или мать или не съесть их в тюре.

Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями для награждения добрых дел и для наказания худых. Тартар и поля Елисейские и Гурии все одного суть свойства, бредни. Древние кельты чаяли в раю пить пиво из черепов своих неприятелей. Спроси русского простолюдима: каков будет ад? — Язык немеет, — скажет он в ответ: будем сидеть в кипячей в котле смоле. Все таковые воображения суть одного рода; разница только та, что одна другой нелепее. Случалось вам видеть картину страшного суда — не Михаила Анжеля, но продаваемую в Москве на Спасском мосту ⁸⁷? Посмотрите на нее и в заключении своем не ошибетесь; и смело распространяйте оное на все изобретения, представляющие состояние души хуже нынешнего, хуже, нежели в сопряжении с телом.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющие доводы. Великие мужи, говорят они, суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна восстают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одно[го], двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не родится, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих сопутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие ⁸⁸ естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оныя, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы ее да воскреснут. Если же еще помыслим, что не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа, но он бывает таков от природы врожденным неким чувствованием или высшим будто вдохновением, то не подумал

ли помыслить, что почти невозможно единого жития течения на произведение великого мужа, но нужны многие, ибо известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем, и распространение знаний не одним делается днем. Итак, можно вероятно заключить, что великий муж не есть новое произведение природы, но паки бытие, возрождение прежде бывшего, прежняя мысленность, в новые органы облеченная. Даже история сохранила примеры о воспоминавших о прежнем своем бытии. Пифагор помнил то ясно, Архий, Аполлоний Тианейский⁸⁹; и если б мнение таковое не было нашему веку посмеялищем, то можно подумать, что бы многие о таковом прежнего их бытия воспоминании дали бы знать свету, но паче сего можно сослаться на каждого собственное чувствование, если только кто захочет быть чистосердечен. Не имели ли мы все или многие из нас напоминовения о прежнем состоянии, которое не знаем где вклеить в течение жизни нашей? В начальные дни жития нашего случалось бывать на местах, видать людей, о коих поистине сказать бы могли, что они уже нам известны, хотя удостоверены, что их не знаем. Откуда таковые напоминовения? Не из прежнего ли бытия, не прежняя ли жизни? Не для того ли они бывают иногда столь же сладостны, что уже были чувствуемы? Если всякий о сем воспоминать не может, то для того, что, прилепленный к телесности чрез меру, не может от нее оторгнуться. Но те, кои упражняются в смиренномудрии и мысленности, тем таковое напоминовение легко быть может, чему и дали примеры Пифагор, Аполлоний и другие. Такими-то доводами, любезные мои, стараются дать вид правдоподобия нелепости и смехотворному дают важность.

Колеблюся, нужно ли опровержение на таковые надутые доказательства, ибо известно, что нужно Пифагору было о себе сказать, что он был прежде Евфорбий, для того, что он утверждал преселение душ. Можно было и Аполлонию говорить то же, ибо если мог делать чудеса, всеми зримые, то верили ему, что он облечен уже в новый образ. Но ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние всевышнего могущества и что всякий чудодеец есть богохульник. Вот для чего Шведенборг почитается вралем, а Сен-Жермень⁹⁰, утвер-

ждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик. Какое пустое доказательство, что для произведения великого мужа прерождение нужно, да и в чем состоит таковая прерождения необходимость! Тот, кто может произвести великого мужа, может его произвести в один раз, равно как и в два. История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции Александр был бы, может быть, Картуш⁹¹. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как-то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шеленами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа. Фридрих II не на престоле — остался бы в толпе посредственных стихосплетчиков и, может быть, ничего более.

Что многие великие мужи рождаются вдруг, то естественно есть и быть так долженствует. Изъятия тому есть, но редкие. Редко возмозгает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих. Уготовлено да будет место на развержение; великие души влекутся издалека, и да явится Ньютон, надлежало, да предшествует Кеплер. Естественно, говорю, чтобы великие мужи являлися вдруг, а не поодиночке. Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар велий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепится к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус⁹² издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается⁹³. Но время, уготовление отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и, яко вследствие законов движения удар, данный единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим, в едином ли то направлении или раздельно, так и электр души, возродяся единожды, изливается во все

окрестности и стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравниности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое из напоминовения, когда виды, новые предметы, кажется, будто видим виденные! столь верно, что сие напоминовение происходит от виденных, но подобных, хотя не самых тех, сколь верно, что все наши понятия происходят от чувств наших. Сочетание мыслей наяву имеет то же шествие, как и во сне; разность только та, что рассудок останавливает уродливое сочетание; но если вдашься воображению своему, то все чудесности небывалого Элдорады будут скоро действительны. Та же сила, которая напоминает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря⁹⁴, и в Потерянный рай вместить все изящности и все нелепости. Кто наяву ссылается на воображение, находится в опасности, что скоро забредит.

Но если предыдущие две возможности о посмертном нашем бытии суть произведения детства, а может быть, и дряхлости рассуждения человеческого, — что столь же, кажется, нелепо думать, что я буду по кончине моей слон белый, как новый Чингис, Европы завоеватель, — возможность третья, то-есть что состояние наше посмертное удобриться долженствует, во всем нами прежде сказанном многие имела доводы, и, дабы ее утвердить паче и паче, войдем еще в некоторые подробности. Может быть, я заблуждаю, но блуждение сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живостию своих изображений, блеском картин и сходствием своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех.

Мы видели и для нас по крайней мере доказанным почитаем, что в природе существует явная постепенность, что, восходя от единого существа к другому, мы находим, что одно другого совершеннее или, сказати точнее, одно другого искусственнее в своем сложении; что в сем веществ порядке человек превышает всех других равно искусственнейшим своим сложением, совершеннейшею своею

организациею, в которой толико явственно соединены многие силы воедино, а паче всего умственной своею способностью; тщательное наблюдение человеческого воспитания показывает нам, сколь способности в нем углубляются, ширятся, совершенствуются; история учит, колико народы могут в общем разуме своем совершенствоваться.

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельство суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная. Мне кажется, все равно сказать, что всеотец научил нас говорить каким-либо посредством, или, дав нам органы речи, он дал и способность говорить. Но, кажется, нелишнее будет рассмотреть, каким образом, поколику речь к совершенствованию нашему способствует, ибо из того и явствовать будет, что водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная.

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъявляющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то-есть движение воздуха, и звук произвольный изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значащий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, — то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным, ибо рассмотри прплежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все... — и ты, о, всещедрый дарователь, и ты, о, всеильный, не изъемлем... — все преобразуем в малое движение воздуха, и, аки неким волхвованием, звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внемлите

произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно, ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дубрей, в них бы скитались, аки звери дубровни, и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока и добродетель сотворил любезную? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладившего, и пищу даст прохладную утомящему, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенных, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва всеильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное лепетание, — как будто окрест вращающегося среди густейшия мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всеилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило. Если оно в человеке столь чудесно, столь чудодейтельно, то что возможно речь предвечного? Какой ее орган, какое знамение, кто может то ведать?

Но сия божественность, нам присвоенная, сия степень к совершенству, сей толико блестящий дар всеотца, речь наша, столь сама в себе малосущественна, столь зыблущаяся, столь летуча, что несовершеннее средства к нашему устройению, что бреннее союза между людьми почти себе нельзя представить. Конечно, и естественность наша здесь на земли толико несовершенна, что лучшее средство ее бы превышало, тяготило, словом, выше бы было человечества, ибо рассуди: речь выражает токмо имена, а не вещи, а потому человеческий разум вещей не познает, но имеет о них токмо знаменья, которые начертывает

словами. Итак, вся человеческая наука не что иное есть, как изображение знамений вещей, есть роспись слов; да иначе и быть не можно. Внутреннее существо вещей нам неизвестно; что есть сила сама в себе, не знаем, как действием следует из причины, не знаем, да и не имеем чувств на постижение всего того. О, человек! когда, возгордившись паче меры, ты возлетаешь в чувствовании твоём, помысли, что знание твоё, что наука твоя есть плод твоея речи, или, паче, что она есть собрание различных звуков, помысли — и усмирися.

Вот, возлюбленные мои, вот на чем основаны человеческие познания. Мысли наши суть токмо знамения вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслию и словом, ибо все равно было: назвать дурака дураком или вашим; в сем ни малейшего сомнения не может быть. Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. И се обильный источник наших заблуждений, ибо поелику во всех языках каждая вещь имеет уже название и все несложные мысли — свои знамения, то когда возродится мысль новая, то * дают ей знамение, сложенное из прежних. Если ты разумеешь под знамением то, что я, то мы друг друга разумеем; если же ты понимаешь иначе, то и выходит разгласие, вздор. Равно, как бы один говорил по-еврейски, а другой по-русски. Таковы-то, однакоже, суть большею частию все мнения философические, все исповедания. Один сказал: да, — другой разумел: нет, а третий — и то и другое: от чего случается, что от первого изрекшего знамение вещи оно хотя переходит в том же звуке заключенное чрез многие столетия, но мысль, с ним сопряженная, различествует от первой, как день от ночи. Таковы суть и были наипаче мнения человеческие о высшей силе. Люди называли ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в утлом звуке, из гортани его исходимом и на устах его умираемом.

Не место здесь говорить о письме, которое не что иное есть, как произвольно начертанные знаки, кои означают

---

* Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знамения, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое-либо познание, нужно прежде всего ее означать.

звук, нами произносимый, слово. Но да позволено нам будет следующее токмо рассуждение: поелику звук, выражающий знамение вещи, есть произвольный, то на место сего звучного выражения, слуху нашему внятного, поставь выражение произвольное, подлежащее другому чувству, — то будешь иметь речь, не гласом произнесенную, но зримую, но вкушаемую, но обоняемую, но осязаемую. И се понимать можем, как изобретены письма, которые суть истинная речь для органа зрения. Примеры лишенных некоторых чувств доказывают ясно, что речь, или произвольное выражение знамения вещей, может вместо звучных знаков вмещаться в знаки, другим чувствам подлежащие. Глухие, а потому и немые изъясняются знаками и мысли свои заключают в знаках, подлежащих зрению. Из сего понятна возможность изучить их разуместь речь писанную, что аббат де Л'епе произвел в действо с удивительным остроумием, а может быть, взирая, каким образом немые изъясняют свои мысли, и видя, что они на место звучных знаков поставляют знаки зримые, изобретатель писем внял, что им подражать можно, и начертал азбуку. А хотя он, по изречению одного славного немецкого сочинителя⁹⁵, действовал между человеками, яко бог, но, заключая летущий ум в букву, он был не первый, который изобрел речь зримую. Живописец прежде его беседовал уже с нашими взорами; начертание образов зримого, картина была первое зримое выражение, речь звучную заменяемое; живопись родила иероглифы, а сии гораздо уже позже — буквы.

Если бы другие наши чувства столь же удобны были на понимание речи, как ухо и глаз, то бы, конечно, можно было сделать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую. Хотя и видали примеры, что слепые могли различать цветы посредством осязания и, может быть, возможно было двух слепо- и неморожденных изучить сообщать друг другу свои мысли, но речь обоняемая, речь вкушаемая и даже речь осязаемая не могут быть толико совершенны, как речь зримая, а паче того речь звучная, ибо сия едина в произношении своем есть разновиднейшая и соответствующая истинному органу слова. Но едва человек мог соединить речь звучную с речью зримую, то потек на изобретения, дерзнул на возможность и успел. Итак, сколь ни бременна, сколь ни зыбка есть речь наша,

яко средство совершенствования, однако к оному была она одно из сильнейших. Подражание, речь, рассудок были руководители его к изобретению и расширению наук и художеств. Да и в самом диком состоянии человека, в первенственном его состоянии, в состоянии естественном сии руководители его не оставляют. Сила мысленности его столь же могущественна, как живущего в просвещеннейших государствах, ибо, что язык одного народа искусственное, изглаженное другого, что мысленная округа его расширеннее, пространнее, обильнее, из того не следует, что все особенники народа суть разумнее, в мысленности могущественнее наименее совершеннейших народов. Изобретал мысль един, другие же, яко пленники, к колеснице торжествователя сего пригвожденные, бредут ему во след. Они говорят говоренное, мыслят в мысли другого и передко не лучше суть младенца, лепечущего во след своей няньки.

Итак, в каком бы то состоянии ни было, человек удобряет свою чувственность, острит силы мысленные, укрепляет понятие, рассудок, ум, воображение и память. Он приобретает несчисленное количество понятий, и из сравнения его рождаются понятия о красоте, порядке, соразмерности, совершенстве. Побуждение его к сожитию ввело его в общественное житие, и се разверзаются в нем новые совершенства. Права и обязанности, в общежитии им приобретенные, возводят его на степень нравственности; се уже рождаются в нем понятия о честности, правосудии, чести, славе; уже из побуждений к сожитию рождается любовь к отечеству, к человечеству вообще, а за ними следуют тысячи добродетелей или паче сия из многих рождается; и сожалительность его претворилась в великодушие, щедроту, милосердие. Таким образом достигает он до вершины своего чувствования, до совершенства всех своих качеств, до высшего понятия о добродетели.

Хотя сказанное не на всех распространить можно, но различие между людьми состоит токмо в одной степени, а не в сущности. Да и тот, кто устраняется назначенного пути, устраняется, стремяся к совершенствованию, к блаженству, ибо все, что живет и мыслит, все стремится к расширению своих качеств, к совершенствованию; и сия есть мета мысленного существа. Хотите ли в том быть убежденны? Возрите на то, что он на земли

исполняет. На свет исходит, не имея никакой способности, ни умения, и является паче всех животных беззащитнее, беспомощнее, немощнее; и то природное стремление, которое другим животным столь явно руководствует, в человеке не существует. Но воззри на него: едва ощутил недостатки свои, едва возопил «немоществую», — уже вся природа стремится ему на вспомошествование. Чувства его изощряются, рассудок укрепляется; недостатки рожают склонности, речь ведет его беседовати с богом, и рожденный слабее, немощнее, тленнее, словом, хуже всех других тварей, вследствие способности совершенствования человек возвышается выше всех существ на земли и явен становится ее властитель.

Итак, стремление к совершенствованию, приращение в совершенствовании кажется быть метою мысленного существа, и в сем заключается его блаженство; но сему стремлению к совершенствованию, сколь оно ни ограничено есть, предела и конца означить невозможно⁹⁶, ибо чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды. Подстрекаемый всегдашним стремлением, мета его есть шествие беспрестанное, почти бесконечно, и поелику мысленности существенно, то и сама вечность на достижения сея меты недостаточна. Оттуда все старания наши, все наши стремления беспредельны. Желание наше объемлет бесконечность, и вечностию его разве измерить можно, а не временем. Склонности и страсти удовлетворений не знают, и чем более углубляются, тем сильнее возрастают. Все благородные склонности и все скаредности едину носят на себе печать. Рвение к науке ненасытимо, возродяся единожды; любочестие всеалчно, желало всю землю зреть своим подножием; и даже мерзкое сребролюбие жажде своей к имению не знает ни конца, ни предела. Всякую мысль, всякую мечту мы тщимся поставить мер превыше; где мы обретаем предел и ограду, там будто чувствуем плен и неволю, и мысль наша летит за пределы вселенныя, за пределы пространства, в царство неиспытанного. Даже телесность наша тщится вослед мысли и жаждет беспредельного, ибо едва коснется пресыщения, то и наивеличайшее услаждение мерзит.

Поступим теперь к другому. Мы в предыдущем изъяснили, что понятия о красоте, благогласии, соразмерности,

даже добродетели рождаются из сравнения, следовательно, не суть понятия сами по себе; мы видели, что сравнение есть деяние вещества мыслящего, следовательно, дабы что-либо поистине могло назваться прекрасным, изящным, нужно деяние умственное, да произойдет сравнение. А как без умственности сравнение быть не может, то не должны ли заключать, что бы и вся красота мира ничтожествовала, не бы были вещества мыслящие, разумные, следовательно, они в *начертании* сложения мира суть необходимые. Как же можно вообразить себе их уничтожение, а особливо тогда, когда деятельною мысленностью они усовершенствовались, следовательно, удобнее еще стали постигать все изящное, все превосходное, всю красоту.

Почерпая из сего новые еще доказательства о бессмертии души нашей, мы также научиться из них можем, что цель, что мета человечества есть совершенствование и блаженство, которое есть следствие добродетели, единыя от совершенств. И неужели блаженство наше есть мечта, обольщение? Ужели всеильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральщице куколок? — Таковыми бы мы почтены быть должны, если бы блаженство наше с жизнью нашею скончалось, ибо недостатки телесности нашей претят, да может быть совершенно. Теперь время уже, возлюбленные мои, поспешать к концу нашего предприятия и, удостоверившись всякими мерами, что душа наша бессмертна, что жить будет и не умрет, то-есть не разрушится,— теперь надлежит сказать, что с душою останется, когда она от тела будет отделенна. Многие суть случаи в жизни нашей, в которых нам показывается сходственность с первою степеню кончины нашей. Как скоро жизнь прервется, то последует бесчувственность, забвение самого себя. Подобные сему состояния суть: обморок, иступление, сон и множество других состояний; в таковых положениях человек забывает сам себя, теряет о себе сведение и лишается на время своей чувственности; итак, можно бы заключить, что подобно, как во сне, отъемлющем внешнюю нашу чувственность, остается в нас чувственность внутренняя, то-есть мысленность,— подобно сему, говорю, и по смерти будем чувственности внешней лишены, не сохраним мысленность. Но пребудет ли она такова в нас по смерти, как в состоянии сна? При первом

взгляде сие таковым и покажется и могло бы в нас * произвести уверение, но оно противоречит нашему существу, противоречит мете нашего бытия, следственно, противоречит намерению творца в его творении. Постараемся отразить сие казистое доказательство и возвести мысленность нашу по отлучении ее от тела в то достоинство, на которое она кажется быть определена.

Из предыдущего видели мы, что мысленность человеку сосущественна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней назваться человек, а без нее равнялся бы скотам. Мы видели также, что совершенствование ее есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего дает всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с кою рождается, бывает разум, чувства наши изощряются, научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственностию принятые, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки. Побуждения наши, сосреждаясь, так сказать, в душе, яко в средоточии зажигательного зеркала, родив в нас волю, дают столь широкую, столь твердую подножность, что если бы она не в человеке пребыла, то казалася бы божественною. Мы видели потом, что печать беспредельности наложена всему, что человек предпринимлет; в самых силах его видна бывает толика энергия, что предел им назначить было бы отважно. Хотите ли сему примеры: Скалигер⁹⁷ Омира выучил наизусть в три недели и в четыре месяца всех греческих стихотворцев. Валлис⁹⁸ извлекал в голове коренное число пятидесяти трех цифирей. И таковые примеры отменныя энергии в силах умственных суть часты; незамеченны теряются, и для того не всяк о них знает. Из предшедших доказательств убедилися, что мысленность наша, что сила наша разумная, что душа наша разрушиться не может, ибо, не яко тело, несложенна, следовательно, не пропадет, не исчезнет, не уничтожится, пребудет, поживет вовеки. Итак, из всего сказанного не ясно ли следует: 1. Поелику мысленность наша или душа не

* В издании 1809 г. напечатано «в них». — *Ред.*

разрушится, то пребудет жива и по разрушении тела. 2. Поелику существенность ее состоит в непрестанном совершенствовании, то по отделении от тела душа ее сохранит, ибо если бы сия существенная ей способность изменилася, то бы она в худшее прешла состояние, не была бы душа, что также противно намерению, в сотворении человека явствующему. 3. Поелику же состояние сна лишает нас ясного о самих нас познания, а потому не столь есть состояние совершенное, как состояние бдения, то смерть уподобится сну относительно человека разве в том только, что обновит силы его душевные, как то сон обновляет телесные, а не в том, что лишит душу ясного о себе познания, в чем состоит преимущество человека пред другими животными. 4. Поелику в силах душевных является беспредельность и ограниченность ее происходит от ее телесности, то, отрешенная от нее, она в деятельности своей будет свободнее. И, наконец, 5. Поелику душа сохранит свою способность совершенствования, то паче и паче будет совершенствоваться. А если бы захотел ты иметь сему совершенствованию меру, то помысли, каков человек родится и что он бывает в его возмужалости, помысли, что в совершенствовании не будет препинаем ни обстоятельствами, ни страстями, ни болезнями, ни всеми препонами, телесностию душе налагаемыми; помысли, сколь уже разум человеческий отстоит теперь от дикого, от грубого состояния человека, питающегося ловитвою; помысли и, начав от нынешнего совершенства, измеряй восхождение и знай, что не житием телесности то исполнять должно, но отрешая меру времени; помысли все сие и скажи: где есть предел совершенствования души? О, человек! не ясно ли ты есть сын божества, не его ли в тебе живет сила беспредельная!

Как можно думать, чтобы состояние человека посмертное было сну подобное, чтобы человек стал лишен чувствования, самопознания и жил бы, так сказать, в непрестанном мечтании? Когда здешнее состояние человека цель имеет совершенствование, когда в посмертное перейдем совершеннее, нежели рождены были, то как мыслить, чтобы будущее состояние было возвратно, ниже, хуже теперешнего, как то непрестанное состояние, сну подобное? Если то истинно, что всякое настоящее состояние предопределяет состояние следующее (ибо сие без того

не имело бы достаточных причины к существованию), а наше состояние на земли есть состояние совершенствования, в чем состоит мета нашего здесь пребывания, то не следует ли из того, что состояние будущее человека, поелику определяемо совершенствованием, будет совершеннее? Следует, что противоречие бы было в мете нашего бытия, чтобы следующее состояние человека подобно было сну, забвению, когда теперешнее состояние, будущее определяющее, есть состояние совершенствования. Возьмем известное уподобление, на прехождении человека от одной жизни к другой приложенное; последуем хотя косвенно в сем уподоблении умственному исполину, и да будет он нам опорю.

Лейбниц сохранение животного по смерти и прехождение человека уподобляет прерождению червяка в бабочку и сохранению будущего строения бабочки в настоящем червяке⁹⁹. Посмотрите, колико оно сходственно. Зри убо скаредного на чреве своем пресмыкающагося червяка. Алчба — его единственное побуждение; прилепленный к листовиям, их пожирает и служит единой своей ненасытмости; но се уже его кончина: смертная немощь объемлет его, сжимается, корчится, и се уже лежит бездыханен. Но сила, внутрь его живущая, не дремлет. Животное спит, покоится во смерти. И се происходит его прерождение. Ноги его растут, все члены претворяются; и едва новое его рождение достигло своего совершенства, то в жизни паки является, или паче пробужденный. Но какое превращение: вместо червяка является бабочка, простирает блестящие всеми цветами лучей солнечных крылья, возносится и, гнушаяся прежняя своя пища, питается нежнейшею. Уже новое совсем имеет существо, другая его мета, другие побуждения. Червяк служил токмо своего чрева, а бабочка, вознесенна до общия меты животных, служит прерождению. Кто бы мог вообразить в червяке бабочку, что они суть единое животное и что превращение его есть токмо другое время его жизни? О, умствователь! поставляй предел природе; она, смеясь бессилию твоему, в житие единое соцепляет многие миры.

Если худшее состояние человека по смерти противоречит его мете и его сущности, то паче противоречит оно намерению творца в его творении, ибо поелику мета его есть совершенствование, то состояние, оному возвратное,

худшее, будучи оной противоречаще, противоречит и намерению творца, потому что в том и было его намерение, да совершенствуем.

Всемогущее существо в самом деле не награждает, не наказывает, но оно учредило порядок вещам непременимый, от которого они удалиться не могут, разве изменяя свою сущность.

Итак, добродетель имеет сама в себе возмездие, а пороки — наказание. Что может быть сладостнее, как быть уверену, что пребыли всегда в стезе, нам назначенной? Что превышает удовольствие, как знать, что ничем мы сами себе упрекнуть не можем? Если бы вознялася легкая мгла, затмевающая зеркало совести добродетельного человека, напоминовение соделанного добра разгонит мгновенно. Напротив того, злые припущены ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казнитья среди благоденствия.— Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно. Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но все суть единого рода; следовательно, и определение их, мета их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел палягают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое. Яко врачебное некое зелье, совесть есть лекарство злых дел, и если в жизни она нас не исцеляет, то, конечно, по смерти. Излеченных совестью ужели всеотец исключит из своих объятий? Почто мы бываем толико жестокосерды? Преступник не брат ли наш? И кто может столь сам пред собою оправдаться и сказать: никогда во мне ниже мысль злая не возникала?

Если возможно, сцепляя многие истины, постигнуть, что совершенствование есть цель человека, не токмо цель его на земли, но и по смерти, то весьма трудно, дабы не сказать — невозможно, вообразить себе, каким образом продолжится совершенствование человека по смерти, ибо

если на земли была в том ему пособием телесность и его органы, то как то может быть без оной? Чувства его дали ему понятия, а без них их бы он не имел. То два средства: или вновь понятия уже приобретать душа не будет, а действовать будет над прежними, или человек будет иметь новую организацию. Боннет ¹⁰⁰ старается доказать, что душа человеческая всегда будет сопряжена с телом, что, по смерти оставшихся семени сопряженна, человек из одного сопряжения родится паки двусуществен. Основывает он сие рассуждение на том, что поелику человек, да всякая тварь, содержится в семени до зачатия своего, то как оное семя кажется быть душе сосущественно, то она с ним навеки пребудет сопряженна. Если сие предположение не вероятно, но возможно, ибо то истинно кажется, как то мы видели в начале сего слова, что семя зачатую было предсущественно. Но запутнение не совсем развязано, ибо семя, коему пред зачатием душа была союзна, зачатием и рращением разверзлося и произвело новые семена, коих развержение новые произвело существа; но прежнее семя, семя отчее, уже разверженное, должно пребыть паки семя, что есть противоречие; то надлежит предполагать, что семя развержения произведет самого себя вновь. Вот круг, и затруднение не решено. — Таковы суть следствия семенного любомудрия, как то его называют; но сколь ни слабо сие рассуждение, оно имеет казистую сторону и находило последователей. Мне кажется, что все таковые системы суть плод стихотворческого более воображения, нежели остроумного размышления. За таковое же изобретение выдаю и следующее предположение: приметно или паче явственнно, что есть в природе вещество или сила, жизнь всему дающая. Чувствительность наша, электр и магнитная сила суть, может быть, ее токмо образования (modification), то не сие ли вещество, которое мы назвать не умеем, есть посредство, которым душа действует над телом? А поелику оно есть средство к действованию души, то не вероятно ли, что, отступая от телосмертия, душа иметь будет то же посредство для своего действования? Но дабы действовать, нужны кажутся ей быть органы; а поелику душа в сожитии своем с телом стала совершеннее, то и органы нужны ей совершеннейшие. И для чего сего вероятным не почитать, когда и самая сила творчая явна токмо посредством веще-

ственности, посредством органов? Какое противоречие мыслить, что может быть в сем же мире и может быть на земли другая организация, но нами не ощущаемая, нам неведомая, да и по той только причине, что она чувствам нашим не подлежит? А если бы чувства наши были изощреннее и совершеннее, то бы и сия нам неведомая организация была бы известна. Что чувства наши или, лучше сказать, что чувственность может быть изощреннее, то доказывали примеры чувств, из соразмерности своей болезнию выведенные; дай глазу быть микроскопом или телескопом, какие новые миры ему откроются! И как сомневаться в возможности лучшей организации? Тот, кто мог дать человеку око на зрение красоты и соразмерности, ухо на слышание благогласия; тот, кто дал ему сердце на чувствование любви, дружбы; кто разум ему дал на постижение дателя; тот, кто огонь, воздух, землю и воду сплел воедино; тот, кто самую летучесть огня претворяет в твердость и свет вмещает в части составительные веществ, может, конечно, может произвести новые смешения; благодать его к творению его не иссякнет, любовь к производению своему горячности своей не потеряет; и если единое его слово рождает чудесность, то оно и паки ее родить может. Или на что предполагать быть новому творению? Вся возможность прешла в действительном пред началом уже времен, и что будет, уже было в незыблемом порядке с того мгновения, как возблистало солнце и время отделилось от вечности.

Для чего предполагать невозможность быть другим организациям, oprичь нами чувствуемых на самой земле, по той единственно причине, что они нам нечувствительны? Сколько веществ, ускользящих от наших чувств, иные своею малостию, иные своею прозрачностью или другими свойствами, чувствам нашим не подлежащими, и если мы в малостях видим, что пресыщение одной вещи не исключает вѣмлемость другой. Вода, насыщенная обыкновенною солию, и не приемля ее более, приемлет и растворяет другую. Истолкуй сию возможность, и если бы не опыт то доказывал, ты бы оному не верил.

Не так далеко, кажется, отстоять должно будущему состоянию человека от нынешнего, как то иногда воображают его, не за тридевять земель оно, и не на тридесятом царстве.

Если должно верить сходственности аналогии (да не на ней ли основаны большая часть наших познаний и заключений?), если должно ей верить, то вероятно, что будущее положение человека или же его будущая организация проистекать будет из нашего нынешнего, как то сия проистекает из прежних организаций. Поелику к сложению человека нужны были стихии; поелику движение ему было необходимо; поелику все силы вещественности в нем действовали совокупно; поелику по смерти его и разрушении тела стихии, вышед из их союза, пребудут те же, что были до вступления в сложение человека, сохраняя все свои свойства, поелику и силы, действовавшие в нем, отрешась от тела, отойдут в свое начало и действовать будут в других сложениях; поелику же неизвестно, что бывает с силою или стихиею чувствующею, мыслящею, то нельзя ли сказать, что она вступит в союз с другими стихиями по свойству, может быть, смежности, нам неизвестной, и новое произведет сложение? О, возлюбленные мои, я чувствую, что несуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность.

Повторим все сказанное краткими словами: человек по смерти своей пребудет жив; тело его разрушится, но душа разрушиться не может, ибо несложная есть; цель его на земли есть совершенствование, та же пребудет целию и по смерти; а из того следует, как средство совершенствования его было его организациею, то должно заключать, что он иметь будет другую, совершеннейшую и усовершенствованному его состоянию соразмерную.

Возвратный путь для него не невозможен, и состояние его по смерти не может быть хуже настоящего; и для того вероятно или правдоподобно, что он сохранит свои мысли приобретенные, свои склонности, поелику они от телесности отделены быть могут; в новой своей организации он заблуждения свои исправит, склонности устремит к истине; поелику сохранит мысли, коих расширенность речь его имела началом, то будет одарен речию, ибо речь, яко составление произвольных знаков, знамение вещей означающее, и может внятна быть всякому чувству, то какай бы организация будущая ни была, если чувствительность будет сопричастна, то будет глаголом одаренна.

Положим конец нашим заключениям, да не зримся ищущими единственно мечтаний и чуждаемся истины. Но

как бы то ни было, о, человек, хотя ты есть существо сложное или однородное, мысленность твоя с телом твоим разрушится не определена. Блаженство твое, совершенствование твое есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло. Казнь живет соседна злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если проживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию, ибо тот, кто сотворил тебя, тот существу твоему дал закон на последование, коего устраниться или нарушить невозможно; зло, тобою содланное, будет зло для тебя. Ты будущее твое определяешь настоящим¹⁰¹; и верь, скажу паки, верь, вечность не есть мечта.

ОПИСАНИЕ
МОЕГО
ВЛАДЕНИЯ

ВОТ ОПИСАНИЕ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ
ПОМЕСТЬЯ, ВОТЧИНЫ, ДЕРЕВНИ
ИЛИ НАЗОВИ КАК ХОЧЕШЬ

Проехав наш бывший окружной городок¹, открывается довольно пространное поле, которое по временам года то серую единообразную представляет поверхность, то онаю же покрытою редкою зеленостию, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы проседающей. Тут видны на тощй пажити скитающиеся небольшие стада, поистине скитающиеся, ибо пасущиеся чрез целый день, от утренней зари до вечерней, едва ли не тощи возвращаются во свое домовище. Сия серая поверхность поля, возделанная и утучненная, покрывается густою зеленостию, которая издали взору, бродящему по ней, представляет величественно распростертый ковер, какой очам всесильного явила юная природа, на произведение любвию его воспаленная; и, возрастая до совершенствования семени, зеленое былие желтеет. Зри — восстав, дух бури несется по поверхности нив, колеблет желтые злаки и оку очарованному океан представляет белокурый, на коем зрение тем паче услаждается, что зрит тут исполнившуюся уже надежду возделателя и совершившуюся благодать природы на его прокормление. Настал день жатвы. И се при востечении денного светила зрится в селитьбах мирная тревога. Селяне оставляют дома свои и, вышед, яко сильное ополчение,

из-за оград жилищ своих, распростираются по нивам своим, где согбенны до земли и в поте лица своего подсекают волнующуюся жатву; несут ее воедино и возводят из нее, да сохранится от стихий и непогоды, сии готического зодчества здания, сии заостренные конусы, скоро разрушиться должныствующие на продолжение жития нашего или воскошенные на утешение житейских скорбей и печали. Уже радостные раздаются по нивам клики. Жители, паки собравшася вкупе, возвращаются; торжественные гласы песни, победили убо скупую, но равно и милующую природу, и, надежные в прокормлении своем, восприимлют, возвратяся в дома, птенцов своих на лоно свое. Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминовение! ниву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увы!

До распутия проехав полем сим (поминовение о коем при первом въезде моем исторгло сие стихотворческое изображение), начинается межа нашего владения, и дорога спускается по пригорку и, подъехав к спуску довольно крутому едва по мелкому камню текущей речки, по левую сторону виден пространный яблонный сад, плетнем огороженный; за ним высокая роща, несколько хижин, покрытых соломою, между коими видны остатки каменного дома, который даже в развалинах своих ничего готического не представляет. В правую сторону от дороги за речкою построена деревня, из 36 дворов состоящая. Прямо против двора, при въезде, стоят три березы, современницы моего детства, кои напомнили мне о беззаботливом начале жития человеческого и нередко о горестном одного окончании.

Для другого я бы здесь окончил мое описание, но я знаю, ты сказанным удовлетворен не будешь; тебе нужны всякие подробности: не токмо число земли пашенной и другой, но соразмерность оной к числу поселян; имущество оных, способы и орудие возделывания, одного обряды и многое другое, не говоря о качестве земли. Но ведаешь ли, соразмерны ли силы мои твоим требованиям и вместо чего-нибудь удовлетворительного не выйдет нелепое какое творение? Но как бы то ни было, мой друг того желает, а желание его — для меня закон.

Прежде всего я тебе скажу что-нибудь о земле и о всем, до того принадлежащем, потом крестьянах, на оной живущих, далее доме моем и себе, и всем, ко двору моему при-

надлежащем, а, наконец, о способах к лучшему хозяйству. То же, что я произведу по устроенному мною плану, буду тебе сообщать повременно. Итак, слушай и не наскучь.

Земля владения моего вся отмежевана и состоит в даче, принадлежащей собственно к селению, и во многих пустошах; иные рядом с главной дачею, иные отделенные другими владениями и некоторые за пять и двенадцать верст от моего селения. Первое неудобство в порядочном земледелии: все сии земли не одному принадлежат в собственность, но разным, и в селении моем существует чересполосное владение². Вторая преграда на устроение порядочного земледелия: всей земли моего владения состоит около 1 400 десятин, в том числе половина — лес, кустарник, луга и земля неудобная. Крестьян мужеска и женска пола, то-есть всех поселян, на земле моей живущих и от нее пропитание свое восприемлющих, 360. Итак, на каждую душу, как то у нас говорится, приходит пашенной земли едва ли по 2, а всей, может быть, по 4 десятины указных, то-есть на каждых 10 000 квадратных сажень живет человек; на квадратной версте — 25, или на квадратной миле — 175. Какая пустыня в сравнении населения не токмо Мальты, но других государств! Со всем тем мы говорим, земли у нас очень мало, и ныне правилом полагается, что на ревизскую душу³ надобно 15, то-есть, по моему исчислению, на каждого жителя по 18 000 квадратных сажень, то-есть едва на квадратную версту 14, а на милю квадратную 98. Но исчислим, что может земля дать возделателю и сколько потребно для его прокормления. Возьмем мерою исчисления квадратную милю и жителей на ней 100, и будет на каждого жителя 17 500 саж. квадр., или $7\frac{1}{2}$ десятин и более $\frac{1}{3}$, что и выйдет почти 15 десятин на ревизскую душу (из 100 жителей положим работников 50); положим $\frac{2}{3}$ оной земли на возделание, то-есть на пашню, конопляники, огороды и усадьбы. Если земля даст плод токмо третичный, то каждый селянин будет иметь на прокормление свое и своего скота 10 четвертей разного хлеба, ибо полагая во 100 только 50 работников, то на каждого выйдет 8 750, или 3 десятины и 1 550, то-есть меньше указного положения на возделание, когда на тягло полагается пашни по 3 десятины в каждом поле. Но на прокормление его и его скота довольно 4 четверти, следственно, остается на про-

дажу 6 четвертей; избыток великий, если будет возможность на возделание толикого числа земли.

Вот еще подробности. Дача, к селению собственно принадлежащая, составляет многоугольный параллелограмм (в математике сие выражение есть, может быть, невежды, варвара), посредине оной протекает речка в довольно узких, но по величине ее довольно глубоких берегах, и вся почти дача, малое пространство исключая, есть по обе стороны скат к реке, сопровождаемый многими непродолжительными, но при устье глубокими рывтинами, из коих большая часть уже поросла травой, которую косят на сено; в вершинах иных рывтин болотины и застои водяные. По одну сторону речки построено селение; в ряды дома по улице, довольно тесно для деревянного и соломою крытого строения; позади пространные огороды или, лучше, конопляники, ибо огородных овощей сеют очень мало. Во сте саженьях господский двор с садом, в коем земли огорожено около 8 десятин; подле саду роща изрядная. Позади сей рощи к востоку примыкает пустошь моего владения, в коей участника нет ⁴, из коей половина пашни, другая поросла лесом, простирающимся на версту в длину и 150 саж., может быть, в ширину; в нем мы обильную имеем жатву грибов всякого рода. За сим лесом другая примыкает пустошь, которая большею частию принадлежит брату и еще другому владельцу; на ней поселено несколько дворов. За три версты от дома идучи к северо-востоку есть земля моего владения, большею частию мелким лесом поросшая, между оным сенокос и мочажны. Пашенная земля тут почитается доброю; думают, потому что недавно возделана, и место ровное, препятствуя стекать воде, напоет коренья прозябений. К востоку за 5 верст лежит небольшая пустошь по обе стороны мокрой весною лощины, дающей редкую траву. Тут есть и пашня. К юго-востоку находятся две пустоши: одна пашенная, а другая совсем почти лесная; лес осиновый строевой, но весь почти от небрежения вырублен. В середине его лужайки, на которых косят сено. В нем много родится орехов и грибов. В малом расстоянии лежит небольшая деревня разных владельцев, в том числе пять дворов моих. Земля владения чересполосного. В 13 верстах от селения, прямо к югу, между двух небольших речек, лежит луг величиною 31 десятина единственного владения, который по причине

весеннего разлития рек изрядную дает траву и сена даст от 2 000 до 2 500 пудов; заведений никаких нет, деревня была на оброке. Дом господский каменный развалился и все к оному принадлежащие строения; сад огорожен плетнем, подле сада пруд, за прудом сад другой; оба приносят в год оброку за оставшие деревья 125 руб. в год.

Качества земли химически я не следовал⁵. Таковые опыты я делал над черноземом тютнарским, отменно к плодородию способным; но опыты мои очень еще недостаточны. Чернозем лежит очень толстым слоем, и когда глубже аршина, под ним глина, а чаще охра желтая, оранжевая, местом опока, или мергель песчаный, песок, еще ниже к водяному горизонту слой разной толщины глины, содержащей в себе купорос; там, кажется, и несколько травяных кореньев. По промывке водою нашел я в черноземе половину почти белого кварцевого песку, и сия-то есть истинная причина рыхлости чернозема. Черный ил, от песку отделенный, дал с селитряной кислотой несколько селитры и железной соли; после вымытый ил остался сер. Кажется, в черноземе найти можно газов разного рода. Заключение и догадками воздержусь, доколе не исследую основательно.

Земля моего владения видом сера, а когда будет частым проездом убита, видом почти бела. Та и другая в воде распускаются и садятся илом; свежая земля немного посерее, но осушившись солнцем, крепнет, от воды липнет и мнется почти подобно глине, но в огне не твердеет и разваливается, с кислотами не кипит и песку в себе не содержит нимало. Слой на поверхности лежит тонким, не более шести вершков; под ним глина желтая, которая иногда с песком, иногда без песку, и сия на воздухе крепнет. Чернозем тютнарский не требует для произведения навозения; иногда оно нужно, а во многом количестве вредит. Серая же земля без навозу дает редко что-либо, опричь соломы, барыша. Чернозем пашут меньше, а серую больше. Сказав, какова земля, скажу теперь образ оныя возделывания и способы, к оному употребляемые. О задатках, даваемых земледельцами, их расчет капитала с доходом, от возделывания земли получаемым, сказать будет нужно что-нибудь, хотя в России (редко где исключая) разве одни семена почитаются задатки, орудие и здания — кое-когда, а работа — ни за что.

Земля не вся одинакового качества: земля огородная и конопляники лучше всех, ибо навозится чаще других; за нею следуют полосы издревле крестьянского владения; сия земля, исключая конопляников, лучше других, ибо она унавоживается чрез два года в третий, или когда пашется под пар. За сею лучшею почитается та, которая прежь сего почиталася господскою пашнею, ибо она тогда бывала удабриваема, и кажется, что она лучше другой, хотя уже десять лет на нее навоза не кладут. Всех хуже почитают пашни отдаленные, на которые навоза не кладут никогда по причине их отдаленности; но и между ими есть разница, ибо то поле, которое лежит без скатов, равниною, имеет во мнении земледельцев преимущество — по той, может быть, причине, что более может иметь влажности.

Вся пашенная земля разделена на три части, или, по обыкновенному названию, на три поля: [одно] называется озимое, другое — яровое, третье — паровое; яровое есть то, которое начинают пахать, как скоро снег сойдет и земля будет тала, и по вспахании засевают яровыми, или летними, семенами, а паровое поле есть то, на котором с начала весны никакой не производят работы* и которое начинают обрабатывать, то-есть удабривать навозом, пахать и боронить после ярового сева, которое потом, после сенокоса и по снятии озимой жатвы, а иногда в продолжение оной, то-есть в августе месяце, паки вспахивают и засевают озимым хлебом. Таким образом, паровое поле, в озимое преобразованное, остается в следующее потом лето без возделания; итак, озимое поле есть то, которое ни с начала весны, ни во все продолжение лета не возделывается, потому что оно уже засеяно осенью. Из сих изъяснений виден чин работ сельских, до земли относящихся, коих чреда в естестве основана, а различия истекают от различия почвы, местоположения, а более всего климата.

Едва жизнодательною своею теплотою солнце начнет стгонять мертвую, но плододелательную в северных краях седину зимы, как начнет в земледельце, а паче в России, возникать некая благая работливость, ибо зима, поражая преходящею смертию природу, отъемлет у земледельца,

---

* В издании 1811 г. выражение «а паровое поле есть то, на котором с начала весны никакой не производят работы» было ошибочно напечатано перед предшествующими словами: «яровое есть то, которое...». — *Ред.*

хотя частью, его деятельность. Густеет, твердеет всякая от мороза влажность, и житель северных стран, объятый мерзлою атмосферою, чувствует члены свои немелыми, позоывает на лень и возлюбляет недействие. Но солнце, возвращая деятельность всей природе, возвращает ее и человеку. Священные обряды подкрепляют в России веселое начатие весны, ибо скоро по равноденствию, когда продолжительное освещение отца природы начнет мертвить мерзлое дыхание зимы, учреждено величайшее и наиболее почитаемое торжество во всех греческого исповедания⁶ землях, пасхи. Измождив седмиседмичным пощением⁷ тело свое, селянин обновляет силы свои тучною пищею и загустевшую кровь свою разжижает и воспламеняет крепкими восквашенными напитками. Праздник пасхи будет в России долго священ, хотя бы исповедание ее переменялось, ибо в сие время лучи солнечные, падая на землю более в отвес прежнего, растворяют мерзлую ее внутренность и делают ее удобною на возделание и на восприятие питательных зерн.

Поверхность земли потемнела, внутренность ее уже не мерзла, и земледелец, исправив свои орудия, приуговляется к трудам.

Мы опишем по чреде труды селянина при возделании на разных полях земли, при кошении трав по лугам и по лесам и при убиении хлеба на нивах. Земля вся разделена участками или полосами, и каждый крестьянин, или, лучше сказать, дома каждого хозяин, владеет по мере, сколько считается у него душ, не ревизских, но полагая две души на тягло.

Нивы пахут больше и меньше, смотря по хлебу, какой на них сеется. Следующие суть роды хлеба, употребляемые земледельцами моими для посева ярового: ячмень, овес, греча, горох, лен и конопля; под ячмень и лен избирается земля лучше других, под овес — похуже, а гречу сеют на самой худой; думают, как то и в других землях, что греча землю удабривает; и поистине, греча, будучи более свойства травяного, нежели зернистые злаки, хотя не удобряет, но не истощевает ниву. Солома гречневая почитается хорошим зимним кормом, по крайней мере лучше соломы ржаной. Но на Тютнаре говорят, что от нее скотина шелудивеет; а потому и в пищу скоту ее не употребляют; думать надобно, потому, что она тучную дает пищу,

подобно дятлевине ^в; сему удивляться не надлежит, ибо если скотина много наестся озимей, то желудок не сварит сей тучной пищи, и скотину, как говорят, раздует, от чего и умирает; а лошади, однакоже, озимь едят неврeдимо. Наконец, конопли сеют на наиболее навозом удобренной земле.

Пашут под разные хлеба различным образом: под ячмень три раза, под овес два раза, под горох два раза, под лен два раза, под конопли два раза, под гречу один раз. Пахать начинают в самом исходе апреля месяца, и пашня и сев продолжаются более двух недель; гречу сеют всего позже, ибо она холоду не терпит, хотя сибирская греча, или карлык, может быть озимая. Предавши таким образом надежду свою земле, земледелец приступает к другим работам. В сем случае жители низовых стран пред здешними облегчены гораздо, ибо вместо двукратной и троекратной пашни низовой земледелец сеет яровой хлеб прямо по жниву и редкий запахивает семена два раза, а чаще один раз вспашет и заборонит. Искусство его состоять должно только избирать лучшую для посева погоду. Но о благопоспешной или противной погоде будем говорить после.

По совершении всего сева земледелец начинает обрабатывать паровое поле, да удобным его сделать на произведение плода в будущий год; и прежде всего земледелец удабривает ниву навозом. Но сколь они в сем случае мало сведущи, можешь судить из следующего. Прежде всего старается он унавозить конопляники, что делает с начала весны; остальной навоз вывозит весь без остатку. Но лучший двор, то-есть наиболее скотом изобилующий, в одно лето унавозит разве десятину; на оную полагается телег до 400. Вывозив навоз на нивы, разбивают его по всей поверхности, елико возможно ровнее и, разостлав оный, запахивают, стараясь, чтобы онoго на поверхности не оставалось нимало. Сия есть вторая работа земледельца. Унавожение и пахание сие продолжается недели две; а тогда луговые травы, получив полный свой возраст, зрелы становятся для скошения. Перед Петровым днем или немного после онoго начинают сенокосы. Сие есть поистине самое приятнейшее и опрятнейшее упражнение из всех работ земледельческих; сено косят у нас в шести местах, не говоря о малых лощинах; поелику сена мало,

и действительно оного мало в соразмерности скота, то убирают его поспешно и с великим тщанием. Подкошенное сено мужчинами женщины тщательно переворачивают, дабы, обращая⁹, представляя разные скошенной травы поверхности к солнцу, она скорее высохла и обратилась в сено. Скошенное и высушенное сено сгребают в копны, но на лугах никогда не оставляют, а свозят все домой и сохраняют его под сараями.

Сенокос еще не окончился, как приспела жатва ржи, что бывает обыкновенно в конце июля месяца. Если рожь родилась густа и велика, то ее жнут женщины серпами, если же редка, то косят; вяжут снопы и кладут в адоньи, иногда на поле, а чаще позади конопляников. Рожь еще не вся убрана, как начинают пахать и боронить паровое поле по одному разу; между тем сушат новосжатую рожь на овинах, молотят на семена, которыми засевают вспаханный пар. Старыми семенами хотя сеют, но редко; а никогда сырмомолотным зерном не сеют, как то бывает в низовых местах; там таковой хлеб почитается лучшим для сева, ибо скорее всходит, а здесь им не сеют, для того что родится с травой. Думать надобно, если и здесь хлеб вывезть чисто, то он будет для сева лучше сушеного. Вспахав землю и посеяв рожь, начинают жать хлеб яровой: сперва ячмень и овес, потом гречу и горох. Убирание хлеба ярового происходит поспешнее озимого, ибо оный жнут только тогда, когда мужчинам недосуг, а обыкновеннее его косят. Снопы вяжут не очень великие, дабы их лучше можно было сушить; между тем как возят с полей, оный уже молотить начинают: горох, конопля, гречу прежде, а потом и другие хлеба. Молотьбу производят почти чрез всю зиму. Еще до заморозов мочат конопля и стелют лен, собирают то и другое, сушат в избах, банях и овинах и мнут уже женщины; в ноябре большею частию, а в октябре мало, по свозке хлеба с полей, ездят в леса и приготавливают дрова, особливо на овины. Во время убирания хлеба по воскресеньям и праздникам бабы ходят в лес по ягоды, орехи и грибы; двух последних родится у меня очень много.

Если меньшее количество земли дает больше плода, нежели пространнейшее, то прокормляет большее число людей, следовательно, предпочтеться может в земледелии другой работе, которая меньшее число людей прокормить

в состоянии. В сем то разуме огородное земледелие заслуживает внимание не только сельского жителя, но и самого правительства.

Но с сей стороны работы моих земледельцев ничего не значащие и почти не существуют. Огородная работа совсем предоставлена женскому полу; разве когда мужчина вспашет огород, дабы тем работа была поспешнее. Итак, огороды сперва уваживаются, потом или пахут их грядами, или гряды вскапывают заступами. В разные времена полют негодную траву руками; насажденные вновь плоды поливают,нося воду или из реки, или колодезя ушатами или кувшинами, ибо, мимоходом сказать можно, что ведры в селении моем неупотребительны. Первое в русском огороде и наиболее других уважаемое растение есть капуста, ибо она составляет основание ежедневной пищи русского народа, щей, или штей; потом редька и лук, яко пища постных дней, насаждается предпочтительно; опричь того в огородах садят огурцы, морковь, маленько репы, да в двух огородах, дворовым людям принадлежащих, садят картофели, или яблоки земляные¹⁰; сверх того, многие в огородах своих имеют несколько яблонь.

Образ огородного земледелия есть таков, что не может быть обширен ради трудного образа полонья¹¹ и поливанья. Если бы для полонья употребляли скребки, маленькие заступы или сохи ручные, а поливали бы желобками, то великая бы произошла в сем земледелии перемена. Но доколе сего не будет, огородное земледелие будет всегда во младенчестве.

Капустные семена сеют всегда в рассадниках, то-есть в ящиках на четырех колях, вышиною от земли аршина в два. Сии семена сеют в исходе апреля месяца, прилежно поливают, на ночь закрывают и дают расти целый почти месяц и называется рассадою. Когда растение уматерееет, тогда сажают его по одиначке, на три четверти одно от другого расстоянием, на особых грядах; сначала два или три раза в день поливают, а когда оно хорошо укоренится, тогда уже его более не поливают, но только полют. Лук, морковь, свеклу и картофель садят около Николина дня; огурцы, репу и редьку — гораздо позже. В близлежащем от меня городе садят брюкву, или бушму, в земле, которая родится величиною в человеческую голову. Садят также

несколько бобов, но мало. Но oprичь капусты и свеклы, которую рубят и квасют, все овощи едят зеленью. К огородному земледелию надлежит причислить хмель и распложение* оногo, а в заключение — распложение* плодoсных дерев, то-есть одних яблонь.

Способы возделывания у нас не весьма обильны, а потому и хлеба родится у нас мало. Если крестьянин не семьянист, то он близко того, чтобы быть нищим; если одинокий, да и почти всякий крестьянин, богат, то конечно не от земледелия. Они не знают, каким образом оное обогащать может, и вместо того, чтобы прилежать к оному, — прилежат к торгу, и когда богатеют, то богатеют оным. Но о сем будем говорить пространнее, когда коснемся промыслов и упражнений крестьянских.

Способ первый к возделыванию земли есть рабочий скот. В нашей стороне землю возделывают лошадьми. Следующая есть соразмерность лошадей к населению и пашне.

Всего населения	360
Пашни	700 десятин
Лошадей	150

Итак, на одну лошадь два селянина, то-есть по лошади на работника, считая мужчину и женщину, и $4\frac{2}{3}$ десятины на лошадь. Исчислим все труды ее во время пашни. Вспахать, положим, каждую десятину два раза и два раза боронить. Из $4\frac{2}{3}$ две трети возделывают в лето, то-есть 47 сажень в ширину и 80 в длину. Полагая на аршин три борозды, выйдет 423 борозды по 80 сажень длиною; умножив двумя, итак лошадь пройдет $270\frac{2}{3}$ версты сохою и 30 верст бороною, полагая две бороны на сажень. Итак, лошадь в три раза летом, то-есть в 12 дней, совершит 300 верст, по 25 каждый день; приложи к сему 50 поездок за навозом, 4 за сеном, из коих две за 13 верст, и всю уборку хлеба, то удивиться можно, как крестьянские лошади могут сию работу исправлять, сообразя с тем зимний корм — солома с малою посыпкою, а летом трава; приложи к трудам ее все поездки в лес за дровами и другими нуждами, подводы казенные, общественные и господские ¹², то едва ли должно заботиться, чтобы лошади были у крестьян хорошие, ибо сколь бы она хороша ни была, худому подвержена будет жребию.

* В издании 1811 г. ошибочно напечатано «расположение». — *Ред.*

За лошадьми следует скот рогатый: 100 коров, телок и телят, едва ли больше 300 овец, 70 или до 100 свиней и боровов. Когда же было господское хозяйство, то было овец 200, рогатого скота 50, лошадей 30; но крестьяне держали по пропорции лошадей меньше. От лошадей польза в возделывании земли и все нами исчисленные работы; от коров молоко, выручаемые деньги за бычков; от овец шерсть и овчины на одежды, мясо для пищи; свиньи для мяса, поросята и кормные борова на продажу. Птиц держат очень мало, и то одних кур. А от всего скота навоз, который умножают постилкою ежедневною ржаной соломы, которая, смешавшись с калом и урином скотским, перегнив, производит наилучшее вещество для удобрения пашен; но количество оно очень мало. Каждая лошадь едва ли вывезет 50 возов, но положим 100 на лошадь, то сделает, что все крестьяне вывезут навозу 15 000 возов, разделим по 400 на десятину, то выходит, что селяне мои уваживают в год $37\frac{1}{2}$ десятин; а поелику навоз возят на три поля попеременно, то всей навозной земли в пашне нашей $112\frac{1}{2}$ десятин, то-есть из всей пашни немного больше седьмой доли. Какое бедственное хлебопашество, но со всем тем, если бы к сему земледелию присовокупляли селяне земледелие огородное, то обильное бы имели прокормление, ибо положим урожай сам четвертой, то озимого хлеба будет 320, а ярового — вдвое, то и придет всякого хлеба на жителя почти по 3 четверти. Употребляя затем зимнее время в работу или промысел, состояние земледельца трудолюбивого может быть сносно, но только сносно, без избытка. Таков счет крестьян ярославских, костромских и некоторых других.

Говоря о скоте рабочем и другом, яко способе возделанию и удобрению земли и размножению хлебопашества, я не лишним почитаю сказать несколько слов о скотоводстве нашем вообще. Из предыдущего видно соразмерность нашего скотоводства к земледелию, теперь скажу о образе прокормления и воспитания скота. Лошади в селении моем весьма малы ценою, от 6 до 25 рублей, ибо из селян моих мало извозничают и дорогих лошадей не держат. Итак, весь капитал лошадиный не дороже положить можно, как 2000 руб. Жеребцов в селении нашем нет и кобыл очень мало, а потому и жеребят; и можно сказать, что скотоводство в сем отношении дичего не значит и почти прину-

жденно; и если бы необходимость того не требовала, что нужны лошади для земледелия, то лошадей бы у нас не было. Теперь лошадей у нас на убылые места покупают, да и прокормление их таково, что жеребенок худо вырасти может, ибо во всю зиму лошади oprичь мeсива ничего не знают, то-есть сечки с малою посыпкою. И так, солома яровая, а в недостатке и ржаная, есть главный зимний корм. Овес и сено дают только тогда, когда отъезжают в дорогу. Весною и летом во время пашни лошади питаются травой, растущею около полос; по ночам отъезжают с ними малые ребята, девки уже довольно взрослые, а иногда и молодые бабы в лес версты за две или за три. Когда же хлеб уберут с полей, то лошади ходят по жнитву, а в осень нередко и по озимям; при таком корме лошади бывают тощи и хотя бы были хорошей породы, то не возмужая истощают и к употреблению слабы.

Быков держат в селении нашем случайно; коровы есть во всяком дворе. Скотина вся очень малоросла и нехорошей породы, от 5 до 12 рублей. И так, весь рогатый скот стоять может 800 или по высокой цене 1000 руб. Летом все пасутся в общем стаде, сперва около лесов, потом по паровому полю, а после жатвы — по жнивам и луговинам. Зимую скотину кормят яровою соломою, отелившихся коров — только сеном; при таком худом корме скотина тоща, молока дает на самую нужду, а масла копят только на розговенья и на масленицу. Рогатый скот в работу не употребляется, да и употреблять не умеют.

Овцы летом пасутся вместе с рогатым скотом; зимою кормят их сеном; соломою кормить боятся, говорят — помрут; когда ягнятся, то держат матку и ягнят с собою в избах, также телят и поросят со свиньею. Овец держат не в приборе¹³, оттого, думаю, их шерсть песиковата; стригут их в начале весны и осенью; доить их здесь не в обыкновении; хлебов или овчарен особых они не имеют. Овца продается от 150 коп. до 2 руб. По средней пропорции капитал в овцах немного более 500 руб.

Свиньи летом пасутся в стаде, а зимою кормят мякиною; опоросившуюся свинью и взрослых боровов, готовящихся на убой, кормят несколько хлебом. Капитал в свиньях стоит до 200 руб. И так, весь капитал в скоте состоит из 3700 руб., положим 4000. К упражнению

скотоводства можно присовокупить пчеловодство; пчелы в 4 дворах, ульев счетом между 40 и 50.

Орудия земледельческие суть второй способ возделывания. Они самые простые, таковы, каковы были, может быть, за сто лет. Землю пашут сохою о двух сошниках гораздо тупых, да и нужды нет, чтобы были очень остры: ибо земля столь тоща, что мало травы производит. У сохи железная палица, а в Туле видел я палицы полированные. Второе орудие есть борона: шесть рядов или 36 зубов деревянных, сплетенных прутьями. Огородное орудие: заступ не очень ловкий и грабли. Для сена: грабли и коса; заметим, что косы все немецкие; одна была фабрика косная, но не знаю, существует ли. Горбуш, или сибирских кос, не знают, которые тем только преимущественны, что сено сохнет скорее. При жатве хлеба употребляют: серп и косу с пальцами, что гораздо поспешнее и выгоднее. Такими бесхитростными орудиями возделывается у нас земля. Всякому новому заведению противится и предрасуждение, и малые крестьянские капиталы и нерадивость земледельцев. Капитал, употребленный на таковые орудия, очень мал и едва ли стоит 200 рублей, считая тут телеги и упряжку конскую.

В соразмерности со всем состоят и земледельческие строения; не кладу я в счет избу и баню, которые нужны всякому состоянию; опричь того двор покрытый, весной и осенью очень грязный. Хлев, сарай сенной, довольно непрострапный, и овин обыкновенный, весьма дурного и опасного сооружения; стоит до 1000 рублей.

Способ последний земледелия суть задатки, земле даваемые. Сии суть удобрения земли для семян. Удобрение делается посредством навоза, на дворах накопляемого; он ничего не стоит, да и купить его нельзя. Другого рода удобрения у нас не знают.

Семян по сказанной нами уже пропорции в посеве на десятину выходит в год на 2000 или 2500 руб., в дорогой год, может быть, на 3000 руб. Повторим.

Капитал скота	4000
» орудия	200
» строения	1000
» семян	3000
	<hr/>
Всего	8200

Работу земледельческую за мужчину по 20, женщину — 10, девок и ребят взрослых по 5 на лето, может стоить в лето 2500 руб.

Сравним мимоходом, не разбивая в разные стороны, доход всех моих селян с избытком хлеба, за исключением семян; в сей статье заключится также доход от лошадей и навоза. Семян выходит ежегодно:

Озимых	250	четверт.
Яровых	500	»

Урожай мы полагали третичный, то:

Озимого хлеба	750
Ярового	1500

За вычетом семян,

Озимого	500
Ярового	1000

По средней цене за яровой по 2 руб., за озимый 3 руб. будет:

За озимый	1500	руб.
» яровой	2000	»
<hr/>		
Итого с хлеба . . .	3500	»

С коров доходу в каждый год, считая молоко, масло и продажных телят	600	руб.
С овец шерсть, битые бараны и овчины	250	»
Со свиней, считая битых поросят и боровов	70	»
С пеньки, покони и льна	580	»
<hr/>		
Всего крестьянск. дохода . . .	5000	руб.

Что и составит более 50 процентов.

Исчислим также издержки:

Подушных ¹⁴ и прочих около	230	руб.
Рескрутских деньгами в год	100	»
Прочих и общественных	70	»
На содержание свое хлебом	2000	»
Доход с коров почти весь	500	»
Доход с овец	250	»

Со свиней	40 руб.
Поскошь и лен	280 »
На мелочи всякие	30 »
<hr/>	
Господского оброка	3500 руб.
	800 »
<hr/>	
	4300 [руб.]

Остается 700 — на 360 — почти по 2 рубля, что каждый год от земледелия приобретается. К сему прибавить 50 человек, ходящих в зимнюю работу и выработывающих по 15 рублей каждый;

будет	750 руб.
да	700 »
<hr/>	
	1450 [руб.]

Итак, можно считать, что каждый год селяне мои около 1500 руб. приобретали капитала, из коего оточтя 500 руб. на праздники, выйдет по 25 рублей каждый год в клад¹⁵. Сие исчисление, конечно, не увеличено, но если найдутся дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 руб., то у других нет в кладу ни копейки по причине или распутной жизни, или несчастных приключений, как то: скотский падеж, совершенный неурожай и прочее, тому подобное.

Исчислив таким образом все упражнения селян, относящиеся до земледелия и скотоводства, яко пособия оно, теперь рассмотрим их рукоделия и способы приобретения, особнящиеся от земледелия. Рукоделие крестьянское всякое, если оно его не отлучает от земледелия, есть весьма полезно. — Следует, что самые мануфактуры, фабрики, заводы, звериные промыслы, извозы, поелику совершаются в зимнее время, суть весьма полезны, ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не может лучше употреблена быть, как на что-либо полезное или нужное. Но рукоделие и ремесло моих селян таково, что далеко их отвлекает от дома, да и на долгое время. Общее рукоделие женщин есть: прясть и ткать; прядут лен, шерсть, посконошь, а конопля обрабают в пеньку, которую продают купцам для отвоза на Гжатскую пристань.

Испряденную шерсть употребляют на сукно, черное и смурое, на зипуны, или кафтаны, белое — на онучи.

Окрасив белую пряденую шерсть, ткнут из нее паневы, пояса и оборки.

Лен и посконь прядут и ткнут холст; но всегда не шире десяти или двенадцати вершков; ткнут полотенцы с красными коймами. Холст идет на рубашки и частью на продажу.

Мимоходом заметим, что в России вообще три рода женского платья в простом народе, oprичь того, которое носят, подражая вышним сословиям: сарафан, панева и полушубок или телогрейка с юбкою. У нас носят паневы, то-есть короткая шерстяная юбка, узоры которых доказывают финское ее происхождение; рубаха шитая. Девки ходят в одних рубахах; летом у мужчин рубахи с шитым подолом, воротом и красные оплечья и ластовки. Все сие заставляет думать, что толико легкое одеяние происхождения свое имеет из теплых климатов. Полушубок есть греческое; сарафан, может быть, славянское; но я удалился от моего предмета.

Рукоделия мужские суть различны. Первым крестьянским можно почесть плотничную работу, ибо нужда того требует; и в России, а у меня в особенности, всякий селянин — плотник; но сверх того между ними суть такие, которые плотничаньем приобретают деньги и таковых только я поставлю в счет. Следующие суть роды рукоделий:

Серебренники.	Плотники.
Канительщики ¹⁶ .	Извозчики.
Кожевники.	Известники.
Пильщики.	Мостовщики.
Кирпичники.	Торгаши.
Каменщики.	Пастухи и батраки.
Овчинники.	Лапотники столько, сколько
Портные.	дворов.

В других землях таковое исчисление рукоделий имеет место между городскими жителями, но в России долгая зима, малое плодородие некоторых губерний и худое хлебопашество преобразуют множество деревень в города.

Рассмотрим вышесказанные рукоделия, и поколику каждое из них полезно в связи своей с земледелием, и которое для него удручительно и расторгающе¹⁷.

Серебренник не есть земледелец и не вышел рукоделием своим из своего состояния. Хотя умеет делать

всякую работу, но упражняется только в починках окладов, делает перстеньки, кресты, серги и другие для селян нужные вещи серебряные и медные; ездит по ярмонкам, продает оные и покупает выжигу¹⁸ или из чего оную делать может.

Живет обыкновенно дома, и если бы он был земледелец, то мастерство его ему бы не было помехою в возделывании земли. Упражняется с женою в огородничестве и садоводстве; выучился по отцовскому приказу, который заплатил деньги; умеет читать и писать.

Канительщик выучился сам; отец заплатил за него 20 руб.; живет обыкновенно в Москве один; имеет жену и детей, живущих у его отца; приходит в год раза два или три; прибыток получает очень хороший; но не есть уже земледелец.

Кожевник, отходя на работу, бывал на заводах кожевенных и выучился сам; но сей род упражнения показался ему невыгоден, и он оставил почти свое ремесло, которое его от земледелия не отвлекало, ибо и ныне летом живет дома и возделывает землю.

Пильщиков ремесло почитается за весьма выгодное, ибо они более других достают денег. Обыкновенно, когда отходят, берут с собою из дому рублей до пятнадцати, ибо ходят далеко: в Малороссию, Киев, Херсон, Са[ра]тов, Астрахань и Петербург, где пилят корабельный лес. Пилы имеют свои, немецкой, а более английской работы, но не всякий имеет, и для того не имеющий идет в товарищи; всегда ходят по двое, в год выработывают на двух до ста рублей и более, по из того вычти, что возьмет с собою на дорогу, что на месте издержит. Уходят из домов в начале сентября, когда хлеб убирать начнут; возвращаются в начале июля: итак, дома не бывают от 9 до 10 месяцев. Земледельческих работ исправляют только сенокос и жатвы две трети. Итак, сказать можно, что сии начинают уже выходить из звания земледельцев, любят сию работу, по той более причине, что живут на воле.

Кирпичников было больше, но с тех пор, как завелись пильщики, то их немного; работают в Москве во все лето и имеют на земледелие время только в апреле и в конце августа. Иногда тот же, который ходит летом в Москву делать кирпичи, зимою ходит в другую работу; итак, кирпичник, так, как пильщик и каменщик, есть худой земле-

делец. Каждый кирпичник в лето выработывает не более 50 руб., но половину проживает.

Каменщики работают случайно, но поблизости бывает работа, и они, находя выгоднее в дом нанять работника, сами дом оставляют, но сия работа не ежегодная бывает, так же как и мостовая; но сия еще меньше отвлекает от земледелия, ибо исправляют ее по времени.

Сколько есть пильщиков, более еще овчинников, и с сего ремесла начинают все молодые люди, из домов отходящие. Многие из них отъезжают на лошадах; те, которые ходят хозяевами, получают до 60 рублей и кормят лошадей во всю зиму, другие же идут в работники из половины, третьей и четвертой доли; сверх денег получают пищу.

Портные отходят от домов только зимою; шьют по большей части только шубы и крестьянские кафтаны; выработывают неравно.

Плотники работают всегда поблизости, по большей части весною и осенью, и сия работа мало их отвлекает от земледелия.

Извозничают очень мало и совсем безвыгодно, хотя то и бывает зимою.

Лапотников найдешь в каждом дворе, ибо кожаную обувь редко увидишь.

Известку ломают и жгут, если есть на то случай; ломают весною и осенью, жгут и возят зимою. Сверх сего двое держат постоянные двory, получая в год каждый барыша до 30 руб. Промышляют иногда торгом, покупая сено, и отвозят его на торг в город или с решетами и кадучками в степные хлебные места, где товар меняют на хлеб. Помоложе нанимаются в пастухи и в летние работники, в лето за 10 и 15 руб., иногда и бабы нанимаются в казачихи ¹⁹.

Из всего вышесказанного можно видеть, что пильщики, каменщики, кирпичники суть худые земледельцы, потому что не живут дома, и можно сказать, что $\frac{1}{4}$ работников земли не возделывают, и не только от того вред земледелию, но вред населению, ибо отлучен от семейства, вдается в пороки, приносит болезни в дом. Баб с двадцать молодых бездетны, и удивляться не должно, что они [не] соблюдают верность брачного ложа: живут одни без мужей, а сии им в распутной жизни дают пример.

К сему предварительному, паче многолетняя войны, опустошению, коего причина во всегдашней и долговременной отлучке крестьян от домов своих, можно другую же, оному поборствующую²⁰, найти причину, то-есть несоразмерность браков. Всеобщее почти у нас обыкновение женить малолетних ребят на взрослых девках. От того следующее неудобство: если девка 18, 19 и 20 лет, а парень 14, 15, а иногда 13 и 12 лет, то сперва молодая баба научится жить распутно, нередко берет ее свекор для себя; или же муж ее, начав очень рано, истощать должен свои силы, и до двадцати еще лет может стать к браку уже худо способен. Потом баба состарется, и муж станет жить распутно, чему, ходя по свету, выучивается.

Прививание оспы не в употреблении.

Если мы рассмотрим состояние земледельца в подробности, то величайшие его отношения и обязанности состоят против его господина²¹. 1. Сей может его продать оптом или подробно; не шуткою сие сказано, ибо сия подробность может быть такова, что дочь от матери, сын от отца и, может быть, жена от мужа продается. Но с публичного торгу только в разницу продавать запрещено, а оптом. Есть экономы, которые, изнузив земледельца работою, продают его остальные силы. 2. Господин может его заставить работать, сколько хочет. Ныне только запрещено работать по воскресеньям, и советом сказано, что довольно трех дней на господскую работу; но на нынешнее время законоположение сие не великое будет иметь действие²², ибо состояние ни земледельца, ни дворового не определено. 3. Господин может его наказывать по своему рассмотрению, он судия его и исполнитель своих приговоров. 4. Господин есть господин его имения и детей его, дает и отъемлет по своей воле. 5. Распоряжает браками и спаряет, как хочет; следовательно, земледелец есть раб в сем отношении совершенно. Итак, не может господин уволить селянина своего от государственных податей, от наказания за преступления, заставить жениться на родне и в посты есть мясо.

В отношении государства селянин обязан: жить на одном месте, но и то, доколе господин его хочет; отдавать рекрут всякого рода какие бы ни были; платить подати; судиму быть за общественные преступления в судебных

местах. Итак, селянин, если имеет употребление чего-либо, то делается только из благосердия господина. Но, кажется, поелику поселянин платит подать, то он, для* удовлетворения тому, должен иметь собственность и проч.

Показав тебе, какого рода земля моего владения, какие употребляются средства к ее удобрению, образ возделывания оной и насаждения, орудия, для оного употребляемые, каким образом производится жатва и приготовления сена, словом, сказав тебе все то, что касается до строительства моего селения и до самих поселян, я чувствую, что желанию твоему не удовлетворил по мере твоего любопытства. Ты захочешь иметь исследование химическое верхнего и прозябательного слоя ²³ земли, да и тем паче, что кажется в подробности оного не исследовано, и поколику каждое начало оной земли действует на произведение былий, слышу, ты вещаешь: лучшее средство исследования есть сделать состав земли, верхнему слою подобный, и подражать его плодородности; но ты требуешь нечто от меня нового и больше, может быть, нежели доколе досязается химическое мое знание; итак, жди, когда я оное исследую и представлю на твое суждение сделанные мои опыты — вновь ли изобретенные или повторенные. — Ты пожелаешь потом узнать, какие суть лучшие способы и обряды удобрения земли пахотной, ибо справедливо заключаешь, что нынешние суть весьма недостаточны; количество навоза на то употребляемого есть малообильно, равно как и способы к размножению оного; захочешь узнать о лучшем образе возделывания земли и об орудиях, лучшему хлебопашеству соразмерных, о лучшем образе засева и сбора плодов, с исправленными для того орудиями. Ведая, что сена в соразмерности пашни мало, захочешь узнать о способах размножения оного, о удобрении лугов природных и о разведении искусственных, как и о размножении трав и овощей или корней съестных для произведения лучшего скоту корма и паств ²⁴, захочешь узнать о лучшем способе в содержании скота и оттуда истекающее размножение оного, — потребуешь о лучшем строении, для земледелия нужном, и, наконец, о средствах дать селянам упражнение в зиму, яко праздное в деревне время.

---

* В издании 1811 г. напечатано «дал». — *Ред.*

Поелику один верхний слой земли есть слой прозябательный и производящий, то мы о нем только говорить станем, и его исследованье полезно быть может, а прежде всего скажем то, что он никогда не однороден и, кажется, что счастливое и случайное смешение разных земель делает весьма слой плодородным или бесплодным. К плодородию много способствует климат и попеременное влияние дождя, теплоты, ветров и, может быть, грома и молнии, ибо не было еще толь тщательных наблюдений, чтобы узнать, какая погода есть самоплодороднейшая. Иногда она такова, что самые худые земли производят, как хорошие, как то в начале 1797 года. Также во всякой земле находятся разные соли и металлы, а из сих, когда никакой другой, то железо, конечно. Если то верно, что почти всем вешам железо дает цвет, траве зеленость, румянец розе, небесную синеву васильку, то не с вероятностью ли заключить можно, что черный и серый цвет земли от повсеместного расположения сего металла происходит, так, как цвет глины—красный, желтый, синий. А поелику горючий газ есть одно из составительных веществ растений, то или земля содержит его в себе в каком-либо изменении, или, что вероподобнее, что он производится посредством содержащегося в прозябательной земле железа, в кислости какой-либо растворенно, и сле произведение бывает наипаче после дождя; тогда при согревании солнца земля есть истинная песочная баня. Но о сем жди исследования моего*.

Я мало читал химических и экономических книг; в первых я находил исследования разных начальных земель, но не нашел исследования разных земель прозябательных, ибо оную почитают смешением разных начальных земель. Начальные, или первенственные, земли по Кирвенову²⁵ разделению суть:

- А. 1. Каменная или песочная.
2. Квасцовая, основание всех глин.
3. Известковая.
4. Горькая, или магнисная, или терпентинная.
5. Тяжелая.

* Что кислоты купоросной, вероятно, много в черноземе, то явствует на Тютиаре, ибо слой земли купоросной лежит под цею и много охры, которая есть также растворение железа.

В. Металлические земли суть толики, колики суть металлы.

С. Солей, сколько из составов разных кислотей с землями, металлами и алкалиями быть может.

Д. Газы многообразные.

По наружности земледельцы земли разделяют: на чернозем, на землю глинистую, песчаную и меловую; на всякой глинистой и песчаной есть чернозем, и они потому плодородны, поколику велик в них оного примес. Та земля, где много песку, но не голый песок, называют сущесь; а ту, которая более имеет глины, — сухлить. Кажется, наш кряж, хотя по виду есть глина, но есть иловатая земля, ибо в огне не твердеет, с водою хотя льнет, но, обгорев, разваливается. Кряж около Петербурга, особливо к Нарве, каменист. Обыкновенным земледельцы разговором, говоря про земли, ставят противоположности: горяча или студена, мокра или суха, рыхла или плотна, мягка или тверда, легка или тяжела, сочна или тоща; но все сии названия суть мало определенны, и дабы о них ясное иметь понятие, то бы должно было их точнее определить, в чем каждое свойство состоит и от какого земель смешения зависит.

Один российско-английский писатель о земледелии ²⁶ преподает следующие способы к познанию разного свойства земель: положив правилом, чтобы ниже верхнего слоя никогда ни пахать, ни копать. 1. Вырой яму по произволению шириною, глубиною во всю толщину слоя, тогда свойства ее вышепомянутые будут явны, горяча ли она или холодна и проч. Дай сей вырытой земле полсжать на воздухе день или два, потом ввали ее в ту же яму и утопчи, то тощая и скудная не наполнит, средственная наполнит, а богатая и тучная преисполнит яму, так, что как ее ни топчи, но не вместится. Я не говорю, для чего бывает так по его мнению, ибо оно для меня неубедительно. — 2. Добрая земля бывает черна или исчерна сера, после дождя приятный запах испускает, на языке рассыпается и тает, и если потереть ее между пальцами, она к ним льнет и мягка, жирна и слизка бывает; напротив того, худая бывает иссветла сера или желта, или ничем не пахнет, или пахнет худо, на языке дает вкус горький, кислый или вязкий, в руке шероховата, легка и воздревата. 3. На горах, холмах и косогорах земля хуже, нежели в долинах,

лощинах, займищах, оврагах и буераках. 4. Где растет дуб, клен, вяз, яблонник, буквица, ромен²⁷, клубника, там земля добра. Березник показывает убогую глину, а сосняк, можжевельник и молодиль²⁸ — сухую супесь; а тростник, мох, хвощ, осока — мокрую землю и болотную.

Для исследования, из каких веществ состоит верхний слой земли, следующие суть опыты: на 16 золотников земли налей 4 зол. морской кислоты и 39 зол. воды перегнато²⁹; если много кипит, то прибавь еще кислоты и дай отстояться, доколе кипеть перестанут. Подливай кислоту, доколе кипеть не перестанут. Процеди сквозь серую бумагу; на землю, в цеделе оставшуюся, влей $\frac{1}{8}$ ведра воды, жижу храни, а землю из цедила разведи водою и размешай. Песок, в земле содержащийся, отсыдет скоро, с одного слей воду мутную, и если в ней есть глина, то сядет после; высуши и узнаешь количество песку и глины. Буде в земле есть колчеданы, те тут же отсыдут. Его в земле истребляют многократным паханием и известью. В цежу на 8 золот. кислоты прибавь 12 золот. *едкой летучей соли щелочной* или *водки соли амониаанской с кипелкою*³⁰; если, цеда, замутится, то в земле есть магнисная или квасцовая земля, или металлическая, то-есть железная или медная, известь. Процеди замутившуюся цежу опять и влей раствору *неподвижной травной щелочной соли*. Если цежа замутится, то есть в ней известь; подливай соли, пока мутиться не перестанет, процеди, мой остаток в воде, и что отстанет, то будет известь.— В хорошей земле обыкновенно $1\frac{1}{4}$ воды; дабы узнать количество питательного сока в земле, от согнания животных и прозябательных вещей происходящего, возьми пуд земли, влей $2\frac{1}{2}$ ведра воды, кипяти целый час, дай отстояться, слей жижу, сделай то в другой раз, жижу выпари досуха; остаток — сок сей, его бывает $\frac{1}{400}$.

Узнать металлическую или земляную соль: на 8 фун. земли влей кипятку $\frac{1}{32}$ ведра; дай постоять, смешав, процеди сквозь бумагу, в цежу влей *alcali fixe vegetal*³¹ разведенной; цежа замутится, если есть соль металлическая или земляная. Процедив, паки *едкой алкали летучей*. Процеди и прибавь *alcali vegetal*; если замутится, то есть соль известная; если замутится от *alcali летучей едкой*, то какая-либо другая тут соль земляная или металлическая; в цежу прибавь наливки орешковой; если замутится, то есть квасцы или металлическая соль; если почернеет, то же-

лезо; если посерест, то медь или квасцы. Если же прибавишь *alcali*, то от меди посинеет, от железа позеленеет, а от квасцов побелеет. — В цежу к наливке орешковой влей *едкой летучей alcali*, то отсядет магнисная земля. Соли в цежах садятся кристаллами — сии соли истребляют в земле кипелкою.

Из всех сих опытов видно, сколь они недостаточны, и что точно прозябанию лучшему способствует, оным не узнаешь. В трудах Экономического общества³² переведено небольшое французское сочинение, содержащее решение задачи, предложенной Бурдовскою академиею: *какая причина вероятнейшая к плодородию земному?* Автор говорит: поелику растения не из одних водяных состоят частей, но и земляных, следовательно, и питательный сок состоит из того и другого. Под именем земляных частей разумеет автор также и соляные и тучные частицы, ибо они не токмо смешаны (*intimement*) с земляными, но и существование свое имеют от земли. Сии части, водою растворенные, входят в корень и питают растения; следовательно, плодородная земля есть та, которая оные части содержит, а бесплодная — которая их не имеет, а может оные получить чрез искусство. Для познания сих частей следующий сделал он опыт:

На плодородную ненавоженную землю налив кипятку, дал стоять несколько часов, щелок тогда имел гвоздичный цвет. Процедил, цежу выварил, щелок под конец был темногвоздичного цвета. По краям сосуда приставала тонкая и тучная земля; щелок покрылся перепонкою. По совершенном выпарении осталось соляное вещество гвоздичного цвета. По частом цежении и выпарении ничего не осталось; чем земля плодороднее, тем крепче щелок. Земля кислотая, глинистая и песчаная щелока дает мало. — Перегнал щелочной экстракт; сперва пошла флегма равного с землею запаха и вкуса. При умножении огня желтоватая пошла влага крепкого и вонючего запаха. Если же огонь очень силен, то, вспенясь, перешла вся. На дне осталася белая, легкая и ноздреватая земля; выщелочив оную, получил $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ *постоянную соль сложную*, которая с кислотами не кипит, иногда же она сама *alcali*.

Итак, плодородная земля содержит 5 частей растворимой земли и 1 часть соли. (Какая земля и какая соль — не сказано.) И автор заключает, что она тучна, ибо пенится

растворяема; ибо расходуется в воде до чиста и топка; ибо проходит сквозь серую бумагу и не делает осадки и пристаёт к краям сосуда во время варения.— Соль вываренная бывает неодинакова, иногда селитряна, ибо экстракт на огне трещит и пыхает, а *caput mortuum*³³ есть соль средняя, ибо не кипит; также садятся малые кубки поваренной соли.

Я предварительно сообщу некоторые замечания в испытании земель и их плодородия. Земля моего владения серовата изжелта; порастает, если не пахана, елкою и щавелем; без навоза родит яровое, а рожь не всегда; родится всегда ячмень лучше другого хлеба. Следственно, по правилам и практике она самого худого рода; но бывают годы, как то 1797, что она родит хлеб всякий без удобрения; следовательно, одно влияние духокружия³⁴ может доставлять ей плодородие. Положив в стакан кусочек сей земли, я наливал ее водою и чрез несколько времени находил, что вода сквозь всю ее проступила, она вся распустилась, села на дно и воду оставила прозрачную без всякого вкуса и запаха; но вода в нее не так скоро проходит, как в тютнарский чернозем, ибо сей проницаем бывает мгновенно; а причина тому, что в тютнарском черноземе есть половина песку самого белого, довольно крупноватого. Кажется, что можно заключить, что, чем вода лучше и скорее проникает землю, тем она лучший дает плод. Сие подтверждает опыт; в нашей стороне те места, где пашня не поката, она плодороднее других. Земля около Петербурга совсем сера и плоха, но лучше нашей, ибо в ней много камня и вода ее проникает удобнее. Если пашня у нас мягко распахана, то вода ее лучше проникает и более способствует к ее плодородию.

Следующие опыты я делал с тютнарским черноземом: в огне обожженный совершенно, но не столько, как горшки, он пожелтел; а один раз, обожженный и намочен водою, испустил дух серной печенки³⁵, который, однакоже, скоро разлетелся. Сей дух, думать надобно, произошел от пережженного колчедана. Размешанный в воде, дал половину белого песку и несколько весьма черного, на железный похожего, но магнит его не притягивал. Земля, отделенная от песка, была очень тонка, как бы топчайшая глина, и тихо садилась на дно, но села, и вода осталась прозрачною. На землю далил я селитряной кислоты или

крепкой водки ³⁶ белой, потом сливной щелок сей и землю омыл и высушил, стала бело-серая; водка стала желта, сильный испускала запах, хотя не дымилася; а сгущенная, оставила несколько кристалльных иголок, коих вида определить было не можно за неимением микроскопа. Вкус сих кристалей показывал стягивающее и железистое вещество. Сей опыт и черный вид земли доказывают, что она много содержит железа, растворенного неизвестною жидкостью и, вероятно, удобно производящего воздух горючий, в состав всех растений входящий. Купоросная кислотность, влита на сию землю, не извлекла ничего и бела осталася.

Но не время еще говорить мне о том, чего я не исследовал с точностию; опыты недостаточные могут в вящее завести заблуждение; доселе известно то, что можно, посредством наипаче навоза, сделать землю худую равную хорошей в произведении; но удобрение сие есть временное, а чернозем остается плодороден навсегда. Если кто искусством покажет путь легкий и малоиздержестный к претворению всякой земли в чернозем, тот будет толикий же благодетель рода человеческого, как Триптолем или Церера ³⁷, научившие смертных возделывать землю; но хотя бы он и явился, благотворный сей гений, правительства наши не уважат его трудов, и сей жизнедательный новый Иракий ³⁸ поживет неуважасем, презрен, в изгнании, и истине — не велико ли ослепление их? Если до сего еще не достигли счастливые или остроумные опыты, то обретен[ие] хлебного дерева сама природа дала к благоденствию вящему неимущего знак, но никто его еще не познает.

II

Обратимся теперь к средствам, изведенным и в новые времена употребляемым для удобрения. В английском земледелии правилом полагается, чтоб, удобрив землю, должно стараться сохранять данную доброту земле. Сего последнего в России совсем не знают; во многих странах земли не удобряют (может быть, и не имеют в том нужды), а где удобрение и бывает, то оно не надолго. Итак, средства сии мы отыщем не дома, но у других народов.

Земля удобряется двояко: 1. Возделанием или паханием. 2. Навозом, то-есть примесом в пашенную землю каких-либо веществ, силу плодородию умножающим.

Хорошее возделание земли зависит от повторяемого пахания, свойству почвы соразмерного, от приличного свойству почвы сеемого хлеба и от доброты земледельческих орудий. Тот почтется в сем отношении искуснейшим, кто в кратчайшее время возделает более земли таким образом, что извлечет из нее наиболее возможный плод, употребляя на то малоубыточные средства; но все сие не иначе, как относительно понимать можно, ибо тот, который, вспахав десятину один раз, в один день, на одной лошади, получит с нее хлеба сам третий, не может в прибытке равняться с тем, который, десятину пахав два дни, два раза, на двух лошадях, получит хлеб сам шесть. На одном количестве земли один против другого иждивен в двое, но и получил в двое; следовательно, есть лучший земледелец. Хотя бы первый второй день употребил на другую и прибыльную работу, и капитал, на вторую лошадь употребленный вторым, употребил также с пользою, но то будет не на земледелие. Но если, получивший с нивы своей хлеб сам третий, хлеб его был драгоценнее другого, и он продажею его выручил более получившего хлеб сам шестой или хотя с ним наравне, то первого можно почесть лучшим земледельцем или, по крайней мере, остроумейшим, ибо меньшим иждивением и работою меньшею получил прибыль равную.

В Англии начинают думать, что заступ есть орудие предпочтительнее всех других для земледелия, ибо посредством оного земля гораздо лучше возделывается, нежели сохою, и на такой земле драгоценнейшие плоды возрастить * удобно. И поистине: если я с двух десятин в каждом из трех полей с наилучшим возделыванием, рачением и удобрением не более получу счастья, один год за другой, как 200 рублей, по другому же разделению с одной десятины в шести полях 350 рублей, то-есть: что шесть десятин по старому наилучшему обряду дадут мне 200 рублей, или по новому английскому манеру 350 рублей, а употребляя заступ, и с двух или же с одной десятины получу столько же, то вопрошу: что прибыльнее? И для того-то можно бы в полуденных у нас местах искуситься в насаждении сахарного тростника, пшена срачинского и проч.

---

* В издании 1811 г. ошибочно напечатано «возвратить». — *Ред.*

А хотя смеяться будешь, но скажу, что я в Земцове ³⁹ намерен садить арбузы; и, если можно, сохи все истреблю.

Возделывание или пахание, разумное употребление сохи и бороны, нив почестья может трояко: 1. Вспарение, или пар, то-есть приуготовительное пахание. 2. Пахание для посева. 3. Пахание для очищения и удобрения, какое употребляется в Англии и в других местах, где лучший введен образ земледелия, но у нас совсем неупотребительное.

Пар обыкновенно пашут в России только под озимь, обыкновенно в начале июля месяца, по окончании ярового посева, а где кладут на землю навоз, там — по вывозе с дворов навоза. Редко где случится (да и то делает разве какой помещик, земледелие или паче прибыток свой любящий), чтоб вспаривали поля осенью яровые или озимые. Хотя тому, кто сие делает, довольно известно, сколько сие для лучшего урожая в хлебе полезно. И то можно назвать паром, что пашут повторительно хотя перед посевом яровым, но всегда с перемешкою. Озимое поле парют один раз сохою и один бороною. Новину, или чищобу, может быть, больше; и сие делают в России повсеместно. Поселику под ячмень у нас пашут три раза, под овес два, то и можно первые паханья почесть вспарением. В Англии в иных местах под пшеницу пашут до шести раз, и все сие предварительные возделывания можно назвать паром. Разные овощи, на полях производимые, требуют вспарение пашни.

Засеяв землю, в иных местах в России употребляют соху, в иных — бороны. Вспахав и взборопив последний раз под яровое, засевают ниву и семена закрывают землю посредством бороны. Вспахав и заборопив последний раз под озимь, по засеянии землю взрывают сохою без бороны. На Тютнаре яровое сеют по жниву, подпашут сохою и боронят, а иногда сохою два раза. Под озимь предварительно вспашут, сеют и паки пашут. Следственно, работа в низовых местах гораздо лучше.

Паханье по посеве для очищения пашни в России не употребительно. В Англии производят то на овощных полях. Луга также вздирают скариффикором ⁴⁰ или сглаживают бороною без зубцов.

Обыкновенным образом пашут, делая борозду одну подле другой сохою; доехав до конца полосы, оборачивают сохою и, переложив палпцу, начинают другую борозду

подле же сделанной. Плугом же или косулею, сделав борозду с одного бока борозды, другую начинают с другого бока. Последние борозды сходят на средние полосы; и сие делают для того, что плуг землю всегда отворачивает на одну сторону. Боронуют, езда взад и вперед по полосе, иногда и поперек; также иногда пахут поперек, но в России сие мало случается.

Пред некоторым временем известный земледелец Толль ⁴¹, утверждая, что земля без навоза всякая, но одним влиянием воздуха, удобна производить всякие плоды, предложил новый образ возделывания земли. Он велит пахать землю высокими, но узкими грядами и таким образом вспаханное паровое поле пахать вторично и грядки делать на тех местах, где были борозды. Воздух, по его мнению, пронизывая землю, делает ее плодородною, и тем лучше она бывает, чем чаще возделывается грядами, ибо новую всегда представит на пронизание поверхность; но опыты такового земледелия были неудачны, и Толлевы правила мало в Англии имеют последователей.

Здесь присовокупим мы несколько еще правил, опытами утвержденных, до возделывания земли касающихся. Возделывать, утверждают многие, должно только верхний слой земли, нижнего не касаясь, ибо оный совсем бесплоден. Но кажется, что сие правило не может быть общее и повсеместное, ибо если верхний слой глина, а нижний опока или мел, то смешение сих двух земель произведет почву плодородную. Если положение мест таково, что требует насаждения лучших родов хлеба, например пшеницы, а известно, что сия любит глинистую землю, а верхний слой чернозем * с большею частию песка, то нужно возделывать нижний слой земли, если он глина, ибо смешение произведет изобилие плодов. Следует, что возделывание нижнего слоя может служить удобрением.

Если пашня лежит по отлогому косоугору, то нужно борозды делать поперек оногo, дабы снеговая вода и дождевая бороздами была сдерживаема; если же пашня лежит по крутому пригорку, то надобно некоторые по крайней

---

* На Тютнаре и около чернозем родит обильно рожь, овес, гречу, годами просо; с навозом: конопля, ячмень, но пшеницы не родит. На Волге, где земля рожь родит худо, пшеницы рожь в изобилии.

мере борозды сделать вдоль, то-есть сверху вниз, дабы вода свободно сбегала и не делала бы водомоин.

Также кажется, что по свойству земли надлежит употреблять и земледельческие орудия. Залог и землю рыхлую и глубокую лучше поднимать плугом, а не сохою; а тот, кто захочет в Ингерманландии пахать плугом, тот труд свой терять будет втуне.

Утучнение земли в России в низовых, степных и украинских местах не употребительно, также в Сибири по большей части; в прочих же местах употребляют только скотский навоз, но в оном не делают различия никакого. У селян весь скот, то-есть лошади, коровы, овцы и свиньи, стоят вместе, и навоз их вывозят вместе всегда летом; на десятину кладут по 100 телег, считая на телеге по 15 пуд. Конопляники и огородные места навозят ежегодно, но нивы — не чаще, как в третий год, а иногда и того реже.

Иные помешики делают и другие утучнения, например лист древесный, кожевенная кора, ил прудовой и золу, но мало. То все селяне знают, что всякое на пашне гноение ей полезно и утучнительно. В других землях, а паче в Англии, в великом употреблении *оложа*, или мергель, известь, мел. Рассуждая, что сии земли принадлежат к роду солей, что удобно притягивают в себя сырость из воздуха; зная из опытов, что известка есть matka селитры, то не побуждаемся ли заключить, что они суть навоз, потолкаю, поколику суть притягательны, и что плодородная сила земли получается ею из атмосферы; навоз же скотский, известно то из опытов, также родит селитру, имеет в себе летучую щелочную соль и удобновтягивательную свою силою сообщает земле плодородие, из атмосферы оною привлекая. Но чернозем мало и очень мало соли в себе содержит, и опытами известно, что глинистую пашню можно удобрить песком или хрящем; и поелику в тютярском черноземе содержится наполовину песку белого кварцевого, то не должно ли с вероятием заключать, что смешение разных земель также утучняет землю по той причине, что оно делает землю рыхлою и ко влиянию атмосферы удобною.

Селянам нашим и то известно, что та нива, на которой посеяна была греча, та земля лучше родит рожь. Но не

ведают, для чего, не понимая, что толстые ее корни; землю раздрав и согнив, дают навоз. Следует, что всякая даже трава, сгноенная на ниве, ее утучняет.

Но навоз надобно, чтобы хорошо был раздроблен по пашне. Из чего заключить можно, что он пашню делает рыхлою. Итак, думать можно, что все то, что пашню делает рыхлою, как то пахание, делает ее и плодородною: Итак, песок, положенный на глинистой ниве, способствовать будет к ее плодородию; но если к тому прибавится навоз, тогда она равняется с черноземом, ибо английские земледельцы признаются, что на земле, удобренной мергелем, если положен будет навоз, то она плод даст гораздо лучший.

Знают ныне средства к умножению навоза, способствуя гниению. Делают в покрытых от зною, дождя, а у нас и от снега местах кучи, возведенные по чреде из скотского вымета, земли, хворосту и чего бы то ни было, и дабы скорее произошло согниение, то оные кучи ворочают часто. Таким образом производят навоза большее количество.

Количество потребного на ниву навоза должно соразмеряться доброте или худобе нивы и качеству навоза. Около Москвы и Петербурга навозят пашни сколь можно. В Тамбовской и частию Тульской губерниях навозят поменьше; а если бы в Симбирской и Саратовской губерниях навозить хорошие земли изобильно, то хлеб никогда бы не созрел, ложась от силы и изобилия.

Удобряют также нивы суглокою, то-есть оставляя скот, а паче овец, на пашне на полдень или на ночь, делая около их загородки.

О удобрении лугов будем говорить после.

Новый род сеяния г. Толля и Дегамеля ⁴² состоит в том, что на ниве, вспаханной узкими грядами, сеять редко или сделанною для того нарочно сеяльницею сеять рядами на двух футах три ряда жита, а потом оставлять четыре фута пустого места, которое засеивается в будущий посев. Зерно будет одно от другого на семь и восемь дюймов. Следующею весною вырывают восшедший хлеб, где он меньше четырех и пяти дюймов в расстоянии, потом пашут пустые места особою сохою, что повторяют, когда хлеб начнет колоситься.

Многие из земледельцев семена хлебные готовят: иные их коптят в ригах, другие моют или вывешивают; иные мочат в щелоку или рассоле и после посыпают известью, иные сеют сыромолотные семена, иные — молоченные из сушеного хлеба. Но в том согласны все, что мытые, копченые или моченые пшеничные семена головни не родят, а кажется, опыты удостоверили, что на черноземе сыромолот лучше, а на навозе — сушеные семена. Но перемена семян избавляет и от головни и лучшую всегда дает жатву.

Примечено, что когда после обильных осенних дождей бывают заморозы сильные, то хлеб родится лучше, также когда первому снегу бывает осадка, ибо в сем случае земля удобнее промерзает. В *записках Стокгольмской академии* подают совет: снег на нивах укатывать тяжелым катком. Для глинистых земель, кажется, весьма хорошо, чтобы земля промерзла, ибо известно, что глина, приготовляемая горшечниками, кирпичниками, гончарами, бывает лучше, когда зиму пролежит на морозе и оным будет проницаема.

Количество семян, высеваемых на известном пространстве земли, соразмеряется по доброте земли и по качеству хлеба или паче по времени сеяния. В том все согласны, что на добрых землях меньше надлежит вверять семян ниве, нежели на худых, что озимого хлеба в половину надлежит сеять против ярового. Образ сеяния г. Толля есть самый редкий, на десятину выходит по четверти; в России моченых семян на десятину по десяти и двенадцати четвериков, озимого хлеба от двенадцати до шестнадцати четвериков, ярового овса и ячменя от трех до четырех четвертей.

Орудия, употребляемые в России для возделывания земли, суть плуг, косуля, которую можно назвать полуплугом, и соха; сверх того у некоторых помещиков найдутся плуги на иностранный манер; также катки гладкие и с зубьями, но редко. Борона разных видов: бывает железная, как то в Камышлове ⁴³ и на Тютнаре, деревянные зубья, сплетенные, сделанные из еловых сучьев. Сохи около Петербурга имеют маленькие сошники; бороны похожие на грабли, треугольные; но я думаю, внешний их вид, каков бы ни был, доброты их не прибавит, а доброта их зависит от положения зубцов. Четвероугольную борону таща с угла, действие ее будет двух треугольных.

О ЗАКОНОПОЛОЖЕНИИ

Ежели то истина, доказательств не требующая, что закон постановляется для того, чтобы гражданин, в обществе живущий, ведал, в чем состоят его права и обязанности, чтобы знал, что есть дозволено и запрещено; если то истина, что закон в гражданском обществе служит, так сказать, знаком, показующим стезю шествия правильного, и маяком, знаменующим деяния опасные, которых в общежитии удаляться должно, то не меньше того истинно и справедливо, что закон не удобен всегда охранять права каждого от притязания ухищренных доводов и от насилия постороннего; не может всегда воспретить, чтоб человек не покусился на неправду, чтобы не впадал в преступление. Сколь ни тягостно для человеколюбивого законоположника устанавливать казни и нарицать иногда преступлением то, что само по себе есть ни зло, ни благо, то, что дозволял бы закон естественный, но то успокоит его любящее сердце, что казнь законная не есть иное что, как ограда прав — общих и частных, и оплот, постановленный против пороков, все растлевающих, против неистовства нарушившего, против буйства, все испровергающего,

против неправды, злобы и пагубных их следствий, против злодейств и преступлений.

Сколь законы ни мудры, сколь они ни ясны в показании прав общих и прав личных, сколь они ни предварительны в преступлениях, сколь действие их ни раздельно и неминуемо, но время, перемена в обычаях и нравах, в образе мыслей, проистекающая от просвещения или загрубелости, а паче всего человеческие страсти делают мудрость их напрасною; умствование и ябеда затмевают их истинный смысл, наглость и ухищрение претят их действительности и, дав им ложный толк, смеютя тщетной их угрозе; и так законы становятся обветшалыми, действительность их мертвеет, правда и обязанности становятся ненадежными. Прежние и законные обязанности исчезают, возрождаются новые и закону неизвестные, преступления теряют гнусный свой вид, да не прикроются личиною благонравия; превратность мыслей и страстей буйство произведут преступления во всем новые, в законе неизвестные, ему не подлежащие, и казнь ударять будет тщетно, или, что еще пагубнее, закону дадут истолкование, вместо literalного его к деяниям присвоения, и невинность восплачет. Время и ту еще в законах производит перемену и делает действие законов тщетным, что при издании оных некоторые недозволенные деяния были редки, для общего спокойствия мало опасны; и казнь, за них определенная, была хотя легка, но достаточна, ибо была неминуема. В продолжение же столетий те же самые деяния становятся часты, стремительны, и меч правосудия, на них исторгнувшийся, видя их общим мнением одобренные, цепенеет, не смея наказывать того, кого все одобряют.

Сии то суть, как и многие другие, истинные причины, для которых всегда и везде нужно было исправление законов обветшалых, издание новых и уничтожение прежних. Но когда разум любомудрия, сопровождаемый светильниками наук, действие свое благотворное простер посреди народного общества и даже на самых правителей народов; если все начинают заботиться о благе общественном; если начинают постигать основание своих прав и обязанностей; когда лучшие о всех вещах начинают иметь понятия, — тогда настает благопоспешный час дать народу новое уложение, основанное на истинных и

непреложных понятиях о всех предложениях общественных, сообразное умоначертанию общему, не уважая больше древних вредных предрассуждений, коим одна поновровка произведет то пагубное следствие, что препнет шествие ко блаженству на целые столетия и благоденствие народное возвержет опять далеко от истинной его цели.

Но законодатель мудрый, не убоясь препятствий и трудностей от частных людей, неистовых самолюбимцев, презрив негодования некоторых для пользы миллионов, сокрушит неясности прежних узаконений, низвергнет ненависть, чиновостояния разделяющую, воздвигнет закон для всех единый, в действии своем неминуемый, в изречениях неумолимый, который обнажит всем начальную цель общества и незыблем водрузится в сердца всех сограждан. Тогда родится общая безопасность, престол правителей народных будет непоколебим, и блаженство народное не будет задачею, отдаваемою на решение одних только любителей человечества.

Не входя в подробное исследование причин, побуждающих о перемене законов в каком-либо государстве, мы почитаем, что ныне в России существуют многие таковые причины и что настает череда сделать в законоположении отечества нашего великую перемену.

Не успел Петр I ввести в Россию новые обычаи и обряды, не успел распространить сношений государства своего с Европою, как почувствовал нужду переменить многое в прежних законоположениях; но не сделал общего плана всему законоположению, коего части были бы в надлежащей соразмерности, подкрепляли бы одна другую, освещались бы взаимным светом и стремились бы все к цели единой. По сей-то причине и случилось, что издаваемые при нем указы наделены были ко произведению перемен в устройении различных частей, нежели были части некоего уложения, на известных правилах основанного. То же должно сказать и о последующих правлениях; если иногда видна цель их правления и образ их мыслей в отношении средств, к управлению государством употребляемых, но правила их законодательства всегда были шатки и ненадежны, или же сами по себе противоречащи. Писателю российской истории в сем отношении обильная предлежать будет жатва.

Наконец, воцарилась императрица Екатерина II; она вступила на престол, когда уже Фридрих II в Пруссии давал властителям примеры, как на троне воцарять любознательные, когда уже Монтескью издавал свое о законах бессмертное сочинение, когда уже писал Беккариа, когда Блэкстон больше известными сделал в Европе законоположения своего отечества, когда Волтер проповедывал терпимость до безголосицы, бич гонения воздвиг на суеверие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренная, сокрушал сии бранные исступления,— она, уразумев, колико нужно сообразовать законы с общим народным умоначертанием, которое в России со времен Соборного уложения во всем переменялось, которое со времен Петра I, а паче со времен Елизаветы, взяло уже вид совсем новый, а с начала ее царствования начинало входить в стезю общего умоначертания Европы,— императрица Екатерина вознамерилась положить основание Российскому государству, воздвигнув власть верховную на законе непреложном и всем известном. Основав законы гражданские на лучшем понятии первых прав положительных и прав естественных, основав законы уголовные на истинной соразмерности преступлений со вредом, наносимым оными обществу, и казнию, ему свойственную, умягчая оную елико возможно, основав судопроизводство на рассуждениях изменяющих[ся],— императрица Екатерина II начертала Наказ свой о сочинении нового уложения и призвала для составления оного депутатов из всех губерний обширных России и от всех племен и чинов состояний. Хотя Наказ ее не что иное есть, как извлечение, нередко слово в слово, из лучших тогдашнего времени о законодательстве сочинений, хотя он многие имеет недостатки, что во многих местах неясен, так, как и многие узаконения ее времени; или, лучше сказать, законодательница сия мудрая не хотела объявить полную мысль свою, оставила многое на догадку или предоставляя себе право делать толкования по произволу. Однакож к великой чести ее послужит на дальнейшее потомство, что она в Наказе своем осветила правила обществ непреложные, цель оных и намерение обнаружила и хотела царствовать над обществом, управлять народом блаженным, или, лучше сказать, дать ему управляться самому собою, оставляя себе одно верховное

всего надзирание. Если в Наказе суть многие мнения ложные, то они не что иное, как жертва общему почти мнению тогдашнего времени, а наипаче — жертва славе автора книги о разуме законов ¹; если в течение своего долговременного царствования, а особливо при конце оною, она отступила от многих своих правил, то была, может быть, расстроена в оных внешними и внутренними смутностями и, наконец, платила долг природе при долговременном ее правлении. И кто от смертных в течение жизни своей мог быть всегда одинаков? Людовиг XIV по смерти Мазарина ² вопрошающим — к кому должно будет впредь относиться в делах государственных — отвечает и *ко мне*, — не тот Людвиг, который подписал на лоне суеверныя Ментеноны ³ уничтожение Нантского положения; Фридрих II, коего любомудренный разум приводил в цепенение ласкателей и паушников, не тот был Фридрих, который после был куклою, двигаемою пружинами грубого Ангальта ⁴, и который внимал рассказам Амалии ⁵; Фридрих, обнаживший в деле мельника Арнольда ⁶ упрямство преступное, не тот был Фридрих, который, поставив Кокцея канцлером, вслел ему удушить, так сказать, гидру ябеды изданием нового уложения и сокращением обряда судопроизводственного, назначив оным срок кратчайший, срок однолетний. Но при конце дней своих он воспрянул еще и был тот же, как прежде, когда по повелению его Кармер ⁷ призывал всех прусских подданных законоучителей от всех языков и всех без изъятия на советование о издаваемом втором фридриховом уложении.

Такова есть участь человека быть подвержену переменам, есть устав непреложный в мире вещественном и нравственном. Итак, императрица Екатерина, издав Наказ о сочинении нового уложения, издала многие только частные узаконения, но дело главное и основное всему оставила недовершенным.

Со времени издания оною Наказа до ныне текущего столетия прошло более 35 лет, или время целого поколения, и народ российский и род человеческий переменился в том, что живут теперь люди не те, которые жили тогда; Россия в сие время много образовалась, и многие видели мы перемены ⁸; общее умоначертание образовалось во многом по законам Екатерины II; во многом оно клонит

и нагибает во стезю свою самые законы и власть, действия их нередко бывают тщетны, хотя начало законополучения не во мгле времен скрыто.

Судить о том, поколику деяния граждан идут стезею закона или от нее устремляются и поколику общее мнение дает законам другой оборот и действие их делает тщетным, — ничто толико не удобно, как картина тех деяний, которые сделаны гласными, которые подлежали законному исследованию и рассмотрению и над которыми испытывало свои силы остроумие судей при постановлении решений. Из судопроисшествий можно делать неложные и прямые заключения: 1) какие права в обществе бывают чаще других нарушены; 2) какие к нарушениям бывают побуждения и причины; 3) сии причины и побуждения основываются ли на всегдашнем и общем умоначертании, на обычаях, правах и постановлениях или корень свой влекут из проходящих обстоятельств, от нечаянности, от худого или ложного о вещах понятия, вследствие сего сии причины суть всегдашни и общи или временные и частные; 4) как ухищрение старается избегнуть действие закона, или как ябеда тщится дать деянию противозаконному или преступному иной вид; 5) для чего бесхитречность и невинность иногда вид имеют злонамерения и преступления, и [6)] для чего они иногда страждут, не важною ли [причиною] в том самые законы, их неясность или неточное их или же превратное к деяниям приложение; 7) когда, где и для чего преступление идет смело, имея вид бодрый и наглую осанку; 8) почто оно не получает должного возмездия, казнь, законами определенную; 9) почто между преступления и наказания великое бывает расстояние и не для того ли действие казни не благо; 10) почто дела уголовные не оканчиваются иногда в три, четыре, пять, а может быть, и в десять лет, а гражданские продолжаются больше половины столетия или через два почти человеческие поколения. Тут явны могут быть и обнаружатся: деятельность, остроумие, бескорыстие, честность, беспристрастие, человеколюбие и добродетель, или — нерадение, злоупотребление, гнусность видов и намерений, скрытое или явное мздоимство, лицепрятие, поноровка, невежество и глупость судей судящих. Тут исторгается из груди нашей вздох печали, видя одного добродетельного судью или градоначальника среди толпы

беспутной, мздоимной, неистовой и ухитренной, стнящего под званием своим, зане глас его в суде звенит бесплодно и утщется его благонамерение. Тут же на веждях наших появится еще радостно блестящая [слеза], видя повсюду судей, судящих вправду, без лицепрятия, без нарушения данной клятвы, во имя судии предвечного.

Обширнейшие из судебных деяний можно почерпнуть мысли для будущего законоположения, ибо, соображая бывшее за многие годы с тем, что бывает ныне, соображая одинаковые происшествия, бывшие в разные времена, разные об одинаковых происшествиях суждения и различное приложение закона, можно вернейшим образом познать, что закону давало силу или его послабляло действие, а потому можно закон недостаточный пополнить или бездействительный отменить вовсе, или дать ему новое направление и новую силу, предписать или уничтожить, облегчить или усугубить казнь за преступление по мере случающегося и бывающего реже или чаще.

Правило всякого законоположения, правило, должствующее почитаться всегда аксиомою, есть: что лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать. Верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сии суть: 1-е, *воспретительные*, 2-е, *побуждающие*, 3-е, *предупреждающие*. Воспретительные средства суть положенные в законе наказания, побудительные — суть награждения разного рода; и хотя многие везде находятся о награждениях постановления, но нигде еще нет о сем уложения систематического; предупредительные средства, исключая некоторые, относятся наипаче к средствам охранительным, как то суть учреждения полицейские, и к постановлениям, касающимся или до воспитания народного вообще, или до учрежденных училищ и пособий к учености, или до постановлений, определяющих общие мнения.

Имея пред собою судопроисшествия разных годов и разных областей обширной России, видно и ясно видно будет: какие были побуждения к содеянному преступлению или к начатой тяжбе — недостаток ли в учении, худое ли воспитание, или невежество, или какое общее или частное мнение, или какое особое о вещах понятие, или небрежение постановлений полицейских, или страсти.

и пороки. Видя источники тяжбы и преступления, тому и другому найти иногда возможно будет преграду и, что лучше: держать всегда поднятый меч для казни преступных деяний или самые деяния преобразить, зиждительным образом сделать их невинными, не давая им возродиться.

Итак, я за нужное и необходимое почитаю иметь в комиссии для ее соображения и будущих постановлений из всех губерний из всех присутственных мест следующие ведомости:

I. Ведомость о преступлениях уголовных; сии ведомости нужно иметь из всех губерний для того, что уголовные законы во всех краях России суть почти одни, а образ мыслей, нравы и обычаи суть различны, потому что народы, Россию поселяющие, суть разного происхождения, разных исповеданий и разным говорят языком, что законы и гражданские постановления суть неодинаковы; для того и побуждения к преступлениям и действительное оных произведение будет различно, и мало размышляющему уже может быть понятно, сколь много законы гражданские соразмерять должны законы уголовные и что в них лежит предупреждение преступлений или к оным повод.

Сии ведомости должны заключать в себе: 1) происшествие или описание, как совершалось преступное дело; 2) какое было побуждение или какая причина к совершению деяния; 3) какие употреблены были средства к обнаружению истины; 4) какие были доказательства, что преступление было совершено; 5) каким законом руководствовались судьи в решении дела, т. е. то ли сие происшествие именно, которое в законе означено; 6) какое положено было преступнику наказание.

Ведомости сии нужно разделить на четыре эпохи: 1-я — с 1700 г., до вступления на престол императрицы Елисаветы; в сие время была в употреблении смертная казнь, то видно будет действие ее на нравы, и, сравнивая тогдашнее время с последующим, можно определить или совершенное ее уничтожение, или вопросом должно быть еще в российском законоучении — должна ли она быть когда-либо наказанием законным. Сей вопрос поистине сделать еще можно, ибо он не решен еще допряма нигде, ни даже в самой России, где Елисавета, восшед на престол, клялась не лить крови российской, но где впоследствии мы видели еще казнь смертную.

2-я эпоха заключает в себе достопамятное в отношении казней царствование императрицы Елисаветы, когда, с одной стороны, существовали Тайная канцелярия и весьма инквизиционный обряд и пытка, а с другой — уничтожена была казнь смертная.

3-я эпоха — со времени кончины императрицы Елисаветы до кончины императрицы Екатерины II.

4-я эпоха — со дня ее кончины до 1802 года.

Ведомости о делах уголовных, разделяя по годам, разделить также должно по родам преступлений на многие статьи, и именно — на столько, сколько закон почитает быть деяний преступных, например: о убийствах, о разбоях, о воровствах разного рода и других преступлениях против имений, о преступлениях против благочиния или полиции, против торговли, о насилиях, о предательствах, о оскорблении величества, о преступлениях против вещей священнных, богохуление, делание монеты, похищение казенного*.

Особую статью должно показать преступления судей или градоначальников, ко званию их относящиеся, исключения тех деяний, которые означены выше. И сия есть одна из важнейших [статей], ибо сего рода преступление тягчит всегда жребий граждан; в России зло сие обширный и глубокий пустило корень; сие известно всем, но преступления таковые из них редко становятся гласны, по крайней мере в соразмерности их повсеместности.

Следующие суть противозаконные деяния судей или чиновников в исполнении их звания: 1) превратное приложение и истолкование законов, ухищренный и злонамеренный подбор в делах, ябеда. Из ведомостей сих можно бы судить о умоначертании общем, но вероятно, что мало и очень мало таковых преступлений бывают гласны. 2) Оттяжка, остановка, проволочка; сие зло столь повсеместно, что оно в преступление в общем мнении не вменяется. 3) Лицеприятие, поноровка; кажется, что было бы особенное и необычайное нравственного мира явление, если бы кто подал иск на судию и доказал бы, что он виновен в лицепрятии, поноровку сделал сильному и

---

* В тексте следует непонятная фраза: «преступления, но оных поступков и генерально столько статей, сколько назначено в законах преступления». — Примечание журнала «Голос минувшего».

обвинил немощного. 4) Мздоимство; оно иногда бывает гласно, а из примеров всем известных можно почерпнуть правило, что для суждения о честности находящихся в службе государственной нужно иметь аттестаты другого рода, нежели бывают обыкновенные, и что должно думать, когда в послужных списках стоит: в штрафах и подозрениях не бывал и проч... 5) Злоупотребление власти; оно почти повсеместно, и виновны в том чаще всех бывают те, которым поручается законов исполнение и наблюдение благочиния градского и сельского, и начальствующие в правительствах; оно часто становится гласно, бывает наказуемо примерно, но столь общее, что невероятно, чтобы скоро можно было оно истребить.

Сего рода ведомости хотя и покажут многое, но еще бы больше можно узнать, если бы сыскался или житель столицы, или житель в губернии, или путешественник, довольно имеющий твердости духа, любящий отечество и правду, а сверх того, находясь в независимости в своей особенности, не имел нужды бояться прослыть клеветником злоречивым и бояться мщения сильных, сделал бы картину преступающих в злоупотреблении власти.

Мы скажем здесь нечто о причинах, способствовавших вкоренению сего зла: 1) перемещение очень частое начальников военных в звание гражданское; привыкнув к непрекословному повиновению, столь нужному в служении воинском, таковые люди везде видят строй и марш; ничего нет, кажется, смешнее, как видеть градоначальника, дела своего звания отправляющего ордерами, и кто знает, сколь много дела человеческие зависят от связи мыслей, тот понять может, какие должно в сем случае сделать перемены. 2) Вообще великое мнение о чинах, и мимоходом скажем, что табель о рангах с нынешним образом мыслей весьма не сходствует и расстояние большое одного начальника от других. Сие больше чувствительно в губерниях, и зависимость, в которой все служащие в одном месте или многие находятся от одного в рассуждении одобрения и получения чинов, отчего происходит, что все, угождая одному, в разум стесненный, в [с]жатую голову вселяют великое о себе мнение. Известно довольно, сколько название «Государев наместник» произвело смешных деяний и сколько голов вскружило; мне кажется, что хорошо было бы возобновить древних персов обыкновене-

ние, где каждый день приходили напоминать парю, что он есть смертный; не худо бы сие установить для всех вообще гражданских начальников. Сколь обыкновение сие смешно ни кажется, одно изречение, что губернатор есть хозяин в своей губернии, много делает бед.

Положение Генерального регламента ⁹, которое хорошо было во времена Петра I, когда нужно было учиться вежливости и как приветствовать приходящего гостя, но ныне оно требует перемены; штатное положение всех правительств, где разность чинов столь велика; кто не знает, сколь мало может ассессор против председателя и сколь редко младший член смеет противоречить старшему, а что еще того реже, что в случае противоречия главный член не осердится на младшего. Если бы все члены были равны и один председательствовал по очереди, то мнения были бы гораздо свободнее.

Императрица Екатерина II в Наказе своем, в статье 243, говорит: хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтобы законы меньше благодетельствовали разным между гражданами чинам, нежели всякому, особо гражданину.

Сверх всех сих причин, кажется, много ко вкоренению сего способствует всех вообще воспитание, — изъятия есть, но не много, — которое с самого детства учит поступать самовластно, имея пред глазами своими непрестанно рабов, с которыми учится повелевать и раболепствовать, а не управлять и повиноваться.

II. Ведомости о преступлениях частных или оскорбления личные, насилия также и те обиды, где сии производятся от обиженного и оскорбленного; ведомости таковы покажут ясно, в чем поставляли обиду или оскорбление разные в России чиновостояния и все ли одно почитается в разные времена обидою. В сих ведомостях видно, может быть, будет начало поединков и в каком виде они сперва представлялись; узаконение о поединках императрицы Екатерины II весьма строго и жестоко, и надлежит его отменить, ибо не имеет желаемого действия, поелику обычай законоположение сие осмеивает, и правительство тогда разве известно бывает о поединках, если следствия их бывают несчастны. Не можно ли ввести прусское положение о поединках, если следствие оных бывает несчастно между военнотружущих, и дозволять поединкам на

пистолетах, но с точного дозволения императорского величества, давая им вид законный; их будет меньше, а воспитание истребит их совсем, хотя не скоро.

В заключение ведомостей уголовных прибавить особую статью о преступлениях в подарках, или подкупе, судей или приказных; был кто за сие наказан — не знаю, но в нынешнее время того не слышно.

Из соображения сих разных ведомостей обнаружится, может быть, причина, для чего одинакового рода дело имело разное решение: глупость судей бывает тому виною, неясность ли законов, или какая превратность.

Для пополнения ведомостей уголовных нужно ведомость: 1-е, сколько в год бывает где людей под стражею, 2-е, сколько где осуждено, 3-е, сколько назначено в ссылку, 4-е, какое где в тюрьмах содержание, 5-е, осужденные с судящимися в одном ли месте содержатся или — в разных.

III. Ведомости о тяжбах, до имений недвижимых касающиеся, а именно: 1) тяжбы по наследствам, 2) по духовным, 3) по купчим ложным, неправильным или каким другим обязательствам, отдающим имения в оброк или употребление, [4] по справкам, отказам и насильным завладениям, [5] по запискам или другим каким обязательствам и условиям, также о подаренных имениях, 6) об убытках или обидах, оскорблениях, недвижимым имением причиняемых, как то: завладение, держание беглых и тому подобное, 7) тяжбы или дела, касающиеся до наймов домов, заводов, фабрик, земель и проч., 8) тяжбы о просрочках.

IV. Тяжбы по делам, касающимся до движимых имений: 1) по наследствам, 2) по завещаниям, 3) по записям, 4) по контрактам, 5) по векселям и обязательствам, 6) дела банкротские, 7) по торговым обязательствам, маклерской записке и проч., 8) тяжбы словесных судов.

V. Дела межевые; кажется, что многие межевые узаконения требуют пояснения, а может быть, рассматривая оные, сличая то, что решится в нижних межевых правительствах, с тем, что решено в вышних, сличая решения разных времен, откроются средства окончить дела межевые в год или два, ибо из величайшего благодеяния, стремившегося к надежности имущества, к покойному, безмятежному владению, вышло зло неокончателных межевых споров и дела, продолжающиеся чрез целое челове-

ческое поколение. Дела, случающиеся о чресполосных владениях, показать особо; тут откроются несправедливости и неистовства невероятные, и кому неизвестно, что по межевым делам происходило, имея доказательства посредством сих ведомостей, можно уповательно будет удалить преграды, противляющиеся окончанию межевых дел.

V*. Ведомость о делах, подлежащих рассмотрению и решению духовных правительств: 1) то-есть святаейшего синода, консисторий и духовных правлений; 2) лютеранских консисторий, католического архиепископа и коллегии люфляндских, эстляндских, финляндских, белорусских и польских дел, поколику она решит дела духовные. От муфтия и прочих многие дела по существу своему не должны поступать подлежать решению правительств духовных, как то дела до браков, разводов и другие. Брак как таинство должен быть благословен священником, но все прочее есть действие гражданское. Из ведомостей сих видны будут многие подробности и что принадлежать может до духовных правительств, ибо по существу своему они должны заботиться о том, что только принадлежит до церковных обрядов.

VI. В Наказе своем о сочинении нового уложения императрица Екатерина II в начале главы XII, в ст. 265, говорит**: Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ниже обработаны. Итак, не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве; в ст. 266: мужики имеют по 12, 15 и до 20 детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный образ. Для чего непременно должен быть тут какой-нибудь порок или в пище, или в образе их жизни, или в воспитании, который причиняет гибель сей надежде государства. Какое цветущее состояние было бы сей державы, если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу; в ст. 269: кажется еще, что новозаведенный способ от

---

* Цифра V повторяется в первой публикации 1916 г.— *Ред.*

** В издании 1916 г. здесь напечатано следующее примечание: «Взяты из XII гл. Наказа *О размножении народа в государстве* статьи изложены в рукописи неполно, с пропусками, многоточиями и как бы по памяти, а потому здесь они приведены вполне из Наказа в Полн. Собр. Законов, т. XVIII, № 12949».— *Ред.*

дворян собирать свои доходы в России уменьшает парод и *земледелие*. Все деревни почти на оброке. Хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей, не смотря на то, каким способом их крестьяне достают сии деньги; в ст. 271: а ныне иной земледелец лет 15 дома своего не видит, а всякий год платит помещику свой оброк, промышляя в отдаленных от своего дома городах, бродя по всему государству; в ст. 273: страны луговые и ко скотоводству способные обыкновенно мало имеют народа потому, что мало людей находят себе там упражнение; пахотные же земли большее число людей в упражнении содержат и имеют; в ст. 275: но страна, которая податями столь много отягчена, что рачением и трудолюбием своим люди с великою нуждою могут найти себе пропитание, чрез долгое время должна обнажена бытъ жителей; в ст. 276: где люди не иного чего убоги, как только что живут под тяжкими законами, и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается. Они сами для себя не имеют пропитания; так как им можно от одного уделить еще своему потомству? Они не могут сами в своих болезнях пользоваться присмотром; так как же им можно воспитывать твари, находящиеся в непрерывной болезни, то-есть в младенчестве? Они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; боятся, чтоб богатство не навлекло на них гонения и притеснения; в ст. 280: в таких обстоятельствах надлежало бы во всем пространстве той земли делать то, что римляне делали в одной своего государства части,—предпринять в недостатке жителей то, что они наблюдали в их излишестве, разделить земли всем семьям, которые никаких не имеют; подать им способы вспахать оные и обработать. Сие разделение должно учинить тотчас, когда только сыщется человек, который принял бы оное так, чтобы нимало времени не было упущено для начатия работы; в ст. 287: воздержание народное служит к размножению одного. В главе XIII, ст. 294: не может быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или незначительно производится; в ст. 295: не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного; в ст. 313:

земледелие есть первый и главный труд, к которому людей поощрять должно; второй есть рукоделие из собственного произведения.

Сии суть истины, доказательств не требующие, и мы, опираясь на правила мудрая сея владычицы, скажем, что в размножении народа видно благосостояние государства; но как, по изречению императрицы Екатерины, многие суть препятствия к размножению народа в России, то и нужно помышлять об отдалении оных препятствий и о средствах, размножение поощряющих. А поелику, как то говорит императрица Екатерина II в статье 275: страна, податями отягченная, чрез время должна быть обнажена от жителей, то нужно постановить некоторое в законе правило о налогах, дабы народ ведал, что оно непременно и его никто не преступит, и почитал сие за свой палладион¹⁰. Тогда, в надежности не быть отягченну, Россия от жителей не обнажится. Дабы получить возможность судить о сих предметах, то и нужно иметь следующие ведомости:

1-е. О количестве народа по губерниям и округам.

2-е. О количестве земель по губерниям и округам, с описанием, где земля какого свойства и произведения и образ обрабатыванья.

3-е. О заводах рудокопных и других фабриках, мельницах и проч. рукоделиях и вообще о образе прокормления по губерниям и округам.

4-е. Об отлучающихся из домов по паспортам.

5-е. О числе обращающихся на заводах и фабриках и о количестве их произведений и кем и коликим числом производятся работы.

6-е. О податях по различным их наименованиям.

7-е. Как, где и какие суть господские подати, оброк или земледелие и сколько по округам крестьян на пашне и на оброке и каких владельцев, больших или малых.

8-е. О налогах натурою по губерниям и округам: а) рекрутский набор: как сделаны участки, оные прислать за три набора; б) содержание дорог и как оные разделены вследствие указа покойного императора; в) провозание колодников, сколько оно раз в году где было, за три года; г) препровождение казны и рекрутов и какие где берут подводы; д) содержание городской и земской полиции; будочки, сотские, десятские и проч. И нет ли других каких

налогов; из сих ведомостей увидеть можно, что народ иногда терпит для того, что не знает, что платить должен.

VII. В ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием состоит обращение знаков, всякое имущество представляющих; воображение наше, дав им цену и поставив их мерилом всех вещей, в торгу обращающихся, сделало то, что малое или большое их количество, скорое и медленное их обращение может препятствие сделать в народной торговле, приводить граждан в убожество или делать их крезами. Известно нам будет число народа, известны нам будут источники его прокормления, известно нам будет его трудолюбие; посредство, приводящее все в обращение и дающее всему жить, не должно также быть сокрыто. Правила, торговлею руководствующие, должны быть неприменны, постановленные о монете — незыблемо, доверие к банкам — основанное на твердом подножии, ибо видна будет ненадежность правил торговли, и она будет ограничивася и стесняса или откупам, или пошлиною, или какими таможенными обрядами и осмотрами, которые, если не сопровождаемы строгою честностью и святою торжественностью, всегда похожи на скоп мошеннический или, как то цензура, на отрывок инквизиции и Тайной канцелярии. Если применить, что правительство хочет иметь на деньгах барыш, если, вместо того чтобы печатью своею обеспечивать надежность знаков, имущество представляющих, и вместо того чтобы указывать только, что цена ее существенная, внутренняя есть точно та, которая означается ее узаконенною внешностью; если вместо того или делания монеты правительство будет делать себе доход, или непозволительный уменьшением веса и доброты монеты битой, или над прибавлением произвольным ее цены, или деланием неограниченным монеты бумажной, — если банки будут заступать место монетного двора или учреждаемы будут только для мнимого истребления лихоимства, а не для истинного пособия земледелию и рукоделиям, от него зависящим, то скроются металлы драгоценные. Прилив денег бумажных — зло; поток плотины разорвавшейся покроет все торговое обращение, земледелие и рукоделие будет томиться, и число монеты бумажной возрастет до того, что цена ее будет меньше, нежели лист бумаги, на нее употребляемой. Тогда настанет час гибели, час нажадного ¹¹ банкрутства, и

тот, кто сегодня считал капитал свой миллионами, тот будет нищ и будет питаться милостынею надменности или прибегнет к спасению несчастных крайнему — самоубийству.

Для сих причин нужно, кажется, найти какое-либо средство, чтоб доверие не могло умереть или впасть в болезнь и основаться не на обещаниях каких-либо, но на народном капитале. Для суждения о сем по возможности нужно, кажется, иметь: 1) ведомость о числе монеты битой, сколько когда ее сделано или какого металла; 2) о числе монеты бумажной и сколько когда сделано и какого достоинства; 3) о банковых капиталах и залогах, у них имеющихся; 4) о капиталах, розданных из воспитательных домов и приказов общественного призрения; 5) о заложенных имениях в партикулярные руки; 6) о сумме, на сколько предложено векселей в три года в губернских правлениях каждый год особо; 7) о числе протестуемых сумм по векселям на столько же лет.

VIII. Сохранение общего порядка или благочиния относится и падзирает: 1) за тишиною общественною; 2) за общею сохранностью; 3) за здоровьем; 4) за добрыми нравами; 5) за воспитанием; 6) за призрением бедных; 7) за дорогами, реками, каналами и к тому принадлежащим; 8) за мнениями, если такая полиция свойственна цензуре. Итак, ведомости, к сим предметам относящиеся, должны быть следующие: 1) какие где взять меры и предосторожности для безопасности, тишины и покоя; здесь разумеются положенные от пожаров брандкассы, застрахование, если где есть; разбой, как то на Волге, то как то предохраняют; где сколько домов смирительных или рабочих и рядильных ¹² и других. 2) Сколько в какой губернии лекарей, бабок повивальных под ведением управ врачевных, сколько где больниц, госпиталей, домов для сумасшедших, аптек или других, ко здравью народа сделанных учреждений. 3) Где сколько увеселительных домов, как то: кофейных, трактиров, биллиардов, собраний, клубов или того ж звания домов, но под названием каких других, как то академии и проч.; где сколько публичных домов, или борделей, и сколько числом торговых женщин, с показателем, сколько платят за наем двора, сколько имеют услуги. Сии ведомости пужны, когда дело будет о нравственности граждан, ибо вопрос великий есть в законодательстве — запрещение ли нужно в сем случае или

дозволение того, чего запретить нельзя. В Берлине, прежде сего в Амстердаме, все женщины такие [были] под влиянием полиции... 4) Призрение бедных, немощных есть долг правительства: где, сколько богаделен, воспитательных домов или для родильниц. 5) Сколько где больших дорог, почтовых станков, гостиниц; как содержат почты — ямщики или обыватели; где есть судоходные реки, где — пороги и другие плаванью препятствия, какие средства сделать их лучшими; где есть вожатые, бечевники и проч.

6) Цензура есть отрасль полиции, и хотя правила, ею предписанные, известны, но они суть общие, и для того надлежит знать: 1) какое правило она имеет, что дозволяет на иностранном языке то, что запрещено на русском языке; 2) сколь долго держать должно рукопись; 3) иметь ли роспись книгам запрещенным; 4) кто запрещает чтение книг, ибо по существу своему цензура не есть то правительство, которое может запретить что-либо; 5) где на цензора можно приносить жалобы; [6)] сколько где типографий казенных и партикулярных; [7)] где и сколько есть училищ казенных, пансионов и экстраординарных учителей; чему где учат и кто удостоверяет об успехах, и число учащихся. К ведомости об училищах присоединить о способах учения: где и сколько казенных лавок или библиотек, или кабинетов для чтения, ученых собраний.

Воспитание есть вещь наиважнейшая в законодательстве, а разум законоположника над ним больше размышлять должен, нежели над другими предметами, разысканию его подлежащими. Невозможно целому народу дать воспитание; малейшая оного часть может только в оном участвовать; но великость воспитательных заведений в столь пространном государстве, какова Россия, не говоря о недостатке просвещенных наставников, препятствовать всегда будет, чтоб хороший имели присмотр за важнейшею воспитания частию, за непорочностью нравов. Некоторые только училища могут пользоваться сим благодеянием, но большая оных часть, и те именно, где народная груда участвует, оным пользоваться не могут. Итак, нужно постановить некоторые правила и сделать постановления, которые нагибали [бы], так сказать, общий разум и нравы в благо. Я для примера здесь только скажу следующее: признается всяк, без предубеждения судящий,

что пьянство есть порок, а в России есть порок народный, общий; но и в том признаться должно, что правительство оный порок укореняет и поощряет его распространение посредством винных откупов. Но сумма откупа составляет великий государственный доход, доход, может быть, необходимо нужный; то законодатель, о сем здраво размышляющий, должен на весы Любомудрия, человеколюбия и здоровой политики возложить в одну чашу истребление вкоренившегося порока, в котором находитесь корень многих злодеяний и преступлений, — сие докажут самые ведомости о преступлениях, — а в другую — доход великий государственный, может быть, пятую или шестую часть всех доходов, — что дает перевес? Нужно, кажется, истребить порок и корень многих преступлений и болезней, следовательно, уничтожить откуп винный; но вино будут делать, согласен; но где нет поощрения к чему, а особливо от правительства, того будет меньше, и, смело скажу, будет гораздо меньше. Но доход винный должно заменить другим или его оставить; заменить его можно, конечно, и не очень трудно; но, может, иной законоположник доход отменял бы совсем и убавил бы расходы. Тот, кто имел бы смелый дух, тот доход бы уничтожил, убавил бы расходов. Но совет сей дерзновенный и, может, бесполезный — решительно сказать не смею ничего.

IX. Когда в древние времена должность настояла давать народу целому законы, или, сказать правильнее, когда не совсем еще народ образованный образовывать желали, то, дабы употребить в свою пользу то, что уже древние сделали и в чем пользу находили, предпринимали путешествия в те страны, которые более других процветали и славилась своими законоположениями. В таком намерении путешествовали Солон, Ликург, Пифагор и, напившись, так сказать, тем, что видели, извлекали для себя, что полезным находили, прилагая оное к своим нравам и обычаям. Иногда же, уразумев из виденного, что человека движет и что управляет в известных обстоятельствах и случаях, на познанных побуждениях сердца человеческого воздвигали здание законов, во всем новое, с другими не сходственное. Сие действительно можно сказать о законоположении древнего Лакедемона, и Ликург произвел то, чего никакому по нем законодателю произвести не удавалось; он произвел нечто целое, одним,

так сказать, махом, и все предписания свои устремил к цели единой и успел.

Римляне, когда восхотели иметь лучшие законы, послали оные отыскивать в Греции, и Афины дали некоторым образом первое уложение Риму.

В наши времена великое сообщение между народов, знание иностранных языков, многие и частые путешествия, а паче всего книгопечатание сделали то, что каждый народ, европейский по крайней мере, известен в многих своих чертах, известны законы всех почти европейских народов, потому что они всегда и везде издаются в печати; но известно ли их раздробление, если так сказать можно, до дальнейших и малейших протоков, и какое производят ощущение в отдельности. Если то знаем, что закон изданный должен исполниться и приведен быть в исполнение определенными для того людьми, но кто ручается, что он всегда так исполняется, как ему исполняться должно, что его исполнение делает неминуемым, или для чего оный иногда бывает без действия; всякий без предубеждения в том признается, что везде есть некоторые законы для того только, чтоб наполнять страницы и книги прав.

Познает всякий благорассуждающий, что твердость силы и власти в государстве имеет основание во мнении и что оно одно делает закон законным, то-есть делает его действительным. Но где же найдем мы картину подробных мнений, подкрепляющих действие такого или другого закона в известной земле? и если издаются иногда в свет таковые картины, то можно ли им верить столько, сколько всегда желает сочинитель и сколько нужно, чтобы иметь хотя вероподобие за несколько лет? Уже известно было, что миролюбивые и ненавистники крови — квакеры были побудители, что в Пенсильвании не только отменена казнь смертная вовсе, но отменены даже всякие телесные наказания за какое бы то преступление ни было и определено наказание тюремное. Но какое имел закон сей действие — было неизвестно; пред недавним временем некоторый путешественник издал в свет известие о образе наказания тюремного в Пенсильвании¹³; уверяют, что оно наидействительнейше и что уже были примеры, что из тюрьмы выходили величайшие преступники, но уже исправленные.

Какое божественное, да и не иначе его назвать можно, какое небесное учреждение, если оно точно производит свое действие писанное, хотя вероятно. Но существует ли и не действовало ли что на разум, на сердце путешественника, когда он видел или описуемое, и глаза его не были ли ослеплены чрез меру благотворностью неподражаемую пенсильванских квакеров? Еще другой скажем пример: тосканское уложение Леопольда ¹⁴ известно, сколь благоразумно расположено, но многое и очень многое предоставлено рассмотрению судейскому; и так бы думать должно, что в Тоскане не сомневались никогда в неприложности судящих. Но какое свое законоположение имеет действие, неминуемо ли казнь ударяет, и какой род людей более оным подвергается? Какое свое милосердное уложение [имеет] над жестокими нравами жителей, и то ли имеет действие? Известно, сколь часты там убийства и самоубийство и мщение смертию * за безделку — оно есть дело обыкновенное, — то в сравнении других земель меньше ли в Тоскане убийц? Для составления российского законоположения свое сведение весьма нужно, ибо у нас наказания располагаются по чиновостояниям. Еще пример: многие английские узаконения похваляются отменно, особливо разыскание дела чрез присяжных (trial by a jury); и поистине, свое законоположение, которому пример находим уже у римлян и которому оным делала [пример] в положениях своих императрица Екатерина **, есть одно из наилучших, которое только придумать можно; но то может быть не столь известно, что оно часто бывает тщетно, ибо и закон велит всем избранным людям, если они сами решиться не могут, отдать дело на решение суда. Но для чего свое законоположение бывает без действия? Как можно свое узнать иначе, разве в самой Англии, разве будучи свидетелем действия сего законоположения. Франция во время бывшей там перемены ввела в судах своих испытание чрез присяжных (épreuve par les jurés), но какое свое законоположение имеет действие — того не-

---

* Ф. Л. Мейер повествует следующее происшествие... [Фраза не окончена].

** Так как большая часть ее законоположений неясны, неполны, и она, дав закон, не позаботилась гораздо, чтобы он был исполняем, то поелику свое учреждение присяжных свидетелей обращалось только к низким состояниям, то оно осталось без внимания.

известно; и столь ли оно благотворно, как того ожидали действия сего законоположения, вновь введенного у народа, во всем от англичан отличающегося, видеть можно еще лучше и в чем оно отличается от своего образца. Сравнение таковое доведет [до] неложного заключения о доброте или до казистой только наружности сего установления.

В разных государствах за одинаковые преступления положены часто одинаковые наказания, но со всем тем преступления в одном бывают чаще, нежели в другом. Например, разбой на больших дорогах в Англии бывали часты, во Франции и Италии — реже и в другом всегда виде; в немецкой же земле — еще реже, а в некоторых из немецких областей — редко отменно*; по какая то причина — разность нравов или лучшие полицейские учреждения, или благонравие, и для чего в Англии закон хотя строг и неминуем, но недействителен? Нельзя сказать, чтобы строгость была тому причиною, хотя то и часто бывает, что строгость делает закон тщетным.

Великие в наши времена случившиеся перемены, разрушив целые государства, воздвигнув совсем новые, могут быть весьма поучительными для рассматривающих состояния преобразованных стран без предубеждения. В живой еще у всех памяти иначе управлялись Венеция, Милан, Болонья, Феррари; теперь состояние их совсем переменялось: сравнить, что народ, там живущий, был прежде и что он ныне, и которое его положение было блаженнее, и какие тому причины, сии, конечно, будут очевидны, ибо гораздо близки. Еще лучше всех сих можно видеть пример: бывшая Польша разделена на три части, и сии три части управляются самовластными государями**, но по правилам различным; в которой же части народ живет лучше и счастливее? Смежность так близка, и сравнение и заключение будет не трудно сделать.

---

* В пять лет пребывания моего в Саксонии ¹⁶ случилось только одно, и то с предыдущим убийством по злобе.

** В издании 1816 г. напечатано «известливее». — *Ред.*

ВОЛЬНОСТЬ

ОДА

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О! вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего царя.

2

Я в свет исшел и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несущу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;

Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачная долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процвитают крины,
Средь мирных под сеньми олив
Пароска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладноравно
Глухое божество судяй;
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним ¹.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие — ошую;
Се храм Закона ясно зрим.

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вокруг себя,
 Равно на все взирает лица,
 Ни ненавядя, ни любя.
 Он лести чужд, лицеприятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенныя тли²;
 Родства не знает, ни приязни,
 Равно делит и мзду и казни;
 Он образ божий на земли.

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав,
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав.
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,
 «Его отчизна там», — гласит.
 Призраки, тьму повсюду сеет,
 Обманывать и льстить умеет
 И слепо верить всем велит.

Покрывши разум темнотою
 И всюду вея ползкий яд,
 Тройкою обнес стеною
 Чувствительность природы чад,
 Повлек в ярем порабощенья,
 Облек их в броню заблужденья,
 Бояться истины велел.
 Закон се божий! — царь вещает;
 Обман святой! — мудрец взывает, —
 Народ давить что ты обрел.

Сей был и есть и будет вечный
 Источник лютой рабства оков:
 От зол всех жизни скоротечной
 Пребудет смерть един покров.
 Всесильный боже, благ податель,
 Естественных ты благ создатель,
 Закон свой в сердце основал;
 Возможно ль, ты чтоб изменился,
 Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
 Чужим чтоб гласом нам вещал?

Возрним мы в области обширны,
 Где тусклый трон стоит рабства.
 Градские власти там все мирны,
 В царе зря образ божества.
 Власть царска веру охраняет,
 Власть царску вера утверждает;
 Союзно общество гнетут.
 Одно сковать рассудок тщится,
 Другое волю стерть стремится;
 «На пользу общую», — рекут.

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью,
 Великость там не прозябет.
 Там пивы запустеют тучны,
 Коса и серп там несподручны,
 В сохе уснет ленивый вол,
 Блестящий меч померкнет славы,
 Минервин храм стал обветшалый,
 Коварства сеть простерлась в дол.

Чело надменное вознесши,
 Схватив железный скипетр, царь,
 На громном троне властно севши,

В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;
Я властню могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаясь всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна
Стоят коленапреклоненна;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая, —
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

15

И ночи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина

К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?»

16

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреджати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оранию полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

Но ты, забыв мне клятву дану,
 Забыв, что я избрал тебя,
 Себе в утеху быть венчанну
 Возмнил, что ты господь, не я.
 Мечем мой расторг уставы,
 Безгласными поверг все правы,
 Стыдиться истине велел.
 Расчистил мерзостям дорогу,
 Взывать стал не ко мне, но к богу,
 А мной гнушаться восхотел.

Кровавым потом доставая
 Плод, кой я в щипцу насадил,
 С тобою крохи разделяя,
 Своей натуги не шадил;
 Тебе сокровищей всех мало!
 На что ж, скажи, их не достало,
 Что рубище с меня сорвал?
 Дарить любимца, полна лести!
 Жену, чуждающую чести!
 Иль злато богом ты признал?

В отличность знак изобретенный ³
 Ты начал наглости дарить;
 В злодея меч мой изощренный
 Ты стал невинности сулить;
 Сгруженные полки в защиту
 На брань ведешь ли знамениту
 За человечество карать?
 В кровавых борешься долинах,
 Дабы, упившись, в Афинах:
 Ирой! — зевав, могли сказать.

Злодей, злодеев всех лютейший,
 Превзыде зло твою главу.

Преступник, изо всех первейшій,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в единос,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа и льстец, и святотаты!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил.
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрая;
Личину, что зовут свяую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,

Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителин, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти,
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трезубый затмевая
И жезл священства преломляя,
Проклятий молнии утушил;
Смеясь мнимого прещенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша древню смесь покоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит,

Возмог, протекши пустотою,
Зиждательной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоряя
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величью он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежества что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо⁴ пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится,
Не чуждый вождь брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю⁵ исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

Исполнив круг дневной работы,
 Свободный муж домой спешит;
 Невинно сердце, без заботы,
 В объятиях супружних спит;
 Не господу рукой надменна ⁶,
 Ему для казни подаренна,
 Невинных жертв чтоб размножал;
 Любовью вождаем нежной,
 На сердце брак воздвиг надежный,
 Помощнику себе избрал.

Он любит, и любим он ею;
 Труды — веселье, пот — роса,
 Что жизненностию своею
 Плодит луга, поля, леса;
 Вершин блаженства достигают;
 Горячность их плодом стягчают
 Всещедра бога, в простоте,
 Безбедны дойдут до кончины,
 Не зная алчной десятины ⁷,
 Птенцов что кормит в наготе.

Воззри на беспредельно поле,
 Где стерта зверства рать стоит:
 Не скот тут согнан поневоле,
 Не жребий мужество дарит,
 Не груды правильно стремятся, —
 Вождем тут воин каждый зрится,
 Кончины славной ищет он.
 О, воин непоколебимый,
 Ты есть и был непобедимый,
 Твой вождь — свобода, Вашингтон!

Двулична бога храм закрылся ⁸,
 Свиристство всяк с себя сложил,

Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда тут единая слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность;
Единая личная отменность
Венец возможен восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе всегда мечтаю,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможен вся;
[По всей вселенной пронесется;]*
Мир до края вознесется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенный стрясут;
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,

* Этот стих вписан карандашом другой рукой.— *Ред.*

Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан льют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, плъ мзду ниспосылая, —
Се меч, се золото: избирай!
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор мпловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отвято,
У римлян откупить возмог;
Весы золотые мзды позорной
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;

Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкой душою, —
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзят;
Равенство казнию оставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты, совершенство,
В стезях препоны прескочив⁹,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастливых жребий облегчив,
И паче солнца возблисташь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленье
Некосновенно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

О! вы, счастливые народы,
 Где случай вольность даровал!
 Блюдите дар благой природы,
 В сердцах что вечный начертал.
 Се хлябь разверстая, цветами
 Усыпанная, под ногами
 У вас, готова вас сглотить.
 Не забывай ни на минуту,
 Что крепость сил в немощность люту,
 Что свет во тьму лъзя претворить.

К тебе душа моя вспаленна ¹⁰,
 К тебе, словутая страна,
 Стремится, гнетом где согбенна
 Лежала вольность попрапа;
 Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
 Того ж, того ж и мы все жаждем;
 Пример твой мету обнажил;
 Твоей я славе непричастен —
 Позволь, коль дух мой неподвластен,
 Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

Но нет! где рок судил родиться,
 Да будет там и дням предел;
 Да хладный прах мой осенится
 Величеством, что днесь я пел;
 Да юноша, взалкавый славы,
 Пришед на гроб мой обветшалый,
 Дабы со чувством вещал:
 «Под игом власти, сей, рожденный,
 Нося оковы позлащенны,
 Нам вольность первый прорицал».

И будет, вслед гремящей славы
 Направля бодрственно полет,

На запад, юг, восток державы
Своей ширить предел; но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты дашь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь;
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе когда союз прервется,
Стончает мненья крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзано мгновенно,
Тогда сложенье твое брешно,
Содрогшись внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег,—
Возникнут малые светила;

Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцем.

52

Но не приспе еще година ¹¹,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды.
Встрещат заклыпы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатыся, где потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит
И стражу к словеси приставит ¹²,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Придет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развется в одно мгновенье.
О, день, избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель насдине —
Рекл — яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Не красна изба углами,
Но красна лишь пирогами.

Пословица

Громы, гряньте, потрясися,
Ось земная, в основаньи,
Время быстро, ты исчезни;
Книга вечности разверзлась,
Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не Дельфийская Пифия,
Но я время зрю протекше, —

Се явился предо мною
Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,
Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти мог устроить
Народ шаткий, легковерный.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал израильску народу.
И поистине, возможший

Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,
Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит, и законы
Среди молний, среди грома
Он со неба получает.
Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем.
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятях дев небесных;
Ученик его столь храбрый
Воин был непобедимый.
Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
Меч, и света половина
Пала пред его законом.)
Се идет Семипрамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,
Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема¹,
Сокрушил их, в прах развеял.
Разорил храм Иеговы,

И повлек он иудеев
В плен, неволю, в преселенье.
Седяй гордо на престоле,
Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
Ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны
В честь ему и днем и ночью.
Но се мгла густая зверства
На верх гордый налетает;
Царь царей теряет разум;
Он стал скот; в лесах дремучих,
В блатах, дебрях ищет пищи. . .
Так надменности на троне
Писал суд предвечный в небе.

Троя, Тир, Сидон, Карфага,
Древни хины и индийцы
И неведомы народы
Шествуют, покрыты мглою
Неизвестности; но блешет
Во среде столетий мрака
Слава мудрых, яко в туче
Молния в сверканьи светлом.
Зри, воспетые Омиром,
Ахиллес, Парис, иль Гектор. . .
Зри, во пурпурных хламидах
Жители Сидона, Тира,
Алчбой злата устремленны,
На крылах несутся ветра
Во страны дальнейши мира.
Зри, потомки их в Карфаге
Накопляют преизбытки
Остроумною торговлей.
Ганнибал, о вождь предивный — — —
Но зуб времени железный
Сокрушил их град и славу — — —
Се потомки мудрых брамов,
Узники злодеев паглых,
По чреде хранят священный
Свой закон в Езурведаме
Буквой древнего санскрита —

Древней славы их останка
И свидетеля их срама! — — —
О, Конфуций, о, муж дивный,
Твое слово лучезарно
В среде страшной бури браней,
На развалинах отчизны
Восседадо всегда в блеске
И чрез целые столетья
Во парении высоком
Возносилось и летало...
Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде²
Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной
И на жертвеннике светлом
Огнь возжег, что пламенеет
Еще ныне в жертву богу.
Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.

Се Кир старший, учредитель
Царства древняя Персиды.
Но чему о нем мне верить:
Или повести правдивой,
Иль Рамзею³ в слогe красном?
Царь царей и царь великий,
Погибающий рукою
Томириды; отсеченна
Глава Кира всплывает
В крови; слышу глас вещает:
Пей, тиран, досыта крови,
Коей в жизни столь был жаждущ!

Се Эллада в блеске солнца;
Там прои в лучезарных
Подвигах, будто светила,
На крылах стремятся ветров
Похитить руно золотое.
Зри, Язон в стране волшебной
Превозмог в Колхиде страхи

Чаровакый и отравы,
И с руном он у Меден
Сердце нежное похитил.
Зри, Алкид ⁴ как сокрушает
Выи дерзких и строптивых;
Разве богу то возможно,
Что он силою десницы
Мог исполнить в жизни краткой.
Странственных он избавитель,
Предал смерти Бузирида,
Он дал в снедь коням обыкшим
Поядать дымящи мяса
Потребленных чужестранцев,
Во Фракии Диомида,
Вепря злого в Ериманте
Обуздать мог вервью лютость;
Стрелой легкою пернатой
Он чудовищ тех пернатых,
Что в Стимфалии гнездились,
Сокрушил и предал смерти.
Не возмог никто противен
Быть ему на брани сильной.
В Лерне гидру он стоглаву
Поразил; в лесу Немейском
Льва ужасного исторгнул
Жизнь с дыханием мгновенно,
И во знак своей победы
Его кожу он космату
Возложил на тверды плечи.
Медяногу, златорогу,
Легкую в бегу он серну
Мог настичь; и даже бога,
В струях живша Архелоя,
Он, во образе свирепа
Тельца сильна, он, поправши,
Рог исторг во знак победы.
Победитель он чудовищ,
Победитель он гигантов;
Сильна в мышцах он Анфия ⁵
Удушил в объятых крепких.
Перед ним кентавры дерзки
Как лист легкий возметались.

И те храбры жены древле,
Ненавистницы супругов,
Амазонки побежденные
И примером Ипполиты,
Своей красныя царицы,
Что Алкид Фисею ⁶ отдал,
Научились жить с мужьями.
Он предерзка Промифея ⁷,
Что с небес похитил пламя,
От злой казни избавляя,
Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси;
И, пришед к пределам мира,
Океан где облегает
Шар земной, он столп высокий
Силой крепкия деспицы
Подавил и вдруг раздвинул.
Две горы тут вознеслися,
Каллис, Абила, подножьем
Двух столпов, где начертано
Сие дело баснословно;
Се предел, и море с шумом
Покатилось волнами
Во среду земель и весей. — —
Он, наполнив весь мир славой,
Нисшел в царствие Плутона,
И привратника трезвна
Обуздал он пса Кервера ⁸.
Но, платя он долг природе,
Полубог, ирой, был слабый
Во объятиях Омфалы
Смертной; палицу иройску
Гнусной пряслицей соделал.
Но и в слабостях божествен,
Сын паря миров предвечна,
Десять он супруг имевши,
Был отец потомства славна,
Многочисленна; исполнил
Наконец чудесный подвиг,
Быв единою он ночью
Дев пятидесяти юных
Супруг нежный и в срок точно

Пятьдесят сынов родивши.
Подвигов двенадцать дивных
Совершил, себя прославив;
Быв ироем в жизни краткой,
Полубог он стал по смерти.

Но, склонясь от баснословных
Подвигов иройских в Грецьи,
Зри, живот как презирает
Кодр в спасение Афинам.
Он не злато, не гремушку
Мздой поставил дел иройских,
Но мечту, мечту любезну,
Образ отчества драгого;
В нем жить — рай, но с ним разлука
Есть геенна, ад ужасный.
Кодр, ссей мыслию исполнен
И предвестию поверя,
Что потеря драгоценной
Вещи — для Афин спасенье,
Счел, что драгоценней в мире
Вещи нет, как царь правдивый,
И себя таким считая,
Смерть вкусил к спасенью царства.
Афиняне в знак почтенья
К подвигу толику славну
И, считая невозможным
Заменить его на троне,
Имя царско истребили.
Признавая невозможность
Без законов быть правленью,
Афиняне восхотели,
Да Дракон, муж твердый, строгий,
Начертал бы им законы.
Но он каждо преступленье,
Маловажно иль велико,
Омывал афинян кровью.
Мало время поступали
По словам его кровавым;
И Солон законы новы
Предписал тогда Афинам.
Страсти бурны обуздавши,

Он законы дал бессильны
Аттике замысловатой.

Зря законов власть поправну
Властолюбным Пизистратом,
Презрил град он и тирана,
Град оставил, удалился.
Но чему дивиться должно,
Иль законом его слабым,
Иль тому, что он направил
Народ шаткий, остроумный
На стезю побед и славы,
На рожденье мужей дивных?

Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что, умом свои объявши
Всю народного связь тела,
Умел души всех устроить
К пользе общей и единой,
Подчиняя ум и сердце
Всех отечеству любезну.
О Ликург, твоим законом
Ты нагнувши выи горды,
Воспитанием спартанцев
Им отечество соделал
Всего выше и милее.

Времена настали страшны
Для свободы всей Эллады.
Как стада несметны вранов,
Так полки персидски строим
На Элладу налетели;
Но афиняне, спартане
Против их несчетных воев
Ставили мужей лишь славных.
Милтиад, спаситель Греции,
Победитель Марафонский,
Жизнь скончал в темнице срамной.
Леонид, царь Спарты смелой,

Иссосав любовь к отчизне
С млеком матери любезной,
Жизнь ему принес на жертву,
И с ним триста юнош храбрых
Дни скончали в Фермопилах.
Аристид се правосудный,
Что себе начертывает
Суд изгнанья остракизмом;
Но он зависти знал жало,
Быв соперник Фемистокла.
Победитель славный персов,
В Саламине зрит всех греков,
Стекшихся к играм в Олимпе,
Перед ним вдруг восстающих.
О, награда паче злата,
Паче всех венцов лавровых!
Но достоин был неложно
Сея чести тот, кто Грецию
Спас победой в Саламине:
Для спасения отчизны
Презрел он вождя надменна,
И вознесшему жезл буйно
Да ударит, отвечает:
«Поражай, но токмо слушай».
Се Перикл, кой умел хитро
Взять кормило во Афинах,
И народом, возлюбившим
Своевольность до безумья,
Он по воле своей правил.
Друг Фидий, изваявша
Образ дивной Афинеи,
Друг Аспазии любезной,
Что Сократ (иль добродетель
Воплощенна) в честь вменяет
За учителя имети
Ссебе славну Аспазию;
Он друг был Анаксагора,
Кой, сотряси предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной
И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первый стал среди вселенной,

Он дерзнул ее началу
Дать вину несусеверну.

Алкивиад, муж любезный,
Богаг, статен, умен, знатен,
Дарованый он великих
И пороков преисполнен.
Добродетелен, но редко,
Разве следуя советам
Друга своего любезна
И учителя, Сократа;
В страстях пылок, рдян и буйствен;
Облекаясь он однакож
В виды, нравы, обычаи,
Кои нужны на то время,
Чтоб достичь желанной цели;
Он злой дух и бич Эллады
Был и пал сраженный жертвой
Любочестья и разврата.—

Но пройдем мы быстрым оком
Ту страну, страну предивну,
Где Ликурговы законы
Царствуют сильнее природы.
Там жена не знала страсти
Ко супругу нежну, разве
Он достоин был награды
За свою любовь ко Спарте.
Там мать в радости ликует,
Когда сын ее, сражаясь,
Жертвой пал при Фермопилах.
Ты познал то, о, Павсаний,
Что любовь ко Спарте выше
В сердце родшей тебя в Спарте,
Нежели к тебе. Развратность
Твоих нравов она прежде
Всех других в тебе накажет.
Ты есть враг Лакедемона;
И се, зри, несет уж камень,
Чем во храм вход заградится,
Где предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.

Агесилай, воин мудрый,
Ты достоин еще древней
Славы отчества, погасшей
В роскоши, в развратных нравах.
О, сколь мил ты простотою,
Когда, чад своих забава,
Ты, конем жезл сотворивши,
Рыскал с ними на их пользу.

О, Лизандер, о муж славный!
Воин мудрый, ты б достоин
Был отчества любезна,
Если б ты родился прежде.
Ты в делах твоих иройских
Не коварством бы вождаем,
Не предатель был бы хитрый,
Почитавший меч свой средством
Быть всегда со всеми правым.

Но разврат, пусть свой корень
Сердца в глубь лакедемонян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
Простоты и бескорыстья
Воспитанием суровым,
И когда рукою смелой
Юный Агий, взревновавший,
Восхотел к началу древню
Обратить спартаански нравы,
То плачевною пал жертвой
Сребролюбия, разврата.

Дух величия, разливаясь
В концы дальние Эллады,
Возблистал вдруг между фивян;
Хоть Пиндар своей трубою
Во отечественном граде
Колебал тупые слухи,
Но, взгнездившись во Фивах,
Грубость их во всей Элладе

Отличалась пред другими.
И се два велики мужа,
Лаврами главы венчая,
Возмогли на высшу степень
Возвести свою отчизну.
Пелопид, мудрец и воин,
Муж великий, пзбавитель
Фив от ига, наложена
Гордой Спартою во счастье.
Но его блестяща слава
Уступала его другу
Эпампонду, что первым
Цицерон назвал из греков,
Он про коего вещает:
Знал всех больше, а глаголал
Меньше всех. Он, высшй в Фивах,
Нищ был, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Победитель пал сраженный,
И, чад вместо, он оставил
Только Левктры, Маптинсю.
Се Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Эллады
Уловил и сделал прахом.
Учредитель стройна войска,
Устроением фаланги
Он кровавы приготвил
Узы тяжки полусвету.
О, Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи;
Но кто может Демосфена
Наклонить велику душу?
Тебе тело и труп срамный
Демосфенов в корысть будет.
Но не дух его свободный.

Александр, употребляя
Себе в пользу то, что сделал
Филипп хитрый, Филипп мудрый,
Вихрь порывистый понесся,
В бурном духе урагана,

Сокрушая все преграды,
От смиренной Пеллы, даже
До берегов счастливых Ганга.
Друга своего убийца,
Пал сражен болезнью в пьянство.
Необъятные корысти
По его достались смерти
Вождам войск его надменным;
И солдаты Александра
Цари стали его смертью.

Хоть по смерти Александра
Воссиял дух древний паки,
И союз ахейн видел
Возраждающую вольность;
Но то искра была слаба.
Ни Арат не мог восставить
Падшую Эллады вольность,
Ни ты, смертный, столь достойный
Нарещись последним греком,
Филопемей пал, и вольность,
В древней Греции снявши,
Век потухла невозвратно.

Се сонм светлый мужей славных,
Се сенат, се народ римский,
Полк царей и их превыше,
Се властители народов.
Изыдите и предстаньте
Моим взорам обаяшным!
Вы краса и удивленья
Человеческого рода,
Вы изящну добродетель
Вознесли на верх возможный;
Но вдруг впали в гнусность, мерзость
И затмили злобой, зверством
Все народы, нам известны.

Ромул Риму основае
Дал, устроив свое царство.
Нума нимфу Егерью
Призывал давать законы

И единый против войска
Стал врагов своих строптивых.
До Тарквиния старались
Все цари пределы Рима
Расширять еляко можно.
Но Тарквиний скиптр железный
Простер к буйному народу;
Смерть Лукреции воздвигла
На него беды ужасны:
Он был изгнан, и навеки.

Се Брут первый, обогранный
Кровью сына и тиранов,
Положил угольный камень
Зданью римския свободы.
Се Коклес, с мечем единый
Спасший Рим и его славу;
Жертва Деций общей пользы,
Ищет смерти он ужасной.
Суеверною любовью
Ко отечеству пылая,
Курций в хлябь земцу разверсту
Летит, жизни не жалея,
Для спасения народа.
Зри, се Сцевола, на жертву
Принося свою десницу,
В безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагает
На горящи ее угли.
Боль несносна не тревожит
Души твердой и незыбкой.

О, Менепий бескорыстный!
Пред тобой богатство, злато,
Как лист в осень, увядают
Постыженны твоим взором.
Нищ ты был седая в сенате,
И по смерти не оставил
Чем бы заступ мог насмный
Ископать тебе могилу.
Но граждане веледушны,
Чувствием сердце водимы,

Несут в место свое злато,
В честь твою взник столп надгробный!

Броду тяжку прорывая
Силою волов яремных,
Цицинат от шумна света
В селе малом обитает.
Но блестяща добродетель
Утаиться не возможет;
Возведен на высшу степень
Он в дни смутные средь Рима,
Своей твердостью и лаской
Рушшийся порядок строит;
Уже взводится в четверты
На первейшее он место;
Врагов Рима победивши,
Он нисходит в чин простого
Гражданина; и приемлет
Паки он свое орудье,
Чем взорется его нива.
Столь же ты велик, муж дивный,
Идя вслед сохе на ниве
И бичем скота яремна
Понуждая ко работе,
Велик столь же, как пред войском
В прах пошрал ты врагов Рима.

О, Камилий, о, муж славный,
Столь же дивен и единствен
Ты во счастья благоспешном,
Как в превратностях и в бедстве.
Изгнанный коварством хитрым
(Ах! бывало ль, или будет,
Чтоб изящна добродетель
Не рождала зависть бледну
И была б не ненавистна
Злобну гнусному пороку),
Ты, к отечеству любовью
Рдея, строишь во изгнании
Помощь Риму во злосчастье.
И се Брени, вождь храбрый, смелый
Галлов диких и свирепых,

Победитель римских воев,
Всюду ужас простирает,
Он в бестрепетное сердце
Римлян страха поселяет;
Но Рим в бедствах паче счастья
Был велик и тверд и дивен.
Его стены опустели;
Жены, старцы и младенцы
Лишь одни остались в граде
Зреть победу галлов лютых.
Но Камилл жив, и спасенны.
Лишь отсутствен он от Рима,
Паки бедства возродились,
И, наскучивши в осаде,
Римляне купить хотели
Мир у галлов весом злата.
Но Камилл внезапно входит
В град, поникший от печали;
Зрит поносное он злато
На весах, и коромысло
(Вес не полн) горé восходит.
Меч извлек, и в легку чашу
Возложивши: «се, — вещает, —
Чем нам галлам платить должно,
А не златом сим поносным».
Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце римлян,
Рим свободен, побежденны
Галлы; зри, что может слово;
Но се слово мужа тверда,
Как то древле слово жизни
Во творении явилось,
Было слово се Камилла.

Мужи славны, украшенья
Вы отчества во Риме;
Вы, к нему любовью рдея,
Все на жертву приносили,
Самую забыв природу.
Манлий сына осуждает
Вкусить смерть, да подчиненность
В войске будет сохраненна;

Деций, видя робость в войске,
Дав себя в обет подземным
Богам, ринулся с размаху
Во врагов; погиб, но славно,
Бодрость в души влиял римлян
И доставил им победу.
Се твой сын, тебя достойный,
Уподобясь тебе в славе,
То ж творит и погибает.

Се и вы предстали взорам,
О, презрители богатства.
О, ты, Курий! что вещавший
Ко самнитам, приносящим
Злато: «лучше я желаю
Повелитель быть над теми,
Кто имеет много злата,
Нежели иметь сам злато».
Ах! возможно ль его блеском
Льстить того, кого, пришедши
На прошение, посланцы
Целого народа видят
На деревянном блюде яствы
Поядающа. — Явился
Муж, презритель сребра, злата,
Добродетельный Фабриций:
Удивленья врагов Рима.
Ты достойный был воссести
И в том граде и в том сонме,
Где Киней дивяся мудрый:
«Рим, — вещает, — есть храм божий,
А сенат — царей собрание».
Пирр со златом посрамленный,
Не возмогши добродетель
Повредить твою, рек тако:
«Нет, удобнее возможно
Совратить с теченья солнце,
Нежели со стези правды,
Добродетели и чести
Совратить тебя, Фабриций».
Кто сей зрится весь покрытый
Ранами, муж строга вида? . .

Регул, зная пытки, муки
Что его ждут во Карфаге:
«Вам война, не мир довлеет,
О, сснат, о, народ римский» —
И кровавая пал жертва
Он совета сего мудра.

Но возник тебе на гибель
Ганнибал, сей муж предивный,
Коиm Рим едва не свержен
Во полете своей славы,
Если б зависть не претила
Во парении прою.
Фабий медленностью мудрой
Если б бег твой не умерил,
То, поверженный во прахе,
Во развалинах дымился б
Рим, глава земного круга;
Там бы зрелися потомки
Тех мужей, достойных неба,
В поругании злосрамном;
На том месте, где венчались
Славою их предки дивны,
Не воссели б в славе, в блеске
На престоле всего мира.

Ганнибал, ирой премудрый,
Что тебе противустанет?
Коль природа не возможет
Во походе твоём дивном
Положить тебе преграды,
Воздвигая верхи льдяны
Выше облак, грома, молний;
Коль струя шумящей Роны,
Еридан, или потоки,
Звонкошумно ниц звенящи
С верхних Альп на камни строги,
Заградить твой путь не могут,
То Трeбия, Тразимена
Суть лишь следствия неложны
Твоих мудрых начертаний.
Но се Фабий, скала тверда,

Где твое стремленье буйно
Заградилось и препято.
Ах! тобою Рим спасенный
Чуть не зрел свою погибель
В Каннах, как Варрон надменный,
Сей клевет безумный Павла,
Падшего в спасенье Рима
С воинами, что умели
Жизнь скончати за отчизну;
Безрассудный вождь, возмнивший
Состязаться с Ганнибалом.
Уж молва трубою громкой
Возвещает гибель Рима;
Но папасть его спасенье
Устраивает средь развалин;
Он воздвиг свой верх ужасный,
Бедства край всех восторгало
Мужество вновь возродилось;
Рим спасен, и что возможет
Ганнибал един пред Римом?
Его счастье отлетело
Перед юным Сципионом.
Победитель Ганнибала
Видел зависть, видел злобу,
Устремленную на славу
Его подвигов великих;
Обвинен перед народом,
Добродетельный муж, твердый
Над врагами Рима скажет
Свои славные победы
И, клевет всех в посрамленье:
«Народ Римский! (он воскликнет)
В сей, в сей день блаженный с вами
Победил я Ганнибала;
Отдадим хвалу всевышним».
И се паки торжествуя,
Всем народом провождаем,
В Капитолью он восходит;
Оставляя площадь римску
С клеветой в стыде шипящей.
Славы, имени преемник
Сципионов, разрушитель

Состязательницы Рима. . .
Ах! се ль слава, се ль пройство? — —
Разрушать единым мигом,
Что столетия создали!
Вопль и крик и скрежетанье
Умирающих булатом
Победителя во гневе. —
Пламя, всюду разлиянно,
Как река, сломив оплоты — — —
Плод изящности — в обломках —
Разума твореньи — в щепках — — —
И грабеж, насильство наглость,
Все неистовства, все зверства, — —
Со бесчувственностью стали
Слышать визг и корчи смерти —
Се пройство, слава! — можно ль
Сердцу, чувствовать обыкшу,
И уму, судить умевшу,
Поступить на таковая?
Нет, рассудок претит мыслить,
Что Эмилия сын славный,
Лелья друг и друг Полибья,
И любитель муз Эллады,
Мог решить погибель зверску
Пышной, гордая Карфаги.
Нет, веленье се неисто
Властолюбия сурова.
Ненасытна духа власти,
Духа сильна, Рим воздвигша,
Из устен что излетело
Древня строгого Катона:
Да разрушится Карфага!
Но ты паки разрушитель,
Ты Нуманции несчастной.
Иль припев, или прозванье
Над тобой толико сильны,
Что ты сладость ощущаешь
Разрушителем быть только?
Но, алкая сильной власти
Ты диктатора, стал жертвой
Властолюбья непомерна. — —

И се в Риме, удивленном
Своей властью и богатством,
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.
Азия, Коринф и греки
Повергают свои выи
Во ярем народа римска.
Но во мзду рабства, сим мира
Повелителям надменным,
С золотом, серебром, с богатством
Изрыгают в Рим все страсти,
Что затмят в нем добродетель
И созиждут ему гибель.
Грахи ⁹, Грахи, украшенья
Матери своя мудрой,
Вы напрасно восхотели
Возродить в превратном Риме
Нравы древни и равенство.
Добродетель не защита
Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы, достойны
Упадающей свободы.
Се возник тот муж суровый,
Ненавистник рода знатна,
Ненавистник наук, знаний,
Храбр и мужествен и дерзок,
Вождь великий, воин смелый
И спаситель Рима, Марий;
Горд, суров, алкая власти,
Все пути к ее свисканью
Были благи; но изгнанный
И в побеге, утопая
Близ Минтурны в блате жидком,
Он вещает ко несущу
К нему смерть наемну войну:
«Се, я Марий, коль дерзаешь!»
Но сей взор велика духа,
И велика среди бедствий,
Заградил взнесенно жало,
И в убийце своем Марий
Обретает себе друга; —
— Странник бедствен, укрываясь,

Конец жизни нося тяжкой,
Зри картину счастья шатка;
Зри величественный образ
Мария победоносна,
Марья первого во Риме
Здесь сидящего (вещает)
На развалинах Карфаги!
О, стяжатель власти, чести,
Зри там Марья — содрогнися.
Колесо всегда вертящесь
Превратилось Фортуны,
Марий паки в Капитольи;
Сердце, бедством изъязвлено,
Стало жестче стали крепкой,
И суровый сей вельитель
Рим исполнил смерти, казни.
День румяный воссиявший
Освещал потоки дымны
Восструившейся по стогнам
Крови римской, — и свершался,
Зря в мерцаньи кровь и гибель.
Но сей варвар ненасытный
Трепетал, вспомя Суллу.
Чтоб забыть тот страх, опасность,
Он предался гнусну пьянству
И в хмелю скончал жизнь срамну.

Се совместник Марьев, Сулла,
Се мучитель с сердцем нежным,
Се счастливым нареченный,
Рода знатна и украшен
Дарованьями различны;
Ум словесностью устроен,
В обхожденьи мил и гибок,
Но снедаем алчбой славы
И снедаем властолюбьем;
Храбр, деятелен, вождь мудрый,
Победитель Мифридата.
Мифридат, ирой, царь славный,
О, пример ты зыбка счастья!
Враг он римлян, ненавистник
Сих тягчателей народов;

С юных лет он чует славу
Противстать струе сей, рвущей
Все оплоты; бодрый разум,
Возвышенны чувства сердца,
Крепость духа, храбрость, смелость,
Мужество, в трудах возросше,
Закаленное во славе;
Он дал бег душе отважной,
Властолюбия алкавшей,
На великая возмогшей.
Победитель он Азии,
Победитель он Эллады,
Уступить был принужденный
Счастью Рима, счастью Суллы.
Но иссунул меч кровавый
Паки на погибель Рима,
Тридцать лет сопротивлялся
Он грабителям вселенной
Римлянам: но в тяжки лета,
Зря восставшего Фарнаса,
Сына, наущенна Римом,
Он мечем свою жизнь славному
Ненадежную исторгнул,
Не возмогши ее кончить
Жалом острым яда сильна;
Зане жизнь его, в смятеньи
Провождаема, успела
Притупить всю едкость яда.

Мифридата победивши,
Испровергнувши Афины,
Победивши всех ахеян,
Всех союзников и римлян,
Сулла меч свой, обагренный
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.
Заградив на жалость сердце,
Хладнокровный был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члсы
Погубленных граждан Рима
Его были услажденье.

Нет, ничто не уравнился
Ему в лютоści толикой,
Робеспьер дней наших разве.
Ах, во дни сии ужасны,
Где отец сыновней крови,
Где сыны отцовой жаждут,
Господу где раб предатель,
Средь разврата нагла нравов
Может разве самодержец,
Властию венчан всеильной,
Дать устройство, мир — неволи —
Пусть неволи, но отдохнет
Человечество от тяжких
Ран. Стал Сулла всевелитель,
Учредил благоустройство
Во мятежном сердце Рима.
И се муж, кровей столь жаждущ,
Погубитель граждан, войнов,
Грады, селы испровергший,
Наносивший смертны раны
Во сердцах семейств толиких,
Возгнушался своей властью
И дерзнул сойти с престола.
Он конец своя жизни
Провел мирно и в утехах
Сладострастья, неги, хмеля.
О, властители народов!..
Или паче, сердца смертных,
О, загадка, нерешима
Ниже Сфинксу; будто только
Всевластителю угодно
Было кровию упиться
И возлечь на ложе мирно,
Среди Вакха, Мусс и Лелы.
Истина непостижима,
Но то истина, что может
Во душе, к любленью нежной,
При вождении рассудка,
Привитать и люто зверство.

Где ты, Рим, где ты, отчизна
Простоты, смиренья, чести!

Добродетели опоры,
Потрясенные страстями,
Утопились в ассиjsкой
Роскоши; но се явленье,
Удивления достойно
Всех веков, вся вселенной:
Муж богатства неисчетна,
Пышностью превзошедший,
Роскошь и велелепьем
Всех царей роскошна востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презренья явна
Добродетели, законов,
Возмужался, явил свету
Сердце чистое и разум,
Всей изящностью украшен.
Воин храбрый и вождь мудрый,
Гражданин среди разврата;
Ненавистник ухищрений,
Скопов, казней, заговоров;
Не алкая властолюбьем,
Победитель Мифридата
Торжеством шел в Капитольи.
Сердце, руки непорочны,
Судия всегда правдивый,
Истина из уст нельстивых
Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сын, отец и брат он нежный,
Господь щедрый, друг несчастных,
Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль недерзок, иль почтил он
Мир, покой средь Мусс и негн.—

Марий, проложив кровавый
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовать в Риме;
Рим, владыко всех народов,

Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду
Под ярем насильства склонишь.
Если муж продерзкий, буйный,
Вихрь неистовый страстями,
Смелый ум, отважно сердце,
Сластолюбец, злодей гнусный...
(Зри, ступил, ушел и, в бегстве
Вырвавшись, мечем дерзает...
Но сражен, он озираясь
Грозит взором и скрежещет
Во отмщение зубами)— —
Если вольность Катилина
Не возможет испровергнуть,
То, спасенный Цицероном,
В мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбец, не терпевший
Себе равного во Риме,
Жажду царствия прикрывши
Добродетельной личиной,
Он умеренности видом
Привлекал сердца и души;
Торжества исторгши почесть,
Еще юн, не хотел больше,
Чтоб его затмил кто в Риме,
Победитель и во власти
В Рим вступает гражданином,
Но он хитростью добудет,
Чего силой не желает.
Его честь и добродетель
На лице токмо сияли,
Но душа была бесстыдна.
Расширитель он пределов
Рима Ассию до сердца,
Он неистово гордился,
Презрил Юлия, вещая:
«Я воздвигну легионы,
Ударяя ногой в землю».
Во Фарсальских он долинах
Испытал превратность счастья,
И предательной десницы
Стал он жертвою плачевной.

Тако зданье, соруженно
Хитростью и расточеньем,
Властию, умом, стрясется
И падет единым махом,
Коль найдет во преткновенье
Буйнее себя и дерзче.

Се возник тот муж предивный,
Удивленья веков поздних,
В юности распутен, жаждущ
Лишь веселья и утехи,
Дорогими ароматы
Нося кудри умашенны
И рача лишь о наряде,
Сей вознесся, да преломит
Твердый щит свободы Рима,
Но в котором еще Сулла
Марьев многих прорицает.
Юлий встал, и все поникло.
Ах! что может стать противу,
Когда Юлий в селе малом
Первым быть желает лучше,
Нежели вторым во Риме.
Алчба власти необъятна,
Совождается рассудком
Твердым, быстрым, и глубокий
Ум блестящий, и украшен
Всею учености цветами.
Слово нежно и приятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убеждать равно удобно
Душу, сердце жены, война.
Предприимчив, смел, отважен,
Жив, деятелен; чудесны
Он намеренья родивши,
Исполнял их устремленно;
Храбр и мужествен в сраженьи,
Мудр, разумен он в советах,
Милосерд, прощать обиды
Он готов всегда злодеям.
Как возможно, чтобы вольность
Устоять могла, шатнувшись,

Против Юлья? муж чудесный,
Он все качества изящны
Ссредоточил, недостатка
Ни едина не имевши,
Но пороков тьму; рожденный
К управленью, где бы ни был,
Победитель был бы тамо,
Где б случилось вождасть войско.
Вольности умыслив гибель,
В достиженья сея цели
Бдетелен был, трезв, незыблен,
Всегда к брани он готовый,
Рукой дерзкой и обильной
Рассыпал несчетно злато.
Покупал наемны души
И клеветов своих бранных
Делал Крезами, коль нужно.
Путь направля ко престолу,
Преткновений став превыше,
Он себе позволил все, и
Свято было ль что, не ведал.

Так, Помпея победивши,
Изливал щедроты всюду
И явился царь премудрый.
Но или неосторожно,
Или гордостью своею
Оскорбив любящих вольность,
Сей вождь славный, муж великий
Пал, сражен друзей рукою,
Пал, ненужная ты жертва
Сокрушенныя свободы
И, неслыханное чудо!
Тиран мертв, но где свобода?
Во служение поникший
Рима дух парить не может.
А ты, муж красноречивый,
Цицерон, прияв кормило,
Не возмог ты Римом править.
Ах, Катон, почто исторгнул
Жизнь свою ты столь некстати?
Ты бы участь зыбку Рима

Укрепить мог духом твердым.
Стань, сравнись со Цицероном;
Монтескье о вас да судит.
Цицерон муж качеств дивных,
Но вторым быть, а не первым
Был удобен; ум прекрасный,
Но душа нередко низка.
В Цицероне добродетель
Есть побочность, а в Катоне
Она верх, подпора ж славы.
На себя всегда взор первый
Витий славный обращает;
А Катон себя не видит;
Рим спасти Катон желает,
Зане любит он свободу;
А муж слова сладка хошет
Рим спасти, из чванства разве;
И сей муж, неосторожный
И тщеславный, ненавидя
Марк Антония, восставил
Юлия в Октавиане.
Но, обманутый младенцем
Почти, пал опасна жертва
Кровожадных триумвиров.
Тут воскрес, восстал от гроба
Ненасытец граждан крови,
Сулла; меч носился в Риме,
Пожиная всех, кто не мил
Иль опасен триумвирам.
Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.
Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
Только слава им осталась
Римляне последни зваться.
Потом, Марка победивши
Октавыян в Акции, трусливый,
Царь он стал огромна Рима.
И так сей злодей неистый,
Без законов и без правил,
Хитр, бесстыден, подл и алчен,

Благодарности чужд сердцем,
Сластолюбец и бездельник,
Кровожаждущ, но с насмешкой,
Воевода трус и робкий,
Но возлюбленный воинством,
Рим исполнивши насильства,
Грабежа, бесстыдства, крови,
И, насытившись надменно
Сладострастием позорным,
Стал превыше он всех в Риме.
Он в любовь к народу вкравшись,
Льстя его свободы видом
(Ах, достоин ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлеба, хлеба, игр на цирке?),
Основал престол железный,
Где воссядет злодеянье
И с ним гнусные пороки.
Тако хитрый сей мучитель,
Безмятежным правя царством
Долго, был и щедр и кроток
И, кончину видя близку,
С твердостью вещал стоящим:
«Се конец игры, плещите».
Но потомство не обманешь,—
О, неистовый счастливец;
Блеском своя держава
Одолжен ты Меценату,
Или Ливьи, иль Агриппе,
Иль льстецам твоим наемным,
Иль Горацью, иль Марону.
О умы, умы изящны,
Та ли участь Мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет,
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев.

Как струя, в своем стремленьи
Препинаема оплотом,
Роет тихо в основаньи
Связь подножья его крешка,

Но, подрыв и отняв силу
У претящая плотины,
Ломит махом все преграды
И, разлившись с буйным ливом
По лугам, долинам, нивам,
Жатвы где блюлись и злаки,
Все покрыла волной мутной:
Так при Августе власть высша
Подрывала столб свободы,
Что Тиверий срунул махом.

Тиран мрачный, он подернул
Покрывалом тяжким скорби
Рим; тогда не злодеянье
В злодеяние вменялось;
Но злодей — кого Тиверий
Ненавидел или думал,
Что опасен он быть может.
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак, иль мысли
Все могло быть преступленьем.
Там донос, ночное жало,
В бритву ядом изощренно,
Носят нагло днем во Риме.
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
Чужды стали и опасны.
Оком рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнам
И с улыбкою змеиной
То чело знаменовала,
Что падет при восходе солнца,
Иль увянет при закате.
Ах, исчезли те сердечны
Излиянья меж друзьями,
Что всю сладость составляли
Бесед тихих, но свободных;
Со пиршеств непринужденно
Отлетело уж веселье,
Скрыв чело блестяще, ало
Под покров густой печали;

И доверенность в семействах,
И в рабах хоть редка верность
Искаженны превратились
В недоверчивость, подобну
Стражу люту, что отъемлет
У несчастных услажденье
В бедстве томном, сон и слово.
Дружба там почлась не лучше
Скалы скрытой и подводной,
Где корабль при дуновеньи
Тихого Зефира будет
В корысть Сцилле иль Харибде.
Откровенность и вид правды
Поставлялися безумьем.
И сама, ах! добродетель
Почиталась личиной,
Но опасной для тирана,
Зане вид ее любезной
Мог исторгнуть бы из груди
Воздыханье о блаженстве
Времен прежних, и родилась
Мысль, что Рим мог быть иначе.

Так вещает муж бессмертный
Монтескье, что нет тиранства
Злей, лютей, когда хождает
Под благой сенью законов,
И прикрытое шарами ¹⁰
Правосудия; подобно,
Как бы жалость всю презревши,
Отымать спасавшу доску
Претерпевших сокрушенье
Корабля, да гибнут в бездне.

Се лишь слабая картина
Царствия Тиверья мрачна.
Сей тиран согбенна Рима,
Возгнушавшись его лестью
Иль боясь, чтоб не воздвигло
В нем отчаянье десницу
На карание правдиво
Всех его мучительств темных,

Отдалился во Капрею¹¹,
Где, когортами стрегомый,
Сластям гнусным предавался,
Коиx образ даже срамный
Иль одно напоминанье
Омерзенье возбуждают.
Тамо отроков во сонме
Наслаждался он утехой,
Новы сласти вымышляя
И названия им новы;
Там, откуда его смрачны
Слуги, рыская повсюду,
Новых жертв всегда искали
Его мерзку любострастью;
Отрок нежный, возвращенный
В целомудрии, в смиренности,
Исторгался из объятий
Отца, матери иль брата.
Ах, почто, почто и память
Сих всех гнусностей позорных
Едко время пощадило!
Время, в царствии драгое,
Истошая в сих утехах,
Исполненье своей власти
Злой тиран отдал Сеяну.
Сей, орудье его зверства,
Шел во власти и в тиранстве
Наравне с каприйским богом.
Погубив его семейство,
Он уж смелую десницу
На трепещуща тирана
К поражению возносит;
Но сам пал, и тиран лютый
Злей, лютее стал, дотоле,
Что, несчастный, избегая
Не кончины неизбежной,
Но терзаний, муки, пытки,
Жизнь заранее преторгши,
Извлекал из уст тирана
Слово зверское: «он спасся».
Сам Тиверий смертью лютой
Жизнь скончал свою поносну.

Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высокоу выю,
То что нужды, кто им правит?
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль, — на мгновенье;
А потом он, усугубя
Ярость лютоści и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Кай Калигула таков был,
Милосерд, но лишь вначале;
Он был щедр — — разве в тиранстве.
Юнош тихий и покорный
Был, доколе высшей власти
Не имел в своей деснице;
Потом тигр всех паче лютый.
И достойно назывался
Рабом лучшим во всем Риме,
Господином злей всех паче.
Он, лаская толпе черной,
На безумные издержки
Истошил несчетно злато.

И се светлое начало
Пременилось скоро, скоро.
Сверженно все и погранно
С наглостью; досель невинный,
Нравы, разум и законы,
Человечество и честность
подавив пятою тяжкой,
Кай омылся в кровях Рима;
Он мучитель до безумства,
Сожалел о том лишь только,
Что народ, народ весь римский
Не одну главу имеет,
Да сраженна одним махом

Ниспадет ему в утеху.
Пьян, величием надменен,
Он царей всех чтит рабами,
Храм создал себе, как богу,
И велел обильны жертвы
Приносить себе, как Зевсу.
Блестел молнией, метал громы.
Удивиться тому должно,
Как мог Рим повиноваться
Дурака сего неиста
Бешенству толико яру;
Любодейца со сестрами,
Нагл, насилен и бесстыдно
Осрамлял супружне ложе.
Лишь стыдился, что Агриппа
Его дед был, и вещает:
«Мать мою родивша Юлья
Зачала в объятых отчих
Бога Августа». — Безумный!
Нет, лишь смех ты возбуждаешь.
Но чему дивимся боле:
Иль надменности безумной,
Или зверству его яру?
Глад, иль мор, или пожары,
Или бедствия народны
Ему были услажденьем.
Но дотоль он презрил римлян
Или был безумен столько,
Что коня в своих чертогах
Угощал как мужа славна.
Он нарек его первейшим
Во священниках, и мыслил
Нарещи его в сенате
Консулом. — Но полно, полно,
Замолчим... Он жизнь столь гнусну
Острием скончал Херея.

Ах! пребудет удивленьем
Во все веки, во все роды...
Как Рим гордый, возмужавший,
Жив столетия во бранях
Непрестанных; источая

Кровь граждан и кровь противных,
Истребляя иль присвоя
Царствия, народы, веси,
Явив свету мужей дивных
В добродетелях, в ироистве,
Совершивши дел толико
И великих и блестящих,
Быв толико мудр в правленьи,
Мудр во бранях и в победах
Мужествен, тверд, постоянен,
Во опасностях незыблем;
И, поставив от начала
Присвоение вселенной
И намеренье блестяще
Столь умыслив остроумно,
Столь исполнив постоянно
И окончив столь счастливо...
Но на что ж?.. дабы злодеев,
Извергов, чудовищ пять-шесть
Наслаждалися всем буйно...
Иль се жребий есть всеобщий,
Чтоб возвышенная сила,
Власть, могущество, блеск славы
Упадали, были гнусны?
И рачащие о власти
Для того ее лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?

Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.
Сенат римский, гордый, смелый,
Сонм князей, владык державных
Пресмыкается и гнусен...
О, властители вселенной,
О, цари, цари правдивы!
Власть, вам данная от неба,
Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,

Суть бичи небес во гневе,
И их память пренесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!
Кай сражен, сражен Херсем,
Что возмнил восставить паки
Истукан свободы в Риме.
И се, крояся во страхе
В углу дальном царска дома,
Клавдий обретен трепещущ.
«Буди царь!»— вещают войны.
О, Рим, Рим! кто царь твой ныне?
Старец дряхлый, но младенец
Он умом: ум слабый, глупый;
Человек едва ль, зародыш,
По названью его родшей.
Мягкосерд, но что в том пользы?
Раб жены поносной, срамной,
Стряшей стыд, раб Мессалины,
Коей имя в век позорно
Нарцанием осталось
Жен презрительных, бесстудных.
Он, игралищем став гнусным
Отпущенников, злодеев,
Иль Нарцисса, иль Палладья,
Омывался в крови римлян.
В Риме тот был жив, здоров, знатец,
Кто их друг был иль наемник.

Кто с глупейшим из тиранов,
С Клавдием сравниться может?
Недовольная упившись
Мессалина сласти гнусной,
Пред очами она Клавдья
Во супружество вступает
Со возлюбленным ей Сильем.
Но что пользы в том, что смерти
Предаст Нарцисс Мессалину?
Клавдий слышал и трепещет:
«Я ль еще владыка Рима?»
Се вопрос тирана слаба.
Се жена распутна паки

Воцарилась Агриппина;
Но, боясь конца насилья,
Кю Локусте прибегает, —
И отравя отомщает
Падший Рим кончиной Клавдия.
Ах, погибли пораженны
Все останки умов твердых.
Зри, жена пройска духа
Осужденному к злой смерти
Милому рекла супругу,
Да рукою своей твердой
Предварит он казнь поносну,
Но Пет медлит и робеет.
И се Ария сталь остру
В грудь свою вонзает смело:
«Приими, мой Пет любезный,
Нет, не больно...» Пет, мужаясь,
Грудь пронзил и пал с супругой.

Но се тот уж воцарился,
Коего счастливу юность
Управлял Сенека, Буррий;
Но который, сняв личину,
Каждый день своєю жизни
Или каждый шаг свой зверский
Начертал убивством лютым;
Тот, чье имя в век осталось
Всех поноснее и гнусней
В нарицание тиранам,
Имя Нерон, зверь венчанный.
Во неистовых утехах
Провождая дни и нощи,
Он в позорищах являлся
Иль возницей, или гистрий¹²
В посмеянье был народу,
Но палач он, всем грозящий.
Он убийственную руку
Простирал на всех ближайших;
Мать, наставники, супруга —
Все сраженно упадало
Под мечем сего тирана,
Столь мертвить людей умевша;

Насыщался ежедневно
Или сластью прегнусной,
Или кровью умовенный,
Его Рим зрел посягавша
Во жены Пифагораса,
И среди затей безумных,
В кровях плавая гражданских
И в хмелю утех неистых,
Он возмнил себе представить
Пожар, гибель древней Трои,
И для сей утех злобной
Велел Рим возжечь отсюда...
Се довольно, мы скончаем
Сию повесть, где лишь видно
Иль неистовство, иль зверство.
Убоясь попасть в руки
Своей страже вероломной
Иль сената, погибает
Смертью, красной для тирана:
Он мечем сам грудь пронзает,
И погиб, последня отрасль
Дому Юлия велика.
Гальба, Отон и Вителлий,
Появившись на престоле,
Смертию своей поносной
Уступили Веспасьяну,
Избранному в цари войском,
Трон, омытый своей кровью.

Некогда ласкатель гнусный
Он Нарцисса и Нерона,
Веспасьян явил на троне
Добродетель; и Рим гибший
Отдохнул — хоть ненадолго.
Далек пышности и спеси
И трудясь во управленьи,
Воздвигал погибше царство,
Где чредою скиптр держали
Злы тираны, равно гнусны,
Равно злобны, или глупы,
Или бешены, иль паче
Расточительны безумно.

Услажденье рода смертных,
Тит, почто прешел ты скоро?
Или для того, чтоб знали,
Что считал ты свое царство
Излиянным только благом,
Нарицая днем погибшим,
Когда счастья не мог сделать
Никому? Но век твой красен
Жизнью Плиния старейша...
Заклученный в недрах утлых
Огнь в Везувии, яряся,
Всклокотал и хлябь разинул,
Разорвав ее холм высший.
Огнь, каменья, дым и пепел
Всё летит превыше облак,
Затмевая день и солнце.
Там рекой струится лава,
И всё гибнет, вся окрестность
Погребенною сокрыта
В пепле жарком и ниспадшем.
Геркуланум и Помпея
Низошли совсем в могилу;
Бедство, смерть, опустошенье
Распростерлися далеко.
Тут, вождаемый алчною
Сведения и науки,
Погибает старший Плиний.
Но ты царствуешь, о сладость
Римского народа!— Тит, зри,
Как течет ко всем на помощь;
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует уж Титом.
Но, скончав свою жизнь кратку,
Тит престол оставил Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домптьян тиран сей новый,
Он тиранов всех предшедших
Злее был и не смягчался
Николи в своей он злобе,
Зане робок был, застенчив.
«И столь гнусно было время,—
Тацит тако возвещает,—

Ниже молвить, ниже слышать». Рим стал нем, пропало слово; И погибла б даже память, Если б можно было смертным Терять память во молчаньи. Но мучитель робкий слова, Всех в стenanье приводивший, Пал супруги наущеньем. Но и дни сии столь гнусны Красились, имея мужа, Жить родившегося достойным В лучших днях Афин и Спарты. Се Агрикола; с тобою, Домитиан, жил на то лишь, Чтоб ты паче посрамленный Пред потомками явился; Зане истинно и верно, Если сонмы людей славных Могут красить дни счастливы Царя мудра или щедра, То один лишь муж великий, В дни родившийся тирана, Его паче лишь унижит Ярым блеском своей славы. Тогда паки воссияло Солнце теплое для Рима; По чреде там зрели мудрость, Славу, мужество во власти И венчанну добродетель.

Нерва, избранный на царство, Был правитель мудр, но слабый И согбен лет тяготою; Но он дал себе опору И устроил счастье Рима, В сыны взяв себе Траяна. Его смерть была бы в Риме Бедствие, когда б не знали, Что Траян его приемник.

Ожил Рим с царем толиким; Судия и воин мудрый,

Он имел, что было нужно
Быть царем. Алкая славы,
Он свой меч победоносный
В Дакию простер; воздвигнул
На Дунае мост тот славный,
Удивлявший столько древних;
И оружия славой, блеском
Ослеплен, понесся в дальню
Покорение народов.
Но хотя излишняя слава
Победительные лавры
Затмевает, хотя жертвы
Сладострастия неиста
И возлития обильны
Хмельну Вакху прикрывают
Черной тению картину
Подвигов, равно блестящих,
Царя в брани или мире:
Вопреки злоречья колка
Навсегда Траян пребудет
Пример светлый всем владыкам.
И тому дивися больше,
Что он, разума не красив
Благолепными цветами
Иль познаний, иль науки,
Мог царем он быть столь мудрым.
В том как можно усумниться,
Когда дни его златые
Зрели Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.
Когда Тацит, сей достойный
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
«Век счастливый наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
И вещать, что ты помыслишь». —
Ах, сколь трудно, восседая
Выше всех и не имея
Никаких препон в желаньях,
Усидеть на пышном троне;
Без похмелья и без чаду.
И тот царь почтен достойно,

Ускользнуть когда возможен
Обуяния неиста
Страстей буйных души смертных.

Адриан, на трон вступивший,
Строил счастье в римском царстве,
И хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки.
Гнусной страстью к Антиною
Тлея, в честь ему он строил
Храмы, грады; но всю гнусность
Страсти срамной и пороков
Он прикрыл рачепьем к царству,
Путешествием всегдашним
В областях пространных Рима.

Не пустое любопытство
В страны дальны направляло
Его путь, но цель всегдашня
Путешествий столько дальных
Была польза и блаженство
Градов, областей, народа.
Устремляя взоры быстры
В управление подвластных,
Мститель был законов строгий
В лице всех, дерзнувших данну
Власть свою во зло направить.
Велелепные и пышны
Грады, зданья он воздвигнул,
Но не с тягостью народа;
Зане многие налоги
Облегчал и уничтожил.
Хоть достойный сей царь Рима,
Злой болезнью одержимый,
Жизнь свою прервать не могши,
Обратил свою всю лютость
На казнь, может быть не нужну,
Многих; но ему простили
Все за то, что себе избрал
Он в преемники на царство

Антонина. Хотя помним
Слово мудра Фаворина,
Состязавшась с Адрианом:
«Нет, кто тридцать легионов,—
Так мудрец друзьям вещает,—
Может двигнуть одним словом,
Ошибаться тот не может».
Но его дни безмятежны
Возрастили А[д]риана
И учителя во нравах
Строга, мудра Эпиктита.
Испытав превратность счастья,
Он всю мудрость заключает
В двух словах: «сноси с терпением,
Будь умерен в наслажденьи».
Словеса много блаженны,
От источника исшедши,
Кажется, излишне строга,
Но соделавшие счастье
Рима, дав ему на царство
Всех владык его изящных.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
Возникала в человеке,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Веков дальних и потомства,
Мысль изящную Зенона.
И хотя б другой заслуги
Мудрование столь чудно
Не имело,— не оно ли
Риму в счастье даровало
Антонина, Марк Аврелья?—

Дни блаженные для Рима
Уже паки воссияли.
Се восходит на трон света,
Коего любезно имя
Целый век за честь вменяли
Носить римские владыки;
Мудрец истинный, украшен
Добродетели чертами

И порока ни едица.
Антонин течение жизни
Посвящал народну благу;
Гражданин, не царь во граде,
Се отец благий не титулом,
Кѡим красились венчанны
И злодеи и юроды,
Но отец он истым делом.
Ах, тот мог ли быть превратен,
Кѡ несчастием ужасным
Почитал, когда бы быть мог
Ненавидимым во Риме;
Собственность кто презирая,
Расточал свое богатство,
Что наследил, соблюдая
Он сокровища народны?
«Нет, Фавстина,— он вещает,—
Я, владыкою став Рима,
Собственности всей лишился». —
Он уснул, и Рим восплакал,
И Антонин мог забвен быть
Тем лишь, избрал что на царство
По себе в Рим Марк Аврелья.
Имя сладостно и славно!
Се премудрость восседает
На престоле цела света.
Но он смертный был. Блаженство
Рима вянет с Марк Аврельем;
И столетия с стремленьем
Протекли за ним уж многи;
Но на поприще обширном,
На ристалище вселенной
Всяка слава и блистанье
Всех царей, владык прешедших
Перед ним суть разве слабый
Блеск светильника, горяща
В полдень ясный, в свете солнца;
Перед ним вся лучезарность
Подвигов в сверканьи славы
Суть лишь мрак, и тьма, и тени.
Когда взор наш изумленный
Обращаем на владыку.

На всесильного, который
Столь смирен был во порфире,
То во внутренности духа
Мы таинственно веселье
Ощущаем, и не можно
Без сердечна умиленья
Вспомнить жизнь его премудру.
Слеза радости иступит,
Сердце, в радости омывшись,
Вострепещет, утешаясь.
Но... смолчим, в душе сокроем,
Ах, всю скорбь и тяжко чувство,
Что по сладости во сердце,
Вспоминая Марк Аврелья,
Восстает и жмет в нас душу.
Нет, не жди, чтоб мы дерзнули
Начертать его теченье.
Все, что скажем, будет слабо
И сравниться не возможет
С той чертой предвечна света,
Чем его живописала
Всех веков и всех народов
Образ дивный благодарность.
Его жизни описанье
Действо то вливает в душу,
Что изящнее возникнут
О себе самих в нас мысли
И равно изящны мысли
О превратном смертных роде.

Но надолго ли?— О, участь,
Участь горька рода смертных;
Марк Аврелий уж скончался,
Счастье Рима с ним исчезло,
И благие помышленья
О блаженстве рода смертных.
Се торжественно и тихо,
Спровождается всех воплем,
Шествие его кончины
Отправлялося во Риме;
Но шаг каждый препинаем
Был слезами иль восторгом

Всего римского народа:
«Се наш друг — ах, паче друга,
Се родитель, се кормилец, —
Се отец, — се бог всецедрый...»
Скорбно в слухи ударяли
Словеса сии нельстивы
Того, кто вменит за тягость
Все благие помышленья.
И се во броне одеян,
Коммод грозно потрясает
Копием, и все умолкло.
Шествие идет в молчаньи.
Ах, тогда уже познали,
Что сокрылося во гробе
Счастье Рима с Марк Аврельем.

МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДА К ДРУГУ МОЕМУ

1

Летит, мой друг, крылатый век,
В бездонну вечность всё валится,
Уж день сей, час и миг протек,
И вспять ничто не возвратится
Никогда.

Краса и молодость увяли,
Покрылись белизной власы:
Где ныне сладостны часы,
Что дух и тело чаровали
Завсегда?

2

Твой поступь был непреткновен,
Гордящаяся глава вздымалась;
В желаньях ты не пречерчен,
Твоим скорбь взором разведалась,
Яко прах.

Согбенный лет днесь тяготою,
Потупил в землю тусклый взор;
Скопленный дряхлостей собор
Едва пренес с своей клюкою
Один шаг.

3

Таков всему на свете рок:
 Не вечно на кусту прельщает
 Мастистый розовый цветок,
 И солнце днем лишь просияет,
 Но не в ночь.

Мольбу напрасно мы возводим,
 Да прелесть юных добрых лет
 Калечна старость не женет;
 Нигде от едкой не уходим
 Смерти прочь.

4

Разверстой медной хляби зев,
 Что смерть вокруг себя рыгает,
 Ту с визгом сунув махом в бег,
 Щадя, в тебя не попадает
 На сей раз.

Когда на влажистой долине
 Верхи седые ветр взмутит,
 Как вал ярься в корабль стучит —
 Преплыл не поглощен в пучине
 Ты в сей час.

5

Не мни, чтоб смерть своей косою
 Тебя в полете миновала;
 Нет в мире тверди никакой,
 Против ее чтоб устояла,
 Как придет.

Оставишь дом, друзей, супругу,
 Богатства, чести, что стяжал:
 Увы! последний час настал,
 Тебя который в ночь упругу
 Повлечет.

6

Кончины узрим все чертог,
 Объят кровавыми струями;
 Пред веком смерть судил нам бог;
 Ее вершится все устами
 В мире сем.

— Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
Почто безвременно печалью дух крушится,
Ты бедствен не один! Иной среди утех
Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех?
Улыбка на устах его воссесть не может,
Змия раскаянья преступно сердце гложет;
Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.

— Мне пользует ли то? лишен друзей и чад,
Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей властью отсюду окруженный,
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?

— Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
Всем знающим тебя, соотчикам, друзьям,
Когда во лъстящей мгле являлось все очам.
Когда во власти был веселий на престоле;
Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
Когда один твой взор счастливых сделать мог.

— Блаженством все сие я почитать не мог.
Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
В одежде дружества злодеи предстояли;
Вслед честолюбию забот собранье шло;
Злодейство правый суд и судию кляло;
Злоречие, нося бесстрастия личину,
И непорочнейшим делам моим причину
Коварну, смрадную старалось приписать
И добродетели порочный вид придать.
Благодеянию возмездьем огорченье.

— Среди превратности что ж было в утешенье?

— Душа незлобная и сердце непорочно.

— Скончай же жалобы, поднятые бессрочно.
Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
Или чувствительность из сердца истребил?

— Душа моя во мне, я тот же, что я был.

— Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.
Престань стенать. Кто мог всеильною рукою
И сердце любяще и душу нежну дать,
К утехам может тот тебя опять воззвать.
А если твоего сна совесть не тревожит
И память прежних дел печаль твою не множит,
То верь, что всем бедам уж близок стал конец.
Закон незыблемый поставил всеотец,
Чтоб обновление из недр перемен рождалось,
Чтоб все крушением в природе обновлялось,
Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть;
То шествие судьбы возможно ли претерпеть?
На восходящую возри теперь денницу,
На лучезарную ее зри колесницу;
Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.

— Се живоносное светило возблистало
И утренни мечты от глаз моих прогнало,
Приятный тихий сон телесность обновил,
И в сердце паки я надежду ощутил.

— Подобно ей печаль в веселье претворится,
Оружьем радости вся горечь низложится,
На крыльях радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я...

ЖУРАВЛИ

Басня

Осень листья ощипала с дерев,
Иней седой на траву упал,
Стадо тогда журавлей собралось,
Чтоб прелететь в теплу, дальну страну,
За море жить. Один бедный журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий.
Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
«Я не виновен, что я охромел,
Нашему царству как вы помогал.
Вам надо мной хохотать бы не должно,

Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымает возможность,
Мужество, силу претяжка болезнь.
Волны несчастному будут мне гробом.
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец!» — Между тем веет ветер,
Стадо взвилось и скорым полетом
За море вмиг прелететь поспешает.
Бедный больной назади остается;
Часто на листьях, пловущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;
Грусть и болезнь в нем все сердце снедают.
Мешкав он много, летя помаленьку,
Землю узрел, вожделенну душею,
Ясное небо и тихую пристань.
Тут всемогущий болезнь излечил,
Дал жить в блаженстве в награду трудов;
Многи ж насмешники в воду упали.

О, вы, стелющие под тяжкою рукою
Злосчастия и бед!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

ОСМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времен часы изливает, каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возресли,
И на дальнейшем берегу изливают пенные волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетие туда;
И сокрушил, наконец, корабль, надежды несущий,

Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель и вольность пожрал омут ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех.
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы

сраженьев;

Ах, омоченно в крови, век, ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.

Мрачные тени созади, впреди их солнце;

Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,

Но зри, стоит еще там лдяной хребет, теремья;

Так и они — се воля господня — исчезнут, растая,

Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.

О, незабвенно столетие! радостным смертным даруешь

Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек —

Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;

Царства погибли тобой, как раздробленный корабль:

Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;

Смертный что зиждет, все то рушится, будет все прах.

Но ты творец было мысли; они ж суть творения бога;

И не погибнут они, хотя бы гибла земля;

Смело счастливой рукою завесу творенья возвевя,

Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,

Из океана возникли новы народы и земли,

Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.

Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцов;

Нитью вождения вспяты ты призываешь комет;

Луч рассечен тобой света; ты новые солнца создало;

Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;

Ты побудило упряму природу к рождению чад новых,

Даже летучи пары ты заключило в ярем;

Молнью небесну сманило во узы железны на землю

И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.

Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,

Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.

Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам

новым

Молнйей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.

Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних

Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь;
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брыжжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенный браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их сопутников черных! — ужасны!.. идут — ах! идут,
зри,
(Яко ночные мечты) лютоści, буйства, глад, мор! —
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже? —
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаянье! смертный, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всеильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари
дневные,
Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойной...
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня ноци угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром воздвигнут, чтоб счастлив был
росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда Александр будь у нас...

ОПЫТ О ЗАКОНОДАВСТВЕ

Чем машина проще, чем меньше в ней пружин, чем оные прочнее и могут вернее и проворнее производить сходственные с ее целию великие и наилучшие действия, тем она совершеннее.

Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан.

Два рода пружин, кои оную приводят в движение, суть нравы и законы. Сии последние суть почти дополнение первых. Чем народ имеет нравы непорочнее, проще, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем большую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка.

Мы не можем лучше делать наших размышлений о сей столь важной и столь достойной всего нашего внимания вещи, как рассуждая с достойными им благоговением и тщанием и со всевозможною по силам нашим точностию сперва о предметах, потом о существе и совершенстве, о издателе, а наконец, и о исполнении законов. Истина и блаженство ближнего будут при оном наша единственная

цель. Ни несчастная склонность, родившаяся в наши поврежденные времена, к странным и страстям угрожающим мнениям, ни опасное желание показать тщеславный и соблазняющий разум не удалят нас от оныя. Мы никогда не забудем, что единая добродетель заслуживает наше почтение и что простота бывает *всегда верною спутницею истины*.

О ПРЕДМЕТАХ ЗАКОНА

Предметы закона суть: нравы, вера, вольность, имение и сохранность граждан.

Цель закона состоит в том, чтобы нравы были непорочны, вера чиста и действительна, чтобы природная вольность была ненарушима, елико то дозволить может общее благо, чтобы имения были разделены справедливо и граждане не могли б опасаться злобы и неправосудия; словом, чтобы каждый столько был благополучен, сколько то дозволит существо и совершенство целого государства.

Закон не может довольно стрещи ¹ нравы, кои суть наикрепчайшая подпора человеческого благополучия и гражданского общества. Но для сего потребна более обыкновенного благоразумия законодателя десница, его блаженство сотыкающая, должна сокрываться с наивеличайшим тщанием, если не хочет потерять своия силы. Добродетель не может быть ни повеленная, ни принужденная. Она независима и основала свой престол в ... ², коего человеческая власть коснуться не может. Она исчезла, ее уже нет, сколь скоро она принуждена быть.

Наилучшие законодатели старались действительнейшими учреждениями оную вселить в сердца граждан посредством мудрых учений и благоразумно устроенных упражнений. Кажется, что они никакой труд о блаженстве своих государств не предпринимали с такою горячностью. Миной ³ и Ликург ⁴ думали, что без них пропадут все их старания в соделании храбрых и воинственных народов. И мы ныне думаем, что все старание о блаженстве народа будет тщетно, если во младенчестве граждан основание оногo не положено будет на добродетели. И для того весьма нужно устремлять как народное, так и частное воспитание к возбуждению нравственных и гражданских добродетелей. Нас учат грамматике, наполняют головы наши словами и правилами, коих мы не понимаем ⁵.

Нас мучат начальными правилами языков, а часто и наук, кои нам никогда полезны не будут. Я сего совсем не порочу. Но я бы хотел, чтобы нас учили быть послушливыми, смиренномудрыми, воздержными, веселыми, правосудными, великодушными, мужественными; чтобы исцеляли от наших предрассудков и нас научали полагать пределы нашим желаниям, без коих ни мы счастливы не будем, ни дозволим другим быть счастливыми. Сии-то по справедливости назвались бы труды о нашем собственном благополучии и о блаженстве всего общества. Чрез сие государство было бы почти в половину управляемо и правитель оного освобожден от трудных и часто плачевных работ. Сожалеет о государстве, а не сожалеет о гражданах, когда он их угнетает. О, гражданин вольного государства!

Но если он толь великие выгоды получить желает, то он должен избрать мудрых и знающих людей, коим бы он таковое попечение препоручить мог. Он их должен награждать по мере их трудов, кои неописанны, и их искусства, коего гораздо более иметь надлежит, нежели как то себе обыкновенно представляют. Он их должен извлечь из презрения, коему они и их упражнения доселе были подвержены. Он должен их как людей, трудящихся с ним о блаженстве народа, сделать в глазах его столь почтенными, сколько то заслуги их требуют. Он наипаче тех должен награждать, кои их наставления более употребляют в пользу. Он особливо должен тем знаниям и наукам всеми мерами споспешествовать, кои непосредственными предметами имеют добродетель и нравы и кои стремятся предупредить оных повреждение и злоупотребление. Тут имеет он счастливейший случай сделать множество хороших учреждений и достойных его мягкосердия и мудрости, кои со временем дадут прекраснейшие и благороднейшие плоды.

Вера, будучи во всех ее частях и во всех ее действиях наипочтеннейшая вещь, которую человеческий разум себе только представить может, заслуживает наивеличайшее старание и ревность законодателя.

Законы во всех государствах, как то история повествует, издаваемы были повременно и по случавшимся нуждам и обстоятельствам. Издатели оных были к тому побуж-

даемы разными причинами или страстями. Оттого во всех, а особливо в единовластных правлениях часто бывали они противуречащи. С течением времени столь становились они обширны, что редко находились люди, коим бы они все были известны; малое число понимало их прямой смысл, а большая часть людей обращали их произвольными толкованиями в свою пользу. Сие побудило делать из законов выписки, извлекая оных единый смысл, дабы всем упражняющимся в законоучении подать способ единообразное иметь понятие о том, что право, и о том, что закону преступно.

Таковые выписки из римских законов сделаны при упадке Римской империи по повелению императора Юстиниана⁶. Таковые нужно бы иметь и везде. Но Юстиниан сим доволен не был. Он повелел сделать из них кратчайшую выписку, расположа ее по материям порядком, наилучшим тогда признанным. Начальные основания, или так называемые и[н]ституты римских прав, служили и ныне во многих местах служат примером к расположению порядка в законоучении.

Англия, в новые времена прославившаяся своим законоположением по возможности общественного сожития, стремящимся к сохранению естественных человека прав, коих стечение составляет естественную его свободу, получила свои законы не обнародованием какого-либо уложения, но повременно. К блаженству ее возник в сердцах ее сограждан дух вольности от стеснения, меры превосходящего. Поставив себе первым предметом блаженного общежития вольность деяний, все обращало на его подкрепление, и сие составило, наконец, собрание законов, коим рассудок дивится, а человеколюбие радуется. Но дабы в обширных и многочисленных изветах верховная власть пронырство не находило случая лукавствовать, многие делапы выписки из английских законов. Наконец, судья Блэкстон⁷, расположа их естественным по существу их порядком, издал свои толкования аглинских законов, которые ныне классическою в аглинском законоучении почитаются книгою.

С издания в России Уложения⁸ в России состоялись законы, коих число несчетно, и неудобства здесь таковы же, как и везде. Сему намерена была пособить ныне царствующая императрица изданием нового Уложения. Но

важнейшие, может быть, дела отвратили ее до сих пор от того внимание.

Не тщаясь здесь последовать за Юстинианом, ни намеряясь сравниться с Блэкстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл доселе изданных в России законов, расположа их естественным порядком, коему Блэкстон последовал.

В России закон назваться может извет воли самодержавной. Поелику оный относится ко всем, может назваться законом; относяся же к частному, или единственному, положению, законом признан быть не может, ибо изъятие из закона общего служит только на тот случай, на который сделано, и не может быть примером толкования его впредь.

Мы, следуя Блэкстону, скажем: все законы относятся к тому, что *право*, или что делать позволяется, и к тому, что *не право*, или что делать запрещается. *Право*, или должное, относяся к человеку, назваться может *правом личным*, относяся к вещи, называется *правом вещественным*. *Не право*, или оскорбление права единственного, есть *обида гражданская*, оскорбление права общего есть *злодеяние*.

Итак, законы определяют:

1-е. Права личные и как они приобретаются и теряются.

2-е. Права вещественные и как они приобретаются и теряются.

3-е. Обиды гражданские, или преступления частные, и средства законные на их исправление.

4-е. Преступления общие, или злодеяния, и законные средства, как их предварять или наказывать.

В России находим два члена общества: государь и народ. Права первого, поелику он уже царствует, проистекают от его власти и определяются его волею.

Права второго основание свое имеют в дозволении первого.

Говоря о праве личном государя, мы не будем разыскивать основания самодержавной власти, в законе основанной, ибо закон есть воля самодержавная, и власть его расширенная и стесняться будет по его воле. Мы воззрим царя, на престоле сидящего, и не скажем нечто о праве государя и о его обязанностях.

В России народ разделяется на три главных состояния: духовенство, воинство и гражданство.

Духовенство есть двойное — белое и черное, или монашество.

Воинство — сухопутное и морское.

Гражданство на многие звания разделяется. 1-е дворянство; 2-е купечество, мещанство и цехи; 3-е дворцовые и государственные крестьяне и другие, в ведомстве экономии директора находящиеся⁹; 4-е крепостные; 5-е вольные или среднего рода люди.

Рассматривая членов общества, найдем их в разных отношениях одного к другому. Найдем рабов и господ, мужа и жену, детей и родителей, опекунов и под опекою состоящих.

Говоря о праве вещественном, разделим его на право имений движимых вещей и на право имений вещей недвижимых и законное тех и других приобретения.

Говоря о оскорблении права единственного¹⁰, будем говорить и о судах, яко способах к восстановлению права нарушенного, и о законном дел производстве. Говоря о злодеяниях, потщимся определить разные их роды поестественному их расположению и определенные за то наказания.

Предпринимая столь многотрудное дело в рассуждении непроложенного пути, признать должно, что не надеемся совершенно достигнуть предполагаемой цели. Способы к тому малы и недостаточны. Блажен, если иногда угадав, что бы утвердительно сказать было должно, и если отведу хотя единого благомыслящего судию от погрешности.

1

Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому: немощен, наг, алчущ, жаждущ, — первое, откуда его стремление или естественная есть обязанность искать своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде. Если забудем его на мгновение, то разрушение наше есть неизбежно. Се основание закона естественного.

2

Закон положительный не истребляет, не долженствует истреблять и немощен всегда истребить закона естественного; но дабы права единственные не стекались к единому

предлогу, распри не решались бы кровопролитием и человек мог бы невозбранно иметь вещей употребление, он сложил с себя неограниченную в употреблении сем власть, природой ему данную, стал пользоваться мирно частию, пользовавшись сперва целым, но спорно, но во брани: поставил общую власть над властью частною и сделался гражданином.

3

Собрание граждан именуется народом; соборная народа власть¹¹ есть власть первоначальная, а потому власть высшая, единая состав общества основати или разрушить могущая.

4

Употребление народу самому своя власти в малом обществе есть трудно, а в большом невозможно. Сие вверяет народ единому или многим с разными преимуществами или пределами для общей пользы. Худое власти народной употребление есть преступление величайшее, но судить о нем может только народ в соборном своем лице.

5

Употребитель народной власти дает законы. Закон есть предписание высшей власти для последования единственного, ибо соборному деянию народа власть, народом постановленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела. Предписание же закона положительного не иное что быть должно, как безбедное употребление прав естественных.

6

Все законы положительные имеют предметом *право* и *не право*.

7

Право, или *должное*, есть то, что закон предписует к исполнению или что дозволяет. *Не право*, или *обида*, есть то, что закон делать запрещает.

Право относится или к самому человеку и назваться может *правом личным*, или к вещам, вне его находящимся, которые в его власти быть могут, и называется *правом вещественным*.

Оскорбление или есть нарушение *права единственного* и суть *обиды гражданские*, или нарушение *права общего* и суть *преступления*.

Итак, все законы учреждают: 1-е, или *права личные* и как оные приобретаются и уничтожаются, 2-е, или *права вещественные* и как оные приобретаются и уничтожаются, 3-е, или *преступления частные*, то-есть *обиды гражданские*, и средства, кои закон употребляет на их исправление, 4-е, или *преступления общие*, то-есть *злодеяния*, и средства законные оные предварять и за оные наказывать.

КНИГА ПЕРВАЯ

О ПРАВЕ ЛИЦ

1

Закон разделяет лица на *естественные* и *узаконенные*.

2

Естественные суть те, коих природа сама ознаменовала единственность.

3

Узаконенные суть те, коих единственность определяется законом или учреждением частным, как то торговое или ученое общество, монастырь, воспитательный дом и пр.

4

Права лиц суть *единственные* или *относительные*.

Права единственные суть те, кои принадлежат собственно и особо каждому человеку, в единственном его положении без всякого отношения.

Права относительные суть те, кои человек имеет яко член общества, и происходят из разных положений, в коих члены оного находятся один в рассуждении другого.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ПРАВЕ ЕДИНСТВЕННОМ

1

Права единственные имеем мы от природы, закон определяет безбедное только оных употребление.

2

Права единственные суть: 1-е, сохранность личная, 2-е, личная вольность. Сии оба права имеют свое начало в естественном человека положении. 3-е, собственность, которая первым положительным законом почестья может.

3

I. *Сохранность личная* состоит в невозбранном употреблении своея жизни, здравия, членов и доброго своего имени.

4

Никто да не убьет гражданина. Для общия токмо пользы может высшая власть отъяти у него живот.

5

Никто да не причинит болезни гражданину, никто да не лишит его члена; ибо он нужен быть может обществу и себе.

Никто да не дерзнет безвозмездно бранить, поносить или бесчестить гражданина. Закон налагает за то пеню.

II. Вольность личная состоит: 1-е, в равенстве всех граждан. 2-е, никто без суда да не накажется. 3-е, взятый под караул и три дни не допрашиван, берется в совестном суде по требованию его ¹³.

1-е. Равенство граждан состоит в равной зависимости от закона, то-есть что все чины в государстве должны деяния свои располагать по предписанию закона, и соделавый преступление да не избежит определенного законом наказания, разве по воле законодательных власти, ибо всякое изъятие общего закона есть частное и временное законоположение.

2-е. Дабы различные в государстве власти не могли поступать самопроизвольно, закон защищает всех и каждого, и никто без суда наказан быть не может, и каждый судится равными себе гражданами.

3-е. Учреждением совестного суда положена преграда насильственному и незаконному заточению. Требование содержащегося под стражею и три дни не допрашиванного предает его совестному суду. Мягкосердый законоположник мнил: когда три дни протечь могут и дело содержащегося не коснется, то дело или не столь важно, или же задержание его под караулом не столь нужно или и совсем несправедливо. И для того восхотел, чтобы не строгость тут действовала закона, но человеколюбие.

Из сего следует: если совестный суд право имеет извлечь содержащегося под стражею в присутственном месте, то кольми паче долженствует принять под свою защиту

содержащегося в заточении у частных людей и требующих его помощи. Следует, что задержанный под стражею и совестным судом освобожденный может бить челом на задержавшего его в насильстве.

13

III. Право собственности состоит в невозбранном и полезном употреблении своего имения. Сие право не есть всеобщее в России. Тот, кто оное имеет, располагает имением своим по своему произволению, но если употребление оного безрассудно, то отъемлется у него право употребления; собственность же не теряется никогда.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О ПРАВЕ ОТНОСИТЕЛЬНОМ

Глава первая

О ГОСУДАРЕ

1

Права относительные личные суть те, кои проистекают из разных положений членов общества.

2

В России суть два главных члена общества: государь и народ.

3

Государь есть самодержавный. Он заключает в себе законодательную, судебскую и исполнительную власти. Все другие власти в государстве суть удел власти самодержавныя, то-есть *государь есть источник* всякия государственныя и гражданския власти.

4

Но из сего не следует, что государь может все делать по своему произволу, но то, что начинает, не имея хотя деянием своим положительных правил, должен творить в

пользу общую, ибо какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность, но чтобы действия их направить к получению большего от всех добра ¹⁴.

5

Итак, не государь, но закон может у гражданина отнять именование, честь, вольность или жизнь. Отъявывая единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу.

Глава вторая

О ПРАВАХ ГОСУДАРЯ

1

Права государя относятся или ко власти: 1-е, законодательной, 2-е, к судейской, или 3-е, к исполнительной.

2

1. Право власти законодательной состоит: 1-е, в издании новых общих и частных узаконений, 2-е, в учреждении судебных мест, 3-е, в избавлении от предписанного законами наказания.

3

Можно сказать, что в употреблении законодательных власти воля государя в России есть не ограничена ни малейшею преградой, ибо яко первейший судия он судит по правилам, яко исполнитель первенственный он исполняет только решение свое, на законе основанное, но издавая закон новый, следует он единому только расположению своих мыслей, и власть его распространяется на все предлоги общественного правления. Единая преграда может только произойти тогда, когда возмнит велеть или запретить невозможное. И се глаголет российская законоположница: *закон не происходит единственно от власти. Вещи между добрыми и злыми средние по естеству своему не подлежат законам, следовательно, и власти* ¹⁵.

Законы издает государь сам и объявляет их непосредственно сам манифестами или чрез какое судебное место, давая указ на его имя. Дает преимущества и их отъемлет.

Законодательная государя власть равно простирается на духовные, гражданские и военные установления.

Законодательная государя власть разделяет государство на области, округи и пр., учреждает новые правительства¹⁶, уничтожает прежние.

Впадший в преступление подвергается непременно наказанию; власть законоположника изъемлет его из руки мщениия и дает ему свободу.

II. Яко первый судия он отменяет решение всех присутственных мест и приемлет приносимые в неправильном решении жалобы, но только тогда, когда уже дело все суды прошло постепенно. Запрещение подавать челобитные — закон, изданный вельможами, а не государем.

Яко первый судия он судит о заслугах и награждает по мере оных.

Яко первый судия рассматривает народные надобности, определяет себе наследника. Указ Петра I 1722 февраля 5. Открывает торги, определяет, каким быть деньгам, распоряжает государственными доходами.

III. Яко исполнитель закона он печется о благоустройстве внутреннем и внешнем.

Он объявляет войну и заключает мир.

Глава третья

О ОБЯЗАНОСТЯХ ГОСУДАРЯ

1

Понеже государь соединяет в себе все власти, то обязанность его будет относиться:

1-е, на учреждение законов, стремящихся единственно ко благу общему и частному, 2-е, стараться, чтобы суд был по законам, 3-е и чтобы законы не оставались без исполнения.

2

Се источник должностей государя: *маскатели по все дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однакож мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа*¹⁷...

О ДОБРОДЕТЕЛЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

Воззванные в общежитие всеильным гласом немощей и недостатков, человеки скоро познали, что для обуздания наглости и дерзновения нужна была сократительная сила ¹, которая, носясь поверх всего общественного союза, служила бы защитой слабому, подпорою угнетенному, была бы против необузданности оплотом и преградой и бич гонению, посягнувшему на оскорбление союзного телеси ². Силу сию нашли в самих себе. Немощны, дебелы, расслабленны во единице, едва не всеильны стали в сообщении, творяй чудеса, яко боги. Подернутые мглюю бездействия, объятые мраком самоневедения или неощущения, силы человеческие, дремавшие, уснувшие паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии, укрепились взаимно, распространились, возвысились и, объав вся не токмо существующая, но и вся возможная, возмечтали и то, что им несоразмерно, касаяся пределов даже божественности. И сие есть не последнее свойство человека, отличающее его от всех других животных, — свойство мечтать о не-существенном.

Познав силы своя, общество сделало первое оныя употребление, поставив правило для последования единственного. *Сие правило названо законом.*

Закон, следовательно, есть всегда правило общественных силы для последования единственного, ибо правило общия* силы для последования общего, если и вообразить себе кто возможет, не можно одного назвать законом; разве и то законом называть должно, что каждый сам себе дает в предписание, то-есть желание, прихоть и тому подобное. Закон таковой имеет свою силу, доколе желание имеет существенность. Потом падет и разрушится. Се истины образ законоположения в самодержавных правлениях.

Но сколь нужным признали в обществе живущие человеки иметь закон, столь же нужным скоро познали быть и понуждению к последованию закона. Доколе единомыслие в обществе царствовало, закон не что иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, не что иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание, ибо каждый в особенности своей не иного чего желал, как чего желали все, или, сказать точнее, никто не желал ничего в противность желанию всех.

Но самое то, что силу общественного человека обнаружил, самое то было причиною употребления оныя во зло. Во зло разумею другим, ибо горчайший злодей, творяй злодеяние, себе творит благое. Следовательно, зло общественное есть токмо зло в отношении, а не само по себе зло. Силы в человеке, укрепясь союзом, изопрясь сожитием, преступать иногда стали черту, оным положенную общественною волею, следуя в том общему природы правилу средоточных сил.

Если кто хотя мало вникал в деяния человеческие, если кто внимательно читал историю царств, тот ведает убедительно, что где более было просвещения, где оно было общественнее, тем более было и превратности. Столь добро и зло на земли нераздельно.

Дабы общественная связь могла быть всецела, всяк видел нужду назначить казнь нарушителю оныя. И ныне,

* Вероятно, опечатка. Должно быть, повидимому, «частныя». — Ред.

когда мы толико о[т] первобытных общественных положений отдаленны, когда мысль наша едва объемлет, что общество человек было в детстве своем, когда истинным мечтанием нередко почитаются разглагольствия о нем, вообразит ли себе человек, что глагол мучителя, кары и пытку изрекающего на невинность, что коварство и злоба венчаные, простирающие змеиный скиптр на пагубу бесильного, суть твари его могущества? Вообразит ли он себе, что выя его возлегает когда на плахе и топор вознесен над нею, да скончается дней его течение, о сам содетель своя казни! О человек, помедли, не стени о твоей участи; ты гибель себе устроил в сожитии с подобными тебе; вина гибели есть сила ваша общая. Она в тебе и собратии твоей присносущна. Дерзай желати своего блаженства, и блажен будешь. Блажен в общественном союзе, блажен и в твоей единственности.

Едва человек тяжким перстом необходимости начертал кровавые изветы казней, как, убоясь своего творения, оградился по возможности во свою особенность и, во обществе сущу, начал паки его чуждаться. Пользы общественного сожития ежемгновенно хотя взорам его предстояли, хотя искал он их повсеместно, но при стяжании оных забывал всегда пользу общую, охотно нарушал оную, если возмог то сделать без возмездия, и разве казнь неизбежная была прещением, да не разрушит его же создал. Прелестей исполненное именование отечество, отечество, едва слабым звуком доходило до ушей, самолюбием задернутых. Если при вопиющем о благе общем глаголе воспрещало изредка сердце юности, то было мгновенно, любокорыстно, преходяще и скоро возвращалось в обыкшую стезю особенности.

Узрев вдали еще направленное шествие общественного союза к разрушению, болезнуя о сотворении своем, его же на пользу себе устроить надеялся, обратил человек взоры свои на себя и, как вначале в себе нашел побуждения к общественному сожитию, тако и впоследствии искал в себе же побуждений к соблюдению *того, что устроил* для своя пользы. Ведал, что вина вступления его в общество была снискание своя пользы. Верное его было заключение, что тот, кто наиболее в общежитии найдет пользы, тот вящий будет оногo подкрепитель, поборник, защитник; тот, кто более надеяться будет, да получит от

общегития пользы, тот вяще восхощет пребыть в оном и посвятит на пользу оного труды свои, ибо от того польза его частная возрастет. Видя себя в отчужденном единственности положении, то-есть в обществе, прилепленного паче и паче к единственности и самолюбию, человек, яко сперва казнь начертал себе за оскорбление общественного союза, да безопаснее тем пребудет в единственности, потом назначил за стяжание общественного блага награждение, познав воистину, что всякое деяние его во благе и во зле есть мздоимно. Итак, если причина к общежитию есть единственна, а именно собственная каждого польза, то побуждения к ненарушению или паче к сохранению общественного сожития суть казни и награждения.

[?] суть побудители ко всем нашим деяни[ям]*, на них основываются мощные двигатели сердец. На них возлегают два важные законоположения общественные: закон казни, закон награды [имением?]** — возмездия*** коренится мысль об отечестве. — Что оно? Где существовать может? — Чем люди просвещеннее становятся, тем пути, связующие их с отечеством, должны быть сильнее. Грубые народы меньше имеют добровольных изгнанников, нежели просвещенные.

1. О сложении чувствительном человека. Вследствие оного ищет приятного и убегает болезнь. (Веселие происходит от удовлетворения нужд.) Следовательно, все деяния человеческие не суть бескорыстны.

В обществе живем для сих же причин. Для избежания болезни и для наслаждения веселием.

2-е. Чем польза частная теснее союзна с пользою общою, тем общество назвать можно блаженнее. В малых государствах, то-есть ограниченных на один город, все могут судить о пользе, а в больших нельзя. Для того в больших государствах законы будут многочисленнее — закон уголовный, — и положение о заслугах суть правила о суждении о пользе общественной — следовательно, закон не что иное есть, как извещение, в чем состоит обще-

---

* В рукописи Радищева «деянии». — *Ред.*

** Слово не совсем разборчиво. — *Ред.*

*** Так в рукописи. — *Ред.*

ственное блаженство. Кто наиболее о нем поборствует, тот вящую оказывает обществу заслугу. Следовательно, общественные добродетели суть награждения достойны. Частные имеют сами в себе возмездие.

К 1-му. Для того, что человек есть существо самолюбящее и все свои деяния по своей пользе размеряющее, и нужно деяния его наклонять к общему.

З-е. Разница в измерении и постепенности между наказании и награждении. Казнь определяется за всякий частный вред, а награждения — за общественную пользу. NB. Изъятие кажется из сего спасение живота граждан.

О преступлениях неуважаемых по причине их малоизвестности и трудности в доказательствах, например нерадение о препорученном. О здравии людей. Почти то же, что смертоубивство. Вред различия в наказаниях.

О ДОБРОДЕТЕЛИ, ДОСТОИНСТВЕ И ЗАСЛУГЕ

[КОНСПЕКТ СТАТЬИ]

О побуждениях к добродетелям. Возмеряются общественностию, проистекающей из того пользы. О достоинстве предателя. Не есть предатель оставивший свое отечество.

Какие деяния [почтяться] должныствуют добродетелью общественною. Что есть заслуга. Иногда награждают прежде, нежели заслуга последовала. Ошибка правительства. Ибо то, чего еще не имеем, то есть побуждение, но приобретенное слабо действует.

О мере заслуг. Заслуга животом³. Для чего всему предпочитается. Заслуга честностию, правосудием, разумом, остроумием, телесными силами, именем.

[РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ]

Претерпев многие перемены, разрозненная на уделы Россия наследством Владимира святого стала, наконец, соединена при царе Иване Васильевиче, который истребил остатки вольности новгородской, отверз путь к последовавшим над шведами завоеваниям и покорением царства Казанского и Астраханского возбудил государственные силы, всегдашним разделением и от ига татарского в недействие пришедшие. Введением лучшего в судах и в воинстве порядка он положил основание того величества, которого Россия достигла. Расстригино воцарение¹ потрясло, но не опрокинуло воздвигнутого победителем татар здания. Царь Алексей Михайлович оградил Россию от поляков покорением Смоленска и положил основание к преобращению, вызвав в Россию много иностранцев. Но окончательное преобразование сего огромного государства пред[о]ставлено было тому, который, выросший среди бедствий, приобрел столь нужную для государя казну, познание людей и который, воюя беспрестанно, мог среди браней, и только тем одним, ввести

порядок внутри государства. Бесчисленные постановления, занятые по большей части в иностранных землях без всякой иногда сообразности с местными обстоятельствами, показывают, что алкавшая его душа великого спешила претворять, не занимаясь маловажными подробностями, которые время очищает неприметно. Ибо истина есть первоначальная, что там, где законы издаваемые суть расположены систематическим порядком, там много уже мудрых существует или узаконений, или обычаев, которые содержат связь государственную.

Уложение царя Алексея Михайловича можно почесть законом систематическим, вся единым оком объемлющим и устремляющим все к единому концу. Но последующие законы все были частные. Петр Первый, тронутый более блеском наружным общественной связи, нежели ее внутренним блаженством, обращал свои законы на торговлю, мануфактуры, морское и сухопутное войско. В судах учредил порядок течения дел, но ось, так сказать, на коей всему вертеться должно, оставил прежнюю. В последующие времена еще далее удалилися от истинных цели. Если узаконения гражданские были, то все было частно. Иногда правительства присвоили себе власть законодательную, толковали законы превратно или давали решения, совсем оным противные. Оттуда происходит, что градодержатели² и всякие начальники нередко или всегда законы толкуют по своему произволу; отсюда происходит, что закон едва обнародован, как уже нарушается. Ничто меня столь не удивило, как следующее происшествие. Устав благочиния был обнародован только несколько дней. Сказано в нем, чтобы в праздничные дни питейные дома затворены были во время божественного служения. Законоположение благоразумное, стремящееся к соблюдению порядка и благочиния. Тогдашние откупщики тотчас предстали с возражением, чтоб им позволено было питейные дома отворять и прежде, или *они не будут в состоянии платить откупной суммы*, ибо им будет от того великий ущерб. Их просьбе внято, и закон нарушен в самом начале. Заблуждающиеся стражи законов! неужели для общества полезнее, чтобы казна не потеряла несколько денег, но закон

нарушен был? Потеря бы была мгновенная, но зло и пример злой остается навсегда. Не думаете ли тем угодить самодержавной власти? Если ее предмет есть общее блаженство, то вы первейшие преступники. Если кто пройти хочет суды, то найдет, что казенные дела ршаются всегда с жаром и что судья боится, казна чтобы не потеряла.

Презрительный судия, а не боишься ты нарушить право собственности, отнять честь, жизнь, которую одним словом отнять можно? Что последнее для общества? Потеряние денег или гражданина?

Один констебль ³ вне своей округи взял под стражу женщину именем Анну Декинс. Некто, называемый Тоблей, вступаясь за нее, в драке убил констеблева помощника. Обвиненный в смертоубийстве, он в защищение себе сказал, что незаконное взятие под стражу довольный вызов был для защиты, что потому смертоубийство его извинительно, и просил быть отдану на покаяние духовенству. Дело сие дошло постепенно до двенадцати первых судей ⁴.

Се мнение судии Гольма:

Если человек заключается властью незаконною, то сие есть достаточная причина всем для принятия его в защиту; да и тем паче, если заключение сие происходит под видом правосудия. Когда свобода подданного нарушается, то сие есть вызов на защиту ко всем аглинским подданным. Каждый должен стараться о сохранении Большой грамоты ⁵ и законов; и если кто заключит другого, то сей есть нарушитель Большой грамоты. По некоторых спорах, по причине что Тоблей, казалось, не имел сведения, что констебль был вне своей округи, защита почтена правильною. Сие случилось в царствование Анны ⁶. *De L'olme d'après reports. II* ⁷.

Посланный от правительства забрал бумаги некоторых печатников, подавших подозрение, что печатали поносительные сочинения. Указ, ему о сем данный, подписан был государственным секретарем ⁸; но на имена в подозрение впадших оставлено было белое место, а потому указ был незаконный. Печатники позвали посланного в суд, который осужден был на 300 ф[унтов] стерлингов пени в пользу одних и на 200 фунтов в пользу других. Сочинитель

обвиненный, которого бумаги также были взяты в силу помянутого указа, позвал в суд государственного секретаря самого, который принужден был обвиненному заплатить 4000 ф[унтов] стерлингов. De L'olme d'après la gazette⁹.

Монтескию и Руссо с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилie.

Кажется, что понятие о праве возродилось в общественном положении человека. Ибо право, содержа в себе только возможность к деянию, не может в естественном положении быть ощутительно, ибо возможность к деянию чувствуема бывает тогда только, когда есть к тому достаточные силы. Следовательно, и право естественное в естественном положении существует только по обстоятельствам действия и недействия. В общественном же положении естественное право заключает в себе всю возможность деяния и есть неограниченно.

Многие из крестьян в низовой стороне в церковь хотя ходят, но тайн святых не приобщаются, почитая себя недостойными. А берегут сие для последнего часа, дабы очиститься тем от грехов. При жизни своей тем грешат охотнее и свободнее, веря, что при кончине все грехи отпустятся покаянием и причащением.

гору и увидел в расселинах оной слой морских раковин! Не почтите, ваше сиятельство, сие каким-либо хвастовством; я выхватить стараюсь, почасти бесплодно, из чешуек скорби спокойную хотя минуту, и если не могу утешаться чем-либо существенным, то стараюсь заняться безделкою.

Но что может рассудок над чувствованием? Я по себе теперь вижу, что разум идет чувствованиям вслед, или не что иное есть, как они: по системе гельвециевой, вертится он около одной мысли, и все мое умствование, вся философия исчезают, когда воспоминаю о моих детях.

Призрите их, милостивый государь; если милости ваши обращались и ныне еще не престают изливаться на несчастного их отца, не лишите их таковых же, наставьте, накажите. Я чувствую, что, лишась своего отца, они лишаются и многого чего, о чем бы и мыслить я не мог. Избавьте их худого примера, который на будущее их житье может дурное иметь действие. Большие мои дети, если ваше сиятельство изволите их вопрошить наедине, могут уже сказать, что сообщество с братом моим Петром Николаичем для них вредно. Я пред чувствительною душою изливаю мою печаль и для того не убоюсь. Еще возобновив мою просьбу к вашему сиятельству о неоставлении той, которая заступает при моих детях место матери ², имею честь быть с истинным и глубочайшим почтением и чувствительнейшею благодарностью вашего сиятельства, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Александр Радищев.

Нижний, октября 20 1790 года.

[P. S.] Разрешите мне обратиться с нескромной просьбой и просить ваше сиятельство прислать мне термометр и ртутный барометр — первый для метеорологических наблюдений, второй для измерения высот. Утверждают, что Иркутск расположен на таком возвышенном месте, что воздушный столб не окажет давления на обыкновенный барометр и последний не будет функционировать. Мне было бы интересно узнать, на какой барометрической высоте находится уровень воды в Финском заливе. Относительно моего будущего образа жизни, возможно, я строю воздушные замки: разве я знаю, что со мной может случиться!

Письмо вашего сиятельства чрез его превосходительство Алексея Андреевича ¹ и сделанные по приказанию вашему для меня вещи и остальные деньги от Ивана Ивановича Панаева ² я получил. Если в долговременное мое пребывание в команде вашего сиятельства известным сделалось вам мое сердце, то вы не усумнитесь в присной и живо существующей в нем признательности за все благодеяния ваши ко мне. Если бы и на меня они не простирались, но коснулись бы только моего несчастного семейства, то алтарь в душе моей тебе воздвигнут будет, и восходить непрестанно наичистой жертва благодарности.

Пенять, ни сетовать мне не на кого совершенно, как то ваше сиятельство изволите примечать справедливо. Я сам себе устроил бедствие и стараюсь сносить казнь мою с терпением; но часто оно бывает недостаточно. Вооружуся надеждою и рассудком, но как скоро вспомню, что я живу в разлучении от детей моих, рассудка уж более во мне нет, и едва надежда не отлетает. Если кто знает, что действительным блаженством я полагал быть с ними, тот может себе вообразить, что скорбь моя должна быть беспредельна.

Вашему сиятельству угодно знать о моем положении относительно моего здоровья, то до приезда моего в Москву оно гораздо было хуже, нежели казалось. Выехав из Нижнего, я было занемог совершенно, но помощью лекарства, которым я запасся в Москве, я до приезда моего в Казань получил облегчение. Наступившая зима и морозы укрепили слабое мое телосложение, и я теперь, слава богу, здоров.

Касательно до душевного моего расположения, то я солгу, если скажу, что я покоен. Душа моя болит и сердце страдает. Если бы не блистал луч надежды, хотя в отдаленности, если бы я не находил толикое соболезнование и человеколюбие от начальства в проезд мой через разные губернии, то признаюсь, что лишился бы, может быть, и совсем рассудка.

Разум мой старался упражнять, сколько возможно, то чтением, то примечаниями и наблюдениями естественности, и иногда удается мне разгонять черноту мыслей. Благоприятство отличное, которым я здесь пользуюсь, еще более скуку мою разгоняет. Уверенный, что семейство

мое будет всегда под вашею защитою, уверенный, что и я забыт вами не буду, если могу только на месте моего пребывания найти всегдашнее упражнение, которое бы занимало не токмо силы разума, но и тела, то надеяться могу, что, сделав к спокойствию первый шаг, время, великий целитель всех человеческих скорбей, совершит мое начинание, а тем скорее, если могу иметь утешительное удовольствие видеть на месте моего пребывания кого-либо из моего семейства.

Извините, ваше сиятельство, долготу моего письма. Изливаю скорбь свою пред сердцем чувствительным; душа от оной находит облегчение, и тем величайшее, что бдительное ваше благодеяние, призирая меня в отдаленности, подкрепляет и малополучное и бедственное мое семейство. Бог вам воздаст за благое; молитва моя к нему о вас может единственное от меня быть признание.

22 ноября* 1790 года. Пермь**.

3

Милостивый государь мой.

Уже несколько дней, как сердце мое, если можно так выразиться, истерзанное мукой, расширилось и открылось для радости; мой бездейственный разум, кажется, снова может вернуть себе немного силы. Мой добрый друг, моя сестра ¹, 2-го сего месяца прибыла сюда с двумя моими малолетними детьми ² и в сопровождении моего брата ³. Значит, было суждено, что стечением обстоятельств, почти неизъяснимых для меня самого, доведенный до края пропасти, — что говорю я, до края, — поглощенный пучиною, тем более ужасною, что она грозила мне угасанием чувства, я оказался внезапно выплывшим из бездны и способным еще приблизиться к кумиру рода человеческого — к счастью, коему всякий придает свою форму, воображением своим либо украшая его цветами, либо окружая его кинжалами или ядом. Способен ли я к счастью? Да, милостивый государь мой, я способен. С тем меньшим честолюбием, чем с большей жаждой славы, с душой, доступной волнению лишь при приближении к предметам, чувства не смущающим, неведомый миру, окруженный существами мне дорогими, я могу жить и быть довольным. Да, жить;

* В рукописи ошибочно «октября». — *Ред.*

** В рукописи «Пермск». — *Ред.*

да, я буду жить, а не прозябать. Перемена, столь внезапная в существе моем, новая жизнь, так сказать, возрождение блаженства, — а кому я обязан сим? Единственно вашему сиятельству. Вам захотелось осыпать благодеяниями человека, вся заслуга коего состояла в том, что он стал несчастным из-за легкомыслия, непростительного в его лета. Что же сказать вам? Какой признательности ждете вы? Если нужно лишь любить вас... мало будет и обожать вас. Слезы [проливаемые] перед вашим портретом, который я принял из рук моей доброй подруги... Почувствуйте их, милостивый государь мой; это все, что вы можете от меня получить.

Последнее письмо, которое я имел честь написать вашему сиятельству, не отправлено, как я узнаю, с оказией, на которую я в нем указывал, но послано с другою, столь же верною ⁴. После того, что я узнал от сестры моей, боюсь, что оно пришлось вам не по душе. О, как я хотел бы быть далеким от всего, что могло бы досадить вам! Браните меня, давайте мне иногда, и даже часто, советы друга, отца; ибо я клянусь вашему сиятельству, что нуждаюсь в них более, чем когда бы то ни было. Я осмелился просить у вашего сиятельства «Путешествие Лессепса» ⁵. Я получил его из Москвы с моими близкими. Я просил, чтобы вы соизволили озаботиться доставлением мне «Физико-экономической библиотеки» ⁶, которая находится среди моих книг, но узнаю, что они увезены в Москву. Я прошу извинения за лишнее беспокойство, которое я мог причинить вашему сиятельству. Я ограничиваю мою просьбу двумя альманахами, кои я обыкновенно дарил моим детям к Новому году: один Готский по-французски, другой Геттингенский или Берлинский ⁷ по-немецки, оба с картинками.

Ваше сиятельство. После всего, что вы сделали для меня и для моих, вы еще сетуете, что моя свояченица не приняла от вас того, что вы ей предложили перед ее отъездом. Вам кажется, что с ее стороны это ложная скромность. Вы не заставляли меня краснеть, осыпая меня благодеяниями. Но что вы за человек? Вы хотите, чтобы злоупотребляли вашей благосклонностью, или, вернее, вы считаете, что ею невозможно злоупотребить.

За двух моих старших ⁸ я спокоен и буду спокоен; они будут жить под вашим покровительством. Мне горестно, что я был разлучен с ними, не успев закончить

их воспитания. Оно, может статься, и грешило в некоторых отношениях, но лишь через 4 или 5 лет можно будет судить об основах, на коих оно строилось. Небо судило иначе, и, не будучи Панглосом⁹, я скажу, что сие, может быть, и к лучшему, ибо часто бывало замечено, что воспитание самое тщательное производило чудовищ, потому что оно или мало, или вовсе не принимало во внимание обстоятельства, иногда неприметные. Так я утешаюсь тем, что в возрасте, когда разум пытается оставить костыли младенчества, они познали горе, урок всегда чудесный, приводящий человека в естественное состояние, который из существа, чрезмерно гордящегося условным величием, делает существо простое, из существа падшего делает человека.

Я предполагаю в часы досуга сделать нечто для образования моих старших¹⁰. Но так как я поклялся, или дал слово вашему сиятельству, что равнозначно, ничего не делать без вашего ведома, они получают сие только из рук ваших, и вы соблагovolите вычеркнуть то, что покажется неуместным.

С тех пор как приехали мои друзья, я стал большим домоседом — и полагаю, что поступаю правильно. Мы не можем двинуться отсюда до весны; мне предлагают даже оставить меня здесь до следующей зимы, но в сем случае я поступлю, как вашему сиятельству будет угодно решить. Хотя я и затянул свое путешествие вследствие утомления и желания повидать своих, я действительно проболел три недели: катаральная лихорадка и обильное кровотечение из носу. Соблагovolите, милостивый государь мой, не оставить меня без известий о себе и будьте уверены, что я пребываю до конца дней моих с чувством живейшей признательности и глубочайшего уважения к вам и проч.

Тобольск, 8 марта 1791 года.

Брат мой едет сегодня обратно, и сие письмо я отправляю с ним.

4

Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется. Разум, в недействие почти приведенный, испытывает паки

свои силы, и сердце, обихшее повторительною печалию содрогаться ежечасно, трепещет еще, но от радости. О ты, виновник моего утешения! Прими паки слезу благодарности и не поскучай, когда повторительное слово изъявит тебе только то, что душа чувствует; изъявит, но слабо. Сердце обихло во мне предварять рассудок. Нередко текут слезы, а язык нем.

Время моего здесь пребывания я, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений. Если я столь счастлив могу назваться, что в глазах вашего сиятельства я почитаюсь зрителем без очков, то я и ныне тщуся все видеть обнаруженно, ни в микроскоп, ни в зрительную трубу. Но, признаюсь, трудно уловлять истину, когда к достижению оной ведут одни только разногласные повествования, изрекаемые обыкновенно пристрастием, огорчением и всеми другими страстями, сердце человеческое терзающими.

Издавна не нравилось мне изречение, когда кто говорил: *так водится в Сибири; то или другое имеют в Сибири* — и все общие изречения о осмытысячном пространстве верст; теперь нахожу сие вовсе нелепым. Ибо как можно одинаково говорить о земле, которая физическое положение представляет толико разнообразностей, которой нынешнее положение толико же по местам между собою различествует, колико различны были перемены, нынешнее состояние ее основавшие; где и политическое положение и нравственность жителей следуют неминуемо положению естественности; где подле дикости живет просвещение, подле зверства — мягкосердие; где черты, пороки от ошибок и злость от остроумия отделяющие, теряются в неизмеримом земель пространстве и стуже за 30 градусов!

Уральские горы столь существенно различествуют по своей естественности от степи Барабинской, сколько жители оных от жителей степных. Крестьянин заводской есть совсем другой человек, нежели земледелец Тарской или Ишимской округи, и если Сургут, Туруханск изобилуют соболями, то почто дивиться, что в Ялуто[ро]вске их нет? А обыкновенно говорят: соболи рождаются в Сибири. Если березовский житель кормится от табуна оленей, а томский уездный крестьянин может только успевать в земледелии, то хотя они оба сибиряки, однако же во многих

вещах они между собою толико же различествуют, как агличанин от француза, *proportion gardée* ¹.

Перед глазами моими на стене прибита генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти $\frac{3}{4}$. Хорошо знать политическое разделение государства; но если бы весьма учебно было в Великой России сделать новое географическое разделение, следуя в том чертам, природою между народами назначенным, гораздо бы еще учебнее ² и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется) на округи, естественностью означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять и шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Палласа ³, Георги ⁴, Лепехина ⁵, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы ⁶.

Город здешний или, лучше сказать, остатки погоревшего Тобольска стоят частью на прекрасном и здоровом, частью на выгодном, но нехорошем и вредном для здоровья месте. Часть, построенная на горе, возвышается над другою частью города по крайней мере на 20 сажен. Верхняя часть города стоит над поверхностью Иртыша 26 сажен, когда нижняя часть разлитием оною иногда затопляется. Но близость воды и пронстекающие от того в домашнем быту удобства толико превешивают выгоды здорового воздуха во мнении здешних жителей, что дом, стоящий построителю 1 000 руб. под горою, продается за 2 000 р., а построенный на горе за 2 000 р.— за 1 000 р. не скоро найдет купца.

Говоря о построении города, не могу не рассказать вашему сиятельству то, что слышал о бывшем здесь пожаре, который истребил лучшие $\frac{4}{5}$ частей города. Те, которые огнем лишились своих домов, лишились по большей части своего имения. Всех больше потерпел здешний губернатор ⁷. Счастливым себя почитал он тем, что осталася в доме его овчинная шуба, в которую кутали трех его детей при случившейся тогда холодной погоде. Но обстоятельства, тронувшего меня до слез, пропустить не могу. На другой день по пожаре в городе большая часть людей не только бедных, но посредственных не имели хлеба. Народ здешний, хотя не столько, как иркутский, но столь же, как и в столицах, шаткий, скоро бы вышел из терпения. Но скоро увидели со всех сторон водою и сухим пу-

тем привозимые печеные хлебы, которые сельские жители голодным и неимущим посылали горожанам безденежно; и целую неделю ближайшие селения кормили город безденежно. Сия черта существенно означает доброту души сибирских многих округ поселян. Без внутреннего удовольствия сего слышать не можно. Но если сельские жители толикое ссболезнование оказали к страждущим горожанам, о городовом сего я не слыхал ни об одном. Если разум в городе острится, то сердце ослабеваает.

Говоря о городе и деревнях, не могу не упомянуть вашему сиятельству об общем или почти общем желании возобновления китайского торгога ⁸. Пользы, от него протекающие, велики, согласен. Но как я часто раскольник бывал во многих мнениях, то и в сем случае мне вред от пресечения торгога с Китаем не столь кажется повсеместным. Думаю, что есть и некоторая полезность. Но мысли мои о сем еще не зрелы, и я их не осмеливаюсь предложить вашему сиятельству.

Сего 10 марта окончалась славная во всей Сибири Ирбитская ярманка ⁹. Торг, или бывшая на ней мена была в наклад сибирских купцов. Особливо много те потеряли, которые торговали соболями, да и вся мягкая рухлядь была в низкой цене, разумея в соразмерности закупной цены на месте. Многие иностранные товары здесь не дороже московского. Сахар покупали 15 руб. пуд; шелковые и шерстяные товары умеренной цены, вино изрядное посредственной дороговизны. Но водка французская продается от 40 до 60 р. анкерок ¹⁰; чай по 5 и 7 р. Если иногда малое количество товара делает его дороговизну, то нередко и больший онога расход держит его в высокой цене. Когда придешь в гости к сибиряку, то без 6 и 8 чашек чаю не выедешь, а без пуншу здесь дружеской нет беседы.

Как здесь, так и обыкновение есть на Ирбитской ярманке верить всем почти, не зная иногда человека. Алчность прибытка, сопряженная с простодушием, могут быть тому причиною. Сие на ярманке произвело один искусный обман, который, как то должно, обратился во вред обманщика. Некто Дебональ назывался графом, набрав товаров, уехал из города. Имя его записано было у купцов. Как скоро его не увидели, то стали искать и нашли его уже за 200 верст от города. Нередко повсюду кафтан бросал пыли в глаза: чему дивиться, что и в Сибири то ж.

Но я примечаю, что я уже превысил пределы вашего сиятельства терпения, и для того, оканчивая, емь и пр. Тобольск, 15 марта 1791 года.

Елисавета Васильевна и маленькие мои свидетельствуют вашему сиятельству свое почтение.

5

Милостивый государь. В ожидании наступления теплой погоды, которая даст возможность продолжать наше путешествие и прибыть на место назначения, я стараюсь употребить свое время несколько иначе, чем я это делал по своем приезде в этот город. Тяжелое состояние, в каком я находился и которое ваше сиятельство может представить себе из моих писем, не позволяло мне чем-либо заниматься; несколько придя в себя, благодаря приезду моих друзей, я чувствую, что даже в несчастье можно испытывать счастливые минуты. Этими чувствами я обязан вашему сиятельству, и где бы я ни находился, я оказываюсь окруженным вашими благодеяниями.

Утро (и это ежедневно) я посвящаю своим детям, послеобеденное время, вечера — чтению. Могу сообщить вашему сиятельству, что я прочел здесь новые книги: «Путешествие Лессепса», которое действительно представляет работу человека, путешествующего в качестве курьера; «Мемуары Вагнера»¹, которые часто находили ошибочными; мне кажется, что «Сорванные маски» написаны не действующим лицом пьесы, как он называет себя, но что имя и некоторые факты являются вымышленными. «Жизнь де Верженна»² Майера, возможно, достоверна, но перед напечатанием ее прочел Людовик XVI. Эта книга существенно отличается от «Портрета» этого знаменитого человека, который я прочел год тому назад. Номера энциклопедического журнала³ за 1789 г., которые мне одолжили, сообщают мне сведения о французской литературе. Вместе с сестрой я прочел некоторые произведения Вольтера. Под руку попался «Задиг, или Судьба»⁴. «Ах, — сказал я, — каждый имеет свою судьбу». Затем — «Кандид». Павглос говорил, что мы живем в лучшем из возможных миров. Но этот славный философ, после того как его повесили, был выкуплен с каторги. Я подумал

о превратностях этого мира. Мужество, терпение!.. Прекрасный девиз! Я бы желал только, чтобы это мне когда-нибудь доставило счастье увидеть человека, которому я обязан тем, что он вдохнул в меня жизнь.

Моя сестра болеет в течение десяти дней, и в связи с этим я должен поблагодарить ваше сиятельство за посланные вами мне лекарства. Сестра шлет вам поклон; она вспоминает вас с радостью и признательностью. Но можно ли без умиления думать о том, кто дает жизнь. Если наше чувство пробуждает в нас представление о существе, создавшем нас, и заставляет благословлять его, то не должно ли оно также, пробуждая нашу благодарность, благословлять также того, кто дал нам возможность испытать минуты счастья? С этими чувствами имею честь и т. д.

Тобольск, 5 апреля 1791 года.

6

Письмо вашего сиятельства чрез здешнего вице-губернатора Ивана Осиповича ¹ я получил и с чувствительностью приемлю участие, которое оказывать изволите о моей болезни. Я в равном нахожусь положении, как и прежде; кашель мой хотя меньше, но не проходит. За холодную погодую здесь было тепла 21 градус, как то я вашему сиятельству имел честь доносить; сего же дня опять мерзнет. Но со всем тем погода здоровая, ибо частые ветры разгоняют влажность и туманы, которые здесь без того были бы часты. Реки здешние начинают наполняться водою, и разлитие их последует в половине сего месяца и продолжится почти до половины июня, чем дороги делаются здесь затруднительны, нередко и опасны. По стечению же вод нигде, сказывают, дороги таковы не бывают, как в Сибири, — ровны, гладки и безопасны. До прошедшего года неизвестно было, чтобы произошел по дороге разбой. В прошлом году разбита почта с деньгами. Говоря о деньгах, вашему сиятельству угодно было знать, довольно ли в Сибири медных денег. В Казани на пятирублевую ассигнацию трудно сыскать медных денег; напротив того, уже в Перми на сторублевую дают медь охотно. Несомненно, чтобы нашлись предприимчивые люди, которые могли бы из Перми зимою и летом по Каме возить

деньги для промену; но строгое смотрение в Казани, дабы не брали ажио ², много тому препятствует. Здесь не только нет в медных деньгах недостатка, но на мелкие ассигнации дают промен. Что меня, однакоже, удивляет, что здесь много обыкновенных медных денег; следственно, и избыли оных происходит не от того, что здесь есть особая монета³, но от того, что часть денег, в Екатеринбургe вытискаемых, обращается в Сибирь. Но сколько мог приметить, то здесь денег больше старого тиснения, а в Перми — нового.

Хотя я вашему сиятельству и писал, что камней здесь нет, однако видел дикий камень, который ломают за 15 верст отсюда. Как мне без подтверждения здоровья моего опасности туда съездить будет можно, то оную осматриваю.

Из полученного мною вашего сиятельства письма из Иркутска я усматриваю, что не преставая ко мне ваши благодеяния, вы изволили для меня еще переслать 500 рублей. Чем могу я вам за то воздать? Вы мне сохранили остатки томной жизни, и вы еще стараетесь, чтоб она мне была не в тягость! Верьте, что если бы и отъяли от меня благодетельную вашу руку, то не меньше я о вас напоминать буду со благоговением. С таковыми чувствованиями семья моя и я есмь и будем, в глубочайшем почтении именуясь и пр.

Тобольск, мая 2 дня, 1791 года.

[P. S.] Как мне благодарить вас, ваше сиятельство, за газеты! вы прислали мне газеты различного рода, и хотя в них часто говорится об одном и том же, но в каждой по-своему, и очень часто в одной встречаются анекдоты, тогда как в другой их нет. Итак, я умоляю ваше сиятельство не отказать мне в этой милости и продолжать присылать все газеты, которые вы начали мне посылать, потому что я думаю, что после того как вы прочли газету, она вам больше не понадобится. «Меркурий»⁴ доставил мне развлечение, и «Энциклопедический журнал» до октября 1790 г., который я достал здесь, не может не нравиться своим разнообразием. Если бóльшая часть журналов предназначена лишь для кратковременного существования, они во всяком случае представляют род хронологической картины (если можно так выразиться) состояния литературы у той или другой нации, и не только литературы, но и картину, по правде, часто отмеченную общим

духом нации и ее прогрессивного или ретроградного движения в различных отраслях человеческого знания. И если сопоставить и сравнить эти картины духа различных народов, то с каким удовольствием можно увидеть, как конкуренты по *гению* как бы вступают в борьбу и, удваивая силу и страсть соревнования, догоняют и обгоняют друг друга; в других случаях они мелют вздор и теряются в неясных рассуждениях, думая, что они приближаются к цели. Именно здесь можно увидеть одеяние гения различных народов, его большую или меньшую смелость и различные препятствия, которые часто ставятся быстрому бегу этого неукротимого скакового коня.

Следует признаться, что чтение периодической печати несколько скучно из-за большого количества сообщений о сочинениях и фактах, относящихся к французским делам. Одна из этих брошюр, о которой упоминает гамбургский журналист, замечательна своим заглавием. Вот оно: «Отец Дюшен отчаянный патриот»⁵. Это чрезвычайно смешно, но персонажи часто заслуживают этого. Шутки «*Courrier de Londres*»⁶ в английском памфлете, озаглавленном «*Times*», или «*Время*», хотя несколько отдают плумсуддингом, но довольно меткие. В нем говорится, что Национальное собрание собирается издать декрет о том, что следует впредь называть левую руку правой, потому что сердце помещается с левой стороны от легких, и не подобает называть левой сторону, где находится благородная часть человеческого тела. Тем не менее встречаются хорошие работы. Французы больше всего занимаются вопросами политики и законодательства. Работа Деброс «О способе упрощать взимание податей и отчетность», насколько можно судить по отрывку, представляет ясный метод и выделяет объекты, на которые следует обращать внимание. «*Политическое положение Франции*» Пейсонеля, работа, которую я прочел еще в Петербурге, хорошо написана человеком, знающим свое дело. Но поскольку политическое положение государства изменяется почти с каждым правлением, то этим работам предстоит через несколько лет только заполнять библиотечные полки.

«Библиотека общественного человека»⁷, хотя и является периодическим изданием, отличается выбором содержания, и одно имя Кондорсе уже является апробацией

работы. Признаюсь, что я хотел бы прочесть ее, так же как его комментарии на книгу англичанина Смита ⁸.

В 1790 г. появились частные мемуары двух знаменитых людей — герцога Ришелье и герцога Шуазеля. Когда встречаешь в истории такой персонаж, как герцог Ришелье, то возникает вопрос, почему такой ничтожный человек так знаменит? Причину этого нетрудно понять, но можно спросить, каким образом герцог Ришелье может делать вещи, которые кажутся великими? В Афинах Ришелье был бы вторым Алкивиадом, во Франции он попал в Бастилию и был маршалом. Мемуары одного Ферьер де Совбеф ⁹ могут представлять интерес, потому что в них говорится о турках. Он находился при армии великого визиря в 1788 г.

Видя объявление «Всеобщей галереи великих людей» ¹⁰, мне пришла в голову мысль о вашей коллекции портретов, которая находится в Мурино ¹¹. Мне кажется, что вы когда-то также считали, что ее можно гравировать. Во главе этой коллекции следовало бы поместить ваш портрет. И если бы я должен был сделать надпись, то я написал бы: «Редкий начальник»... и позвольте мне думать все то, что я не решился бы написать здесь, чтобы не оскорбить вашу деликатность: это тот, кто, находясь в одной части земного полушария, стремится дать жизнь несчастной семье, находящейся в другой части. Ах, сударь, поверьте, что это не лесть.

Если бы я не опасался показаться назойливым вашему сиятельству, то я попросил бы держать меня в курсе литературы на тех языках, на которых я читаю. В Петербурге у меня был немецкий журнал из Берлина «*Berlinische Monatsschrift*» и каталоги ярмарок «*Messcatalog*», на английском языке — английский журнал, который у меня есть только за первый год; на французском — «Энциклопедический журнал», на русском — я не знаю ¹².

Благодаря рекомендациям вашего сиятельства, я пользуюсь здесь очень хорошим приемом со стороны губернатора и вице-губернатора. Поверьте, что я буду стараться быть всегда достойным вашей рекомендации, и если во времена благоденствия я стремился заслужить единственно ваше одобрение, то вы легко поймете, что, находясь в тяжелом положении, я не хотел бы потерять вашу благосклонность.

Если курьер, который отвезет это письмо, скоро отправится обратно, то окажите мне честь ответом, который довольно быстро сможет дойти до меня.

7

Милостивый государь мой.

Вот уже два дни, как у нас стоит летняя погода. Переход от холода к теплу был весьма внезапен. Позавчера ходили в шубах, вчера сюртук был уже невыносим. Направление ветров здесь, кажется, господствует над теплом и холодом. Березовский ветер, как его называют здесь, всегда исполнен холода, смертельного для растений; южный ветер дает им расцвести летом, а зимою сопровождается ясной погодой, ибо он, проходя над сушей, не может исполниться влагою, и дыхание его всегда сухо.

Я полагал, что Иртыш в этом году станет в противоречие с самим собою, как я имел честь писать о сем вашему сиятельству, и что он обманет ожидания державших здесь единственное пари на один рубль по поводу его вскрытия; но природа, неизменная в шестивии своем, не объясняя нам причины сего, еще раз подтвердила наблюдение, по которому подвижка льдов Иртыша у Тобольска никогда не бывает позднее 28 апреля. Обыкновенно срок ледохода — с 19 по 23, без изъятия. Нынешний год лед двинулся вечером 21-го; за пять дней до этого двинулся Тобол, и вода в Иртыше поднялась на $\frac{3}{4}$ аршина. С тех пор как снега начали таять, вода в реке чрезвычайно грязна и непригодна для питья. Оттаивают лед, чтобы иметь сносную воду. Народ утоляет жажду водою от тающих в оврагах снегов. Вообще трудно, кроме как зимой, и то в самые большие морозы, получить хорошую воду. Во всех окрестностях Тобольска нет ни одного источника, нет ни одного дикого камня ни в Иртыше, ни в горе, которая окаймляет его с одной стороны, нет песка, кроме песка очень мелкого серого и смешанного с глиной. Как люди на сей счет довольно беспечны и как русский человек пьет квас, недостаток хорошей воды не слишком чувствителен. Я еще того не проверил, но кажется мне, что качество воды здесь даже хорошее.

Что же до меня, избалованного и немощного дитяти, то я нахожусь в великом стеснении в смысле питья; но я попытаюсь выпутаться из сего, процеживая обыкновенную

воду, которую я превращу в зельтерскую по метóде Пристли¹. В воде я имею великую нужду, потому что кашель душит меня и обыкновенные лекарства не приносят мне никакого облегчения.

Ревматизмы, подагра, летучая подагра, суставная лихорадка весьма обычны в Тобольске и вообще, как сказывают, в сей губернии и представляют собою, как мне кажется, следствие суровости климата. Горячки здесь также обычны, как в России, но трехдневная горячка была вещь неизвестной в Тобольске. Случаи ее появились два года тому назад.

Что может быть причиною сего? Отчего неизвестная болезнь начинает проявляться? Климат ли меняется или образ жизни? Сие еще нуждается в проверке. Если доказано, что климат страны смягчается вследствие возделывания почвы, сумма наших болезней увеличивается по мере того, как мы меняем жизнь суровую и деятельную на жизнь изнеженную и сидячую. Но, мне кажется, довольно говорить о болезнях. Человек столь ослаблен всеми телесными и нравственными страданиями, что, казалось бы, надлежит, или надлежало бы, лишь врачам говорить о лихорадке, астме, параличе и проч. Но, ваше сиятельство, простите мне сие со свойственной вам снисходительностью. Человек любит говорить о том, что близко его касается; и я, кашляющий, харкающий, чихающий... ваше сиятельство, не удивитесь, что я ставлю себя в ряды учеников эскулапа и что я говорю о лихорадке...

Я желал бы говорить с вашим сиятельством о предмете более интересном и вернуться к предмету, которого я коснулся в одном из моих писем: к торговле с Китаем. Но ныне я могу выставить лишь предварительное мнение. Мне недостает многих данных, чтобы произвести подсчет полезности внешней торговли, которая, по моему мнению, хороша лишь тогда, когда она питает торговлю внутреннюю. Чем более рук пройдет товар, будь то местное сырье или иностранное, тем он дороже в глазах участников торгова. Товар, который, поступая в страну, прямо идет к потребителю, не есть и не должен быть дорогим. Я позволю себе здесь лишь одно соображение; по моему мнению, только большой недостаток чая, употребление коего стало предметом первой необходимости, заставляет желать вести торговлю с Китаем. Ввоз китайки более вреден, чем

полезен для России. Полный недостаток дабы (род грубой хлопковой ткани), китайки и дешевого китайского шелка был причиной начала сеяния льна в Сибири, разведение коего было там совершенно неизвестно. Ежели сослаться в пользу торгова с китайцами на то, что они вывозили всю добычу нашего звериного промысла, то скажу, что *почти все* добываемое в Сибири по части меха уходит в Россию; наилучшие меха и те именно, что спрашивают китайцы, идут с Алеутских и прочих островов. Торговля, отнимающая у земледелия рабочие руки, кои могли быть ему посвящены, хищническая торговля, душашая в сердце человека зачатки милосердия... опустим занавес. И не обманывайтесь: царек Шелехов ² не зря просил солдат. Мне сказывали, и сие подлинно верно, полковник Бентам ³ дал ему сто человек из своего батальона, чтобы те следовали за ним по пути его завоеваний. Кончаю, но не могу сделать сие, не воздав вам благодарения, ибо в какую бы сторону я ни обратился, я вижу себя окруженным вашими щедротами. Бог повелевает солнцу вставать, чтобы освещать вселенную, а вам я обязан своим существованием. Если есть в жизни моей счастливое мгновение, то сим я обязан вам, и если нет у меня места для принятого в конце письма изъявления, я говорю вам: взгляните в мою душу.

8 мая.

А. Радищев.

Курьер, который еще не уехал, даст мне возможность ответить на письмо вашего сиятельства от 5 апреля, только что полученное мною. Я совершенно убежден в правильности оснований, которые, по словам вашего сиятельства, существуют для ускорения моего отъезда ⁴ и прибытия к месту моего назначения. Я сделаю сие, не колеблясь, и замешкаюсь лишь настолько, насколько потребуется, чтобы добыть повозки для путешествия. Уверенный в милостях вашего сиятельства, я убежден, что не буду забыт в том углу, где буду жить; но, имея в виду причины, по которым я осужден, я слишком хорошо знаю, что мое положение не может сразу измениться. Я не могу ничего выставить в оправдание задержки моего путешествия, я лишь повторю то, что я уже сказал вашему сиятельству, то, что я сказал в моих предыдущих письмах. По моем прибытии сюда состояние моего духа было совсем иным, нежели то, в котором я нахожусь ныне. Полагая, что я

буду принужден жить в полном одиночестве, сознаюсь, что я мало помышлял о себе, и ежели я ни разу не усумнился в ваших милостях, опять сознаюсь, что выезд из сих мест казался мне затруднительным. Едва я приехал сюда, мне стало казаться, что я читаю на лицах ту надпись, которую Данте ставит над вратами ада: *Lasciate ogni speranza voi ch'intrate*⁵.

Сначала я хотел лишь дожждаться окончания стужи, чтобы снова пуститься в путь, но я заболел горячкой, которая длилась немногим меньше месяца. Между тем я получил верное известие, что мои друзья хотят разделить со мною мое одиночество; сознаюсь, мне было желательно, чтобы они застали меня еще здесь. Я выздоравливал, когда они приехали. Оставалось всего три недели санного пути, и дабы воспользоваться им, пришлось бы ехать по-курьерски. К тому же пришлось бы провести все лето в Иркутске, ибо сказывают, что до места моего назначения нет летом иного пути, кроме водного. И я думал, что, ежели я задержусь здесь, не будет в том большой беды.

Пусть ваше сиятельство не думает, что я хочу оправдаться; я уже готовлюсь в путь. Две повозки уже куплены, и прежде, чем май месяц кончится, я выеду. Наводнения, которые продолжаются здесь целый месяц, несколько задержат наше путешествие. Вода еще не выходит из берегов. Мое единственное желание состоит в том, чтобы ваше сиятельство продолжали мне оказывать ваши милости, а отрада моя — верить, что вы могли бы сказать обо мне: он был благородным человеком.

8

Милостивый государь. Когда это письмо отправится из Тобольска, я уже буду на пути в Иркутск. Откровенно признаюсь вам, что я не могу избежать чувства грусти, когда думаю об обширных пространствах, в которые я собираюсь углубиться. Причины, вызывающие это чувство, очень сложны, и я наскучил бы вашему сиятельству, если бы стал их анализировать. Но почему бы не представить себя в качестве путешественника, который, удовлетворив одновременно две излюбленных страсти — любознательность и любовь к славе, ступает твердой ногой на

незнакомые тропинки, углубляется в непроходимые леса, переходит через пропасти, поднимается на ледники и, достигнув конца своих предприятий, созерцает удовлетворенным оком перенесенные им труды и усталость? Почему же испытываю я подобного чувства? Я принадлежу к категории людей, которую Стерн называет «путешественниками поневоле»¹, польза не является целью моего путешествия, и эта мысль лишает всякого стимула, какой могла бы возбудить во мне любознательность. Но, стремясь не быть докучливым, я все же могу наскучить вашему сиятельству; итак, я прекращаю свои сетования.

Какой богатый край эта Сибирь, какой могучий край! Еще потребуются несколько столетий; но, когда он станет населенным, ему предстоит сыграть важную роль в летописях мира. Когда непреодолимая сила, когда неотразимая причина сообщит благотворную деятельность оцепеневшим народам этих мест, то мы еще увидим, как потомки товарищей Ермака будут искать и прокладывать путь через считающиеся непроходимыми льды Северного океана и, установив таким образом непосредственную связь Сибири с Европой, выведут необъятное земледелие этой страны из состояния апатии, в котором оно находится. Ибо, согласно сведениям, которые я имею относительно устья Оби, относительно залива, который русские называют Карским морем, относительно пролива у острова Вайгач, в этих местах легко проложить короткий путь, свободный от льдов. Если бы мне пришлось владеть своим существованием в этой губернии, то я охотно предложил бы свои услуги для того, чтобы найти этот проход, несмотря на весь риск, обычно связанный с предприятиями такого рода.

Если представится случай до моего прибытия в Иркутск написать вашему сиятельству, то я не премину выполнит этот долг, выполняя тем самым ваши приказания и удовлетворяя чувство, дорогое моему сердцу, которое состоит в том, чтобы непрестанно благодарить того, кто всегда помнит, что я был кем-то. Соболаговолите продолжать ваши ко мне милости и будьте уверены, что я сохраню на всю свою жизнь самое глубокое уважение и нерушимую привязанность, и т. д.

24 июля 1791 года. Тобольск.

После пути, весьма утомительного по причине непрерывных дождей, я доехал до Томска в три недели и один день. Большая часть наших повозок сломалась, что задержит нас здесь на несколько дней¹; надо запастись колесами, ибо, как мне сказывали, отсюда до Иркутска по меньшей мере 500 верст дороги, не поддающейся описанию.

Хотя вся страна от Иртыша до Оби плоская, тем не менее она представляет большое разнообразие местности. Я не в состоянии подробно описать вашему сиятельству различные чувства, коими была объята душа моя во время проезда по сему краю. Возвышенные берега Иртыша являются изумительные виды: огромные луга пересечены озерами различных очертаний. По правильности рисунка можно сказать, что то человек с компасом в руке калечит природу, когда ему приходит в голову подражать ей. Но огромность плана тотчас же уничтожает сию мысль. Берега Иртыша довольно населены, так же как и берега прочих сибирских рек; населены, надо понимать, по-сибирски: кроме берегов реки, населенных добровольными поселщиками, и большой дороги, пересекающей страну и принудительно заселенной, — все пусто. Часто проходишь по лесам, куда не проникала разрушающая рука человека. Но почему же душа наша опечаливается, видя страну, избежавшую опустошения, произведенного человеком! Человек — такой друг человеку, что для того, чтобы жить с себе подобными, он скорее согласится на беспокойную жизнь разбойника, чем на глубоко спокойную жизнь пустытника.

Земледелие сей страны обширно, но не скажу, чтобы оно находилось в цветущем состоянии. Кроме годов неурожая, земля родит хорошо, но почва довольно неблагоприятна. Удобрения мало известны, а поля имеют в них большую нужду. Здесь из-за обширности земель обходятся без улучшений и всегда обрабатывают лишь целину. Пастбища, особенно известные в округе под названием Бараба, огромны, но обитатели сего края никогда не будут в состоянии развести большое количество скота. Болезнь, которая возникает обыкновенно каждое лето, постоянно будет препятствовать размножению животных. Это род заразы, известный здесь под именем сибирской язвы. Она равным образом поражает людей и животных.

Если можно верить жителям, то и птицы не составляют исключения. Нынешний год она была жесточайшей. Люди могут предохранить себя от нее довольно просто. Табак, аммониева соль, камфара, настоенная на спирте, — вот верные лекарства в начале болезни. Она проявляется обыкновенно затвердением, которое образуется под кожей. Это род мозолистого тела, нечувствительного при разрезе; в скорости в нем начинается гангрена, которая передается всей массе крови. Тогда всякая помощь бесполезна, и животное умирает.

Во многих местностях крестьянин живет в довольстве; старожилы часто богаты хлебом и скотом, но им недостает денег из-за отсутствия сбыта; посельщики по большей части бедны. Подушная подать, которая в России почти повсеместно есть земельный налог, здесь поистине личный налог. Чтобы заставить платить облагаемых, за коими числятся недоимки, их отдают на работу на винные заводы.

За Обью местность меняется, и картина для путешественника становится более однообразной, так как кругозор сужен лесами, по которым почти все время проезжаешь. Жителям Томской округи, повидимому, живется привольнее, чем многим другим. У них есть сбыт их добычи с Кольванских рудников. Близость сей округи к губернии того же названия показывает, что она должна быть приписана скорее к оной, нежели к Тобольской губернии; сие непременно должно быть сделано ввиду близкого расположения и связей, существующих между двумя округами.

Я кончаю, опасаясь злоупотребить терпением вашего сиятельства, но я не боюсь просить вас продолжать мне ваши милости и помнить о том, кто есть и всегда будет с глубочайшим уважением и самой неизменной преданностью и проч.

Томск, 23 августа 1791 года.

Приписка Е. В. Рубановской

Я присоединяюсь к моему другу, чтобы просить ваше сиятельство сохранить память обо мне и принять пожелания, воссылаемые за вас, равно как и уважение и почитание, кои я к вам питаю и кои кончатся лишь с жизнью той, кто имеет честь быть и проч.

Приписка ² Радищева

Я осмелился здесь приложить письмо к детям и брату для вернейшего к ним доставления, прося вашего сиятельства оное, переслать.

10

Милостивый государь мой.

Тщетно пытаюсь я создавать постоянные иллюзии¹ касательно положения моего; иногда наступают мгновения, когда воображению бывает слишком трудно возбудить себя, чтобы преодолеть с помощью единственно возможного слишком прискорбную действительность. Одно отдаление, — и вы легко согласитесь с этим, — имеет право, и весьма основательное, сбить с толку голову, даже самую разумную. Я только что получил письмо вашего сиятельства; несмотря на весь драгоценный бальзам утешения, который ваши письма проливают в мою душу, когда я соображаю, что это последнее письмо лишь ответ на одно из моих писем из Томска и что при самой большой поспешности потребны три месяца, чтобы получить ответ, когда я присчитываю расстояние от Иркутска до Илимска и думаю, что между сими двумя городами нет постоянной почты, — признаюсь вам, что от сей мысли я прихожу в ужас. В каком только положении не может оказаться человек! А если несчастье ополчается на него... Падая, изнемогая под непосильным грузом, несчастный будет тщетно простирать руки к человеку, который мог бы притти к нему на помощь. Бренные останки скорее станут добычею червей, чем голос его будет услышан. Простите мои жалобы: ведь я в 6 000 верстах от вас. Санный путь уже установлен, и мы непременно выедем недели через две. Так как Ангара покрывается льдом лишь в начале января и так как дорога становится проезжей лишь в конце того же месяца, нам придется, чтоб теперь отправиться в Илимск, ехать по большой Якутской дороге, а вдоль Лены — более 500 верст. Это большой крюк, но ничего другого сделать нельзя. Следуя по этой дороге, нам придется проехать примерно 900 верст до Илимска, меж тем как по Ангаре там всего 560 верст.

Я познакомился здесь с г. Шелеховым, который только что вернулся из Охотска, куда он отправляется каждую весну, чтобы встречать свои корабли, прибывающие из

Америки. Ваше сиятельство знаете его и читали описание его путешествия², которое только что напечатано в Москве, но так, что он недоволен. В компании с полковником Бентамом он построил и оснастил корабль для торговли с Америкой, но сей корабль недавно потерпел крушение³, и Шелехов выплачивает содержание капитану, англичанину родом.

Здесь ожидают со дня на день и с величайшим нетерпением ответа китайцев по поводу открытия торговли в Кяхте; мое же нетерпение, поелику человек есмь, простирается лишь на почтовые дни, несколько не смущая меня новостями, которые принесут мне оные, ибо хороши ли известия или худы, но письмо от вас и ответ, который писать надобно, всегда для меня суть праздники; и не есть ли наслаждение истинное для сердца чувствительного и несчастного слышать, как говорят ему: ты для меня тот же, что был прежде; не радость ли сказать утешителю своему: ты тот, кем я еще жив!..

14 ноября 1791.

11

Милостивый государь.

У меня остается еще достаточно времени до отъезда курьера, чтобы обратиться еще с несколькими строками к вашему сиятельству, если только это не причинит вам скуки.

Одним из важных моментов в состоянии края является (нет надобности приводить доказательства, так как вашему сиятельству это известно лучше, чем мне) образование, будь то государственное или частное. Я не буду говорить о состоянии образования во всей губернии (я недостаточно осведомлен об этом), ни об образовании сельского жителя (это достаточно известно), но о том образовании, которое юношество получает в Тобольске. Пути довольно разнообразны, и вместе с некоторыми поправками, какие разумные начальники легко могли бы внести, этих путей было бы больше чем достаточно. Здесь имеется народная школа, и, к моему большому удивлению, я нашел здесь учителей, достаточно хорошо образованных для данного места, в особенности одного молодого человека, который мог бы достичь больших успехов, если бы

у него был руководитель и если бы у него была возможность питать свой ум чтением. Он мог бы иметь и то и другое, но не при этих особых условиях. Здесь есть семинария, где обучают так, как это делается в таких школах. Я не знаю, понимают ли ученики латышь, но я хорошо знаю, что они поют латинские гимны. Из этих учеников делают священников и диаконов. Кроме того, вмещается гарнизонная школа, в которой преподают, как и в других местах, чтение, письмо и арифметику. Эти ученики становятся солдатами, и затем обычно ротными унтер-офицерами, которые обязаны знать арифметику и уметь читать и писать. Кроме того, некоторые несчастные люди служат у частных лиц в качестве гувернеров при детях.

Народные школы существуют на общих основаниях и, как известно вашему сиятельству, управляются согласно общим принципам. Чего им здесь нехватает, так это хорошего распорядителя. Но здешний купец далек от того, чтобы понимать пользу этих школ. Здесь еще много таких купцов, которые считают, что если их дети будут учиться читать не по часовнику, то это нарушит предписания религии. Этих школ недостаточно для населения в 10—12 тысяч человек. Гарнизонные школы, самое большее, дают лишь цыфиркиных, а семинарии часто дают кутейкиных¹. Если бы объединить эти три вида школ и если бы для подготовки священников брали без различия из всех классов граждан (почему сын солдата не мог бы быть священником, если сын священника становится солдатом?), то мы часто имели бы хороших священников. Но распределение по классам часто напоминает по своим результатам монополию. Касты индусов представляют у одного и того же народа и самое отвратительное невежество и умозрительную философию.

Люди, претендующие на знание человеческого сердца, эти люди, которых можно назвать путешественниками в страну чудес, говорят нам, что чем больше человек имеет, тем больше он хочет иметь. Скупой, сидящий на горе мешков, наполненных дукатами, хочет видеть перед своими глазами другой мешок, хотя бы только для того, чтобы наслаждаться его видом; честолюбец, подобный Александру², останавливается только перед *non plus ultra*³. Утверждают даже, что иначе и не может быть, потому что человеку свойственно желать, и человек без желаний был

бы всего-навсего автоматом, как говорил (если я не ошибаюсь) недоброй памяти Гельвеций⁴. Я человек, и я склоняю выю перед общим правилом. Чем больше ваше сиятельство посылаете мне книг, тем более я становлюсь бесстыдным и, рискуя казаться таким, я попрошу вас прислать мне еще одну книгу. Это «Жизнь Базедова»⁵, которая только что вышла в Гамбурге на немецком языке. Если жизнь неизвестного частного лица, будучи хорошо описана, может найти читателей, если Гросли умеет сделать себя интересным, говоря о разных пустяках, то не должна ли нас с большим основанием интересовать жизнь человека, труды которого оказали влияние на его век? Если Европа обязана Руссо революцией, которая произошла в общем образовании, то, конечно, Базедову мы обязаны этими легкими и упрощенными методами для преподавания даже детям того, к чему еще в начале этого века решались подойти лишь люди в возрасте 20 лет. Это не значит, что я одобряю все без различия новые изобретения, сделанные для того, чтобы облегчить детям учение. Время покажет превосходство или абсурдность метода Базедова; но, на мой взгляд, всякий человек, который воздействует на ум людей, заслуживает того, чтобы его узнали. В баснословные времена из него сделали бы бога; греки построили бы ему храм. В наше время (абстрагируясь от французских безумств), если человек претендует на бессмертные, то ему отдадут честь, сделав его бюст, который поместят в будуаре или в кабинете редкостей. Но я чувствую уже, что я преступил границы, предписанные для письма, и что могу стать докучным, я, который должен был бы говорить только о ваших милостях и о моей признательности, но не может ли и это наскучить благородной душе? Но каким бы ни оказалось выражение, родившееся на кончике моего пера, поверьте, о поверьте, что мое сердце чувствует и способно чувствовать все то, что сделано для того, чтобы тронуть душу. Если я могу еще гордиться несколькими счастливыми минутами, то это вам я обязан им. Я прижимаю к груди своих детей... Ах, вы это чувствуете: это дело ваших рук. Моя сестра и дети кланяются вашему сиятельству.

26 ноября 1791 г. Иркутск.

Милостивый государь мой.

Как изменилось состояние мое душевное с тех пор, как я отправил последнее мое письмо вашему сиятельству! Унылый и почти больной, я питался только моею скорбью, и душа моя не могла изливаться иначе, как в жалобах. Итак, с присущей вам добротой вы отнесете сии нарекания к роду преходящего сплина. Третьего дня ожидание мое было отменно вознаграждено. Два письма от вашего сиятельства, да и третье, писанное ранее других, кои все уже получены мною; сего последнего подаателем, видимо, был господин Лаксман ¹, ибо при моем отъезде из Иркутска он туда еще не прибыл. И несколько писем от детей моих. Наконец, не могу достаточно нахвалиться милостями, кои благодаря вам, ваше сиятельство, оказывает мне господин генерал-губернатор ². Вот я снова ожил, и силы души моей окрепли, насколько сие возможно. Все скорби пошли ко дну, и вот я, слава богу, вновь немного возвеселился сердцем, стал спокойнее, и голова моя снова на месте. Как же мне возблагодарить вас, ваше сиятельство, за все посылки, что мною получены! Вы не только питаете и одеваете меня, не только книгами стремитесь дать мне приятное препровождение времени, но вы освобождаете мое положение от всего, что в нем есть ужасного. Вы выслушиваете мои жалобы с добротой, вы сожалеете обо мне, вы утешаете меня. Да, я могу сказать: ежели природа моего несчастья была такова, что могла ожесточить чувствительную душу, то лишь ваше благоволение и ваше неиссякаемое сочувствие могли вернуть человека почти обезумевшего к его прежнему облику и возвратить его детям и близким; ныне же могу повторить еще раз: уверяю вас, ваше сиятельство, что жизнь моя вполне сносна. Чем же возблагодарю вас за столь многие благодеяния? Печально мне, что высоты их душа моя в своей благодарности достигь не может.

Как вы, ваше сиятельство, благоволите снисходить до мелочей касательно того, чтоб обути меня и одеть, то я, не страшась докучить вам, представляю вашему сиятельству те мелочи, кои относятся до моего пребывания в Илимске. В Петербурге жил я с малой бережливостью и делал многие долги, а теперь, поверите ли, ваше сиятель-

ство, я занят мыслью скопить деньги, хотя мне не легко дается, ибо мне сдается, что ремесло скупца никогда не станет моим ремеслом; тем не менее из всех денег, что я получил от вашего сиятельства, и из того немногого, что привнесла сестра моя, мы уже отложили 1 500 рублей.

Генерал-губернатор соблаговолил иметь попечение о сей сумме, передал оную в руки одного купца, который, обязуясь выплачивать проценты до возобновления Кяхтинского торго, согласился поделиться со мною всею прибылью, которую сия сумма может принести ему от торговых сделок с китайцами. Принудило меня к сему шагу то, что много было говорено в Иркутске, будто проживание здесь дороже иркутского. Я, следственно, хотел иметь надбавку к моему приходу, дабы предупредить все потребные расходы по дому. То, что нам сказывали о высоких ценах на провизию и о нехватке множества вещей и предметов домашней утвари первой необходимости, заставило нас произвести большие закупки в Иркутске, и мы теперь обеспечены всем нужным более чем на полгода. Прибыв ныне на место, вижу, что все сказанное было весьма преувеличено. С точностью можно сказать, что ржаная мука в Иркутске дешевле, нежели здесь; правда и то, что Илимск и места окрест его не производят ничего, ну, равным счетом ничего; но за сто верст отсюда и далее край становится весьма обильным, а Илимск расположен на середине пути, соединяющего две реки, Ангару и Лену, причем плодоносные берега первой питают бесплодность другой. Здесь существует даже склад, и все малые поселения вверх по Илиму снабжаются тут с большим для себя убытком, ибо часто покупают ржаной хлеб по цене 50 и 60 копеек за пуд. Несомненно, что все припасы здесь гораздо дороже, чем, к примеру, в Тобольске, но только ржаной хлеб здесь дороже, чем в Иркутске; все прочее здесь дешевле. Например, в нынешнем году, а нынешний год урожайный, ржаной хлеб в Иркутске стоит 20 копеек пуд, а здесь — 30 копеек; пшеница от 55 до 70 коп., а здесь 35 и 40; говядина в Иркутске 80, а здесь 70 копеек за пуд; масло здесь, однако, несколько дороже; в Иркутске 3 р. 50 коп., а здесь я покупал по 3 р. 75 коп. Рыба же здесь дешевле, а именно стерляди и осетры; ее продают по 1 р. 25 коп. за пуд; но простой народ питается омулями, родом сельдя, что привозится с Селенги. Верно также и

то, что здесь мало мастеровых. Видно, они были в те времена, когда Илимск был городом, да еще главным городом сих мест. Нет здесь ни сапожников, ни портных, ни свечных мастеров, ни слесарей. Но не так ли обстоит дело и во многих городах России, где делают запасы провизии один раз в год и живут в довольстве. То же можно сказать и об Илимске. Надобно уметь запастись провизией во-время и в подходящих местах; многое, что покупают в городе, в деревне можно делать самим, да и с большей выгодой: свечи, например, дробь и проч; чтобы понять сие должным образом, я оиять прибегаю к милости вашего сиятельства, хотя бы это и почиталось бесстыдством. В рассуждении ремесел я весьма несведущ, но если ваше сиятельство пожелаете помочь мне, прислав некоторые книги по сему предмету, я как-нибудь справлюсь. Великую пользу принесут мне: русская книга, о которой мне ведомо только по слухам, «Открытие художеств»³, немецкая книга «Природная магия» Галена⁴, затем «Химический словарь» Макера⁵ и еще какая-либо книга по экономическому вопросу на французском языке.

Ежели Кяхтинский торг возобновится, как все к тому клонится, дешевизна на многое еще более увеличится, и все иностранные товары упадут в цене. Сие меня более не беспокоит, ибо запасы у меня сделаны на год. Как здесь мало равнинных мест, сено здесь если и не дорого, то по меньшей мере редкость. Всякий запасает для себя в малом количестве и не думает уступать; сие меня толкает к мысли взять в аренду небольшой лужок, отстоящий отсюда не менее чем на 25, 30, 40 и даже 50 верст. Ежели жестокий жребий рассудит, что пребывание мое здесь окажется более продолжительным, чем я смею думать, я бы поднял целину на участке десятин в десять, чтобы иметь попеременно и луг и поле и чтоб быть в состоянии прокормить лошадей и рогатый скот. На сей день у меня в хлеву четыре скотины: корова, питающая нас молоком, ее теленок, баран, которого мы откармливаем, и самка оленя, подарок одного тунгуса.

Что до моих занятий, они весьма ограничены и однообразны. Утро я провожу с детьми, после полудня совершаю самую небольшую прогулку, а в остальное время читаю. Сие последнее есть мое лучшее занятие, и благодаря вашим щедротам источник оно не иссякает. Призывая

меня к терпению и смирению, вы, ваше сиятельство, в вашем последнем письме призываете меня также к раскаянию в содеянном, добавляя, что раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы способствовать смягчению моего нынешнего положения⁶. Ах, чего бы я не сделал, лишь бы быть ближе к детям! Но каковым же должно быть мое искреннее раскаяние? Не было ли оно изъявлено весьма ясно и весьма спльно с первого же мгновения, когда я был лишен общения с моими близкими? А ныне, в сем тяжком отдалении, кто же будет свидетелем моей душевной скорби; надобны ли клятвы, что я предпочел бы лишиться руки, ноги, но не совершать того, что было совершено мною; надобны ли еще новые унижения? Ежели те оковы не ранили души, не запятнали сердца, неужто сего было мало для толпы; надобны ли поручители, что я не вовлекусь вновь в старый грех? Вот четверо детей моих, пока они еще в младенческом возрасте, и вот слово моей чести. Поверьте, что оно сильнее, чем все узы и оковы! Неволя ожесточает нас, а доброжелательство смягчает душу, и ежели надобны примеры, то дети исправляются гораздо лучше мягким обращением, а не побоями. Простите меня, ах, простите! Вы, неизменный поверенный моего страдания, неужто вы можете сомневаться в том, что я не раскаиваюсь? Я беру в свидетели всех, кому был поручен надзор за мною в тех местах, где я останавливался. Что же можно поставить мне в вину? Даже в Тобольске, где вы, ваше сиятельство, полагали, что оставаться мне неловко, даже там люди могут припомнить о днях моих, проведенных в горести.

Кончаю, чтобы не наскучить. Если жребию будет угодно осушить источник моих слез, мне будет только новым поводом к моей признательности. Если же несчастья мои должны окончиться лишь с жизнью моею, только тогда наступит предел, после которого я уже не буду чувствовать ваших милостей; если же даже вы забудете обо мне — я буду продолжать почитать вас в моем сердце до его последнего биения.

Илимск, 6 февраля 1792 года.

[P. S.] Снова берусь за перо, чтобы испросить у вашего сиятельства прощения за официальное письмо, которое я имел честь написать вам отсюда, хотя помечено оно

Иркутском. Способ, с помощью коего письмо это будет подано вашему сиятельству, может служить извинением поводу, по которому я таковое написал.

Моя сестра, весьма еще слабая, прочитала мое письмо к вашему сиятельству и бранит меня за то, что я не упомянул о ней. Ее чувства к вам те же, что и мои, хотя изъяснение их может быть и иное. Она поручила мне благодарить ваше сиятельство за вести, которые вы соблаговолили сообщить ей о госпоже Ржевской ⁷, и просит вас верить, что ее почтение к вам и преданность окончатся только вместе с ее жизнью.

Ваше сиятельство изволили выразить желание получить подробное описание мест, через кои я проезжал; при первом случае постараюсь сие сделать. Хотя путешествие мое и совершалось с большой пспешностью, я запомнил то, что меня более всего поразило. Иркутск есть город, который, особливо благодаря его обширной торговле, заслуживает внимания отменного. Он есть склад всего торгового дела сей губернии, исключая те товары, что, не попадая в него, идут из Якутска прямо в Енисейск. Я еще упомяну об этом, когда буду иметь честь докладывать вам о Кяхтинском торге. Вот еще раз мне надобно просить у вас прощения за мою нерадивость. Сие, конечно, не то, особливо когда дело идет об исполнении приказаний ваших; но голова моя пока еще далеко не в порядке, и мне сдается даже, что память моя ослабела. Надеюсь все же, что я возьму себя в руки и в состоянии более спокойном и хладнокровном постараюсь исполнить приказание вашего сиятельства.

Полагаю, что к тому времени, как мое письмо дойдет до вашего сиятельства, мои племянники ⁸ уже будут в Петербурге. Поручаю их вашим милостям, соблаговолите принять участие в новичках, вступающих в большой свет. Я ничего о них не знаю, кроме того, что они вернулись из-за границы. Ваше сиятельство лучше рассудите, могут ли они быть достойны ваших милостей.

Если я не столб, не бесформенная масса, не чурбан, если самая слабая искра чувствительности может взволновать мои органы чувств, то я не только должен быть удо-

влетворен (как это есть на самом деле) и доволен больше, чем это возможно выразить; но когда я перечисляю все то, что ваше сиятельство делаете для меня, то я не нахожу слов, которые могли бы выразить вашу доброту так, как я ее чувствую. Две недели тому назад я получил много книг, чемодан, наполненный всем необходимым для того, чтобы одеться с головы до ног, а теперь еще деньги! Подумайте, ведь я по прибытии в Иркутск получил тысячу рублей. Если я прибавлю к этому, что вы захотели удовлетворить мои нескромные просьбы о книгах, то не думаете ли вы, что меня невозможно заставить покраснеть? Уверю вас (нужно ли в этом поклясться?), что я ни в чем не испытываю нужды; а как только возобновится торговля с Кяхтой, наша жизнь еще значительно улучшится.

С тех пор как я покинул мой дом, я часто проливал слезы досады, горя, ярости, — ах, сколько для этого оснований и причин! Назову ли я вам причину тех слез, которые текут из моих глаз сейчас, когда я пишу вам? Нет, пусть эти слезы, полные чувства, заставляющего их течь, оросят ваше великодушное сердце! Вы почувствуете его: они исходят из глубины моего сердца.

Мои малыши пришли в восторг при виде маленьких календарей, которые ваше сиятельство соизволило им прислать. Я не заставляю их письменно выразить вам свою благодарность. Если я буду водить их пером, то в этом будет какое-то принуждение, и мысль учителя будет видна в почерке ребенка; если они будут писать самостоятельно, то их выражения, так же как их чувства, будут слабыми и запутанными; в обоих случаях они вызовут у вас лишь скуку. Со временем они узнают того, кто спас их отца от отчаяния; их сердце заставит их узнать его. Сейчас они знают только его имя; тогда они узнают все, чем они ему обязаны.

К моим обычным занятиям прибавилось одно, часто мучительное, но сладостное в основе, и если не приятное, то дорогое моему сердцу: я сделался местным врачом и хирургом. Хотя на самом деле я являюсь лишь эмпириком или шарлатаном, но моя добрая воля, повидимому, частично может восполнить недостаток необходимых знаний, а ваши милости доставляют мне возможность удовлетворять мои желания. Ящик с медикаментами, почти нетронутый, теперь часто открывается; а поскольку

следствие не бывает без достаточной причины, подумайте, что благодаря вам на расстоянии, равном одной седьмой окружности земного шара, будут существа, если не разумные, то во всяком случае восприимчивые и страдающие, обязанные вам сохранением то одного, то всех членов своего тела, а иногда продлением дней жизни, существа, которые были бы тем счастливее, чем меньше о них знали бы в глубине лесов.

Да, я скажу, что распространение знаний у просвещенных народов оторвало миллионы людей от их примитивного счастья, их естественного счастья, если можно так выразиться, лишило их спокойной и простой жизни. Ибо насильственный переход из одного состояния в другое, хотя бы и лучшее, часто бывает ощутим со своей положительной стороны лишь через столетия; и часто также ярмо, навязанное изменением одного условия, продолжает тяготеть над отдаленным поколением, которое уже вкушает плоды, полученные от этого изменения. Настолько естественный человек сохраняется неприкосновенным в общественном человеке.

Живя в обширных лесах Сибири, среди диких зверей и племен, которые часто отличаются от зверей лишь языком, ценность которого они даже не в состоянии понять, я, вероятно, в конце концов стану счастливым человеком Руссо и начну ходить на четвереньках. Этот господин Руссо, как мне теперь представляется, опасный автор для молодежи, но опасен он не своими принципами, как это обычно считают, но тем, что он является очень искусным учителем по части чувствительности; и это достойное уважения качество, которое следовало бы уважать даже в его уклонениях, часто не стоит, по-моему, ломаного гроша, потому что оно обычно сочетается с тщеславием, и самого Руссо называли второй собакой — Диогеном.

Впрочем эта собака Диоген даже от *Александра* требовала лишь итти своей дорогой и оставить его свободно наслаждаться лучами солнца. Признаться, эта собака стоила больше, чем великолепный пятнистый тигр; она не кусалась.

После 8 дней 30-градусных морозов стало понемногу теплеть. Сначала 25, затем 20, потом 18 или 17 градусов холода; теперь мороз держится всю ночь от 15 до 16 гра-

дусов ниже нуля и к полудню от 0 до 6 или 8 градусов. Воздух чист, небо безоблачно. С тех пор, как мы находимся здесь, снег шел только в течение двух дней; ветра также почти не было. Мы находимся здесь, как в погребе, и если мы хорошо защищены от ветров, то зато летом воздух должен быть очень душным; но это мы еще увидим. Весна и лето обещают мне весьма приятные развлечения. Поскольку это гористая местность, то я найду много материала для разведок. Я пристрастился к этому после того первого слоя ракушек, который я нашел на берегу реки Оки. Как я теперь сожалею о том, что в юности пренебрегал изучением естественных наук, в особенности минералогии и ботаники. Я чувствую, что тех знаний, которые мне удалось приобрести путем чтения, недостаточно. Я недоволен тем, что уехал из Иркутска, не повидав Лаксмана, который весьма сведущ в этой области. Впрочем, мне кажется, что я найду здесь вещи, о которых еще ничего не известно. Я хотел использовать зимнее время и подняться на гору, примыкающую к Илимску, но мне не могли помочь ни коньки, ни лыжи. Я несколько раз проваливался в снег и оставался там. В этом деле я снова обращаюсь к вашему сиятельству и прошу прислать мне с оказией путешествия академиков, а именно путешествия Штеллера¹ и Гмелина². Мне известны путешествия других лиц и путешествие Гмелина, которое имеется в русском переводе. Но эти путешествия, насколько мне известно, не переводились с немецкого оригинала, как и «Сибирская флора» («Flora Sibirica») Гмелина³.

Илимск не может стать более оживленным от торговли с китайцами, как, по видимому, предполагает ваше сиятельство. Вся его торговля мехами, а другой в Илимске нет, ограничивается оптовой продажей того, что собирается в результате занятия местных жителей охотой, что составляет 30 или 40 тысяч беличьих шкурочек самого низшего качества. Два или три горожанина, проживающих здесь, занимаются этой торговлей, причем один из них является комиссионером одного иркутского купца. В ноябре и в конце мая здесь раскупают все добытое на охоте. Приезжающие сюда купцы привозят различные товары, в которых нуждается местное население. Перевозка мехов, о которых говорит ваше сиятельство, производится в Енисейск и Москву из Якутска. Илимск

является портом, откуда товары отправляются водным путем до Енисейска. Говорят, что в августе сюда одновременно приезжает до 400 лошадей, нагруженных мехами, и они остаются здесь 10—15 дней. Это будет наше время ярмарки, наш хороший сезон, и я буду иметь удовольствие сообщить вашему сиятельству подробности об этом.

Я думаю, что пора кончать мое длинное повествование, но снисходительность вашего сиятельства к моим рассказам так ободряет меня, что я не могу положить перо, не исписав несколько страниц; итак, я кончу тем же, чем начинал это письмо: глубоко тронутый вашей добротой, я не в состоянии найти выражений, соответствующих моим чувствам, и, наконец, замолкаю, проклиная от всего сердца свое безрассудство, которое ограничивает мое общество обществом медведей, лосей и других диких зверей, безрассудство, которое лишило меня общения с родными и с человеком, к которому я питаю продуманное и прочувственное уважение, душевную привязанность; безрассудство... которое... остальное недостойно упоминания. Во всяком случае поверьте, весело мне или грустно, серьезен я или шучу, мое чувство всегда остается тем же, неизменным. Если бы наши нравственные чувства могли запечатлеваться физически и быть различимыми, то после моей смерти при вскрытии было бы найдено ваше изображение запечатленным в моем сердце: моя кровь ожила бы на миг, и, уверяю вас, это было бы обосновано.

17 февраля 1792 года. Иламск.

14

Милостивый государь. После того как я имел честь написать последнее письмо вашему сиятельству, я получил два ваших письма, которые, хотя и были написаны одно на пятнадцать дней позже другого, но пришли почти одновременно, так как последнее прибыло с курьером. Кроме того, что получение ваших писем всегда доставляет мне удовольствие, последнее возрастает от того, что вы хорошо себя чувствуете и что ваше здоровье не пострадало от смерти вашей сестры, в особенности от горя, которое вы испытали, присутствуя при ее кончине. Я знаю ваше чувствительное сердце и чего это вам стоит. Вы правильно рассуждаете, когда говорите, что следует разумно отно-

ситься к этим вещам; но вы почувствовали, что когда нас покидает навсегда тот, кто был нам очень близок, то, несмотря на все усилия овладеть собой, несмотря на ту власть, которую разум хочет иметь над нашими чувствами, несмотря на власть, которую он хотел бы присвоить себе, пользуясь всевозможными мотивами, — мы чувствуем, увы, что мы люди. Почему же не отдать законную дань слезами, когда мы чувствуем, что наше сердце сжимается. Зачем желать стать нечувствительным? Мне чужда эта твердость скалы, это оцепенение души, которое, извращая самую восхитительную способность сердца, даже если ею не восхищаются больше всего, хочет внедрить в нем бесстрашие.

Тот, кто никогда не чувствовал, как слеза увлажняет края его век, почти жесток, он черствый (вот что можно сказать в скобках о людях, которые не любят трагедий). Я представляю себе, как, сидя у ложа страданий, вы пытались утешить и ту, которая умирала, чтобы облегчить ее страдания, и тех, кто должен был ее пережить, и слеза сердца находила путь к вашим глазам. Я почитаю вас не только как моего благодетеля, но более высоким чувством, как человека, который заставляет меня любить жизнь; но всякий раз, когда я видел, что вы отдавали дань чувствительности, я уважал вас не обычным уважением, но уважением души.

Я получил два пакета, содержащие подзорную трубу, портфель и магнитную стрелку. Примите мою благодарность. Этот подарок тем более мне дорог, что он является свидетельством вашей благосклонности ко мне и знаком того, что ваше сиятельство желает принимать участие в судьбе человека, который всегда был вам предан.

В одном из ваших последних писем ваше сиятельство упрекает меня в том, что я редко писал из Иркутска. Это, может быть, верно, но от меня не зависело писать чаще; это было бы возможно лишь в том случае, если бы я пользовался непосредственно услугами почты, но я считал неосторожным поступать так, находясь в Иркутске.

Вчера исполнилось три месяца с тех пор, как я нахожусь здесь, и за это время я имел трех курьеров; итак, я писал три раза; кроме того, когда представлялись другие надежные оказии, я использовал их столько же раз; но перед вашим сиятельством я не имею никаких оправданий.

Писать вам — это выполнять долг, священный для меня, и поверьте, что это также реальное удовольствие и отдохновение от горя.

По милости вашего сиятельства, я наслаждаюсь здесь спокойной жизнью. Я не могу достаточно нахвалиться обращением со мной со стороны местных властей, особенно генерал-губернатора. Я могу еще сказать, что я живу, и если я взвешиваю минуты горя и радости, то последние, несомненно, перевешивают. Ах! Без вас...

Последние два дня здесь очень тепло, сильно тает; вчера в полдень температура была 11 градусов выше нуля. Но ожидаются еще довольно сильные морозы. Стоит измениться ветру, и настанет зима. Сегодня первый день пасхи. В каждом таком случае я привык молить бога дать вам здоровье и исполнение ваших желаний; в таких случаях принято также поздравлять, но я знаю, что ваше сиятельство не любит поздравлений; это довольно избито. Во всяком случае позвольте мне применить старинное и сердечное поздравление, принятое у наших славных предков на пасху. Они целовали друг друга. И я делаю это от всей души.

4 апреля 1792 года. Илимск.

15

Милостивый государь мой.

Насколько начало сего года было благоприятным для нас, настолько ныне оный нам мало благоприятствует, и случай написать вашему сиятельству, хотя и весьма желанный, представляется только сегодня. Так, со дня 9-го апреля, когда я отправил вам мое последнее письмо, только нынче я могу удовлетворить желанию сердца моего и воздать вам обычную дань благодарности.

Хотя начало моего письма покажется рутинным, все же я скажу, следуя в том древнему обычаю наших предков: жив, и слава богу. Но, что гораздо более важно, чувствую я себя сносно. Было бы для меня весьма желательно, чтобы вы, ваше сиятельство, могли сказать про себя более, чем сносно, а именно: я чувствую себя отменно хорошо.

Время наше мы делим меж привычными занятиями и летними развлечениями (исключая из оных мошку), но

некая боязнь сопутствует нам подчас, боязнь, неотделимая от непрочности нашего положения, которая, если позаимствовать у латинского поэта его выражение¹, следует за нами неотступно. Весь май месяц у нас стояла прекрасная погода в рассуждении прогулок, но отчаянная для сельских жителей. Ночью заморозки, а в полдень бывало до 20 градусов жары, что и вызвало засуху необычайную. В июне месяце заморозки прекратились, и их место заступила душливая жара. Термометр постоянно поднимался от 22 до 26 в тени. На солнце же он показывал более 40 градусов по шкале Реомюра. Потому все зерно погибло; одни лишь огурцы обещают богато уродиться. Вот уже неделя, как дождь льет не переставая.

Ваше сиятельство, соблаговолите простить все слишком мало замечательные подробности. Но как садовник прошу вашего снисхождения в сем смысле. Газета здешняя² не может быть иной, как весьма скудной; по окончании времени охоты все здесь впадает в бездействие, прерываемое лишь обильными и частыми возлияниями Бахусу, коими, однако, управляет богатство или скудость минувшего звериного лова. Я как будто уже сказывал вашему сиятельству, что охота на белку, сей главный промысел здешних мест, оказалась весьма неудачной, что повело к тому, что белка вздорожала превыше всяких ожиданий. В ответ на то все китайские товары тоже повысились в цене. Сказывают, что все вздорожало и в Иркутске. Тому не должно удивляться, ибо прилив звонкой монеты, которая, в силу пресечения торга в Кяхте, почти не доходила до сих мест, внезапно возобновился, и потому все должно было повыситься в цене. А особливо извоз. Сказывали мне, что плачено было до Томска по 3¹/₂ рубля с пуда вместо 80 или 90 копеек, как то было ранее.

Дабы продолжить мою газету и пополнить ее, включаю в оную некое малое приключение, бывшее со мною несколько дней тому назад. Само по себе оно ничто, но среди тысячи других служит доказательством лукавого ума здешнего народа. Впрочем, если чтение сего вызовет у вас малейшую охоту зевнуть, бросьте листок — и простите автора.

В 50 верстах отсюда вверх по Илимю находится весьма богатая залежь железной руды, всем здесь ведомая и коей некогда пользовался илимский кузнец. Я достал образец

железа и сгорал нетерпением повидать залежь. С неделю тому назад мы с сыном отправились туда в лодке; случилось так, что на место мы прибыли глубокой ночью; на завтра, согласно добытым сведениям, я стал осматривать расположение рудной залежи, вернее, небольшой горы, ее скрывающей. Покончив с сим делом, я возымел желание взобраться на ее вершину, и, дабы не заблудиться в лесу, коим покрыта вся местность, я взял проводником старосту той деревни, где мы ночевали и которая отстоит от гор не более чем в полуверсте. Я двинулся в путь в сопровождении моего сына. Но проводник наш, вместо того чтобы вести нас к требуемому месту, заставил нас через дремучий лес и по высокой мокрой траве подняться на весьма крутую гору. Мы и поднялись с отвагой, достойной аргонавтов³, а добравшись до самой вершины, оказались в чрезвычайно густом лесу, в коем не было и тропинки. Тогда лукавый поселянин сделал вид, что разыскивает место разведки, и кончил тем, что заявил, будто ничего и не слышал о руде. Пришлось возвращаться, так и не увидав направления рудной залежи и питая себя надеждой, что в другой раз мы найдем лучшего проводника.

Приключение ничтожно, но из оногo можно вывести заключение: 1) что житель сих мест склонен к лукавству и обманывает, сколько может, даже если бы собственная выгода, правильно им понимаемая, побуждала его к прямодушию; 2) что он избегает и старается избежать всякой новизны и всякого соседства. Первое словно тяготит его, второе же ему неудобно; он счастлив в своем логове, и общество его стесняет. Часть своей жизни он проводит в одиночестве, отшельником, и появляется среди себе подобных лишь для того, чтобы одурманиться парами опьяняющих напитков. Неограниченный владыка своего скота и детей своих, причем последние выполняют волю его если и не с уважением, то с покорностью, превосходящей уважение, он хотел бы и жить и умереть безвестным. Таков здешний человек. Таков он, может быть, и во многих других местах Сибири.

Признанное свойство, присущее здесь всем, вплоть до простонародья, — ябедничество; ежели в России человек из народа мстит, применяя силу, то сибиряк, собирающийся отомстить, говорит: «я его доеду». А ежели его спросить, как он сие сделает, он ответит: «бумажкою». Другое при-

мечательное свойство — страсть прихвастнуть, преувеличить все, что бы он ни делал, будь то даже сущий пустяк. Не в природе ли вещей, что всякий охотник — враль? То свойство, которое, как сказывают, было присуще курляндским дворянам.

Сельские виды здесь мало приятны; картины природы не могут быть разнообразны, ибо кругозор здесь повсюду ограничен высокими горами. Однако во время моего путешествия к залежам железной руды мне встретился один довольно изрядный вид, который в какой-то степени был и обманчив, как виды в некоторых парках или английских садах. Вид этот начинался с деревушки, расположенной почти насупротив; узкая лощина тянулась за сим поселением и казалась бесконечной, потому что за нею стоял дремучий бор. Перед нами было возделанное поле, покрытое зеленеющей рожью, и заканчивалось оно высоким лесистым холмом, стоявшим отдельно от горной цепи, что тянулась вправо. В сторону вид простирался более чем на пять верст. Там виднелся изгиб реки, теряющийся за островом, и хотя текла она все время извиваясь, несколько рощиц закрывали ее от зрителя, так что казалось, будто видишь большой, широко очерченный луг, окаймленный цепью гор, которые по дальности расстояния казались уже синеватыми. Левая сторона вида заканчивалась лужайкой, небольшие размеры коей неприметны были из-за кустарников. А в середине виднелась мыза или деревенский домик со всеми службами «сына боярского»⁴. То лучший вид, коим я мог насладиться за два года или около того; но сие ничто в сравнении с прекрасными местностями в окрестностях Тобольска. Следишь за извилистым течением Иртыша и, кажется, видишь сады и боскеты⁵. Таковы бы они и были действительно, не будь Сибирь почти пустынею в смысле народонаселения; и она еще долго останется пустыней; непреложный порядок вещей того требует. Один из обитателей сей пустыни, коего голос ваш вернул к жизни, проходит по ней довольно весело с подругой своею и двумя младенцами. Наша общая молитва, наша ежедневная молитва такова: господи, подай ему долгую жизнь, подай ему преуспевание в делах его.

Илимск, 13 июля 1793 года.

Милостивый государь.

С нарочным из Иркутска, прибывшим сюда вчера вечером, я получил два письма вашего сиятельства, последнее с датой четвертого октября. Могу сказать без преувеличения, они исполнили меня величайшей радости, придя в такое время, когда я меньше всего ожидал получить их. С другой стороны, я также счастлив, что в течение трех недель могу в третий раз писать вашему сиятельству.

Повышение по службе моего брата¹, о котором вы сооблаговолили сообщить мне и коему вы, несомненно, способствовали, тем более обрадовало меня, что брат, как я вижу по его письмам, решил покинуть свое место вследствие неудовольствия им вице-губернатора. Я хорошенько не знаю, что тому причиною, — благосклонность женщины приобретенная или потерянная. Мужчинам свойственно всем сердцем ненавидеть друг друга из-за женщины (разве животные не грызутся из-за самки?); но вмешивать дела государственные в интригу, вот чего не следует делать. Правда, не всякому дано отъединиться, так сказать, от самого себя, когда речь идет о делах. Что же до моего брата, я возобновляю прошлогоднюю просьбу к вашему сиятельству о предоставлении ему какого-нибудь места в Петербурге, ежели моим детям должно туда отправиться. Но я полагаюсь во всем на ваши милости. Они неисчерпаемы по отношению ко мне; никогда мне не приходилось вызывать их просьбами. Впрочем, я всегда просил лишь о возможном.

Ваше сиятельство правы, говоря, что край наш должен быть богат рудами. В окрестностях производились разные попытки к их разработке, но они оказались неудачными ввиду бедности залежей и дороговизны рабочих рук. То была медная руда. Сказывали, что до открытия губернии туда посылали знатоков, чтобы разыскать месторождения серебра; но то ли они нашли оные бедными или мало обильными, то ли, как некоторые здешние обитатели полагают, крестьяне сговорились скрыть правду, но дело тем и кончилось, и я уже имел честь писать вашему сиятельству, что жители, обитающие по соседству, хранят насчет сего глубокое молчание, и мои поиски были бесплодными. Тем не менее надеюсь возобновить попытки, а благодаря моему горну² мне не надобно будет обращаться за совер-

шением опытов к кому-либо другому, — только бы мне удалось раздобыть несколько кусков руды. В ожидании лучшего я исследую слюду и глину. Так с помощью постоянных занятий я пренебрегаю скукой, сим жестоким врагом безмятежной жизни. Но признаюсь, что я не так силен, как Геркулес, чтобы пренебрегать моим одиночеством и горестью при виде зобов на шейках моих детей³. Правда, я становлюсь эскулапом, и г-жа генерал-губернаторша соблагволила прислать нам лекарства, которые хорошо помогали в Иркутске; но, насколько я разумею, то лишь полумеры. Да, я предчувствую сие и, скрепя сердце, говорю им: прощайте! Неужто надобно, чтобы они несли тяжесть моего осуждения! Нет, что бы там ни говорили, я не чувствую себя себялюбцем. Я заранее утешаю себя, насколько такая жалкая философия дает средства к утешению; я утешаюсь, как некогда блаженной памяти Панглос, одним восклицанием: тем лучше!.. И воистину, не будет ли сие тем лучше; ибо ежели, с одной стороны, дети выигрывают, находясь на глазах у родителей, то родительская нежность не может допустить, чтобы они научились страдать.

Я с бесконечным удовольствием вижу, что вашему сиятельству приятно быть в деревне, но перенести не могу того, что здоровье ваше не восстанавливается. Как только светило, дающее жизнь, появляется на горизонте, мы, вознося сердца к источнику вечного существа, возглашаем наш гимн: о всемогущий, дай ему жизнь — но пусть жизнь сия протекает в здоровье!

Я и моя сестра.

Илимск, 7 декабря 1793 года.

17

Милостивый государь мой!

После того, что я протомился три с половиной месяца без известий откуда бы то ни было, наконец, здешний священник, вернувшись из Иркутска, привез нам несколько писем. Но ничего от вашего сиятельства. Возможно ли, чтобы вы меня забыли? Нет, я не могу сему поверить. Сердце отталкивает сию мысль, кою оно почитало бы почти преступлением иметь.

Мы вели здесь жизнь довольно спокойную и проводили дни настолько приятно, насколько допускает наше злополучное положение. Душа моя была безмятежна, и

разум мой мог еще предаваться поискам истины; с некоторых пор я чувствую себя совсем иначе. Всякое занятие мне докучно, я не могу заниматься от невольной печали. Нет вестей от вас. Дай бог, чтобы причина сего не была болезнью. Отец пишет мне, что он ослеп; дети в Петербурге одни ¹, предоставлены самим себе по выходе из младенчества. Ужасная истина, кою один знаменитый поэт выразил в стихе, представляется моему уму:

«Ах, сколь редко наши последние дни бывают ясны!»

Тем не менее я стараюсь рассеяться, я брожу по окрестным горам, я исследую их строение и силюсь приобрести некоторые минералогические познания. Несмотря на то, печаль, по выражению латинского поэта ², следует за мной по пятам. Но перейдем к другим предметам. Ежели б я был воспитан в суеверных верованиях старого богословия или ежели бы случай захотел, чтобы я поверил, что мир населен бесконечным множеством незримых существ, от коих зависит течение вещей, кои направляют действия людей, я должен был бы поверить, что некое снисходительное, но в то же время лукавое божество забавляется исполнением желаний, быть может, дерзких и высказанных в разное время. С юных лет я со страстью стремился совершать отдаленные путешествия; мне уже давно весьма желательно было ознакомиться с Сибирью. Желание мое исполнилось, хотя и жесточайшим образом. Чтение описаний великих явлений природы всегда восхищало меня. Читая отчеты путешественников в Неаполь и в Сицилию, я взбирался с ними на Везувий и на Этну. Мое сердце сжималось при рассказах о бедствиях в Калабрии ³, но втайне я желал почувствовать себя на колеблемой почве, и я с печалью покинул Иркутск, ибо так и не видел там китайца и не чувствовал, как земля дрожит под моими ногами. Сие мое последнее желание было исполнено. Ибо 10-го мая в 4 часа ночи у нас было землетрясение. Я спал, когда вдруг был пробужден движением моей кровати. Оно было таким, как если бы кто ее сотрясал. Пробудившись внезапно, я подумал, что сие делает мой сын, который спит в нише у моего изголовья. Я позвал, но никто не откликнулся. Движение прекратилось и возобновилось через несколько минут, но слабее. Казалось, оно идет с запада в направлении здешних гор; вероятно, оно шло от горной цепи, окаймляющей Ангару. Землетрясение чув-

ствовало по всему верховью Илима, но не у его устья. Погода была тихая и облачная; барометр стоял на 27 дюймах 3 линиях, и я не заметил в нем колебаний. Термометр показывал 4 градуса выше точки замерзания. Если бы по соседству с нами возник вулкан и я увидел бы текущую раскаленную лаву, все мои безрассудные желания оказались бы исполненными, и я мог бы сказать: господи, ты отпускаешь мне, согласно желаниям лучшей поры моей жизни! Но желания, более дорогие моему сердцу и возникшие не так давно, остались бы: желание увидеться с вами хотя бы еще один раз в жизни моей, увидеть моих престарелых родителей, моих друзей, моих детей. И ежели некогда я бесечно распростился бы с ними, чтобы с опасностью для жизни помчаться в отдаленную страну и увидеть, как пылает вулкан, ныне я бы представил всем возможным вулканам совершать их опустошения, не почтив их взглядом, и я предпочел бы провести час в обществе лиц, мне милых, не пожелав наблюдать самые блистательные потрясения обновляющейся природы.

Ежели бы я не опасался быть чересчур многословным, я послал бы вашему сиятельству описание религиозного действия тунгусов, которое они исполнили по моей просьбе, находясь у ворот Илимска, действие, шаманством называемое ⁴, которое простой люд считает призыванием чорта, а обыкновенно полагают, что сие есть простой обман для обольщения глаз доверчивых людей; я же в нем увидел лишь один из различных способов выразить ощущение высшего могущества существа непознаваемого, величие коего проявляется в малейших вещах. Обращая нашу ежедневную молитву о сохранении жизни вашей к сему великому существу, мы говорим вам: ах, вспоминайте иногда о несчастных, кои вами лишь и дышат.

Илимск, июнь 1794 года.

Милостивый государь мой!

Как подробное описание моего путешествия на Тунгуску не было закончено, то я не счел уместным посылать вашему сиятельству нечто бесформенное. Впрочем, предупреждаю, что и сие лишь очерк — и слабый очерк ученика минералогии. Я не умею выразить, с какой отрадою,

добравшись до соседства с Тунгуской, я мог созерцать сии горы, кои называют первородными (я видел лишь их отроги), и, взбираясь на сии громады, я в воображении переселялся в те отдаленные времена, когда земля, обожженная и бесплодная, представляла собою местопребывание ужасное и пустыню обширную, или же, переносясь в позднейшие времена, я, казалось, видел природу, медленную в ее поступательном движении, собирающую все силы, чтоб стряхнуть с поверхности земного шара видимость старости и, потрясши землю до глубочайших оснований, показать ее в совершенно новом виде. Сколь обширное поле для гипотез, и, мне кажется, далеко еще не исчерпаны все предположения об образовании земного шара и потрясениях, им перенесенных. Впрочем, когда судьба, налагая на нас свою тяжелую руку, лишает нас общества образованных людей, она оставляет нам еще благодетельное утешение — изучать природу, вопрошать существа, не только лишены рассудка, но и чувствительности и видимости жизни: камни и утесы. Они отвечают вам, да, они отвечают, и часто искреннее, чем это делают иногда люди; по крайней мере более искренне, чем жители сих областей. Кстати, они чрезвычайно испугались моего путешествия, все еще думая, что я ищу серебряную руду, коей здесь и следа нет. Доброжелательным и простым обхождением со всеми я ничего не добился, приложи я больше хитрости, что мне претит, я бы многое узнал. Но я не теряю надежды. — Дети пишут мне, что хотят приехать повидаться со мною. Я знаю, что они спросят совета у вас ¹. О, если бы он был мне благоприятен! Я кончаю, прося вас быть ко мне всегда тем же.

Моя сестра свидетельствует почтение вашему сиятельству.

22 ноября 1794 года. Илимск.

19

Милостивый государь мой.

Не получая в течение пяти месяцев ниоткуда никаких известий, потеряв надежду, так сказать, их в скорости получить, судите о нашей радости, ибо в минуту, когда мы меньше всего того ожидали, мы получили с нарочным письмом вашего сиятельства и письма, в него вложенные ¹.

Значит, правда, что одному вам буду я обязан даже самым слабым утешением, которым можно наслаждаться в несчастии. Да, вы — наш ангел-хранитель, единая причина всего добра, которое может с нами случиться. Ах, ежели вы верите, что у меня сердце чувствительное и способное к благодарности, судите о полноте чувств, коими оно выполняется при сей мысли!

Пакет вашего сиятельства пришел как раз во-время, чтобы пролить бальзам в сердца, удрученные печальным зрелищем, которое часто представляет нам слабость рода человеческого. Клевета, зависть, предательство, измена, всякое отрицание нравственности — вот черты картины, которую ежедневно мы имеем перед глазами нашими². Ежели правда, что можно дойти до высшего презрения к племени Адама (чувство, в вину вменяемое покойному королю прусскому³), то никогда не было края, более благоприятствующего рождению чувства сего, чем тот, в котором мы обитаем. Впрочем, если бы вы сочли меня мизантропом, вы бы очень ошиблись. Чем старше я становлюсь, тем сильнее я чувствую, что человек — существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных.

Отец мой прислал мне подробные сведения о разделе своего имущества. И я имею в нем свою долю или, вернее, дети мои. Одна деревня назначена к продаже для уплаты остатка моих долгов, часть которых была покрыта капиталом Елизаветы Васильевны; итак, она мой заимодавец. Сей долг не самый вопиющий, конечно, но самый священный для меня, тем более, что это все ее состояние, а отец мой не назначил никакого капитала для покрытия оного⁴. В случае непредвиденных смертей она ничего не получит. Не она просит ваше сиятельство быть ее заступником, а я — и притом на коленях. Ибо ежели я могу упрекать себя в том, что неосторожностью навлек на себя изгнание, в чем только я не упрекну себя, если доведу сестру мою до нищеты. Ее! — О мой бог-покровитель!

P. S. Моя сестра, которая на сей раз не читала мое письмо, свидетельствует свое уважение вашему сиятельству.

[3 июня 1795 г.]

Новый год начался... Ах, если бы он мог, если бы он мог течь и кончиться согласно вашим пожеланиям! Год едва начался, а ваши благодеяния уже возобновились. Я получил несколько дней тому назад 500 рублей от губернатора, которые, как он мне указывает, были прислапы для меня от вашего сиятельства. Примите обычную дань благодарения чувствительного сердца. Но я признаюсь вам, что скорбь овладела моей душою. Ни строки от вас. Не переменились ли вы ко мне? Нет, мое сердце отталкивает сию мысль. Она слишком мучительна.

Император ¹ начал свое царствование благодеяниями. Да будет небо благоприятно ему во всех его благих начинаниях. Его царствование уже благословляют. Рекруты вернулись к своим очагам. Тот, кто стонал, будучи вырван из объятий своих родных, опьяняется радостью, радостью тем более сильной, что она нежданна. Ах, сколь сладко увидеть места, которые видели наше рождение... Ах, сколь жестоко надеяться часто понапрасну.

Я кончаю. Простите меня. Мой разум взволнован мыслями, которые гонят друг друга, мое сердце, неисполненное различными чувствованиями, мечется между лучом надежды и почти полным отчаянием, — признаюсь, покой бежит меня. Ах, если бы длань, кормящая меня ², могла по крайней мере уготовить мне могилу в местах, которые видели мое рождение! Моя сестра, верная спутница моего несчастья, с теми же чувствами свидетельствует свое почтение вашему сиятельству.

Инварь 1797.

Милостивый государь мой.

Я возвращаюсь в Россию ¹, чтобы жить в своем поместье. Я не знаю, кому я этим обязан. Но я хочу относить все хорошее, что случается со мной, к тому, кто делал мне добро постоянно в течение большей части жизни моей. Возвращаясь домой, я надеюсь иметь возможность припасть к вашим стопам и прижать вас к моему сердцу.

Ах, найдите мне выражения, которые могли бы выразить все, что я чувствую в сие мгновение, и всю глубину

моей благодарности. Я ожидаю сие мгновение с нетерпением, которое превосходит все границы; и сие мгновение будет одним из лучших в моей жизни.

Я здесь один, а моя подруга по несчастью осталась в Илимске. Я возвращаюсь туда через несколько дней с санями, чтобы сразу же выехать.

Имею честь быть с совершеннейшей признательностью и глубочайшим почтением и проч.

26 января 1797. Иркутск.

Еще в Илимске я получил 500 рублей от вашего сиятельства, как я уже имел честь сообщить вам в моем предыдущем письме. Примите мою нижайшую благодарность.

Я нашел в Иркутске два мои письма к вашему сиятельству. Я их не отсылаю, надеясь увидеть вас.

3 февраля.

Я непременно выезжаю завтра, осыпанный милостями губернатора. Боюсь, как бы оттепель не задержала меня в пути; но ничто не может воспрепятствовать мне в моем желании видеть ваше сиятельство². Так как по приказу его величества я должен жить в одной из моих деревень по моему выбору, я выбрал деревню, которая мне досталась от моего отца и находится в ста верстах от Москвы³; полагаю, что мне придется быть проездом в сем городе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст произведений А. Н. Радищева воспроизводится в настоящем издании по современной нам орфографии, но с сохранением характерных языковых особенностей подлинников. Произведения размещены по принципу их места и значения в творчестве Радищева и затем по жанровому и хронологическому признакам. Исправлены явные опечатки и типографские искажения текста. Редакционные исправления текста даны в квадратных скобках.

Подготовка текста и примечания *Л. Б. Светлова*.

«ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

Текст «Путешествия из Петербурга в Москву» печатается по фотокопии первого издания 1790 г. Наиболее значительные рукописные варианты приводятся в примечаниях по материалам, хранящимся в архивах Ленинграда (Институт русской литературы АН СССР) и Москвы (Центральный Государственный архив древних актов — ЦГАДА).

«Путешествие из Петербурга в Москву» было напечатано в домашней «вольной» типографии А. Н. Радищева в количестве около 650 экземпляров. Издание книги было разрешено Управой благочиния, за подписью ее председателя, петербургского обер-полицмейстера Н. И. Рылсева 22 июля 1789 г. Еще ранее «Путешествия» Радищев напечатал в своей домашней типографии отдельной брошюрой «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске». В типографии был всего один печатный станок, и работали в ней таможенные служащие и дворовые люди Радищева. Во время следствия Радищев показал о «Путешествии»: «Наборщиком той книги был находящийся в то время при таможенных надсмотрщик Богомоллов; тискана ж она с по-

мощью собственных его людей». Книга начала печататься в январе 1790 г. и вышла в свет в мае того же года. В продажу было пушено сначала всего 25 экземпляров да еще семь было роздано автором. Услышав о надвигающейся грозе, Радищев распорядился уничтожить весь остальной тираж книги. Вследствие этого издание «Путешествия» 1790 г. является величайшей библиографической редкостью. В настоящее время известно всего лишь 18 экземпляров этого издания «Путешествия». Однако, несмотря на преследование, книга Радищева распространялась в рукописных копиях, значительное число которых (около 30) хранится в книгохранилищах и музеях нашей страны.

В 1858 г. Герцен переиздал «Путешествие» в Лондоне. В 60-х годах сын Радищева — П. А. Радищев безуспешно пытался получить разрешение цензуры на издание «Путешествия» и некоторых других сочинений своего отца. В 1868 г. петербургский книгопродавец Н. А. Шигин издал «Путешествие», но в настолько изуродованном виде (из книги были исключены наиболее политически острые выражения), что даже царская цензура, вначале запретившая издание, вскоре сняла запрет. В 1872 г. П. А. Ефремов предпринял издание полного собрания сочинений Радищева в двух томах, но это издание не увидело света и было почти полностью уничтожено по распоряжению цензуры. В 1876 г. «Путешествие» было издано в Лейпциге в XVIII томе «Международной библиотеки» Э. Л. Каспровича. Это было стереотипное воспроизведение лондонского издания 1858 г. В 1888 г. А. С. Суворин полностью воспроизвел издание «Путешествия» 1790 г. почти таким же шрифтом и с опечатками подлинника. Это издание вышло в количестве 100 экземпляров и было предназначено «для немногих», чем и объясняется допуск его цензурой к печати. В 1899 г. библиограф и библиофил А. Е. Буршев перепечатал «Путешествие» в V томе своего издания «Дополнительное описание библиографическо-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей» (в 100 экземплярах, не предназначенных для продажи). В 1902 г. издание «Путешествия», предпринятое П. А. Картавовым, было снова запрещено цензурой.

Первое полное издание «Путешествия» вышло только после революции 1905 г. под редакцией Н. П. Сильванского и П. Е. Щеголева.

В период 1906—1917 гг. «Путешествие» неоднократно переиздавалось отдельно и в составе полного собрания сочинений А. Н. Радищева.

Наиболее ценные издания «Путешествия» осуществлены после Октябрьской революции. В советскую эпоху книга Радищева издавалась много раз и большими тиражами. К числу наиболее замечательных ее переизданий относятся фотолитографированное воспроизведение в 1935 г. первого издания «Путешествия» 1790 г. (изд. «Academia»). К этому изданию приложены материалы для изучения «Путешествия», собранные и обработанные Я. Л. Барсковым «Путешествие» вошло в I том академического полного собрания сочинений Радищева, вышедший в 1938 г.

Только в советскую эпоху началось подлинное научное исследование и изучение жизни и творчества А. Н. Радищева.

«Путешествие» разделено на главы, которые носят названия станций по дороге из Петербурга в Москву.

¹ *Эпиграф* к «Путешествию из Петербурга в Москву» заимствован Радищевым из поэмы «Тилемахида» В. К. Тредиаковского (Сиб. 1766). Выбор эпиграфа не случаен. В песне XVIII, откуда он взят, дано описание посещения героем поэмы Телемаком подземного царства Тартара, где подвергаются адским мучениям цари, «уотребившие во зло свое на престолах могущество...» Цари эти были гнуснее и страшнее, чем самые страшные чудовища мифологии, страшнее, чем адский пес Цербер («преужасный пес Кервер»): «чудище обло (то-есть круглое, толстое), озорно, огромно, с тризвонной и лаей» (то-есть с пастью с тремя зевами). Именно это адское чудовище Радищев использовал как аллегорическое олицетворение господствовавшего в России самодержавно-крепостнического строя, против которого и направлена вся его книга. Радищев даже еще усилил образ «чудища», снабдив его вместо трех — ста пастьми, как у другого мифологического чудовища — гидры. Схожий образ несколько раз используется Радищевым и в самом «Путешествии» (например, в главе «Хотилос»: «стоглавное чудовище» — о крепостном рабстве; в оде «Вольность»: «И се чудовище ужасно, как гидра, сто имяя глав...» — о церкви).

² *А. М. К.* — Алексей Михайлович Кутузов, товарищ Радищева по совместному учению в Лейпцигском университете, которому посвящено «Путешествие».

³ *София* — город и почтовая станция в 22 верстах от Петербурга.

⁴ *Подорожная* — документ на право получения лошадей на почтовых станциях. В зависимости от чина и звания пассажира ему за плату (прогонные деньги) предоставлялось по подорожной определенное число лошадей и устанавливался характер езды — почтовая или курьерская.

⁵ *Бурлак* — крестьянин, уходивший на заработки, в частности занимавшийся тянуть речные суда.

⁶ *Тосна* — почтовая станция в 36 верстах от Софии.

⁷ В рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде, вместо многоточия имеется следующий отрывок, направленный против самодержавия: «Если бы г. заместники не лицом только продавать хотели и для всякого гражданина, по большой дороге проезжающего, поступали бы с исправниками земскими по-капральски, как то они сами поступают, то дороги наши в рассуждении короткого времени, в которое они портятся, были бы наилучшие в свете. Но в самодержавном правлении государь подобен солнцу в естестве: где оно греет, там есть и жизнь; где его нет, там все умирает. Самодержавный государь один в государстве своем имеет право следовать рассудку, все другие обязаны следовать повелению, всегда следовать тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется. Скучно, и оттого дорога, по которой я ехал, была дурна. Но клячи почтовые, с помощью всеильного кнута, до почтового стану меня дотащили».

⁸ *Разрядный архив* — правительственное учреждение, в котором хранились документы, содержавшие сведения о родословии князей.

⁹ *Местничество* — обычай предоставления государственных должностей не по личным достоинствам и заслугам, а по признакам родовитости или знатности. Местничество было уничтожено в 1682 г. при царе Федоре Алексеевиче.

¹⁰ *Новгородское дворянство* — в силу ряда причин отличалось своей бедностью.

¹¹ *Табель о рангах* — таблица с наименованием военных и штатских чинов, введенная Петром I в 1722 г. и устанавливавшая право на получение дворянства не дворянами за выслугу определенного чина. Дворянская знать вела борьбу против этого закона.

¹² *О дворянстве положение* — изданная Екатериной II в 1785 г. «Жалованная грамота дворянству». В наместничествах велись специальные «дворянские» родословные книги. «Древние благородные дворянские роды» записывались в последнюю, шестую часть этих книг. Радищев придает здесь сатирический смысл словам стряпчего, как и его утверждению о введении титула маркиза, что является насмешкой над погоней дворян за знатными титулами и чинами.

¹³ *Любани* — станция в 26 верстах от Тосны.

¹⁴ *Оброк* — ежегодная плата крестьян помещику натурой или деньгами. Оброк был одной из форм крепостнической эксплуатации в отличие от другой — барщины, при которой крестьяне обязаны были безвозмездно работать со своим инвентарем на полях помещика известное число дней в неделю. Кроме того, крестьяне обязаны были особо снабжать помещика живностью, холстом, маслом и др. Так как отношения между помещиками и крестьянами в сущности не были определены никакими законами, то как взимание оброка, так и барщина осуществлялись целиком в зависимости от воли помещика, что и приводило к полному произволу крепостников и бесчеловечной эксплуатации ими крепостного крестьянства. Особенной разнузданности крепостнический произвол достиг в последнюю треть XVIII в., в период царствования Екатерины II.

¹⁵ *Бары подушных не заплатит.* — Имеется в виду подушная подать, которую крестьяне должны были платить в то время государству с каждого члена семьи.

¹⁶ *Наемник* — арендатор. Помещики нередко сдавали свои вотчины и крестьян в аренду, что еще более усугубляло тяжесть крепостнической эксплуатации.

¹⁷ *Чудово* — село и станция в 32 верстах от Любани. Здесь в селе находился путевой императорский дворец.

¹⁸ *Приятель мой Ч.* — Есть предположение, что Радищев имеет в виду своего товарища по Лейпцигскому университету П. И. Челищева, автора книги «Путешествие по северу России в 1791 г.», в которой также есть известная критика крепостнических порядков и злоупотреблений чиновников. Екатерина II считала Челищева причастным к изданию «Путешествия из Петербурга в Москву», но это ничем не подтвердилось. Во время следствия Радищев показал: «Проезд в Чудове описанное, было в самом деле».

¹⁹ *Систербек* — Сестрорецк.

²⁰ *Пафос* и *Амафонт* — колонии на острове Кипре, в которых находились храмы древнегреческой богини красоты и любви — Афродиты.

²¹ *Вернет* — Клод-Жозеф Верне — французский живописец XVIII в.; маринист.

²² *В прошедшую Турецкую войну.* — Радищев имеет в виду войну с Турцией 1768—1774 гг. Во время войны эскадра русских кораблей разбила турецкий флот 24 июня 1770 г. в Хиосском заливе и 26 июня — в Чесменской бухте.

²³ *Субаб, набаб* — правитель провинции в Индии.

²⁴ *Реналь* — Рейшаль (1713—1796) — французский историк, автор труда — «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях», 1770. Имеется сокращенный русский перевод, Спб. 1805—1811. Рейшаль резко осуждал колонизаторское варварство европейцев и американцев, торговлю невольниками, политическую и церковную реакцию.

²⁵ *Спасская Полесь* — станция в 24 верстах от Чудова. Здесь также был императорский путевой дворец.

²⁶ *Полкан и Бова* — действующие лица сказки о Бове-Королевиче. На сюжет этой сказки Радищев написал впоследствии поэму «Бова».

²⁷ *Наместник* — начальник края. В данном случае под наместником Радищев, возможно, имел в виду фаворита Екатерины Г. А. Потемкина.

²⁸ *Правление*. — Имеется в виду наместническое правление, учреждение, при помощи которого осуществлялось руководство подчиненным краем.

²⁹ *Уголовная палата* — судебное учреждение. Слова рассказчика о том, что его «уже другой раз... отсылают в уголовную палату», означают, что его второй раз отдают под суд.

³⁰ *Стряпчий казенных дел* — специальный чиновник, истец по казенным делам.

³¹ *Весы* — символ правосудия.

³² *Держава* — шар с крестом паверху — символ царской власти. Под царем и царедворцами в своем сие Радищев изобразил Екатерину II и ее двор.

³³ *На одеждоу... сочинения* — то-есть для переплета.

³⁴ *Кук* — Джеймс Кук — английский мореплаватель XVIII в. Был убит на Гавайских (Саудвичевых) островах.

³⁵ *Готфы* (готы) и *вандалы* — древнегерманские варварские племена.

³⁶ *Касталия* (Кастальский ключ) и *Ипокрена* — в греческой мифологии — источники, вода которых вдохновляла поэтов; символы поэтического творчества и вдохновения.

³⁷ *Господа вашего* — то-есть господина вашего.

³⁸ *Подберезье* — станция в 24 верстах от Спасской Полести.

³⁹ *Если... волос не пудришь*. — Радищев делает здесь сатирический намек на щегольские моды дворян.

⁴⁰ *Губернский штат* — то-есть губернское правление.

⁴¹ *Классические авторы*. — В семинариях и других учебных заведениях, в ущерб изучению живой современности, изучались писатели и историки античной древности: Аристотель (IV в. до н. э.), Вергилий и Гораций (I в. до н. э.), Тит Ливий (I в. до н. э. — I в. н. э.), Тацит (I—II вв.) и др. Встреченный Радищевым семинарист сетует на схоластическое заучивание их текстов.

⁴² *Кутейник* (Кутейкин) — учитель Митрофана в комедии Фон-визина «Недоросль». Он рассказывает о себе, что, обучаясь в семинарии, «ходил» «до реторики, да богу изволившу, назад воротился» (действие II, явление 5).

⁴³ *Губернский член* — то-есть член губернского правления, чиновник при губернаторе.

⁴⁴ *Гроций Гуго* — голландский правовед XVII века. *Монтескью* — Монтескье Ш. Л. (1689—1755) — французский писатель и мыслитель. Его произведения «Персидские письма» и особенно «Дух законов» были хорошо известны в России в XVIII в. *Блэкстон* — английский законовед XVIII в., автор трехтомного труда «Источкование английских законов». Перевод на русский язык в 80-х годах сделан С. Е. Десницким.

⁴⁵ *Новые университеты*. — В конце 1780-х годов предполагалось кроме существовавшего Московского университета открытие университетов в Пскове, Чернигове, Пензе, но это не было осуществлено.

⁴⁶ *Мартинист* — масон, приверженец мистического учения Сен-Мартена. После издания в 1785 г. московскими масонами книги Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» их стали называть мартистами.

⁴⁷ *Шведенборг* (Сведенборг Эммануил) — шведский писатель-мистик XVIII в.

⁴⁸ *Вольтер кричал*. — Радищев имеет в виду борьбу Вольтера против суеверий и религиозного фанатизма и в частности повторенное им требование: «Радавайте гадину!» («Ecrasez l'infâme!»), то-есть римско-католическую церковь.

⁴⁹ *Фридрих II* — прусский король, разыгрывавший роль сторонника французской философии XVIII в., что не мешало ему проводить реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

⁵⁰ *Лутер* (Мартин Люттер) — германский церковный реформатор XVI в.

⁵¹ *Таинственные творения* — масонские мистические произведения.

⁵² *Новый Магомет*. — Радищев, будучи противником масонства, опасался, что его распространение как новой религии, с новым пророком паподобие Магомета, отбросит человечество всячь, «в туманы предрассудков и суеверия».

⁵³ *Белев словарь* — «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля, французского философа и писателя XVII в. Радищев приводит из словаря анекдотическую цитату с целью характеристики «сокровенных» исследований мистиков-масонов, против которых и направлена глава «Подберезье».

⁵⁴ *Новгород* — древнейший русский город (в 22 верстах от Подберезья).

⁵⁵ *Солоновы и Ликурговы законы*. — Солон (VI в. до н. э.) — афинский законодатель. Ликург (VIII в. до н. э.) — законодатель Спарты.

⁵⁶ *Карфага* (Карфаген) — фикийский город в Северной Африке. Был разрушен римлянами в 146 г. до н. э.

⁵⁷ *Ганасийский союз* — союз торговых, преимущественно северо-европейских городов в XIV—XVII вв. В Новгороде была контора Ганзейского союза.

⁵⁸ *Сея республика* (Новгородская республика). — Радищев ошибался в оценке новгородского вече, руководителем которого был господствующий класс феодалов-землевладельцев — бояр и крупнейшего купечества; Радищев же идеализировал вече, он представлял его народным правлением. Вместе с тем он ошибочно судил о необходимых, исторически прогрессивных мерах Московского государства,

направленных, как известно, к подавлению удельных, сепаратистских устремлений новгородских князей, противившихся объединению Русского государства.

⁵⁹ *Гильдия*. — Купеческое сословие делилось на три «гильдии», то-есть разряда, в зависимости от объявленного капитала. *Именитый гравждань* — звание, введенное «Грамотой городам» 1785 г. Это звание присваивалось крупным собственникам не дворянам — фабрикантам, оптовым торговцам и др., а также некоторым ученым, художникам и пр.

⁶⁰ *Ласатер* (Лафатер И. К.) — швейцарский писатель XVIII в., автор «Физиогномики», в которой он утверждал, что по чертам человеческого лица и строению черепа можно якобы угадывать характер человека, его склонности и т. п.

⁶¹ *Зубы, как уголь*. — Среди купчих была распространена мода чернить зубы.

⁶² *Неурожай, голодная боль*. — Радищев приводит здесь специальные словечки (эвфемизмы) купеческого жаргона, обозначающие мошеннические проделки купца Карпа Дементьевича. Радищев использует этот рассказ для иллюстрации непригодности действовавшего в то время так называемого вексельного права, при котором возможны были всякого рода злоупотребления, как, например, мнимое банкротство, взыскание ростовщических процентов и пр.

⁶³ *Бронницы* — почтовая станция в 35 верстах от Новгорода.

⁶⁴ *Холмоград* — древнерусский город Холмград. В науке до сих пор не выяснен вопрос, стоял ли он на территории Бронниц или Новгорода.

⁶⁵ *Наглое счастье* — то-есть внезапное, неожиданное счастье.

⁶⁶ *Перун* — в славянской мифологии бог грома, молнии, дождя и пр.

⁶⁷ *Егова, Юпитер, Брама...* — Перечисляя наименования богов различных религий и мифические и исторические имена: Авраама и Моисея, Конфуция, Зороастра, Сократа (V в. до н. э.), Марка Аврелия (II в. н. э.) и пр., Радищев выдвигает еретическое с точки зрения православной церкви положение о том, что бог «един повсюду».

⁶⁸ *Еддесон* (Аддисон) — английский писатель XVII—XVIII вв. Радищев приводит цитату из его трагедии «Катон» (1713).

⁶⁹ *Зайцово* — почтовая станция в 27 верстах от Бронниц.

⁷⁰ *Герольдия* — ведомство по делам о титулах и дворянских привилегиях.

⁷¹ *Коллежский ассессор* — чин штатской службы по «Табели о рангах», дававший право на получение дворянского звания.

⁷² *Гогард* (Гогарг Вильям) — английский художник XVIII в., карикатурист.

⁷³ *Посадил на пашню* — то-есть перевел на барщину.

⁷⁴ *Месячина* — определенная норма продуктов, которую помещик выдавал как вознаграждение за труд крепостным крестьянам, совсем лишенным своего хозяйства и земли. Это был самый варварский способ крепостнической эксплуатации, практиковавшийся многими помещиками, при котором крестьяне все время вынуждены были работать только в пользу помещика.

⁷⁵ *Лакедемон* — то-есть Спарта — древнегреческое государство, в котором, по преданию, была принята суровая система воспи-

тания детей: чтобы развить в них ловкость, допускалось даже хищение ими чужого, лишь бы были проявлены при этом находчивость и бесстрашие.

⁷⁶ *Сошлют в работу* — сошлют на каторгу.

⁷⁷ *Во дворе людей было* — то-есть дворовых людей для прислуживания помещику и его домочадцам.

⁷⁸ *Повенечные* — особый налог натурой, который помещикам платили крепостные при вступлении в брак.

⁷⁹ *Торговая казнь* — публичное наказание кнутом, после которого часто производилось еще клеймение раскаленным железом и вырывание ноздрей. Наказанию этому подвергались чаще всего выходцы из простого народа.

⁸⁰ *Однородцы* — особая прослойка крестьян (из бывших служилых людей), свободных от крепостной зависимости.

⁸¹ *Становится гражданином.* — В своей речи судья Крестьянкин опирается на теорию «естественного права» и теорию Руссо о «договорном начале» при переходе человека из «естественного» состояния к гражданскому.

⁸² *Баба* (Ба! Ба!) — название сада вельможи Нарышкина под Петербургом, служившего местом публичных увеселений.

⁸³ *Крестыцы* — город и почтовая станция в 31 версте от станции Зайцево.

⁸⁴ В рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде, глава имеет более политически и сатирически заостренное вступление. Приводим здесь рукописный вариант, выделяя курсивом слова и выражения, отсутствующие или измененные в печатном тексте. После слов: «...наместник, началнику войск», дальнейший текст изложен следующим образом: «И какому отцу не захочется, чтобы на его милым дитятке не было овешенных шелковых лоскутков. Смотря на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями, *забыл он меня и букварь свой*, выучился чистенько наряжаться, играть в карты на чужие деньги и картами доставать свое пропитание, говорить обо всем и, ничего не стыдясь, таскаться по девкам или врать чепуху барыням, а *букварь свой, повторяю, забыл*. Каким-то образом фортуна, вертяся на курьей ножке, приголубила его, и сынок мой, не брея еще бороды, *через гвардейскую службу или адъютантство или бог весть как начал ездить в шесть лошадей, уже и возмечтал, что знатный он барин, что умнее всех на свете. Чего доброго ждать от такого полководца или градоначальника? Скажи, отец чадолюбивый, скажи, о, истинный гражданин, скажи, о, человек!* Не захочется ль тебе сына твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатный *барин*, презирает заслуги и достоинство, для того, что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезный с приятною улыбкою отнимать будет именование, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда *барскими* руками, но посредством лап своих *раболепцов и, отходя от века сего, дает в наследие внукам твоим село, зовомое село крови. Но послушаем крестецкого дворянина*».

⁸⁵ Английский и латинский языки. — Знание юношами этих языков, по мысли Радищева, дало им возможность усвоить древнеримские республиканские добродетели и революционный опыт англичан, казнивших в XVII в. Карла I Стюарта и ограничивших монархическую власть.

⁸⁶ *Эгид* — в греческой мифологии щит божества (Зевса, Аполлона или Афины).

⁸⁷ *Во степе средою* — средним путем, серединой.

⁸⁸ *Отрава Сократу*. — Обвиненный в антигосударственной деятельности и безбожии, Сократ по приговору афинского высшего суда — ареопага выпил кубок яда.

⁸⁹ *Пребудь... неколебим* — эти строки являются бесспорно центральным пунктом воспитательной системы Радищева, имевшей основной целью воспитание мужественных, бесстрашных борцов против самодержавия, за народную свободу. Никакие испытания, никакие мучения не должны были склонить борца на неправду и нарушение добродетели.

⁹⁰ *В спасшем Курции* — имеется в виду легендарный герой в древнем Риме; по преданию, бросился в пропасть, чтобы спасти Рим от якобы грозившей ему беды.

⁹¹ *Слово... Катона*. — Катон Марк Порций Утический — римский политический деятель (I в до н. э.), суровый, непримиримый республиканец. Не желая стать свидетелем крушения республики, покончил самоубийством. Радищев имеет в виду его слова, которые он будто бы произнес, получив отнятый было у него друзьями меч: «Теперь я принадлежу себе», после чего и пронзил им себя.

⁹² *Яжелбицы* — станция в 38 верстах от Крестцов.

⁹³ *Валдаи* (Валдай) — уездный город в 25 верстах от Яжелбиц.

⁹⁴ *Лада* — в славянской мифологии богиня брака и любви.

⁹⁵ *Сей новый Леандр*. — Радищев иронически сопоставляет свой рассказ о любви монаха и валдайской девушки с древнегреческой легендой о любви Леандра, жившего на берегу Геллеспонта (Дарданелл), и жрицы Афродиты Геро, которая жила на другом берегу пролива. Чтобы свидеться со своей возлюбленной, Леандр переплывал каждую ночь пролив. В одну из бурных ночей он утонул. Геро, увидев утром его тело, прибитое волнами к берегу, также бросилась в море.

⁹⁶ *Зимногорье* — почтовая станция в 23 верстах от Валдая.

⁹⁷ *Едрово* (или Ядрово) — село и почтовая станция в 20 верстах от Зимногорья.

⁹⁸ *Трехвершковая ножка... трехчетвертной стан...* — Радищев намекает здесь на петербургские дворянские моды, физически и морально уродовавшие женщин.

⁹⁹ *Крестьянин в законе мерта* — то-есть крестьянин лишен защиты законов, бесправен. Но Радищев подчеркивает при этом, что «он жив будет, если того захочет...», то-есть, что избавление от крепостнического ига зависит только от самого народа, и не случайно напоминает о Пугачевском восстании, заставившем трепетать угнетателей народа.

¹⁰⁰ *Сватили... за парня десятилетнего...* — Против браков принудительных и неравных по возрасту жениха и невесты, весьма распространенных в то время в крестьянской среде, выступил уже

Ломоносов в своем трактате «О размножении и сохранении российского народа» (1761).

¹⁰¹ *Почетная девица* — фрейлина (придворное звание).

¹⁰² *Кан... бес...* — каналья, бестия.

¹⁰³ *Двадцатый столп* — то-есть двадцатый верстовой столб.

¹⁰⁴ *Хотилово* — станция в 36 верстах от Едрова.

Данная глава представляет собой «проект» освобождения крестьян от крепостной зависимости. В рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде, проект, как и подобает официальному акту, заканчивается традиционной фразой: «Дано в ... 18... года». Изложение проекта в форме царского манифеста, нужно думать, является не более как литературной условностью, может быть, в пародией на манифесты Екатерины II, в которых лицемерной либеральной фразеологией прикрывалось усиление крепостного гнета и бесправия крестьян.

Радищев в своем «манифесте» наметил конкретный путь освобождения крестьян с землей и установления защиты законами прав и интересов крестьянства.

¹⁰⁵ *Европейцы, опустошив Америку...* — Радищев решительно осуждал колониальное варварство американцев, поработивших и истребивших коренное население страны и хищнически эксплуатировавших труд невольников, которые стали предметом бесчеловечной торговли и наживы.

¹⁰⁶ *Несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенагала* — то-есть африканские невольники, которые в качестве дешевой и бесправной рабочей силы насильно увозились колонизаторами в Америку.

¹⁰⁷ *Применю к шарам...* — Имеются в виду воздушные шары братьев Монгольфье, поднимавшиеся посредством нагретого воздуха.

¹⁰⁸ *Александр, Великим названного...* — Радищев говорит, что Александр Македонский, прославившийся разорением и опустошением государств, не достоин титула «Великий». Эту же мысль высказывал Ломоносов в оде «На счастье» (1760).

¹⁰⁹ *Прежнее повествования...* — Имеется в виду Пугачевское восстание (1773—1775), а также другие крестьянские движения XVII—XVIII вв.

¹¹⁰ *Блюдитесь.* — Радищев делает здесь грозное предостережение помещикам-крепостникам, намекая, что неминуемое грядущее народное восстание сметет их с лица земли. Об этом он прямо и говорит в рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде: «Блюдитесь, да опять посечены не будете».

¹¹¹ *Выводные деньги* — выкуп за невесту, который получал помещик, если его крепостная выходила замуж за крестьянина, принадлежащего другому помещику.

¹¹² *Расправа* — низовой суд для крестьян.

¹¹³ *Вышний Волочок* — город и почтовая станция в 36 верстах от Хотилова.

¹¹⁴ *Тамоземная пристань.* — Радищев служил в С.-Петербургской таможене с 1780 г.

¹¹⁵ *Лакедемоняне* — спартанцы, у которых, по преданию, было принято устраивать обязательные общественные трапезы.

¹¹⁶ *Таковым урядникам...* — то-есть снабженным, снаряженным, устроенным, уряженным крестьянам.

¹¹⁷ *Выдропуск* — почтовая станция в 33 верстах от Вышнего Волочка.

¹¹⁸ *Нума Помпилий* — легендарный царь древнего Рима, который якобы пользовался советами нимфы Эгерии.

¹¹⁹ *Манко Какак* — по преданию, основатель Перуанского государства (в Южной Америке).

¹²⁰ *Ариман* — бог зла в древнеперсидской религии.

¹²¹ *Торжок* — город и почтовая станция в 38 верстах от Выдропуска.

¹²² *На скитание прошения...* — подать прошение, ходатайствовать.

¹²³ *Типографии... иметь дозволено.* — Указом 15 января 1783 г. было разрешено заводить «вольные» типографии частным лицам.

¹²⁴ *Послушаем Гердера.* — Гердер И. Г. (1744—1803) — немецкий ученый. Радичев приводит выписку из его сочинения «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1780).

¹²⁵ *Правительство.* — В рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде, вместо этого слова имеются следующие строки:

«Мудрый правитель (боюсь назвать великим, ибо, прилагая такие именованья государю живу, почтен буду или рабом, или льстецом, или ханжею, или корыстолюбцем; хвалитель будет скаредный подлец, а хвалимый в опасности будет замараться в хвале мерзавца и пред светом всегда потеряет). Мудрый правитель отечества нашего, дознав ..» и т. д., как в печатном тексте.

Эта тирада была направлена против Екатерины II и ее придворных.

¹²⁶ *Управа благочиния* — полицейское учреждение, в функции которого входило также цензурирование книг.

¹²⁷ *Наказ о новом уложении* — «Наказ» Екатерины II Комиссии по составлению нового уложения, созданной в 1767 г. из представителей различных сословий (кроме крепостных помещичьих крестьян) с целью выработки законов.

«Наказ» был своеобразной компиляцией взглядов, заимствованных Екатериной II из книг французских просветителей — Монтескье, Дидро и др. «Наказ» вместе с двумя приложениями состоял из 22 глав и 655 статей. В этом произведении императрица пыталась обосновать принципы просвещенной монархии. Работа Комиссии, как и следовало ожидать, при решающем господстве в государстве класса дворян-крепостников не дала и не могла дать каких-либо положительных результатов. В 1768 г., воспользовавшись войной с Турцией, Екатерина II распустила Комиссию.

¹²⁸ *Отступники откровенной религии* — раскольники и различные сектанты.

¹²⁹ *Личность* — то-есть сатира на лицо; личное оскорбление.

¹³⁰ *Бывшей в Америке перемени* — война 1775—1783 гг. американцев против владычества англичан, приведшая к провозглашению независимости и образованию республики Соединенных Штатов Америки. *Пенсильвания* — один из северо-американских штатов.

¹³¹ *Протагор* — древнегреческий философ-софист (V в. до н. э.); был приговорен за атеизм к смерти.

¹³² *В Риме...* — Радищев ссылается на свидетельства древнеримских государственных деятелей и мыслителей: римского историка Светония (I—II вв.); первого римского императора Октавиана Августа (I в. до н. э. — I в. н. э.); римского историка и оратора, защитника республиканского строя Тита Лабиеция (I—II вв.); римского философа-стоика и писателя Сенеку (I в.); римского оратора и философа Цицерона Марка Туллия (I в. до н. э.).

¹³³ *Претор* — должностное лицо в древнем Риме, ведавшее главным образом судебными делами.

¹³⁴ *Авгуры* — древнеримские жрецы, предсказывавшие будущее по полетам птиц и небесным явлениям. *Аруспиции* (гаруспиции) — гадалки по внутренностям животных.

¹³⁵ *Троена начальники* — триумвиры, комиссия из трех лиц, избравшихся или назначавшихся в специальных целях. Радищев имеет в виду так называемый «второй триумvirат»: Октавиана Августа, Марка Антония и Лепида (I в. до н. э.), захвативших власть в Риме в пору крушения республики.

¹³⁶ *Арий Монтан* (Ариас Монтанус) — испанский богослов XVI в.; принимал участие в составлении первого каталога запрещенных книг, изданного в Нидерландах. В своем примечании к словам Сенеки (о событиях времен императора Августа) Радищев приводит пример аналогичных событий, имевших место в XVI в.

¹³⁷ *Кассий Север* (I в.) — римский оратор и писатель.

¹³⁸ *Кремуций Корд* (I в. до н. э. — I в. н. э.) — римский историк; он называл «последним римлянином» не Кассия Севера, а друга Брута и участника убийства Юлия Цезаря — Гая Кассия Лонгина.

¹³⁹ *Тиберий* — римский император (I в.); *Диоклетиан* — римский император (III—IV вв.), жестоко преследовавший христиан; *Константин* — римский император (III—IV вв.), принявший христианство и перенесший столицу империи в Византию (Константинополь).

¹⁴⁰ *Пандекты Юстиниановы* — книги, содержавшие извлечения из трудов римских законодателей, составленные по повелению императора Юстиниана (V—VI вв.).

¹⁴¹ *Если бы вселенские соборы не были созваны...* — Радищев решительно осуждает постановления церковных так называемых вселенских соборов (Никейского, Халкедонского и др.), направленные против свободы мнений и свободы слова.

¹⁴² *Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ-дуалист.

¹⁴³ *Апокалипсис* — одна из книг «нового завета», содержащая мистические «пророчества» о «конце мира».

¹⁴⁴ *Абелард* (Абеляр Пьер) — французский философ и богослов XI—XII вв., осужденный за еретические высказывания о церковных догматах.

¹⁴⁵ *Иллюминаты* — масонский орден в XVIII в., придерживавшийся антимонархической программы. Радищев ошибочно, по недостатку сведений в то время, отождествляет иллюминатов с реакционным масонством.

¹⁴⁶ *Лицензиат* — ученая степень в немецких университетах, средняя между бакалавром и доктором.

¹⁴⁷ *Булла* — папское послание; булла, о которой говорит Радищев, относится не к 1507, а к 1501 г.

¹⁴⁸ *Звездная палата* — административно-судебное учреждение в Англии, основанное в 1488 г.; ее ведению подлежали дела о государственных мятежах и политических заговорах, а также надзор за книгопечатанием.

¹⁴⁹ *Освобождаватель* — в данном случае контролер, цензор.

¹⁵⁰ *Страфорд* — английский политический деятель XVII в., сторонник династии Стюартов, казненный во время революции.

¹⁵¹ *Долгий парламент* — парламент, заседавший в эпоху английской революции в течение 13 лет (1640—1653).

¹⁵² *По совершении премеи...* — Имеется в виду «классовый компромисс» 1688 г. между аристократией и буржуазией, приведший к падению династии Стюартов и возведению на трон Вильгельма Оранского (Вильяма III), подписавшего английскую конституцию.

¹⁵³ *Аргус* — в греческой мифологии многоокий великан; *Бриарей*, или Эгеон, — сын бога Посейдона, сторукий великан.

¹⁵⁴ *Бастильские пропасти*. — Радищев тщательно следил за деятельностью французского Национального собрания, как и за всеми событиями французской революции 1789 г. Согласно новейшим исследованиям, он имел здесь в виду преследования Марата, которым он подвергался за смелые выступления в своей газете «Друг народа» и в памфлетах, направленных против политики конституционного буржуазно-аристократического блока, ставшего у власти во Франции в 1789 г. В конце января 1790 г. по решению Национального собрания отряд национальной гвардии во главе с Лафайетом пытался арестовать Марата и разгромить его типографию. Призывая французам «восплакать о участи своей», Радищев выражает негодование по поводу преследования революционной французской печати. Эти строки были им, видимо, вставлены в текст главы о цензуре в корректуре. *Лафает* (Лафайет) — умеренно-либеральный деятель французской революции. После взятия Бастилии 14 июля 1789 г. был назначен начальником национальной гвардии. На этом посту пытался воспрепятствовать дальнейшему развитию революции.

¹⁵⁵ *Седое чудовище* («Das graue Ungeheuer») — журнал, издававшийся в 80-х годах немецким просветителем XVIII в. Веккерлином. Несмотря на преследования, последний не прекращал своей литературной и издательской деятельности.

¹⁵⁶ *О цензуре наставление*. — Здесь Радищев, резко осуждая действия австрийского императора Иосифа II, который ввел было свободу печати, а затем снова ее ограничил, несомненно, намекает на широкообещательные, но никогда не осуществленные обещания Екатерины II, данные ею в начале своего царствования, о введении свободы печати в России. Это имеется в виду также в заключительных строках главы о «несообразностях» в царской голове и об опасности говорить о цензуре в России.

¹⁵⁷ *Медное* — почтовая станция в 33 верстах от Торжка.

¹⁵⁸ *О, мой друг!* — А. М. Кутузов, которому посвящено все «Путешествие».

¹⁵⁹ *Каждую неделю два раза*. — Издававшиеся тогда в России две газеты, «С.-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», выходили два раза в неделю. В них печатались объявления о

продаже крепостных, принявшей в царствование Екатерины II особопуничный характер.

¹⁶⁰ *Крымский поход* — поход русской армии в Крым под командованием фельдмаршала Миниха; состоялся в 1736 г.

¹⁶¹ *Франкфуртская баталия*. — Имеется в виду историческое сражение при Кунерсдорфе (деревня в 6 километрах от Франкфурта-на-Одере) между русскими войсками и армией прусского короля Фридриха II в 1759 г., во время так называемой Семилетней войны, закончившееся полным разгромом прусской армии.

¹⁶² *Воспитанницы* — то-есть воспитательницы.

¹⁶³ *Ужасоносный молот* — Имеется в виду молоток аукционера, ударами возвещавший о совершении продажи крепостных.

¹⁶⁴ *Квакеры* — религиозная секта в Англии и Северной Америке, проповедовавшая лицемерные христианские идеи о самоусовершенствовании и любви к ближним.

¹⁶⁵ *Тверь* — главный город Тверского наместничества, в 30 верстах от Медного. Ныне город Калинин.

¹⁶⁶ *Стало в пень* — зашло в тупик.

¹⁶⁷ *Польское одеяние*. — Имеется в виду силлабическое стихосложение, основанное на равном числе слогов в строке. Тредиаковский в 1735 г. впервые предложил писать стихи по принципу тонического стихосложения, основанного на правильном чередовании ударных и безударных слогов.

Преобразование стиха, начатое Тредиаковским, было завершено Ломоносовым и затем Сумароковым, которые кроме предложенного Тредиаковским размера — хорей — применяли и другие размеры, но преимущественно ямб, ставший господствующим почти во всей последующей русской поэзии XVIII в.

Радищев боролся против канонизации ямба, тормозившего, по его мнению, развитие русской поэзии. В вопросах стихосложения Радищев выступал как поэт-исследователь, теоретик и смелый экспериментатор. Его метрические нововведения не только показывали, насколько широки ритмические возможности русского стиха, но и идейно обогатили русскую литературу.

¹⁶⁸ *Иов или псалмопевец*. — Имеется в виду произведение Ломоносова «Ода, выбранная из Иова» и «Преложения псалмов».

¹⁶⁹ *«Семира»* и *«Димитрий Самозванец»* — написанные ямбом трагедии Сумарокова.

¹⁷⁰ *Осьмилетний труд* — поэма Хераскова «Россияда», над которой он работал примерно с 1771 по 1779 г.

¹⁷¹ *Треух на Виргилия*. — Имеется в виду перевод Вас. Петровым поэмы Виргилия «Энеида».

¹⁷² *Омир* — Гомер; первые шесть песен его «Илиады» были переведены Е. Костровым ямбами и напечатаны в 1787 г.

¹⁷³ *Тредиаковского приставят дядькою*. — Радищев в отличие от многих деятелей XVIII в. оценивал положительно стихотворство Тредиаковского и в частности его поэму «Тилемахиду», написанную гекзаметром, складывавшимся из дактилей и хореев. Об этом Радищев говорит не только в «Путешествии», но и много лет спустя в трактате «Памятник дактилохорейческому витязю». Но Радищев хорошо понимал и слабые, отрицательные стороны творчества Тредиаковского, и поэтому он указывает (в главе «Тверь»), что при писании

стихотворений другими размерами, кроме ямба, пример Тредиаковского может также оказать и неблагоприятное влияние на развитие поэзии.

Радищев имел в виду не только поэтические размеры произведений Тредиаковского, но и многие изъяны в их содержании.

В рукописном списке «Путешествия», хранящемся в Институте русской литературы АН в Ленинграде, после слов: «Тредиаковский немало к тому способствовал своєю «Гилемахидою», имеется следующая фраза, характерная для понимания Радищевым творчества Тредиаковского:

«Если бы он из Фенелонова романа (имеется в виду роман «Приключения Телемаха». — Л. С.) извлек токмо, так сказать, эссенци, оставив все скучное и поэме неприметное, то и он бы мог иметь подражателей».

¹⁷⁴ *«Генриада»* — поэма Вольтера; Радищев имеет в виду перевод ее на русский язык, выполненный Я. Княжнинным в 1777 г. ямбическим размером, без рифм.

¹⁷⁵ *Вольность... Ода.* — По имеющимся сведениям, Радищев первоначально предполагал включить в главу «Тверь» два стихотворения — полностью оду «Вольность» и незнакомое «Творение мира», но включил только оду в сокращенной редакции.

¹⁷⁶ *В Наказе* — Радищев, повидимому, намеренно изменил смысл соответствующего места Наказа Комиссии по составлению нового уложения, в котором сказано «Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют» (§ 38); говорит же о вольности как о равенстве всех граждан перед законом, Радищев излагает тем самым один из важных пунктов своей освободительной программы.

¹⁷⁷ *Да Брут и Телль еще проснутся.* — Марк Юний Брут (I в. до н. э.) участвовал в убийстве Цезаря, стремясь предотвратить этим уничтожение республиканского строя. *Вильгельм Телль* — легендарный герой швейцарского народа, борец за освобождение Швейцарии от австрийского владычества в начале XIV в.

¹⁷⁸ *Парос* — остров в Эгейском море. На этом острове добывался высококачественный мрамор.

¹⁷⁹ *Оливная ветвь* — символ мира.

¹⁸⁰ *Медны громады* — пушки.

¹⁸¹ *Кромвель Оливер* — вождь английской буржуазной революции XVII в. Радищев, порицая Кромвеля за деспотизм и захват власти, вместе с тем хвалит его за казнь самодержца Карла I Стюарта, чем он преподал исторический урок того, как народы могут мстить за свое угнетение.

¹⁸² *Марий и Сулла* — политические деятели древнего Рима (II — I вв. до н. э.), подготовившие падение республики и установление самовластия императора.

¹⁸³ *Пегаэс* — в греческой мифологии крылатый конь Зевса, символ поэтического вдохновения. Радищев дает, разумеется, ироническое переосмысление этого античного образа.

¹⁸⁴ *Городня* — почтовая станция в 28 верстах от Твери.

¹⁸⁵ *Пал жеребей...* — Рекруты из экономических селений (см. прим. 186) набирались преимущественно посредством жеребьевки.

¹⁸⁶ *Экономическое селение* — так назывались деревни с крепостными крестьянами, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 г. фактически перешедшие в ведение государства.

¹⁸⁷ *Бритый лоб...* — Рекрутам брили часть головы.

¹⁸⁸ *Поставят в меру* — то-есть будут осматривать и измерять рост.

¹⁸⁹ *Прусские наборщики* — то-есть прусские вербовщики. Солдаты в прусскую армию набирались посредством вербовки, найма, а большей частью путем обмана, спаивания и пр.

¹⁹⁰ *Завидово* — почтовая станция в 26 верстах от Городни.

В ранней редакции рукописи, хранящейся в Москве в ЦГАДА (Центральный Государственный архив древних актов), глава начиналась сатирическим вступлением, которым Радищев высмеивал поведение знатного дворянина-барина, приезжающего в Москву:

«Люди мои были уже почти впряжены, и за сто верст хотя от Москвы (но) я помышлял (уже), где мне приехав (в нее) пристать можно будет; рассматривал, что полезнее и почтительнее для меня быть может: взехать на почтовый двор в ямской или во французский трактир; с которого конца начать в Москве мое пребывание: начать ли скакать по улицам сломя голову и, заезжая на каждаый знакомый двор, оставлять избраженное на карте знамение моего имени; или объездить все соборы, церкви, часовни, где есть мощи и чудотворные образа, поставить по свечке и отпеть по молебну; или явиться прежде всего в управу благочиния, дабы поскорее узнали в городе через газеты, что я прибыл в столичный город; в сем последнем я ошибался, ибо по имени, означену быть в газетах, надлежит принадлежать к первым пяти классам, а я, будучи не пятиклассный, был бы означен просто цыфирью, а как изображение (цыфирью) их есть арабское, то арабский язык, будучи мало в Москве известен, никто бы под цыфирью не узнал, что газетчик арабскою пероглифою меня разумет. Но из размышлений моих...»

¹⁹¹ *Речь Эола к ветрам...* — Напоминающая здесь то место в «Энеиде», где Нептун, бог морей, усмиряет разбушевавшиеся ветры окриком: «Я вас!», Радищев приписал слова Нептуна Эолу, богу ветров.

¹⁹² *Дон-Кихот* — Дон Кихот.

¹⁹³ *Придворная грамматика* — сатирическая статья Фонвизина «Всеобщая придворная грамматика», в которой он осмеял придворные нравы; написана им в 1780-х гг. для журнала «Собеседник любителей российского слова», но не была в нем напечатана. Статья не могла быть напечатана и в предпринятом Фонвизиним в конце 1780-х годов издании сатирического журнала «Друг честных людей, или Стародум», так как журнал был запрещен цензурой.

¹⁹⁴ *Клин* — город в 26 верстах от Завидова.

¹⁹⁵ *«Алексей божий человек»* — старинный духовный стих. В основе его лежат два источника: «Житие», появившееся в XV в. в Западной России, и греко-византийский «Цветник», переведенный в XVII в. Арсением Греком. В народе эти два стиха были известны и раздельно и в обоюдном сочетании.

¹⁹⁶ *Габриеллы, Тоди* — певицы, выступавшие в театрах Москвы и Петербурга. *Маркеви* — певец, выступавший на русской сцене.

¹⁹⁷ *Вертер* — герой романа Гете «Страдания молодого Вертера», впервые переведенного на русский язык Ф. Галченковым и напечатанного в 1781 г.

¹⁹⁸ *О, мой друг!* — восклицание, обращенное к А. М. Кутузову.

¹⁹⁹ *Пешки* — почтовая станция в 31 версте от Клина.

²⁰⁰ *В дальних походах.* — Радищев намекает здесь на расточительную роскошь, которой окружал себя в походах фаворит Екатерины II Потемкин.

²⁰¹ *Черная Грязь* — почтовая станция в 23 верстах от станции Пешки и в 28 верстах от Москвы.

В ранней редакции рукописи, хранящейся в Москве в ЦГАДА (Центральный Государственный архив древних актов), глава имела следующее окончание, завершившееся «Путешествие»:

«Погруженный в сих мыслях, я, выехав с почтового стана, приближался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной роши, по коinei уже стоящей. Вдруг услышал выстрел и после того стенание болящего человека. На мысль пришло мне, что некто, может быть, неосторожностью какого-нибудь стрелка ранен. Трепещущ от сего мысли, я выскочил из кибитки и поспешал на помощь страждущего. Не совсем я ошибся в моем заключении. При входе в рошу я обрел человека, изрядно олетого, сидящего на земли; подле него к сосне привязана была оседланная лошадь. В правой руке держал он пистолет, коим произведен был выстрел, и сквозь его кафтан на разорванном рукаве видны были капли крови. — Какой несчастный случай допустил тебя уязвить самого себя, говорил я сидящему в задумчивости. Конечно, неосторожно пущенный курок был тому причиною. Позволь, я скину с тебя кафтан, я потщусь, если могу подать тебе облегчение.

— Благодарю тебя за предлагаемую услугу. Но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастный случай причиною, что рука моя уязвлена, но заряд не сй был определен, а сюда (указывая лоб); признаюсь, робость и недовольное, может, размышление о мужественности виною, что выстрел был неудачен. В пользу мне (может быть) он послужит, ибо я не робюю. — Я хотел было воспользоваться болезнью его и спасти его от отчаяния, выхватил у него из руки пистолет. — Сей отдам тебе непрекословно. Но не трудись тщетно о мне. Вот другой, да и сам отойди подальше (устремляя на меня), если желаешь мне мешать... На что жизнь тому, кому она стала в тягость? На что она, коли нет в ней более приятностей? Я родился в изобилии, возвращен в неге, не ведал нужды николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалось, воскраия сосуда сладостей, любил и был любим. Но все сие исчезло яко прах и сон. — Нищ, презрен в горячности моей, уготован на поругание, что остается делать тому, кто лишен и надежды. Не швелюсь, потряс он с угрозою своим смертоносным орудием, ежели не хочешь быть моим предтечею к смерти. — Отчаянному сему движению мое при последнем его изречении казалось, что я хочу его лишити последнего его убежища. — Конечно, злой дух тебя напра... [*Утрачены дальнейшие два листа*] и от того, что сердце его терзается мздою, а не добрым именем. К нареканию общему ухо его привыкло; к общему к нему мерзению присовокупится только мерзение судии его. Но похи[ти]тель казны нередко бывает любим в обществе всеми, имея сам к себе не лестное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения сего ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого; ведаю, что Филипп Орланский, вводя бумагу

на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был наказан. Ведаю что (покойный) султан турецкий удавлял богачей, когда имеет (имел) нужду в деньгах, и преступником не почитается. Но что мне в примерах? Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. Мос блаженство теперь еще в моих руках; и дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь...

С проворством несказанным вложив пистолет в рот, спустил взведенный курок и припик к земле, не произнося ни малейшего слова.

Я с поспешностью удалился от сего полоумного. И въезд мой в Москву был скорбен.

Москва! Москва!

²⁰² *Парнасский судья* — мнимый автор оды «Вольность», с которым Радищев повстречался якобы в Твери. Ему же Радищев написал и «Слово о Ломоносове».

²⁰³ «Слово о Ломоносове» — самостоятельное произведение Радищева, начатое им в 1780 г. и законченное в 1788 г. Вставлено в «Путешествие», видимо, при последней обработке его для печати.

²⁰⁴ *Пред столпом, над тлением Ломоносова...* — Ломоносов умер 4 апреля 1765 г. Над его могилой был поставлен мраморный памятник

²⁰⁵ *Почто ты славен.* — В рукописном варианте «Слова о Ломоносове», хранящемся в ЦГАДА (Центральный Государственный архив древних актов) в Москве, Радищев писал: в «рубище сняет его лице перед сынами богатства и власти: стоны его тверды и надежны. Он низлагает гадов, что зависть нищих духом в побеге ему преткновением противустануть тщатся, лучем славы, далеко всех за собою оставив, венчается». Здесь Радищев непосредственно противопоставляет крестьянина Ломоносова «сынам богатства и власти, и весьма недвусмысленно говорит о его борьбе против «гадов» «нищих духом», имея, конечно, в виду отечественных и немецких академических бюрократов, всячески пытавшихся тормозить рост и деятельность этого замечательного народного гения.

²⁰⁶ *О! возлюбленный мой!* — обращение к А. М. Кутузову.

²⁰⁷ *Престольный град* — Москва.

²⁰⁸ *Обитель иноческих муз* (муз). — Славяно-греко-латинская академия при Занковском монастыре, где учился Ломоносов.

²⁰⁹ *Согражданином Афин и Рима.* — Имеется в виду изучение латинского и древнегреческого языков.

²¹⁰ *Чтение церковных книг.* — Имеется в виду статья Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» (1757).

²¹¹ *Ученик... Вольфа.* — В январе 1736 г. Ломоносов был переведен из Духовной академии студентом в Петербургскую академию наук, а затем в сентябре этого же года отправлен в Германию, в Марбург, где учился у известного физика Христиана Вольфа; в 1739 г. Ломоносов был переведен из Марбурга во Фрейберг для изучения горного дела и металлургии.

²¹² *Проходя первый слой земли.* — Радищев имеет здесь в виду известный труд Ломоносова «Первые основания металлургии или рудных дел» (1763) и в частности вкратце излагает содержание второго прибавления к этой книге «О слоях земных». Кроме того, Ра-

дищев приводит также вкратце основные положения другой работы Ломоносова о металлургии — «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757).

²¹³ *Симеон Полоцкий* (1629—1680) — московский писатель XVII в., перевел стихами на славянский язык псалтырь (издана в Москве в 1680 г.). Это была одна из первых книг, прочитанных Ломоносовым.

²¹⁴ *Ода на победу*. — Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина в 1739 г. написана ямбом. Ломоносов прислал эту оду из Фрейберга в Академию наук вместе с «Письмом о правилах российского стихотворства», в котором обосновал принципы тонического стихосложения. Радищев ошибочно указывает, что ода на взятие Хотина была прислана Ломоносовым из Марбурга.

²¹⁵ *Грамматика*. — «Российская грамматика», составленная Ломоносовым, была закончена им в 1755 г., напечатана в 1757 г. Это была первая научная грамматика русского языка.

²¹⁶ *Риторика*. — В 1748 г. Ломоносов издал первую часть своей книги «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила обоюдо красноречия, то-есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки». Книга содержала правила и образцы поэтического творчества и ораторского искусства.

²¹⁷ *Геликон* — гора в Греции; в древнегреческой мифологии — местопребывание муз.

²¹⁸ *Отменные в слове мужи* — то-есть выдающиеся политические ораторы: *Демосфен* (IV в. до н. э.); *Цицерон* (I в. до н. э.); *Питт (Старший)*, *Берк*, *Фокс* — английские политические ораторы XVIII в.; *Мирабо* — политический деятель и оратор начала французской революции 1789 г.

²¹⁹ *Пиндарова труба...* — Пиндар (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. *Псалмопевец* — царь Давид. Ломоносов делал поэтические переводы псалмов.

²²⁰ *В бездне миров...* — Радищев имеет в виду стихотворение Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве, при слушании великого северного сияния».

²²¹ *Ограда градов...* — Радищев пересказывает здесь первые строки оды Ломоносова (1747) на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. Ода начинается следующими стихами:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна...

²²² *Цветы, собранные в Афинах...* — Эти строки имеют глубокий политический смысл. Мнение Радищева об исторической ценности правил красноречия, выработанных Ломоносовым, имеет антимонархическую заостренность; он хотел этим подчеркнуть, что пока в России не будет народных представительных учреждений, до тех пор не будет и условий для роста и развития отечественных политических ораторов. Радищев понимал, что вопрос этот разрешит только коренная ломка полицейско-самодержавного режима — революция.

²²³ Ты, призванный... — Радищев обращается к московскому митрополиту Платону (Левшину), церковному оратору XVIII в., имея в виду его проповедь, произнесенную у гроба Петра I по поводу победы русского флота над турецким под Чесмою в июне 1770 г. *Душа Платона* — то-есть греческого философа Платона (V—IV вв. до н. э.).

²²⁴ Робертсон — английский историк XVIII в. *Маркграф и Ридигер* — немецкие ученые XVIII в.

²²⁵ Скитался путями проложенными. — В оценке Ломоносова как ученого Радищев иногда стоял на ошибочной точке зрения, не зная о некоторых замечательнейших научных открытиях Ломоносова, которыми он предвосхитил многие основополагающие достижения естествознания XIX—XX вв.

²²⁶ Се исторгнувший гром... — Имеется в виду В. Франклин — американский ученый и политический деятель XVIII в.

²²⁷ Учителя... пораженного смертно. — Радищев имеет в виду академика Г. В. Рихмана, друга Ломоносова, убитого молнией в 1753 г. во время опытов с электричеством.

²²⁸ Бакон Веруламский (Бэкон) (1561—1626) — английский философ, разработавший методологию научного познания, опирающегося на опыт и наблюдение и обосновавший принципы классификации наук.

²²⁹ Не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопеи. — Радищев имеет здесь в виду трагедии Ломоносова «Гамира и Селим» и «Демофонт» и его неоконченную поэму «Петр Великий», которых он не одобрял.

²³⁰ Мы повидаемся на возвратном пути. — Радищев намеревался, видимо, продолжить свою книгу, поэтому он и говорит о предстоящей новой встрече с читателями, но дальнейшие обстоятельства — репрессии, обрушившиеся на автора, его арест и ссылка — не позволили ему осуществить свое намерение. Во время следствия на вопрос, начато ли это продолжение «Путешествия» и где оно находится, Радищев ответил, что «оное сочинение начато не было».

ПИСЬМО К ДРУГУ, ЖИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ В ТОБОЛЬСКЕ

Рукопись не сохранилась. Напечатано впервые анонимно в «вольной» типографии Радищева в начале 1790 г.; воспроизводится в настоящей книге с первого издания 1790 г., с экземпляра, хранящегося в отделе редких книг исторической библиотеки в Москве. В своих показаниях во время следствия Радищев сообщил, что «Письмо» было напечатано прежде «Путешествия». Кому адресовано письмо, не установлено.

В XIX в. «Письмо» было опубликовано П. А. Ефремовым в журнале «Русская старина» (сентябрь 1871 г.), а затем в 1897 г. напечатано А. Бурцевым в его «Описании редких российских книг» (ч. IV).

«Письмо» содержит ряд смелых антимонархических мыслей. Екатерина II приобщила «Письмо» к материалам обвинения Радищева как важное доказательство, что «давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем».

¹ *Фальконет* — французский скульптор Э. М. Фальконе, по проекту которого был выполнен памятник Петру I, открытый 7 августа 1782 г.

² *Вадвиг Российский флав* — то-есть создал русский военноморской флот.

³ *Сей день онаменован...* — Имеется в виду манифест 7 августа 1782 г. «О разных милостях, дарованных преступникам по случаю открытия монумента императору Петру I».

⁴ *Вопреки эсеневскому гроезданину...* — Ралицев оспаривает здесь совершенно неверную, извращенную оценку Ж. Ж. Руссо исторических заслуг Петра I.

ЖИТИЕ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА

Напечатано впервые анонимно в Петербурге в 1789 г. в «императорской типографии».

Затем перепечатано в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (т. V, 1811). В тексте «Жития» при этом сделан ряд сокращений и исправлений, значительно смягчающих и сглаживающих политическую остроту произведения. Так, например, слова «но достоин будешь венца» (стр. 223) в издании 1811 г. изменены так: «но достоин будешь и большей доверенности»; выражение, в котором Радищев осуждает нетерпимость царского самовластия к любому проявлению свободы: «Мысль несчастная, тысячи любящих отечество граждан заключающая в темницу и предающая их смерти, теснящая дух и разум...» (стр. 226), изменено так: «несчастное заблуждение, теснящее дух и разум...»; опущены острые политические примечания (стр. 226, 234); опущена чрезвычайно важная по своему политическому содержанию тирада, направленная против деспотизма (стр. 231—232), начинающая со слов: «Человек много может сносить неприятностей...» и т. д.

Эти исправления сделаны А. Ф. Мерзляковым, что подтверждается его пометками на экземпляре «Жития», хранящемся в Государственной исторической библиотеке в Москве.

В 1869 г. «Житие» (в первоначальной редакции) было напечатано во втором издании сборника «Осминадцатый век» (кн. I), изданного П. Бартеневым. В 1897 г. напечатано (в редакции 1811 г.) в «Описании редких российских книг» А. Бурцева (ч. II).

После революции 1905 г. «Житие» перепечатывается в полных собраниях сочинений А. Н. Радищева с опущением обычно второй части книги, содержащей сочинения Ф. В. Ушакова.

В нашем издании текст «Жития» воспроизведен по первопечатной редакции. В квадратных скобках раскрыты инициалы лиц, которых Радищев не хотел полностью назвать при издании своей книги, так как многие из них были живы.

Повесть является кратким жизнеописанием друга Радищева по Лейпцигскому университету Федора Васильевича Ушакова. При изложении фактов из жизни Ф. В. Ушакова и русских студентов, обучающихся в Лейпцигском университете, Радищев сделал ряд теоретических обобщений политического и философского характера, направленных против деспотизма и самодержавно-крепостнического строя.

«Житие» написано в 1788 г., что видно из указания автора на прострствие восемнадцати лет после смерти Ф. В. Ушакова (7 июня

1770 г.). Сочинения Ф. В. Ушакова, составляющие вторую часть книги, переведены и отредактированы, бесспорно, А. Н. Радищевым. «Житие», как и «Путешествие», посвящено близкому другу Радищева и Ушакова — А. М. Кутузову.

¹ *Сухопутный кадетский корпус* — дворянское учебное заведение. Ф. В. Ушаков учился в нем в начале 1760-х годов.

² *Теплов Г. Н.* — крупный сановник в эпоху Екатерины II. Занимался литературной и переводческой деятельностью.

³ *Двенадцать юношей.* — В Лейпцигский университет было послано 12 молодых дворян: А. Радищев, П. Челищев, А. Рубановский, С. Янов, А. Кутузов, А. Римский-Корсаков, Зиновьев, Насакин, братья Ф. и М. Ушаковы, кн. Трубецкой и кн. Несвижский.

⁴ *Путеводителя нашего...* — Надзирателем (гофмейстером) над посланными за границу студентами был назначен немец майор Е. Ф. Бокум. Злоупотребления его и тяжелое положение студентов, о которых пишет Радищев, подтверждаются многочисленными документальными материалами.

⁵ *Гельвецево... мнение.* — Имсеются в виду рассуждения Гельвеция о деспотизме в его книге «Об уме» («De l'esprit», 1758).

⁶ *Кирасирский офицер* — то-есть офицер, служивший в так называемой тяжелой кавалерии.

⁷ *Власти таковой ему дано не было* — Радищев хочет этим сказать, что по закону студенты, как дворяне, не могли быть подвергнуты телесным наказаниям.

⁸ *Солдат вооруженных* — Бунт русских студентов против грубого и корыстолюбивого надзирателя совпал со студенческими волнениями, имевшими место в Лейпциге и приведшими к ряду вооруженных столкновений между студентами и вызванными для их усмирения войсками. Этим и объясняется, видимо, и то, почему Бокуму удалось добиться немедленной присылки солдат для усмирения русских студентов, так как Лейпциг был в то время объявлен на военном положении.

⁹ *В Дрездене министру* — то-есть русскому послу в Дрездене.

¹⁰ *Последовавшее по возвращении нашем* — Радищев имеет здесь в виду обстоятельство, сложившееся по возвращении его и Кутузова в 1771 г. в Россию, когда царское правительство вместо соответственного использования их знаний и способностей предоставило им незначительные канцелярские должности.

¹¹ *Одним из наших учителей* — Вицман. Ему Радищев впоследствии подарил экземпляр своего «Путешествия».

¹² *Гвардии офицер.* — Н. Е. Муравьева в заграничном путешествии сопровождал, как установлено, его шури — драматург А. А. Волков. Есть предположение, что он был автором напечатанной в Лейпциге в 1767 г. статьи «Известия о русских писателях».

¹³ *Ф...* — вероятнее всего, Ф. Г. Орлов, брат фаворита Екатерины II.

¹⁴ *Гримм Ф. М.* — немецкий писатель XVIII в.

¹⁵ *Не тревожился Юлий Кесарь...* — Радищев имеет в виду известный исторический факт самовольного изъятия Цезарем в 49 г. до н. э. из римского казначейства средств для организации похода в Испанию.

¹⁶ *Ла* (Джон Лоу) — французский авантюрист начала XVIII в., отличившийся своими финансовыми аферами, подорвавшими экономику страны.

¹⁷ *Людвиг XIV* (Людовик). — Имеется в виду расточительная роскошь и распущенность, господствовавшие при его дворе. Радищев, как нетрудно понять и из заключительных строк тирады, явно намекает здесь на Екатерину II, которая единолично, бесконтрольно распоряжалась государственной казной, расточая ее на фаворитов, придворную роскошь и военные предприятия, что и являлось причиной выпуска непомерного количества бумажных денег и обременения народа податями и различными поборами.

¹⁸ *Сервант* (Сервантес) (1547—1616) — выдающийся испанский писатель, автор романа «Дон-Кихот».

¹⁹ *Арно Антуан* — французский богослов и философ XVII в. Радищев имеет здесь в виду его труд «Логика или искусство мышления».

²⁰ *С'Гравезанд* — голландский ученый и философ XVII—XVIII вв. Имеется в виду его труд «Введение в философию, метафизику и логику» («Introductio ad philosophiam, metaphysicam et logicam», 1738).

²¹ *Отменно прилежал к латинскому языку*. — Радищев считал, что политическая жизнь общества накладывает наиболее сильный отпечаток на язык. Этим он и объясняет, почему Ушаков старался столь усильно изучать латинский язык.

²² *Не льстец Августов и не лизорук Меценатов*. — Поэтам Вергилию и Горацию Радищев противопоставляет республиканского оратора Цицерона и смелого обличителя общественных пороков, «колкого сатирика», под которым он мог подразумевать писателя Петрония (I в.) или Ювенала (I—II вв.).

²³ *Вещал Декарт*. — Имеется в виду изречение Декарта из его «Метафизических размышлений» (1641).

²⁴ *Геллерт* — немецкий филолог XVIII в., профессор Лейпцигского университета.

²⁵ *Потерянием возлюбленной супруги*. — Имеется в виду кончина (в 1783 г.) первой жены Радищева — А. В. Рубановской.

²⁶ *Но не избавился вперед*. — Здесь содержится намек на грозные обстоятельства, которые, как понимал Радищев, возникнут в его жизни в связи с предстоящим вскоре выходом «Путешествий из Петербурга в Москву».

²⁷ *Люди зависят от обстоятельств*. — Ф. В. Ушаков, как и Радищев, придерживается этого взгляда в своих теоретических рассуждениях и противопоставляет его системе так называемой «беспристрастной свободы», то-есть свободы воли, делающей якобы человека независимым от каких бы то ни было обстоятельств.

²⁸ *По мнению г. Руссо*. — В своем «Общественном договоре» Руссо писал, что демократия осуществима только в небольших государствах, при имущественном равенстве и отсутствии роскоши.

²⁹ *Творца книги о преступлениях и наказаниях*. — Имеется в виду Беккариа, известный итальянский публицист и законовед XVIII в. Его трактат «О преступлениях и наказаниях» («Dei delitti e delle pene», 1764) был несколько раз переведен на русский язык.

⁸⁰ *Царствование... Елисаветы Петровны.* — Имеется в виду ее обещание при вступлении на престол отменить смертную казнь, которое, впрочем, не было выполнено.

³¹ *Сцевола Муций* — по древнеримскому преданию, юноша, мужественно и спокойно сжегший свою правую руку в знак презрения к пыткам, которыми угрожал ему этрусский король (за жизнь последнего Муций покусался, чтобы отомстить за осаду Рима).

³² *Регул* — древнеримский политический и военный деятель (III в. до н. э.). Имеется в виду предание о мученической смерти Регула, которой подвергли его карфагеняне за отказ способствовать заключению мира между Римом и Карфагеном.

³³ *Филот* — македонский военачальник (IV в. до н. э.); казнен по обвинению в заговоре против Александра Македонского.

³⁴ *Бирон* — французский военный и политический деятель XVI в.; казнен за участие в заговоре против короля Генриха IV.

³⁵ *Письма* о книге Гельвеция «Об уме» адресованы, вероятно, Ф. Г. Орлову, который, как предполагается, рекомендовал ее Ушакову и русским студентам в Лейпциге. В письмах Ушаков излагает свои замечания на первую главу первой части книги Гельвеция.

БЕСЕДА О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Статья напечатана впервые в журнале «Беседующий гражданин» в декабре 1789 г., откуда и воспроизводится в настоящем издании. Журнал этот издавался петербургским просветительским «Обществом друзей словесных наук», в деятельности которого принимал участие и Радищев. Принадлежность «Беседы» перу Радищева установлена на основании записок члена «Общества» С. А. Тучкова, опубликованных в прибавлениях к «Русскому вестнику» за 1906 г. Записки Тучкова были напечатаны также отдельным изданием (Спб. 1908).

«Некто г. *Радищев*, член общества нашего, — пишет С. А. Тучков, — написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества, или истинный патриот» и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием: «Езда из Петербурга в Москву», в которой с великою вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма».

«Беседа» является наиболее сильным литературно-политическим выступлением Радищева до издания его «Путешествия».

О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ

Рукопись трактата не сохранилась. Напечатан впервые в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. II и III, 1809, откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Трактат написан Радищевым в Сибири во время ссылки, о чем свидетельствует дата начала работы над ним, указанная самим автором: «Начато 1792 года генваря 15. Илимск».

Трактат написан в форме бесед автора с близкими ему людьми. Он посвящен друзьям и двум старшим сыновьям, разлученным с ним ссылкой.

* *
*

¹ Эпиграф «Настоящее чревато будущим» заимствован Радищевым из «Теодицеи», или «Монадологии», Лейбница. Цитата не совсем точна и приведена, видимо, по памяти.

² В России имеет прекрасное собрание растущих зародышей.— Радищев имеет, вероятно, в виду анатомические коллекции музея Академии наук—известной кунсткамеры.

³ Линней К. — шведский зоолог и ботаник XVIII в.; приобрел известность своими трудами в области систематики и классификации растений и животных.

⁴ Галлер А. — швейцарский ученый-преформист и поэт XVIII в. Радищев имеет в виду его исследование деятельности мышц и нервов. Галлер различал три свойства мышечных волокон: упругость, способность реагировать на раздражение нерва и способность самостоятельной реакции на механическое и химическое раздражения.

⁵ Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному.— Это представление Радищева, как и подобные ему представления о металлической жиле и металлических парах и о том, что «для образования чего-либо и в царстве ископаемом нужна матка», являются наивно механистическими.

⁶ Перевод цитаты, приведенной в подстрочном примечании: «Возможно, что стремление тел к соединению повинуетя законам магнетической или электрической силы, может быть допустимо предположить, что это стремление при помощи посредствующих звеньев является всеобщим. Если существуют двойные соединения, не могут ли существовать тройные и т. д.» Источник цитаты не установлен.

⁷ Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение — намек на работу Ламетри «Человек-растение» («L'homme-plante», 1748).

⁸ Известного писателя.— Радищев приводит здесь слова Гердера: «Растение, если можно так сказать, еще все — рот» («Идеи к философии истории человечества», кн. III, гл. I).

⁹ Пинеальная железа — шишковидная железа в головном мозге. Радищев провозгласил здесь над учением Декарта о том, что душа находится будто бы в пинеальной железе.

¹⁰ Лафатер — см. прим. 60 на стр. 625.

¹¹ Кампер — голландский анатом XVIII в.

¹² Радищев приводит здесь мнение Гердера, высказанное в его книге «Идеи к философии истории человечества».

¹³ Левенгук — голландский естествоиспытатель XVII—XVIII вв.; усовершенствовал и впервые применил микроскоп в физиологических исследованиях.

¹⁴ Гершель (Вильям) — английский астроном XVIII в.; разработал оптическую систему отражательного телескопа, впервые

примененного в 1789 г. Однако задолго до Гершеля система отражательного телескопа была разработана Ломоносовым (в 1762 г.).

¹⁵ *«Преображение»* — картина Рафаэля.

¹⁶ *Англинский писатель.* — Имеется в виду Монбоддо (Джемс Барнет) — шотландский лингвист и антрополог XVIII в., автор книги «Происхождение и развитие речи» («The origine and progress of Language», 1773).

¹⁷ *Аббе де Л'ене* (аббат Лене) — французский педагог XVIII в., основатель школы для обучения глухонемых при помощи жестов.

¹⁸ *Законодатель тигр.* — Радищев осуждает здесь жестокие законы самодержавного государства, по которым осужденные к наказанию уголовные преступники подвергались страшному увечью и обезображиванию — вырезанию поздравей, языка, клеймлению и т. д. Эти наказания применялись обычно к преступникам из простого народа.

¹⁹ *Альцест* — действующее лицо комедии Мольера «Мизантроп»
Тимон — действующее лицо трагедии Шекспира «Тимон Афинский».

²⁰ *Фирс* (Тирс) — в античной мифологии жезл бога вина и веселья Диониса-Вакха, увитый плющом и виноградными листьями; символ пьянства.

²¹ *Маврикий.* — Имеется в виду скульптура работы французского ваятеля XVIII в. Пигалля на гробнице маршала Морица Саксонского в Страсбурге.

²² *Мерона* — героиня одноименной трагедии Вольтера (1743); она хотела убить пришедшего к ней юношу, подозревая его в убийстве своего сына, но узнает, что он и есть ее сын Эгист.

²³ *Зопир и Сеид* — действующие лица трагедии Вольтера «Магомет» («Фанатизм, или Магомет Пророк», 1741). Сеид, фанатик-мусульманин, убивает по наущению Магомета своего отца Зомира.

²⁴ *Ричард* — действующее лицо трагедии Шекспира «Ричард Третий». Радищев имеет в виду сцену из V действия, когда король Ричард, проснувшись после страшного сновидения, требует, чтобы ему подали лошадь.

²⁵ *Макбет* — действующее лицо одноименной трагедии Шекспира. В тексте трактата здесь допущена (видимо, издателями первого собрания сочинений Радищева) опечатка. Слова «Нет у него детей» принадлежат другому действующему лицу трагедии — Макдуфу (действие IV, сцена 3). Узнав, что его жена и дети умерщвлены по повелению Макбета, Макдуф говорит сыну короля Малькольму о невозможности отомстить таким же образом Макбету, так как последний бездетен.

²⁶ *Увселение юных дней моих* — несомненно, автобиографическое указание на увлечение Радищева в молодости театральным искусством.

²⁷ *Сципион* Публий Корнелий Африканский (III—II вв. до н. э.) — знаменитый римский полководец.

²⁸ *Человек рожден для общезжития* — то-есть человек рожден для общественной жизни.

²⁹ Примечание: *В сем месте сочинитель начертал...* нужно полагать, сделано редакторами сочинений А. Н. Радищева — его сыновьями или А. Ф. Мерзляковым. Видимо, в рукописи трактата здесь

находился план или проспект изложения ряда вопросов, не осуществленный автором.

³⁰ *И сколь Гельвеций ни остроумен...* — Радищев отвергает мнение Гельвеция о равенстве умственных способностей людей. Вместе с тем Радищев высказывает глубоко правильную мысль о том, что все народы в равной степени могут совершенствовать свои умственные силы независимо от своих расовых или национальных особенностей.

³¹ *Монтестье*. — Имеется в виду его теория о влиянии климатических условий на личность и общество, изложенная в его труде «Дух законов».

³² *Действие климата...* — Радищев переоценивает влияние климата и географической среды на характер и общественную жизнь человека. Но, конечно, ироническим является его замечание о том, что колониальное варварство англичан в Индии обусловлено влиянием климата этой страны на организм и поведение колонизаторов. Климат якобы заставляет их забыть «великую хартию» и *habeas corpus* (то-есть английскую конституцию и так называемый закон о «личной неприкосновенности» граждан) и быть более жестоким, нежели сами индийские набобы (то-есть владетельные князьки). Радищев хорошо понимал, что жестокое поведение английских колонизаторов обусловлено их стремлением держать в страхе и повиновении порабощенный индийский народ и беспрепятственно наслаждаться за его счет.

³³ *Гюлистан* («Розовый сад») — поэтический трактат знаменитого персидского поэта XIII в. Саади.

³⁴ *Один* — верховное божество в скандинавской мифологии.

³⁵ *Церепа* — в римской мифологии — богиня земледелия; она обучила искусству земледелия *Триптолема*, сына элевзинского царя Келея.

³⁶ *Вот шествие разума человеческого*. — Говоря о свержении человеком им же самим воздвигнутых себе богов, Радищев иносказательно излагает здесь неоднократно высказанную им и ранее (например в «Путешествии из Петербурга в Москву», в оде «Большинство» и пр.) мысль о неизбежности революции, свергающей деспотическое самовластие.

³⁷ *Ж. Ж. Руссо*. — Цитата взята из его сочинения «Эмиль, или воспитание», кн. I, 1762.

³⁸ *Неволя, заточение, пытки...* — Здесь, очевидно, приводится автобиографический момент.

³⁹ *Тепло и стужу*. — В своих суждениях о сущности тепла и холода Радищев приближается к научным положениям Ломоносова, высказанным им в его диссертации «Размышления о причине теплоты и холода» (1747). Считая причиной тепла и холода движение частиц материи, Ломоносов категорически отрицал принятые в современной ему физике гипотезы о так называемом теплотворе: «В наше время, — пишет Ломоносов, — причина теплоты приписывается особой материи, называемой большинством теплотворной, ду или эфирной, а некоторыми — элементарным огнем... И хоршо, если бы еще учили, что теплота тела увеличивается с усилением движения этой материи, когда-то вошедшей в нее; но считают истинной причиной увеличения или уменьшения теплоты простой приход или уход разных количеств ее. Это мнение в умах многих пустило такие

могучие побег и настолько укоренилось, что можно прочитать в физических сочинениях о внедрении в поры тел названной выше теплотворной материи, как бы притягиваемой каким-то любовным напитком; и наоборот, — о бурном выходе ее из пор, как бы объятой ужасом» (*М. В. Ломоносов*, *Избранные философские сочинения*, Госполитиздат, 1950, стр. 149). Радищев дает обобщение этих положений Ломоносова.

⁴⁰ *Разделимость вещественности.* — В важнейшем вопросе о строении материи Радищев в известной мере использовал атомистическое учение Ломоносова, его предположения о делении материи на бесконечно малые частицы, изложенные, например, в «Слове о пользе химии» (1751). Ломоносов говорил в своем «Слове»: «Здесь, вижу я, скажете, что химия показывает только материи, из которых состоят смешенные тела, а не каждую их частицу особливо. На сие отвечаю, что подлинно по сие время острое исследователей око толь далече во внутренности тел не могло проникнуть. Но ежели когда-нибудь сие таинство откроется, то подлинно химия тому первая предводительница будет, первая откроет завесу внутреннейшего сего святыхища натуры... Рассуждая о бесчисленных и многообразных переменах, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешенные тела составляющих» (*М. В. Ломоносов*, *Избранные философские сочинения*, Госполитиздат, 1950, стр. 167—168).

⁴¹ *Над... остатками древнего учения.* — Радищев имеет здесь в виду, вероятно, учение Платона о сверхчувственном мире и об идеях как прообразах вещей, а также учение Аристотеля о материи и форме.

⁴² *Аристотелевы категории* — то-есть категории аристотелевой логики. *Сокровенные качества алхимистов* — таинственные качества тел, которые искали алхимики с целью превращения неблагородных металлов в золото, получения жизненного эликсира или универсального лекарства и т. п.

⁴³ *Флогистон.* — По мнению химиков XVII—XVIII вв., — особое вещество, наличие которого в физических телах поддерживает горение или способствует изменению их при помощи горения, а также обуславливает такие свойства тел, как теплота, цвет, запах, вкус и пр. Флогистонную теорию отвергал уже в свое время Ломоносов.

⁴⁴ *Пристлей* (Пристли) Джозеф — английский химик и философ XVIII в., сторонник флогистонной теории. Радищев имеет здесь в виду его опыты по изучению свойств углекислоты.

⁴⁵ *Опыты физические.* — Радищев, вероятно, имеет здесь в виду физические опыты Ломоносова, описанные и теоретически обобщенные в его «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760).

Характерно известное совпадение воззрений Ломоносова и Радищева по вопросу о возможности соприкасания между физическими телами. В заметке 238 по натуральной философии (1741—1743), не опубликованной в XVIII в. и неизвестной поэтому Радищеву, Ломоносов писал: «Что простых существей не может быть, усматривается из того, что если бы они были, то они при образовании тел либо касались бы друг друга, либо нет. Если бы касались, то все сбегались

бы в одну точку и не могли бы образовать протяженных тел. Если бы не соприкасались, то тела были бы непроницаемы. Мир в зародыше» (М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, стр. 96).

⁴⁶ *Локк, или его истолкователь*. — Имеются в виду примечания М. Коста к переведенной им на французский язык книге Локка «Опыт о человеческом разумении», изданной в 1758 г.

⁴⁷ *Отрешу мрак...* — слова Аякса в «Илиаде», умолявшего Зевса спасти данайцев, которым наступивший мрак мешал видеть одолевавших их троянцев:

Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака данаев!

Дню возврати его светлость, дай нам видеть очами!

⁴⁸ *Пристлей, путеводительствующий нам*. — Радищев цитирует здесь книгу Пристли «Исследования о материи и духе» («Disquisitions relating to Matter and Spirit, 1777»).

⁴⁹ *Эфир*. — Весьма примечательно, что Радищев, принимая так называемую теорию эфира, вместе с тем решительно не соглашается с мнением Ньютона, будто эфир, присутствуя во всех материальных телах, сам не является материей и не обладает свойствами материи. В этой сложной для его времени проблеме эфира Радищев стоял на позициях материализма, на позициях Ломоносова.

⁵⁰ *Чувственность неразлучна с жизнью*. — Радищев в отличие от французских материалистов (Гольбах, Ламетри и др.) считал, что «чувственность» (то-есть чувствительность) является не просто свойством материи, а функцией высокоорганизованной материи. Об этом Радищев не раз говорит в трактате.

⁵¹ *Бедствием гонимые*. — Автобиографический намек.

⁵² *Говорит Пристлей* — цитата из его «Исследований о материи и духе».

⁵³ *Эол* — в античной мифологии — повелитель ветров.

⁵⁴ *Армида* — действующее лицо поэмы итальянского поэта XVI в. Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», прекрасная чародейка, очаровавшая рыцаря-крестоносца Ринальдо и удерживавшая его в своих волшебных «Армидиных садах».

⁵⁵ *Троада* — приписываемая Сенеке трагедия «Троянки». Радищев приводит сокращенную цитату из хора троянок во II акте трагедии.

⁵⁶ *Монолог Гамлета* — известный монолог «Быть или не быть» из III действия трагедии Шекспира. *Единословие Катона Утицкого* — монолог из V действия трагедии Аддисона «Катон» (см. прим. 68 на стр. 625).

⁵⁷ *Какое право имею я говорить о смерти человека?* — Это право Радищев приобрел тем, что трижды был приговорен правительством к смертной казни, что здесь и подразумевается.

⁵⁸ *Ничто не происходит скачком*. — Радищев, однако, не отрицает скачков в развитии природы. Так, например, во второй книге трактата он говорит, что природа действует и развивается «всегда одновременно или вдруг» (см. настоящее издание, стр. 332).

⁵⁹ *Природа... ничего не уничтожает*. — Радищев имеет здесь в виду закон сохранения материи и движения, усвоенный им из трудов Ломоносова. В «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760) Ломоносов следующим образом сформулировал этот закон: «...все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что,

сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения, ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает» (*М. В. Ломоносов*, Избранные философские сочинения, Госполитиздат, 1950, стр. 341). Еще ранее этот закон был в основном впервые сформулирован им в письме к Эйлеру 5 июля 1748 г.

⁶⁰ *Кулибинский ревербер* — прожектор, сконструированный знаменитым русским механиком-изобретателем И. П. Кулибиным; стал применяться с 1780-х годов.

⁶¹ *Роговая егерская музыка* — оркестровая игра на особых однотонных металлических охотничьих рогах; применялась на придворных празднествах и в домах крупных вельмож-крепостников в России известна с середины XVIII в., где впервые введена богатым вельможей Нарышкиным.

⁶² *Пешеры* (пещеры) — так называли стоявших на низкой ступени культуры жителей Огненной Земли.

⁶³ *Никакая сила в природе не может пропасть*. — Это положение является дополнением ранее сформулированного закона сохранения материи и движения.

⁶⁴ *По изречению одного астора* — Гердера, в его книге «Идеи к философии истории человечества».

⁶⁵ *Доводы Гельвецевы*. — Имеются в виду положения Гельвеция, высказанные в его книге «Об уме» («De l'esprit»), где он отождествляет действия рассудка с чувственной способностью и ощущениями. Радищев отвергает подобное отождествление и устраняет в значительной мере механистичность процесса мышления, каким его понимали и изображали Гельвеций и его последователи.

⁶⁶ *Отроковицы, обретенной в лесах Шампани*. — Радищев имеет в виду, вероятно, легенду о Жанне д'Арк, которая будто бы во сне слышала голоса святых, призывавших ее совершить героические подвиги.

⁶⁷ *Ньютон*. — Радищев имеет в виду анекдот о том, каким образом Ньютон догадался о существовании в природе закона всеобщего тяготения.

⁶⁸ *Медя* — по древнегреческим преданиям, волшебница, творившая из кусков изрубленных тел новые тела и пр.

⁶⁹ *Законоположение Ликургово* — см. прим. 55 на стр. 624.

⁷⁰ *Картину лобзания... во Эдеме*. — Имеются в виду эпизоды из поэмы Мильтона «Потерянный рай».

⁷¹ *Последний суд* — фреска Микельанджело на стене Сикстинской капеллы в Ватикане.

⁷² *Кукла Вокансонова* — то-есть бездушный автомат. В XVIII в. французский механик Ж. Вокансон сконструировал образцы механических кукол.

⁷³ *Эйлер* Леонард (1707—1783) — математик, физик и астроном, был членом Петербургской Академии наук и принимал деятельное участие в ее жизни и трудах.

⁷⁴ *Баженев В. И.* (1737—1799) — знаменитый русский архитектор.

⁷⁵ *Брлмант* (Браманте) — итальянский архитектор XV в.

⁷⁶ *Долины при Молвице* — место успешного сражения прусских войск с австрийскими войсками в 1741 г.

⁷⁷ *О, вы,* — обращение Радищева к своим детям.

⁷⁸ *Манкательное древо* — ядовитое дерево, встречающееся в странах жаркого пояса (Южной Америки и др.); о нем сложилась легенда, что оно убивает будто бы даже тех, кто прячется под его тенью (ср. «Анчар» Пушкина).

⁷⁹ *Юноша...* — Радищев излагает здесь рассказ о любви в молодости сирийского царя Антиоха I (IV—III вв. до н. э.) к своей мачехе Стратонике. Сюжет этого рассказа положен в основу ряда художественных произведений.

⁸⁰ *Курций* — см. прим. 90 на стр. 627.

⁸¹ *Ондам* — датский адмирал, погибший в морском сражении с англичанами в 1665 г. *Сакен Х. И.* — капитан русского военного корабля; не желая сдаться в плен при морском сражении с турецким флотом в 1788 г., взорвал свой корабль и погиб сам.

⁸² *Амвросий Каменский* — московский архиепископ, убитый во время чумного бунта в Москве в 1771 г.

⁸³ *Корнелий де Вит* — нидерландский республиканец, убитый в 1672 г. сторонниками короля Вильгельма Оранского.

⁸⁴ *Мендельсон М.* — немецкий философ XVIII в., автор трактата «Федон, или о бессмертии души» (1785), переведенного в XVIII в. на русский язык.

⁸⁵ *Гарве Хр.* — профессор Лейпцигского университета, где Радищев слушал его лекции.

⁸⁶ *Гимнософисты* — «нагие философы»; так древние греки называли индийских философов, строгих аскетов, отвергавших даже одежду.

⁸⁷ *В Москве на Спасском мосту.* — В XVIII в. здесь торговали книгами и лубочными картинками.

⁸⁸ *Землетрясение есть нужное действие.* — Имется в виду мнение Ломоносова, высказанное им в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (1757). Ломоносов говорит здесь следующее: «Когда ужасные дела природы в мыслях ни обращаю, слушатели, думать всегда принужден бываю, что нет ни единого из них толь страшного, нет ни единого толь опасного и вредного, которое бы купно пользы и услаждения не приносило... не нахожу ничего пристойнее, как земли трясение, которое хотя сурово и плачевно... однако не токмо для нашей пользы, но и для избыточества служит, производя, кроме других многих угодий, преползные в многочисленных употреблении металлы...» (*М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения*, Госполитиздат, 1950, стр. 306—307).

⁸⁹ *Пифагор...* — Радищев излагает здесь анекдотическое уверение Пифагора, будто он помнит о прежних воплощениях своей души. Пифагор проповедовал метемпсихоз, то-есть возможность посмертного перехода души из одного организма в другой. *Архий* — видимо, Архит Тарентский, последователь Пифагора (V—IV вв. до н. э.).

Аполлоний Тианейский (Тианский) — римский философ (I в.), неопифагорец, противник христианства.

⁹⁰ *Шведенборг* — см. прим. 47 на стр. 624. *Сен-Жермен* — известный в XVIII в. авантюрист и алхимик.

⁹¹ *Картуи* — известный в XVIII в. парижский вор.

⁹² *Иоганн Гус* — вождь чешского национального движения XV в. За смелое обличение пороков церковной знати был сожжен как еретик в 1415 г.

⁹³ *Друг ваш в Илимск заточается* — то-есть сам автор.

⁹⁴ *Солнышкина рыцаря...* — Имеется в виду древнегреческий миф об Икаре, пытавшемся летать на крыльях из перьев, скрепленных воском, изготовленных его отцом Дедалом; солнце расплавил воск, крылья рассыпались, и Икар упал в море.

⁹⁵ *По изречению одного... сочинителя* — Гердера, в его книге «Идеи к философии истории человечества».

⁹⁶ *Предела и конца означить невозможно.* — Радищев стоял на той точке зрения, что человеческое познание безгранично.

⁹⁷ *Скалигер Жозеф-Жюст* — французский филолог XVI — XVII вв., обладавший феноменальной памятью. Следует думать, что именно его имеет в виду Радищев, а не его отца Жюля Сезара Скалигера, тоже филолога.

⁹⁸ *Валлис Дэйсон* — английский математик XVII в.

⁹⁹ *Лейбниц...* — уподобление трансформации гусеницы в бабочку переходу человека к бессмертию Лейбниц делает в «Монадологии» и трактате «Размышления относительно учения о едином всеобщем духе» (1702).

¹⁰⁰ *Боннет* (Боннэ Ш.) — швейцарский философ XVIII в., сторонник теории преформизма, то-есть разветвления органов, будто бы имевшихся уже в готовом виде в зародыше. Он высказал предположение, что зародыши существуют отдельно и независимо от организма животных и человека. Радищев отвергал учение Боннэ, являясь сторонником теории эпигенеза, то-есть развития органов из бесструктурной вначале массы зародыша, а не из готовых зачатков.

¹⁰¹ *Ты будущее свое определяешь настоящим.* — Радищев завершает трактат призывом к высокой гражданской добродетели, благодаря которой человек может добиться бессмертия в памяти человечества.

ОПИСАНИЕ МОЕГО ВЛАДЕНИЯ

Напечатано впервые в 1811 г., в IV ч. «Собрания оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», откуда и воспроизводится в настоящем издании. Работа начата была Радищевым по возвращении из ссылки, но не ранее середины 1797 г., что видно по целому ряду упоминаемых фактов, относящихся к этому периоду, например указ Павла I о трехдневной барщине, сообщение о хорошем урожае в 1797 г. и т. п.

«Описание», как и часть других произведений Радищева конца 1790-х годов, осталось незаконченным и недоработанным. Не получила разработки часть намеченных в статье вопросов, как, например, о доме и дворе самого помещика, хозяина «владения», об удобрении

лугов, «о способах к лучшему хозяйству» и пр. Наличие значительного числа ошибок в тексте статьи, напечатанной в этом первом издании собраний сочинений Радищева, заставляет думать, что в распоряжении издателей и редакторов этого издания была только писарская копия, не исправленная автором. Ни оригинала рукописи, ни копии не сохранилось.

В статье дано описание в основном хозяйства Радищева в Немпове (в тексте ошибочно — Земцово), неподалеку от Малоярославца. Вместе с тем Радищев использует многие сведения о сельскохозяйственных условиях на реке Тютнаре в селах Верхнее-Аблязово и Преображенское, принадлежавших Радищевым (ныне Кузнецкий район, Пензенской области). Он привлекает также многочисленные данные о сельском хозяйстве в России во второй половине XVIII в., пытаясь таким образом воссоздать типичную картину крепостнической деревни того времени.

Анализируя крестьянское хозяйство той эпохи, Радищев, как и ранее в своем «Путешествии из Петербурга в Москву», обосновывает необходимость уничтожения крепостного рабства. Не случайно уже во вступительных строках статьи «горестное напоминание» о том, что «ниву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увы!». Радищев не раз подробно перечисляет тягостные и изнурительные многочисленные обязанности крепостных по отношению к своему помещику.

«Описание» обнаруживает глубокое знание Радищевым сокровищ русского народного языка.

¹ *Наш бывший окружной городок* — имеется в виду город Малоярославец, который после административной реформы в царствование Павла I перестал быть уездным городом.

² *Чересполосное владение* — система владения земельными угодьями, расположенными вразброс, в разных местах, попеременно с чужими угодьями.

³ *На ревизскую душу* — то-есть на каждого человека, учтенного во время переписи (ревизии) крепостных крестьян.

⁴ *Участника нет* — то-есть нет совладельца.

⁵ *Не следовал* — не исследовал.

⁶ *Греческое исповедание* — православное вероисповедание.

⁷ *Седмиседмичным пощением* — то-есть семинедельным постом.

⁸ *Дятлсвина* — вид кормовой травы (клевера).

⁹ *Обращая* — то-есть переворачивая.

¹⁰ *Картофели, или яблоки земляные*. — Возделывание картофеля в то время было еще мало распространено в России, что отразилось даже в своеобразном употреблении Радищевым двойного названия этой культуры.

¹¹ *Полонье* — выдергивание сорных трав, прополка.

¹² *Подводы, казенные, общественные и господские*. — Имеется в виду гужевая повинность крестьян для государственных нужд, перевозки для мирских потреб и перевозки по требованию помещика.

¹³ *Держат не в приборе* — то-есть держат без нужного ухода.

¹⁴ *Издежки подушных* — расходы на уплату подушной подати, которой в царской России облагались только крестьяне.

¹⁵ *В клад* — в накопления, в сбережения.

¹⁶ *Канительщики* — рабочие, занятые изготовлением золотых или серебряных витых ниток (так называемой канители) для вышивания

¹⁷ *Расторгающе* — разрушительно.

¹⁸ *Покупает выжигу* — то-есть покупает золото или серебро, полученное от выжигания каких-либо поношенных предметов, например галунов и т. п.

¹⁹ *В казачихи* — в батрачки с условием годового найма.

²⁰ *Оному поборствующую* — тому содействующую.

²¹ *Против его господина* — то-есть к господину, помещику.

²² *Законоположение сие не великое будет иметь действие.* — Имеется в виду указ Павла I от 5 апреля 1797 г., так называемый «манифест о трехдневной барщине». Радищев совершенно справедливо отмечает неэффективность этого указа, так как ограничение работы крестьян на своих помещиков тремя днями выражено в нем только в виде ни к чему не обязывающего пожелания и никак не определены права крестьян, без чего, по его мнению, вообще совершенно невозможно добиться изменения к лучшему их положения.

²³ *Прозябательного слоя* — то-есть растительного, производительного слоя.

²⁴ *Паств* — пастбищ.

²⁵ *Кирвен Ричард* (1750—1812)—ирландский химик и минералог.

²⁶ *Один российско-английский писатель о земледелии.* — Имеется в виду книга А. А. Самборского «Описание практического английского земледелия, собранное из разных английских писателей». Книга эта «под наблюдением» профессора Московского университета С. Е. Десницкого была издана Н. И. Новиковым в Москве в 1781 г.

²⁷ *Буквица, ромен* — растения: полевой шалфей и ромашка.

²⁸ *Молодиль* — растение, так называемая заячья капуста.

²⁹ *Воды перегнатоы* — дистиллированной воды.

³⁰ *С кипелкою* — с негашеной известью.

³¹ *Alcali fixe vegetal* — устойчивая щелочная растительная кислота.

³² *В трудах экономического общества.* — В трудах Вольного экономического общества (СПб. 1774, ч. XXVII, стр. 18—54) был напечатан перевод работы Килбеля, написанной им на вопрос Академии наук в Бордо: «Какая бы была всероятнейшая причина к плодородию земному». Перевод сделан известным русским химиком и минералогом Александром Матвеевичем Карамышевым.

³³ *Caput mortuum* — «мертвая голова» — старинный химический термин, означающий размягченный осадок или остаток.

³⁴ *Духокружие* — газообмен.

³⁵ *Серная печенка* — сплав серы и поташа.

³⁶ *Крепкая водка* — селитряная, или азотная, кислота.

³⁷ *Триптолем или Церера* — см. прим. 35 на стр. 645.

³⁸ *Иракий* — Геракл, Геркулес — выдающийся герой в древней Греции.

³⁹ *Земцово* — описка. Надо — Немцово. Так называлась деревня Радищева в районе города Малоярославца.

⁴⁰ *Скарификор* — [азрыхлитель.

⁴¹ *Земледелец Толь*. — Имеется в виду английский фермер-агроном Туль Эзра (1674—1741), автор труда «Культурное сельское хозяйство, или очерк о способах обработки земли и ухода за растениями» (1731). Радищев читал этот труд на английском языке.

⁴² *Дегамель* — Дюгамель-дю-Монсо Генри Луи (1700—1782) — французский агроном и естествоиспытатель.

⁴³ *Камышилов* — уездный город в Пермской губернии, в котором Радищев был проездом при возвращении из ссылки, о чем сохранилась обстоятельная запись от 30 апреля 1797 г. в его дневнике.

О ЗАКОНОПОЛОЖЕНИИ

Напечатана впервые в 1916 г. в журнале «Голос минувшего» № 12. Намп перепечатывается с этого издания.

Записка составлена Радищевым в период его работы в Комиссии по составлению законов в 1801—1802 гг. В ней затронут широкий круг вопросов тогдашней русской действительности, которые трактуются автором в соответствии с его прогрессивными социально-политическими воззрениями. В этом официальном документе Радищев требует коренного обновления русского законодательства, его значительной демократизации, улучшения правового положения народных масс.

Удачно используя соответствующие статьи пресловутого «Наказа» Екатерины II Комиссии для составления проекта нового уложения 1767 г., Радищев убедительно вновь показал, что крепостничество является одним из самых воинующих социальных зол, разрушающим экономику страны и подрывающим силы народа.

¹ *Автору книги о разуме законов*. — Радищев имеет в виду Монтескье.

² Мазарини — французский политический деятель XVII в.

³ Суверенная Ментенова — Маркиза Ментенон — вторая жена Людовика XIV, ревностная католичка. Она была до некоторой степени вдохновительницей уничтожения в 1685 г. Нантского эдикта, предоставлявшего политические и религиозные права протестантам.

⁴ *Ангальт* (Дессауский) — сподвижник Фридриха II.

⁵ *Амалия* — веймарская герцогиня, приближенная короля.

⁶ *В деле мельника Арнольда*... — Фридрих II, провозгласив независимость суда, сам же нарушил ее, отменив неудобное ему решение верховного суда по делу мельника Арнольда и заключив судей в тюрьму.

⁷ *Кокцей, Кармер* — прусские законоведы XVIII в.

⁸ *Многие видели мы перемены*... — намек на восстание Пугачева, французскую революцию 1789 г. и пр.

⁹ *Генеральный регламент* — устав канцелярской службы, выработанный при Петре I в 1718 г.

¹⁰ *Палладион* (палладий) — охрана, защита.

¹¹ *Нажадного* — в смысле: всеобщего.

¹² *Домов... рядильных* — исправительных домов.

¹³ *Известие о образе наказания тюремного в Пенсильвании.*— Радищев имеет, вероятно, в виду книгу Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» (1777).

¹⁴ *Тосканское уложение Леопольда*— уложение об уголовных наказаниях, выработанное в середине XVIII в. при тосканском герцоге Леопольде.

¹⁵ *В пять лет пребывания моего в Саксонии...*— Радищев пробыл в Лейпциге с 1767 г. по осень 1771 г.

ОДА «ВОЛЬНОСТЬ»

Наиболее полный текст оды «Вольность» сохранился в списке «Путешествия из Петербурга в Москву», хранящемся в Институте русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде. В настоящем издании текст оды печатается по этому списку (с исправлением явных опечаток), за исключением той части оды, которая вошла в первое издание «Путешествия» (1790) и воспроизводится нами по этому изданию.

Полный текст оды не был напечатан при жизни Радищева. В течение XIX в. делались попытки ее издать, например, в 60-х годах сыном Радищева — П. А. Радищевым, в 1872 г.—П. А. Ефремовым в полном собрании сочинений Радищева, которое, однако, не увидело света. Ода была помещена в «Русской поэзии» Венгерова (т. I, 1895), но в сокращенном виде. Почти полностью ода была напечатана только после революции 1905 г. (издательством «Сириус» в 1906 г.). В 1922 г. В. П. Семенников издал полностью оду «Вольность», но и эта публикация содержит ряд текстуальных ошибок.

Ода «Вольность» писалась Радищевым, судя по всем данным, в 1780-х годах, т. е. одновременно с «Путешествием». Об этом свидетельствуют не только одинаковые социально-политические идеи этих произведений, но и включение Радищевым оды в сокращенном виде в окончательный печатный текст «Путешествия» и в полном виде — в раннюю рукописную его редакцию.

Ода «Вольность» является революционным, антимоноархическим произведением и первой попыткой философского и исторического обоснования неизбежности крушения феодально-крепостнического строя в России.

В рукописной редакции «Путешествия», в разговоре с якобы случайно встреченным на станции «Тверь» автором оды «Вольность» Радищев, стараясь подчеркнуть революционное значение оды, советует ему исправить ее от «нелепости выражений», то-есть от погрешностей литературного порядка, и от «нелепости мыслей», то-есть от запретных с точки зрения царской цензуры смелых свободолюбивых мыслей. «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав, я ему сказал: если вы, государь мой, не за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей. — Он, поглядев на меня с презрением: «прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее... Читайте: сие должно ствовать быть для великого поста, некоторым случаем не dokonчено.

Да будет оно пример, как можно писать не одними ямбами». И автор оды показывает при этом поэму (песнословие) «Творение мира», которая должна была тоже войти в «Путешествие».

¹ *Зерцало, меч, весы пред ним* — символы справедливости, силы, правосудия.

² *Гнушаясь жертвенных тли* — гнушаясь приношений, взяток.

³ *В отличность знак изобретенный* — знак награды.

⁴ *Господне стадо* — стадо своего господина.

⁵ *Господню волю* — волю господина.

⁶ *Не господя рукой надменна* — то-есть не рукою надменного господина.

⁷ *Десятина* — налог в пользу католической церкви. В данном случае — милостыня, подачка.

⁸ *Двулична бога храм закрылся* — то-есть наступил мир; храм римского двуликого божества Януса по установленному обычаю был закрыт в мирное время и открыт в военное.

⁹ *В степях препоны прескокия* — преодолел препятствия на своем пути.

¹⁰ *К тебе душа моя вспаленна...* — Радищев имеет здесь в виду американский народ, освободившийся после длительной борьбы с Англией от колониальной зависимости.

¹¹ *Но не приспе еще година* — не пришло еще время.

¹² *И стражу к словеси приставит* — стражу к слову, то-есть установит цензуру.

ПЕСНЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Напечатана впервые в 1807 г. в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. I, откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Эту поэму, написанную Радищевым в последние годы его жизни, он посвятил важнейшей идейно-политической задаче — разоблачению несостоятельности деспотического самодержавия.

В «Песне» затронут также острый вопрос классовой борьбы той эпохи — о знатном происхождении и личном достоинстве, то-есть вопрос о дворянских привилегиях и правах «простого человека». Радищев не раз указывает, что цениться должны только действительные заслуги личности, направленные на пользу общества. Он показывает, к каким бедствиям приводит «предрасудок порождения», в силу которого вершителями судеб народов часто были совершенно бездарные и развратные цари и правители.

В поэме Радищев уделяет значительное внимание патриотической теме. Он превозносит в ней любовь и преданность родине, доблесть самоотверженного служения отечеству.

¹ *Салем* — Иерусалим.

² *Персида* — Персия.

³ *Рамзей А. М.* — французский писатель, автор политико-нравочительного романа «Путешествия Кира» (1727), дважды переведенного на русский язык в XVIII в.

⁴ *Алкид* — Геркулес.

⁵ *Анфий* — Антей.

- ⁶ *Фисей* — Тезей.
⁷ *Промифей* — Прометей.
⁸ *Кервер* — Цербер.
⁹ *Грахи* — Гракхи.
¹⁰ *Прикрытое шорами* — покрытое красками.
¹¹ *Капрел* — остров Капри.
¹² *Гистрий* — актер, скоморох.

МЕЛКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ода к другу моему. — Напечатана впервые в 1807 г. в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. I, откуда и воспроизводится в настоящем издании. Судя по содержанию седьмой строфы, где Радищев говорит, что он «для пользы кратких, тихих дней» не собирает «златых бед», то-есть богатств, следует полагать, что ода написана до его ареста и ссылки, ибо, как известно, по возвращении из Сибири у Радищева сложились тяжелые материальные обстоятельства, и в это время он вряд ли мог говорить о каких-либо приобретениях или накоплениях.

В оде затронуты философские и этические вопросы, как, например, о бренности жизни, о изменности стяжательства и пр.

Ты хочешь знать... — стихотворение, найденное П. А. Ефремовым в рукописном сборнике конца XVIII в.; напечатано впервые в 1864 г. в примечаниях к сатирическому журналу Н. И. Новикова «Живописец», 7-е изд., с пропуском 6-й строки. Полностью стихотворение напечатано в собрании сочинений Радищева под редакцией П. А. Ефремова в 1872 г., откуда и воспроизводится нами. Это издание было уничтожено цензурой. В сборнике Ефремова стихотворение было озаглавлено так: «Ответ г-на Радищева во время просада его через Тобольск любопытствующему узнать о нем». В Тобольске, как известно, Радищев жил с января по июль 1791 г.

Почто, мой друг... — Напечатано впервые под заглавием «Послание» в 1807 г. в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. I, откуда и воспроизводится в настоящем издании. Однако заглавие «Послание» дано издателями сочинений Радищева произвольно, так как по содержанию стихотворение отнюдь не является посланием, а лирическим диалогом, в котором автор пытается осмыслить и обосновать свое положение ссыльного, преследуемого «претящей властью» самодержавия борца за народное благо. Стихотворение написано Радищевым, безусловно, в Сибири.

Журавли. — Напечатано впервые в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», 1807 г., ч. I, откуда и перепечатывается в настоящем издании. Басня по своему содержанию близко примыкает к предыдущему стихотворению и также написана, вероятнее всего, в Сибири. Главенствующим мотивом басни является изображение «путешественника»-одиночки, с небывалым упорством добивающегося намеченной цели путешествия. Басня переложена Радищевым с прозаического текста, напечатанного в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794).

Осмнадцатое столетие.— Напечатано впервые в 1807 г. в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», ч. I, откуда и воспроизводится в настоящем издании. Написано, по всем данным, в 1801 г. В стихотворении дан философский анализ важнейших исторических событий конца XVIII в. и в частности развития французской буржуазной революции 1789 г. Значительное внимание Радищев уделил научным открытиям в области естествознания, оказавшим влияние на ход общественного развития, например изобретению паровой машины, воздушного шара, географическим открытиям, изучению свойств электричества, света и т. д.

ОПЫТ О ЗАКОНОДАВСТВЕ

Напечатан впервые в одномомнике Избранных сочинений А. Н. Радищева (Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1949).

Рукопись «Опыта о законодательстве», как и связанные с ним материалы, находятся в архиве Воронцовых (т. № 398, лл 126—138), хранящемся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР. В настоящем издании текст «Опыта» воспроизводится по этой рукописи в сокращенном виде.

Водяные знаки 1782 г. на первых листах «Опыта» и водяной знак 1789 г. на одном из последних набросков рукописи, ссылка на «Жалованную грамоту дворянству» 1785 г. дают основание полагать, что Радищев работал над «Опытом» в продолжение 1782—1789 гг., вплоть до ареста, вследствие чего работа была прервана и труд остался незаконченным.

¹ *Стреши* — беречь, охранять.

² Так в оригинале.

³ *Миной* (Минос) — легендарный царь Крита, создатель так называемого древнекритского законодательства.

⁴ *Ликург* — см. прим. 55 на стр. 624

⁵ Подразумевается схоластический метод обучения и чрезмерное обременение учащихся зубрежкой слов и правил древних мертвых языков.

⁶ По повелению императора Юстиниана (ок. 483—565) были составлены так называемые «Пандекты», книги, содержавшие извлечения из римских законов и трудов римских законоведов.

⁷ *Судья Блэкстон* — английский законовед Блэкстон Вильям (1723—1780), автор многочисленных трудов по юриспруденции.

⁸ Имеется в виду «Уложение» царя Алексея Михайловича, изданное в 1649 г.

⁹ *И другие, в ведомстве экономии директора находящиеся.*— Имеются в виду бывшие монастырские крестьяне, с 1764 г. перешедшие в собственность государства и находившиеся в ведении специально учрежденной «Коллегии экономии духовных имений». Отсюда и название этих крестьян — экономические.

¹⁰ *Права единственного* — личного права.

¹¹ *Соборная народа власть* — общественная власть народа.

¹² В первопечатной публикации пункт 7-й отсутствует.

¹³ *Берется в совестном суде по требованию его* — то-есть содер-

жащийся под стражей по истечении трех дней имеет право быть судимым не в формальном порядке, а в совестном суде.

¹⁴ Цитата из «Наказа» Екатерины II депутатам Комиссии по составлению проекта нового уложения.

¹⁵ Цитата из «Наказа» Екатерины II.

¹⁶ *Новые правительства* — то-есть новые органы управления.

¹⁷ Цитата из «Наказа» Екатерины II.

О ДОБРОДЕТЕЛЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

Напечатано впервые в одномтомнике Избранных сочинений А. Н. Радищева (М.—Л. 1949).

Рукопись находится в архиве Воронцовых (т. № 398, лл. 95—106), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

В этой статье Радищев пытался обосновать связь общественной и личной морали с правом и принципами законодательства; близко примыкает к «Опыту о законодательстве».

Статья осталась недоработанной, не датирована, но, по видимому, тоже относится к 1780-м годам.

¹ *Сократительная сила* — укрошающая сила.

² *Союзного телеси* — то-есть общественного организма.

³ *Заслуга животом* — пожертвование жизнью.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

Напечатаны впервые в одномтомнике Избранных сочинений Радищева (М.—Л. 1949).

Все эти материалы находятся в архиве Воронцовых (т. № 398, лл. 83, 89—90, 75—76, 159—160, 85), откуда и воспроизводятся.

Заметки написаны Радищевым, вероятно, в разные годы, преимущественно в 1780-е годы, когда он работал над «Путешествием из Петербурга в Москву» и над «Опытом о законодательстве».

¹ *Расстригино воцарение* — воцарение самозванца, монаха-расстриги Григория Отрепьева.

² *Градодержатели* — градоначальники, управляющие городами.

³ *Констебль* — полицейский чин в Англии.

⁴ *До двенадцати первых судей* — до высшей судебной инстанции в Англии.

⁵ *Большой грамоты* — так называемой «Великой хартии прав».

⁶ *В царствование Анны* — в царствование английской королевы Анны в 1702—1714 гг.

⁷ Рассказы судьи Гольма.

⁸ *Государственным секретарем* — министром.

⁹ Судья Гольм о газете.

ПИСЬМА А. Н. РАДИЩЕВА К А. Р. ВОРОНЦОВУ ИЗ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ

Публикуемые избранные письма являются дополнением к произведениям Радищева периода сибирской ссылки и раскрывают перед читателем многогранный и замечательный образ великого русского революционера и мыслителя, глубоко страдавшего, от

унижений и преследований, каким подвергло его царское правительство за его мужественное выступление против самодержавно-крепостнического строя, но сумевшего вместе с тем остаться верным своим благородным революционным идеалам.

Радищев был вынужден сохранять в письмах сугубую осторожность в выражениях, так как, несмотря на то что письма пересылались с оказией, они могли попасть в руки правительства и причинить большие неприятности обоим корреспондентам. К тому же нельзя забывать, что, невзирая на покровительство, оказываемое Радищеву А. Р. Воронцовым, последний, конечно, вовсе не разделял его революционных воззрений, считал выступление Радищева тяжелой ошибкой и непростительным заблуждением и призывал его постоянно к смирению и раскаянию.

«Письма» рисуют быт и деятельность Радищева в годы ссылки. Радищев стремился использовать свое вынужденное странствование для обстоятельного изучения неведомого ему края. Он изучалего животный и растительный мир, разведывал его минеральные богатства, экономическое положение населения и в особенности крестьянства.

Широк и разнообразен круг чтения Радищева в Сибири. Он привез с собою часть своей собственной библиотеки. В пути он пользовался библиотеками сибирских старожилов. Благодаря заботам А. Р. Воронцова он получал большое число русских и иностранных книг, газет и журналов и был в курсе всех важнейших политических, научных и иных событий того времени. Его письма содержали отзывы на прочитанные им книги и статьи. Для Радищева чтение не было лишь пустым времяпрепровождением, а средством неустанного повышения своих знаний, исканием ответов на коренные вопросы времени. Его суждения и выводы, как обычно, отличались большой оригинальностью и самостоятельностью и часто находились в явном противоречии с официальной академической наукой и беспощадно отбрасывали устаревшие и отжившие традиции.

Радищев в Илимске с успехом занимался лечением больных, внедрял оспопрививание, бывшее тогда еще совершенным новшеством, изыскивал средства для лечения и предотвращения таких болезней, как корь, сибирская язва и пр. В своем доме в Илимске он оборудовал небольшую химическую лабораторию, где производил всевозможные опыты и пробы найденных сибирских руд и металлов.

Известно, что за время пребывания в Сибири Радищев написал ряд значительных произведений: философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», «Письмо о китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», «Описание Тобольского наместничества» и др. Письма показывают, в какой обстановке и при каких условиях создавались эти произведения.

Автографы писем Радищева находятся в архиве Воронцовых, хранящемся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР.

Приписки к письмам № 1 и № 6 и письма №№ 3, 5, 7—21 переведены с французского языка

Письма №№ 1, 3—12, 15, 17—21 впервые напечатаны в 1872 г. в 5-й книге «Архива князя Воронцова». Письма №№ 2, 13, 14 и не полностью 16 впервые напечатаны в 1877 г. в 12-й книге того же издания.

Датировка писем сохранена по старому стилю.

Письма №№ 1, 2, 4, 6 и приписка к письму № 9, написанные Радищевым на русском языке, воспроизведены по автографам.

Письма №№ 5, 8, 11, 13, 14 и приписки к письмам №№ 1 и 6 давы в русском переводе по «Избранным философским сочинениям» А. Н. Радищева, Госполитиздат, 1949. Остальные письма печатаются в русском переводе по «Избранным сочинениям» А. Н. Радищева, Гослитиздат, 1949.

Письмо № 1

¹ *В Новгороде указа.* — Имеется в виду указ, исходатайствованный А. Р. Воронцовым и доставленный в Новгород курьером, о снятии с Радищева кандалов.

² *Место матери.* — Речь идет о свояченице Радищева и будущей его жене, Елизавете Васильевне Рубановской.

Письмо № 2

¹ *Алексей Андреевич* — Волков, наместник Пермского края.

² *Иван Иванович Панев* (1753—1796) — писатель; служил в то время губернским прокурором в Перми (с 1785 г.).

Письмо № 3

¹ *Моя сестра* — Елизавета Васильевна Рубановская.

² *С двумя моими малолетними детьми* — дочерью Екатериной — 9 лет и сыном Павлом — 8 лет.

³ *Брат* — Петр Николаевич Радищев; служил в то время в петербургском гарнизоне обер-провиантмейстером.

⁴ *С оказией... столь же верною.* — Письма Радищева и Воронцова пересылались не через почтовое ведомство, которое бы их перлюстриovalo, а через специальных курьеров и разных лиц, ездивших по служебным делам в Сибирь.

⁵ *Путешествие Лессенса* — книга французского государственного деятеля и путешественника Лессенса Жана Батиста Бартеlemi (1766—1834) «Путешествие Лессенсова по Камчатке и по южной стороне Сибири...» (М. В губернской типографии у А. Решетникова, 1801—1802). Имеется предположение, что перевод ее сделан Радищевым (см. В. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. IV, стр. 161, № 9209), однако это следует признать маловероятным.

⁶ *Физико-экономическая библиотека, поучительная и занимательная* — периодическое издание, выходившее в Париже. Редактировалось А. Парментье и И. Дейсом. Это был своеобразный настольный справочник по вопросам сельского хозяйства, ремесел, домашней медицины и пр.

⁷ *Готский альманах* — иллюстрированный календарь-ежегодник, издававшийся одновременно на немецком и французском языках в Готе с 1763 г. Содержал многочисленные материалы справочного характера о политических событиях, торговле, промышленности, сельском хозяйстве, астрономии, метеорологии и пр. В нем помещались также рассказы и анекдоты об исторических деятелях и описания различных приключений, феноменов и т. д.

⁸ *За двух моих старших* — за двух старших сыновей Василия (15 лет) и Николая (13 лет), которые после ссылки Радищева воспитывались его братом Моисеем Николаевичем в Архангельске, под наблюдением А. Р. Воронцова.

⁹ *Панглосс* — герой повести Вольтера «Кандид, или оптимизм» (1759). Несмотря на все неимоверные злоключения Панглосса, он никогда не терял оптимистической надежды на то, что «все идет к лучшему в наилучшем из этих миров».

¹⁰ *Для образования моих старших*. — Надо думать, что здесь имеется в виду философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», который Радищев начал писать тотчас же по прибытии в Илимск и который он предназначал для наставления своим старшим сыновьям.

Письмо № 4

¹ *Proportion gardée* — принимая во внимание.

² *Учебнее* — то-есть поучительнее.

³ *Паллас* Петр Симон (1741—1811) — выдающийся естествоиспытатель и путешественник. Описание его путешествий по Сибири изложено в книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (Спб. 1773—1788).

⁴ *Георги* Иоганн Готлиб (1729—1802) — химик и естествоиспытатель, участник многочисленных научных экспедиций по России и в частности по Сибири. Автор книг: «Путешествие по различным провинциям Российского государства» (Спб. 1771—1777, на немецком языке), «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (Спб. 1776—1777), «Физико-географическое и натурально-историческое описание Российского государства» (Кенигсберг 1797—1802, на немецком языке) и др.

⁵ *Лепехин* Иван Иванович (1740—1802) — выдающийся русский ученый, руководитель научных экспедиций для исследования климата, животного и растительного мира страны. Автор книги «Дневные записки путешествия» в 4 частях (Спб. 1771—1805). Ему же принадлежит большое количество статей по ботанике, зоологии и пр.

⁶ *Цветки и травы* — намек на чрезмерное увлечение некоторых ученых того времени ботаническими и прочими наблюдениями в ущерб изучению социального и экономического быта народов.

⁷ *Здесьний губернатор*. — Тобольским губернатором был в то время (1783—1796) Александр Васильевич Алябьев (1746—1822).

⁸ *Китайский торг*. — Этому вопросу Радищев посвятил специальный трактат «Письмо о китайском торге».

⁹ *Ирбитская ярманка* — возникла в XVII в., происходила в феврале и марте в городе Ирбите; привлекала большое количество русских и зарубежных купцов и огромные массы товаров и сырья.

¹⁰ *Анкерок* — сплюснутый боченок.

Письмо № 5

¹ *Мемуары Вагнера*. — Вагнер Иоганн Людвиг — прусский чиновник и авантюрист. За шпионаж был приговорен русскими властями в 1759 г. к смертной казни, которая была заменена ссылкой

в Сибирь, в Туруханск, где он пробыл до 1763 г. Его клеветнические и тенденциозные мемуары были изданы на немецком языке в 1789 г. в Берлине.

² *Де Верженн Шарль Гравье* (1717—1787) — французский дипломат предреволюционной эпохи, приближенный Людовика XVI.

³ *Номера энциклопедического журнала*. — «Энциклопедический, или всеобщий, журнал» (*Journal Encyclopédique, ou universel*) — один из самых распространенных французских общественно-политических и литературно-библиографических журналов XVIII в. Издавался под редакцией Пьера Руссо. По своему направлению журнал был близок к французским энциклопедистам, многие из которых сотрудничали в нем.

⁴ *«Задиг, или судьба»* — повесть Вольтера.

Письмо № 6

¹ *Иван Осипович Селифонтов* (1744—1822) — тобольский вице-губернатор с 1787 г.

² *Ажисо* — доплата при размене или обмене одного рода денег на другой.

³ *Особая монета*. — Выпуск особой сибирской медной монеты начался с 1766 г. на Колыванском монетном дворе из меди Колыванских заводов. На ней чеканились свой особый сибирский герб и буквы «км» (то-есть колыванская медь). Чеканка сибирской монеты была прекращена в 1781 г.

⁴ *Меркурий* («*Mercur de France*») — еженедельный французский литературно-политический журнал, издавался в 1672—1820 гг.

⁵ *Отец Дюшен отчаянный патриот*. — Радищев имеет в виду популярный во время буржуазной французской революции листок под названием: «Чертовские патриотические письма подлинного отца Дюшена». Издавался революционным публицистом Эбером в Париже в 1790—1792 гг. Отец Дюшен — вымышленный, но очень популярный герой французского лубочного фольклора.

⁶ *Courrier de Londres* — газета, издававшаяся в Лондоне на французском языке в 1790-х годах. Радищев, очевидно, имеет в виду статью из нее под названием «Время».

⁷ Имется в виду периодическое издание «Библиотека общественного человека, или систематический анализ важнейших сочинений французских и иностранных о политике вообще; законодательстве, финансах, полиции, сельском хозяйстве, и торговле в частности, а также о естественном и публичном праве». Издавалась в Париже в 1790—1792 гг. при активном сотрудничестве политического деятеля и философа Жана Кондорсе (1743—1794) и др.

⁸ *Англичанин Смита*. — Радищев имеет в виду книгу английского экономиста и философа Адама Смита (1723—1790) «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Комментарии Кондорсе к этому труду были помещены в 5-м томе французского перевода, вышедшего в Париже в 1791 г.

⁹ Книга французского политического авантюриста графа Ферьера де Совбеф (1750—1814).

¹⁰ Книга «Всемирная галерея знаменитых мужчин, женщин и детей, украшенная их портретами» издавалась в Париже в 1789—1790 гг.

¹¹ *Мурино* — деревня А. Р. Воронцова возле Петербурга.

¹² Сын Радищева, Павел Александрович, сообщает в своих записках, что А. Н. Радищев получал в Сибири газету «Московские ведомости», «Политический журнал», издававшийся П. А. Сохацким (1765—1809) и М. Г. Гавриловым (1759—1829), и журнал «Приятное и полезное препровождение времени», издававшийся П. А. Сохацким и В. С. Подшиваловым (1765—1813).

Письмо № 7

¹ *Пристли* — английский химик Джозеф Пристли (1733—1801).

² *Шелехов* Григорий Иванович (1747—1795) — русский купец, инициатор ряда важных географических экспедиций. Содействовал своей деятельностью освоению открытых русскими землепроходцами новых земель и островов на Тихом океане. Был основателем Российско-американской компании.

³ *Полковник Бентам* — Самуил Бентам (брат известного английского философа и экономиста Иеремии Бентама) был приглашен на русскую службу.

⁴ *Ускорение моего отъезда*. — Радищев пробыл в Тобольске более 7 месяцев, с 20 декабря 1791 г. по 30 июля 1792 г. Это стало, вероятно по доносу, известно в Петербурге, в результате чего тобольский губернатор А. В. Алябьев получил оттуда выговор за столь длительную задержку Радищева в пути. Озабоченный этими обстоятельствами, А. Р. Воронцов настойчиво советовал Радищеву немедленно покинуть Тобольск, дабы не навлечь на себя и местные власти каких-либо неприятностей.

⁵ *Lasciate ogni speranza voi ch' intrate* — «Оставь надежду всякий, сюда входящий» — в поэме средневекового итальянского поэта Данте — надпись на дверях ада (*Данте*, Ад, кн. III, стр. 9).

Письмо № 8

¹ *Путешественниками поневоле*. — В книге английского писателя-сентименталиста Лоуренса Стерна (1713—1768) «Сентиментальное путешествие» классифицируются различные группы путешественников, среди которых есть путешествующие по «непреложной необходимости», т. е. преступники, сопровождаемые административными властями.

Письмо № 9

¹ *На несколько дней*. — П. А. Радищев сообщает, что в Томске А. Н. Радищев со своей семьей пробыл более двух недель из-за болезни Е. В. Рубановской.

² Приписка к письму сделана по-русски.

Письмо № 10

¹ *Постоянные иллюзии*. — Это письмо ярко отражает переживания Радищева, рассчитывавшего, повидимому, добиться задержки в каком-либо из крупных сибирских городов вместо поселения в глухом и заброшенном Илимском остроге.

² *Книга Шелехова*: «Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год, из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака... с географическим чертежом, со изображением самого мореходца и найденных им диких людей» (Спб., ч. I—1791, ч. II—1792). Во II части описывались путешествия Шелехова последующих лет. Радищев ошибочно указывает, что книга Шелехова была издана в Москве.

³ *Корабль недавно потерпел крушение*. — Судно «Иоанн Предтеча». Разбилось осенью 1791 г. у острова св. Павла.

Письмо № 11

¹ *Цыфиркин и Кутейкин* — действующие лица знаменитой комедии Фонвизина «Недоросль».

² *Подобный Александру* — то-есть Александру Македонскому.

³ *Nec plus ultra* — до самых крайних пределов.

⁴ *Гельвеций*. — Радищев неточно цитирует слова Гельвеция из его книги «Об уме». Гельвеций писал: «Люди становятся тупыми, когда они перестают быть охваченными страстью» (*Гельвеций*, Об уме, М., Соцэкгиз, 1938, стр. 179).

⁵ *Жизнь Базедова* — имеется в виду, вероятно, книга Майера «Характер и произведения Базедова» (Гамбург 1791). *Базедов* Иоганн Бернгард (1723—1790) — прогрессивный немецкий педагог и реформатор системы школьного обучения.

Письмо № 12

¹ *Лаксман Эрик* (1737—1796) — естествоиспытатель, академик, участник экспедиций по изучению минеральных богатств страны. С 1780 г. Лаксман проживал недалеко от Иркутска и делал там наблюдения и исследования по минералогии и ботанике, составлял коллекции.

² *Генерал-губернатор* — И. А. Пиль.

³ *Открытие художеств* — книга «Открытие сокровенных художеств, служащих для фабрикантов, художников, мастеровых людей и для экономии». Перевод с немецкого Михайла Агентова и Ивана Гаврилова (в трех частях, М. 1768—1771). Книга эта была переиздана также в 1778 и 1786 гг.

⁴ *Природная магия* — труд древнегреческого врача и химика Галена Клавдия (131—ок. 200 гг.).

⁵ *Словарь химический Маккера* — труд французского химика Пьера Жозефа Маккера (1718—1784). Словарь Маккера был переведен на русский язык, но не издан.

⁶ *Смягчению моего нынешнего положения*. — Речь идет, повидному, о каком-то предложении А. Р. Воронцова о подаче Радищевым письменной покаянной об отречении от своих свободолюбивых, революционных воззрений. Однако Радищев вежливо, но недвусмысленно отклонил это предложение.

⁷ *Ржевская Глафира Ивановна* — жена сенатора М. П. Ржевского, подруга Е. В. Рубановской по Смольному институту. Перепи-

сывалась с Е. В. Рубановской и очень заботилась о детях Радищева, как старших, так и младших.

⁸ *Мои племянники* — сыновья сестры Радищева — Марии Николаевны Облязовой.

Письмо № 13

¹ *Путешествия Штеллера* — книга «Описание земли Камчатки», Франкфурт и Лейпциг (1774). На немецком языке. Штеллер Георг Вильгельм (1709—1746) — немецкий естествоиспытатель и путешественник, принимал участие в экспедиции Беринга.

² *Гмелин Иоганн Георг* (1709—1749) — немецкий ученый, участник первой экспедиции Беринга, описанной им в книге «Путешествие по Сибири в 1733—1743 годах» (Геттинген 1751—1752). На немецком языке.

³ *Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae* — «Сибирская флора, или история растительности Сибири» в 4 томах (1747—1769). На латинском языке.

Письмо № 15

¹ Радищев имеет в виду римского поэта Квинта Горация Флакка (I в. до н. э.). Он писал:

... Страх же, призраки грозные
За ним несутся. Дума гнетущая
Триремы медной не оставит,
Всадник ли он — за спиною сядет.
(Ода 1, кн. 3).

(См. *Квинт Гораций Флакк*, Оды, М., Гихл, 1935, стр. 89. Перевод Н. Шатерникова).

² *Газета здешняя* — то-есть здешняя хроника, местные события и происшествия.

³ *Аргонавтов* — то-есть путешественников-первооткрывателей.

⁴ *Сына боярского* — то-есть помещика. Эти слова в письме написаны по-русски.

⁵ *Боскеты* — скверы.

Письмо № 16

¹ *Повышение по службе моего брата.* — Моисей Николаевич Радищев — таможенный советник в Архангельске. После ссылки Радищева занимался воспитанием его старших сыновей. В сентябре 1793 г. получил чин коллежского советника, вероятно, по ходатайству А. Р. Воронцова.

² *Благодаря моему горну.* — Радищев много занимался в Илимске химическими опытами в заведенной им химической лаборатории, в которой имелся горн для плавки руд.

³ *При виде зобов на шейках моих детей.* — Дети Радищева болели вследствие употребления недоброкачественной воды.

Письмо № 17

¹ *Дети в Петербурге одни.* — Старшие сыновья Радищева Василий и Николай, воспитывавшиеся в Архангельске у дяди своего, Моисея Николаевича Радищева, в феврале 1794 г. приехали в Петербург для поступления на военную службу.

² *Латинского поэта* — то-есть Горация Флакка.

³ *О бедствиях в Калабрии* — то-есть о землетрясениях в Калабрии и Сицилии, описанных рядом путешественников XVIII в.

⁴ *Действо, шаманством называемое*, — это исполненное в Илимске тунгусами по просьбе Радищева религиозное действо обстоятельно описано в воспоминаниях Павла Александровича Радищева («Русский вестник», декабрь 1858).

Письмо № 18

¹ *Спросят совета у вас.* — Как известно, А. Р. Воронцов не советовал сыновьям Радищева навестить своего ссыльного отца, опасаясь отрицательных последствий от этого для их служебной деятельности. Со своими сыновьями Радищев встретился уже по возвращении из Сибири в ноябре 1797 г.

Письмо № 19

¹ *Письма, в него вложенные* — то-есть письма родных и знакомых.

² *Перед глазами нашими.* — В связи с отъездом из Сибири вышедшего в отставку генерал-губернатора И. А. Пиля положение Радищева в Илимске ухудшилось. Местные чиновники стали придираться к нему, вымогать взятки, затруднилась его переписка (отсюда жалобы на неполучение писем почти в течение полугода) и т. п. Однако энергичное вмешательство А. Р. Воронцова вновь вскоре устранило эти неблагоприятно сложившиеся обстоятельства.

³ *Прусский король* — Фридрих II (умер в 1786 г.).

⁴ *Не назначил никакого капитала для покрытия оного.* — Отец писателя, Николай Афанасьевич Радищев, недовольный вторым браком своего сына со свояченицей Е. В. Рубановской, не выделил средств на покрытие значительных затрат, сделанных Е. В. Рубановской в связи с арестом и ссылкой Радищева.

Письмо № 20

¹ Император Павел I воцарился 7 ноября 1796 г., на второй день после смерти Екатерины II.

² *Если бы дань, кормящая меня.* — Просьба о возобновлении А. Р. Воронцовым ходатайства перед Павлом I о помиловании.

Письмо № 21

¹ *Я возвращаюсь в Россию.* — Повелением Павла I от 23 ноября 1796 г. Радищеву было разрешено вернуться из ссылки и жить без-

выездно в своей деревне. Известие об этом дошло до Радищева только 16 января 1797 г. Отправившись несмеленно в Иркутск, Радищев 25 января получил прогонные деньги на оплату дорожных расходов для проезда к новому месту своего жительства.

² *Видеть ваше сиятельство.*— По дороге из Нижнего-Новгорода в Москву Радищев навестил А. Р. Воронцова в его селе Андреевском 9 июля 1797 г.

³ Радищев по возвращении из ссылки поселился в принадлежавшей ему деревне Немцово, около города Малоярославца, Московской области.

◆

**СЛОВАРЬ
СЛАВЯНСКИХ И ТРУДНОПОНИМАЕМЫХ СЛОВ
И ВЫРАЖЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. Н. РАДИЩЕВА**

Адамант — алмаз, бриллиант.
Адонья — скирда.
Аки — как.
Алкалический — щелочной.
Алкать — чувствовать голод,
сильно желать есть.
Алою — дерево алоэ.
Алхимист — алхимик.
Алчба — сильное стремление,
желание.
Амбицио — домогательство,
тщеславие.
Амо — куда, где.
Ассия — Азия.
Афеист — атеист.

Багряница — облачение из
порфиры.
Баталия — сражение, битва.
Батозье — батоги, палки.
Бездействие — инерция.
Бесстопная речь — прозанче-
ская речь.

Благогласие — благозвучие,
гармоническое сочетание
звуков.
Блуждение — заблуждение.
Бо — ибо.
Богородная трава — чебрец,
сероцвет.
Болван — истукан, статуя.
Брашно — еда, пища.
Буде — если.
Былие — растение, злак.
Быстротечно — мгновенно,
молниеносно.

Ванты — пеньковые тросы
для подъема и опускания
парусов.
Василиск — дракон, змей.
Ведомый — известный.
Велеречие — красноречие.
Вервь — веревка.

Вертеп — пещера.
Верящее письмо — доверенность.
Веси — знай, ведай.
Весь — селение, деревня.
Ветрила — паруса.
Вещественность — вещество, материя.
Взалкавый — взалкавший, сильно пожелавший.
Вина — причина.
Витийство — красноречие.
Вития — оратор.
В лицах — налицо.
Внезапу — внезапно.
Водовод — водопровод.
Воздавать — руководить.
Возглавие — изголовье, возглавствие.
Возниченный — вертикальный.
Возовик — ломовая лошадь, тяжелоковз.
Вои — воины.
Волчец — сорная трава.
Воньмут им — будут им вни-мать.
Воскрайе — на краю.
Воспящать — возбранять, препятствовать.
Во сретение — навстречу.
Восхищать — похищать, увидить.
Восшествие казистое — стройная фигура.
Времяточие — эпоха.
Всток — восток.
Вземлище — вместилище.
Вья — шея.

Глагол — слово.
Глаголати — говорить.
Горё — вверху, кверху.
Горничный — комнатный.
Горячность — любовь, страсть.
Градодержатель — городничий, глава городской администрации.
Гремление — грохот, шум, суета.
Гряди — види, шествуй.

Гудок — народный трехструнный музыкальный инструмент.

Даба — вид бумажной ткани.
Дамьдъ — дай.
Дееписатель — историк.
Десная — правая рука.
Диспейстория — описание лекарств.
Днесъ — сегодня.
Довлеет — является достаточным.
Долбня — обух.
Долу — вниз.
Домовище — жилище.
Дондеже — до тех пор, пока.
Досязать — достигать.
Дохновение — дуновение.
Дска — доска (обложка книги).

Егда — когда.
Единожитие — личная жизнь.
Единственник — личность, индивидуум.
Еже — которое.
Елень — олень.
Елико — сколько.
Естество — природа.
Естествослов — естествовед.

Жадать — жаждать, сильно желать.
Жалобница — жалоба, прошение.
Железы — оковы, цепи.
Живот — жизнь.
Жилье — этаж.

Завертуться — попасть, очутиться.
Займище — полоса земли у реки.
Заклепанный — закованный.
Заклепы — оковы.
Зане — ибо; потому что; несмотря на то, что.
Запутнение — запутанность, путаница.

Заступ — лопата.
Затмение — смущение.
Зеленость — велья.
Зиждитель — основатель.
Зрак — взор, глаз.
Зыбление — волнение, колебание.

Избыточество — избыток, изобилие, избыток чувств.
Извест — извещение, донос, клевета.
Из горних чертогов — из небесных чертогов.
Изленение — лень, привычка к лени.
Изражение — выражение, изображение.
Ирой — герой.
Иступающий — выступающий, проступающий.
Исторгутся — выйти.
Источиться — вытечь.
Исходящий из правила — отступающий от правила, нарушающий его.
Ифика — этика.

Калыка — калекка.
Камергер — высшее почетное придворное звание.
Камер-лакей — старший лакей при дворе.
Капище — языческий храм.
Китайка — вид бумажной ткани.
Клас — колос.
Ключимый — заключенный.
Книгопечатница — типография.
Колико — сколько, как.
Коликократно — сколько раз.
Колоний — одеколон.
Колообразно — кругообразно.
Конфирмация — утверждение.
Кольми паче — тем более.
Копоткий — медлительный, нерасторопный.

Косвенное хождение — порочное поведение.
Кочки — плети с несколькими хвостами.
Крайчий — кравчий, прислужник за обеденным столом.
Красловие — рифма.
Крин — лилия.
Круиц — металл.
Куколь — сорняк, сорная трава.
Куца — шалаш, сень.

Ладыя — лодка, челн.
Ланита — щетка.
Ласкательство — лесть.
Ласкать — льстить.
Ласкаться — льстить себя надеждой.
Ластовки — разноцветные вставки в мужских рубашках.
Лепота — красота.
Лествица — лестница.
Лик — хор.
Линек — плетель с узлами.
Личина — маска.
Ловитва — охота.
Любление — привязанность, любовь.
Любомудрие — философия.
Любощение — мстительность.
Любострастие — сладострастие, чувственность.
Любостяжельные — стремление к богатству, паживе.
Любощестие — честолюбие.
Льзя — можно.

Мах — удар, взмах, толчок.
Мергель — осадочная горная порода, состоящая из известняка.
Мерзительный — внушающий отвращение.
Мерзеть — питать отвращение.
Меркурий — ртуть.
Мета — цель.
Мздоимный — корыстолюбивый, жадный.

Мрежи — сети.
Мунгалы — монголы.
Музыкальный — музыкальный.
Муза — муза.
Мышца — могущество, сила, рука.

Наглый — внезапный, неожиданный.

Наикраснейший — прекраснейший.

Наследят — получают наследство, унаследуют.

Начниесея — начавшееся.

Небрегу — пренебрегаю, не забочусь.

Ненасытец кровей — кровопийца, вампир.

Несть — нет.

Неуповательно — сомнительно, едва ли.

Неуподобительные — неподражаемые, невиданные.

Ниже — ни даже, и не, несколько.

Низ изображения — под изображением.

Николи — никогда.

Новина — целина, непаханная земля.

Нудить — принуждать.

Оберегательность — защита, сохранность.

Оберегатель — защитник, охранитель.

Обер-егермейстер — придворный, ведавший царской охотой.

Обестудел — потерял стыд, стал бесстыдным.

Обрящет — найдет.

Обещиваться — обязываться, обещать.

Облый — круглый, толстый.

Обыдут — обманут, обойдут, обольстят.

Овны — овцы.

Огневица — лихорадка.

Одесную — справа.

Окружие — колесо.

Окрест — вокруг.

Оплече — вставка на плече мужских рубах.

Опока — меловой известняк, известковый суглинок.

Опричь — кроме.

Орание — пахота.

Оратай — пахарь.

Особенник — деятель, избранник.

Отжесну — отгону.

Отишие — тихое убежище, затишье.

Отмлены — различия, изменения.

Отриновен — отстранен, отвергнут.

Оттоманы — турки.

Отчинник — владелец вотчины, помещик.

Ошую — слева.

Шаки — онять.

Палица — жезл, палка.

Палладиум — щит, защита.

Паства — пастбище.

Паче — более.

Перси — грудь.

Перст — палец.

Песнословие — духовная песнь.

Плена — пелена.

Плещут — аплодируют, рукоплещут.

Плододелие — оплодотворение.

Поборник — защитник, помощник.

Подвизать — побуждать.

Поиснет — уничтожит.

Подножность — основание.

Позорище — зрелище, театральное здание.

Позорищное стихотворение — драматическая поэзия.

Позыбнуться — поколебаться.

Позыв — призыв.

Полдень — юг.

Полуденный — южный.

Полакий — низкопоклонный, угодливый.
Ползущество — низкопоклонство, пресмыкание, угодливость.
Полукружие — полушарие.
Поносный — постыдный, позорный.
Поноровка — поблажка, поущение, потачка.
Понт — море.
Последственный — последующий.
Право мщенное — право мщения.
Праг — порог.
Предрассуждение — предрассудок.
Препинать — препятствовать.
Преследовать — следовать.
Претить — запрещать, угрожать.
Прещение — запрещение, угроза, ненависть.
Приаариться — позариться.
Приаарать — призреть, приютить.
Приличать — уличать.
Прилучиться — случиться.
Присно — всегда.
Присносущный — свойственный.
Пристанце — пристань.
Причастовать — приобщаться, участвовать.
Приять — принять, взять.
Прозаять — произрастать.
Произволение — произвол.
Проаносить — приносить.
Произрастение — растение.
Произречение — речь.
Пролубь — прорубь.
Противный случай — несчастный случай.

Разве — если, если не.
Рамена — плечи.
Распростертие — распространение, осуществление.
Рачение — усердие, забота, старание.

Рачитель — радетель, воспитатель.
Рдеть — краснеть, пылать.
Реци — говорить, сказывать.
Риза — одежда.
Ристалище — место состязания, арена.
Рогатка — железный ошейник.
Родшая — родившая, мать.
Родшие — родители.
Родший — отец.
Розыск — судебное следствие, пытка.
Розыскатель — исследователь.

Селитьба — населенное место.
Сиделец — торгующий в лавке по доверенности хозяина, купца.
Сице — так.
Сладкопение — льстивая песня, благозвучие.
Скардный — жадный.
Склепанный — закованный, скованный.
Скосырь — щеголь, наглец.
Словеса — слова.
Слово — речь, язык.
Словутый — знаменитый.
Слюз — плюз.
Соборный — соединенный, общий.
Соглядать — высматривать, подглядывать.
Согнительное воскиление — гнойное воспаление.
Согруждение — плотность.
Соитие — стечение, совпадение.
Соплощать — соединять, сплотивать.
Состав — сустав.
Сочетование — сочетание.
Спекулятор — спекулянт.
Средодаляющаяся сила — центробежная сила.
Стезя — тропа, путь.
Степень — градус.
Стогны — площади.
Стрекальный — подстрекательный, вызывающий.

Сретати — встречать.
Стереть — стереть, уничтожить.
Стончевает — стачивает, делает тонким.
Строгий — острый.
Струг — столярный инструмент для строгания, рубанок.
Сугубый — удвоенный, весьма значительный.
Суций в животе — живущий, живой.
Сый — вечно сущий, вековечный.

Тать — вор.
Твердь — опора, укрепление.
Телеса — тела.
Течь — втти.
Тимпан — барабан.
Тимпан уха — барабанная ушная перепонка.
Титло — титул.
Тля — тление, разложение, прах.
Той — тот.
Токмо — только.
Толико — так, столько.
Томный — печальный, мрачный.
Тоцета — худоба.
Тракт — трактат, договор.
Тук — жир, перегной, удобрение.
Тщиться — пытаться, стремиться, прилагать усердие.

Убо — ибо, поэтому.
Угобжати — удобрять, утучнять.
Ударение — влияние, воздействие.
Удомовить — приручить.
Уды — органы тела.
Улучать — заставить, подстеречь.
Уподроблю — изложу подробно.
Употребитель — потребитель.
Урина — моча
Устерсы — устрицы.

Утщитить — сделать тщетным, напрасным.

Фамилия — семья.
Феатр — театр.
Ферментация — волнение, брожение.
Фухтель — клинок шпаги, удар шпагой плашмя.

Хвилый — хилый, слабый.
Хижина уничтожения — дом бедняка, нищего.
Хил — питательная жидкость.
Хина — хинин.
Хины — китайцы.
Хламида — плащ, мантия.
Хлябь — бездна, пропасть.
Храмина — комната.

Цевница — дудка, флейта.
Ценовка — цыновка.
Цуг — упряжка в несколько пар лошадей:

Чернец — монах.
Чесатель — парикмахер.
Чикчеры — длинные в обтяжку гусарские брюки.
Чиносостояние — сословие.
Чищеба — расчищенный для пахоты лесной участок.
Чрезестественный — сверхестественный
Чресла — поясница.
Чувственница — мимоза.
Чуждоутробный — пасынок.

Шелеры — плети.
Шественник — идущий, путешественник.
Штаб-офицер — высший офицерский чин (от майора до генерала).

Элаборация — претворение.
Эскимы — эскимосы.

Яко — как.
Ям — почтовая станция.
Япанча — епанча, плащ.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Радищев (<i>Вступительная статья И. Я. Щипанова</i>)	5
Путешествие из Петербурга в Москву	49
А. М. К.	51
1 Выезд	52
2 София	53
3 Тосна	54
4 Любани	56
5 Чудово	58
6 Спасская Полесь	65
7 Подберезье	81
7 Новгород	86
7 Бронницы	91
10 Зайцово	93
11 Крестыцы	105
12 Яжелбицы	121
13 Валдаи	123
14 Едрово	125
15 Хотилово	134
16 Вышний Волочок	145
17 Выдронуск	149
18 Торжок	152
19 Медное	171
20 Тверь	174
21 Городня	185
21 Завидово	193
23 Клин	195
24 Пешки	198
25 Черная Грязь	201
26 Слово о Ломоносове	—

Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске	215
Житие Федора Васильевича Ушакова	220
Часть первая	—
Часть вторая	252
1. О праве наказания и о смертной казни	—
2. О любви	264
3. Письма, касающиеся до первой книги Гельве- циева сочинения О разуме	267
Беседа о том, что есть сын отечества	278
О человеке, о его смертности и бессмертии	287
Книга первая	289
Книга вторая	329
Книга третья	362
Книга четвертая	397
Описание моего владения	419
Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назови как хочешь	421
О законоположении	454
Вольность	476
Песнь историческая	493
Мелкие стихотворения	540
Ода к другу моему	—
Ты хочешь знать	542
Почто, мой друг	543
Журавли. Басня	544
Оснадцатое столетие	545
Опыт о законодательстве	548
Книга первая	555
О добродетелях и награждениях	562
[Разрозненные заметки]	567
Письма А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову из сибирской ссылки	571
<i>Примечания</i>	619
<i>Словарь славянских и труднопонимаемых слов и выражений</i>	668

Редактор *В. Козерук*
Переплёт, титул и шмуцтитула художника *Н. Седельникова*
Ответственный корректор *А. Михельс*
Технический редактор *Н. Трояновская*

Подписано в печать 30/VIII 1952 года. А04372. Тираж 50.000 экз.
Бумага 82×108^{1/32}, 10^{10/16}, бум. листов, 34,85 печ. листов, 33,75 над. листов.
Заказ № 3321. Цена 9 р. 35 к.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва, Валуевая, 28.

74

Sp. 85m